

ГЕОРГИЙ ЕРМОЛОВ

ЭПОХА
УТРАЧЕННЫХ
СМЫСЛОВ

Настоящая книга представлена в несколько необычном жанре – исторической аналитики. Используя методологию концептуального анализа, автор – в прошлом один из ведущих аналитиков российских спецслужб – предпринял попытку проследить деформацию, а затем и разрушение мировоззренческой концепции человеческой цивилизации на примере истории России в её бифуркационных точках развития, начиная с XIV в. и до сегодняшнего дня.

В тексте приводится обширный материал аналитического разбора фальсификаций в отечественной историографии на основе большого количества архивных документов, приведённых полностью, без ссылок и сокращений

Книга рассчитана на широкий круг думающих читателей, интересующихся отечественной историей и не зашоренных общепринятыми академическими стереотипами.

Научное определение современности

Монографию Георгия Витальевича Ермолова — аналитика, публициста, поэта — трудно читать. Трудно потому, что книга эта является истинной квинтэссенцией научного анализа реальности. Той реальности, в которой мы живем.

Эпоха утраченных смыслов... увы, трудно найти более емкое определение нашего времени. Автор объясняет нам, почему так произошло, и мнение его четко, взвешенно и подтверждено документами: список источников монографии занимает несколько убористых листов.

Первое, чем восхищает книга — рассмотрение истории с различных точек зрения, буквально от Аристотеля и Тацита до Тойнби и Фукуямы. Такой подход дает возможность понять современную реальность и понимание того, как мы «дошли до жизни такой». В восемнадцати главах анализируются причины современного состояния мировой экономики, политическая основа мировой политики и культуры, даются осторожные прогнозы дальнейшего развития.

Георгий Ермолов обладает широчайшим кругозором, он рассматривает глобальные проблемы как в синхронии, так и в диахронии, поэтому в книге мы видим анализ таких моментов, как становление и развитие либерализма, цифровизация общества, теория элит, демократия и диктат, возникновение и методология науки, глобализация, секуляризация в мире и в России... всего не перечислишь. Необходимо подчеркнуть, как важна в этих современных и большинством признанных процессах роль Просветителя, некогда сказавшего Адаму и Еве: «Будете как боги».

Автор словно под микроскопом рассматривает идеи «модерна» и «постмодерна», смело полемизируя с Дугиным и Фукуямой. Заслуживает внимания тезис, очевидный, но нами обычно не замечаемый: «..Термина (*постмодерн* — М.Ш.), представляющего собой апофеоз бессмыслицы. И в самом деле, что мы видим? «Пост» – после, «модерн» – современность. Таким образом, эпоха постмодерна — это эпоха после современности, то есть эпоха, которая ещё не наступила, иными словами — безвременье — тот же симулякр». И далее: «Постмодернистский мир есть мир, лишенный не только будущего, но и прошлого. Человек, сформированный таким миром, живет в состоянии нравственного хаоса, где не существует ни идеалов, ни традиций. Недаром одним из ключевых заклинаний эпохи стала вездесущая толерантность».

И все это, разумеется, прилагается к России. Как минимум со времен Петра Россия начала терять собственный облик, неотъемлемой частью которого было Православие. «Без Бога в душе, без царя в голове» — вот символ без малого полутора столетий нашей Родины. Вроде бы очевидно, но многие ли обращают на это внимание? Молох потребления узурпирует его. Поэтому автор предупреждает: «Окончательное выпадение из сферы ментального православного мировосприятия явится для русского человека выпадением из сферы человечности». Вот, по нашему мнению, ответ на вопрос, коим является данная книга.

Подобно Оруэллу, Замятину, Хаксли, «Эпоха утраченных смыслов» — книга-предупреждение, книга-пророчество, но — что немаловажно — выполненная не в форме художественной фантазии, а основанная на серьезной доказательной базе.

Больше и не скажешь... Остается выразить благодарность автору, издателю же пожелать продолжать благое дело публикации столь глубоких, всесторонне значимых книг, помогающих ориентироваться в современном мире.

Михаил Шулин

*Всё, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.*

Омар Хайям

Введение

По мнению, общепринятому в кругах специалистов, наступление эпохи «модерн» произошло в XIX веке. Именно тогда, с бурным развитием промышленного производства и совершенствованием экономических отношений, полным ходом пошло формирование индустриального общества. Характерная черта новой эпохи — неуклонное стремление к овладению всем новым и передовым. Широкое распространение стали получать новые философские течения и передовые научные идеи, постепенно размывались разного рода сословные ограничения. За личностью начинает признаваться неотъемлемое право развития исключительно посредством собственных способностей, талантов, предприимчивости. Крестьяне становились торговцами, ремесленники — бизнесменами. Расширились возможности политической и военной карьеры для представителей самых разных слоев общества. Именно поэтому XIX–XX вв. ознаменовались удивительными прорывами в самых разных областях человеческой мысли — это и электричество, и радио, и телеграф с телефоном, и кинематограф — всего и не перечислить!

Однако становление нового индустриального общества в масштабах цивилизации для разных стран проходило в различных временных границах. Например, в Англии необходимые условия создались уже к концу XVII в., Германия подошла к данному рубежу в начале XIX в. В России же, как принято считать, первые попытки модернизации относятся к концу XIX — началу XX в.

Чем же характерен проект, предложенный новой эпохой? Преодолев, наконец, большинство традиционалистских «пережитков», общество устремилось из тьмы веков в светлое будущее, впервые, пожалуй, с нескрываемым облегчением и наивным оптимизмом. Надо признать, что большинство культурологических споров на эту тему носят чаще всего разноречивый характер. Многие исследователи придерживаются точки зрения, что само определение не несет в себе не только нового содержания, но и, собственно, смысловой нагрузки. Мы же будем исходить из того, что без четкого понимания как предпосылок, так и последствий определенной выше «условной» эпохи невозможно расставить необходимые акценты в понимании эпохи нынешней.

Модернизация, индустриализация — процесс вроде бы единый, включающий в себя как дифференциацию социальных ролей, так и предельную концентрацию и интеграцию социальной деятельности, но главная движущая сила процесса, его побудительная причина — неизбывный оптимизм во взгляде на будущее, который объективно является энергетическим двигателем всех революций — социальных, технических, интеллектуальных. «Мы наш, мы новый мир построим» — вот мотив, сопровождающий любой прогресс. Можно сколько угодно проклинать и предавать анафеме Робеспьера или Ленина, но невозможно отрицать, что почти все деятели революционного толка суть продукт секуляризации, отделения знания практического от большинства философских и теологических доктрин. Во главу угла становится Человек как центр мироздания, с собственными эгоцентричными устремлениями, для которого на месте всех предшествующих культов возникает один — культ собственного разума (или безумия), предназначение которого — переделать своего носителя в соответствии с запросами прогресса во всех направлениях общественного бытия — культуре, политике, экономике, философии. Краеугольным камнем становится рациональность, распространяющаяся не только на сферы деятельности собственно индивида, но и на сферы ранее сакральные — природе и мирозданию. Человек — венец творения, хозяин природы, и никто ему не указ.

Весьма показателен в этом аспекте эпизод торжественного открытия Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. По традиции на этих театрализованных представлениях наглядно демонстрируется сжатая история принимающей страны. Часто постановщики прибегают к эпическим аллегориям и художественным гиперболам, но английские режиссеры превзошли самих себя. Невероятно сложные в техническом отношении декорации сменяли одна другую. Вначале зритель наблюдал идиллически пасторальные, красочные живые картины древней Англии, с зелеными полями, цветущими садами, тучными стадами, уютными чистенькими крестьянскими домиками. Затем декорации стремительно менялись, и на смену райским пейзажам взору зрителя являлись уродливые терриконы шахт, дымящие трубы фабрик, гигантские шестерни чудовищных машин и толпы чумазных, изнуренных людей с кирками, лопатами, кувалдами. Так, гордо и цинично, постановщики шоу инсталлировали наступление новой эпохи в истории своей страны, словно переводя на кальку культовую трилогию Дж. Толкиена «Властелин колец», в которой мерзкие орки, управляемые темным колдуном Саруманом, превращают цветущую страну Изенгард в точное подобие ада.

Вообще, Англию можно на полном основании назвать страной-матрицей классического развития капитализма. Зачатки процесса начали проследиваться еще в конце XV в., с момента становления знаменитых мануфактур. Именно там впервые был применен принцип разделения тру-

да. Взлетевшие цены на шерсть побуждали феодалов использовать в своих интересах каждую пядь свободного пространства, любое мало-мальски пригодное помещение. У крестьян отбирали земли под пастбища овец, а школы и монастыри использовали как производственные цеха. Таким образом, агрессивный характер течения процесса привел к тому, что к началу XIX в. английское крестьянство перестало существовать как класс. Лишенные средств существования крестьяне становились бандитами на больших дорогах или бродягами, к ним присоединялись отставные военные и бывшие монахи, так как Генрих VIII не только разогнал монастыри, но и полностью распустил армию. Так Саруман превратил большую часть своего народа в дикие толпы орков.

Век XVII положил конец загнивающему феодализму и дал начало парламентаризму. «Революция» 1688 года, которая, по сути, была бунтом парламента против короля, завершила становление буржуазного принципа во всех общественных сферах. Приближался великий век Просвещения. Т. Гоббс уже создал знаменитого «Левиафана», Дж. Локк развил его идеи в предлиберальной «нетленке» «Два трактата о правлении». Секуляризация знания набирала обороты, раскручивая вслед за собой и маховик науки — алхимик И. Ньютон поражает просвещенный мир вновь открытыми законами. Не отстает и промышленность. Повсеместно внедряется машинное производство, заменяющее ручной труд; толпы «орков» заполняют фабрики и заводы, обучаются работе на ткацких станках и паровых машинах, их рабочий день, что женщин и детей также касалось, достигает шестнадцати часов, условия труда жутчайшие, а нищета ужасающая, потому что они — всего лишь орки, и для Сарумана — расходный материал. Конечно, иногда обезумевшие от голода толпы рабочих поднимали бунты, грабили магазины и громили машины на своих заводах, но все же к XIX в. английский «Изенгард» овладел более 30% мирового промышленного производства, 70% мировой добычи угля и половиной мировой чугунолитейной промышленности.

Существует мнение в среде умов, как авторитетных, так и не очень, что в трилогии Толкиена зашифрована история современной цивилизации. Доказать это трудно. Но еще труднее опровергнуть. Во всяком случае, весьма показательна, что именно Великобритания и именно на Олимпийских играх воспроизвела это высокотехнологичное по качеству и совершенно жуткое по сути действие, демонстрирующее полное пренебрежение божественной человеческой природой и космическим миропорядком в угоду сначала золотому тельцу, а затем и мировому господству. Олимпийские игры, пожалуй, самый представительный общемировой форум с античных времен и по сей день. Именно на нем собираются одновременно представители самых отдаленных и укромных уголков планеты. Поэтому именно Великобритания — родина и оплот либеральной демократии — продемонстрировала всему миру, что моральные ценности,

зародившиеся и вызревшие в ее чреве, будут господствовать на планете фатально и неизбежно, а миллиарды человеческих душ — всего лишь корм для прожорливого монстра по имени Прогресс.

Власть рационализма диктовала свои жесткие условия, и если человек, властвуя над природой, безжалостно уничтожал ее, то всегда находил свой Саруман, захватывающий власть над человеком и уничтожающий его, низводя до уровня орка.

Но что есть «прогресс»? В переводе с латыни — «движение вперед, успех». Если говорить о прогрессе социальном, то он трактуется как переход человеческих сообществ от естественных (примитивных) состояний к состояниям цивилизованным, с опорой на научные, технические, правовые, нравственно-этические достижения.

В эпоху Просвещения вызревает идея, что цивилизация в своем поступательном движении неуклонно идет к прогрессу. Появляется значительное число работ, обосновывающих эту теорию, которые наполняют умы наивных оптимистов иллюзорной гордостью за собственное эго. Но можно ли сказать, что рассмотренная выше модернизация Англии была тем самым прогрессом? Можно ли сказать, что в конце XV в. страна начала движение к цивилизованному состоянию? Если рассматривать научно-технические и политико-правовые достижения, то — несомненно. Если говорить о нравственно-этической составляющей, то это — явный регресс, потому что общество шло не от примитивного состояния к цивилизованному, а в противоположном направлении. Тысячи добропорядочных земледельцев, исправных воинов, благочестивых монахов превратили в разбойников и бродяг. «Прогресс» налицо. И вообще, есть неоспоримая закономерность в том, что на протяжении всей истории часто, при видимом движении вперед, подавляющему числу населения жить становилось хуже. Впоследствии, когда «цивилизаторы» поднаторели в методах манипуляции общественным сознанием, они изобрели иезуитскую формулу для толпы — «временные трудности». Таким образом, прогресс меньшинства становился катастрофой для большинства. Если тех английских крестьян, сгоняя с земли и отрубая им уши, не спрашивали, хотят ли они «прогрессировать», если аборигенов Америки не агитировали добровольно покинуть земли предков и продать собственные скальпы, то деятели Просвещения действовали уже иными методами. Они творили мифы.

Основоположниками одного из самых живучих мифов принято считать Джона Локка и Томаса Гоббса, которые впервые выдвинули идею так называемого «общественного договора». Их озаботило, что человечество непрерывно пребывает в некоем первобытном хаосе «войны всех против всех». Определив отдельную личность как субъект государства, они поставили ее в приоритетное отношение ко всему обществу в целом, а личную свободу возвели в ранг непререкаемой ценности. Таким образом, моделировался принципиально новый тип общества — «граж-

данское», которое само, путем демократических процедур создает целый ряд правовых защитных механизмов от вмешательства в его частное пространство как других членов общества, так и самого государства, а залогом такой свободы является священная и неприкосновенная частная собственность. Так возникла новая прогрессивная доктрина, предписывающая, как «жить в обществе и быть свободным от него». Необходимо отметить, что либералы несколько узурпировали личность Т. Гоббса, так как его идеи в своей основе хоть и пересекаются в некоторых точках с идеями Дж. Локка, но в целом от либерализма весьма далеки. И хотя он, так же, как и Локк, лелеял «священную корову» — частную собственность, но не менее священный трепет питал и к государству, ассоциируя его с мифическим чудовищем Левиафаном. История распорядилась так, что наработки Локка, родившегося на сорок четыре года позже, все же опирались на базовые концепции Гоббса, несколько их расширяя и совершенствуя. Далее по тексту мы еще не раз встретимся с этими неординарными персонажами, поэтому углубляться в тонкости их миропонимания сейчас не будем. Вряд ли найдется кто-то, кто бы отверг комфортные идеи о личной свободе от всех и вся, о гарантированной личной безопасности, об узаконенном праве принимать участие в делах своего государства, которое, в свою очередь, такого права лишено, требовать от общества соблюдения своих интересов, будучи сам от этого общества свободным. Ну не жизнь, а сказка! Сказка, которую вот уже три с половиной века либералы делают былью. Какова эта быль в реальности, мы и будем рассматривать в этой книге.

Сегодня в дискуссиях так называемых «либералов» с «консерваторами» как последний аргумент часто звучит истерический визг: «Вы что, призываете отказаться от общечеловеческих ценностей и вернуться в каменный век тирании?!» Но если следовать логике апологетов Просвещения, то и коммунизм, и фашизм суть прогрессивные идеологии относительно либерализма, который созрел несколькими веками ранее, и не исключено, что удобряли их именно продукты жизнедеятельности последнего. При внимательном прочтении «Доктрины фашизма» Б. Муссолини можно обнаружить немало ее параллелей с «Левиафаном» Гоббса. А что касается коммунизма, то здесь всё еще интереснее. В 1776 году образовался орден иллюминатов. Его отец-основатель Адам Вейсгаупт сформулировал основные цели ордена:

1. Упразднение монархии или какой бы то ни было другой формы правления.
2. Упразднение частной собственности и отмена наследственных прав.
3. Упразднение патриотизма и национализма.
4. Упразднение семьи и института брака, создание системы детского образования в коммунах.
5. Упразднение религий.

Что-то до боли знакомое, не правда ли? Параллели здесь прослеживаются более чем любопытные. Иллюминаты — *illuminatus* (лат.) — просвещенные, просветленные, то есть имеющие непосредственное отношение к просвещению. А. Вейсгаупт был в некотором роде революционером своего времени. Его ключевая идея — объединение просвещенных людей всего мира независимо от их социального происхождения и положения, вероисповедания, расхождения во мнениях и пристрастиях. Он хотел объединить их настолько, чтобы, вместе или по отдельности, все они действовали сообща, как один человек, чтобы, несмотря на разницу в социальном положении, все они относились друг к другу как равные и чтобы самопроизвольно и по убеждению они совершили то, чего не удавалось достичь никакими общими усилиями на протяжении всей истории. Предельно узкий круг сподвижников Вейсгаупта, стоящих во главе ордена, считал, что «просвещены» носителем света Люцифером. Как видим, просвещение — оружие обоюдоострое.

Ну а что касается демократии, то придется возвращаться еще дальше в глубь веков, к старине Аристотелю. Воистину «прогрессивные» идеологии!

Для осуществления эффективного управления всегда необходимы определенные, внешне привлекательные доктрины, оказывающиеся на поверку лишь мифами. Миф о всесиии прогресса в трактовке многочисленных саруманов, пытавшихся внушить человечеству представление о модерне как о вершине истории, привел, в конечном итоге, к бесчисленным бедам и катастрофам, воплотившимся в двух мировых войнах, глобальном ядерном безумии, в шизофрении экологического вандализма.

В джунглях Амазонки еще и сегодня существуют племена, ни разу не видевшие ни одного «цивилизованного» человека. Надо полагать, что эти люди не вчера преобразовались из обезьян, и вряд ли возможно проследить их эволюционный путь. Но факт остается фактом: они живут. Живут без одежды, медицины, нефти, денег. Без *просвещения*. Возможно, они жили еще до нас. Возможно, они будут жить и после нас, если, конечно, плоды просвещения не уничтожат акваторию Амазонки вместе со всей планетой. Им не знакомо понятие оптимизма, как, впрочем, и пессимизма. Они не совершают революций — ни социальных, ни научно-технических, и если они существуют в «естественном» состоянии, то, следовательно, мы существуем в состоянии «не естественном»? Иисус говорил: «Если свет, который в тебе, — тьма, то какова же тьма?»

Английские крестьяне обрабатывали землю так же «естественно». Испытывали оптимизм, когда урожай был обилен, и пессимизм — при засухах и наводнениях. Так было до тех пор, пока к ним не пришли оптимисты, для которых не существовало иных ценностей, кроме собственной прибыли. Затем настал черед просветителей — еще больших оптимистов. Нет никакого сомнения, что большинство величайших умов эпохи Про-

свещения были гуманистами. Ими двигала вера в безграничные возможности человеческого разума. В свое время Т. Гоббс, а за ним и Дж. Локк были убеждены, что с заключением «общественного договора» человечество придет к вечному консенсусу и на земле воцарятся мир и благодать. Благоденствие, по Локку, заключалось не только в неприкосновенности частной собственности, но и в безграничных возможностях ее приумножения. Мог ли он предположить, что при подобных гарантиях любые договоры потеряют практическую силу? Ф. Фукуяма¹ пишет:

«Принцы семнадцатого и восемнадцатого столетий, не задумываясь, посылали на смерть десятки тысяч солдат из крестьян ради собственной личной славы. Сегодняшние руководители демократических государств не поведут свои страны на войну без серьезной причины национального масштаба и еще сто раз подумают перед таким серьезным решением, потому что форма правления страны не позволит им вести себя опрометчиво. И если они на это идут, как в случае Америки во Вьетнаме, их ждет суровое наказание».

Сегодня, в XXI в., мы имеем возможность убедиться в степени личной ответственности руководителей стран — «разносчиц демократии» за развязывание «миротворческих» войн.

Но тем не менее не подлежит сомнению, что вся эпоха модерна была пронизана и движима множественными смыслами. Для одних смысл был в выживании, для других — в обогащении, для третьих — в постижении новейших истин, создании философских школ, накоплении знания, и не их вина, что многие смыслы оказались ложными. Прошли годы, и уже новые теоретики-футурологи пророчат «конец истории» в рамках очередной, еще более эклектичной эпохи. Ф. Фукуяма характеризует нынешнее состояние культуры как время *конца всего*. В понимании постмодерна «конец истории» — это конец самой философии как явления. Человечество в своем развитии прошло все этапы, и ничего нового в плане общественного устройства оно уже не изобретет. Всё, что можно было придумать и опробовать, себя не оправдало. В дымах войн и угаре кризисов куда-то испарилась вера в идеалы и вечные ценности, отмерли идеологии, искусство утратило самоценность, а удел «последнего человека» — это удел циничного критика всего и вся, устремления которого сводятся лишь к непрерывному потреблению.

Так наступила Эпоха Утраченных Смыслов.

---

¹ Фрэнсис Фукуяма (род. 1952) — американский философ, политолог, политический экономист и писатель японского происхождения. Стал известен благодаря книге «Конец истории и последний человек» (1992), в которой провозгласил, что распространение либеральных демократий во всем мире может свидетельствовать о конечной точке социокультурной эволюции человечества и стать окончательной формой человеческого правительства.

1

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Сатана принимает вид ангела света.

2Кор. 11: 14

Материя, воспринимаемая нами на уровне органов чувств, — это лишь самый последний, «грубый» слой многомерной реальности. Современная наука уже давно не отрицает существования других форм материи. Создан разнообразный инструментарий, позволяющий не только фиксировать, но и изучать эти формы. Однако базовые фундаментальные научные отрасли по-прежнему опираются на устоявшиеся традиционные представления, будто не замечая новых реальностей. Наука, с упорством аутиста, продолжает исходить из того, что материя, воспринимаемая органами чувств, является единственной реальностью. Несмотря на то, что дарвиновская теория в среде серьезных ученых уже подвергается обоснованной и аргументированной критике, тем не менее утверждения, что сознание есть всего лишь продукт деятельности мозга, продолжают преобладать в научных кругах. Что уж говорить о такой спорной субстанции, как душа, природа которой остается тайной за семью печатями не только потому, что не поддается научному осмыслению, но и в силу чувства ложного стыда от самой возможности рассмотрения в академических кругах. И дело здесь не только и не столько в косности мышления научных столпов. Осмысление каждым индивидом толпы неизбежно ведет к обретению им той степени личной свободы, которая исключает возможность любой манипуляции, потому что самый действенный способ манипуляции сознанием индивида — это его *физическое отождествление*, когда человеческое существо отождествляет себя с собственным материальным телом. Массовое сознание, по умолчанию властей предрержащих, должно быть гарантированно закабалено стереотипами, ими самими насаждаемыми, так как иначе ход глобальных процессов неизбежно выйдет из-под их контроля. При наблюдении за ходом международных и внутрисоциальных событий и процессов нередко возникает мысль, что они (власти) вроде как и не совсем люди, а вслед за

этим и следующая: а что, если они — *совсем не люди*? Если отталкиваться от сугубо материалистического миропонимания, то такая постановка вопроса отдает откровенным бредом, но если принимать во внимание многослойность строения вселенной, то не вызывает сомнений, что тонковещательные сущности, обитающие в астральных и иных сферах, вполне способны проникать в сознание соответствующих индивидов и подчинять их своей воле. Овеществленная осязаемая вселенная — это всего лишь шахматная доска, на которой располагаются фигуры лишенных свободы воли индивидов. Чем, как не этим можно еще объяснить неудержимую тягу человечества к самоуничтожению на протяжении всей его истории, и в особенности новейшей? Но тем не менее человечество продолжает существовать, несмотря на бесконечные истребительные войны, чудовищные эксперименты в мировой экономике, победное шествие наркотизации, повсеместное насаждение гомосексуализма, глобальные экологические диверсии. Налицо все признаки реализации программы самоуничтожения, на фоне которой мы наблюдаем парадоксальное явление — рост человеческой популяции. Всё это приводит к единственному выводу: на Земле на протяжении всей истории идет непрерывная борьба неких сил за человека.

Эпоха модерна ознаменовалась не только стремительным развитием науки, но и окончательным признанием примата «эго», втиснутого в узкие материалистические рамки. Создавалось и насаждалось устойчивое мнение, что человек, наконец-то, стал учиться мыслить самостоятельно и независимо и это является признаком несомненного «прогресса». В то время еще мало кто задумывался, что выбранный тип прогресса в своем векторе цели не только разрушает гармонию естественного развития, но и создает условия для вселенской экологической и нравственной катастрофы.

Человеческие представления о дьяволе, сатане, Люцифере как о некоем чудовище с рогами и копытами подобны представлениям неандертальца, повергнутого в ужас природными катаклизмами. На деле же все гораздо страшнее.

История Люцифера описана во многих источниках. Будучи изначально одним из высших в иерархии архангелов, он, согласно своему имени — «светоносный», подобен самому Богу. Постепенно осознавая свою власть и могущество, он впал в заблуждение, будто эти качества есть результат его собственного совершенства, а не дарования свыше. Навязчивая идея занять первое место у престола побудила его к созданию некой группы единомышленников. Тонкость игры заключалась в том, что декларируемые им ценности выглядели безусловным добром — он призывал к созданию лучшего из миров. Но как «лучшее — враг хорошего», так и стремление к изменению божественного творчества привело его к отпадению от Бога, а буквально — падению. Так он стал «падшим», или «сатаной»².

---

² Shatan — «противник, свергатель, разрушитель» (санскр.).

Таким образом, из «носителя света» он превратился во владыку темных миров вместе со своими ангелами-единомышленниками, которые впали в зависть и жажду мести за «несправедливое» воздаяние. Как же, ведь они хотели лучшего! Их намерения были исключительно благими, направленными на совершенствование миропорядка. Но все события, происходящие на высших планах мироздания, неизбежно, как в зеркале, находят свое отражение и в нашем мире, порождая всякого рода революционные и бунтарские движения. «Носитель света» дал людям науку и культуру, соблазнив их обещаниями безусловного блага и бесконечного улучшения их жизни.

Сложность восприятия заключается еще и в том, что рассматривать зло некоей прямой противоположностью добра было бы, пожалуй, несколько примитивно. Как и земной шар, имея два полюса непригодного для жизни пространства, несет на себе и некий абстрактный абсолют благодати — экватор, так и абстрактное добро представляет собой «золотую середину», как бы золотое сечение сути бытия. Например, в древних персидских религиях присутствует и другой противник бога — Ариман. По материалам исследований Рудольфа Штайнера³, «аримановские сущности — это особый вид духовных сущностей, стремящихся навязать человеку повышенный интерес ко всему вещественно-материальному, тому, что, например, «машинообразно», механистично. Милее всего для них — новый мир, состоящий из одних машин. По их мнению, в таком виде миру и суждено существовать дальше. Во внешней сфере они стремятся все научные достижения поставить на службу механизации».

Типичный прообраз идеала аримановского мира показан в культовой голливудской трилогии «Матрица», где люди превращены всего лишь в энергетическую подпитку для машин. По сути, Люцифер исполняет роль предтечи Аримана, подготавливая интеллектуальную почву для воплощения его замыслов. Данный тандем воплощает в себе две противоположности одного негативного. При внимательном рассмотрении становится очевидным, что эпоха модерна, в том виде, в каком она состоялась, суть плод деятельности тандема. Внедренные в человеческое сознание мечты о лучшей доле привели к созданию такого типа промышленно-экономической сферы, которая не только поработила собственно человека, но и поставила под угрозу само существование планеты. Прогресс поставил человека в прямую зависимость от машинерии, и сегодня такой «пустяк», как отсутствие самого простого источника энергии, чреват не просто неизбежным хаосом, но и физической гибелью почти всего «цивилизованного» человечества. Характерно, что выжить сможет лишь человечество «нецивилизованное», например дикие племена амазонских

---

³ Рудольф Штайнер (1861–1925) — доктор философии, педагог, основоположник антропософии.

джунглей, и то при условии, что человечество «цивилизованное» не очистит поверхность планеты каким-нибудь ядерным инсектицидом.

Любопытно, что порожденная модерном материалистическая концепция представляет собой самовоспроизводящуюся систему в условиях современной глобальной экономики. Источник энергии системы гениально прост — это непрерывное и всё возрастающее потребление. Для того чтобы источник не иссякал, необходимо постоянно культивировать в людях чувство неудовлетворенности, а лучше — зависти. Самый лучший способ для этого — искусственное создание всё новых потребностей. Ж. Бодрийяр пишет: «Вокруг обладания культурными и материальными благами организуется целая новая концепция классовой стратегии. Ценности и критерии потребления подвергаются мнимой универсализации лишь затем, чтобы еще успешнее привязать „безответственные“ классы (то есть не обладающие властью решения) к потреблению и, тем самым, сохранить для руководящих классов исключительность их власти».

Так формируется мораль рабов.

Рынок представляет собой не что иное, как высокоинтеллектуальное чудовище, регулирующее по своим потребностям процессы собственной жизнедеятельности. Можно привести возражение, что рынком управляют люди, но детальный концептуальный анализ показывает, что ситуация складывается с точностью до наоборот. При малейших метаболических нарушениях в своем организме, рынок заставляет людей проводить очистительные процедуры в виде экономических кризисов и войн. По окончании оздоровительного курса монстр вознаграждает верных нукеров новыми выгодами, нередко превышающими предыдущие многократно. Вся история свидетельствует, что именно после войн и кризисов происходили наиболее заметные экономические «чудеса».

Эпоха модерна знаменита наиболее масштабными экономическими чудесами еще и потому, что она — наиболее кровавая в истории цивилизации. Совершенствовались наука, промышленность, и основной движущей силой прогресса были военные разработки. Всё, что бы ни породила научная мысль, в первую очередь находило применение в средствах и способах массового уничтожения. Продукты благих намерений ученых неизменно находили применение у дельцов от военщины, которые не только всячески поощряли их деятельность, но и щедро финансировали. Поэтому все прогрессивные направления науки неизбежно опирались на запросы военно-промышленной мафии, и, в конце концов, человечество стало ощущать, что в мире происходит что-то алогичное, а всё чаще — страшное. И пока низовое звено глобального проекта трудилось в областях наступательных и оборонных, руководящие группы избирали другой путь — экономический и финансовый.

Еще в 1790 г. в США впервые обсуждалась тема создания Центрального частного банка. Отец-основатель главной банкирской династии

Майер Ротшильд произнес тогда ключевую фразу: «Дайте мне право выпускать и контролировать деньги страны, и мне будет совершенно всё равно, кто издает законы!»

Из письма братьев Ротшильдов, написанного из Лондона одной из банковских фирм в Нью-Йорке, 1863 г.: «Те немногие, кто в состоянии понять систему чеков и кредитов, будут так заинтересованы в ее возможностях, или так зависимы от ее услуг, что от этой группы можно не ожидать никакого сопротивления. Между тем, с другой стороны, большая часть людей будет неспособна по своему уровню умственных способностей понять огромные преимущества, которые капитал извлекает из этой системы, и они будут нести свое бремя, возможно, даже не подозревая, что эта система враждебна, что она наносит ущерб их интересам».

Автор Декларации независимости Томас Джефферсон, став президентом США в 1801 г., однажды заявил: «Если американский народ когда-либо позволит банкам контролировать эмиссию своей валюты, то вначале посредством инфляции, а затем дефляции банки и корпорации лишат людей всего имущества. Я искренне полагаю, что банковские институты более опасны для свободы, нежели регулярные армии».

Глобальный масштаб замыслов Майера Ротшильда нашел свое подтверждение более века спустя, когда в 1910 г. с соблюдением всех правил конспирации на уединенном острове в Атлантике собрались крупнейшие представители международных финансово-промышленных групп: Ротшильдов, Морганов, Заксов, Гольдманов, Рокфеллеров, Куна и Леба. Собрал всех небезызвестный Пол Варбург, потомок семьи Оппенгеймеров. Именно тогда и был составлен секретный план создания Федеральной Резервной Системы. Позже соответствующий закон провели через конгресс абсолютно мошенническим способом, после чего конгрессмен Макфадден однажды констатировал, что было создано сверхгосударство, «управляемое международными банкирами и промышленниками, объединившимися, чтобы поработить мир ради своей прибыли».

Таким образом, заправилам мировой экономики, а точнее — мафии, очень скоро стало ясно, что система, базирующаяся только на войне, недостаточно эффективна. Значительно эффективнее будет система по производству «пустых» денег. На заре перестройки, когда либеральные идеалисты и аферисты внушали массам апологетические постулаты о всемогуществе рынка, который «отрегулирует всё», базово неподготовленная толпа была готова принять на веру их «низкие истины», не будучи избалована ни избытком товаров, ни обилием услуг. Почва была благодатна, так как советский человек не мог себе вообразить, что собой представляет классическое общество потребления. Да если бы даже и мог! Если бы тогда, в 80-х, рядовому советскому человеку показали на экране машины времени его недалекое будущее — с сотовыми телефонами, микроволновками, плазменными панелями, копеечными иномарками, показали бы прилавки

с сотнями сортов колбасы и пестрящим изобилием китайского хлама, то с полной уверенностью можно утверждать, что любой, даже самый верноподданный и идеологически выдержанный индивид, не задумываясь, продал бы советскую родину. Конечно, ведь тот одномоментный экран не отобразил бы убийственное электромагнитное излучение, отупляющее и развращающее воздействие масс-медиа, генно-модифицированную диверсию, бензиновую отраву мегаполисов. Да если бы и отобразил? Сумел бы устоять идеологически выдержанный советский человек? Не факт. «Прорвемся как-нибудь» — вот наше извечное кредо. Наши женщины до сих пор вспоминают гнилую колхозную картошку, вонючую капусту и непрезентабельное нижнее белье в магазинах, будучи убеждены, что нынешнее лукавое изобилие и есть несомненное благо.

Восемнадцатый век, век Просвещения, объединил своими идеями всю Европу, однако общепризнанным лидером являлась, несомненно, Франция — родина непререкаемых авторитетов и столпов: Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье и многих других. Не углубляясь в философские воззрения каждого отдельного представителя, можно тем не менее выделить одну общую направленность их взглядов, а именно — секуляризацию. Даже если некоторые из них и не стояли на позициях откровенно атеистических, то, по крайней мере, исповедовали точку зрения деизма⁴. По их глубокому убеждению, человек, как венец творения, вполне способен самостоятельно, лишь силой собственного интеллекта, не только понять и осмыслить окружающий мир, но и полностью подчинить его своим интересам. Разум, Наука, Прогресс — три «священные коровы» человеческого бытия, опираясь на которые человек способен перевернуть вселенную. Все проблемы и беды цивилизации они объясняли косностью сознания и недостатком просвещения. Изменение реальности существования они видели, прежде всего, в изменении образа мышления. «Измените сознание — изменится реальность» — вот ключевой постулат доктрины просветителей. Утверждение неоспоримое, если принимать во внимание, что мысль материальна. На первый, поверхностный взгляд может показаться, что оно откровенно опонирует предшествующей теологической доктрине о безусловной воле Бога, согласно которой и осуществляются все его планы посредством людей как шахматных фигур. Но только на первый взгляд, потому что они упускали из виду главное связующее звено схемы. Они еще не догадывались, что две противостоящие концепции на самом

---

⁴ Деизм (от лат. *deus* — Бог) — религиозно-философское направление, признающее существование Бога и сотворение мира им же, но отрицающее большинство сверхъестественных и мистических явлений, Божественное откровение и религиозный догматизм. Большинство деистов полагают, что Бог после сотворения мира не вмешивается в полагание событий; другие деисты считают, что Бог всё же влияет на события, но не управляет ими полностью.

деле — две части одного целого. Там, где какие-то вопросы начинают решаться без Бога, на Его место сразу приходит кто-то другой, «светоносный». Наука без Бога — наука для «другого».

Бытийные перемены, пришедшие вместе с эпохой модерна, затронули все стороны человеческой жизни. Положив в основу новой философии всемогущество человека, ее приверженцы тем самым либо отвергли роль Бога в принципе, либо исповедовали деистические взгляды. Опьяненный иллюзией собственного величия, человеческий разум уже не довольствовался границами личного эго, он пошел на интеллектуальный штурм основополагающих принципов мироздания, полагая, что может творить всё по своему разумению и совершенно безнаказанно. Великие и наивные мечтатели той эпохи были искренне убеждены, что несут человечеству счастье. Так, великие просветители исподволь становились предвестниками Люцифера. Его образ так или иначе присутствует во многих традициях и везде наделен одними и теми же характеристиками: безграничная свобода через восстание, абсолютная гордыня, познание в любых формах — как безнравственных, так и вульгарных. Он — своего рода «доброжелательный аспект Сатаны, который своим светом озаряет верный путь к свободе и божественной власти по ту сторону границ творения». Когда познание окружающего мира осуществляется с целью увеличения власти над природой, тогда и наступает торжество носителя света. Куда ведет этот «верный путь», смогли убедиться их далекие потомки, спустя чуть более три века, когда и они сами, и природа оказались на грани уничтожения и исчезновения.

Началом эпохи Просвещения принято считать 1784 год, когда вышла в свет знаменитая статья Эммануила Канта «Что такое просвещение». Мы знаем Канта по многим работам, но пропускаем через себя, как нечто само собой разумеющееся, эту программную статью. Мы полагаем просвещение чем-то безусловно положительным, невзирая на сопутствующие аспекты. «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения». Лениность и трусость — вот те причины, которые препятствуют человеку постигать существо вещей. Императивы Канта, как ранние, так и последующие, побуждают человека лишь к одному — свободе пользоваться своим разумом.

«Для этого просвещения требуется только свобода, а притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться соб-

ственным разумом. Но вот я слышу голоса со всех сторон: не рассуждайте! Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте! (Лишь один-единственный повелитель на свете говорит: рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, но повинуйтесь) Здесь всюду ограничение свободы. Какое, однако, ограничение препятствует просвещению? Какое же не препятствует, а даже содействует ему? — Я отвечаю: публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным, и только оно может дать просвещение людям. Но частное пользование разумом нередко должно быть очень ограничено, но так, чтобы особенно не препятствовать развитию просвещения».

Свобода пользоваться своим умом приносит положительные плоды лишь тогда, когда этот ум базируется не только на некотором опыте предшествующих поколений, но и на некоей нравственной базе, созданной усилиями этих поколений. Просвещение без нравственной базы — апокалипсис.

Возьмем на себя смелость признать, что начало самому процессу было положено одновременно с появлением человека, и первым просветителем стал... Можно догадаться, даже не с трех раз. Яблоко с древа познания — своеобразный информационный чип, внедренный в человеческий организм, — начал свою работу незамедлительно и безотказно. Весьма показательно, что основополагающие идеи просвещения, как то: культ собственного разума, эгоцентризм — такие же ровесники человечества, потому что один в один цитируют классическую фразу библейского Змея: «Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло».

Таким образом, Люцифер взялся за дело немедленно, и уже никогда с тех пор не оставлял человека своими заботами. Результаты не заставили себя ждать. Уже первое поколение людей ознаменовало себя братоубийством. Пожалуй, символично даже то, что именно земледелец (человек *при-земленный*, практический) — Каин убил *пастыря*-Авеля, а не наоборот. Это послужило своеобразным предвестием всего дальнейшего хода истории.

Думается, что не случайно Библия содержит в себе две части: Завет Ветхий и Завет Новый, чтобы всегда можно было сопоставить и сравнить историю человеческой дикости с подлинным торжеством Духа. Учение Христа пробивало себе дорогу трудно и кроваво. Ветхозаветный Просветитель реально ощутил, какую угрозу для его дела представляет предложенная человечеству доктрина. Не будучи намерен отступать от задуманного, он принял вызов, действуя, как обычно, осмотрительно и коварно.

Шаг за шагом, постепенно, Римско-католическая церковь всё больше отдалялась от канонических начал Церкви Вселенской, теряя подлинную

духовную сущность. По сути, она становилась абсолютно светским политическим институтом, не чуждавшимся никаких земных благ и соблазнов. Уже понятно, что одним из главных инструментов в наборе Люцифера является гордыня, мания величия. В 1054 г. папа Лев IX волевым решением подчинил себе все Поместные Церкви. Проявлявший самостоятельность православный патриархат Константинополя незамедлительно был предан анафеме. Таким образом, разошлись пути православия и католицизма, который стремительно обрушивался в сатанинские бездны. В 1215 г. создается инквизиция. Рыцари-крестоносцы по всему миру насаждают «правильную» веру при помощи огня и меча. Долгое время назревавшие внутри самой католической церкви противоречия прорвались, наконец, кризисом Реформации. Так, в XVI в. зародилось принципиально новое религиозное течение — протестантизм.

Прежде чем углубиться в тонкости этого течения, необходимо сразу оговориться: произошло оно из недр самой Римско-католической церкви, и его провозвестники движимы были исключительно благими намерениями и желанием очищения своей Церкви от шелухи и скверны. Одним из основоположников движения стал англичанин Джон Виклиф, автор двух книг с говорящими за себя названиями: «О власти божественной» и «О власти светской», — в которых он определяет папу как самого главного грешника, превратившего свою персону в живого идола, а институт монашества — одним из главных пороков христианства в целом. Поскольку его работы трудно было подвести под обвинения в ереси, Виклифу удалось избежать суда инквизиции и аутодафе при жизни, но примкнувшие к новому течению повсеместно подвергались преследованиям. Так, ректор Пражского университета Ян Гус был отлучен от церкви и после проведенного дознания сожжен. Но, пожалуй, самым заметным последователем движения стал профессор Виттенбергского университета в Германии, доктор богословия Мартин Лютер, автор тезисов об отпущении грехов, в которых гневно обрушивался на практику продажи индульгенций. Кроме того, в многочисленных статьях и памфлетах он награждает Церковь такими эпитетами, как «блудница» и «вертеп разбойников». Выступая за ликвидацию папской власти, он требовал национализации церковной собственности, ликвидацию института монашества, отмены инквизиции. Как и следовало ожидать, Лютер также был обвинен в ереси, но чрезвычайная популярность его воззрений, как у простого народа, так и в значительной части среды элит, помогла ему избежать участи Гуса и Савонаролы. Когда император Карл V на заседании рейхстага поставил вопрос об объявлении Реформации вне закона, значительное число аристократии выразило протест. В итоге противостояние вылилось в открытые вооруженные столкновения, длившиеся более двух десятилетий и завершившиеся в 1555 году фактической победой протестантов. В результате Германия оказалась расколотой по религиозному признаку:

часть земель придерживалась протестантских воззрений, а другая часть осталась в лоне католической церкви.

Логично было бы ожидать, что, осудив Римско-католическую церковь и фактически порвав с нею, протестанты вернуться к церкви истинной, но этого не произошло — вместе с водой был выплеснут и ребенок. Генеральный план успешно претворялся в жизнь, и согласно ему было положено начало новому «улучшенному» толкованию Библии. Вспомним историю Люцифера. Из самых благих побуждений он вознамерился улучшить деяния Бога, утратив веру в его непогрешимость. Таким образом, Лютер, создавая новую Церковь, утратил веру в Церковь апостольскую и тем самым выступил в роли прямого земного последователя своего неявного духовного учителя, а точнее — подстрекателя.

В задачу данной главы не входит детальное рассмотрение коренных различий миропонимания идей Церкви протестантской и Церкви истинной. Достаточно лишь привести здесь блестящую аналитическую трактовку этих различий, данную архиепископом Финляндским Сергием (1867–1943), автором книги «Православное учение о спасении». Он характеризует протестантизм как некое «правовое мировоззрение, в котором отношения Бога и человека подобны отношениям царя и вассала и не имеют ничего похожего на нравственный союз. Бог для человека — лишь средство к достижению благополучия».

«Всё внимание греховного человека устремлено к тому, чтобы не страдать, чтобы получить безбедную жизнь в самоуслаждении, поэтому он не думает много о том, каким путем достигается эта возможность. Добра он не любит, труда над собой ради святости не понимает и боится жертвовать любезным грехом — ему тяжело и неприятно».

Протестантизм учит, что Бог изначально пребывает в состоянии гнева на человека, но, увидев его веру во Христа, Бог смягчается, после чего человек может продолжать грешить уже безнаказанно.

Таким образом, учение Лютера из первоначального посыла благих побуждений плавно перетекает в некую удобную и необременительную для духовной работы идеологию, когда основой обращения становится не покаяние, а всего лишь вера.

«Бог ради нашего Ходатая Христа нас благоволил считать за совершенно праведных и святых. Хотя грех в нашей плоти еще не удален и не умерщвлен, но Он не хочет ведать его и не наказывает за него. Благодаря вере во Христа не считается за грех и недостаток всё то, что в наших делах есть греховного и нечистого. Человек совершенно по своей личности и по своим делам объявляется и считается оправданным и святым».

Абсурдность утверждения очевидна не только с точки зрения апостольских учений, но и с точки зрения элементарного здравого смысла. Из-за каждого слова торчат уши (или рога?) древнейшего «просветителя». Человеку прямо внушается, что нужно лишь *поверить* в собственное

спасение и уже не нужно ни о чем беспокоиться, он автоматически становится «радостным, ликующим чадом Божиим», поощряемым свыше чувством полной безнаказанности. И здесь без труда можно заметить определенную закономерность. В благие намерения Лютера исподволь вползают и намертво влетаются паразиты собственной гордыни и соблазна, потому что сам Лютер не что иное, как продукт воспитания Римско-католической церкви, утратившей наследие подлинной апостольской церковности.

Очередным последователем идей Лютера становится француз Жан Кальвин. Этот антицерковный воитель значительно превзошел своего идейного гуру, как в вопросах теории, так и в методах практической реализации. Отличительной чертой его учения был постулат о предопределении, согласно которому каждому человеку от рождения предписано либо спасение, либо гибель, вне зависимости от его убеждений и поступков.

Проникнувшись реформаторскими идеями, Кальвин навлекает на себя гнев Церкви и вынужденно покидает родину. Пристанище он находит в Швейцарии и через короткое время становится во главе Реформации. Отлично образованный и целеустремленный до фанатизма молодой человек активно издает свои труды, в одном из которых дает жесткое предписание всем гражданам Женевы либо безоговорочно следовать новому вероучению, либо покинуть пределы кантона. Как и в ситуации с Лютером, Кальвин проявил себя как абсолютный продукт Римско-католической церкви. Осуждая Церковь в целом и ее методологию, он тем не менее действовал ее же методами, подвергая инакомыслящих изощренным пыткам и жестоким казням, вследствие чего стал в Женевском кантоне фактическим диктатором. Организовал и собственное «гестапо» — консисторию. Жизнь граждан была теперь жестко регламентирована: всевозможные увеселения и развлечения карались жесточайшим образом, даже запрещалось носить одежду ярких расцветок. Храмы также приводились в аскетический вид, и любые произведения искусства из них удалялись. Новое вероучение его усилиями активно распространилось по всей Европе, что привело к целой череде кровавых конфликтов, вовлеченными в которые оказались не только ортодоксальные католики, но и лютеране.

В своем учении Кальвин развивает идеи Блаженного Августина, сформулированные еще в конце IV в., где человек полностью лишается права свободы воли. Правом на спасение наделяется лишь малая группа избранных самим Богом, вся же остальная масса человечества обречена на вечную погибель. В своем главном, основополагающем труде «Наставления в христианской вере» Кальвин безапелляционно, с каким-то садистским, маниакальным удовольствием утверждает: «Когда мы не понимаем, как это Бог хочет, чтобы происходило то, что он же запрещает, вспомним о своем бессилии и ничтожестве, а также о том, что свет, в котором живет Бог, не напрасно назван неприступным, ибо он окружен тьмою. <...>

Что бы ни предпринимали люди и даже диавол, Бог всегда держит в руках руль».

Иными словами, всякое зло, творимое человеком, как по собственной инициативе, так и по дьявольскому соблазну, совершается не только с молчаливого божественного попущения, но и под Его непосредственным водительством. И здесь уже явно прослеживается стопроцентное лукавое люциферрианское прельщение.

Казалось бы — парадоксально, но, несмотря на ярко выраженную фундаменталистскую направленность, кальвинизм, подобно чумной бацилле, расползается по всей Европе, принимая всё более радикальные формы, пока, наконец, из чисто религиозного движения не преобразуется в политическое, порождая многочисленные конституционные и республиканские теории. Таким образом, была одержана еще одна победа древнейшего «просветителя»: споры либерализма пустили корни. К сегодняшнему дню протестантизм подошел в значительной степени видоизмененными просветительскими теориями. Четко выраженная либеральная направленность, основанная на примате крайнего индивидуализма, возвела эгоцентрические устремления человека в ранг абсолюта. Понятия соборности церковного постижения истины давно отброшены за ненадобностью, как выброшены и сами представления отцов-основателей — Мартина Лютера и Жана Кальвина. «Мавры» свое дело сделали и стали для «просветителя» отработанным материалом.

Рассматривая удивительные исторические параллели, трудно обойти вниманием некоторые настораживающие пересечения идеологий протестантизма и скандально известного на Руси движения «стригольников», породившего впоследствии странное вероучение, получившее в исторической науке наименование «ересь жидовствующих». Ниже мы рассмотрим более подробно природу и происхождение этой «чумы начала XIV века» в России. Несмотря на значительный пространственно-временной разрыв, внешняя схожесть этих вероучений поражает. При поверхностном взгляде может показаться даже забавным, что и в истории различных расколов Россия оказалась впереди планеты всей. Если возникновение протестантизма в Европе датируется первой половиной XVI в., то в России первые поползновения стригольников относятся еще к началу XIV в. Идеи витают в воздухе, и это не подлежит сомнению, но только ли в этом дело? Нет ничего удивительного, что конспирологи различного толка мгновенно усмотрели взаимосвязь между протестантской реформацией и иудаизмом.

История вопроса отсылает нас в 1509 год. Тогда, в ходе ожесточенной полемики между гуманистами и обскурантами⁵, всплыла некая сомнительная личность по имени Иоганн Пфэфферкорн. Не отличавшийся

---

⁵ Обскурантизм (от лат. *obscurans* «затемняющий»), мракобесие — враждебное отношение к просвещению, науке и прогрессу.

какими-либо заметными талантами, писатель из Кельна не снискал авторитета даже в среде единомышленников. Еврей по происхождению, он, по каким-то одному ему известным причинам, вдруг принимает христианство и, как это водится в среде ренегатов, становится самым яростным обличителем и гонителем своих прежних единоверцев. Однако, став христианином, он остался продуктом воспитания своей изначальной религии, поэтому первое, чего стал добиваться, — это изъятия и сожжения всех еврейских книг, кроме Библии, — совершенно в духе идеологов Третьего рейха. Новоявленного адепта оскорбляли усмотренные им насмешки над догматами и обрядами христианства.хлопоты его увенчались успехом, и император Максимилиан издал соответствующий указ, скандальная суть которого всколыхнула общественность, что послужило причиной раскола в среде ученых и богословов. Власти, смущенные таким поворотом событий, приостановили процесс и запросили экспертных оценок. Главным экспертом выступил Иоганн Рейхлин — блистательный философ-гуманист того времени, первый немец гебраист⁶, в совершенстве овладевший еврейским языком. К тому времени Рейхлин — автор целого ряда трудов по еврейской теологии и каббале, которая, по его заключению, представляет собой синтез еврейских, греческих, античных и христианских воззрений.

Рейхлин резко выступил против инициативы Пфэфферкорна, чем и нажил в его лице непримиримого врага. Рейхлин утверждал, что уничтожение книг не только противоречит принципам гуманизма, но и дает в руки евреев лишний козырь в пользу того, что христиане сами сомневаются в правоте своей веры. В итоге он дал совет создать в университетах Германии кафедры гебраистики для углубленного изучения еврейской культуры. Заключение Рейхлина привело Пфэфферкорна в бешенство, и он разразился серией злобных памфлетов, где обвинял его в продажности евреям. В трактате «Ручное зеркало» яростный неопит разоблачал Талмуд и каббалу как главные источники подстрекательства к всевозможным преступлениям против христиан. Его сторону принял Кельнский университет в лице профессора Арнольда Тонгрского и инквизитора Якоба Гохстратена, в результате чего было принято решение брошюру Рейхлина сжечь, а самого автора предать суду как еретика. Однако вся «просвещенная Европа» выразила поддержку Рейхлину в письмах, которые он опубликовал в отдельном сборнике «Письма знаменитых людей» (1514 г.), поэтому разбирательство по его делу было плавно спущено на тормозах.

История, длившаяся без малого десять лет, на первый взгляд могла бы показаться довольно-таки банальной богословской дискуссией, если бы

---

⁶ Гебраистика (от греч. ἑβραῖος — «еврей, еврейский») — совокупность филологических дисциплин, занимающихся изучением древнееврейского языка (иврита) и письменности.

не ее масштаб. Спор, по сути совершенно внутрицерковный, захватил все лучшие европейские умы того времени. И дело здесь явно не в покушении на культурное наследие богоизбранного народа. Латеранский собор⁷ 1516 г. завершил книжную эпопею поддержкой Рейхлина, а уже 1517 год ознаменовался скандальным демаршем Лютера с тезисами, прибитыми к воротам храма. Нет ли здесь некоей опосредованной взаимосвязи? Интересно, решился бы Лютер на столь экстравагантное действие, если бы не победа Рейхлина и его сторонников? Вопрос так бы и оставался открытым, если бы не одно живописное полотно.

Большой друг, почитатель и один из первых исповедников Лютера — Лукас Кранах Старший, — написавший большое количество портретов своего кумира, на одном из них, датированном 1560 г., изобразил отца Реформации с книгой в руках. Еврейской книгой. И, судя по тексту, крупно прописанному, это не было Библией. Известно, что, делая переводы Библии, Лютер пользовался трудами Рейхлина, не будучи сам слишком силен в знании иврита. Рейхлин же, в свою очередь, был не только знатоком, но и приверженцем каббалы. Когда во Флоренции возникла так называемая Платоновская академия⁸, Рейхлин стал активным ее членом. Там он изучил три важнейших иудейских труда: Зогар, Бахир и Йецира. В том же 1517 г. он публикует свою работу «Искусство каббалистики». Лютер работал над переводом Библии с 1522 по 1534 г. и переводил ее непосредственно с оригинала. Так что же за книга изображена на портрете? Крупно прописанные буквы сильно напоминают каббалистические символы. То, что Рейхлин являлся для Лютера безусловным авторитетом, не подлежит сомнению. Ж. Бато⁹ пишет: «Этот ученый гуманист представляет один из совершеннейших типов гуманиста — знатока еврейского народа, который вместе с возвратом к истокам древности, привел к возврату к истокам иудаизма».

Еще при жизни ортодоксальные католики прилепили Лютеру презрительное прозвище «полужид». С позиций сегодняшнего дня уже невозможно утверждать с уверенностью, была ли эта характеристика дана в соответствии с воззрениями или носила буквальный смысл. Во всяком случае, ничего в его биографии не свидетельствует о присутствии в его жилах еврейской крови. Однако в тексте его памфлета «О евреях и их лжи» присутствует большое количество повторяющихся к месту и не к месту эмоциональных утверждений, что сам он «конечно же, не иудей». Деталь,

---

⁷ Латеранский собор — название ряда поместных и вселенских соборов, проходивших в Латеранской базилике или вблизи Латеранского дворца.

⁸ Платоновская академия — религиозно-философский союз, основанный Платоном (Πλάτων) в 380 г. до н.э. близ Афин в местности, названной в честь мифического героя Академа. В Академии разрабатывался широкий круг дисциплин: философии, математики, астрономии, естествознания и других.

⁹ Жорж Бато (1918–2008) — французский публицист.

достойная внимания практикующего психолога. Для некоторых исследователей убедительным аргументом логической связи протестантизма с иудаизмом служит сама методология изучения древних текстов. Докопываясь до истинного смысла первоисточников, реформаторы находили в Ветхом Завете именно то, что там и содержалось, — основополагающие идеи иудаизма. В качестве примера приводится кальвинизм как «модернизированный» иудаизм. Разумеется, такая характеристика вероучения на раннем его этапе вряд ли правомерна, но с течением времени — вполне. Кальвинизм эволюционировал подобно перезрелой девственнице, когда из культа пуританской морали вырождались в либеральную вакханалию и демократическую ересь, что, в конце концов, и привело его к антихристианскому обоснованию капитализма. Кроме того, догмат о предопределении почти буквально повторяет представление иудаизма об избранности и божественном предназначении. Например, В. Зомбарт¹⁰ утверждает безапелляционно, что пуританизм — это иудаизм в чистом виде, и в качестве примера приводит общественно-социальное обустройство Северной Америки начиная с XVI в.: «Америка во всех своих частях есть иудея». Подтверждает это и А. Токвиль в работе «Демократия в Америке»: «Нет ничего более странного и более поучительного, как законодательство того времени. <...> Законодатели Коннектикута занялись сперва уголовными законами; и чтобы их составить, они усваивают странную идею заимствовать из священных текстов: „Всякий, кто будет поклоняться иному Богу, кроме Господа, будет предан смерти“. Засим следует 10 или 12 положений такого же свойства, текстуально взятых из Второзакония, Исхода и Левит».

При детальном изучении жизненного пути Лютера обращают на себя внимание его неоднократные метания от одного полюса убеждений к противоположному.

Лютер происходил из крайне бедной крестьянской семьи, и все надежды родителей были связаны с его будущим. По достижении Мартином тринадцати лет отец отправил его на обучение в церковную школу в соседний город. Средств к существованию там у Мартина не было никаких, и он, терпя насмешки однокашников, пробавлялся милостыней. Однако неожиданно судьба улыбнулась ему. По соседству со школой Св. Георгия жила знатная дама Урсула Котт, жена богатого купца. Часто встречая на улице вечно голодного и несчастного мальчишку, она всякий раз подавала ему щедрую милостыню и, в конце концов, забрала его к себе в качестве приемного сына. Именно благодаря ее заботам и попечению Мартин поступил в знаменитый Эрфуртский университет, где успешно

---

¹⁰ Вернер Зомбарт (1863–1941) — немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры. Представитель немецкой исторической школы в экономической теории, классик немецкой социологии.

получил сначала степень бакалавра, а затем и магистра философии. Следуя пожеланиям своего отца, Лютер начал изучать право и юриспруденцию, но вскоре совершил неожиданный поступок. В 1507 г. он принимает монашеский постриг. Поступок крайне странный и, на первый взгляд, необъяснимый. Пожалуй, ближе всех к его истинной подоплеке подошел Д. Мережковский:

«Как Ветхий Завет относится к Новому — Закон к Благодати, — ответом на этот вопрос будет весь религиозный опыт Лютера. Что такое Закон узнал он по горькому опыту детства, а что такое Благодать — по сладостному опыту юности. <...> Закону научил его отец, а Благодати — та, кто сделалась его второю матерью и, может быть, первою, не в плоти и крови, а в духе, возлюбленной...».

Таким образом, казалось бы, Лютер сделал выбор между служением Закону и служением Вере. Но — странно. Вот что он сам пишет о своем мироощущении в тот период:

«Под наружной святостью в сердце моем было сомнение, страх и тайное желание ненавидеть Бога».

По его собственному признанию, он постоянно слышал голоса, говорившие попеременно: «Идите от меня, проклятые, в огонь вечный!» или «Идите ко мне, проклятые, в огонь вечный!» Лютер пишет:

«Вначале я чувствовал диавола около себя, а потом я ощущал его явно в себе. Имя Иисуса ужасало меня, и когда я смотрел на крест, то видел молнию. Я осужден, проклят Богом. Сколько раз диавол нападал на меня и душил почти до смерти. Я провел более ста ночей в бане холодного пота. <...> Я возмущался и роптал. Мало ему, что он осудил нас на вечную смерть по Закону. Он осуждает нас и по Евангелию. <...> Многие хитрые бесы искушают меня и говорят, будто бы они отвлекают меня от скуки. Шабаш ведьм является одним из таких развлечений».

Однажды, когда в храме читали отрывок из Евангелия о бесноватом, Лютер вдруг переменялся в лице и завопил чужим голосом: «Я не он!», после чего упал и забился в конвульсиях. Во время совершения своей первой мессы он едва не покинул храм в тот момент, когда надлежало произнести: «Тебе, Богу живому, вечному, истинному...» Только стоявший рядом аббат силой сумел удержать его от бегства.

Обвинения Лютера в «иудоизации» появились, скорее всего, после поддержки И. Рейхлина. Позиция самого Лютера носит всё тот же признак раздвоения личности. Он характеризует евреев как отверженный Богом народ со всеми сопутствующими признаками: разрушение храма Соломона, рассеяние по миру, участь изгоев. Он яростно осуждает Талмуд, не имея о нем четкого представления, обвиняет евреев в богохульстве и враждебности христианству. Но одновременно принимается за изучение иврита и трудов самого Рейхлина. Постепенно в сознании Лютера выкристаллизовывается некая компилятивная теория «религиозной

свободы», по сути своей очень близкая иудейской. Популярный еврейский историк Макс Даймонт пишет:

«Согласно еврейской религии, Бог наделил человека свободой воли, а потому он может по своему выбору либо обратиться к Богу, либо отвернуться от него. По еврейским представлениям, не всякая удача обусловлена благословением Божиим» («Евреи, Бог и история»).

В 1521 г. крупная еврейская община города Вормса изъявила желание пригласить Лютера на «творческую» встречу. Лютер приглашение принял и выступил перед собравшимися. Его выступление носило ярко выраженный антихристианский характер, он открыто называл папу антихристом. Однако подобная парадоксальность суждений вызвала у собравшихся горячую симпатию и поддержку, после чего Лютер, со свойственным ему фанатизмом, вступает в борьбу за права евреев. В выступлениях и публикациях он обрушивается на христиан с осуждением их неприязни к евреям, утверждая, что «евреи — лучшая кровь на земле, и только через них Святой Дух пожелал дать Священное Писание миру; они — Божьи дети, а мы — гости и чужие; мы, подобно ханаанской жене, должны довольны быть тем, что, как псы, питаемся крошками, падающими со стола своих господ».

В среде религиоведов и богословов существует мнение, что Лютер тем самым преследовал сугубо прагматические цели, стремясь приобщить к своему движению немалую иудейскую диаспору, что могло подвигнуть к протестантизму ту часть немцев, которая еще колебалась. Однако результат получался весьма сомнительным. Кроме неослабевающего отторжения иудейских догматов, Лютер и лично заполучил клеймо «полужид». Вот уж воистину: Бог шельму метит! В 1530 г. император Карл V созвал Аугсбургский сейм с целью примирения католиков и протестантов перед лицом турецкой угрозы. Рассматривался там и вопрос участия евреев в поддержке протестантизма. Лидеры иудаизма, совершенно в духе своих традиций, не только открестились от поддержки лютеран, но и представили невесть откуда взявшиеся доказательства своего активного участия в защите католиков от преследования их лютеранскими правителями. Это стало последней каплей в довершении бурного, но недолгого романа Лютера и евреев, в результате чего он разразился разгромным памфлетом «О евреях и их лжи». Характер этого труда был настолько радикален, что впоследствии активно использовался в материалах нацистской пропаганды Третьего рейха. Программная часть работы включала семь пунктов:

1. Сжечь все синагоги и школы.
2. Уничтожить дома.
3. Изъять религиозную литературу.
4. Запретить раввинам преподавать, а всех талмудистов посадить в тюрьмы.

5. Запретить иудеям свободное перемещение по стране. Если это не предусматривается законом, то лютеранам предписывалось грабить их на дорогах.

6. Запретить ростовщичество, изъять у них все деньги и драгоценности и передать христианским общинам.

7. Принудить всех молодых и здоровых мужчин и женщин исключительно к тяжелому физическому труду.

Необходимо заметить, что всё вышеперечисленное ни в коей мере не носило национального характера, а относилось лишь к вероисповеданию. Если иудей принимал христианство, он автоматически становился полноправным членом общества. Любопытно, что спустя сравнительно короткое время, некоторые из позиций европейских воззрений на иудаизм найдут свое отражение в политике Ивана Грозного. Ниже мы рассмотрим эти положения более подробно.

Кроме того, в работе Лютера содержится много рекомендаций христианам о том, как вести себя с иудеями, как «реагировать на их козни и разоблачать их ложь». Лютер пишет:

«...они восхваляют себя как благороднейших, более того — как единственно благородных людей на земле; а мы — гоимы, язычники по сравнению с ними; мы в их глазах — не люди, нам грош цена, мы — жалкие черви. И всё потому, что мы не принадлежим к их высокому, благородному роду, у нас не то происхождение и не те прародители. Это — один из их доводов и одно из оснований, опираясь на которое они упорствуют в своей вере и восхваляют себя».

По новому мнению Лютера, иудеи — не избранный, а проклятый народ («дьявольское отродье»), отвергший своего спасителя. Он часто цитирует Иоанна Крестителя, называвшего иудеев «порождениями ехидны». Он осуждает иудеев за то, что хотя они и признают историческое существование Христа, но считают его незаконнорожденным волшебником и инструментом дьявола, а его мать Деву Марию — блудницей.

В продолжение всей работы Лютер обвиняет иудеев в злобе, зависти, ненависти друг к другу, попытках захватить власть для расправы друг с другом, паразитизме:

«Они суть воры и разбойники, у которых нет ни крохи во рту, ни нитки на теле, которую бы они не украли или не отняли у нас посредством их проклятого ростовщичества. Они живут каждый день только благодаря воровству и грабежу, с женами и детьми, как закоренелые воры и оккупанты, в полной и беззаботной самонадеянности. Ростовщик — это закоренелый вор и оккупант, который должен висеть на виселице в семь раз выше других воров».

Лишенное целостности, расщепленное мировосприятие Лютера породило такое же многоликое вероучение, весьма далекое от твердых нравственных критериев. Он писал:

«Пуще грехи, крепче верь и во Христе радуйся. Всё христианство заключается в том, что все наши грехи — не наши, а Христовы... Перескочить от своего греха к праведности Господа и быть уверенным в том, что его праведность — моя праведность — в этом заключается все дело спасения».

Его последователи ликовали: «Мы спасены! Теперь не папа — глава церкви и наместник Бога, а праведность Христа — наша праведность». Перефразируя известного барда можно сказать, что весьма «удобную религию придумали» протестанты.

Зерно вполне правомерного сомнения, зароненное Дж. Виклифом, дало всходы, нисколько не ожидаемые, потому что Реформация очень быстро стала движением исключительно человеческих мотивов. Еще более трех веков оставалось до наступления эпохи Просвещения, а лозунги «освобождения» и «раскрепощения» человека набирали силу. Так подходил звездный час «первого библейского просветителя», который стараниями Лютера не только смутил неподготовленные умы, но и вверх Европу в страшные кровопролития. Самое что ни на есть благое дело — перевод Евангелия на немецкий язык, сделанный Лютером, породил невиданное брожение умов. Одним из главных проповедников нового Евангелия стал францисканец Томас Мюнцер. Под лозунгом «Всё да будет общим» он возглавил крестьянское восстание. Великая французская революция была еще далеко впереди, а призывы к «свободе, равенству и братству» уже проливались потоками крови. Воззвания Мюнцера к народу мutilи разум:

«Бей, бей, бей! Куй железо, пока горячо! Раздувай огонь, не давай мечу простыть от крови, не щади никого!»

Крестьяне захватывали и сжигали замки и монастыри, грабили города. Войска епископа отвечали не меньшими зверствами. Менее чем за год количество жертв с обеих сторон превысило сто тысяч. Сам Мюнцер был схвачен и казнен. Но не успели еще стихнуть отголоски бунта «бессмысленного и беспощадного», как в Мюнстере вспыхнул мятеж анабаптистов. Предводитель бунтовщиков Иоанн Лейденский объявил себя новым мессией и царем Нового Израиля, а Мюнстер переименовали в Новый Иерусалим. И опять же, как предвестье французской революции, началось переименование всего и вся, даже дней недели. Всех горожан принудили вновь окреститься под страхом смерти. Все обращались друг к другу «братья и сестры». Деньги были упразднены, имущество и продукты обобщены, все книги, кроме Ветхого Завета, уничтожены. Повально внедрялся разврат и многоженство. Это маленькое, но абсолютное царство Люцифера просуществовало целых полтора года.

В Европе постепенно набирал обороты зарождающийся капитализм. Церковь призывала к аскезе, опираясь на предостережение Христа, что богатому так же трудно попасть в Царство Небесное, как верблюду пролезть сквозь игольное ушко. В светской сфере декларировался тезис Ари-

стотеля о разумной достаточности богатства. Наступал момент конфликта между молодой парадигмой капитализма и старой, пуританско-католической. В этой ситуации кальвинизм оказался как нельзя кстати, так как обоснование накопления богатства в старой парадигме было затруднительно. М. Вебер, изучая взаимовлияние протестантизма и капитализма, во многом опирался на утверждение Ричарда Бакстера¹¹:

«Если Бог покажет вам, каким образом можно законно получить прибыль большую, чем в другом случае, без вреда для души, и вы откажетесь от этого и выберете меньшую награду своих усилий, то вы повредите вашему призванию, отказываясь быть управляющим у Бога».

Было очень легко подверстать под учение Кальвина об избранности и теорию накопления как дара Божьего. Пуритане, например, разработали вообще виртуозную теорию, снимающую с человека всякую ответственность. Если благосостояние — Дар, то оно никоим образом не может зависеть от человека. Любые человеческие усилия не дают гарантий успеха и не могут ставиться ему в заслугу (подразумевай — и в вину тоже). Всё это в конечном итоге и привело к тому, от чего и предостерегал Иисус. Протестантские страны, добившись наиболее высокого уровня благосостояния, утратили потребность в религии как таковой — там мамона победил Бога. Именно протестантские страны стали первопроходцами в легализации гомосексуализма, однополых браков, легких наркотиков, женского священства.

Но «свято место пусто не бывает». Поклонение мамоне по своей сути тоже религия, сопоставимая по мощи с тоталитарной сектой. Если протестантизм изначально был направлен на очищение христианства, то затем он переродился в некое вульгарное «постхристианство» и, наконец, превратился в откровенное антихристианство, то есть в религию антихриста. Существенным отличием этой религии от всех остальных является ее тотальный характер. Человек может позиционировать себя как католик, православный, мусульманин, атеист и одновременно с этим бессознательно быть преданнейшим адептом Люцифера. Если самому человеку сказать об этом, то он искренне возмутится: «Как же так?! Я ношу крест, хожу в церковь, пощусь, причащаюсь и исповедуюсь, отвергаю всякое зло. В чем же вина моя перед Богом?» И парадокс в том, что, действительно, вина его может быть минимальна. Человек, наживший богатства, многократно превышающие его естественные, демографически обусловленные потребности, вполне может быть добропорядочным и искренним прихожанином, щедрым меценатом, попечителем и благотворителем, но, пребывая в рамках системы успешно, он неизбежно является адептом религии Люцифера — религии капитала, потому что капитализм — это не столько

---

¹¹ Ричард Бакстер (1615–1691) — известный пуританский богослов и общественный деятель.

государственный строй, сколько мировоззрение каждого отдельно взятого человека. Хотим мы того или нет, но без денег невозможно элементарное выживание. Вопрос их количества — это лишь лукавый нюанс. Таким образом, каждый человек современного мира оказывается в западне, ловко подстроенной, и если для человека западного эта западня не создает особого нравственного дискомфорта, то истинный православный исподволь впадает в тихое отчаяние. Нравственные терзания сегодняшнего дня лишь цветочки по сравнению с далеко идущими планами идейных вдохновителей и их клеветов. Православному человеку уже навязаны вещи и явления, нравственно абсолютно неприемлемые, а не за горами и окончательное уничтожение личности в виде пластиковых паспортов и поголовной чипизации.

«Исключительно трагический характер современной эпохи, неслыханное обилие в ней зла и слепоты, расшатанности всех обычных норм и жизненных устоев предъявляют к человеческой душе такие непомерно тяжкие требования, с которыми она часто не в силах справиться. Душа подвергается сильнейшему соблазну либо отречься от всякой святости и предаться пустоте и призрачной свободе цинического неверия, либо с угрюмым упорством вцепиться в обломки гибнущего старого здания жизни и с холодной ненавистью отвернуться от всего мира и замкнуться в себе. Все старые — или, вернее, недавние прежние — устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, изобличая если не их ложность, то их относительность; и отныне нельзя уже построить своей жизни на отношении к ним. Кто ориентируется только на них, рискует, если он хочет продолжать верить в них, потерять разумное и живое отношение к жизни, духовно сузиться и окостенеть, а если он ограничивается их отрицанием — духовно развратиться и быть унесенным мутным потоком всеобщей подлости и бесчестности. Время таково, что умные и живые люди склонны подлететь и отречься от всякого духовного содержания, а честные и духовно глубокие натуры склонны глупеть и терять живое отношение к действительности».

Эти строки, написанные С. Л. Франком еще в 1923 году, с ужасающей точностью укладываются в рамки сегодняшней действительности.

Подавляющее большинство — не герои, они с отвращением и безысходностью принимают «на чело метку дьявола». Отдельные непримиримые выбрасывают паспорта с тремя шестерками или уходят в леса к различным «виссарионам», и в том и в другом случае оказываясь вне социума. Но способность жить вне социума — удел избранных. Основная же масса хочет жить нормальной жизнью. Испытывая нравственные терзания, человек, приходит в церковь, и если видит там возможность спасения, то начинает испытывать иллюзию отрешения от реальности, но это — лишь иллюзия, потому что все равно вынужден работать на хозяина, учить детей в вузах для работы на хозяина, лечиться у хозяйских вра-

чей, платить хозяину подати в виде налогов, пользоваться «услугами» банков и тем самым вынужден быть адептом мамоны. Церковь же, в лучшем случае, помогает поверить, что человек таковым адептом не является, а в худшем — прививает оппортунизм и толерантность к содействию Люциферу. Весь уклад жизни современной России «от А до Я» противоречит канонам христианства вообще и православия в частности. Поль Лафарг¹² в книге «Религия Капитала» писал:

«Капитал — реальный бог, вездесущий, проявляющийся в любых формах, он — и сверкающее золото, и зловонное удобрение... Капитал — бог, которого каждый знает, видит, осязает, обоняет, вкушает; его воспринимают все органы наших чувств. Это единственный бог, который не становится ни с одним атеистом... Получать прибыль — высшая благодать».

Наступление люциферианства приобрело массивный характер в Европе примерно в XIV в., когда в умы и души людей были заронены зерна сомнения о самой сущности религии. Именно тогда, подобно сорнякам, на свет полезли разного рода секты, искажающие, а то и вовсе отвергающие религиозные обряды и христианские догмы. Официальной версией служила идея возвращения к истокам, непосредственно к Библии. Одним из множества возникших течений стала секта «болгарских жидовствующих», продолжательница традиций тайных иудейских сект. Обращает на себя внимание поразительная параллель идеологии европейского протестантизма с идеологией секты. Параллель настолько удивительная, что практически исключает сомнения в источнике происхождения, каким бы невероятным это ни казалось. Действуя во всех направлениях, Просветитель не мог обойти такой существенный вопрос, как вера. Именно с зарождения метастазов сомнения начиналась подготовка решающего удара по католической церкви — Реформация.

Адепты ереси начали с главного: порицалась любого рода обрядность, отвергалась любая церковная иерархия, почитание икон и реликвий; отрицался догмат Троицы, божественное происхождение Христа; отрицалось второе пришествие и Страшный Суд.

Свое название секта получила от ортодоксальных представителей православной Церкви не случайно. Необходимо сразу оговориться: данное наименование ни в коей мере не несет в себе национального подтекста, так как в числе адептов по иронии судьбы (или — Просветителя) преобладали представители самых различных национальностей, но базовые принципы произрастали из самого первоисточника иудаизма — Торы.

Исторически сложилось так, что христианство по отношению к иудаизму производило тот же эффект, что ладан на бесноватого. И это не удивительно, так как основу христианского мировоззрения составляет

---

¹² Поль Лафарг (1842–1911) — французский экономист и политический деятель, один из крупных марксистских теоретиков.

свидетельство Божьего милосердия и искупительной жертвы Христа во имя всего человечества без «различия между иудеем и эллином». Иудаизм же подразумевает исключительные права лишь иудеев на господство над всеми остальными народами. В Талмуде прямо сказано:

«Еврейский народ достоин вечной жизни, а другие народы подобны ослам. Евреи, вы — люди, а прочие народы — не люди. Одни евреи достойны названия людей, а гои... имеют лишь право называться свиньями».

Навевает что-то до боли знакомое: то ли «Майн Кампф», то ли программные документы НСДАП. Не потому ли Гитлер был так настроен по отношению к евреям, что видел в их идеологических постулатах прямую конкуренцию, а учитывая его писательскую методологию, основанную на компиляциях и «выдергиваниях», можно допустить, что он испытывал завистливую ненависть к самим первоисточникам.

Таким образом, Талмуд выводит нравственные критерии своих адептов за рамки общечеловеческих этических и моральных норм. Это уже не просто вероисповедание, это в чистом виде идеология нацистского толка. Предельно четко, как приговор, звучат слова самого Христа: «Ваш отец — дьявол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего». (Ин. 8: 44).

Объяснение истоков идеологии можно найти у святителя Игнатия (Брянчанинова). По его мнению, специфическое истолкование иудеями Священных текстов уходит своими корнями в века, предшествующие Рождеству Христову. Лишившись национальной государственности, они стали ждать пришествия Мессии как политического и военного лидера, призванного повести их за собой к завоеванию мира земного, сулящего земное же преуспевание. Поэтому, когда вместо ожидаемого супергероя на белом коне в сверкающих доспехах появился некто на осле и в рубище с проповедью покаяния и любви, они его не просто отвергли, они его возненавидели. А уж когда Христос изобличил фарисеев и лишил их иллюзий в собственной богоизбранности, это вызвало откровенное беснование. Потому-то и отдали Христа на растерзание римскому прокуратору. Ослепленные люциферовскими прельщениями, они и сами не подозревали, в какую ловушку угодили, потому что с этого момента обрекли себя на вечные гонения, а для самого Иисуса обеспечили вечность. Кстати, стоит задуматься, почему именно к евреям был послан Христос. Не потому ли, что они более чем кто-либо нуждались в покаянии и спасении. Бог дал им шанс, но они его отвергли. Они, как и сам их наставник в свое время, считали себя достойными большего. Возможность ведения открытой войны Просветителем была утрачена, поэтому он изменил тактику, используя в своих целях различные тайные общества, призванные разлагать христианство изнутри. Таким образом, иудейская богоизбранность сменилась избранностью люциферовской. Они, обольщенные и ошельмованные, уже не могли смириться с утраченной надеждой. В Талмуде сказано:

«Евреи приятнее Богу, нежели ангелы. Как человек в мире высоко стоит над животными, так евреи высоко стоят над всеми народами на свете».

Христианская этика, а в особенности православная мораль, встала непреодолимой преградой на пути идеологии Просветителя. Так началось напряженное двухтысячелетнее воинствующее противостояние.

Мало известен факт, что движение протестантизма зародилось отнюдь не в Западной Европе. За столетие до выступлений Виклифа в Англии на Руси в среде православного духовенства стали возникать «смущения умов», выражавшиеся в проявлении недовольства и обличительных выступлениях против «порчи нравов» священства. Если отправной точкой бунта Лютера были индульгенции, то объектом критики на Руси стала так называемая симония — продажа и покупка церковных должностей, духовного сана, церковных таинств, таких как причастие, исповедь, отпевание. В конце XIII в. в свет выходит трактат, неизвестного до сих пор автора, под названием «Власфимия» (в переводе с греческого — поношение, кощунство, хула), который становится своего рода инструкцией по борьбе с симонией. В 1311 г. Тверской епископ Андрей выступил на соборе против митрополита Петра, обличив его как главного потатчика симонии. Епископа Андрея поддерживала большая группа духовенства, а кроме того, на соборе присутствовал клирик Константинопольского патриарха Афанасия, специально присланный для изучения природы конфликта. В результате разбирательства клирик принял сторону Петра, посчитав, что взываемая плата не только имеет место быть, но и вполне умеренная, не противоречащая канонам. Но этим дело не закончилось. Не удовлетворившись решением собора, епископ Андрей отправил в Константинополь монаха Анкидина, дабы заручиться мнением самого патриарха. Был созван большой поместный собор с участием Константинопольского патриарха Нифонта I (Афанасий к тому времени уже умер), патриарха Иерусалимского Афанасия III и тридцати шести митрополитов, который безоговорочно принял сторону епископа Андрея. Великому князю Михаилу было составлено послание, запрещавшее от лица собора сбор пошлин, характеризовавшийся как «продажа благодати Духа Святого». Но решение собора так и не было исполнено, вследствие чего вполне логичное и нравственно обоснованное стремление приверженцев чистоты веры выродилось в еретическое и сектантское движение.

Поистине показательны и удивительны исторические параллели между событиями российскими и западноевропейскими, что уже само по себе не может не наводить на мысль о едином авторстве сценариев, с той лишь разницей, что православная традиция Руси побуждала к обсуждению вопроса и решению его в гуманистическом правовом поле, а традиция Ватикана сводила всё к действиям инквизиции. Тем не менее бесспорно, что смущение умов одних побуждало к ответственному смущению умов других, а отец всех смущений и раздоров давно известен. Очевидно,

что протестное движение так называемых «стригольников» было порождено банальным игнорированием решения Константинопольского поместного собора.

Само название «стригольники» носит презрительно-уничжительный характер и происходит, по одному мнению, от профессии одного из основателей секты парикмахера Карпа. Согласно другой версии — лидером движения был диакон-расстрига Карп. Однако наиболее заслуживающим доверия можно считать свидетельство Иосифа Волоцкого, который в своей книге «Просветитель» упоминает:

«Так, был некий человек, исполненный гнусных и скверных дел, по имени Карп, по ремеслу стригольник, живший во Пскове. Он окаянный, стал родоначальником скверной и мерзкой ереси».

Стригольники отпали от официальной Церкви, не желая признавать иерархов, подразделяя их на праведных и грешных, определяя последних как еретиков. Они игнорировали посещения церкви, противились отпеванию у «нечестивых» иереев. По свидетельству митрополита Фотия, в среде духовенства было немало как самих стригольников, так и разделяющих их взгляды вполне искренне.

В 1383 г. в Константинополь к патриарху Нилу отправился архиепископ Дионисий Суздальский с челобитной уже на стригольников. Ему была выдана патриаршая обличительная грамота. Однако, несмотря на то, что отцы-основатели — дьякон Никита, Карп и еще один неизвестный — были казнены в 1376 г. через утопление в Волхове, движение продолжало распространяться. В специальном послании от 22 июня 1427 г. митрополит Фотий призывал к казням, не смертным, «но внешним, и заточению». В послании «О священническом чину» от 24 сентября 1429 г. Фотий предостерегал от пролития крови и убийства, призывая священников действовать переубеждением. После этого ни в летописях, ни в церковных документах не встречается ни одного упоминания о стригольниках. Лишь однажды, спустя много лет, Иосиф Волоцкий делает краткое упоминание в «Просветителе»:

«Ересь удалось уничтожить лишь тогда, когда посадники по совету благочестивых князей, и святителей, и иных именитых христиан велели схватить стригольников и не оставили ни одного, но всех заточили в темницу, до самой смерти их. Таким образом, удалось искоренить и уничтожить эту соблазнительную ересь».

Как показал дальнейший ход истории, сама ересь была искоренена, но споры остались, и, когда в 1470 г. в Новгороде появился некто Схария, история получила свое неожиданное продолжение. Сведения о нем чрезвычайно скудны и противоречивы. По одной из версий он — не кто иной, как аристократ из Генуи Гизольфи Заккария, владелец княжества на Таманском полуострове. По другой версии — это достаточно известный в те годы киевский ученый Захария Бен Аарон га-Коген, автор переводов ев-

рейской литературы, в числе которых перевод «Логик» Моисея Маймонида и «Шестокрыла» Эммануила бар Якоба Бонфилса. Так или иначе, но Схария появился в Новгороде под легендой купца, в компании князя Михаила Александровича, брата киевского князя Симеона. Дальнейший образ его действий заставляет более склоняться ко второй версии его личности. Разносторонне образованный, отлично ориентирующийся в естественных науках и, по словам Иосифа Волоцкого, «наученный всякому изобретению злодейства, чародейству и чернокнижию, звездозаконию и астрологии». Одним словом — типичный резидент Просветителя.

Сегодня уже достоверно установлено, что Схария принадлежал к древнейшей иудейской секте караимов, запустившей щупальца не только по всему Ближнему Востоку, но и в Европу. Караимы активно использовали в своих практиках пособия по мистике, астрологии, каббалистике. Историк С. Соловьев отмечает, что деятельность Схарии была на удивление продуктивна. Он также упоминает о «пятерых помощниках, также жидях», о которых ничего доподлинно не известно, но в различных источниках упоминаются Иосиф Шмойло Скарывый и Моисей Хануш. Соловьев характеризует эту ересь как «смесь иудейства с христианским рационализмом, отвергающим таинство Святой Троицы и божество Иисуса Христа».

Поражает воображение скорость и внешняя легкость, с которой Схария добивался соращения умов, тем более что дело касалось умов не простых и темных обывателей, а достаточно искушенных священнослужителей. Первыми жертвами стали новгородские священники Дионисий и Алексей. Вот как об этом повествует С. Соловьев:

«Поп Алексей назвал себя Авраамом, жену свою Сарою и развратил, вместе с Дионисием многих духовных и мирян. Но трудно понять, чтобы Схария мог столь легко размножить число своих учеников новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства... вероятно, что Схария обольщал россиян иудейскою каббалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей... искали в ней разрешения всех важнейших задач для ума человеческого. Каббалисты хвалились, что они знают все тайны Природы, могут изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать духами...»

Сила воздействия была такова, что новообращенные изъявили готовность произвести над собой обряд обрезания, но наставники строжайше им это запретили, потребовав сохранять тайну обращения, выказывать всячески показное христианское благочестие. Обращает на себя внимание факт, что удар был нанесен прицельно и точно — по священникам и особо влиятельным фигурам из числа боярской элиты. Такая тактика не вызывает сомнений в том, что цели миссионеров были глобальными и далеко идущими. Подрыв основ православия в то время был идентичен

подрыву основ русской государственности и грозил, ни много ни мало, национальной катастрофой. Строгая конспирация быстро разрастающейся сети и, вслед за этим, внезапное исчезновение миссионеров наводят на мысль, что это была тщательно спланированная, виртуозно проведенная и организованная на самом высоком уровне идеологическая и нравственная диверсия. Истинные кукловоды остались, как всегда, в тени, но с позиций сегодняшнего дня уж слишком хорошо узнаваем их почерк!

Итак, смертоносная инфекция продолжала поражать все новые органы национального организма. В среде исследователей имеет место мнение, что «новообращенные» Дионисий и Алексей являлись тайными приверженцами вышеупомянутых стригольников, поэтому пропаганда Схарии попала на уже подготовленную почву. Сегодня эту точку зрения невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Если же допустить, что это действительно так, то возникает вопрос: каким образом миссионер вышел именно на них? Так или иначе, но завербованные предельно четко выполняли инструкции, настолько, что снискали себе широкую популярность в православной среде. Приехавший в Новгород в 1479 г. Иван III был уже немало наслышан о праведной жизни и великом благочестии законспирированных еретиков. Он не преминул встретиться с ними и в ходе бесед был восхищен их образованностью и живостью ума. Итог встречи — перевод в Москву обоих, со значительным повышением в статусе. Алексей назначен протопопом Успенского кремлевского собора, а Дионисий — священником в Архангельский. В столице они быстро приобрели немалый авторитет и влияние, посредством чего активно принялись распространять свое учение в среде высшей знати и духовенства. Внешняя привлекательность прозелитов объяснялась неукоснительным соблюдением внешнего благочестия, образованностью и эрудицией, наличием незнакомых и загадочных для того времени книг, умением виртуозно вести дискуссии. Среду высшего боярства привлекали также и практические соображения: среди них было немало недовольных монастырскими вотчинами, против которых активно выступали сектанты. В результате усиления воздействия на умы, под их влияние подпали невестка великого князя Елена и влиятельнейший дьяк посольского приказа Федор Курицын вместе со своим братом. Дело стало приобретать все более серьезный оборот, тем более, что муж Елены — Иван Молодой — на тот момент являлся наследником престола.

Всю опасность создавшегося положения первым осознал владыка Геннадий. Незамедлительно объявив розыск, он сделал доклад великому князю и митрополиту Геронтию, который был уже в преклонных годах, самого Геннадия недолюбливал, с великим князем также имел отношения напряженные, а опасение навлечь на себя немилость мощного придворного лобби не позволило ему принять надлежащих мер. Всё это привело к тому, что после смерти Геронтия сектанты сумели протолкнуть в мо-

сковские митрополиты либерала и гуляку, симоновского архимандрита Зосиму. Митрополит Иоанн (Снычев) пишет:

«Новый еретичествующий митрополит был предан обжорству и плотским страстям. Когда вино делало его откровенным, он высказывал мысли соблазнительные и богохульные: что Христос сам себя назвал богом, что евангельские, апостольские и церковные уставы — всё вздор, иконы и кресты — всё равно что болваны...»

Делу удалось дать ход должным образом лишь после того, как к усилиям архиепископа Геннадия присоединился преподобный Иосиф Волоцкий. Их совместными настояниями был созван собор, предавший еретиков проклятию. Секту разогнали, частично отправив в ссылку, а наиболее злостные, по распоряжению Геннадия, были преданы гражданской казни. Их посадили на лошадей задом наперед, одели в вывернутую одежду и берестяные шапки, обернутые соломой, с надписями «Се есть сатанино воинство», и возили по улицам, после чего зажгли на головах солому.

Но даже такие радикальные меры не смогли искоренить дьявольские побегии. Ссылкам и казням было подвергнуто лишь низовое и среднее звено, в то время как сам Зосима еще более двух лет продолжал занимать свой пост, а главные покровители оставались при дворе, и теперь уже сын Елены Дмитрий после смерти Ивана Молодого был объявлен наследником престола. Проблема окончательно перешла из сферы духовной в политическую, так как продолжать дело по искоренению ереси можно было, только примкнув к партии великой княгини Софьи и Василия, противостоящей Елене.

Противостояние, продолжавшееся еще несколько лет, наконец-то принесло свои плоды. В 1500 г. лишился своего влияния Федор Курицын, а через два года опала постигла и Елену с Дмитрием. Наконец, решением Собора 1504 г. ересь была официально искоренена, а главные адепты осуждены на казнь. Однако казни подвергли лишь самых отъявленных. Помимо великого князя, бывшего противником смертной казни, серьезные разногласия по данному вопросу возникли и в среде духовенства. В частности, белозерские старцы настаивали на немедленном возвращении раскаявшихся в лоно Церкви, допущении их к причастию и отвергали смертную казнь совершенно. Преподобный Иосиф оставался непреклонен, чем впоследствии неоднократно навлек на себя обвинения оппонентов, как от Церкви, так и от исторической науки. Бердяев характеризовал его как «представителя православия жестокого, почти садического» и именовал «роковой фигурой не только в истории православия, но и в истории Русского царства».

Конечно, с точки зрения «общечеловеческих ценностей» это может быть и так, но, экстраполируя ситуацию, нетрудно увидеть, что не случись преподобного Иосифа в те непростые годы и не займи он такую непримиримую позицию, то история государства Российского пошла бы

по совершенно иной колее. Те сложные годы как никогда ярко показали насущную необходимость соблюдения и сохранения «симфонии властей» — церковной и государственной, потому как одна без другой попросту не смогли бы состояться. Кроме того, этот более чем тридцатилетний период выявил насущную необходимость в просвещении истинном, потому что просвещение люциферовское и плоды приносит соответствующие. Наука без Бога напоминает человека с завязанными глазами на маленьком пяточке, вокруг которого пропасть, а обладание знанием, даже истинным, человеком нравственно незрелым или порочным равнозначно обладанию дикаря ядерным оружием.

Именно тогда владыка Геннадий поднял вопрос о создании школ, так как в ходе борьбы остро нуждался в соратниках и не мог найти ни одного по-настоящему образованного человека, кроме Иосифа. Победа владыки Геннадия была обусловлена громадной гуманитарной работой по переводу и сбору книг Священного Писания, потому что до этого на Руси не было даже полной Библии. Писание существовало лишь в виде отдельных книг в крайне ограниченном количестве. Еретики коверкали псалмы, а у православных не было ни одного надежного списка Псалтири. Не меньший вклад внес и Иосиф. Помимо известного «Просветителя», он переписал и собрал большое количество богословских трудов и основал крупнейшую волоколамскую библиотеку.

Очевидно, что «древнейший просветитель» начал реализацию своего плана именно с православной Руси не случайно. Добейся он успеха на этом поле, дальнейшее пошло бы уже по накатанной колее — «просвещенная» Европа не представляла для него большой проблемы, и весь дальнейший ход мировой истории это подтвердил. Потерпев поражение здесь, он не мог предпринять ничего иного, как переключиться на Западную Европу. Несомненно, он учел свои ошибки и просчеты, а в безуспешной борьбе с православием приобрел бесценный опыт. Римско-католическая церковь не смогла справиться с тем, с чем справилась Церковь Православная в лице владыки Геннадия, преподобного Иосифа Волоцкого и множества сподвижников, имена которых затерялись в лабиринтах истории, в результате чего Европа получила протестантизм с морями крови и далеко идущими последствиями. Если бы на Руси не случилось личностей, подобных Волоцкому и иже с ним, сегодня мы бы жили в другой стране. Если бы вообще жили.

2

СИМВОЛ И ЦЕЛЬ

По плодам их узнаете их.

Мф. 7: 16

В определенных кругах специалистов существует мнение, что рассматривать Россию как «метафизический объект, неподвижный и всегда равный самому себе» является методологической ошибкой. Например, С. Гавров¹³, справедливо критикуя мифологизацию отечественной истории, аргументирует это тем, что в ходе исторического процесса многократно изменялись не только географические границы страны, но и состав народонаселения и соответствующий этому «культурно-цивилизационный ландшафт». В нашей истории он видит целых пять совершенно различных России: Киевскую, татаро-монгольскую, Московскую, Петровскую, Советскую. Но наряду с этим он делает абсолютно верный вывод:

«Российская имперская система сохраняется на уровне ментальных стереотипов, когда любые либеральные инновации либо отторгаются, либо трансформируются до состояния релевантности системе».

Однако налицо некая странная некогерентность высказывания. Вменить это в вину уважаемому ученому опрометчиво. Он, как человек с солидным академическим опытом, не может не принимать во внимание определенные законы социальной психологии, согласно которым перечисленные выше признаки неизбежно должны повлиять на формирование ментальных стереотипов. Но вместе с этим много лет назад Г. Лебон¹⁴ пришел к выводу:

---

¹³ Сергей Гавров (род. 1964) — российский философ, социальный антрополог, политолог. Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Института социальной инженерии МГУДТ, профессор РосНОУ. Известен как российский эксперт в области социальной модернизации западных обществ, прежде всего России.

¹⁴ Гюстав Лебон (1841–1931) — французский психолог, социолог, антрополог и историк.

«Исследуя один за другим различные факторы, способные действовать на психологический склад народов, мы можем всегда констатировать, что они действуют на побочные и непостоянные стороны характера, но нисколько не задевают его основных черт, или задевают их лишь путем очень медленных наследственных накоплений.

Из предыдущего никак нельзя заключить, что психологические особенности народов совсем не подвергаются изменениям; но только то, что подобно анатомическим, они обладают очень большой устойчивостью».

Как бы кощунственно с профессиональной позиции историков это ни звучало, но вся историческая наука, в том виде, в каком она сформировалась, — не что иное, как миф, рожденный этими ментальными стереотипами. Российский миф — это единая Богоданная имперская держава, и другого мифа, как и другой истории, у России на сегодняшний день нет. Формирование этих стереотипов берет свое начало в эпохе Киевской Руси и развивается параллельно становлению русской народности. Именно поэтому любая модернизация, осуществляемая по имперской модели, если и затрагивает какие-то стороны повседневной жизни народа, то только негативным образом, усугубляя и без того бедственное его положение. Процессы же насильственной европеизации затрагивали в основном элиты, которые в свою очередь либо тайно им противились, либо принимали слепо, в вульгаризированных формах. В чем же здесь дело? Почему «умом Россию не понять, аршином общим не измерить»?

Основная трудность понимания России западным миром заключается в специфичности ее восприятия глобальными элитами. Весь процесс формирования Руси состоял в упреждающем вписывании различных автономных регионов, без их разрушения и даже деформации. Таким образом, в ходе исторического процесса Россия стала не просто конгломератом разрозненных национальных и социальных культур, а совершенно уникальной региональной цивилизацией. Россия каким-то удивительным образом сумела сохранить в неприкосновенности огромное количество самобытных культур всех вошедших в нее народов и племен. Подавляющее большинство населяющих ее этнических групп сформировались как нации в ее составе именно благодаря «имперскому» мышлению, а не вопреки ему. Дело в том, что в России это мышление, ставшее воистину притчей во языцех, всегда реализовывалось кардинально иначе, чем в конгломератах. Если пролистать назад страницы мировой истории, то мы увидим, как имперское мышление Испании уничтожило под корень культуры инков, ацтеков, майя. Мышление Англии реализовывалось в диких охотах на аборигенов Африки и Австралии, в работорговле, вечной войне с Ирландией и непрекращающемся противостоянии с Шотландией. Имперское мышление Германии вообще не нуждается в каких-либо комментариях на протяжении всей своей истории. Даже мышление Польши наложило свой отпечаток на судьбы соседних народов, в частности — Украины,

что сегодня благополучно забыто новоявленными самостийниками. А уж результаты имперского мышления паталогических разносчиков демократии — США и их сателлита Канады — вообще подпадают под статью Гаагского трибунала, когда от многомиллионного коренного населения остались лишь географические названия. Ничего подобного в российской истории не было даже близко.

Одной из ключевых проблем русской цивилизации был чаще всего перманентный антагонизм между субъективными векторами целей ее правящей элиты и объективными векторами целей ее народов. Это имело место, к счастью, не всегда, но очень часто в историческом продолжении смены элит. Ниже мы рассмотрим один из таких периодов, бесконечно искаженный и фальсифицированный как отечественными, так и зарубежными историками.

Первым серьезным испытанием в становлении русской национальной и державной идеи был «импорт» христианства из Византии, в результате чего концептуальная власть древнеязыческого жречества прекратила свое существование. Историки (официальные и «воинствующие») много поломали копий в спорах о роли христианства вообще и православия на Руси в частности. И по сей день сохраняется немало приверженцев древнеязыческих славянских идолов, а ярые ненавистники православия не скупятся в навешивании всевозможных ярлыков. Нужно признать, что христианство свирепо уничтожало и саму языческую культуру, и ее памятники, и ее носителей. Но факт состоялся: именно православие, по выражению митрополита Иоанна (Снычева), изъяло Россию из чудовищной тьмы язычества. Противники пеняют, что именно библейские инверсии целей сделали возможными феодальную раздробленность, поражение при Калке, нашествие Батыя и иго. Вопрос неоднозначный, но общеизвестен факт, что татаро-монгольские завоеватели проявляли к православия особое отношение. В 1267 г. хан Менгу-Темир издал указ, согласно которому надругательство над православием каралось смертью. Трудно сказать определенно, чем было вызвано такое отношение агрессора к вере покоренного народа. Надо признать, что, несмотря на жесткий многовековой прессинг, язычество в тех или иных формах всё же проникало в христианство, и многие процессы на Руси и по сей день идут на уровне двоеверия, что нередко служило причиной расколов в обществе. Мирозрение подвижников Православной Церкви, православного катехизиса в своей целостности ближе к целостности Корана, а не к Библии. В этом секрет отсутствия в России устойчивой религиозной вражды мусульман и христиан, хотя догмат о Троице и Боге Сыне всегда разделяет обе религии и два мирозрения. По этой же причине православная христианская Россия смогла стать великим многонациональным царством уже к XVI в. Всё это лишний раз доказывает, что хотя выбор веры на Руси был в большой мере явлением случайным, но он свидетельствует о некоем

промыслительном событии, потому что с тех пор этот выбор неизменно вызывал у одних противников чувство несомненного уважения, а у других — постоянной мистической ненависти. После того как первоначальные попытки Ватикана оградить Русь от влияния Византии и подмять государство восточных славян под себя провалились, Рим, как прямо, так и косвенно, начал проводить откровенно подрывную деятельность. Если рассматривать глобализационную стратегию сегодняшнего дня на фоне мировой истории, то необходимо вспомнить такой парадоксальный, на первый взгляд, факт, что в окружении Батыя в качестве военного и политического советника некоторое время успешно действовал резидент Ватикана, рыцарь ордена Святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен. Именно благодаря его стараниям Великий западный поход 1235 г. имел неожиданное завершение. Согласно завещанию Чингисхана, вектор движения монгольской конницы должен был быть направлен на Западную Европу, вплоть до «последнего моря», но, вместо этого, после покорения Волжской Булгарии Батый с половиной войска повернул на Русь. В ходе военной операции были уничтожены Рязань и Владимир; дальнейшей целью обозначался Новгород как основной оплот российской православной государственности. Показательно, что именно в этот период, когда угроза монгольского нашествия как никогда явно нависала над Европой, Ватикан снаряжал один за другим крестовые походы на Новгород. Воистину, неисповедимы пути люциферианского мышления! Даже угроза сожжения и разграбления Европейского континента отступала на второй план перед ненавистным жупелом православия. Либо в Ватикане были абсолютно уверены в успехе миссии рыцаря Альфреда.

Вообще, рассмотрение вопроса глобализации представляется целесообразным начинать с истории первых крестовых походов. Неожиданное военное возбуждение в Западной Европе XI в. приобрело характер своеобразной истерии в XII–XIII вв. Основным направлением крестоносной экспансии был, несомненно, Ближний Восток, но еще в 1147 г. папа Евгений III стал вдохновителем первого крестового похода против славян. С тех пор экспансионистская политика Ватикана только наращивала обороты. К началу XIII в. под властью папы Иннокентия III была уже почти вся Европа. Дело оставалось за малым — сломать Россию, и тогда уже полностью весь христианский мир подпадал бы под пяту Ватикана. Не решаясь на открытую агрессию, папа посылает к русским князьям и православным иерархам несколько делегаций, одну за другой, с вкрадчивыми и льстивыми уговорами подчиниться власти Ватикана, но все они встречают на Руси сдержанное, но твердое отвержение. В Национальном художественном музее Беларуси висит живописное полотно художника Неврева «Роман Галицкий принимает послов папы Иннокентия III», которое красноречиво изображает ответ князя Романа на предложение папского посланника.

Убедившись в тщетности методов обольщения, Ватикан начал длительную и многоходовую военную агрессию.

Показательно, что на протяжении всей истории Россия никогда не лезла в Европу, а православие не декларировало целей ликвидации католицизма. Вообще, в тот период истории, в отличие от современности, на Руси не было не только хоть какого-то преклонения перед европейскими ценностями, но и мало-мальски значимого отношения к ним, скорее, наоборот, иностранцы были неотъемлемой частью российского бытия.

Выше уже говорилось, что, несмотря на жесточайшие меры, древнеславянское язычество каким-то уникальным образом сумело сублимироваться в узких канонах православия и неразрывно с ним сплестись. Посланная князем Владимиром делегация при выборе культового ритуала не проводила, по существу, никакого сравнительного анализа священных писаний, производных от них догматов веры и социальных последствий их введения. Предварительно Владимир ознакомился с различными вероисповеданиями. В 987 г. у него состоялась встреча с послами различных народов, в числе которых были католики, магометане, иудеи и православные. Дольше всех он беседовал с православными, после чего и отправил десятых «добрых и смысленных мужей» для изучения вопроса на местах. Возвратившиеся послы пребывали в полной эйфории от впечатлений богослужения в храме св. Софии Царьграда: «Мы не знали, где находимся: на небе или на земле. Недаром бабка твоя, княгиня Ольга, мудрейшая из людей, приняла греческую веру».

Вот таким бесхитростным образом проявил себя русский менталитет в важнейшем духовном вопросе. Никакого рационализма, расчета, анализа, только чувства. Забавно и грустно, что навязанный лукавый слоган «Голосуй сердцем» сыграл злую шутку с Россией уже во второй половине 90-х гг. прошлого века. Но что поделать — вспомним старину Лебона. И еще вспомним, что истинная вера — это вера сердцем, а не умом, и в этом вся глубинная суть православия.

Нет никаких сомнений, что формирование национального менталитета напрямую зависит от генетической памяти поколений, поэтому православие в России определено, в духовном плане, является логическим и более совершенным продолжением древнеславянского язычества, что тоже явление промыслительное, подтверждений чему и по сей день более чем достаточно. Католицизм же был и остается явлением совершенно чуждым. Именно поэтому любая экспансия Запада — военная или духовная — всегда воспринималась здоровой частью русского общества в штыки.

На Руси, в продолжение всей истории, происходили по преимуществу модернизации двух типов: имперские и либеральные. Имперские ломали русскую сущность через колено, а либеральные, подобно змее, ласково и обольстительно вползали в бытие нации, выедавая изнутри все ее

здоровые клетки, обещая в недалеком будущем неисчислимые блага, которые оборачивались пошлейшим и беспардонным ограблением по иудейской отработанной схеме. Имперские модернизации — первопричина антагонизма вектора целей правящей элиты и вектора целей народа. Либеральные — почти всегда — следствие экспансии западнических идей. Позднее мы рассмотрим эти вопросы более подробно. Причина отторжения западнических идей уже нами рассмотрена. Имперский же метод имеет более многосторонний аспект, и сейчас мы коснемся темы, которая на протяжении многих веков — табу для официальной исторической науки.

Не оспаривая точку зрения С. Гаврова, следует все же учесть и другой фактор мифологизации российской истории, а именно — злонамеренное легендотворение. Пожалуй, одной из главных жертв этого действия можно признать первого самодержца российского, государя Ивана IV Грозного. Общеизвестный, писанный веками портрет выглядит как образ кровавого самодура, садиста-убийцы, пьяницы и развратника. Но вот — парадокс! Из всех царствующих особ только ему, этому чудовищу во плоти, посвящены народные песни и былины.

Первый русский царь Иоанн IV родился 25 августа 1530 г. в селе Коломенском. Время было крайне непростое. Многочисленные враги, как внешние, так и внутренние, всячески препятствовали укреплению Руси. Еще в младенчестве Иван осиротел. Вначале, при весьма странных обстоятельствах, умер его отец — великий князь Василий III, а затем была убита и мать — Елена Глинская. Период фактического безвластия ознаменовался чередой нескончаемых беспорядков и беззаконий, заговоры и дворцовые перевороты следовали один за другим. Основными фигурантами подковверных и открытых интриг были два боярских рода — Шуйских и Бельских. Собственно, именно их бесконечные трения и послужили причиной того, что личность молодого Ивана как-то ускользнула от пристального внимания Боярской думы, которая, венчая его на царство, всерьез не восприняла новоиспеченного великого князя. И в этом был главный просчет боярской мафии, ведшей страну по пути разрухи и беспредела, потому что очень скоро молодой государь не только вышел из-под их контроля, но и железной рукой начал наводить настоящий государственный порядок, который, вне всякого сомнения, можно назвать первой российской модернизацией, и основная особенность ее заключалась в исключительно национальном характере. Он категорически отвергал западничество, считая его чрезвычайно вредным для Руси.

Началом реформ Грозного можно считать речь, произнесенную перед народом на первом Земском соборе 27 февраля 1549 г. Девятнадцатилетний государь вышел на площадь и, поясню поклонившись на четыре стороны, произнес:

«Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне, будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла:

могу только спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду, соединимся все любовью христианскую. Отныне я судья вам и защитник».

Вот так, просто, с юношеской непосредственностью и подкупающей открытостью, молодой царь в короткой фразе высказал и свое личное отношение к боярскому беспределу последних лет, и свои дальнейшие намерения, и необходимость всеобщего примирения. И уже на следующий день был обнародован указ о преобразованиях в сфере судопроизводства, согласно которому все мелкопоместные дворяне подлежали лишь государеву суду, а суды боярские упразднились. Показательно, что в первую очередь он обратил свой взор на совершенствование правовой системы, в результате чего была проведена судебная реформа, родившая на свет новый свод законов — Судебник. Данный документ не только жестко регламентировал порядок судопроизводства, но и целиком и полностью основывался на укоренившихся обычаях. Франк Кемпфер в книге «Русские цари» отмечает, что русское судопроизводство тех лет всегда поражало иностранцев своей четкостью и продуманностью, так как нигде в Европе тех лет еще не существовало ничего подобного уголовно-процессуальному кодексу, а все базировалось на расплывчатых положениях римского права и прецедентном принципе. Параллельно с судебной реформой шла большая работа по совершенствованию всей системы управления, в результате чего возникли земства. Деятельность центральных наместников была поставлена под контроль специально созданных приказов (преобразованных министерств), во главе которых ставились дьяки, назначавшиеся не из родовитых, а из простых, но грамотных служилых людей. Решение удивительно рациональное: государственный аппарат такого типа служил исключительно государю, не завися от родовитой боярской знати, исключая тем самым возникновение олигархии. Интересный, но малоизвестный факт: именно инициативы Избранной рады¹⁵ породили институцию, ставшую впоследствии основополагающей в системе социалистического строительства, а именно — номенклатуру. Был составлен список лиц, допущенных к исполнению особых государственных функций, а также разработана система наказаний для чиновников; система «кормления»¹⁶

---

¹⁵ «Избранная рада» — неофициальное правительство Ивана Грозного кон. 1540-х гг. — нач. 1560 г., термин, введенный князем А. М. Курбским для обозначения круга лиц, составлявших неформальное правительство при Иване Грозном в 1549–1560 гг.

Сам термин встречается лишь в сочинении Курбского, тогда как русские источники того времени не дают этому кругу лиц никакого официального названия.

¹⁶ Кормление — система содержания должностных лиц (наместников, волостелей и др.) за счет местного населения. Ликвидировано Земской реформой Ивана IV.

существенно ограничивалась земским самоуправлением в лице выборных старост и целовальников. Через несколько лет должность кормленщика и вовсе упразднили специальным указом, где говорилось, что «от крестьян челобитья великие, а потому мы, жалуючи крестьянство, наместников и волостетелей от городов и волостей отставили». Подобное решение стало ощутимым ударом по элитам, привыкшим драть с населения по три шкуры, потому что за коррупцию теперь грозил реальный суд. Само же местное самоуправление ставилось под жесткий контроль, а содержание его возлагалось непосредственно на государство; государство же стало взимать и единую госпошлину, а кроме того, устанавливался единый земельный налог с единицы площади. Но это было только начало.

По свидетельству В. О. Ключевского, уже первые политические шаги царя Ивана отличались смелостью внешних предприятий в совокупности с широкими и хорошо продуманными планами внутренних преобразований. Несмотря на молодость, Иван хорошо понимал, что без установления законности и укрепления власти внутри страны противостоять постоянной внешней агрессии будет невозможно.

Очередным своим указом царь упразднял местничество¹⁷. Однако из-за повсеместного саботирования со стороны знати сломить эту систему до конца так и не удалось, лишь в армии стали назначать воеводами вне зависимости от знатности рода, но исключительно по деловым и профессиональным качествам. На укрепление армии был направлен и ряд других мер, в частности — перераспределение земельных наделов в пользу служилых дворян. Военное строительство в целом привело к созданию первой регулярной армии и стало регламентироваться «Уложением о военной службе», которое касалось в том числе и помещиков.

Избранная рада — уникальное по тем временам явление при дворе самодержца — просуществовала чуть более десяти лет. Эффективно работая на укрепление государственного аппарата, она тем самым необычайно повысила статус самого царя, в результате чего стала ему попросту мешать. Показательно, что проведенные реформы в контексте того времени внешне имели некоторый слабый намек на либерализацию. По крайней мере, такую характеристику часто можно услышать из уст историков. Но результат получился закономерным. «История повторяется дважды...» Трагедия Избранной рады 1560 г. повторилась фарсом Верховного Совета в 1993 г. Еще более показательна параллель между управленческими стратегиями Бориса Ельцина и Бориса Годунова. Мимолетные в масштабах истории периоды правления как одного, так и другого привели страну в практически идентичные состояния «смутного времени». Можно сколько угодно найти объяснений и оправ-

---

¹⁷ Местничество — система распределения должностей в зависимости от знатности рода.

даний действиям «псевдолиберальных» реформаторов, но результат получается до удивления одинаковым. Екатерина II вполне справедливо считала, что «в России революции приводят к усилению власти, а не ее ослаблению и что они вспыхивают, когда народ опасается безвластия, а не когда он страдает от деспотизма».

Также показателен не слишком рекламируемый в истории факт, что Грозным был введен категорический запрет на употребление спиртного в черте городов, за исключением некоторых праздничных дней. Кстати, это — в дополнение к растиражированным легендам о «разнузданном пьянстве» русского государя. Еще тогда по всей Европе распространялись предназначенные для толпы различные пасквили в стиле «черного пиара», где в красках расписывались пьяные оргии Ивана. Поистине, всё идет, но ничего не меняется с тех пор! Одновременно с этим по дипломатическим ведомствам издавались циркуляры, информирующие послов о личности царя, где говорилось о необычайном уме, эрудиции и исключительной трезвости, а также предупреждение, что пьяных он не переносит абсолютно. Особо отмечалось, что царь обладает исключительной памятью и редкой для того времени (а особенно — для Европы) образованностью, к чему всячески понуждает и своих подданных. Подтверждением этому служит факт, что именно при Иване Грозном получило свое развитие книгопечатание. В 1563 г. московские монахи Иван Федоров и Петр Тимофеев по прямому распоряжению государя основали первую типографию, в которой были изданы такие важные литературные памятники, как «Жития святых» и «Домострой». Академик И. Н. Жданов отмечал также энциклопедические знания Ивана в различных областях, особенно — в литературе, не только русской, но и византийской.

Н. И. Костомаров ставит в вину Ивану отсутствие «широких политических и образовательных целей». Как аргумент он приводит цитату из его письма Курбскому, которую характеризует как «выходку, которая прилична не мудрому политику, а <...> пришедшему в политический задор простолюдину, у которого горизонт мировоззрения чрезвычайно туманен за пределами его деревни». Вот эта цитата: «Если бы не ваше злобесное претыкание было, то бы, за Божией помощью, едва ли не вся Германия была за православием». Костомаров истолковывает это высказывание как исключительное стремление к расширению собственной власти, обусловленное непониманием потребностей собственного государства. Да, действительно, у Ивана не только отсутствовали «высокие побуждения» сближения с Европой, но существовало четкое и обоснованное понимание всей вредности этого. В среде русских историков всех времен оголтелое западничество всегда было распространенным заблуждением. На примере сегодняшнего дня мы можем убедиться, к чему приводит культурная и экономическая экспансия Запада. Мало кто из историков любит упоминать и о том уровне дикости, который процветал

в Европе вплоть до XIX века. Жуткая антисанитария, практически не знакомая русскому человеку, была явлением естественным и повсеместным. Мытье тела считалось если и не грехом, то действием, весьма сомнительным и непонятным. Были тому и причины объективные — дефицит топлива, но сути проблемы это не меняет, потому что вопрос касался не только социальных низов, но и королевских особ. Испанская королева Изабелла с гордостью сообщала, что в жизни мылась только дважды. Французскую инфанту в прямом смысле сожрали вши до смерти. Папа Климент VII умер от чесотки. По воспоминаниям русских дипломатов, находиться вблизи Людовика XIV было испытанием не для слабонервных: «...от него несло, как от больной скотины». Европейские церкви в те времена проповедовали очень странные для русского человека ценности. Например, рвань, грязь и вши почитались признаком особого духовного просветления, а мытье еще и способствовало удалению с тела святой воды, сохранявшейся после крещения. В известном бестселлере П. Зюскинда «Парфюмер» наглядно и красочно показано европейское общество той эпохи, но главной побудительной причиной зарождения и развития средневековой парфюмерии была вовсе не продвинутость европейских химиков и аптекарей, а жуткий смрад, исходящий от аристократов всех мастей и рангов. О толпе речь не идет совсем. В домах аристократии повсеместно употреблялись ночные горшки, содержимое которых опорожнялось прямо из окон на улицу, вдоль которой проходила сточная канава. В ненастье пешеходная и проезжая часть буквально тонули в фекалиях, что, кстати, и послужило идеей изобретения ходуль, авторами которых стали «цивилизованные» немцы. Кстати, русских в Европе считали извращенцами за регулярное посещение бани, представлявшейся гнездом разврата. (Воистину, понимание, соответствующее собственному нравственному облику!)

Упрекая царя Ивана в «непонимании потребностей своего государства», Костомаров как-то упускает из виду, что православие, упоминаемое Иваном в письме Курбскому, имеет более расширительное значение, нежели простые экспансионистские или фанатично-конфессионные устремления. В числе «культурных памятников» «просвещенной» Европы имеются уникальные издания «Прав человека» и французской конституции 1793 г. в переплетах из человеческой кожи. Только в одной Испании в период деятельности Великого инквизитора Томазо де Торквемады было сожжено десять тысяч еретиков, а почти сто тысяч отправлено на галеры, что являлось тем же смертным приговором, лишь чуть отсроченным.

Костомаров пеняет Ивану, что, находясь в достаточно тесных отношениях с Англией, он ничего не перенимал из того, в чем Англия Россию опережала, и замечает, что эти отношения инициировались не им, а самими англичанами, которые «благодаря глубокому невежеству рус-

ских» фактически грабили последних. Безусловно, в вопросах экономического и политического бандитизма, а также в измышлении всякого рода финансовых афер Туманному Альбиону не было равных как тогда, так и теперь. Если уважаемый историк имел в виду именно это опережение, тогда можно с уверенностью его разочаровать: догнать и перегнать Англию в этих вопросах Россия не смогла бы. Не тот менталитет, не тот уровень генетической нравственности и не те духовные основы. Куда уж нам, сырым и убогим! Проводить сравнительный анализ «продвинутости» России и Европы в целом тоже нет смысла, потому что на каждый аргумент «за» всегда можно найти аналогичный «против», а споры между славянофилами и западниками уже набили такую оскомину, что превратились в элементарную пошлость. Интересующийся легко может найти в широком доступе любой материал по культуре и экономике этих двух различных цивилизаций. Неоспоримо, что из России вывозилось на порядок больше продукции производства, чем ввозилось, а такой показатель, как уровень военной техники, во все времена определял уровень и науки, и промышленности. Так вот, уровень оснащения русских войск XVI в. передовым вооружением не только не уступал общемировому, но и во многом превосходил его: производилось не только отечественное высококлассное вооружение, но и усовершенствовалось импортное, а артиллерии, равной русской, не было ни у одной страны мира. «Энциклопедия вооружений» сообщает:

«Интересно, что производителями артиллерийских орудий в XVI–XVII веках были не только государевы пушкарские дворы, но и монастыри. К примеру, довольно крупное производство пушек велось в Соловецком и в Кирилло-Белозерском монастырях. Владели пушками и весьма их успешно применяли донские и запорожские казаки. Первое упоминание о применении пушек запорожскими казаками относится к 1516 году. В XIX–XX веках в России и за границей сложилось мнение, что допетровская артиллерия была технически отсталой. Но вот факты: в 1646 году Тульско-Каменские заводы поставили Голландии более 600 орудий, а в 1647 году 360 орудий калибра 4,6 и 8 фунтов. В 1675 году Тульско-Каменские заводы отгрузили за границу 116 чугунных пушек, 43892 ядра, 2934 гранаты, 2356 мушкетных стволов, 2700 шпаг и 9687 пудов железа».

Что касается «просвещенной» Англии, этот вопрос мы уже вкратце рассмотрели во введении и коснемся его еще неоднократно. Можно добавить, что общее число казненных за вынужденное бродяжничество в эти годы перевалило за 70 тыс. человек. Воистину, Бог спас Россию от таких «просветителей» и «модернизаторов»! Или царь Иван.

Неплохо вспомнить и другие цифры из истории Европы тех лет. Например, Варфоломеевскую ночь с 30 тыс. вырезанных протестантов. При подавлении крестьянских бунтов 1525 г. в Германии число жертв

превысило 100 тыс. человек. Следует также помнить, что средняя продолжительность жизни в «просвещенной» Европе едва дотягивала до 35 лет, а детская смертность превышала 50%. Отечественные демографы, сравнивая продолжительность жизни средневековой Европы и Руси, приводят в основном лукавые цифры. В общую кучу валятся и войны, и эпидемии, и природные катаклизмы, что выдает «среднюю температуру по больнице». А объективные данные таковы, что средневековый европеец становился глубоким старцем уже к сорока годам, в то время как старики на Руси могли вполне посоперничать с нынешними, а то и фору им дать.

Европа и по числу, и по разнообразию эпидемий значительно опережала Россию, но основной причиной был голод, что в немалой степени способствовало чередующимся эпидемиям чумы, холеры, оспы. Дизентерия же была вообще ординарным явлением, что в равной мере касалось как богачей, так и простолюдинов: если вторые страдали от ужасающего голода, то первые — от запредельного обжорства крайне нездоровой пищей. Не говоря уже о культуре питания, не существовало даже элементарной системы питания, а с учетом полного отсутствия гигиены — результат вполне закономерен. В Лондоне придумали весьма простой и оригинальный способ захоронения бедняков: трупы сбрасывались в огромные ямы непосредственно в черте города, а когда яма наполнялась, ее слегка присыпали землей и выкапывали новую. Это приводило не только к жуткому смраду, но и повальным эпидемиям. Кроме всего прочего это порождало явления массовой истерии, граничащей с шизофренией. С помощью Церкви находили виновных в этих бедах. По всей Европе ведьм сжигали на кострах тысячами.

Еще одной важнейшей чертой Европы того времени была активная работорговля. Именно католическая церковь ее поощряла и развивала. Важно помнить, что в те годы на Руси еще не существовало и крепостного права. Крестьяне платили аренду, а их дети от рождения были свободными людьми. Но Костомаров почему-то упорно не замечает того факта, что именно православие в немалой степени и поддерживало цивилизационную неприкосновенность Руси, а Иван в этой оброненной вскользь фразе подразумевал более глубокие понятия, чем уловил поверхностный взгляд историка. Да и не один Костомаров избегал углубляться в детали и утруждать себя анализом мотиваций. И Ключевский, и Карамзин, словно по единой программе, кем-то сознательно разработанной, упрямо повторяют примитивные легенды и мифы. Точно таким же образом создавались легенды о «цивилизаторстве» в Америке. И американские, и европейские ученые либо замалчивают, либо фальсифицируют демографические данные за период, когда Европе уже стало тесно в рамках Старого Света и жажда наживы погнала самых «отмороженных» ее представителей нести блага веры и «просвещения» за океан. Так вот, к моменту прибытия экспедиции Колумба на новый континент, по самым последним

данным неангажированных ученых, его коренное население насчитывало до полутора сотен миллионов человек! Только за два последующих века активной цивилизаторской деятельности оно сократилось на 90%. Следует заметить, что массовое истребление явилось не только следствием непосильного рабского труда и не только прагматическими целями зачистки жизненного пространства (об этом написано достаточно в научной литературе), но и следствием странных и немотивированных проявлений нечеловеческого садизма, перед которыми меркнут даже злодеяния нацистов. В научных архивах хранится большое количество документов, в которых современники описывают, как испанцы не только сжигали людей на кострах по традиции своей родины, но и жарили живьем на вертелех исключительно ради забавы. (Кстати, еще один уважаемый историк Л. Гумилев, большой любитель описывать в красках изощренные зверства Грозного и опричников, в одном из своих опусов упоминает о подобных развлечениях царя Ивана. Хотелось бы знать, из каких источников он черпал информацию, от которой за версту веет Э. Радзинским.) Младенцев живьем скармливали собакам. Соревновались между собой в разрубании человека пополам с одного удара меча. Термин «умиротворение» впервые ввел в оборот Кортес при установлении в Мексике колониального режима. Нетрудно заметить, что за несколько веков в европейском менталитете мало что изменилось. Как и сегодня, тогда все чело­веконенавистнические проявления сопровождалось своего рода пропагандистскими кампаниями, в которых распространялись легенды о коренном населении как о страшных и тупых варварах, промышленяющих войнами и каннибализмом, в то время как сами колонизаторы организовывали торговлю разрубленными телами аборигенов для кормления собак. Знакомая до боли практика и современных «демократизаторов»: задемонизировать жертву перед нанесением ракетных ударов или ковровыми бомбардировками.

Сегодня на планете уже не осталось мест, где Запад мог бы безнака­занно потешить свои звериные амбиции. За всё приходится платить каку­ю-то цену, может быть, не сразу, но — приходится. Из оставшегося — лишь страны-изгои и Россия. За прошедшие пять-шесть веков мало что изменилось в отношении Европы к России, хотя Россия по-прежнему не лезет со своим уставом в чужой монастырь, но всё так же не дает покоя Просветителю и его вечным рабам. В свое время И. Ильин, хорошо зная суть вопро­са изнутри, писал:

«Европе нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизировать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было рас­членить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реак­ционная, религиозно разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с проповедью реформации или католицизма; хозяйственно несостоятельная, чтобы претендовать на ее неиспользованные пространства, на ее сырье или, по край­ней мере, на выгодные торговые договоры или концессии».

Приведенные выше примеры ни в коей мере не преследуют цель демонизировать европейскую цивилизацию, а российскую представить «белой и пушистой». Та эпоха была эпохой варварства в масштабах планетарных, а акценты, расставляемые историками, содержательно разнятся в зависимости от их личных вкусов и мировоззренческих позиций.

Удивительно и доселе необъяснимо, что вся историческая наука с незапамятных времен и до сего дня базируется на материалах и исследованиях об Иване Грозном, принадлежащих авторству людей, к России отношения не имевших. С одной стороны, имеет место явный и также необъяснимый документальный пробел в отечественных материалах, касающихся того периода. Создается устойчивое впечатление, что львиная доля материальных носителей каким-то чудесным образом исчезла либо была умышленно уничтожена. С другой стороны, можно, конечно, предположить, что таким авторитетам, как Костомаров, Ключевский, было лень или несподручно копаться в древнерусских летописях и разбирать старославянские письмена. Проще было взять то, что лежало на поверхности, а именно — мемуаристику иностранных авторов сомнительного происхождения. Можно также допустить, что изыскания отечественных исследователей вполне объективны, правдивы и достоверны. Но тогда возникает закономерный вопрос: почему выводы иностранцев, очевидно враждебно настроенных по отношению к России, совпадают с выводами почтенных историков практически до запятой? Хотя следует учитывать, что такой «авторитет», как Карамзин, может называться историком с таким же правом, как и небезызвестный Валентин Пикуль.

Николай Михайлович Карамзин известен, прежде всего, как один из реформаторов русского языка, типичный представитель жанра сентиментализма. Зарекомендовал себя в немалой степени как талантливый журналист. После недолгой службы в Преображенском полку, почувствовав непреодолимую тягу к литературной деятельности, вышел в отставку и в период проживания в Симбирске вступил в масонскую ложу «Золотой венец». Вскоре переехал в Москву, где стал активным членом благотворительной организации «Дружеское ученое общество». Родоначальниками общества были два профессора-масона И. Шварц и Н. Новиков, как, впрочем, и все его последующие члены. Целью общества было заявлено «распространение в России *истинного просвещения*» (курсив мой. — Г. Е.), а московский митрополит Платон принял его под личное покровительство. Общество издавало сотни книг научного, учебного и духовного содержания, имея, однако, кроме трех официально заявленных типографий, еще и секретную, предназначенную для масонских целей.

В 1785 г., после неоднократных вспышек гонений и нападок, общество было обвинено в сектантстве, и митрополиту Платону пришлось отве-

чать на ряд нелюбимых вопросов, после чего последовала проверка всей издательской продукции. В отчете комиссии значилось, что часть книг представляет собой художественную и научную литературу, другая часть — книги мистического характера, абсолютно непонятные проверяющим, а третья часть — работы энциклопедистов, по определению Платона, «самые злобные для веры». Таким образом, к ноябрю 1791 г. общество свою деятельность прекратило. Последние годы деятельности общества Карамзин провел за границей, в том числе во Франции, где уже разгоралась революция. Накопленный материал лег в основу известных «Писем русского путешественника», моментально ставших бестселлером и сделавших автора чрезвычайно популярным. Карамзин создает «Московский журнал», в котором активно печатает свои произведения. С середины 90-х гг. XVIII в. у него постепенно начинает проявляться интерес к истории, и в 1803 г. он публикует историческую повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода», после чего неожиданно последовал указ Александра I о назначении его на изобретенную должность «историографа» с жалованьем в две тысячи рублей. Надо заметить, что это была скорее не должность, а почетное звание, титул, носителем которого в истории остался один Карамзин. Весьма показательны строки, адресованные им своему брату Василию:

«Хотелось бы мне приняться за труд важнейший, за русскую историю, чтобы оставить по себе Отечеству недурный монумент».

С этого момента он прекращает какую бы то ни было литературную деятельность и целиком посвящает себя истории. Монумент он, безусловно, воздвиг, исполнив тем самым свою главную задачу — прославление себя «великого» в веках.

Из всего вышесказанного не может не вызывать удивления факт, что после написания одной-единственной художественной повести на историческую тему, пусть даже произведшей на императора неизгладимое впечатление, автор удостоивается персонального звания, никогда не существовавшего ранее. Допустим, Карамзин действительно заслуживал каких-либо чинов и регалий как талантливый литератор, что неоспоримо, но при чем здесь историческая наука? В России того периода было немало талантливых авторов, которые тем не менее не удостоивались высочайшего благоволения. А учитывая, что именно с этого момента он вплотную занялся созданием «Истории государства Российского», можно предположить, что император увидел в его работе нечто такое, что подвигло его дать Карамзину *заказ* на написание этой истории, обеспечив его пожизненно соответствующим жалованьем. Учитывая, что в России не могло не быть профессионалов соответствующего уровня в этой области, можно также предположить, что заказ был *целевым*, то есть, что автор напишет именно так, как требовалось. Судя по всему, он не обманул ожиданий заказчика, потому что после выхода в свет восьмитомника «Истории...»

в 1818 г. Карамзин был настолько приближен ко двору, что его даже поселили по соседству с государем в Царском Селе. Поистине — придворный историк! В предисловии к «Истории» Карамзин пишет:

«И вымыслы нравятся. Но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина».

Надо признать, что в удовольствии он себе не отказал и отыгрался на мифотворчестве русской истории по полной программе. Карамзин не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках то, о чем ему хотелось рассказать, а если и этого не находил, то просто «дорисовывал» необходимое... «История государства Российского» — не научное произведение, а политическая беллетристика.

Современники не преминули отдать должное автору «монумента». 8 июня 1818 г. Н. С. Арцыбашев¹⁸ в письме к Д. И. Языкову¹⁹ выражает свое впечатление от знакомства с книгой Карамзина:

«Третьего дня получил я „Историю“ Карамзина, разрезал листы ее с жадностью и принялся читать со вниманием. Что ж представилось глазам моим? Ей-ей, не верю еще до сих пор сам себе — безобразное смешение посторонщины, недоказательности, безразборности, болтливости и преглупейшей догадочности!.. Тщетно целый век ученые старались очистить историю русскую от нелепостей! Является дурачина и вводит их еще в большем свете... Вот тебе историограф и давно ожидаемая история! Читай, народ русский, и утешайся!.. Что подумают о нас народы просвещенные, когда с критикой прочтут ее? По милости старой ключницы, которая, сидя на печи, давила тараканов и всенародно рассказывала глупые сказки, сочтут и нас сказочниками. У меня сердце кровью обливается, когда я об этом подумаю».

Арцыбашев излагал свои «Замечания» просто и конкретно. Он указывал том и страницу «Истории», приводил цитату из основного карамзинского текста, сопоставлял ее с текстом карамзинских «Примечаний», цитировал опубликованные в тот момент источники и делал выводы: здесь Карамзин фантазирует, здесь искажает текст, здесь умалчивает, здесь говорит как о точно установленном то, что можно лишь предполагать, здесь такие-то данные можно истолковать по-иному. Н. С. Арцыбашев пишет, что у Карамзина «поставлены годовые числа иногда на удачу». Николай Сергеевич отмечает и исправляет массу ошибок у историографа: «Довольно красиво, да только несправедливо», «Нам осталось дивиться г. истори-

---

¹⁸ Николай Сергеевич Арцыбашев (1773–1841) — русский историк, поэт и прозаик.

¹⁹ Дмитрий Иванович Языков (1773–1844) — русский историк и переводчик. Секретарь Российской академии; президент Вольного общества любителей словесности, наук и художеств; директор департамента Министерства народного просвещения. Действительный статский советник (1827). Первым пытался упразднить буквы ъ, Ъ и ь, печатая некоторые книги без них.

ографу, что он не упустил и здесь прибавить от себя», «Так великолепно испортил г. историограф слова харатейных списков». «Не надо фантазировать!» — такова его претензия к Карамзину.

В. П. Козлов²⁰ пишет:

«Для характеристики текстологических приемов Карамзина в „Примечаниях“ представляют интерес и пропуски в опубликованных текстах. К ним он прибегал часто и широко, обозначая их, как правило, отточиями, а подчас и не отмечая свои конъектуры... Иногда пропуски были связаны с теми частями источников, которые противоречили исторической концепции Карамзина... Допущенные сокращения вынуждали Карамзина проводить своего рода литературную обработку: ставить предлоги, местоимения, архаизировать или модернизировать тексты документов и даже вводить в них собственные дополнения (подчас без каких-либо оговорок). В результате в „Примечаниях“ появлялся иногда совершенно новый, никогда не существовавший текст».

Однако вернемся к личности Ивана IV. Одним из наиболее одиозных «историографов» того времени был английский (опять же!) деятель Джером Горсей. Автор совершенно удивительных по одиозности «Записок о России» опубликовал сенсационные разоблачения «преступления против человечности», утверждая, что в 1570 г. во время расследования по делу «о ереси жидовствующих» в Новгороде под руководством лично Ивана Грозного было казнено 700 тыс. человек. Масштаб фальсификации вполне сопоставим с количеством жертв сталинских репрессий, фигурирующем в трудах либеральных исследователей и правозащитников наших дней, потому что в эту цифру укладываются почти 20 (!) таких городов, как Новгород, считая стариков и детей, и нигде и никогда не упоминается, что период пребывания Грозного в Новгороде совпал с завершением эпидемии чумы. Кроме того, новгородские события не имели никакого отношения к «ереси жидовствующих», поскольку эта тема была закрыта в принципе уже два десятка лет назад. По сохранившимся и вполне достоверным поминальным спискам, общее количество умерших по разным причинам в этот период не превышало трех тысяч человек.

Джером Горсей, фигурирующий в русских кругах под именем Еремей Ульянов, своей скандальной известностью вызывает невольные ассоциации с такими замечательными фигурами недавней российской истории 90-х гг., как Андрей Шлейфер и Джонатан Хэй²¹. Волею судеб Горсей

---

²⁰ Владимир Петрович Козлов (род. 1949) — советский и российский историк, археолог, архивист, преподаватель, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Специалист в области археологии, изучения закономерностей взаимодействия общества и исторического источника, проблем архивного дела, исторических фальсификаций.

²¹ Кадровые сотрудники ЦРУ, работавшие в качестве консультантов Госкомимущества под руководством А. Чубайса.

прожил в России без малого два десятилетия. В 80-х гг. XVI в. он подвизался в должности управляющего английской Московской компании. Потребности страны в связи с Ливонской войной оказались чрезвычайно велики, поэтому власти вынуждены были вести активные переговоры с Англией о поставках больших партий боеприпасов и их компонентов.

Горсей происходил из старинного аристократического рода, имея некоторые родственные связи при королевском дворе, поэтому не кто иной, как он, мог решить вопрос договоренностей о крупных военных поставках. Он отбыл на родину и вскоре вернулся в составе каравана судов с заявленным грузом.

Нужно заметить, что игрища английской короны в вопросах внешней политики не имеют себе равных по иезуитскому цинизму во все века и времена. Известно, для купцов и дельцов любая война, что мать родная. Ливонская война не была исключением. Огромный оборот контрабанды оружия обеспечивал потребности всех сторон ливонского конфликта. Впоследствии Горсей смаковал этот период своей деятельности, вспоминая Ливонию «как самую прекрасную страну, текущую молоком и медом, и всеми другими благами». И это в период затяжных военных действий! Верх цинизма, даже для представителя английской короны. Грозный прилагал немалые усилия, чтобы заключить с Англией постоянный договор в области обороны, но двор Елизаветы преследовал иные цели. Таким образом, умело играя на противоречиях воюющих сторон, Англия прибрала к рукам всю торговлю на Балтике и стала ведущей морской державой.

После удачного выполнения миссии Горсей приобрел небывалое влияние при дворе Грозного, которое ничуть не уменьшилось и после кончины последнего. С началом воцарения Федора Иоанновича Горсей сблизился с Борисом Годуновым, стоявшим во главе правительства, и стал его доверенным лицом и тайным посредником в теневых сношениях с английским королевским двором. Гром грянул неожиданно. Во время очередного визита на родину Горсею были предъявлены обвинения в злоупотреблении служебным положением с целью личной наживы, нанесении компании финансового ущерба и подрыве национальных интересов Англии. Горсею грозил суд, и ему ничего не оставалось, как спешным порядком ретироваться в Россию. По иронии судьбы или, может быть, Божьему промыслу, российские власти неожиданно обвинили его практически в том же самом, но уже по отношению к российским интересам. Горсея арестовали и выслали в Англию. Но на родине ему всё же удалось выкрутиться, не без помощи высоких покровителей. Неисповедимы пути королевской логики: вскоре он становится членом парламента, а затем, в 1603 г., получает титул рыцаря. С 1610 г. являлся шерифом Букингемского графства.

Его мемуары, состоящие из трех отдельных трудов, несомненно заслуживают внимания, как написанные человеком, имевшим непосредствен-

ное отношение к ключевым моментам политической жизни того периода. Главную из этих трех работ — «Путешествие сэра Джерома Горсея» — он писал около 20 лет. Значительное место в ней занимает период царствования Ивана IV и последние дни его жизни.

Даже если безоговорочно принимать на веру все приводимые им сведения о личности Грозного и его внутренней политике, то как быть с тем нагромождением неточностей, нелепостей и явных фактологических несоответствий, каковыми изобилует эта работа? Среди российских историков есть немало тех, кто относится к трудам Дж. Горсея как к неоспоримым свидетельствам эпохи. Может быть, и так, однако с учетом того, что автором является ни много ни мало крупнейший международный аферист, было бы логично, по меньшей мере, подвергнуть его творения всестороннему анализу, чего, к сожалению, уважаемые ученые почему-то не делали.

Очередным «историком в штатском» оказался германский разведчик Генрих Штаден. По некоторым косвенным данным, он был направлен в Россию по личному приказу императора Рудольфа для изучения обстановки изнутри. По возвращении он составил обстоятельный отчет, содержащий подробное и профессиональное описание страны пребывания, особенностей системы управления, а также личные соображения по захвату страны. Он предлагал императору назначить наместника для управления захваченной страной, с неременным условием закрытия всех церквей и монастырей. В лучших традициях современных «разносчиков демократии» он живописал зверства и бесчинства, творимые в стране oprичниками с одобрения царя. Любопытный факт, но сочинения Штадена вдруг получили вторую жизнь в канун зарождения германского национал-социализма. Именно тогда в Германии возник идеологический запрос на обоснование восточной экспансии, и историческая наука сыграла в этом определенную роль, изыскивая доказательства неполноценности славянской расы. Работы Штадена стали для идеологов Третьего рейха своего рода программным документом, особенно в разделе «План преобразования Московии в Имперскую провинцию».

Самым тяжким обвинением царя Ивана во все времена было обвинение в убийстве собственного сына. Среди огромного количества нагроможденных нелепых версий случившегося были попытки создания объективно «приличной». Якобы царевич примкнул к группе политической оппозиции отцу в переговорах с Баторием. Внешняя пристойность версии при детальном рассмотрении предстает самой несусветной глупостью, рассчитанной на несведущего обывателя. Достаточно ознакомиться с личностью царевича Ивана, даже поверхностно, чтобы понять всю нелепость подобной инсинуации.

Версия, ставшая самой «популярной», создавалась, по всей видимости, по принципу геббельсовской пропаганды: чем нелепее ложь, тем быстрее в нее поверят. Ее автор — резидент Ватикана Антонио Поссевино.

Суть версии заключалась в том, что Иван убил своего сына ударом посоха по голове в результате банальной семейной ссоры. Версия, достойная скандальной светской хроники или базарной сплетни. Достоверно известные факты свидетельствуют о слабеющем день ото дня здоровье царевича, и по этой причине он сильно тяготился предстоящим ему бременем наследования престола. Будучи еще шестнадцатилетним юношей, он пожаловал Кирилло-Белозерскому монастырю значительную сумму денег с условием, что если захочет принять постриг, то его постригут, а если умрет, то его будут поминать. Мысли, для юноши специфические, о многом говорящие.

В 1963 г. в Архангельском соборе произвели вскрытие гробниц царя Ивана и его сына. Экспертиза установила, что в останках царевича допустимое содержание ртути превышено в 32 раза. Аналогичный результат — и по останкам самого царя. Каких-либо повреждений костей черепа царевича обнаружено не было. Зная ситуацию при дворе Грозного, допустить вероятность систематического медленного отравления вполне правомерно, более того, такая версия представляется наиболее логичной.

Сама же история вопроса такова. В 1581 г. в Москву прибыла миссия от папы Григория XIII. Как известно, несмотря на нескончаемую череду неудач, Ватикан не оставлял попыток подчинения Русской православной церкви Риму. И тут, казалось бы, папе улыбнулась удача. Грозный вдруг сам обратился к папе с просьбой о посредничестве в деле урегулирования ливонского конфликта. К этому моменту поляки захватили и удерживали несколько русских городов, и положение России было крайне сложным. Возглавлял миссию папский нунций иезуит Антонио Поссевино. Разумеется, обращаясь с просьбой о посредничестве, Грозный не мог не понимать, что в случае оказания услуги за нее будет назначена определенная цена, которую он платить не собирался, но самим фактом обращения он как бы подбрасывал извечному противнику некоторые козыри; иными словами — блефовал. Но Поссевино был иезуит, и этим всё сказано. Следуя люциферову замыслу, он посулил Ивану «все царства мира» в образе всей Византийской империи в обмен на возможность внедрения на Руси католицизма и объединения церквей. Иван провел виртуозную дипломатическую партию, в результате которой был заключен Ям-Зампольский мирный договор. Историки по-разному оценивают это событие. Преобладает мнение, что договор явился серьезным поражением России и дипломатической неудачей Грозного, однако ситуация сложилась так, что ни Россия, ни Польша уже не в состоянии были продолжать полноценные боевые действия. Этот мир стал необходим даже несмотря на то, что Россия лишалась выхода к Балтике. Но главная цель Ватикана всё же достигнута не была. По заключении мира вопрос об объединении церквей Грозный обсуждать отказался. В этом

крылась и еще одна издевка: весь ход партии Иван выстроил в чисто византийском духе. Грозный переиграл иезуита его же методом и нажил себе тем самым личного врага.

Еще одно замечательное творение — это книга немецкого пастора Пауля Одерборна «Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московии». Особенность данного труда состоит в том, что его содержание представляет собой набор сплетен и слухов, зачастую даже плохо стыкующихся друг с другом. Выступая во многих эпизодах как очевидец, автор нигде не упоминает о том, что никогда даже не бывал в России. Нет нужды в данной работе детально рассматривать все нюансы вышеназванного памфлета, однако тот факт, что один из самых авторитетных «историографов» Карамзин без тени сомнения ввел его в научный оборот и с удовольствием цитировал, вызывает немалое недоумение.

Ранее мы уже касались вопроса компетентности Карамзина как историка. Но если рассматривать тему с точки зрения психологического портрета личности, то опять возникает множество несоответствий. По описанию Карамзина мы видим явное «раздвоение личности» Ивана. Речь идет не о медицинском диагнозе, а о временном переломе психотипа. До 30 лет Иван — добродетельный, сердобольный, богобоязненный. После 30 — кровавый тиран, чудовище. Обратимся к фактам.

1553 г. ознаменовался тяжелой болезнью государя, которая поставила его на грань жизни и смерти. Вполне естественно, что ближайшее окружение озаботилось преемником. Иван, будучи в здравом рассудке, выдвигает требование присягнуть своему сыну Дмитрию — семимесячному младенцу. Однако в среде Боярской думы мнения на сей счет разделились. Часть бояр настаивала на альтернативной кандидатуре двоюродного брата царя — князя Владимира Андреевича. Разногласия в среде Думы объяснялись банальным соперничеством группировок, что не могло не вызывать раздражения Ивана. Однако после выздоровления конфликт был оставлен без последствий и никаких репрессий не последовало. Ослабленный болезнью, в крайне угнетенном состоянии, Иван поспешил удалиться в Кирилло-Белозерский монастырь. По стечению обстоятельств, то ли мистическому, то ли тонко кем-то срежиссированному, именно в ходе этого путешествия трагически погибает первенец Ивана царевич Дмитрий.

Очередная конфликтная ситуация создается уже с Избранной радой. После успешного взятия Астрахани стратегические планы Ивана сосредоточились на западном направлении. Освобождение исконных славянских земель было крайне необходимо. Это выбивало у Ватикана почву для дальнейшей военной и духовной экспансии. Тем не менее взоры Рады были устремлены на Крым, по каковой причине возник острый конфликт. Терпению Грозного пришел конец. Основные закоперщики были удалены: Адашев отправлен в действующую армию, а царский духовник

Сильвестр в Кириллов монастырь. Таким образом, Избранная рада прекратила свое существование. Как видим, и в данной ситуации не последовало никаких репрессивных мер. А вот что пишет сам Карамзин об Иване того периода:

«И россияне современные, и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастью государства. Так изъясняются первые: „Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских... Ласковый к вельможам и народу — любя, награждая всех по достоинству — щедростию искореняя бедность, а зло — примером добра, сей Богом урожденный царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» И отвечать с умилением: «Се аз и люди яже дал ми еси ты!»“ Не менее хвалят его и наблюдатели иноземные, англичане, приезжавшие в Россию для торговли. „Иоанн, — пишут они, — затмил своих предков и могуществом, и добродетелию; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: «Иди!» — и боярин бежит; изъяснит досаду вельможе — и вельможа в отчаянии; скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения. Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во всё входит, всё решает; не скучает делами и не веселится ни звериною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!“».

Ход дальнейших событий продолжает удивлять логической несостоятельностью образа «кровавого тирана». В 1560 г. была отравлена Анастасия, жена Ивана. В ходе следствия была установлена неоспоримая причастность к убийству все тех же Адашева и Сильвестра. Кстати, в свете этого смерть младенца Дмитрия, при всей внешней «случайности», наводит на определенные размышления. Ликвидация же Анастасии имела целью не только опасения ее безусловного влияния на государя, но и лишение ее братьев привилегированного положения при дворе. Решение же самого Ивана относительно дальнейшей судьбы заговорщиков противо-

речит любым официальным версиям. Сильвестр был всего лишь выслан еще дальше, на Соловки, а Адашев арестован. И более никто из многочисленных соратников интриганов не подвергался преследованиям. «Кровавый тиран» ограничился лишь требованием клятвы на верность (в том смысле, что они «так больше делать не будут»).

Детальный анализ вопроса дает исчерпывающее понимание того, насколько масштабно и целенаправленно создавалась легенда эпохи Ивана IV. В задачу данной работы не входит разоблачение всех сотворенных мифов, но каждый из них рассыпается в прах при точном сопоставлении дат и фактов.

И, наконец, необходимо все-таки затронуть тему одного из главных обвинений в «кровавых» деяниях Ивана — знаменитую «новгородскую резню». Первое, что следует учитывать при рассмотрении данного вопроса, — что до нас с тех времен не дошло ни одного *подлинного* документа расследования новгородского заговора. Все материалы по этому делу, как, впрочем, и весь архив царя, бесследно исчезли, что позволяет предположить их умышленное уничтожение. В распоряжении исследователя остаются все те же полухудожественные, полуанонимные изложения псевдоочевидцев, изобилующие вопиющими несуразностями. Вот краткая история вопроса.

Претендующий на пост митрополита новгородский владыка Пимен в 1566 г., выражаясь современным языком, «пролетел мимо кассы» и затаил обиду. Совместно с боярской оппозицией он сфабриковал дело против святителя Филиппа, занявшего возделенное место по личной инициативе государя. Царская воля объяснялась не просто протекционистскими соображениями. Их давняя взаимная близость и симпатия давали Ивану уверенность в том, что постоянные придворные интриги, во многом базирующиеся на сталкивании лбами власти светской и власти церковной, будут лишены традиционной подпитки. Решение было мудрым, но воцарившееся согласие не давало покоя оппонентам. Под руководством государева духовника — протопопа Евстафия состоялся очередной заговор, имеющий цель разобщить Ивана и Филиппа. Тактика была тонка, но проста. Осторожно и ловко одному клеветали на другого, и — наоборот. Но козни противников неизменно разбивались о непоколебимое взаимное доверие старых друзей. Видя тщетность своих усилий, заговорщики зашли с другой стороны. При помощи подкупа и шантажа они принудили нескольких монахов Соловецкого монастыря дать показания против Филиппа. Лжесвидетелей привезли в Москву и предъявили Ивану. Если в вопросах совместной деятельности в столице царь был «непробиваем», то свидетельства против Филиппа в бытность его игуменом выбивали у Ивана всякую почву для его защиты. Таким образом, Филипп был лишен поста митрополита и отправлен в Тверской монастырь.

В то же время неугомонный в обидах архиепископ Пимен предпринимает очередную авантюру. Он обращается с предложением к польскому королю Сигизмунду-Августу сдать Новгород под власть польской короны. Академик Р. Ю. Виппер пишет:

«Готовилась измена, грандиозная, государственная. Замысел был теснейше связан с отдачей врагу не только вновь завоеванных территорий (в Ливонии), но и старых русских земель, больших пространств и ценнейших богатств Московской державы; дело шло о внутреннем подрыве, об интервенции, о разделе великого государства. И в какой момент? Среди трудностей войны, для которой правительство напрягало все государственные средства, собирало все военные и финансовые силы. Можно ли после этого говорить о капризах Ивана Грозного, подсмеиваться над тем, что он, движимый якобы трусливым страхом, нагрязнул на „мирное население“ Новгорода с целым корпусом опричников».

Таким образом, решением опричной думы был объявлен поход на Новгород. Путь лежал через Тверь, где Иван планировал встречу со своим опальным другом Филиппом. Иван рассчитывал получить от него важную информацию по предстоящему новгородскому делу и очень спешил, понимая всю опасность положения Филиппа как человека, осведомленного во многих делах Пимена и компании. Предчувствуя недоброе, Иван вызвал Малюту Скуратова и приказал ему, не жалея лошадей, гнать впереди корпуса в Тверь, дабы предотвратить худшее. Но Скуратов не успел всего на пару дней. Опасного свидетеля успели устранить, и всё, что смог сделать Малюта, это проводить государева друга в последний путь.

Поэтому миф об убийстве Иваном Грозным митрополита Филиппа — возможно, самая гнусная и мерзкая фальсификация истории, потому что приписываемое Ивану деяние не только не имеет под собой хоть сколько-нибудь логичного обоснования, но и оскорбляет память настоящей мужской дружбы, испытанной временем и совместным делом.

Нетрудно представить, какие чувства испытывал Иван по мере приближения к Новгороду. 8 января корпус Грозного подошел к черте города. Новгородская знать во главе с Пименом вышла навстречу и на мосту через Волхов предприняла попытку торжественно-лицемерного приема. И тут Грозный не выдержал. Вот как описывает этот прием С. Соловьев, основываясь на Новгородских летописях:

«Злочестивец! В руке твоей не крест животворящий, но оружие убийственное, которое ты вместе со злоумышленниками хочешь вонзить нам в сердце! Знаю умысел твой... Хотите отчизну нашей державы, Новгород Великий, передать польскому королю. Отсель ты не пастырь, а враг церкви и Святой Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова!»

И здесь же на мосту арестовали Пимена и всех его сподвижников. Сила гнева и отвращения Ивана была столь велика, что здесь же, у моста,

он повернул от Новгорода в сторону древнего городища, где был разбит походный полевой лагерь. Пребывание в городе изменников было Ивану нестерпимо противно. Там же, на городище, и начались следственные действия. Ежедневно непрерывным потоком туда прибывали конвои с подозреваемыми для допросов. В самом же городе шли аресты и конфискация имущества уличенных в причастности. Опечатывались хозяйственные помещения церквей и городской знати; иностранцы, купцы, чиновники вместе с семьями подвергались немедленному аресту, а их имущество конфисковалось в пользу государственной казны. Не отличающийся хоть сколько-нибудь заметными симпатиями к Грозному профессор Р. Г. Скрынников отмечает, что «опричный разгром не затронул толщи крестьянского населения Новгорода». Репрессиям подверглись лишь представители духовенства, аристократии и торговли. Опричники также сожгли склады, в которых хранились предназначенные к вывозу товары. Следует заметить, что товары были именно сожжены, а не конфискованы. Часть товаров новгородских купцов находилась уже в пакетах Нарвского порта, куда был направлен отряд опричников, где уничтожению также подвергли лишь товары купцов новгородских, а товары жителей Нарвы и иностранцев оставили в неприкосновенности.

Следствие по делу длилось более полугода. Приговором церковного Собора архиепископ Пимен был лишен сана и препровожден в Никольский монастырь. На 25 июля в Москве была назначена публичная казнь трехсот осужденных. В определенное время приговоренных вывели на площадь Китай-города. Все уже было готово к началу действия, когда посреди площади на взмысленных конях появилась группа посыльных от государя. Они доставили именной указ о помиловании 184 человек. Под восторженный рев толпы счастливых свели с эшафота и передали на поруки земским боярам.

Таким образом, согласно синодику опальных²², жертвами новгородского дела стало не более 2,5 тыс. человек. И эти цифры вполне объективны, так как синодики скрупулезно составлялись на основе документов опричного архива. Уцелевшие документы свидетельствуют о грандиозных масштабах заговора. Его нити из Новгорода тянулись в столицу и затрагивали самое ближайшее окружение царя. Мотивации заговорщиков более чем понятны. Нынешнему высшему руководству страны нелишне было бы учитывать уроки отечественной истории, потому что, помимо очевидных параллелей, история имеет свойство повторяться. Тогда созданный Иваном государственный аппарат, призванный служить опорой престола и интересам страны, неизбежно переродился

---

²² Синодик для церковного поминовения, написанный по указанию царя Ивана Грозного. Составлен с целью поминовения лиц, пострадавших в годы его правления.

под влиянием свалившейся на него неограниченной власти. Нарастала коррупция, ширились злоупотребления, процветало мздоимство и вымогательство. Зная о непримиримом отношении государя к этим порокам, элиты тем не менее уже не в состоянии были ограничивать свои аппетиты. Постоянная угроза разоблачения в совокупности с возрастающей алчностью, страх потерять вождельную власть толкали «птенцов гнезда Иванова» на предательский сговор со старой земской гвардией, обделенной и вечно обиженной.

Итак, были ли на самом деле казни, пытки и другие зверства, творимые опричниной с одобрения царя? Вне всякого сомнения, были. По ситуации военного времени, осадного положения страны и повального предательства элит — иначе и быть не могло, а уж учитывая законы, обычаи и нравы того века, нет смысла выискивать в этих деяниях что-то сверхъестественное. Можно было бы привести цифры жертв того же Сигизмунда-Августа в ходе военных кампаний или совершенно нечеловеческие зверства его рыцарей по отношению к пленным и мирному населению, можно приводить цифры жертв западноевропейских монархов, Ватикана и инквизиции. Эти цифры вполне доступны в любой исторической литературе, и они на порядки выше истинных жертв тридцатилетнего правления Ивана IV. «Грозный» царь — просто невинный младенец в сравнении с его современниками — коронованными особами «просвещенной» Европы.

Историческая наука такова, что описание даже коротких промежутков недавней истории не может считаться объективным и достоверным. Десять абсолютно честных историков напишут десять совершенно разных историй одного и того же события, и каждая из них будет субъективно правдива. Лебон пишет:

«Согласно логике, единогласное показание многочисленных свидетелей следовало бы, по-видимому, причислить к разряду самых прочных доказательств какого-нибудь факта. Но то, что нам известно из психологии толпы, показывает, что именно в этом отношении трактаты логики следовало бы совершенно переделать. Самые сомнительные события — это именно те, которые наблюдались наибольшим числом людей. Говорить, что какой-нибудь факт одновременно подтверждается тысячами свидетелей, это значит сказать, в большинстве случаев, что действительный факт совершенно не похож на существующие о нем рассказы.

Из всего вышесказанного явственно следует, что к историческим сочинениям надо относиться как к произведениям чистой фантазии, фантастическим рассказам о фактах, наблюдавшихся плохо и сопровождаемых объяснениями, сделанными позднее».

Нам не суждено никогда узнать всей правды об Иване Грозном, но что вполне реально — это просчитать ложь. Когда историки описывают, как в Новгороде с моста в Волхов сбрасывали людей сотнями, а опрични-

ки плавали на лодках и добивали всплывающих баграми и топорами — это ложь. На каких лодках можно плавать по реке в суровом январе? Когда якобы «очевидцы» пишут, что заполненная трупами река вышла из берегов и затопила прибрежные *зеленеющие* луга и плодородные поля — это ложь. Когда мы читаем, что «большая знаменитая река *Волга* окрасилась в красный цвет от крови» — это ложь. Ложь, ложь и ложь, примеры которой, если не полениться и собрать их со всех существующих источников, займут не одну страницу текста. Но всё это не более чем смешные и печальные «ляпы» в духе современных «эрудитов» — американских президентов — и их не менее подкованных пресс-клевретов. Существует факт, объяснения которому не смогут дать никакие ангажированные историографы. Историк А. Р. Андреев пишет:

«В начале февраля 1572 года в Новгород прибыли обозы с царской казной в лубяных коробах на 450 санях. Казну поместили в подвалы церковей Чудотворца Николая, Пятницы и Жен-мироносиц под круглосуточной охраной стрельцов — „на всякую мощь по 500 человек в смену“. Общий вес доставленной в Новгород казны составлял около 10 000 пудов. Потом царь вернулся в Москву на разряд полков и назначение воевод для предстоящего нападения татар».

Причиной этого события послужила угроза нападения на Москву объединенного татаро-турецкого войска общим числом более 100 тыс. Оставаться в Москве, разоренной недавним пожаром, представлялось рискованным, поэтому было принято решение вывезти государственную казну и, главное, — царскую семью (!) в Новгород. И это всего через два года после учиненной там «кровавой расправы», воспоминания о которой были неизбежно свежи в памяти новгородцев. Так что же, царь тронулся умом, доверяя самое ценное городу, где два года назад «истребил всё мирное население»? Новгородские традиции тех лет хорошо известны. Новгород, по сути — город-государство с более чем трехвековой историей вольности — отличался памятьливостью и жесткостью нравов. Помимо традиционных сепаратистских устремлений, в обычаях города сохранялась неумная правдоискательная генетика простонародья. Поэтому решение Ивана фактически перенести столицу государства в «ненадежный» город могло иметь только одно объяснение — царь новгородцам доверял, чего никак не могло случиться, будь правдой растиражированные страшные события. Помимо умышленно состряпанных фальсификаций и конъюнктурных исследований, в исторических трудах различных авторов имеют место непростительные небрежности, граничащие с некомпетентностью. Так, уважаемый автор Т. Грачева в работе «Мифы об Иоанне IV Грозном», исследуя «новгородский погром», в качестве примера отчаянности нравов горожан приводит убийство ордынских послов в 1374 г. Мало того, что причины этого события заранее подогнаны под ответ, но и место события притянута за уши, то ли намеренно, то ли

по небрежности: здесь, как и в истории утопления новгородцев в Волге, грубо перепутаны Новгород Великий и Новгород Нижний. То, что объяснимо, в некоторой степени, для нечистоплотных или дремучих иностранцев, отечественную историческую науку дискредитирует.

Сегодня достаточно сложно составить объективный психологический портрет Ивана Грозного. Возможно, он был психопатом, возможно — лицемерным садистом. Единственное, что остается неоспоримым, — это фактические результаты его деятельности.

Итак, каковы же плоды этой первой в истории страны модернизации? Перечислим по пунктам.

Впервые в истории создан суд присяжных. По новому Судебнику наместники, волостели и все другие правители, назначаемые государем в города и волости, не могли судить без участия выборных от населения: дворянского, старосты и лучших людей местной крестьянской общины.

«А боярам и детям боярским, за которыми кормление с судом боярским, и им судити, а на суде у них быти дворянскому и старосте и лучшим людям».

Каждая община должна иметь не только своих выборных людей и старост на суде, но и своего земского дьяка, который вел бы дела волостных людей. Судебник требовал, чтобы для присутствия на суде общины выбирали нескольких «лучших людей» и приводили их к присяге. За 30 лет не было ни одного казненного без суда. Общее число приговоренных к смерти не превысило 3,5 тысячи человек, включая уголовных преступников.

Повсеместно организованы церковные школы.

Впервые введен медицинский карантин на границах.

Введено выборное местное самоуправление.

Впервые создана настоящая регулярная армия.

Пресечены регулярные татарские набеги.

Территория страны увеличена вдвое — с 2,8 млн км² до 5,4 млн км² — за счет присоединения Казанского ханства (ныне — Чувашия, Татарстан, Ульяновская область); Астраханского ханства (ныне — Астраханская и Волгоградская области, Калмыкия); заселено северное Черноземье (Орловская, Курская, Липецкая, Тамбовская области); завоеваны Северный и Центральный Урал, Западная Сибирь; официально основано Донское казачество с передачей Дона в вечное владение; приняты под власть народы Северного Кавказа по желанию их князей.

Эмиграция из Европы превысила 30 тысяч семей с разрешением вечного поселения и выплатой подъемных пособий.

Рост благосостояния народа составил несколько десятков процентов.

Проведена радикальная административная реформа с созданием государственных ведомств и введением наказаний для чиновников.

Запрещено употребление спиртных напитков.

Основано книгопечатание.

Построено более 100 храмов и монастырей, 155 крепостей и 300 новых городов.

Впервые заложены основы гражданского общества в виде прообраза парламентаризма — земских соборов. В первом Земском соборе приняли участие выборные от всех сословий. Царь испросил у бывших на Соборе святителей благословения на исправление Судебника, после чего распорядился, чтобы по всем городам, пригородам, волостям и погостам и даже в частных владениях бояр и других землевладельцев самими жителями были избраны старосты и целовальники, сотские и дворские. Для всех областей составлялись уставные грамоты, регламентирующие самоуправление, без царских наместников и волостей. Соборы созывались для обсуждения наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики и по наиболее срочным делам, например по вопросам войны и мира, налогов и сборов. Земский собор представлял собой аналог двухпалатного парламента. Первую палату составляли бояре, окольные, дворецкие, казначеи. Вторая состояла из воевод, княжат, боярских детей и больших дворян. Нет никаких данных об участии в соборах посадских людей, но все принимаемые решения, как правило, в первую очередь учитывали именно их интересы. Обсуждения проходили в палатах отдельно для чистоты принятия решений.

Нетрудно заметить, что характер всех преобразований носил, некоторым образом, подлинно либеральный характер, что до сих пор не может не вызывать раздражения как у псевдолибералов, так и в среде сторонников тоталитаризма, а уж уязвленность властей предрежащих и подавно понятна. Иметь исторический пример настоящего государственного подхода к управленческой деятельности, а в особенности — ревностного и трепетного сохранения национальных интересов в лице такой удобно «одиозной» личности, не по душе ни первым, ни вторым, ни третьим.

Мало где упоминается, а скорее, умышленно замалчивается, что даже в среде западноевропейских современников существовали оценки Ивана Грозного, разительно отличавшиеся от общепринятых и растиражированных позднее. Жан Огюст де Ту, автор исторического бестселлера XVII в. «Всеобщая история», писал:

«Государь столь же счастливый и храбрый, как его отцы, который вдобавок, соединяя хитрость и тонкий расчет с суровой дисциплиной в военном деле, не только сохранил обширное государство, оставленное Василием, но сумел далеко раздвинуть его границы. Завоевания Ивана IV дошли до Каспийского моря и царства Персидского. Этот царь знаменит великими делами, блеск которых иногда омрачала его жестокость. Нет государя, которого бы более любили, которому бы служили более ревностно и верно. Добрые государи, которые обращаются со своими народами мягко и человечно, не встречают более чистой привязанности, чем он».

Так уж распорядилась история, что в основу классических представлений о Грозном, сохранившихся до сей поры, легли труды авторов эпохи Просвещения и зарождения идей либерализма. Формирование образа тиранствующего монстра как нельзя более кстати отвечало запросам как западных монархий, так и отечественной. В первом случае созданный образ выгодно оттенял достоинства действующих властителей в их идейном противостоянии с новоявленными апологетами прогресса, а во втором — сохранял извечную российскую традицию — пинать мертвого льва. Этим отчасти объясняется благосклонность Александра I к трудам Карамзина, которые внешне выгодно оттеняли образ «просвещенного» монарха, последователя идей своей бабушки — поклонницы Вольтера, от образа «азиатского деспота». Кому-то всегда было крайне не по вкусу популяризация роста и укрепления державной мощи России, ее национальная объединительная роль в истории, выдающиеся таланты Грозного в области военного строительства, дипломатии, управления. Противники всегда находили аргументы для дискредитации деятельности Ивана и предрекали неизбежный крах всем его начинаниям, прикрываясь конъюнктурной фразеологией. Чего стоит одно только высказывание изменника Курбского: «Государство, которое переменяет исконные обычаи, недолговечно». История показала истинную цену такой демагогии.

Есть во всем этом и еще один немаловажный аспект. Значительная часть проблемы состоит в методологической ошибочности построения исторической науки. Нам известно, что науки подразделяются на так называемые точные и гуманитарные. К точным мы относим математику, физику, химию. Каждый квалифицированный специалист в этих областях обязан быть аналитиком. Историю же принято причислять к наукам гуманитарным. Почему-то сложилось так, что значительное число историков вышло из среды литераторов, а поэтому добра здесь ждать не приходится. По своей сути, история, если она претендует на методологическую безупречность, должна быть причислена именно к точным наукам, не допускающим не только хоть какой-то эмоциональной составляющей, но и тем более художественного домысла. Если специалист в области истории не представляет собой толкового аналитика, то и продукт он произведет умозрительный и абстрактный.

Весьма показательной приметой рассматриваемой эпохи является небывалый всплеск в развитии культуры. Ограничение боярской мафии не только внесло коррективы в области внутренней политики, но и послужило толчком к подъему национальной культуры во всех сферах. Заметную роль сыграл митрополит Макарий — выдающийся церковный и государственный деятель. Можно без преувеличения сказать, что его роль в истории государства Российского была одной из самых значимых, потому что судьба распорядилась стать ему не только духовным

наставником Ивана IV, но и вдохновителем огромной работы в области культуры, направленной на укрепление единства Руси и упрочение национальной идеи.

Одно из первых его деяний — составление двенадцатитомного труда «Четьи-Минеи» (Помесячные чтения), включившие в себя наиболее полный из всех известных список житий святых. Без преувеличения можно сказать, что этот труд представлял собой настоящую энциклопедию древнерусской литературы. Изысканный литературный стиль Макария вдохновил многих писателей, отличавшихся приверженностью принципам русской национальной государственности. Создание этого труда послужило предпосылкой к написанию не менее значимого литературного памятника — «Степенной книги», составленной митрополитом Афанасием с подачи Макария. Эта работа стала, пожалуй, первым практическим опытом систематического изложения русской истории. Одновременно, по заказу самого Ивана, началось создание «Лицевого летописного свода» — описания событий мировой и русской истории в период от Сотворения мира до 1567 г. Свод представлял собою единственный десяти томный экземпляр, содержащий более 16 тыс. цветных иллюстраций, и предназначался для царской библиотеки.

Одновременно с усилиями государственников в области культуры получила развитие и национальная публицистика. В числе авторов того времени — И. С. Пересветов — философ, публицист, один из самых ярких представителей русской общественно-политической мысли. Характерно, что его труды носили ярко выраженный антибоярский характер, поэтому в среде историков имело место мнение о фиктивности самой личности Пересветова, а подлинное авторство приписывалось либо А. Ф. Адашеву, либо самому Грозному, что, по сути, ничуть не умаляет ценности работ, тем более что смелость его утверждений выходила далеко за рамки тогдашней литературной традиции, свидетельством чего являются его убеждения, что «правда» выше «веры», и осуждение холопства и кабальной зависимости. Сочинения такого рода в контексте эпохи представляли собой почти революционную направленность.

Еще один заметный писатель того времени, автор «Повести о Петре и Февронии Муромских» — Ермолай-Еразм. Самым заметным публицистическим произведением, вышедшим из-под его пера, можно считать трактат «Благохотящим царем правительница», написанный специально для царя. По сути, он представлял собой проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Как и Пересветов, Еразм выступал против боярских притеснений, а кроме того, выражал интересы не только дворянства, но и крестьянства как основного создателя благосостояния общества и призывал царя «ко благополучию всем сущим под ним, не единими вельможами еже о управлении пещис, но и до последних».

Показательно, что именно этот отрезок истории вывел из тени мыслителей и общественных деятелей, остро озабоченных вопросами государственного реформирования. Очевидно, что свобода мысли и ее проявления не только не вызывала опасений в возможных репрессивных мерах, но и находила самую активную поддержку у царя.

В 1551 г. на Стоглавом соборе было принято решение о повышении образовательного и нравственного уровня духовенства. С этой целью создавалась сеть церковных школ и училищ, о чем были разосланы «наказы» во все епархии. Отдельным вопросом рассматривалось положение о редактировании книг, изготавливаемых с целью продажи. Собор постановил подвергать переписанные книги редактированию, в обязательном порядке сверять с оригиналом, дабы избежать искажений и ошибок, неисправленные же книги предписывалось изымать из обращения.

Новый мощный импульс получило развитие изобразительного искусства и архитектуры. Строилось большое количество церквей принципиально нового стиля. Вершиной нового направления можно считать собор Василия Блаженного, построенный по личной инициативе царя в память о его близком друге, юродивом Василии, гроб которого царь нес лично.

Живопись приобретала новые прогрессивные черты. Это и фрески, и иконопись, касательно которой Стоглавый собор принял ряд специальных решений. Художники обязывались не держать в тайне профессиональные секреты, но активно передавать свой опыт ученикам.

При изучении этого непростого периода истории главное — помнить, что и реформы, и развитие культуры происходили в условиях непрекращающейся войны. Вообще, всё царствование Грозного — сплошная война. Много ли мы знаем примеров в мировой истории, когда страна в состоянии войны не только не деградировала культурно и экономически, но и полноценно и творчески развивалась?

Так что же на самом деле представлял собой XVI век на Руси? Век кровавого террора, беспредела опричнины, развратного садиста-самодура, пьяницы и убийцы? Или же век грандиозного духовного, культурного, политического и интеллектуального подъема?

Выше мы рассмотрели большое количество исторического мусора, избытка неточностей, нелепостей и противоречий. Мы можем всё это принять на веру и допустить как аксиому, что всё именно так и было. Но никакие аргументы не могут опровергнуть очевидные факты, перечисленные по пунктам. В таком случае получается, что речь идет о двух совершенно разных личностях, либо мы страдаем расщеплением сознания. Интересную трактовку получила эта проблема у Лебона:

«Не нужно даже, чтобы прошли столетия после смерти героев, для того чтобы воображение толпы совершенно видоизменило их легенду.

Превращение легенды совершается иногда в несколько лет. Мы видели, как менялась несколько раз, менее чем в пятьдесят лет, легенда об одном из величайших героев истории. При Бурбонах Наполеон изображался каким-то идиллическим филантропом и либералом, другом униженных, воспоминание о котором, по словам поэтов, должно жить долго под кровлей хижин. Тридцать лет спустя добродушный герой превратился в кровожадного деспота, который, завладев властью и свободой, погубил три миллиона человек, единственно только для удовлетворения своего тщеславия. Теперь мы присутствуем при новом превращении этой легенды. Когда пройдет еще несколько десятков столетий, то ученые будущего, ввиду таких противоречивых повествований о герое, быть может, подвергнут сомнению и самое его существование, подобно тому, как они сомневаются иногда в существовании Будды, и, пожалуй, будут видеть в этих сказаниях о герое какой-нибудь солнечный миф, или же дальнейшее развитие легенды о Геркулесе. Но эти ученые, вероятно, легко примирятся с такими сомнениями, так как, лучше нас посвященные в психологию толпы, они будут, конечно, знать, что история может увековечивать только мифы.

Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение. В этом отношении, как и во многих других, индивид в толпе приближается к примитивным существам».

Мы не можем сейчас определить мотиваций авторитетных историков, допуская крайнюю однобокость суждений. Были ли это какие-то личные симпатии и антипатии, была ли это простая поверхностность и небрежность в оценках или элементарная ангажированность. Очевидно лишь одно: нельзя провести качественный оценочный анализ в отрыве от общего контекста Средневековья, когда массовые телесные наказания и публичные казни были явлениями заурядными, в том числе и по отношению к знати. Даже простое арифметическое сопоставление с бесспорной очевидностью свидетельствует, что происходящее в России даже приблизительно не идет ни в какое сравнение с тем кошмаром, который царил в «просвещенной» Европе. Рассматривая же личность самого Ивана, нельзя упускать из виду, что его самосознание с самого малолетства формировалось в условиях постоянного напряжения, внутренней борьбы и ожидания от окружения, что либо отравят, либо зарежут. Но волею провидения случилось так, что мальчик, а затем и юноша, каким-то непостижимым образом осознал всю полноту личной ответственности, когда «государственное» и «государево» становились неразделимы, а свое служение воспринималось им в первую очередь как служение Богу. Поразительны впечатления и выводы семнадцатилетнего Ивана из трагических событий московского пожара и последовавшего за ним бунта. Нужно было иметь

удивительно «царский» склад ума, чтобы увидеть в этих событиях проявление Божьей кары за собственные грехи и управленческую несостоятельность. И это — в семнадцать лет! Нашим бы нынешним властям хотя бы малую толику такого самосознания. Именно с этого момента в нем оформилось понимание неразрывной связи с собственным народом и глубинного, сакрального значения власти на высочайшем уровне. Впоследствии эти откровения оформились в четыре образа служения Богу: иноческо-отшельнический, монашеский, святительский и царский. Грозный стал, по сути, первым в российской истории теоретиком самодержавия и настоящим мыслителем, главной задачей которого было укрепление независимости и безопасности государства, которое представляет собой величайшую ценность. Именно при нем впервые было сформулировано понятие «Святая Русь» как образ небесного пребывания России — образ идеальный, символ и цель исторического развития. Именно эти представления служили движущей силой в такой рискованной и сложной работе, как установление контроля над правящим классом и пресечении беспредела кормленщиков. И задача была решена в кратчайшие сроки, в отличие от времен нынешних, когда российская «демократическая» власть в первые десять лет кормленщиков выращивала, а в последующие пятнадцать лет бережно их пестовала, лицемерно декларируя непримиримую с ними борьбу, в результате чего их и возглавила. Грозному ставят в вину решение этой задачи опричными методами. В этой работе мы не рассматривали грандиозное военно-политическое значение опричнины, это отдельная большая тема, но факт неопровержим: он заставил правящий класс работать на государство и во имя государства. Если сегодня охарактеризовать реформы Грозного как либеральные, то подавляющее большинство специалистов покрутит пальцем у виска. А фактически именно такого рода реформирование и является подлинным либерализмом, в отличие от навязанного толпе лукавого псевдолиберализма, который представляет собой всего лишь термин перевернутого смысла. Именно земщина как институт самоуправления через 20 лет после смерти Грозного спасла страну от катастрофы Смутного времени.

История развивается витками. Внимательный наблюдатель заметит удивительное сходство ситуации первой половины XVI в. и 90-х гг. века XX. И на примере Грозного можно отчетливо увидеть, что такое политическая воля и ответственность за вверенную страну. Совсем еще зеленый юнец под постоянной угрозой жизни сумел прижать к ногтю зарвавшуюся боярскую мафию. К сожалению, история не завершила своего витка в веке XXI, и современная «боярская мафия» не только сохранила, но и упрочила свое положение в России.

При детальном изучении внутривнутриполитической ситуации на Руси эпохи Грозного не перестаешь удивляться вектору управленческой стратегии,

потому что Иван строго следовал принципу «рыба гниет с головы». Чистке именно «голова» и подвергалась, и не было ни одной репрессивной акции, хотя бы косвенно затрагивающей «низы». Именно поэтому Иван IV так почитаем в народе и так ненавидим элитами. Отличный оратор, интересный собеседник, талантливый писатель — он фактически и стал первым настоящим модернизатором российской государственности. Западу же никогда не осмыслить русских мотиваций, не понимая самой сути православия. Им более понятны категории зверств и извращений. Да и не только Западу.

За год до смерти, уже больной и немощный, Иван составил поименный синодик всех казненных по его личному приказу. Он помнил каждого. В списке оказалось около 3,5 тыс. имен, в том числе и уголовных преступников. И это — почти за 50 лет власти, никем не ограниченной. В. Манягин²³ пишет:

«Во времена царствования Иоанна IV смертной казнью карали за: убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог жилого дома с людьми, ограбление храма, государственную измену. Для сравнения: во время правления царя Алексея Михайловича смертной казнью карались уже 80 видов преступлений, а при Петре I — более 120! Каждый смертный приговор при Иоанне IV выносился только в Москве и утверждался лично царем».

В начале нынешнего века определенными церковными и околоцерковными кругами был поднят вопрос о канонизации Ивана Грозного. Веским аргументом в пользу решения вопроса послужило безусловное почитание личных заслуг Ивана перед Православной церковью и государством со стороны таких авторитетов, как о. Николай Гурьянов, прп. Иоанн Кронштадтский, прп. Игнатий Брянчанинов, митрополит Иоанн (Снычев) и многих других. Последний, в частности, писал:

«Как первый Помазанник Божий на русском престоле Иоанн IV, без сомнения, так же почитался в народе после своей кончины, как местночтимый святой благоверный царь. Тем более что перед смертью он принял великую схиму с именем Иона. Это почитание и отражают нимбы на нескольких известных ныне изображениях государя. До 1917 года на гробницу Иоанна Васильевича в Московском Кремле приходили простые русские люди просить царя о заступничестве в суде как небесного предстателя перед Праведным Судьей».

Протоиерей Н. Извеков писал в 1916 г.:

«У гробницы его, по усердию многих богомольцев собора, служатся панихиды с поминовением или одного имени Царя Иоанна Васильевича, или же с прибавлением к оному имен своих родственников».

---

²³ Манягин Вячеслав (род. 1960) — русский православный журналист, писатель, монархист, антиглобалист.

Однако инициатива вызвала резко негативную оценку со стороны иерархов современной Русской православной церкви. В частности, патриарх Алексий II категорически осудил идею канонизации.

В задачу данной работы не входит обсуждение точек зрения как противников, так и сторонников, а также определение уровня святости или греховности той или иной личности в истории. Но несомненно одно: трудно оставаться святым, если тебе вверена судьба державы, окруженной со всех сторон атакующими врагами. Трудно оставаться святым, если ты ответственен за судьбу народа, шельмуемого и развращаемого ересями дельцов от Ватикана и многочисленных конспиративных сект. Трудно оставаться святым, даже если призван на служение самим Господом. И, наверное, если бы Иван позволил себе святость, мы бы сегодня жили в другой стране, потому что Великая Святая Русь перестала бы существовать уже тогда, а православие сохранилось бы лишь в преданиях. И в этом тоже было промыслительное предназначение первого русского государя.

«По плодам их узнаете их.

Так всякое доброе дерево приносит и плоды добрые,

А худое дерево приносит и плоды худые.

Не может дерево доброе приносить плоды худые,

Ни дерево худое приносить плоды добрые».

3

ВОЦАРЕНИЕ «АНТИХРИСТА»

*И даны были ему уста,
говорящие гордо и богохульно,
и дана ему власть...*

Ин. 13: 15

В официальной науке принято считать началом модернизации России XVIII в., когда Петр I, задавшись целью превратить страну в супердержаву, начал фактически ломать ее через колено. Безусловно, развитие социально-экономических процессов требовало определенных шагов в направлении реформирования, но распространенная точка зрения, что допетровская Россия представляла собой некое дикое поле, по которому носился лихой человек, является еще одним умозрительным мифом, состряпанным в период Елизаветы и упорно культивируемым уже при Екатерине. Надо признать, что миф этот получил дальнейшее распространение главным образом в отечественной исторической науке, в то время как значительная часть западных историков придерживается, как ни странно, более объективной точки зрения, признавая, что подлинная история Российской империи берет свое начало именно с Ивана IV Грозного. Импульс, заданный государству реформами Грозного, еще долгое время не давал остановиться маховику имперского строительства. Недолгий период царствования Фёдора Иоанновича прошел «под знаком» Бориса Годунова, окольного Грозного, принадлежащего крупному боярскому роду. Природный ум и управленческие аппаратные таланты позволили ему сделать блестящую придворную карьеру, а близкое родство с Фёдором – встать во главе правительства после смерти Грозного. При мягком и безвольном Фёдоре Годунов чувствовал себя полноправным хозяином государства. Некоторые историки склонны приписывать характеру правления Годунова протолиберальное направление. Вывод довольно странный, если учесть, что именно он стал автором крепостного права на Руси. Надо отдать должное правительству Годунова: большое внимание

уделялось повсеместному укреплению границ. Наконец-то установился мир с Польшей, одержана победа над Швецией. Однако весь комплекс внутривосточных преобразований постепенно начал вызывать нарастающее раздражение, как со стороны низов, так и в среде оппозиционного боярства. Несмотря на заключение мира, имперские амбиции Речи Посполитой ничуть не ослабели, и здесь как нельзя кстати пришлась возникшая ниоткуда загадочная личность Григория Отрепьева, выдававшего себя за выжившего царевича Дмитрия.

В 1601 г. он объявился в Польше и принялся группировать вокруг себя различных сомнительных личностей для похода на Москву. Римско-католическая церковь на первых порах всерьез самозванца не восприняла, но после его заверений, что по занятии московского престола он обратит Русь в католичество, не устоял даже сам папа и благословил на «благое дело».

В рассмотрении вопроса московского похода Лжедмитрия 1604 г. чаще всего присутствует некоторая рассогласованность суждений. И в самом деле, как же так? Отряд самозванца, состоящий из всякого европейского и русско-эмигрантского сброда, перейдя границу по Днепру, начал захватывать одну крепость за другой практически без боев. С тактической точки зрения банда самозванца не могла представлять серьезной проблемы для регулярной армии и хорошо оснащенных крепостей. Видимо, поэтому Годунов не сразу принял решение о применении войск, но, когда дело приняло угрожающий оборот, на ликвидацию агрессора были брошены мощные силы. Отряд уничтожили, самозванец спрятался в Путивле, где разгоралось восстание против Годунова. Вот здесь и обозначилась истинная причина успеха начального этапа кампании Лжедмитрия. Дело в том, что в памяти народа еще сохранялись безмерное почитание Грозного и надежда на его законного наследника в лице «воскресшего сына», а также откровенная ненависть к Годунову побуждала воевод сдавать крепости и присягать самозванцу «крестным целованием». В результате вокруг узурпатора вновь сгруппировались силы столь значительные, что многочисленный корпус регулярных войск, посланный в очередной раз на ликвидацию группировки, не только сдался ему без боя, но и в подавляющем большинстве перешел на его сторону.

Дорога на Москву открылась, да и саму столицу никто оборонять не собирался, потому что в массах нарастала наивная эйфория от возможности воцарения законного преемника и свержения ненавистного режима. К этому следует прибавить, что личность Отрепьева день ото дня становилась всё популярнее в народе в силу его незаурядного ума, великодушия к пленным и расточительной щедрости. Всё это убеждало массы в подлинности его личности: таким мог быть только родной сын Ивана, и это лишний раз подтверждает безмерное уважение, испытываемое народом к Грозному. Да и сам ход военной кампании, так бездарно провален-

ной властью, показывает всю несостоятельность внутренней политики Годунова, получившего в наследство от предшественника совершенно уникальную по тем временам армию, превратившуюся за два десятка лет в беспомощное стадо, что очень напоминает ситуацию конца XX столетия.

Все гнусные мифы о трусливом поведении опричников, способных лишь грабить мирное население и разбегавшихся перед лицом сильного противника, разбиваются в прах о факт, тщательно замалчиваемый отечественной историей. Этот факт — Молодинское сражение. В школьных учебниках мы можем найти крайне сжатый материал о Сталинградской битве. Можем прочесть в сильно искаженном виде о битве Куликовской. Но мы не сможем найти даже упоминания о битве при Молодях, которая по своему военно-политическому, а главное — патриотическому значению — ничуть не уступает им. Очевидно, что кому-то очень не хочется, чтобы наши дети знали подлинную историю своего Отечества. Поэтому представляется уместным сделать небольшое отступление и вернуться к предыдущей главе.

Молодинские события непосредственно связаны с описанным ранее переездом столицы в Новгород в феврале 1572 г. После майского 1571 г. набега крымского хана Девлет Гирейя с войском численностью 40 тыс., когда Москва вместе с пригородами была полностью сожжена, во властных кругах Османской империи возникла иллюзия, что Русь надолго выбита из политической и военной колеи. Да и сам Гирей, находясь под впечатлением недавней оглушительной победы, вознамерился довести дело до логического завершения и, ни много ни мало, занять московский трон. Как впоследствии и руководители Третьего рейха, крымские мурзы уже заранее поделили между собой территорию Московского государства.

Таким образом, собрав 120-тысячный корпус, состоящий из лучших крымских вояк, ногайцев и отборных османских янычар, Девлет Гирей выдвинулся в сторону Москвы. Ситуация складывалась такая, что на кону стояло дальнейшее существование Руси как независимого государства. На смену татаро-монгольскому на Русь спешило татаро-османское иго. Состав экспедиционного корпуса по тем временам и в той обстановке представлял собой силу поистине чудовищную. Ситуация требовала самой серьезной подготовки, на которую времени почти не оставалось. Предваряя продвижение татарской конницы, казаки устраивали поджоги в степях Дикого поля, через которое пролегал маршрут агрессоров. Цель преследовалась простая: татарские отряды отличались высокой мобильностью в силу того, что не обременяли себя громоздкими обозами. Бойцы питались самой примитивной провизией, а фуражом для лошадей служил подножный корм. Вот его-то и сжигали казаки. Решение оказалось верным: выдвижение противник отложил до весны. В то же время полным ходом шло строительство оборонительных сооружений. По окскому

берегу устанавливались частоколы в человеческий рост, устраивались грунтовые насыпи с бойницами для стрелков и артиллерии. Но самой главной и неразрешимой проблемой были людские ресурсы. Неурожаи, засухи, эпидемии, боевые действия на западных рубежах — всё это предельно истощило потенциал русской обороны.

В конце июля корпус Гирей форсировал Оку в районе Серпухова. Русские войска, представленные в основном пограничной стражей под командованием князя Михаила Воротынского, насчитывали всего 20 тыс. человек, включая 7 тыс. немецких наемников во главе с Юргеном фон Фаренсбахом, направленных в подкрепление пограничникам по личному распоряжению Ивана Грозного. Соотношение с войсками противника составляло 1:6, что, по сути, являлось приговором. Мы не будем в этой работе рассматривать все детали военной операции — это дело военных историков, да и сама операция достойна войти в учебники по тактике войск. Остановимся лишь на узловых моментах. Необходимо отметить уникальное инженерное решение укреплений Серпухова. Так называемый «гуляй-город» — передвижное полевое укрепление тех лет — был установлен таким образом, что обеспечивал не только прикрытие пехоты, но и наиболее эффективные действия пищальников и замаскированной артиллерии. Гуляй-город представлял собой оборонительно-наступательное полевое сооружение, состоящее из бревенчатых блоков высотой до 3 метров и шириной до 5. Наружная сторона обмазывалась огнеупорным составом, чаще всего глиной или известью. В совокупности конструкция была неким подобием легиона и позволяла составлять различные комбинации в зависимости от тактических потребностей. Это могли быть крепостные стены, штурмовые башни или передвижные укрытия для пехоты. Каждая секция монтировалась либо на колесах, либо на полозьях — в зависимости от времени года.

Чувствуя ловушку, Гирей направил на Серпухов лишь небольшой отряд, а сам с основными силами выдвинулся к Москве. И тогда Воротынский предпринял весьма рискованный и дерзкий маневр. Он снял часть войск с укреплений и «сел на хвост» корпусу Гирей. Тактика оказалась безупречна: идти на штурм Москвы, имея в тылуседающего противника, Гирей не решился, а после того, как отряд опричного воеводы Дмитрия Хворостинина разнес арьергард крымских войск, Гирей развернул и весь корпус. Небольшой отряд Хворостинина оказался лицом к лицу со всей армией, после чего обратился в бегство в направлении села Молоди, где на высоте уже был установлен очередной гуляй-город.

Завязался длительный бой и крымское войско начало нести большие потери. Но и положение осажденных было тяжелым из-за большого числа раненых и нехватки воды. Надо заметить, что Г. Штаден, будучи непосредственным участником событий, не упустил возможности в своих мемуарах сгустить краски в очередной раз. Он пишет, что русские уми-

рали от жажды и съели всех лошадей, предназначенных для перегруппировки элементов гуляй-города. Если учесть, что осада продолжалась неполные три дня, то создается впечатление, что осажденные состояли из одних прожорливых хищников. Три дня без воды действительно выдержать трудно, но сожрать за это время несколько лошадей не смогла бы даже стая львов.

Одну атаку за другой отбивали опричники со стрельцами, потеряв при этом убитыми почти 3 тыс. бойцов. Обезумевший Девлет Гирей спешил конницу и, объединив кавалеристов с янычарами, бросил всех на решающий штурм. Исступление обеих сторон достигло предела. Наступающие карабкались по горам трупов своих соратников, прорываясь к стенам, бросались на них и валялись вниз с отрубленными руками. Выбрав подходящий момент, Воротынский с резервным полком скрытно, оврагами обошел нападавших и ударил с тыла. В тот же момент стены укрепления раздвинулись и грянул залп всей артиллерии, сосредоточенной в гуляй-городе. Плотность огня была такова, что в массе нападавших образовался широкий коридор, в который мощной лавиной ринулись опричники князя Хворостинина. Измотанные, истощенные воины, уподобляясь берсеркам, продемонстрировали такой напор и неистовство, что агрессоры в состоянии мистического ужаса стали бросать оружие и разбегаться. Их настигали и буквально крошили. В этом последнем бою были вырезаны все 7 тыс. элитных османских янычар. До единого. Чудом уцелевшие остатки корпуса в количестве чуть более 10 тыс., раненые и увечные, добрались до Крыма, похоронив по дороге еще не одну сотню. Итогом предпринятой авантюры стала потеря Крымом почти всего боеспособного населения, что на годы лишило крымчан не только желаний, но и самой возможности соваться на Русь.

Необходимо отметить, что решающую роль в этой исторической битве сыграло уникальное по тем временам оснащение русского войска, о чем также никогда не упоминает историческая наука. Стрельцы и казаки были вооружены ручными пищалями стопроцентно. Виртуозно подготовленные отряды лучников поражали противника скорострельностью и меткостью. Так называемые «сороки» — установки залпового огня — наносили противнику артиллерийские удары чудовищной мощи. Об общем уровне военно-промышленного комплекса тех лет уже упоминалось выше. Элементарная логика подсказывает, что, будь оно иначе, «отсталая» Россия никогда бы не выдержала ведение войн на нескольких фронтах одновременно.

Вот такой была эта малоизвестная Молодинская битва, в которой 20 тыс. стрельцов и опричников уничтожили под корень 120-тысячное войско лучших головорезов Османской империи. Потери русского войска составили около 6 тыс. убитыми и ранеными. Выдающиеся полководческие заслуги князей Воротынского и Хворостинина заслуживают

отдельного исследования и признания в не меньшей степени, чем заслуги исторически популярных полководцев. А пока — лишь низкий поклон и вечная память.

И еще. Хотя это и не относится напрямую к теме нашего исследования, но трудно обойти вниманием уникальную и противоречивую личность одного из основных действующих лиц Молодинской баталии, человека, посвятившего всю свою жизнь честному добыванию личной славы и воинской доблести. Это командир отряда немецких наемников Юрген (Георг) фон Фаренсбах. Его судьба настолько многогранна, что заслуживает написания отдельной книги.

Старинный род Фаренсбахов всегда был уважаем и состоятелен. Однако семью преследовали несчастья: умирали дети. Юрген был одним из немногих выживших. Его отец Вольмар фон Фаренсбах к моменту рождения сына стал уже не таким богатым ливонским помещиком, какими были его предки, но состоял на государственной дипломатической службе. Отпрыски немецкой аристократии тех лет видели себя исключительно в качестве военных, поэтому перед Юргеном не вставало вопроса о дальнейшем приложении своих сил. В Ливонии шла война, и необученный подросток не мог представлять интереса для действующей армии, поэтому он отправился в Швецию, войска которой остро нуждались в любом пополнении. С этого момента карьера наемника закружила юношу в калейдоскопе военных конфликтов. Сначала французская кампания, затем турецкая, буржуазная революция в Голландии — везде успел повоевать юноша неполных 16 лет, заработав за столь короткое время репутацию умелого и бесстрашного бойца. На родину он возвратился в тот момент, когда Ливония походила на кипящий котел, в котором перехлестнулись интересы Польши, Дании, Швеции и Московии. Юрген поступает в шведский отряд, но через год с небольшим получает задание отправиться с посольством в Москву. Незатейливые европейские нравы того времени предполагали вполне обычным делом самообеспечение войск на марше. Солдаты попросту грабили местное население по маршруту следования и в местах временной дислокации. Каково же было недоумение немцев, когда на второй или третий день вступления на российскую территорию отряд был арестован опричным патрулем, закован в кандалы и препровожден в крепость, где получил убедительное разъяснение, что Россия не Европа и здесь подобные бесчинства не проходят безнаказанно. Юргена же этапировали в Москву для допроса у царя. Расспросив молодого офицера о его боевом опыте, Иван Грозный неожиданно предложил ему поступить на службу и сформировать отряд из немцев, коих в Москве того времени было немало, шатающихся без дела. Юрген дал согласие сразу и в кратчайшие сроки собрал семитысячный отряд, костяк которого составили арестованные вместе с ним ландскнехты. Именно они бок о бок со стрельцами и опричниками одер-

жали блестящую победу в Молодинской баталии, где ни один из них не дрогнул и не бросил оружия, что было крайне нетипичным поведением для наемников. Вполне понятно, что воевать за деньги для такого сорта людей дело обычное, но за деньги умирать они почти никогда не подписывались. Те люди, которых вел в бой Юрген фон Фаренсбах, ничем не отличались от общей массы «солдат удачи». Что же двигало ими в той битве, выйти из которой живым вряд ли кто рассчитывал? Известно, что в любой военной операции успех зависит не только от профессиональной подготовки подчиненных, но и от личности самого командира. Юрген был именно тем командиром, за которым люди шли безоглядно. Психология любого наемника базируется на абсолютной гражданской беспринципности, что в полной мере относится и к Юргену. Но когда после блистательной победы при Молодях ему, обласканному царскими милостями, предложили отправиться воевать в родную Ливонию, он незамедлительно покинул службу.

Дальнейшая судьба забросила его в сферу интересов датской королевы, где он успешно воевал против своих прежних работодателей шведов, а в 1577 г. под Гданьском ему довелось схлестнуться с войсками Речи Посполитой. Именно тогда Стефан Баторий заметил молодого офицера и как противника оценил по достоинству.

Время шло, за военные заслуги Юрген получил высокий пост наместника Эзеля, но спокойная жизнь никак не входила в сферу его интересов. Склонность к парадоксальным решениям привела его к очередному месту службы, а именно... к Стефану Баторию. Лишенный моральных предрассудков Баторий безоговорочно принял недавнего противника и поручил ему формирование наемных пехотных частей для боевых действий против Ивана Грозного. Подразделения Фаренсбаха, как и всегда, превосходили по дисциплине и боевой выучке регулярные части. Псковская кампания еще больше укрепила его авторитет командира, хотя, будучи специалистом по тактике русских войск, добиться особых успехов в масштабе всей кампании ему не удалось. Показательно, что в условиях крайне плачевного состояния армии, из-за голода, отсутствия теплого исправного обмундирования и снаряжения, невыплаты жалования польские части начали постепенно рассасываться с театра военных действий, в то время как наемники Фаренсбаха вопреки всякой логике не только не оставляли позиций, но и пресекали попытки дезертирства среди шляхты.

На польской службе Юрген сколотил немалое состояние и получил должность старосты Вендена (ныне Цесис, Латвия). Государственную службу он совмещал с продолжением военной карьеры, и после смерти Батория одерживая блестящие тактические победы. Когда в Ливонии с новой силой разгорелся военный конфликт, он вернулся на родину, где его авторитет и опыт сыграли значительную роль. В 1602 г. в битве под Феллином Юрген фон Фаренсбах получил смертельное ранение

и скончался на следующий день. Так, на 53-м году жизни оборвалась жизнь незаурядного человека, для которого превыше всего стояло понятие профессиональной чести. Фраза, однажды произнесенная им в споре с коллегой военачальником, по праву может считаться девизом всей его жизни: «Ты дерешься за жизнь, а я за славу». Судьба Фаренсбаха показала, что для таких людей гражданская беспринципность наемника имеет всё же свои границы, потому что он никогда не воевал против своей родины и в итоге за нее и погиб, что наделяет всю его странную и бурную жизнь особым смыслом.

Вообще, если глубоко проанализировать саму природу подвига, героизма, самопожертвования, то становится очевидным, что все эти лучшие проявления человеческого духа не могли быть возможны при отсутствии главного — *цели и смысла*. И речь здесь может идти не о какой-то сиюминутной цели тактического порядка и не о смысле конкретной, отдельно взятой кампании. Наивно было бы полагать, что те 6 тыс. героев сложили головы исключительно из любви и преданности государю, хотя и это, вне всякого сомнения, имело место. Но главное, что предопределило исход неравной и кровавой Молодинской битвы, — это глубинное осознание каждым воином смысла и значения приносимой им жертвы. Того самого смысла, который был утрачен по каким-то причинам во время противостояния банде Лжедмитрия. Можно повториться: непопулярность внутривластной управленческой стратегии в России исторически чревата смутными временами. Так было в начале XVII в., то же повторилось и в конце XX. Любая гражданская война, любая смута — не что иное, как утрата прежних смыслов, и, что самое страшное, далеко не всегда обретение новых. Разные эпохи, разные события, различные цели, но причина одна — утрата смыслов.

Но вернемся к личности Годунова.

Вопреки общепринятому мнению, можно утверждать, что «окно в Европу» прорубил отнюдь не Петр I. По сути, эта метафора вообще лишена всякого смысла: зачем лезть в окно, когда давно уже существовали двери. Однако если при Иване III и Иване IV эти двери находились под бдительным присмотром и захлопывались всякий раз, когда с противоположной стороны начинала лезть всякая мерзость, то еще веком раньше Петра эти двери распахнулись во всю ширь. Приток иностранных специалистов увеличился в разы. Стимулом послужили новые, ранее не практиковавшиеся льготы в виде государственных должностей и земельных наделов вместе с крепостными. Проникновение европейских обычаев стало зримым, что отражалось и в моде, и в манерах. Кстати, впервые стали сбривать бороды именно при Годунове, правда, делалось это ненасильственно.

Выше уже обозначалась параллель между управленческими стратегиями двух «царей Борисов» в веке XVII и веке XX. При значительном различии психотипов и личных качеств, тем удивительнее сходство по-

следствий. Оба Бориса по странной иронии истории были строителями, с той лишь разницей, что один из них — профессиональный — имел парадоксальную склонность к разрушению всего и вся, а другой — потенциальный — отметился грандиозным размахом строительства реального. Годунов строил всё: города, церкви, крепости. Иностранцы, приглашенные им, были не воруями, как у Ельцина, а реальными профессионалами в архитектуре и зодчестве. Именно радениями Годунова построены Воронеж, Ливны, Самара, Царицын, Саратов, Елец, Белгород, Царёв-Борисов, Томск. Одним из самых грандиозных проектов того времени по праву считается Смоленская крепостная стена, названная «каменным ожерельем Земли русской», предназначавшаяся для защиты границы с Польшей. Именно тогда была построена девятикилометровая стена с 29 крепостными башнями вокруг современного Бульварного кольца в Москве. Оштукатуренный кирпич покрасили в безупречный белый цвет. В самом Кремле появилось невиданное чудо — настоящий водопровод, запитанный из Москвы-реки.

Авторитет Годунова в среде посадского люда значительно укрепился благодаря серьезным налоговым послаблениям для торговцев и ремесленников. С первых дней правления он обрушил на подданных водопад всевозможных милостей: это и амнистия всем заключенным, и пособия неимущим, и отмена смертной казни. Пожалуй, одним из самых важных достижений Годунова было введение на Руси патриаршества. До этого митрополиты назначались Константинополем. Теперь же Русская православная церковь обрела независимость. Питая явные пристрастия к европейскому просвещению, Борис вознамерился создать в Москве Высшую школу с преподавателями иностранцами, но духовенство, руководствуясь рискованным опытом прошлых лет, воспротивилось. Память о влиянии на нетвердые умы всевозможных ересей была еще свежа.

Могло показаться, что после вялотекущего полураспада государственности в период Фёдора Иоанновича Россия обрела, наконец, достойного преемника Ивана Грозного. Но — странно. В народе год от года нарастало сначала пассивное, а затем и активное сопротивление, и причиной тому стали обманутые ожидания. Обещанные подданным «золотые горы» довольно скоро обернулись сточными канавами. Крестьяне получили крепостное право, деревню душило усиление налогового бремени. Отношение масс к царю явилось для него самого теми же обманутыми ожиданиями, что постепенно превратило его в желчного и подозрительного деспота. По элитам прокатилась волна репрессий, чему способствовало повсеместно внедряемое доноительство. И в довершении всего словно сама природа обрушила на Годунова свой гнев. Именно на период его царствования приходится самое суровое похолодание тысячелетия, а непрерывные дожди холодного лета 1601 г. уничтожили весь урожай. В стране начался голод, завершившийся эпидемией чумы. Надо отдать

должное Годунову: он делал всё возможное, чтобы хоть как-то облегчить положение народа. Было роздано всё зерно из государственных запасов, проводились розыски припрятанного у спекулянтов и скупщиков, строго контролировались цены, что по закону экономики привело к еще большему истощению запасов. В итоге Годунов начал закупать хлеб на свои личные средства и распределять среди неимущих в виде пайков, но и эта мера не принесла желаемого результата. Недовольство продолжало нарастать и, вполне закономерно, переросло в полномасштабную гражданскую войну, получившую название «Смутное время».

И опять в этих событиях мы не можем не заметить саркастическую усмешку истории. Ведь ситуация, почти аналогичная, произошла во время катастрофических недородов 70-х гг. прошлого века и так же сопровождалась эпидемией чумы. Нужно отметить, что Грозный, в отличие от Годунова, подобных альтруистических радикальных мер не предпринимал, да и новгородская история не могла не возбудить массовых эмоций хоть в какой-то степени. Но, несмотря на это, ничего даже отдаленно похожего на народные волнения не возникало. В чем же тут дело? С расстояния прошедших веков уже невозможно с кинематографической точностью воспринять общую социальную картину эпохи, но тенденции, повторяющиеся из века в век, заставляют задуматься о несомненных циклических закономерностях. История Годунова уникальна тем, что он стал первым российским царем, избранным по законам демократии, и именно этот опыт роковым образом отразился на судьбе страны, то ли по иронии истории, то ли по несомненному промыслительному характеру. Трудно переоценить заслугу Грозного в возрождении земских соборов. Мощная стержневая политическая воля лидера, подкреплённая неким прообразом парламентаризма, создавала устойчивую равновесную систему в государственной власти. Народные массы воспринимали эту схему с удовлетворением, так как она сочетала в себе необходимые элементы осмысленного и защищенного бытия. Представительство в законодательной власти почти всех социальных слоев создавало ощущение сопричастности судьбе отечества, а железная монаршая воля гарантировала каждому справедливость и защиту. Пусть это были иллюзии, но они так или иначе наполняли жизнь смыслом. И первые же, пусть условно, но всё же демократические выборы главы государства привели к главной человеческой трагедии — утрате смыслов.

Не имея никакого опыта в организации и проведении предвыборных кампаний, Россия тем не менее продемонстрировала уже в то время всю уродливую несостоятельность «черной» демократической процедуры. И надо заметить: никто этому не учил, отсутствовала генетическая память, не имели места традиции. Всё это невольно подводит к вопросу: кто же вложил в умы организаторов и электората лукавые приемы и ложные послылы? Как будто опять замаячили чьи-то уши. Или рога.

Согласно исследованиям В. О. Ключевского, предвыборная кампания Годунова велась с большим размахом и многообразием. Один из главных его приверженцев — патриарх Иов — разослал агитаторов по городам и весям. Велась неприкрытая торговля с оппонентами, правдами и неправдами склонялись на свою сторону военные, посадские и торговые люди. Выступления на соборах организовывались таким образом, чтобы буквально затыкать рот оппонентам. Главным потенциальным соперником Годунова был Фёдор Романов. Боярская элита пребывала в убеждении, что трон не может принадлежать какому-то выскочке из рода недостаточно знатного. Большая работа проводилась в среде городских низов. Доподлинно не известно, каким образом создавались социально активные группы, но происходящее во время всевозможных массовых мероприятий удивительным образом походило на проплаченные митинги конца XX столетия, когда организованные толпы трясли транспарантами и скандировали заученные речевки в стиле «Голосуй, а то проиграешь!»

Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике» описывает процедуру крестоцелования в Успенском соборе как иступленную вакханалию с воплями слов присяги, заглушающими слова молитв. Одним словом, уже самая первая в истории России избирательная кампания несла в себе все черты демократических процедур века XX. В начале XVII в. страну спасло отсутствие законодательно прописанной системы избрания главы государства. Царская власть сохраняла наследственность, династичность. Но, несмотря на то, что в тексте присяги на верность государю содержались слова о «богоизбранности» нового монарха, в подсознательном плане подобная «демократическая богоизбранность» Годунова выглядела карикатурой в сравнении с помазанием на царство Ивана Грозного.

Грустная ирония момента заключается в том, что принцип выборности в любой социокультурной институции не может быть оспорен ни с точки зрения здоровой логики, ни с точки зрения современной политической традиции. Вне всякого сомнения, институт земских соборов показал себя ценнейшим инструментом становления соборной общности народа и государства. В отличие от прямых и всеобщих выборов Земский собор представлял собой собрание наиболее авторитетных представителей всех общественных сословий, что сводило к минимуму вероятность популистских погрешностей.

По сути, сам по себе прецедент избрания монарха представительным собранием государственной элиты — событие чрезвычайной значимости и несомненной оптимальности. Но само провидение посредством множества факторов, казалось бы, не связанных друг с другом логически, как бы заложило в сознание масс определенное предостережение. Другое дело, что оно не было ни услышано, ни воспринято и ни осознано. В этом контексте заслуживают внимания и необычные изменения в психике самого Бориса. Он замкнулся в себе, почти совсем устранился

от дел, подозревал всех и каждого в интригах и измене, окружил себя чародеями, астрологами и гадалками, то есть — налицо были все признаки психического расстройства.

Вопреки мнению многих авторитетных историков, представляется, что говорить о какой бы то ни было реформаторской активности Годунова неправомерно, а уж тем более относить ее к протолиберальному направлению. Устоявшаяся традиция исторической науки противопоставляет периоды царствования Грозного и Годунова с одной лишь целью — оттенить негативизм первого позитивизмом второго (разумеется, период Федора Иоанновича не рассматривается вообще). Но вспомним: «По плодам их узнаете Их». В контексте данной работы можно было бы вообще не касаться личности Годунова как не относящейся к теме исследования, но необходимость сопоставления последствий очевидна. Развенчанию мифов о кровожадности Грозного была посвящена предыдущая глава. Но мало где упоминается, что с началом гражданской войны количество жертв режима Годунова многократно превысило все прежние пределы. После подавления восстания Хлопка Косолапа в 1603 г. число повешенных казаков и комарицких мужиков не поддается точному исчислению. Известно лишь, что после битвы под Севском повесили несколько тысяч. Под ту же гребенку попали и тысячи обычных крестьян Комарицкой волости, которых вместе с женами и детьми попросту перебили — так, заодно. Какие уж тут сравнения с «новгородской резней»! Современники отмечали, что за одно только упоминание имени Лжедмитрия людей убивали вместе с семьями, «пытали, жгли, прижигали каленым железом, спускали под воду, под лед». Множество людей отправили в ссылку, а по пути отравили. Именно по инициативе Годунова было создано специальное сыскное ведомство с неограниченными полномочиями. Возглавил его Семен Годунов — троюродный брат Бориса, впоследствии получивший прозвище «правое ухо царя». Именно он сфабриковал дело против опальных братьев Романовых по обвинению в подготовке покушения на Бориса, а позднее подстрекал царя к расправе над руководством Боярской думы.

В среде историков имеет место точка зрения, что истоки ненависти народа к Годунову коренятся в общепринятом в те времена мнении о нем как об убийце. Молва обвешала его всеми мыслимыми и немыслимыми смертными грехами, чаще всего ничем не доказанными. Ему приписывали убийство Дмитрия, правнучки Ивана III — Марии Владимировны — и ее дочери Евдокии Магнусовой, дочери царицы Ирины и Федора Иоанновича Феодосии. Всё это — домыслы и укоренившиеся в умах сплетни. Но как бы там ни было, в понимании народа Борис никогда не был истинным царем. Подлинный царь имел право на убийство, потому что являлся Божьим ставленником и кара царева — кара Божья. Годунов же в народном представлении выглядел самым гнусным из убийц, потому что руки

его были в крови истинных царевых наследников, и в народе зрела мистическая убежденность, что его приход на царство повлечет за собой воздаяние Божье для всей страны. Можно как угодно относиться к народным суевериям, но произошло именно то, чего все боялись.

И еще один показательный момент. Сын Бориса — Фёдор Годунов — продержался на престоле всего 49 дней. С самых малых лет ему оказывались почести, равные царским. С десятилетнего возраста он начал привлекаться к государственным обязанностям, имел собственную государственную печать, заседал в Боярской думе, вел официальные приемы иностранных послов, участвовал в судебных процессах и занимался благотворительностью. Молодой царевич вошел в историю как первый русский картограф. Ведущий специалист тех лет Гессель Герритс в 1614 г. издал в Амстердаме карту России, собственноручно составленную Федором и получившую высокую оценку в среде профессионалов.

Получая прекрасное образование, этот вундеркинд поражал окружение необыкновенными способностями и живостью ума. Н. М. Карамзин характеризовал его как «первый плод европейского воспитания в России». Вне всякого сомнения, у Фёдора был весь необходимый потенциал, чтобы стать «просвещенным монархом». Но судьба распорядилась иначе.

Первого июня 1605 г. приспешники Лжедмитрия Никита Плещеев и Гаврила Пушкин арестовали царя Фёдора II, его мать и сестру. Ни городская знать, ни Боярская дума этому не препятствовали. По условию, поставленному самозванцем, все они должны быть убиты, что и было выполнено, а народ, по выражению А. С. Пушкина, «безмолвствовал». Поклонение Ивану Грозному, распространявшееся и на его сына, в народном сознании преобладало над здравым смыслом. В этом не было ничего рационального как, впрочем, и всегда — в массовом сознании рациональная составляющая весьма мала. Ненависть к Борису Годунову так же иррационально переходила и на его сына, талантливого, добродетельного юношу, в лице которого народ мог получить правителя совершенно нового типа. Г. Лебон писал:

«Философия истории становится нам понятной лишь тогда, когда мы вполне усвоим себе основные пункты психологии толпы, указывающие, что для толпы надо быть богом или ничем».

Грозный был Богом. Годунов таковым не был и стать не мог. Лебон справедливо полагал, что в бифуркационных точках исторического процесса, таких как политические перевороты и разного рода смуты, убеждения толпы принимают специальную форму, сравнимую с религиозным чувством. Это может быть и обожанием, и боязнью его магической силы, слепым подчинением, стремлением видеть врагов во всех, кто не признает кумира. Трагедия Годунова хоть и опосредованно, но подтверждает вышесказанное во второй главе. Искать зачатки либерализма в деятельности Годунова бессмысленно, но, думается, если бы таковые имели место,

последствия смуты носили значительно более тяжелый характер. В то же время семена, посеянные Грозным, дали редкие, но мощные всходы. Зачатки гражданского общества на основе земств смогли подарить стране таких лидеров, как Козьма Минин, бывший земским старостой, фигурой по тем временам чрезвычайно уважаемой и влиятельной именно в среде низов, а взаимодействие его с представителем элиты князем Пожарским является самым ярким подтверждением эффективности и безошибочности управленческой стратегии Грозного.

Думается, что, невзирая на разнообразные и разнотрактуемые характеристики и оценки деятельности величайшего в истории России деятеля Петра I, можно коротко и лаконично охарактеризовать его термином Мережковского — «антихрист». Соприкасаясь с этой темой, невольно впадаешь в некий интеллектуальный «раздрай»: с одной стороны, Петр — основатель Александро-Невской лавры, а с другой — кощунник и святотатец, яростный гонитель монашества.

История мифотворения на Руси — тема для исследователя крайне интересная. Миф о Петре замечателен тем, что отвечает главному запросу как истории, так и современности. Почему именно Россия всегда испытывала потребность в сильных личностях во власти? Разумеется, любая власть предполагает наличие сильного лидера, но в России этот вопрос стоит значительно острее. Даже на примере дня сегодняшнего можно наблюдать историческую экстраполяцию дней минувших. Если современная Европа продолжает вполне себе успешно существовать, имея во главе всех государств полных ничтожеств в области управленческой стратегии, то Россия при этом условии неизбежно впадает в политический и социальный коллапс. Западный миф об иллюзорной свободе никак не приживается на отечественной почве. Сколько бы «либералы» ни причитали на тему «психологии рабов», русский человек не оскорбляется. Он просто игнорирует эти бредни. Вопрос свободы, настолько актуальный для человека западного, русскому не интересен. Что есть «свобода»? Свобода от чего? Свобода для чего? Свободен ли человек в рамках семьи? Свободен ли человек в рамках страны? Свободен ли человек в рамках планеты? Этот ряд, а в особенности его гипотетическое продолжение, показывает всю наивность вопроса. Гарантии «сильной руки» во власти государства во все времена на Руси были приоритетны. Свобода в смысле безграничной воли для самосознания русского человека первостепенна. Но именно это налагало на него огромную ношу ответственности за каждый совершенный поступок. «Вольный» человек понимал, что безграничность и беспредельность представляют определенную опасность для него самого в первую очередь. Любая свобода — всего лишь иллюзия. Единственная подлинная свобода — это личная свобода воли, дарованная Богом.

Мифы и легенды эпохи Петра созданы в значительной части в бытность Екатерины II, почитательницы Вольтера и других просветителей.

Культ просвещения наложил отпечаток на всю историю России того периода. Но, по мнению Б. Башилова²⁴, основной проблемой Петра было отсутствие хоть какого-то систематического образования. В юные годы он вращался в среде невежественных людей, а попросту — отбросов европейской цивилизации, осевших в Немецкой слободе. Отсюда и трагедия всей петровской эпохи: среда общения не могла дать ему подлинного царского православного миропонимания. Русские цари получали воспитание в Кремле, который давал «и правила одухотворяющие, и оправдывающие власть», без чего русская цивилизация не имела подлинного обоснования. Отсутствие интереса к русской культуре оказало решающее влияние с малолетства и юношества. Отсюда и пренебрежение к религиозным традициям своей страны, и отрыв от корней ее. Игнорирование, а то и подавление устоев и традиций своего народа со стороны царя было явлением абсолютно невыносимым. Аксиоматическая формула царской власти на Руси всегда выглядела следующим образом: если царь служит народу, он — владыка, если народ служит царю, он — тиран. Иван Грозный служил своему народу. Даже Годунов, несмотря на все гримасы последнего периода царствования, служил народу. Царь Петр служил лишь самому себе. Он понимал Россию как дикую и нецивилизованную вотчину, в которой можно по собственному произволу водворять свой порядок и миропонимание. И страна его не принимала — от старообрядцев, со всеожжениями, до традиционных благочестивых православных, воочию наблюдавших откровенное глумление над верой предков. Ведь что такое, по сути, «всесудейский собор»? Сатанизм, бесовщина в чистом виде. Любопытно, что обряды собора почти один в один повторяли кощунственные действия стригольников и «жидовствующих», хотя никаких упоминаний о возрождении этих сект в этот период в истории нет. Очевидно, что воцарение «антихриста» пробуждает к жизни самые низменные и отвратительные явления. Мы говорим о «великих свершениях» государя на «голубом глазу», как бы не замечая всю чудовищную суть этого, по сути, недочеловека, который уже доподлинно не только убил собственного сына, но и смаковал подробности пыток, лично на них присутствуя и отмечая бурными пьяными оргиями.

Академик С. Ф. Платонов характеризует Петра к периоду его совершеннолетия как сформировавшуюся личность. Это был необученный и невоспитанный человек с точки зрения «староотеческих понятий». Возвращаясь к историографии Ключевского, можно повториться, что как в оценках и анализе Грозного, так и относительно Петра в исследовании отсутствует концептуальная составляющая, поэтому весь анализ сваливается в гуманитарную плоскость, что в этой точной науке недопустимо.

---

²⁴ Борис Башилов (настоящая фамилия Юркевич; 1908–1970) — русский публицист, исторический писатель.

Трудно не согласиться с выводами Б. Башилова, что Ключевский, как и Карамзин в свое время относительно персоны Грозного, приводит доводы, противоречащие друг другу. Не оставляет впечатление, как в том, так и в другом случае, что описанию подвергались две совершенно противоположные личности.

В воспитании царственных особ всегда наиважнейшей являлась церковная составляющая. Но странная гримаса судьбы ожидала Петра еще до его рождения. Весьма уважаемый и достойный человек Артамон Матвеев, воспитатель Натальи Нарышкиной — матери будущего государя, будучи приверженцем всего европейского, водил дружбу с отребьем Немецкой слободы, да и женился впоследствии на англичанке. Поэтому нет ничего удивительного, что и детям в семье давалось и воспитание, и образование на западный манер. Казалось бы, ну что плохого в европейском воспитании и образовании? Всё было бы хорошо, если бы не одна странность. Это воспитание и это образование почему-то неизбежно прививали презрение ко всему русскому. Об этом стоило бы задуматься сегодня тем состоятельным людям, которые отправляют своих отпрысков на обучение в Англию. Надо полагать, что эта молодежь, за редким исключением, будет потеряна для своей страны. Грустно сознавать, что среди родителей не только космополитичные олигархи, но и вполне приличные люди.

Возможно, воспитание самой Натальи Нарышкиной каким-то образом повлияло на ее решение предпочесть для маленького Петра странное воспитание пьяницы Никиты Зотова приличествующему монастырскому. Несомненно, что роковую роль в становлении будущего государя сыграла ранняя потеря отца. Прими он участие в воспитании сына, и история государства российского могла пойти по иному пути. Вот что пишет С. Платонов:

«Алексея Михайловича приучили к книге и разбудили в нем умственные запросы. Склонность к чтению и размышлению развила светлые стороны натуры Алексея Михайловича и создала из него чрезвычайно светлую личность. Он был одним из самых образованных людей Московского общества — следы его разносторонней начитанности, библейской, церковной и светской, разбросаны во всех его произведениях. Без сомнения, он был одним из православнейших москвичей, только его ум и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православие, чем понимало его большинство современников. Его религиозное сознание шло, несомненно, дальше обряда: он был философ-моралист; и его философское мировоззрение было строго религиозным. <...> Это был правитель с твердыми и ясными взглядами, одухотворяющими и оправдывающими власть, которою он обладал, с твердыми политическими понятиями, с высокой устойчивой моралью, с широко развитой способностью логически рассуждать, глубоко понимавший логику исторического развития и традиционные особенности русского быта.

Он любил размышлять, детально обдумывал задуманные государственные мероприятия, не увязал в мелочах государственного строительства, отчетливо представлял себе, что выйдет из намеченного преобразования.

Опираясь на православие, отец Петра имел ясное и твердое понятие о происхождении и значении царской власти в Московской Руси как о власти богоустановленной и назначенной для того, чтобы Бог по Его словам даровал ему и боярам „с ними единокорны люди его, световы, рассудити вправду, всем ровно“».

Казалось бы, генетические наследственные задатки должны были сыграть основополагающую роль в становлении личности молодого Петра. При попытках анализа психотипа царя приходится сталкиваться с той же проблемой, с которой не справились в свое время ведущие русские историки. Безусловно, теория и практика наследственности знает немало примеров отклонений, логических объяснений не имеющих, но всё же сделаем еще одну попытку разобраться в факторах влияния.

Высокий градус напряжения в обществе породил большое количество слухов и домыслов, часто фантастических. Одной из самых популярных легенд, особенно в среде старообрядцев, была история о подмене ребенка Натальи Нарышкиной мальчиком из Немецкой слободы. Позднее родилась еще более невероятная версия о подмене царя во время Великого посольства. Народное сознание требовало хоть каких-то объяснений множеству непонятных эксцессов, начиная с внешности, носящей все признаки дегенерации и не имеющей ни малейшего сходства с предками, до манеры поведения и образа мыслей.

Рассматривая факторы, оказавшие влияние на личность Петра, стоит обратить внимание на фигуру, второстепенную на первый взгляд, но однозначно не случайную. Это Симеон Полоцкий. Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович родился в 1629 г. в Полоцке. Закончил Киево-Могилевскую коллегию, затем Виленскую иезуитскую коллегию. Приняв иночество в 1656 г., преподавал в Полоцкой братской школе. Во время войны с Польшей, при вступлении в Полоцк царя Алексея Михайловича посвятил ему восторженные хвалебные стихи, чем заслужил к себе особое царское расположение. Перевод в Москву не замедлил свершиться, где хвалебные оды потекли как из рога изобилия. Деятельность его в Москве отличалась разнообразием — от литературы до государственной службы. В 1664 г. служил переводчиком у Паиссия Лигарида²⁵, а с 1665 г. возглавил школу для будущих дипломатов, созданную при Приказе тайных дел. Параллельно преподавал в Заиконоспасской школе, являясь наставником государевых детей.

---

²⁵ Митрополит Паисий (Пантелеимон Лигарид; 1610–1678) — епископ Иерусалимской церкви; православный митрополит Газы. Активный участник церковно-политической борьбы в Русском государстве в 1660-х гг.

Авторитет его всё возрастал и становился непререкаемым не только для самого Алексея Михайловича, но и для царевны Софьи и, впоследствии, маленького Петра. В 1679 г. стал одним из инициаторов создания Славяно-греко-латинской академии.

Но, пожалуй, главным фактором, определившим отношение к нему царствующих особ, стало тайное знание, которым Симеон владел в совершенстве. В те времена астрология становилась модным увлечением в среде аристократии. Не чурался ее и Алексей Михайлович, несмотря на безусловное осуждение со стороны Православной Церкви. После смерти Марии Милославской царь взял в жены Наталью Нарышкину. В августе 1671 г. Симеон сообщил государю, что «в утробе царицы Натальи зачался вчера Великий Государь», рождение которого состоится 30 мая 1672 г. Попутно сообщил такое количество подробностей будущего рождения и предстоящей роли его в истории, что поверг весь двор и окружение в предельный трепет. Дальнейший ход событий подтвердил его предсказания в точности. Симеон был осыпан почестями и милостями, а после восшествия на престол своего воспитанника Федора приобрел и вовсе исключительное влияние. Интересную характеристику дает Симеону протоиерей Георгий Флоровский:

«Довольно заурядный западнорусский начетчик или книжник, но очень ловкий, изворотливый и спорый в делах житейских, сумевший высоко и твердо стать в озадаченном московском обществе <...> как пиит и виршеслагатель, как ученый человек для всяких поручений».

Современники характеризовали его кратко: «Он папешник и лукав человек». Доподлинно известно, что до конца жизни Симеон Полоцкий оставался тайным униатом, принадлежащим к Базилианскому ордену. Однако в общении с иностранцами он свою приверженность не скрывал. Аристократ из Курляндии Якуб Рейтенфельс в «Сказаниях о Московии» писал, что в столице северной державы живет «писатель, монах базилианского ордена Симеон, в высшей степени преисполненный латинской ученостью».

Полоцкий демонстрировал весьма своеобразное отношение к русским христианским традициям, которые были не только далеки от него, но и признавались им вредными. Русскую историю он считал нагромождением вымыслов, суеверий и невежества. Он был уверен, что Россия должна избавиться от своей самобытности, и все усилия направлял на распространение идей западноевропейского гуманизма и рационализма.

После смерти Полоцкого многие его книги были запрещены как «прельщающие латинской мудростью», а рукописи изъяты и запечатаны в патриаршей ризнице. Патриарх Иоаким осудил Симеона как человека «мудрствоваше латинская нововы мышления». О самих же книгах Иоаким говорил: «Мы прежде печатного издания не видали и не читали тех книг, а печатать их не только благословения, но и изволения нашего не было».

Идейное направление, развиваемое Полоцким, получило название «латинства». Он искусственно отделял веру от рационального, «разумного» знания, лишал христианскую веру разумного начала, выводя разум за пределы Божественного Логоса и сводя его к плотской рациональности. Ни церковные догматы и каноны, ни церковная история Полоцким не принимались во внимание. Для него была важна не диалектика мнений, пришедшая из античности через патристическую традицию на Русь, а всего лишь псевдорелигиозная пропаганда. Г. Флоровский писал:

«Именно в XVII веке латинизации подвергается не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и сама религиозная психология. Латинизируется сама душа народа... внутренняя свобода и независимость были потеряны, и было утрачено и самое мерило для самопроверки».

Целью своей философии Полоцкий полагал воспитание «совершенно-го человека, на всякое дело уготованного». В своем творчестве он создавал образ «нового человека, лишённого православного мракобесия». Каким-то образом и случилось так, что он, прямо или косвенно, создал такого первого «нового человека» на Руси — Петра I, который и стал продолжателем его «славных» дел. Одним из важнейших качеств «совершенного человека» он считал слепую любовь и верность правителю. Он утверждал, что благополучие царя является главной целью существования остальных членов общества. Беззастенчиво и грубо-льстиво он сравнивал Алексея Михайловича с солнцем, сияющим «во Российском небе» и «пресветло освещающим мир лучами своих доброт. Пресветлое имя его чуднее славится в самых отдаленных странах, где златовласый Титан пускает своих коней и где оставливает их, где престол Нептуна, где Эол повелевает. Слава его достигает столпов Геркулеса и стран Америцких». «Своим правдолюбием и „изгнанием лести“ он превосходит Александра Великого, Тита — римского императора, Соломона. Блаженны те, которые служат ему, потому что милость его безмерна: ни Ганг, ни Пактол не приносят столько золотого песку, ни обильная роса столько влаги, сколько оказывает „доброт“ царь Алексей. Свет его в семь раз светлее лучей Феба».

Современники отмечали, что лесть, ложь и изворотливость Полоцкого перед властью не имели границ. Для достижения высокого материального и политического статуса он не брезговал откровенной подлостью. Перед лицами, имеющими подлинную власть, он плел возвышенные панегирики, но, если кто-то попадал в опалу, он этого человека смешивал с грязью. Примером тому может служить отношение к патриарху Никону, воспеваемому им в начале духовной карьеры и откровенно поносимому после опалы.

Сейчас трудно делать выводы о прямом влиянии Полоцкого на маленького Петра, которому было всего восемь лет, когда Симеон умер, но его влияние на Наталью Нарышкину и Федора сомнению не подлежит, а следовательно, и Петр избежать его не мог.

По свидетельству В. О. Ключевского, обучение маленького государя началось по старорусскому обычаю — с пяти лет от роду. Старший брат Федор дал поручение боярину Соковнину приискать учителя и наставника, «исполненного всяких добродетелей и искусного в грамоте и письме». Выбор пал на дьяка Челобитного приказа Никиту Моисеевича Зотова. Чем был обусловлен выбор, сказать трудно. По свидетельствам современников, Зотов «не знал наук и языков, но был довольно сведущ в истории, а паче отечественной». Симеон Полоцкий проэкзаменовал Зотова в чтении и письме, чем и ограничились, поручив Петра заботам «дядьки-воспитателя». Никита обучал будущего царя грамоте, основам богословия, Часослову, Псалтири, Евангелию. По заказу Зотова были изготовлены специальные живописные книжки — «истории лицевыя с прописьюми», помогавшие ребенку лучше усваивать события отечественной истории и жизни Европы.

Сегодня невозможно сказать, какова была нравственная составляющая этого обучения и воспитания, но духовная близость и взаимная привязанность учителя и ученика прошли через всю их дальнейшую жизнь. Правда, привязанность эта носила странный и уродливый характер. Будучи всячески обласкан государем на протяжении всей жизни, Зотов, наряду с этим, подвергался со стороны Петра всевозможным унижениям и издевательствам, начиная с назначения «князь-папой» «всешутейского собора» до отвратительного фарса с женитьбой престарелого учителя на молодой вдове. Представляется, что воспитание юного царя носило весьма сомнительный характер, что и выразилось впоследствии в странном благоволении, сочетавшемся с подобием изоощренной мести. В 1680 г. Зотова удалили от Петра. Основная версия — придворные интриги, но установить подлинную причину опять-таки невозможно. Но факт свершился: учителя отстранили, а нового не назначили, и молодой государь принялся лоботрясничать, предоставленный самому себе и сверстникам. Забавы его носили характер агрессивный, иногда варварский. Детское воображение, распаленное рассказами Зотова о военных баталиях и ратных подвигах, вселило в него веру в собственную исключительность полководца. Царский статус позволял играть в настоящие кораблики и живых солдатиков. Помимо неумной и неподкрепленной знаниями страсти к кораблестроению и судовождению, часто оборачивавшейся человеческими жертвами, страсть к игре в «войнушку» обходилась еще дороже. Два полноштатных полка, прозванных «потешными», имели на вооружении реальное стрелковое и холодное оружие. Силами тех же «солдат-недорослей» на Язуе возвели настоящую крепость Пресбург с укреплениями и боевыми орудиями. Надо понимать, что отсутствие элементарных знаний и навыков в военном деле не могло не привести к тяжелым последствиям. В «потешных» баталиях люди гибли и калечились. Сам Петр несколько раз становился жертвой собственного невежества при обращении с взрывчатыми мате-

риалами и едва не погибал. Отношение к жизни и здоровью людей, являвшихся для него лишь живыми игрушками, он сохранил до конца дней, оставаясь, по сути, капризным и инфантильным недоучкой. В письме Ф. М. Апраксину в 1695 г. он сообщает о начале Азовского похода: «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем». Этим сказано всё: игра в человеческие жизни — самая увлекательная игра и излюбленная шутка. До самой смерти он оставался ненаигравшимся испорченным мальчишкой. Этому способствовало не только позднее развитие (в 2,5 года он еще не был отнят от груди), но и особенности обучения. Возможно, Зотов обучал его «не шатко, не валко», а возможно, и интеллектуальные способности маленького Петра оставляли желать лучшего. Известно лишь, что к одиннадцати годам он еще не освоил до конца азбуку и до конца дней игнорировал грамматику и орфографию. К шестнадцати годам не знал основных арифметических действий и не мог правильно написать ни одной строчки текста, писал слитно, не понимая разделения слов.

Знакомство с Гордоном и Лефортом не было случайным. Подобное притягивается подобным, и, естественно, избежать судьбы знакомства с этими неординарными личностями Петр не мог.

Постепенно Немецкая слобода становилась и «культурным» центром, и светским салоном. К. Ф. Валишевский²⁶ пишет:

«Немецкая слобода стала Европой в миниатюре, где так же, как и там, кипели политические страсти, а над умами господствовали идеи английской революции. Прибывшие эмигранты жили там интересами, которые захватывали общество у них на родине. Немецкая слобода переживала приподнятое настроение. Шотландец Патрик Гордон увлекался успехами лондонского королевского общества. Английские дамы пудами выписывали романы и поэтические произведения национальных писателей. Поддерживалась деятельная переписка с Европой».

Но, наряду с этим, развлечения «просвещенных» европейцев носили характер в основном разнузданный. Разгульные кутежи были обычным времяпрепровождением, чему нисколько не противоречила протестантская этика. Именно там Петр и сошелся «накоротке» с Лефортом и Гордоном. И. Солоневич пишет:

«Первоначальной общественной школой Петра был Кокуй, с его разноплеменными отбросами Европы, попавшими в Москву на ловлю счастья и чинов. Если Европа в ее высших слоях особенной чинностью не блистала, то что уж говорить об этих отбросах. Особенно в присутствии царя, обеспечивавшего эти отбросы от всякого полицейского вмешательства. Делали — что хотели. Пили целыми сутками — так, что многие

---

²⁶ Казимир Валишевский (1849–1935) — польский историк, писатель и публицист, известный в России сочинениями по придворной истории XVIII века (эпоха дворцовых переворотов).

и помирали. И не только пили сами — заставляли пить и других, так что варварские москвичи бежали от царской компании, как от чумы».

О том же вспоминает и князь Куракин, применительно к дому Лефор-та, ставшему настоящим притоном: «Тут начиналось дебошство, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дни, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого и умерать».

Поэтому нечего удивляться, что с самых младых ногтей будущий государь вызывал в среде добропорядочных подданных презрение и отвращение. Нравственная неустойчивость Петра была хорошо понятна и ему самому: «Я могу управлять другими, но не могу управлять собой». Внезапные и немотивированные вспышки гнева хорошо известны его современникам. Профессор М. В. Зызыкин пишет:

«Он мог совершенно непостижимо соединять веселье с кровопролитием. 26 июня 1718 года в сыром мрачном каземате ушел в небытие его единственный сын, а на следующий день Пётр шумно праздновал годовщину Полтавской „виктории“ и в его саду все „довольно веселились до полуночи“».

Нет смысла описывать многочисленные бесчинства и зверства Петра — об этом уже написано более чем достаточно. Хочется лишь задать вопрос историкам: почему они, учитывая все факторы, превозносят Петра, а Ивана Грозного низводят до уровня чудовища? Ведь даже при самом поверхностном взгляде становится очевидно, что эти две личности в моральном отношении заслуживают оценки, прямо противоположной общепринятой. В политике Пётр по сравнению с Иваном совершенно ничтожен. Количество человеческих жертв Петра на порядки (!) больше, чем Ивана. И, наконец, кто действительно сыноубийца и клятвопреступник? Дав слово Алексею, что не тронет его, коварно выманил и отдал на растерзание своим «псам», лично присутствуя на пытках при дознании. Полноте, господа историки! Задумайтесь: да человек ли это вообще?

Говорить о Петре как о православном государе не только не уместно, но и кощунственно. Его образ жизни, образ мышления, нравственные устои не соответствовали не только статусу царя, но и вообще православного. Например, посещение католических богослужений в той же Немецкой слободе приводило москвичей в состояние шока. Но более всего показателен факт его дружбы с Патриком Гордоном — резидентом английской короны и масоном высокой степени посвящения. Существует вполне обоснованное, хотя и недоказанное предположение, что и сам Петр был посвящен в масоны Гордоном, регулярно отбывающим на родину для докладов и получения инструкций лично от короля Якова II.

Георгий Федотов писал:

«Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра. Далеко щенкам до льва. И провалившаяся у них „живая“ церковь блестя-

ще удалась у их предшественника, который сумел на два столетия обезвредить национальные силы православия»

По мере погружения в мир западной «культуры» у Петра нарастало раздражение ко всему русскому. Разрядку он находил в среде иностранцев, в частности в доме Лефорта, что выражалось в нескончаемых оргиях. Даже любовницей его стала немка, дочка торговца спиртным. В конце концов, он и жить переехал из Кремля в Преображенский дворец. Надо полагать, что именно ненависть к православной Москве подвигла его на строительство новой столицы на самой окраине, в максимальном приближении к вожделенной Европе. И дело совсем не в том, что «назло надменному соседу». Стратегического значения это решение не имело никакого, за исключением того, что в случае военной агрессии новая столица первой попадала под удар неприятеля. Да и место, совершенно непригодное для города, было выбрано лишь потому, что устье Невы — разветвленная сеть многочисленных рукавов. Соединив их каналами, Петр планировал основным средством передвижения в столице сделать лодки, чтобы максимально симитировать так любезную его сердцу Голландию. Вот такие царственные забавы. Вспоминается фильм Марка Захарова «Формула любви», в котором крепостной рассказывал, как их барин всех крестьян заставлял учить латынь: «Желаю, говорит, думать, что я в древнем Риме. Большой просветитель был, прости господи!»

В феврале 2014 г. во время проведения раскопок на Петроградской стороне Санкт-Петербурга было обнаружено массовое захоронение начала XVIII в. Коллективное погребение насчитывало 253 скелета. В течение полугода специалисты изучали останки людей с целью установления пола, возраста и телосложения людей. Вблизи были обнаружены фрагменты деревянных построек, фрагменты булыжного мощения, предметы утвари быта и обуви. Исследования достоверно подтвердили, что имеют место останки строителей Северной столицы. Это были крестьяне, согнанные из европейских областей России — Северо-Запада, Поволжья, — а также карелы и ижоры. Исследования прижизненных травм показало, что эти люди не имели ни повреждений, полученных в бою, ни серьезных заболеваний, оставляющих следы на костях. Основную массу составляли молодые люди, до 40 лет, и умерли они от голода, холода и быстротекущих болезней. Все артефакты сейчас представлены на выставке в Институте истории материальной культуры РАН. И это только лишь случайно обнаруженные плоды реформаторской деятельности «великого просветителя». А сколько таких не найдено по болотам и топям, в окрестностях «Северной Пальмиры»!

Окончательный разрыв Петра с генетическими корнями произошел во время его турне по Европе. Идея, подброшенная Лефортом, основной целью имела не просто ознакомление с западным укладом, но знакомство с Вильгельмом Оранским, одним из вожаков масонства. Ярые поборники кальвинизма Лефорт и Вильгельм всячески внушали Петру мысль, что

ему, как царю, необходимо самому встать во главе церкви. Политики Запада отлично понимали, что другого такого шанса может не представиться. Те основы русской государственности, об которые они расшибали лбы на протяжении столетий, теперь не существовали. Иезуиты и протестанты могли торжествовать. Им было понятно, что насильственная вестернизация уничтожит Россию. Петра, так же как Ельцина, всеми средствами убеждали форсировать проведение реформ. Петра, так же как Горбачёва, безудержно восхваляли и пропагандировали в Европе. Результаты нам хорошо известны. С. Платонов пишет:

«На далеком Западе слабели последние связи Петра с традиционным московским бытом; стрелецкий бунт порвал их совсем. Родина провожала Петра в его путешествие ропотом неодобрения, а встретила его возвращение прямым восстанием».

Необходимо обратить внимание, что Европа петровского периода почти ничем не отличалась от себя самой периода Грозного. За сто лет там ничего не изменилось. Затяжные войны и революции прекратились лишь по причине поголовного вымирания населения от голода и болезней. Десятками тысяч сжигали еретиков и ведьм. Кстати, здесь ответ на вопрос, почему в современной Европе красивая женщина — редкость. Генетическая наследственность была изведена практически под корень в Средние века, когда ведьмой считалась каждая красавица. Известен случай, когда в Германии были сожжены все женщины одного из городов. Возникает вопрос: мог ли Петр не видеть всего вышперечисленного? Да он не мог увидеть ничего другого! Особенности нравов аристократии мы уже рассматривали. Напрочь отсутствующая личная гигиена при внешнем лоске, отправление естественных надобностей прямо в коридорах дворцов, кишасшие вши. Любого, приехавшего из России, всё это должно было привести в ужас. Всё то, от чего ревностно оберегали Русь предыдущие государи. И вот — свершилось! Не коварное проникновение агентов влияния, а сама монаршая воля ввозит в Россию массовые казни с личным в них участием, чего не могли себе даже вообразить его предшественники; чуждые наряды, курение, отвратительные обычаи, а главное — не просто презрение к вере предков, но и откровенное глумление над ней.

Арнольд Тойнби пишет:

«Западный мир, куда прибыл Петр I, был уже безрелигиозный мир и оевропеившиеся русские, прибывшие с Петром Великим, стали агентами этой европеизации, не стремясь нисколько принимать форму западного христианства».

Да и принимать, по сути, было нечего. Протестантизм свое дело сделал, и идеи просвещения, если и не привели еще к полной секуляризации, но сделали из религии некое удобное обоснование бытия по личному произволу. Но даже там не опускались до таких выходов, как «всеобщей собор», глумление над святыми реликвиями, которые точь-в-

точь повторяли обряды «ереси жидовствующих», то есть откровенного сатанизма. Надо заметить, что справедливый титул «антихрист» — изобретение отнюдь не Мережковского. Во время знаменитой и совершенно чудовищной стрелецкой казни многие стрельцы кричали ему это в лицо. Прозвище быстро распространилось, и теперь народ его иначе не называл. Наряду с откровенными бесчинствами нарастало давление и на саму Церковь, выражавшееся в попрании ее самостоятельности. Петр демонстративно игнорировал участие в любых религиозных процессиях, а кроме того, отменил крестные ходы. В народной среде начали распространяться слухи о конце света и воцарении антихриста. Большие массы людей кончали жизнь самоубийством, сжигали себя живьем вместе с малыми детьми. Вместе с этим разрастались слухи о подмене царя во время заграничной поездки. И в самом деле, как народ мог воспринимать антирелигиозный маскарад, выходящий за пределы Немецкой слободы на улицы Москвы, и определение «вакханалия» здесь отнюдь не фигура речи. Секретарь австрийского посольства Корб в феврале 1699 г. записал в своем дневнике:

«Особа, играющая роль Патриарха, со всей труппой своего шутовского духовенства праздновала торжественное посвящение богу Вакху дворца, построенного царем и обыкновенно называемого дворцом Лефорта. Шествие, назначенное по случаю этого обряда, выступило из дома полковника Лимы. Патриарха весьма приличное облачение возводило в сан Первосвященника: митра была украшена Вакхом, возбуждавшим своей наготой любовные желания; Амур с Венерой украшали посох, чтобы показать, какой паствы был сей пастырь. За ним следовала толпа прочих лиц, изображавших вакханалию: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие — сосуды с медом, иные — фляги с пивом, водкой, последним даром в честь Сына Земли. И как, по причине зимнего времени, они не могли обвить свои головы лаврами, то несли жертвенные сосуды, наполненные табаком, высушенным на воздухе, и, закурив его, ходили по всем закоулкам дворца, выпуская из дымящегося рта самые приятные для Вакха благоухания и приличнейший фимиам...» (Забавно отметить, что нагота Вакха будила у Корба «любовные желания». Ох уж эта Европа!..)

И всё это происходило в период массовых казней и пыток стрельцов. Особенно любил Петр устраивать безобразные процессии во время православных постов, когда вся его братия выезжала на улицы Москвы на ослах, свиньях, козлах и медведях, запряженных в повозки, в тулупах, вывернутых мехом наружу, приводя тем самым москвичей в состояние ужаса и отвращения.

25 января 1721 г. Петр утвердил «Духовный регламент» в авторстве Феофана Прокоповича, согласно которому православная Церковь переходила в подчинение государства. Программа, вложенная в нестойкое сознание государя во время его заграничного турне, включилась, и теперь

система церковного управления максимально приблизилась к протестантской. Профессор Зызыкин пишет:

«Феофан, пропитанный протестантским рационализмом, относился к народному пониманию религии с величайшим презрением, пристрастие к обряду почитал грубым ханжеством и преследовал. Он в корне подрывал всё то, что считалось основой русского благочестия. Народ видел, что преследуются самые дорогие предметы его религиозного почитания, что обычай и верования дедов провозглашаются „бабьими баснями“, „душепагубными дуростями“; недовольство народа выражалось в разных формах, то в подметных письмах, то в появлении разных людей, критикующих церковную реформу Петра. Так, Соловьев сообщает о появлении в Москве нижегородского посадского Андрея Иванова, пришедшего за 400 верст сообщить царю, что он — еретик — разрушает христианскую веру.

Все внешние формы религии были дороги каждому человеку как видимое выражение православия; обряд тесно соединялся в уме с представлением о вере и нарушение его почиталось грехом. А Петр хотел репрессиями устранить веками выработанный религиозный склад жизни и, естественно, нажил врагов. Представление же его о путях спасения уже исходило в действительности из иного, неправославного учения, результатом чего было его отношение и к монашеству; иные были у него и канонические понятия о правительственной власти в Церкви, полученные из протестантского учения; отсюда его понятие о возможности отмены патриаршества светской властью. Народ инстинктивно чувствовал, что всё это не может делать царь православный».

Можно представить, какое ликование в среде протестантов вызвали основы «Духовного регламента», а отмена патриаршества расценивалась ими как полная победа над православием, тем более что поначалу в состав синода планировалось включение и протестантских священников. Церковь становилась обычным государственным учреждением, в силу чего отменялась тайна исповеди: теперь духовник обязывался докладывать обо всем, что касалось интересов государства. Таким образом, церковная реформа подорвала саму основу русской национальной государственности, а вместе с ней и основу царской власти. Сам Синод не только не соответствовал канонам, но и во многом противоречил им. Достаточно уже того, что его члены носили звания совершенно нелепые и неуместные для священнослужителей: президент, вице-президент, асессор, обер-прокурор. Западничество проявлялось даже в деталях: церкви надлежало строить на манер кирх и костелов, с острыми шпилями вместо куполов. Повсеместно разрушались часовни. Иконы велено было писать на холстах, вместо досок. Даже звонить в колокола требовалось иначе. Нищие сгонялись с папертей и подвергались телесным наказаниям, а на подающих милостыню налагался штраф. Мужские монастыри повсеместно превращались в военные госпитали, монахи становились санитарями. Женские монастыри

преобразовывались в швейные мастерские. Монашество на Руси издревле считалось высшим идеалом, а цари на закате жизни стремились принять постриг. 26 января 1723 г. в свет выходит Указ о запрещении пострижения. Монастыри по мере убывания насельников надлежало заполнять военными инвалидами и отставниками. Монашество Петр считал тунеядством. В Указе, в частности, говорилось:

«Понеже нынешнее житие монахов точию вид есть и понос от иных законов, не мало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность и сколько за-бобонов раскольных и возмутителей произошло, всем ведомо есть також...»

В дополнении к духовному регламенту говорилось:

«Весьма монахам праздным бытии да не попускают настоятели, избирая всегда дело некое, а добре бы в монастырях бы завести художества. Волочащихся монахов ловить и никому не укрывать. Монахам никаких по кельям писем, как выписок из книг, так и грамоток совместных без собственного ведения настоятеля никому не писать, чернил и бумаги не держать. Монахиням в мирских домах не жить, ниже по миру скитаться ни для какой потребности. Скитков пустынных монахам строити не попускати, ибо сие многи делают свободного ради жития, чтобы от всякой власти и надсмотрения удален житии возмогл по своей воле и дабы на новоустроенном ските собирать деньги и теми корыстовался...»

Весь комплекс мер, предпринятых Петром, привел к тому, что у Синода возникло опасение, что монашество исчезнет совсем.

Отношение Петра к Церкви в целом и к монашеству в частности носило характер, на первый взгляд, парадоксальный. Ведя непрерывную и ожесточенную борьбу с институтом монашества, Петр уже в 1710 г. основывает Свято-Троицкую Александро-Невскую лавру. Поступки и решения, казалось бы, противоречащие друг другу, находят объяснение в его мировоззренческой позиции. Фанатичный приверженец просвещения, Петр видел в Церкви, прежде всего (а может быть, и — исключительно?) институт просветительский, что нашло свое выражение в массовой организации духовных училищ и семинарий. Церковные учебные заведения открывались в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Харькове, Твери, Казани, Вятке, Холмогорах, Коломне, Вологде, Рязани, Пскове. Обучение велось по методикам западных иезуитских школ и преимущественно на латыни. Петр четко поделил монашество на два класса: тех, кто становится монахами «для удовольствия немощной совести», и тех, кто «для архиерейства и прочих учителей церковных». Обычное, не ученое монашество содержалось, без преувеличения, «в черном теле». Им вменялось в обязанность работать при богадельнях и госпиталях, опекать инвалидов и стариков. Запрещалось иметь кельи, получать жалованье, покидать монастырь. И совершенно другое положение предполагалось для монашества ученого:

«Что же касается монахов ученых, то сии не для монашества, но ради учения людям и тайн церковных определяются; монашество же им по нужде править только, а к сему служению не нужное, и если возможно, то облегчить их в обещании... ибо тем, которых производит в учителей из монахов, невозможно монашеского правила всего исполнять, но довольно настоящего им дела учиться, а ученым исполнять народу учение».

Для формирования класса ученых монахов Петр предписывал создавать духовные семинарии, в которых будущие архиереи и учителя должны получать соответствующее воспитание; по окончании ими духовной школы их нужно постригать («сие кажется противно правде, да буде иного способу не сыщется, лучше из двух зол легчайшее выбирать», как написано собственноручно Петром) и отсылать в «Невский монастырь», т.е. Александро-Невскую лавру, которая мыслится как кузница архиерейских кадров. Постепенно на базе ученого монашества сформировался церковный привилегированный класс, со временем сосредоточивший в своих руках всё церковное управление.

В истории РПЦ синодальный период ознаменовался не только расширением Церкви, но и расцерковлением элит. Зачатки либерализма вполне закономерно уводили интеллигентские умы в противоположную сторону. Процессы, начатые при Петре, получили новый импульс при Екатерине II, когда с ее легкой руки в моду вошло вольтерянство, ставшее благодатной почвой для полного атеизма, проникшего из интеллигентской среды в среду рабочих и даже крестьянства, что и сыграло свою роль на заре XX в.

Творение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей» обосновало осуществление царской власти по полному произволу. Явление для Руси чуждое. Православный царь всегда считал себя единым целым со своими подданными, что мы могли проследить как на примере Грозного, так и на примере Годунова. Петр же, фактически узурпировавший церковную власть, поставил себя как вне церкви, так и вне народа. С. Платонов пишет:

«Строй Московского государства был воплощением христианского идеала в его именно русском понимании христианства. В характере русского народа не было стремления к отвлеченному знанию предметов веры, он просто искал знания того, как надо жить, народ стремился понять христианство как нравственную животворную силу, а христианскую жизнь как жизнедеятельность человеческого духа, нравственно возрожденного христианством.

Иллюстрацией тому является та центральная власть, в которой отражается, как в фокусе, народное религиозное мировоззрение; это царская власть. Наряду с подвигом власти, царь несет подвиг христианской церковной жизни, направленной к непрерывному самоограничению и самоотречению».

Историки условно делят государственную деятельность Петра на два периода: 1695–1715 и 1715–1725 гг. Первый из них был целиком подчинен военным интересам государства в связи с затяжной Северной войной, поэтому все силы государственного аппарата направлялись на поиск источников дохода для оснащения войск. О методах добывания средств говорить излишне, так как во всех случаях и во все периоды это делалось путем выбивания их из населения. Второй этап проходил под знаком укрепления государства и касался в основном вопросов внутреннего реформирования. Как первый, так и второй периоды носили характер спонтанных и сумбурных действий, с отсутствием какой бы то ни было управленческой стратегии. И. Солоневич пишет:

«Все историки, приводя „частности“, перечисляют вопиющие примеры безалаберности, бесхозяйственности, беспощадности, великого разорения и весьма скромных успехов, и в результате сложения бесконечных минусов, грязи и крови получается портрет эдакого „национального гения“. Думаю, что столь странного арифметического действия во всей мировой литературе не было еще никогда».

Действительно, четкой, продуманной системы в сфере государственного управления у Петра не было никогда. Ключевский отмечал, что основным недостатком его была нравственная неустойчивость и полное отсутствие «суждения»:

«Петр не охотник до досужих размышлений, во всяком деле он лучше соображал средство и цели, чем следствия». Поэтому весь ход так называемых реформ «не обнаружил ни медленно обдуманной мысли, ни созидательной сметки».

Унаследованная Петром система власти не отвечала его запросам, в том числе и потому, что не была абсолютистской. Власть его предшественников всегда чем-то или кем-то ограничивалась. С самых первых лет своего правления Петр задался целью свести к нулю роль Боярской думы в управлении государством. Шаг за шагом он вел дело к тому, что в 1699 г. была создана «Консилия», предшественница будущего Сената. Она состояла из 8 министров, руководивших деятельностью определенных приказов, подчинялась непосредственно царю, перед ним и отчитывалась. Просуществовала Консилия до 1711 г., когда специальным указом был учрежден Правительствующий Сенат. В сферу его ответственности входили вопросы судопроизводства, налогообложения, торговли, бюджета. При Сенате состояла специально созданная должность — обер-фискал. Впервые в России был создан институт негласных соглядатаев, в обязанности которых входил надзор за деятельностью всего бюрократического аппарата, как в центре, так и на местах. Сам же Сенат контролировался обер-прокурором, подчиненным непосредственно царю. Как и следовало ожидать, новая система начала требовать всё большего укрупнения аппарата. Так, система приказов к 1721 г. преобразовалась в 11 коллегий

со строго разграниченными функциями. Таким образом, Петр создал огромного бюрократического монстра, громоздкого и неповоротливого. Созданный по европейскому образцу, он породил небывалое до той поры казнокрадство, ничуть не добавив эффективности.

Лев Тихомиров пишет:

«Петр стремился организовать самоуправление на шведский лад и с полнейшим презрением к своему родному, не воспользовался общинным бытом, представлявшим все данные к самоуправлению. Исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого присутствия в государственных делах, делают из якобы „совершенных“ петровских учреждений нечто в высшей степени регрессивное, стоящее по идее и вредным последствиям бесконечно ниже московских управительных учреждений».

Укрепление вертикали власти диктовало потребность реформирования так же и губернского административного аппарата. Страну поделили на 8 губерний во главе с губернаторами, каждая из которых делилась на 50 провинций во главе с воеводами, а провинции — на дистрикты, руководимые земскими комиссарами. Число государственных служащих росло как на дрожжах. Соответственно росли и затраты на их содержание — и, как следствие, суммарный коррупционный оборот вырастал в разы. Ситуация, до боли знакомая по концу девяностых — началу двухтысячных. Те же задачи, те же методы, те же результаты. Читаем у Ключевского:

«Губернская реформа опустошила или расстроила центральное приказное управление... Создалось редкое по конструкции государство, состоявшее из восьми обширных сатрапий, ничем не объединявшихся в столице, да и самой столицы не существовало; Москва перестала быть ею, Петербург еще не успел стать. Объединял области центр не географический, а личный и передвижной: блуждавший по радиусам и периферии сам государь. <...> ...под высоким покровительством Сената казнокрадство и взяточничество достигли размеров никогда не бывалых прежде — разве только после».

Вторит ему и В. Мавродин²⁷:

«Механическое перенесение на русскую почву иноземных учреждений без учета русской действительности приводило к тому, что неудовлетворенный деятельностью этих учреждений Петр их совершенствовал, вводил новые, нагромождал одну канцелярию на другую, удорожая и без того дорого стоивший государственный аппарат, создавал сложную бюрократическую машину, носился с разнообразными прожектами».

---

²⁷ Владимир Мавродин (1908–1987) — советский историк, специалист по истории древнерусской государственности и этнической истории русского народа. Доктор исторических наук, профессор исторического факультета ЛГУ.

Петровская эпоха замечательна тем, что явилась периодом полного отсутствия какого бы то ни было законодательства. Вся законодательная база состояла из бесчисленного количества указов и предписаний, которые повсеместно саботировались и игнорировались, не только по причине крючкотворства и корысти чиновников, но и потому, что разобраться в нагромождении взаимоисключающих установлений не представлялось никакой возможности. Что такая система — самая благодатная почва для коррупции, мы смогли убедиться в новейшей истории на примере деятельности современных «модернизаторов». В постперестроечный период властями была инициирована попытка разработки системы местного самоуправления, провалившаяся вполне успешно по двум причинам. Во-первых, такая система должна вызреть, как она вызревала во времена до Ивана Грозного, что и обусловило успешное внедрение земства. Во-вторых, властям не очень-то и хотелось такого, хорошо забытого новшества, поэтому никаких серьезных научных разработок по проблеме не проводилось. Прямо противоположная ситуация создалась при Петре, который всеми силами стремился выкорчевать многолетний опыт национального самоуправления. Результаты в обоих случаях получились идентичные.

В контексте вышесказанного необходимо сделать небольшое отступление. Верный своим принципам Петр комплектовал в 1724 г. Петербургскую академию наук преимущественно иностранцами. Поскольку нас интересует историческая наука, то обратим внимание, что с момента создания и на протяжении более века на историческом направлении трудились 33 академика, и только трое из них — русские, включая М. В. Ломоносова, который историком в чистом виде всё же не был. Подавляющее число академиков составляли немцы, многие из которых даже не владели русским языком. Еще раньше, сразу после введения юлианского календаря, сократившего российскую историю на несколько тысячелетий, по распоряжению царя произвели действие странное и настораживающее историческими параллелями. Из всех монастырей под предлогом переписки изъяли старинные книги, после чего уже никто и никогда не увидел ни оригиналов, ни копий. Весьма и весьма напоминает уничтожение книг протестантами и «жидовствующими», а также архивную зачистку, произведенную по распоряжению Н. С. Хрущёва, о чем — в последующих главах.

Известно противостояние М. В. Ломоносова и основной группы немецких академиков, но почти нигде не упоминается о жестком лоббировании иностранной науки со стороны царского двора. Силы были не равны, и новую русскую историю сфабриковала хунта, возглавляемая Герхардом Фридрихом Миллером и Готлибом Зигфридом Байером. В 1749 г. Ломоносов вступил в открытое противостояние с Миллером, разгромив его «фундаментальный труд» «О происхождении народа российского», но все работы Михайло Васильевича были изъяты и уничтожены. Однако

и здесь не обошлось без «чудесной» интриги. Через несколько лет после смерти автора вышли в свет некоторые из его «уничтоженных» работ под редакцией... Миллера! Еще интереснее обстояло дело с трудами Татищева. Репутация одного весьма спорна в среде специалистов, однако Миллер их издал также после смерти русского историка, причем оригиналов не видел никто. Скорее всего, их вообще не существовало.

Нельзя так же забывать, что на фоне странных деформаций высшей школы уровень образования на Руси, уже чрезвычайно упавший после церковного раскола, за четверть века петровских реформ привел к катастрофической неграмотности народа.

Нынешние поколения хорошо помнят, как за спинами нуворишей маячили тени иностранных кураторов, но у Петра иностранцы вполне официально занимали подавляющее большинство руководящих постов. Камер-коллегией управлял барон Нирод, военной — генерал Вейде, юстиц-коллегией — Бревнер, иностранной — Шафиров, адмиралтейской — Крейс, коммерц-коллегией — Берг, мануфактур-коллегией — Брюс.

Ситуация совсем как у большевиков после революции, когда во властных структурах все русские фамилии были всего лишь партийными псевдонимами.

Ликвидация земского самоуправления, земских соборов прервала непосредственную связь народной массы с высшей властью. Мнение людей, их устремления и желания уже никого не интересовали. В прежние времена население могло ходатайствовать о замене неугодного по каким-либо причинам руководителя. Теперь для этого не только не существовало никакого механизма, но и сам факт расценивался как бунт. Власть чиновника стала безраздельной и непререкаемой.

В среде историков преобладает мнение, что войсковые соединения стрельцов, доставшиеся Петру при воцарении, отличались плохой боеспособностью, неуправляемостью и склонностью к анархии. Вопрос боеспособности стрелецкого войска рассматриваемого периода требует отдельного изучения, однако причины бунтов в его среде вполне определены: военные не могли мириться с антиправославными и антицерковными выходками «верховного главнокомандующего». Скорее всего, именно этим объясняется та чудовищная жестокость, с которой Петр лично расправлялся со стрельцами. Хотя с кем он обходился иначе! Он рубил им головы лично и того же требовал от своих сатрапов. По словам историка Соловьева, Меншиков хвастался, что обезглавил 20 человек в один присест. Вешали тысячами, на многочисленных кострах зажаривали живьем. Когда знакомишься с этими чудовищными документами, на память невольно приходит история Святого Георгия. Воистину, антихрист никогда не щадил своих противников! Одним из «полезных» новшеств, вывезенных Петром из «просвещенной» Европы, был изощренный способ казни — колесование, который он с особым удовольствием испытал на стрельцах.

С юных лет, грезя о лаврах великого полководца, Петр забавлялся живыми солдатиками, получившими наименование «потешные полки». Уничтожив стрелецкое войско, он начинает формирование принципиально новой армии, опять же по образцу и подобию армий Европы, и первыми подразделениями ее становятся те самые живые игрушки, названные впоследствии Преображенским и Семеновским полками. Приглашенные западные военспецы обучают их по своим войсковым методикам.

В 1699 г. производится массовый рекрутский набор на пожизненную военную службу. Парней в возрасте от 15 до 20 лет забирали по одному с определенного числа дворов. По мере формирования специальных военных школ командный состав постепенно замещался русскими офицерами из дворян.

В 1700 г. началась война со Швецией, известная как Северная, затянувшаяся на 21 год. Нет ничего удивительного, что Россия, имея существенный численный перевес, начала эту войну с череды поражений. Уничтожив прежнее стрелецкое войско и не успев создать боеспособного нового, Петр бросил в бои малообученных деревенских рекрутов.

Ключевский пишет:

«Редкая война даже Россию заставляла так врасплох и была так плохо обдумана и подготовлена».

Яркий тому пример — битва под Нарвой, когда 35-тысячное русское войско проиграло сражение 8-тысячному корпусу шведов, а командующий русскими войсками граф де Круа сдался противнику вместе со всеми иностранными офицерами. Надо полагать, что дело здесь не только в предательстве иноземного командного состава и не в плохой боевой подготовке состава рядового. Самое главное заключается в отсутствии боевого духа и моральных мотиваций, а проще — в утрате смыслов. Какие смыслы и мотивации могли быть у мальчишек, знающих, что жизнь их навсегда связана с палочной армейской системой, а домой они смогут вернуться лишь глубокими стариками и инвалидами. Если вообще вернуться. А ведь с прежним стрелецким войском Алексей Михайлович вполне успешно «умиротворил» Польшу.

Тот же пример по Прибалтике, где 60-тысячное русское войско противостояло 15 тысячам шведских солдат без особых успехов, в то время как граф Шереметев с небольшим кавалерийским отрядом старой боевой школы, совершая дерзкие рейды, в прах разносил вражеские ряды, в разы превосходящие численностью. В 1702 г. пятидесятилетний воевода разгромил 6-тысячный отряд шведов, из которых уцелели чуть более 500 человек. Тот же Шереметев командовал в Польской кампании и успешно захватил всю Курляндию. Удачно проведенных военных операций на счету воеводы старой русской школы множество. Это ли не доказательство преимущества национальной военной тактики над заморской?

Сильно преувеличено историками и значение знаменитой Полтавской битвы. Ключевский пишет:

«К Полтаве пришло 30 тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов. Этот сброд 2 месяца осаждал Полтаву. Карл XII три раза штурмовал Полтаву, и ничего у него не получалось».

Крепость оборонял гарнизон численностью около 4 тысяч, которому помогали горожане. Вконец измотанные шведы уже не могли противостоять русской армии под командованием все того же Шереметева.

При углубленном рассмотрении получается, что никаких военных заслуг у Петра как полководца не было, а все славословия в его адрес по этой части не что иное, как очередное легендотворение.

Особо стоит остановиться на предпосылках Северной войны и ее последствиях. Надо признать, что, втянув Петра в это авантюрное предприятие, его попросту «развели». Зачинщиками кампании первоначально стали поляки. Август II — инициатор создания Северного союза (Польша, Саксония, Дания, Россия) — политику проводил непоследовательную и довольно-таки гнусную. Еще будучи в составе союза, он не упускал возможности «позаигрывать» со своим прямым противником Карлом. Так, в 1706 г., после поражения от шведов, он заключил с ним Альтранштедтский мирный договор и расторг союз с Россией, а после победы под Полтавой вновь примкнул к Петру, но продолжал практиковать различные тайные союзы против России. Швеция на тот период контролировала все крупнейшие балтийские порты, через которые шла торговля российскими товарами. Наиважнейшая задача для Англии и Голландии состояла в ослаблении Швеции на Балтике, но действовать своими силами и в открытую они не хотели, так как формально находились в дружеских отношениях. Вообще, интриги английской короны против России имеют настолько глубокие корни, что нельзя не коснуться их подоплеки, тем более что они имеют прямое отношение к предпосылкам Северной войны.

Как ни странно, но Англия всегда считала Россию не просто геополитическим противником, но и заклятым врагом. Факт на первый взгляд удивительный и требует отдельного исследования, не исключаящего и конспирологический аспект. Совершенно в духе британского коварства, Лондон, чаще всего, предпочитал действовать чужими руками. Значительная, если не главная роль в этой интриге принадлежала опять-таки Ватикану. Ранее мы достаточно подробно рассматривали историю противостояния Рима с Православной церковью. В 1221 г. папа Гонорий III наложил строжайший запрет на какую бы то ни было торговлю с русскими, а епископ Томас — англичанин и доминиканец — организовал известную серию крестовых походов на Русь. Так продолжалось до середины XVI в., пока экономические выгоды не взяли верх над идеологией. С благословения Ивана Грозного с Англией установились сначала торговые, а затем и дипломатические отношения. Выше мы уже рассматривали деятельность знаменитой

Московской английской компании, созданной именно в то время и благополучно просуществовавшей вплоть до 1917-го. Стоит лишь добавить, что, начав свою деятельность с уставного капитала в 6 тыс. фунтов стерлингов в 1555 г., уже к 1585 г. ее оборот достигал без малого сотню тысяч. Иван Грозный, видя несомненные выгоды для России, лично покровительствовал ее деятельности, наделяя щедрыми льготами. Однако англичане не только стремились всячески облапошить доверчивых русских, но и плели множественные интриги, препятствуя выходу России к Балтике и Черному морю, опасаясь потерять монополию в вопросе торгового флота. Наконец терпению Грозного пришел конец, и он значительно ограничил британские аппетиты. Кстати, стоит упомянуть об еще одной роковой «услуге», оказанной России Англией. Во время Великого посольства Петр заключил договор о поставках пятисот миллионов фунтов табака.

Итак, вернемся к началу Северной войны. Англия, Голландия, Франция и Швеция были объединены союзным договором 1698 г. Россия в это время пыталась заключить мирный договор с Османской империей, что никак не входило в планы союзников, так как у Европы были свои, далеко идущие планы в отношении Турции. Но договор все-таки состоялся, поэтому Англия и Голландия незамедлительно приняли решение раздробить Северный союз, начав войну с Данией на стороне Швеции. В августе 1700 г. Дания капитулировала и по условиям Травендальского договора отказалась от союза с Россией и Саксонией. Русский посол в Голландии А. Матвеев получил конфиденциальную информацию, что и Гаага, и Лондон стремятся обеспечить победу Швеции в Северной войне любыми средствами. Но неисповедимы пути истории. В 1703 г. у англичан со шведами внезапно разладились торговые отношения. В то же время, несмотря на политические интриги, оборот торговли с Россией составлял без малого 225 тысяч фунтов стерлингов. Стратегические аппетиты Туманного Альбиона исторически не отличались скромностью. Англичанам всегда хотелось всего, сразу и полной ложкой. Проведав, что Людовик XIV вознамерился подвинуть Россию на мир со Швецией и перехватить торговлю из рук англичан и голландцев, королева Анна направила Петру чрезвычайного посланника Чарльза Витворта с двоякой целью: выпросить привилегии в торговле и добыть разведывательную информацию в военной сфере, экономике и финансах. Со своей задачей он успешно справился, углубившись в тему настолько, что даже сопровождал царя в военных операциях. Это позволило Витворту к концу 1708 г. составить подробный отчет о состоянии войск и оборонительных сооружений, после чего шведы немедленно выдвинулись к Петербургу. Не нужно быть военным специалистом, чтобы проследить взаимосвязь.

Рассмотрение бесконечной цепи политических интриг и провокаций того периода может занять не один том исторических исследований. Их описание не входит в задачу данной работы, а построение логической цепочки способно свести с ума самого искушенного аналитика. Заглянув

в ответ поставленной задачи, мы увидим, что внешнеполитическая деятельность Петра I не выдерживает никакой критики. Крайняя амбициозность, недальновидность и авантюризм привели страну в результате этой войны в состояние экономической и демографической комы. Уже за первые 10 лет кампании население страны сократилось по разным оценкам от 10 до 40 процентов. Посредством чудовищных налогов народ превратили в толпу нищих, а крестьян в рабов. Армия пришла в состояние полной небоеспособности. Россия, по сути, стала сырьевым придатком Европы, которая за гроши вывозила огромные природные ресурсы, что явилось прямым следствием отвоеванного выхода к Балтике. К России были присоединены Ингрия (Ижора), Карелия, Эстляндия, Лифляндия (Ливония), часть Финляндии (до Выборга). Но! По Ништадтскому мирному договору территории были проданы России за баснословные деньги — 2 миллиона талеров. Швеция получила право беспошлинно вывозить из России хлеб на 500 тыс. рублей. Северная же часть Финляндии возвращалась Швеции. Военные предприятия Петра поглощали от 80 до 85 % бюджета государства, а в 1705 г. они достигли 96 %. Сам собою напрашивается вопрос: кто на самом деле одержал победу в Северной войне? До боли знакомая картина: либералы 90-х в точности воспользовались методологией Петра I. Наверное, за это его и любят. Как, впрочем, и большевики.

Общий итог всех военных кампаний Петра явно указывает на его несостоятельность как военачальника. Война с турками фактически проиграна, так как пришлось отдать Азов и почти весь азовский флот. По итогам Северной войны Ключевский делает вывод:

«Упадок платежных и нравственных сил народа едва ли окупился бы, если бы Петр завоевал не только Ингрию с Ливонией, но и всю Швецию, и даже пять Швейций».

Роль созданного им флота также весьма неопределенна. Азовский флот фактически подарили туркам вместе с пристанями. В Прибалтике воевали лишь сухопутные войска, а шведский флот разбили гребными галерами.

Затраты на военное строительство за весь период царствования Петра имели масштабы поистине чудовищные. К концу петровского периода Россия имела 210-тысячные сухопутные войска и флот, состоящий из 48 линейных кораблей, 787 галер и маломерных судов. Мощнейшая по тем временам военная группировка, добившаяся несоразмерно малых результатов и стоившая народу множества загубленных жизней.

Нельзя не коснуться подробнее легенды, тиражируемой из века в век. Это — флот Петра I. Реальная история вопроса местами смешна, местами печальна. Грандиозный замах, вызревавший еще в детские годы, предшествовал удару растопыренными пальцами. К началу Северной войны было построено 37 кораблей различных модификаций. Нанятые иностранные корабли не особенно напрягались, понимая уровень квалификации рабочих силы и качество древесины, предоставленной для строительства.

Созданием мощного военного флота Петр всерьез озаботился в рамках подготовки к Азовской кампании 1695 г. По плану со стапелей должен был сойти 51 корабль класса «фрегат» или аналогичные ему, с вооружением до 70 орудий. В истории строительства флота логика Петра была странна и необъяснима, как и вся остальная управленческая стратегия. Верфи организовывались не в местах спуска кораблей на воду, а в районах произрастания подходящего леса, а именно — под Воронежем, а это многие сотни километров от Азовского моря. Недостроенные корабли из плохо просушенной древесины спускались на воду в верховьях Дона и сплавлялись вниз по течению. Часто уровень воды падал настолько, что крупнотоннажные корабли не могли пройти по фарватеру и стояли в ожидании весеннего паводка, вмерзшие в лед, что приводило «полу-фабрикаты» в состояние полной негодности. «Большевицкая» натура самодержца смириться с этим не могла, поэтому предпринимались бредовые попытки строительства плотин, а также перемещение кораблей по суше на катках, для чего по ходу движения рубились просеки. Сколько человеческих жизней было загублено в ходе этих гениальных операций, статистика умалчивает, но люди умирали десятками надрываясь и от голода, потому что кормили «тягловую силу» хуже собак. Таким образом, из 37 кораблей, заложенных на донских верфях, в первую пятилетку Северной войны удалось ввести в строй только 3 корабля среднего класса.

К началу турецкой кампании 1711 г. до Азова дотащили еще пять линкоров в состоянии настолько плачевном, что ввести их в строй так и не удалось. Остальные 30 кораблей так и сгнили в водоразделе Дона. Но и здесь «гениальный» царь остался верен себе: на тех же верфях заложили еще 20 крупнотоннажных кораблей. Воистину: «засеем вдвое больше, и пусть проклятая саранча подавится!» Результат оказался соответствующий: на воду спустили лишь 8, а до Азова добрались только 2 — «Ластка» (50-пушечная) и 60-пушечная «Шпага», которая в Азове встала на ремонт. Вечный. В карикатурной имитации морской кампании 1711 г. против турецкого флота приняли участие лишь 4 корабля: 28-пушечный «Меркурий», 30-пушечный «Соединение» и 2 линкора. За 15 лет из 71 крупного корабля воронежских верфей в строй встали лишь 4.

Не лучше обстояло дело и на Северо-Западе. Готовясь к войне со Швецией, верный собственной логике Петр начал со строительства Азовского флота. Создание же Балтийского флота он начал непосредственно после начала боевых действий. Заложили 5 крупных верфей: Лужскую, Сясьскую, Селицкую, Псковскую и Новгородскую. Поскольку все они организовывались уже после «жареного петуха», то и корабли на них строились из чего попало, так как подходящего леса поблизости не было.

(Забегая вперед, нужно отметить, что в результате все корабли первого поколения Балтийского флота сгнили через несколько лет после ввода в строй. Срок службы качественного европейского военного корабля тех

времен составлял от 40 до 60 лет, но к моменту окончания Северной войны осенью 1721 г. из всех кораблей российской постройки в относительной боеспособности оставались лишь 3 линкора).

За период с 1702 по 1704 г. на вышеупомянутых верфях построено 46 крупнотоннажных кораблей, и ни один из них в море так и не вышел, а к 1711 г. почти все пошли на дрова. Но Петр, с упорством помешанного, продолжал строить новые верфи и корабли все теми же методами и с прежним успехом. К 1713 г. введены в строй еще 20 крупных кораблей. К моменту подписания Ништадтского мира из их числа остался лишь один, остальные сгнили. Не уничтожены в боях, не потоплены, а «умерли своей смертью», не прослужив и половины минимального срока. К началу новой шведской кампании 1741–43 гг. «в живых» остался лишь один корабль петровской постройки, выдержавший срок службы, близкий минимальному.

Необходимо отметить, что помимо закладки отечественных Петр закупал корабли европейской постройки. В период войны Балтийский флот пополнили 30 импортных судов далеко «не первой свежести». Вороватые российские представители за «откаты» приобретали уже потрепанные в боях и штормах иностранные корабли, но даже эти «корыта» вполне успешно эксплуатировались по два — три десятка лет.

Итогом бурной и бездарной деятельности Петра по созданию отечественного флота явилось чудовищное расточительство государственного бюджета при почти нулевой эффективности. Провальное вложение средств напоминает проблемы современного отечественного автопрома. Средний импортный корабль тех лет с дубовым корпусом и металлическим крепежом на европейском рынке обходился более чем на треть дешевле аналогичного отечественного из сосны. Кроме того, петровская гигантомания с тактической точки зрения была ничем не обоснована. По мере строительства он всё больше входил во вкус, увеличивая водоизмещение и артиллерийскую оснастку, хотя на тот период значительно эффективнее оказывались легкие суда и гребные галеры. Поистине, если человек бездарен, он бездарен во всем.

Ведение войн и организация походов требовали огромных средств, что и побуждало Петра к «реформированию» финансовой сферы. Однако термин здесь не совсем уместен применительно к тому откровенному ограблению, которое осуществлялось петровской администрацией. Изобретательности чиновной братии не было предела. Налоги собирались со всего, кроме воздуха. Помимо традиционных — таможенного и кабацкого, собирались монопольные налоги с продаж соли, спирта, дегтя, щетины. Но этого казалось мало. Изобрели налог на бани, топоры, лошадей, дубовые гробы, использование гербовой бумаги.

Финансовая реформа, предпринятая Петром, выявила печальную закономерность. Перепись податного населения 1710 г. показала резкое сокращение количества дворов. Многие историки, отстаивающие «про-

грессивный» характер реформ Петра, объясняют сей факт не сокращением населения, а природной изворотливостью русского человека. Якобы в целях уменьшения налогов несколько дворов обносили одним забором, что становилось как бы одним двором. Поэтому в ходе реформы приняли решение о переходе к подушной подати. В период с 1718 по 1724 г. провели повторную перепись, которая показала, что реальная убыль населения составила около 33 %. Цифра чудовищная, в полной мере отражающая цену петровского «прогресса». День ото дня нищета толкала людей на улицы, где они пытались продавать собственных детей. По свидетельству Ключевского, у людей не было денег даже на соль. В самой Москве многие питались без соли, заболели цингой и умирали. Народ переставал мыться по примеру «просвещенной» Европы, потому что нечем было оплачивать банный налог, даже после «правежа батогами».

Осмысление всей полноты опыта российских реформ как никогда актуально именно сегодня. История демонстрирует нам удивительную вещь. Диктаторская модернизация Петра I и либеральная 90-х прошлого века привели к одинаковым результатам. Необходимо усвоить, что манифестация либеральных преобразований — лучшая ширма для революционно-большевистского произвола. То же безразличие к трагедии масс, та же «ломка через колено» национального менталитета. И в том, и в другом случае мы сталкиваемся с расколом общества на непримиримые слои, что в итоге влечет за собой результат, обратный ожидаемому. Ранее мы уже рассматривали средства и методы подлинно национальной модернизации Ивана Грозного, основанной на всеобщем согласии, единении и «симфонии властей». Такая управленческая стратегия не давала быстрых результатов. Но, если женщина вынашивает плод девять месяцев, нельзя того же требовать от слонихи, ходящей «на сносях» два года. В социуме, как и в природе всё подчинено определенным законам, и пытаться ускорить закономерные процессы — значит вызывать преждевременные роды и плодить недоносков.

Безусловно, во многих сферах Россия отставала от ведущих европейских стран. Выстроенный Иваном Грозным государственный аппарат в ходе Смутного времени и последующих преобразований утратил первоначальную эффективность. Но насильственное внедрение Петром западной управленческой системы, светской науки и образования создало такой гигантский социокультурный разрыв между элитами и массами, что уровень дезорганизации общества превысил все допустимые пределы и повлек за собой непрерывные ошибки управления и ничтожную эффективность принятия решений. Насилие как основа проведения реформ привело к созданию жестко централизованного государства милитаристского типа. Тотальный контроль над каждым членом общества и единственное право — на рабский труд в пользу «левиафана» — вполне могут послужить прообразом тоталитарных режимов фашистского толка XX в. Петр с полным правом мог бы повторить за Людовиком XIV известный

перл: «Государство — это я», а также предвосхитить лозунг национал-социалистов «Германия превыше всего!»

Насаждение социальных и технологических новшеств европейского типа всегда в России давало чрезвычайно уродливые результаты. Те же мануфактуры в Европе послужили мощным толчком развитию раннего капитализма, в России же они стали фактором укрепления феодализма и усиления крепостного гнета. Люди для Петра были лишь расходным материалом. Кормили хуже скотины, рабочий день длился до 16 часов.

Большинство современников и историков отмечают уродливые последствия насаждения европейской культуры. Дворянские недоросли, отправленные для обучения за границу, привозили оттуда совсем не тот теоретический багаж, которого от них ожидали. Ключевский пишет:

«Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами, смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общества, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своем уме от непривычных впечатлений никаких помыслов. А по возвращении домой с этих проводников культуры легко свеивались иноземные обычаи и научные впечатления, как налет дорожной пыли, и домой привозилась удивлявшая иностранцев смесь заграничных пороков с дурными родными привычками».

Внешняя мишура кажущихся успехов не могла скрыть главного — нарастающего сопротивления самых различных слоев общества, что в итоге привело к еще более нарастающему экономическому отставанию от Европы. «В последние годы жизни Петр издал ряд указов, проникнутых необычным для него настроением, — пишет Ключевский. — Это многословные, расплывчатые поучения, в которых автор и жалуется на общую служебную распущенность, и скорбит о пренебрежении указов, грозящем государству конечным падением, подобно греческой монархии, и сетует, что ему не дают покоя частными просьбами, что он не может среди жестокой войны за всем усмотреть сам. К тому же низы отвечали разбоем на произвол верхов. Это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там».

А. Н. Толстой подвел неутешительный, но предельно точный итог «реформаторской» деятельности Петра I:

«Но все же случилось не то, чего хотел гордый Петр; Россия не вошла, нарядная и сильная, на пир великих держав, а подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде — рабою. И сколько бы ни гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы до Китайской стены».

4

ИНВЕРСИЯ ВЛАСТИ

*Всяка душа властем предержашым
да повинуется:
несть бо власть аще не от Бога
сущыя же власти от Бога учинены суть.*

Рим. 13: 1

Из двух вечных вопросов русской интеллигенции постоянно складывается третий: почему любая модернизация в России неизбежно превращается в комплекс социальных и экономических безобразий и вместо желаемого прогресса приводит к хаосу и катаклизмам? Может быть, ответ поискать у Ивана Ильина, который пришел к выводу, что западный человек в первую очередь думает о том, как жить, а русский — зачем жить? Андрей Кончаловский однажды заметил, что реформы Петра I — это попытка реформирования русского менталитета. Всякий раз, когда реформаторы брались за эту беспощадную, а главное — бессмысленную задачу, они терпели крах, увлекая за собой и всю страну в целом. Г. Лебон писал:

«Жизнь народа, его учреждения, его верования и искусства суть только видимые продукты его невидимой души. Для того, чтобы какой-нибудь народ преобразовал свои учреждения, свои верования и свое искусство, он должен сначала переделать свою душу». И еще:

«В политике настоящие великие люди — те, которые предвидят нарождающиеся потребности, события, подготовленные прошлым, и указывают путь, которого следует держаться. Никто, может быть, не видел этого пути, но роковые условия эволюции должны были скоро толкнуть туда народы, судьбами которых временно управляют эти могущественные гении. Они, так же как и великие изобретатели, синтезируют результаты долгого предшествующего труда».

Вот так — не больше и не меньше. Но модернизаторы, за редким исключением, озабочены душой народа в наименьшей степени. Их чаще всего заботят собственные амбиции, либо они живут во власти маниакальной

идеи о народе как о толпе, которая не ведает пути к истинному счастью, а потому эту толпу надо гнать к иллюзорному прогрессу дубиной и плетью. Синтезировать же результаты прошлого им представляется вообще ниже собственного достоинства.

В среде историков только ленивый не находил главных, на его взгляд, причин вечных реформаторских неудач. Чаще всего приходится слышать о запоздалом характере реформ и, как следствие, поспешности их проведения. Но вся проблема в том, что в условиях стабильного общества реформы могут быть лишь преждевременными. Стабильное состояние общества, или, как теперь принято называть, «застой», никогда не приводит к хаосу. Согласно теории Ильи Пригожина²⁸, хаос потребен для создания некоего нового гипотетического порядка. Если рассматривать модернизацию с этой точки зрения, то предшествующий хаос является необходимым условием для ее осуществления.

Возможна ли реализация каких-либо радикальных общественно-социальных преобразований без принуждения и насилия над личностью? Думается, что возможна, но только в том случае, если обществу понятны смысл и цели действий властей, а кроме того, если власти облечены доверием всего общества. И уж тем более безнадежны попытки внедрения чужеродных идей в устоявшийся менталитет народа.

Г. Лебон пишет:

«Приобретение прочно сложенной коллективной души представляет собой для известного народа апогей его величия. Разложение этой души означает всегда час ее падения. Вмешательство чужеземных элементов составляет одно из наиболее верных средств достигнуть этого разложения».

Еще одной существенной причиной срыва преобразований является автоматическое создание в обществе неконкурентных групп. В наибольшей степени это относится к реформам либерального толка, когда значительный процент населения маргинализируется под оправдание неизбежности социальной конкуренции. Массам настойчиво вбивают в сознание, что в основе «правильного» гражданского общества лежит «честная» конкуренция свободных людей, в которой побеждает самый энергичный, образованный и профессионально подготовленный. В теории это, безусловно, так. На практике же мы чаще всего имеем возможность убедиться, что на вершине общественной пирамиды оказываются самые беспринципные представители социальных «хищников», а трудолюбивые, образованные и профессионально подготовленные выбрасываются «за борт». В так называемом «гражданском обществе» понятия «делать дело» и «делать деньги» — тождественны, хотя история изоби-

---

²⁸ Илья Пригожин (1917–2003) — бельгийский физик и физикохимик российского происхождения. Лауреат Нобелевской премии по химии 1977 г., виконт Бельгии.

лует примерами, когда настоящие таланты и творцы влачили жалкое существование, а рвачи и хапуги благоденствовали. Эти признаки — яркое свидетельство искусственного создания неблагополучного общества, когда реформы оборачиваются откатом назад либо революцией. Подробно об этом речь пойдет ниже.

Любая реальная модернизация возможна лишь по воле и инициативе «верхов». Модернизация «снизу» — это миф, потому что любое реформирование требует четко продуманного и научно-обоснованного подхода, такого, чтобы люди чувствовали здесь и сейчас улучшение условий существования от внедряемых изменений. Всяческие увещевания о «временных трудностях переходного периода» есть результат либо неумелых, либо злонамеренных действий модернизаторов.

Идеи модернизации неразрывно связаны с идеями просвещения. Тяжко и надрывно приходя в себя после «трудов праведных» Петра I, Россия вновь начала обретать пути формирования национального самосознания. Отечественная наука издревле расценивала просветительство как проникновение на российские горизонты западноевропейских идей. Оно и понятно, так как западная традиция по большей части базировалась на принципах деизма, исповедуемых ее авторами, и только в XVIII в., с появлением таких личностей, как Ломоносов, Татищев, начала зарождаться традиция отечественная. Эпоха Петра, несмотря на гримасы реформации, дала мощный импульс развитию принципиально нового типа экономических и социальных отношений, максимально стремящихся к капиталистическому укладу. Эйфория отечественных просветителей в значительной мере базировалась на внедренных великодержавных идеях. Укорененная традиция связи национального самосознания с православием начала как бы отодвигаться на второй план, но отодвинуть ее окончательно оказалось не так-то просто. Дело в том, что в России понимание духовности всегда находилось в неразрывной связи с православием. Веками эта связь только крепла, чему способствовала непрерывная агрессия, как военная, так и идеологическая, исходящая от противников других вероисповеданий. Таким образом, защита веры и Церкви автоматически подразумевала защиту национальной независимости. Двери в Европу, установленные предшественниками Петра, открывались дозированно, а вот окно было не установлено, а прорублено, поэтому сквозило оттуда нещадно.

К тому времени на Западе уже повсеместно преобладали новые веяния, и в их числе — эмпиризм и рационализм. Основоположником и наиболее ярким представителем модной идеи стал английский философ Френсис Бэкон — автор индуктивной методологии научного исследования. Его метод предполагает получение научного знания через эксперимент непосредственно из материального мира. В 1620 г. в свет вышла одна из важнейших его работ «Новый органон», в которой он обозначил главную цель науки — установление безусловной власти человека над природой.

Вторил Бэкону и французский философ Рене Декарт, автор теории рационализма как универсального метода познания. Будучи одновременно математиком и физиком по профилю научной деятельности, он вывел новое понятие механицизма, утверждая, что составная часть всех материй — элементарные частицы — является движущей силой всех природных явлений. Отличительная черта мировоззрения Декарта — скептицизм в отношении главенствующей схоластической философской традиции. В связи с этим объектами скепсиса становились как эмпиризм, опирающийся на истину относительную, так и мистицизм. Однако всё это несколько не помешало Декарту взяться, ни много ни мало, за философское обоснование доказательства существования Бога. Методология его исследований — тема отдельного разговора, хотя многое в ней сводится к отвергаемой им самим схоластике, но тем не менее ответ на поставленный вопрос он дает положительный. По крайней мере, для самого себя. Вообще, в изысканиях Декарта больше всего поражает то маниакальное упорство, с которым он искал ответы на вопросы, не разрешимые в принципе, либо ломился в открытую дверь, доказывая очевидное. Скептицизм, возведенный в абсолют, привел его к недоказуемому выводу: «Мыслю, следовательно, существую». Тем самым он поставил мысль во главу угла, определив ее как нечто единственное, не подлежащее сомнению. Можно только догадываться, сколько сил и времени было им потрачено на выведение всё той же неочевидности, разбивающейся о простой вопрос: а кто тебе сказал, что ты мыслишь? А если точнее: кто тебе сказал, что мыслишь ты? Да и что есть ты?

Громадные философские школы... Декарт со своими доказательствами либо недоказуемого, либо очевидного... Смешно... Достаточно выйти из дома тихим зимним вечером, поймать на ладонь снежинку и внимательно ее рассмотреть. Можно даже не выходить, а полюбоваться морозным узором на стекле. Разве после этого нужны доказательства? Бог не нуждается в доказательствах. Бог не нуждается даже в вере. Он нуждается лишь в сосредоточенном внимании к окружающему миру. В этом случае Он становится очевиден.

Трудно отрицать важность эксперимента как способа получения нового знания. Но здесь важен первоначальный посыл, целеполагание, а главное — границы дозволенного. Вся проблема в том, что эти границы могут быть очерчены «здравым смыслом», то есть мыслью — по Декарту. Но уже у Бэкона мысль диктует отношение к природе как к собственной мастерской, в которой можно творить всё, что заблагорассудится. От эксперимента над природой прямой путь к эксперименту над человеком. В утопическом труде «Новая Атлантида» Бэкон рисует модель нового прогрессивного общества без войн и насилия, в котором преобладают идеи науки и просвещения. Разного рода утопии, уводящие в сферу иллюзий, вполне закономерно овладевают умами по мере их развития. Опираясь

на ключевые идеи иллюминатов, возникают «новые Атлантиды», «города солнца» и множество других призрачных и желанных миров, воплощаемых со временем в реальность и не приносящих человечеству ничего, кроме разочарования и трагедий. Увлеченные гуманисты, просветители были людьми искренне верующими в торжество разума и науки, но какой свет их просветил — вот в чем вопрос. Секуляризация знания — это, пожалуй, один из самых масштабных экспериментов над человеком. Гордыня, внедренная первым просветителем, неминуемо уводила сознание в область ложных истин и перевернутых смыслов. Любопытно, что, подобно следу слизня на стекле, почти через все философские платформы этого направления тянется масонский след. Можно сколько угодно предьявлять обвинений в конспирологии, но фактов это не отменяет. Масонами были и Бэкон, и Декарт, и Гоббс, и Локк, речь о которых пойдет ниже.

Масонство отвергала даже католическая церковь. Противостояние Ватикана и тамплиеров возглавлял орден иезуитов. В 1738 г. папа Климент XII объявил интердикт масонству, что означало автоматическое отлучение от церкви. Булла от 28 апреля гласила:

«Масонство есть вредная секта, полная лицемерия, притворства, ереси и суеверий, направленная на разрушение церкви и государственной власти».

Но масоны отвернулись от католической церкви первые. Зато с церковью протестантской сосуществовали в умирительном согласии. Можно привести немало примеров, когда королевские особы, являясь одновременно и главами Церквей, успешно совмещали свою деятельность с деятельностью масонских лож. В Великобритании главой англиканской церкви является непосредственно король, а великим магистром Объединенной ложи Англии — кто-либо из королевской семьи. Например, в наши дни — герцог Кентский, племянник королевы. Так же и в Швеции, где король возглавляет лютеранскую церковь и одновременно шведский масонский орден. Всё это лишний раз указывает на четкий след Просветителя. Протестантство явилось тонким обманом честных, но неглубоких умов, когда, отвергнув Церковь падшую, они впали в откровенную ересь, вместо того чтобы вернуться к Церкви истинной, апостольской. Понятно, что до масонства там оставался лишь короткий шаг.

Назвать Томаса Гоббса — ученика и соратника Бэкона — его последователем было бы не совсем верно, но воззрения наставника, безусловно, сыграли определенную роль в формировании основополагающих взглядов молодого человека. Если Бэкон целью философии ставил власть над природой методом эксперимента, то Гоббс закономерно пошел дальше. Он поставил целью изучение человека, общества и их взаимоотношений для достижения власти уже над ними. Приверженец деизма, как и все признанные просветители, он считал, что, оставляя человеку этот мир для произвола,

Бог дает ему и право безграничного познания, опыта, власти. Человек остается единоличным хозяином и творцом. Убежденный приверженец метода чувственного восприятия, он в своей философии божественное не рассматривает совсем как помеху и демагогию. Саму по себе религию он не отрицает, но совершенно в духе кальвинистских традиций считает, что Церковь не может быть самостоятельным и независимым от государства институтом, но должна стоять на страже его интересов. Выше мы уже рассматривали влияние кальвинизма на мировоззрение Петра I, который, возможно, сам того не понимая, пытался выстроить государство по образу и подобию гоббсовского «Левиафана», тем самым Левиафаном, по сути, и являясь, но не дотянул интеллектуально, к сожалению или к счастью. Понятия закона для него не существовало. Единственным законом он признавал лишь самого себя. «Левиафан» Гоббса — это супергосударство, глава которого управляет строго в рамках существующих законов и обязан соблюдать их наравне со всеми подданными. Любое нарушение карается безоговорочно и жестоко. Необходимость такой системы Гоббс видит в природной порочности людей, которые без четкой и жесткой организации неизбежно развязывают «войну всех против всех». Надо признать, что решающее влияние на его взгляды оказали последствия английской революции, когда новая буржуазия, то есть собственники, почувствовали себя ущемленными в правах, потому что королевские указы ограничивали их аппетиты в захвате крестьянских земель. Революция же утвердила безусловную святость частной собственности, и тогда разгул произвола превзошел все мыслимые пределы. Так сама жизнь подсказала Гоббсу необходимость создания некоего монстра-государства, дабы обезопасить людей от самих себя.

Однако зерна, посеянные новыми философскими школами, вызревали, и плоды неизбежно модифицировались под влиянием развивающихся общественно-политических отношений. Так, в 1689 г. в свет выходит революционный труд «Два трактата о правлении», принадлежащий перу первого классика либерализма Джона Локка. В политической науке имя Локка часто ставят рядом с именем Гоббса, хотя параллелей в их философских воззрениях не так уж и много. Пожалуй, единственное, что их объединяет, — это признание необходимости абсолютного примата закона. «Там, где нет законов, там нет и свободы», — вот философское кредо Локка. Но вместе с тем в статусе закона может пребывать только такое уложение, которое не противоречит интересам добропорядочного члена общества и направлено на обеспечение интересов общих. В противном случае никакое предписание считаться законом не может. Кроме того, законы должны издаваться таким образом, чтобы их действие было продолжительным во времени. Логика безупречна. Говорить о стабильности общества в условиях, когда законы меняются как перчатки не приходится. В этом мы могли убедиться в «лихие 90-е». Современники критиковали Локка за радикальность суждений, выражая опасение, что такое отноше-

ние к законам может привести к хаосу и произволу со стороны общества. Локк со всей категоричностью отвечал, что «винить следует тех, кто своими действиями привел к гражданской войне, а не тех, кто отстаивает в ней свои права». Здесь легко проследить неоспоримое проявление деизма. Будучи ярким противником атеизма, он тем не менее считал, что религия — непременный атрибут государства и призвана обслуживать его интересы. Здесь прослеживается четкая протестантская логика. Предвосхищая концепт правового государства, Локк утверждал, что власть обязана «управлять согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным ему, а не путем импровизированных указов». Законы, по Локку, создаются не по произволу властей, а по воле и решению большинства общества. Таким образом, каждый отдельный член общества берет на себя обязательство принимать решения большинства безоговорочно. Принцип разделения властей впервые был выведен именно Локком, по крайней мере, в стройном и обоснованном изложении, какое дошло до наших дней.

В процессе изучения трудов Локка создается впечатление, что в отношении религии у него не выстроилось какого бы то ни было четкого представления. Окончив колледж Христовой церкви Оксфорда с отличием, он был принят на казенный счет в число студентов. Но, завершив обучение на богословском факультете, отказался принять сан, как того требовал устав для преподавателей, что повлекло за собой существенные ограничения в дальнейшей деятельности. Ему было разрешено вести курс лишь греческого языка и риторики. Помимо наук гуманитарных он испытывал неизменное влечение к наукам естественным — биологии, химии, физике, поэтому, не оставляя преподавательской деятельности, поступил на медицинский факультет, который с успехом закончил. Однако его ожидало большое разочарование: в получении диплома доктора медицины ему отказали. В документах того времени нет достаточно четких объяснений причин, но можно предположить, что злую шутку с ним сыграла репутация безбожника, закрепившаяся со времен издания его ранних работ атеистической направленности. Много позже, будучи на вершине славы и снискав признание крупного политического теоретика, он высказывал резко отрицательное отношение к атеистам, предлагая лишить их гражданских прав. Но, скорее всего, это рвение объяснялось отнюдь не религиозной ревностью, а убежденностью в том, что атеисты в силу скептицизма восприятия действительности утрачивают способность к законопослушанию и повиновению, что представляет несомненную опасность для государства и общества. С годами он даже приобрел убеждение, что вера обладает приоритетным правом перед наукой, хотя и утверждал, что всё, непостижимое человеческим разумом, должно быть безоговорочно отвергнуто. В свете вышесказанного можно сделать вывод, что политическая составляющая в мировоззрении Локка превалировала над его религиозными

воззрениями. В «Двух трактатах о правлении» первая часть представляет собой заочную полемику с Робертом Филмером²⁹, автором труда «Патриархат, или естественная власть королей». По мнению Филмера, первоначальная королевская власть была дарована Богом Адаму, от которого ее наследовали потомки, вплоть до современных монархов. Понятие свободы он отвергает совершенно. Локк решительно опровергает эту точку зрения, доказывая, что принцип наследования власти не может быть принят за догму. Но вместе с тем он отстаивает право наследования собственности как незыблемое. Во второй части Локк дает развернутое представление о правовом государстве. Он рассматривает государственную власть исключительно как предмет договора, при нарушении которого любой из сторон насилие считается оправданным и законным. Политическая власть вправе издавать законы, предусматривающие все виды воздействия для защиты собственности граждан и самого государства ради общего блага. Политическое общество может создаться лишь там, где люди добровольно отказываются от «естественного» права самосохранения. Он подчеркивает, что «верховная власть ни у кого не может отнять ни единой частицы его имущества без его согласия».

Теоретическая безупречность концепции Локка не вызывает сомнений. Точно так же, как и демократическая концепция Аристотеля, разумеется, с поправками на особенности эпохи. Политическая философия Локка появилась потому, что не могла не появиться. В преддверии промышленной революции подобные идеи уже витали в воздухе и были неизбежны. Не его вина, что по прошествии веков философия либеральной демократии выродилась в уродливую карикатуру на саму себя. В дальнейшем мы еще неоднократно будем возвращаться к локковским постулатам применительно к современности, так как только путем сравнительного анализа можно понять последствия «благих намерений».

Эпоха Просвещения определяется термином, обозначающим некий конкретный временной отрезок потому, что ограничена в истории определенными рамками. Но это не означает, что с концом эпохи закончилось и само просвещение. Эпоха дала толчок широкому идеологическому течению — просветительству, включившему в себя широчайший спектр теорий и концепций, в которых основополагающей идеей всегда был поиск более совершенных принципов организации общества и эффективных управленческих стратегий. Не только буква, но и сам дух просветительства диктовал общественному сознанию эгоцентричное направление развития национальной идеологии с вектором, противоположным традиционному церков-

---

²⁹ Роберт Филмер (1588–1653) — английский политический философ, роялист и представитель торизма. Он отстаивал идеи патриархального происхождения государства и несостоятельности демократии как формы организации государства, чему посвятил не один труд.

ному. Эпоха Петра I, несмотря на все перекосы и гримасы, парадоксальным образом выявила необходимость формирования единой русской нации как гарантии сохранения России в качестве великой державы. Для этого требовалось, безусловно, сильное государство, способное удовлетворить запросы различных социальных слоев и национальных групп. Развитие просветительских идей закономерно усиливало секуляризацию в образованных общественных кругах, поэтому Церковь постепенно начала утрачивать свое исконное право на духовное наставничество. Развитие философского деизма в России началось несколько позже и было не столько привнесено с Запада, сколько сформулировано отечественными мыслителями. Чаще всего их теоретические выкладки были туманны и противоречивы. Например, если Татищев придерживался мнения о взаимопроникновении в природе идеального и материального начал, то уже Ломоносов настаивал на приоритете исключительно материального начала. Вполне закономерно, что деизм стал как бы промежуточной ступенью между идеальным и материальным. На первый взгляд могло показаться, что эта ступень способна стать связующим звеном двух несовместимых мировоззрений, но этого не произошло, по крайней мере, на том этапе, а привело к некоторой спутанности осознания. Деизм оказался первой ступенью на пути к атеизму, потому что в представлении людей всё больше вызревало убеждение возможности жить без Бога, обустроивая мир по собственному разумению. В связи с этим утрачивали смысл и высшие истины: «Если Бога нет, то всё позволено». Надо признать, что и в этом случае промысел не позволил России окончательно упасть в объятия «великого путаника». Слишком прочно в русском человеке укоренено религиозное мировосприятие в отличие от стран протестантских, где культ Разума узурпировал власть над умами, приняв форму новой религии — свято место не бывает пусто. Таким образом, философская мысль XVIII столетия постепенно сконцентрировалась на формулировании «естественных законов», из которых и произошло понятие «естественного права», о чем уже говорилось выше. Надо отдать должное отечественным философам: они честно пытались обобщить законы Божественные с законами «естественными». Ход мысли в потенциале был верен, но тут, видимо, опять вмешался «великий путаник». Вместо построения органичной теории возникло нечто в духе протестантской этики с принципом «разумного эгоизма» во главе, где любовь к ближнему, как и любовь к Богу, — всего лишь условие обеспечения личного благоденствия. Сегодня мы можем в полной мере оценить результаты «благих намерений», когда христианские ценности в большинстве европейских стран утрачены полностью, а над общественными потребностями воцарился примат «эго».

Рационализм ставил во главу угла идею «общей пользы». Типичным примером достижения всеобщего блага представляется понятие «гражданского общества», разработанное Локком. В таком обществе преобладают коллективные начала, и лишь общественный договор дает

право каждому члену на участие в политической жизни. Шотландский философ Адам Фергюсон развивает идеи Локка в работе «Опыт истории гражданского общества», где доказывает, что естественное состояние не может обеспечить человеку главного — счастья, потому что в таком состоянии отсутствуют институты, призванные в цивилизованной форме разрешать конфликтные ситуации. По Фергюсону, общественный договор подразумевает неперенное создание системы правосудия, и тем самым в обществе формируется осознание взаимной выгоды, но это влечет за собой определенные ограничения в части личных свобод. Гражданин только тогда может считаться социально адаптированным, когда является частью коллектива себе подобных. Уважение законов и безусловное повиновение властям есть неперенное условие существования гражданского общества. Адам Смит подводит под всё вышесказанное некую идеалистическую платформу в виде принципа добродетели и справедливости. Он декларирует, что «общество не может просуществовать долго, если в нем люди всегда готовы нанести обиду или вред друг другу. Любовь и благорасположение не менее, стало быть, необходимы для существования общества, как и справедливость. Без этих первоначальных побуждений оно не может процветать, хотя и может существовать, между тем как воцарение несправедливости неизбежно должно разрушить его».

Такова англо-американская изначальная концепция гражданского общества. На первый взгляд идеальная теория для идеального мира, нашедшая свое видимое воплощение в современности. Мы слышим эту фразеологию уже не один десяток лет, как от властей всех уровней, так и от деятелей оппозиции. Первые талдычат прописные истины, не объясняя методологии осуществления, вторые на чем свет клянут народ, не способный к «цивилизованному» пути дальнейшего развития. Грустный юмор заключается в том, что подавляющее большинство тех, кому адресованы аксиоматические стенания, не знакомы с трудами Локка, Смита, Гегеля, Монтескье и легиона их единомышленников. Не знакомы по причине ненадобности. Основная масса граждан живет насущными заботами и читает другие книги, если вообще читает. И это относится к России в меньшей степени, нежели к англосаксонской цивилизации, которая и сегодня поражает наших соотечественников пещерным уровнем образования, как среднего обывателя, так и высших государственных бонз. Но это вопросы прикладного характера. Нас интересует другое — что же на самом деле представляет собой современный образчик гражданского общества, в которое нас затягивают как слева, так и справа?

Прежде всего — это общество «без Бога, без Царя и без Отечества». Это общество, базирующееся на аморфных «общечеловеческих ценностях». Это атомизированное общество воинствующего лицемерия, в котором любовь, добродетель, справедливость, благорасположение

предполагаются лишь на основе договора или контракта. Типичные примеры — брачный контракт или контрактная армия, когда малейшее нарушение условий влечет за собой прекращение исполнения обязанностей по защите... Чего? А, действительно — чего? Ведь понятия отечества уже нет. Выведенный когда-то Татищевым принцип «разумного эгоизма» трансформировался сегодня в абсолют поиска выгоды и постоянное опасение обмана со стороны партнера. Теперь даже любовь осуществляется по контракту, и это естественно, ведь об этом говорил еще Адам Смит. Именно гражданское общество породило легионы профессий непроизводительной сферы, то есть сферы, не производящей ничего реального. В этом обществе самая востребованная профессия — юрист, качество которого определяется способностью обходить существующие законы, выискивая в них лазейки и трещинки с одной целью — удовлетворить запросы того, кто больше заплатит. Недаром слова «юрист», «журналист», «шулер» в латинской транскрипции однокоренные. Гражданское общество идеальный инструмент создания неконкурентных слоев населения, которые по умолчанию выбрасываются за пределы социума, поэтому общество считает себя вправе избавляться от них всеми «цивилизованными» способами.

Алексис де Токвиль³⁰ исходил из твердого убеждения, что такое общество гарантирует каждому члену необходимую защиту, не подрывая при этом веру в собственные силы. По Токвилю, индивид безусловно подчиняется обществу потому, что «признает для себя полезным союз с себе подобными и понимает, что данный союз не может существовать без власти, поддерживающей порядок». Но вместе с тем он превозносит индивидуализм как величайшее благо:

«Индивидуализм — это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном или дружеском круге. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом».

Токвиль считал, что в случае ослабления государственной власти, гражданское общество неизбежно демонстрирует сплочение из опасений политического хаоса. Здесь мы видим странное противоречие: рассчитывать на консолидацию в обществе с укоренившимися традициями индивидуализма крайне наивно. Стоит еще задуматься и над такой деталью: нет ли разницы в понятии «гражданин» традиции западной и традиции российской? Речь идет о понятии не хрестоматийном, а о восприятии термина традиционным массовым сознанием. Вспомним: «Поэтом можешь

---

³⁰ Алексис-Шарль-Анри Клерель, граф де Токвиль (1805–1859) — французский политический деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849). Более всего известен как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке».

ты не быть, но гражданином быть обязан». Известная фраза поэта всегда звучит пафосно, с ударением на слове «гражданин». Широко используемые формулировки — «гражданская совесть», «гражданская позиция», «гражданское мужество» — в русском понимании несут в себе совершенно иной смысл, нежели в понимании западном, где все эти словосочетания, имея они место быть, представляли бы собой полную нелепость. Понятие «гражданское мужество» впервые употребил декабрист Рылеев в одноименной оде 1823 г., подразумевая стойкость в выполнении долга, отстаивание личной позиции, невзирая на чужие мнения, способность называть вещи своими именами. А «гражданская совесть» в общепринятом мнении людей — это острое ощущение того, что творится в твоей стране, и личные попытки изменить происходящее в лучшую сторону. Даже надпись на известном памятнике «Гражданину Минину и князю Пожарскому» в контексте исторических событий звучит как почетное звание великих людей, несмотря на то, что каждому известно — «гражданин» здесь — всего лишь «горожанин». Поэтому не вызывает сомнений, что навязываемое россиянам понятие «гражданского общества» — очередная либеральная ловушка в красивой обертке. Горожанин, обыватель, «гражданин» воспринимает ее без отторжения именно по причине укоренившегося лингвистического стереотипа. Отечественная теория гражданского общества всегда формировалась в русле западноевропейской традиции путем адаптации ее к российской действительности. Именно поэтому попытки скрещивания «коня и трепетной лани» дают результаты либо уродливые, либо не дают никаких. Историки и политологи часто сетуют, что идеи гражданского общества внедрялись в русское сознание «сверху», а «снизу», как всегда, «народ безмолвствовал». Не потому ли, что идеи в предлагаемой форме всегда были и будут ему чужды? В среде специалистов существует парадоксальная точка зрения, что идейные установки о необходимости такого общества для государства зародились под влиянием реформ Петра I. Возможно, его реформы и дали обществоведам какую-то пищу для размышлений, но, скорее, как ответную реакцию отторжения насильственно внедряемых западных институций, да и сама деспотическая управленческая стратегия подталкивала отечественную политическую мысль в направлении классического западного либерализма. Но главная проблема заключалась в том, что российские теоретики не могли предложить ничего принципиально нового. Судя по всему, для зарождающегося либерального самосознания более привлекательной оказалась постепенная трансформация философии гуманизма в рационализм. Надо полагать, что они не прогнозировали дальнейшую трансформацию «разумного эгоизма» в нигилистическое отрицание классических христианских норм морали и нравственности. Теория «естественного права», опирающаяся прежде всего на идею общей пользы, постепенно приобрела прочный фундамент в основах протестантской этики. Надо признать, что эта идея в трудах рос-

сийских просветителей выражалась не в индивидуальных устремлениях, а в представлениях о пользе для Отечества. В этом смысле особенно показательна мысль А. Н. Радищева:

«Ежели Отечеству потребна жизнь человека, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает всё, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженство и совершенствования соотечественников своих».

В этом заключалось коренное отличие русской философской мысли от западной. Поскольку интересы России для отечественных мыслителей постепенно выходили на первый план, то вполне естественно, что основополагающей проблемой становилось положение простого народа. В крепостном праве им виделось главное препятствие цивилизованного развития общества. В. Н. Татищев писал:

«Воля по естеству человеку толико нужна и полезна, что ни едино благополучие ей сравняться не может и ничто ея достойно, ибо кто воли лишаем, тот купно всех благополучий лишается или приобрести и сохранить их неблагонадежен... <...> Рабство и неволя противу закона христианского».

Россия — страна крестьянская, поэтому вполне логично, что правовое положение коренного населения ставилось теоретиками во главу угла. Либеральные идейки Екатерины II, начитавшейся Дидро, Монтескье, Вольтера, нашли выражение в работе созданной ею Уложенной комиссии. В среде элит существовало понимание, что законодательные инициативы земских соборов XVII в. свое отжили, и в комиссию был передан «Большой наказ» за авторством самой Екатерины. И здесь опять главенствующую роль сыграл фактор преждевременности вводимых реформ. Около половины депутатов Уложенной комиссии составляло дворянское сословие, совершенно не готовое к принятию либеральных инициатив Екатерины. Однако работа, проделанная ею, не оставила равнодушными депутатов, которые не преминули наградить ее титулом «Великой премудрой матери Отечества», чем и ограничились, не набравшись мужества поступиться своими правами и привилегиями.

Прогрессивные мысли обществоведов XVIII в. отражались в трудах С. Е. Десницкого³¹, И. А. Третьякова³², А. Я. Поленова³³, обстоятельно

---

³¹ Семен Десницкий (1740–1789) — русский просветитель, ученый-правовед, коллежский ассессор, доктор римских и российских прав, публичный ординарный профессор юриспруденции Московского университета, член Российской академии.

³² Иван Третьяков (1735–1776) — русский ученый-юрист, экстраординарный профессор Московского университета, исследователь проблем правовой науки.

³³ Алексей Поленов (1738–1816) — русский юрист и правовед из рода Поленовых. Отец академика В. А. Поленова. Действительный статский советник.

доказывавших полную экономическую несостоятельность крепостничества. Выдающийся ученый, ученик М. В. Ломоносова Н. Н. Поповский писал:

«Мы по естеству все равны, и нет достойнейшего, ибо Бог никого не любит больше прочих, следовательно, и счастье должно быть первым и общим блаженством; понеже не всем они достаются, и притом прменяются, а счастье должно быть у всех непрерывно».

Характерно, что большинство просветителей, каких бы либеральных взглядов ни придерживались, видели Россию исключительно монархическим государством. В. Н. Татищев много размышлял на тему возможного государственного устройства России, но неизменно приходил к выводу, что ни демократическое, ни аристократическое государственное устройство для такой страны не приемлемо. В 1730 г. он издал проект конституционной монархии, который, вполне естественно, не получил своего детального воплощения. Но самое решительное осуждение монархического строя дал А. Н. Радищев:

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние... Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оное делать должны неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природная власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то мы освобождаемся от нашей обязанности. Неправосудие государя дает право народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества».

Основная проблема России заключается в том, что она на всем протяжении истории пытается перенимать западноевропейские идеи и адаптировать их к реалиям отечественным. Рассогласование понятия «гражданин» в европейском смысле и отечественном неизбежно приводит к полному несоответствию глубинных ментальных представлений. Мнение о том, что гражданское общество необходимо России, чтобы быть цивилизованной страной, странно, так как вопрос цивилизованности страны крайне субъективен.

Крепостное право на всем протяжении российской истории имело множество нюансов, инверсий и отклонений. Ключевой момент, по мнению историков, наступил во времена правления Петра I, когда крестьян, помимо земли, привязали к личности конкретного помещика. В его эпоху родились два законодательных акта: объединение вотчины и поместья, а также уравнивание в статусе крепостных с холопами. Недовольство низов назревало, что грозило вылиться в бунт «бессмысленный и беспощадный», поэтому, вполне закономерно, Александр II принял это волевое решение. Хотя крестьяне и получали условную свободу, но помещики со-

храняли право на владение землями с обязанностью предоставления крестьянам права постоянного пользования полевым наделом.

Вообще, тема крепостничества — излюбленный аргумент либералов всех времен. Фразеология примерно такова: ни в одной европейской стране не существовало такого позорного явления, как в России. Очередной миф, рожденный западниками, а точнее — откровенная ложь. Крепостное право в Европе образовалось в IX–X вв., когда на Руси еще и не представляли, что это такое. В отличие от России, где крепостное право явилось в какой-то мере объективной необходимостью, о чем речь пойдет ниже, в Европе это явление носило характер откровенно дикий и весьма сумбурный. Его то применяли, то отменяли, и всегда это сопровождалось социальными катаклизмами. Во многих странах крепостные прямо именовались рабами, по причине абсолютной господской власти над ними. В обязанность вменялся не только каторжный труд всех видов, но и воинская повинность хозяину в периоды его междоусобных разборок с соседями. А уж такие дикости, как выбор жены и право первой ночи сеньора, в комментариях не нуждаются. Периоды кратковременных отмен рабства в Европе также бывали вызваны отнюдь не прогрессивными веяниями. Эпидемия чумы, прокатившаяся по странам в середине XIV в., выкосила около половины трудоспособного населения, и по этой причине возникло некое подобие рынка труда. Беглые крестьяне находили прибежище у более лояльных феодалов, а законы того времени диктовались в основном принципом силы, поэтому помещику вернуть свою живую собственность чаще всего не представлялось возможным.

В те годы «впереди Европы всей» была, пожалуй, Польша. В 1503 г. там произошла отмена «Юрьева дня» в национальном варианте. Польские крестьяне батрачили на хозяина шесть дней в неделю, лишались наделов и жили на голодном пайке, выдаваемом господином, который имел право на все виды наказаний, вплоть до убийства. И подобная ситуация существовала во всей «просвещенной» Европе. Помещичий устав земли Шлезвиг-Гольштейн 1740 г. гласил: «Ничто не принадлежит вам, душа принадлежит Богу, а ваши тела, имущество и всё, то вы имеете, является моим».

В Англии начиная с VII в. число свободных крестьян-общинников стало стремительно сокращаться. Нищета, ставившая земледельцев на грань выживания, толкала их в кабальную зависимость к феодалам, права которых неизменно расширялись, вплоть до абсолютных. Даже наименование «керл», что в английском языке обозначало крестьянина-общинника, заменилось на «вилан» (крепостной). Напомним, что речь идет о X–XI вв., и дикой Руси до этого «уникального позора» предстоял путь в пять веков. Так продолжалось вплоть до восстания Уота Тайлера в 1381 г., когда обострение политической и экономической напряженности, взрывной рост налогов на фоне войны с Францией переполнили чашу народного

терпения. В числе прочего восставшие требовали и отмены крепостного права. Выступление было жестоко подавлено, но гнет в отношении крестьян значительно ослаб, и к XV в. крепостное право как-то само собой «рассосалось».

Но освобождение крестьян в итоге привело к чудовищному социальному сарказму: их освободили *вообще от всего*. Даже от земли. Помещики сами выгоняли крестьян, переоборудуя посевные площади под пастбища, и огромное количество земледельцев превращалось в бродяг, батраков и разбойников. Прибыли от торговли шерстью росли как на дрожжах, но возникла острая нехватка зерна. Англия стала закупать хлеб в огромных объемах, что подвигло соседей экспортеров расширить посевные площади и принудить своих крестьян пахать день и ночь.

На Руси периода еще новгородской демократии крестьяне владели землей, которую могли передавать по наследству. Так называемые смерды работали в основном на государство, поэтому права на уход с земли не имели. Другая категория крестьян — «закупы», выплачивая определенную сумму помещику, становились вообще свободными. Справедливости ради необходимо признать, что по принципу демократии Аристотеля существовали и настоящие рабы — холопы.

Положение начало меняться с нарастанием внешнеполитической напряженности конца XV в., когда Россия втянулась в нескончаемую череду военных конфликтов на нескольких фронтах. Ситуация потребовала содержания постоянного дворянского войска. С этой целью великий князь наделял «служилого человека» поместьем, доход с которого и обеспечивал пропитание ему и его семье. Свободные крестьяне заключали с помещиком договор на обслуживание земельного надела и всего хозяйства поместья. Срок добровольного ухода от помещика и взаимного расчета определялся Судебником Ивана III и составлял одну неделю до Юрьева дня и одну неделю после. Существуют две различные трактовки отмены данного уложения. С. М. Соловьев утверждает, что закон об отмене крестьянского перехода датируется 1592 г. Его опровергает В. О. Ключевский на основании подрядных записей 1620–1630 гг., из которых следует, что на текущий момент право выхода сохранялось. Так или иначе, но исторический отрезок в 50 лет существенного значения в контексте вышесказанного не имеет.

Весьма важным социально-психологическим аспектом является восприятие основной массой крестьянства этого непопулярного акта. Наряду с естественным внутренним протестом присутствовало осознание необходимого православного послушания, единого для всех — от холопа до царя: когда страна находится фактически в осадном положении, «гражданская совесть» диктует свои мотивации. Характерно, что большинство историков игнорирует такой важный аспект. Редко рассматриваются и такие детали, как законодательное закрепление объема

крепостного труда, не превышавшего 280 дней в году. Редко, а то и никогда, не упоминается и об определенной степени свободы, когда крестьянин мог уходить на длительные промыслы: охоту, рыбалку, сбор грибов, ягод, заготовку леса. Крестьянам разрешалось торговать, приобретать в собственность лавки, трактиры, речные суда и даже промышленные предприятия. Всё зависело от практической сметки работника и отношения к этому хозяина.

Изменения в духе и букве крепостного права начали происходить начиная с эпохи Петра I. Если изначально оно возникло из необходимости обеспечения служилого люда для выполнения им воинского долга, то есть защиты государства и самого народа, то теперь явление приобрело форму откровенного деспотизма. Указом императора Петра III от 18 февраля 1762 года дворяне освобождались от обязательной службы. Если раньше они владели поместьями без права наследования, то теперь полноправными хозяевами становились и их потомки, крестьяне становились полной частной собственностью, исчезала зависимость права владения крепостными от государственной службы (то, ради чего и было введено крепостничество). Таким образом, разрубалось последнее звено, связующее крестьянина с верховной властью. В этом акте, как в капле воды, отразился германский менталитет дегенеративного императора, генетически впитавшего нравы и обычаи исторической родины. Необходимо заметить, что и «великая и премудрая мать Отечества» также приложила свою очаровательную ручку, выдав в 1785 г. Жалованную грамоту дворянству, по которой крестьяне переходили в личную собственность помещика. Вот так, с течением времени свеялась с Екатерины гуманистическая пыль философии Вольтера и Монтескье, хотя можно предположить, что если бы работа Уложенной комиссии была доведена до логического завершения, то страна избежала бы и пугачевского бунта, и многих других проблем. Как тут не вспомнить Локка и Радищева! Просвещенная Европа и здесь проявила трогательную заботу о лапотной Руси.

Однако и эти «прогрессивные» веяния не смогли повлиять на русский характер. Невольно напрашиваются интересные исторические аналогии. Накануне гитлеровского вторжения западные аналитики прогнозировали не только самый низкий уровень народного сопротивления, но и высокий процент приветствующих «освободителей от ига большевизма», особенно в среде колхозного крестьянства. Итог хорошо известен. Эта ситуация один в один повторила историю Отечественной войны 1812 г. с аналогичными мечтаниями Наполеона и огромным уроном, нанесенным его армии партизанскими отрядами угнетенных крестьян.

Все вышеприведенное ни в малейшей степени не означает, что русское крепостничество по сравнению с западным представляло некое благо, но объективность требует четкого определения, где заканчивается

историческая наука и начинается либеральная мифология о рабском менталитете русского народа, сформированном посредством многовекового угнетения.

Тем не менее сложившееся положение к концу 50-х гг. XIX века было далеко от благополучия. Существующая система тормозила развитие промышленного производства и сельского хозяйства. Всё меньше аргументов оставалось в арсенале консерваторов, цеплявшихся за сохранение прежнего уклада. Жестокая действительность подталкивала закостеневшие умы к принятию решений: это и провальная Крымская кампания с ее последствиями; и ряд природных катаклизмов в виде эпидемий, неурожаяев, голода; и нараставший помещичий произвол. Участились побег крестьян в поисках лучшей доли в Крым, в Сибирь и даже в ополчение.

В первых рядах радетелей за народное благо, как всегда, стояла революционно настроенная интеллигенция. А. И. Герцен совместно с Н. П. Огарёвым в знаменитой газете «Колокол» сформулировали программу очередной модернизации страны, в первых пунктах которой обозначалась отмена крепостного права. (Показательно, что идеи спасения России, как раньше, так и теперь, чаще всего зарождаются именно в Лондоне. Видимо, в воздухе там что-то этакое витает.) Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов через журнал «Современник» призывали к действиям революционного характера еще более радикальным. В среде интеллектуалов явно обозначился раскол, но теперь он проходил уже не между консерваторами и «прогрессистами», а между самими либеральными демократами. Революционеры, разочаровавшись в программах царя, призывали к инициированию реформ «снизу», что неизбежно привело бы к бунту, либералы же подталкивали власть к незамедлительному проведению преобразований «сверху», четко представляя, к чему может привести социальный взрыв. Это был тот редкий случай, когда они оказались абсолютно правы.

Таким образом, становится очевидным, что реформаторская инициатива «царя освободителя» вызвана отнюдь не радением за судьбу угнетенного крестьянства, а банальным страхом перед собственным народом.

В январе 1857 г. правительство начинает активную работу по «обсуждению мер по устройству быта помещичьих крестьян». Подход к решению вопроса ясен уже из самой формулировки: ни о какой свободе для крестьянина мысль у реформаторов не возникала в принципе. Речь шла лишь об «устройстве быта». Этим подразумевалось некое безмозглое стадо, не способное на самостоятельную жизнедеятельность. На местах создавались губернские комитеты, в которых сразу же начались «бои» между либералами и консерваторами, суть которых сводилась к одному: как провести реформы с наименьшим ущербом для помещиков. Так, 19 февраля 1861 г. свет увидели два иезуитских документа, регламентирующих половинчатые меры по проведению реформ — «Манифест» и «Общие положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Крестьяне

получали личную свободу, могли поступать на государственную службу, получать образование. Землю они также получали, но не безвозмездно, а либо за оброк, либо за отбывание барщины. Крестьянин мог выкупить у помещика надел и усадьбу, но позволить себе такую роскошь могли считанные единицы.

Обманутые ожидания обещанных свобод выплеснулись грандиозным социальным взрывом 1861 года. Спонтанно вспыхнувшие бунты числом более тысячи повсеместно были подавлены «царем-освободителем» с чрезвычайной жестокостью, что вполне закономерно всколыхнуло всю демократическую общественность.

Самым значительным достижением дефективной реформы стало социальное расслоение крестьянства на два антагонистических лагеря — кулаков и бедняков. Те единицы, которые смогли использовать новые условия себе во благо, составили принципиально новый класс — сельскую буржуазию. Преобладающая же масса бедноты была вынуждена либо вновь наниматься в батраки уже к новым хозяевам, либо уходить в города.

Дефектность реформы сказалась не только на крестьянах, но и на самих помещиках. Новые условия ведения хозяйства требовали выработки новых подходов, к чему большинство бывших феодалов оказалось интеллектуально не способно. Привыкшие жить по старинке, не напрягаясь ни умственно, ни физически, они попросту разорялись. За долги продавалось по нескольку тысяч имений в год, а к середине 90-х гг. больше половины земель оказалось в залоге. И всё же реформа 1861 г. вызвала ряд существенных изменений в самой структуре общества. Вновь возродились земства. Исполнительная власть возлагалась на земские управы — уездные и губернские. Однако в том виде, в котором создавались, они представляли собой некую имитацию самоуправления, так как были полностью подконтрольны губернаторам. Выборы в новые органы власти также носили псевдодемократический характер, потому что регламентировались имущественным цензом. Таким образом, состав органов самоуправления оказался представлен дворянством и крупной буржуазией, подконтрольными правительству, что лишало смысла саму идею.

Не дала существенных результатов и реформа в сфере финансов. Пожалуй, единственным важным итогом явилось создание Государственного банка, остальные же мероприятия осуществили лишь некоторые усовершенствования прежних механизмов, поэтому основная тяжесть финансового бремени всё так же ложилась на простой народ.

Некоторый отпечаток хорошо забытого старого носила реформа судопроизводства. Возродился институт присяжных, были введены основные нормы либерального права: состязательный принцип, хоть и условная, но независимость судей, процессуальная гласность. Всё это во многом носило декларативный характер, так как не были упразднены старые феодальные пережитки в виде сословных судов.

Несколько лучше дело обстояло в военной сфере. Еще Крымская кампания 1830 г. выявила острую необходимость кардинальных преобразований в армии. Военный министр Д. А. Милютин в 1864 г. ввел жесткую централизацию управления с изменением армейской структуры в виде создания военных округов. Существенно изменилась школа подготовки кадрового командного состава, разработаны и введены новые воинские уставы, осуществлено перевооружение. Наконец, были сокращены сроки службы по призыву. Еще с петровских времен 25-летняя военная каторга никак не могла способствовать укреплению боевого духа. Теперь же призывали лишь на 6 лет, и воинская повинность стала всеобщей, независимо от сословной принадлежности. Для лиц с высшим образованием срок службы существенно сокращался.

Важные изменения произошли в сфере образования. Открылось множество земских начальных школ, церковно-приходских и государственных училищ, и количество их неуклонно росло. Если в дореформенный период их было всего около 8 тыс., то уже к середине 90-х число начальных и средних учебных заведений выросло в 10 раз. Преобразования коснулись гимназий, которые разделились на классические и реальные. Выпускники классических — в основном дворянские дети — имели право поступления в вузы без экзаменов. Увеличивалось и число вузов, в том числе технических — новые условия требовали всё больше квалифицированных кадров.

Таким образом, несмотря на видимую ущербность, модернизация, проведенная правительством Александра II, дала стране ощутимый прогрессивный импульс, крайне необходимый в этот период. Рост промышленности способствовал техническому прогрессу почти во всех областях, в результате чего Россия становилась крупнейшим экспортером сырья и готовой продукции. Внутри страны возникли конкурентные условия, выражавшиеся в повсеместном развитии традиционных народных промыслов. Быстрыми темпами двигалось перевооружение отраслей. В Донбассе и Кривом Роге зародилась новая металлургическая база, которая к 90-м гг. вывела Россию на четвертое место в мире по производству чугуна. Развитие Бакинского нефтяного бассейна позволило стране занять лидирующее положение в мире, обогнав даже США. В этот же период начался быстрый рост машиностроения, что позволило к концу века увеличить численность предприятий почти в 7 раз. Активно строились железные дороги. Если в 1860 г. протяженность магистралей составляла лишь 1,5 тыс. верст, то к 1881 г. она достигала уже 21 тыс. верст.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась новым витком революционных настроений. На первый план политической борьбы вышли представители интеллигенции из разных общественных сословий, так называемые разночинцы. Главной задачей они видели подготовку народной революции для свержения самодержавия и изменения го-

сударственного строя. Идейными вдохновителями выступали всё те же Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв. Плодом их усилий стало создание организации «Земля и воля», занимавшейся пропагандистской деятельностью, впрочем, вполне безуспешно. С позиций сегодняшнего дня хорошо видна определенная историческая закономерность, подмеченная еще Екатериной II: всплески пассионарности являются следствием не усиления деспотизма власти, а его ослабления. На фоне новых процессов в стране по логике исторического развития должны были появиться общественно-политические течения буржуазного толка, но в условиях сохранявшегося феодального уклада нарождавшаяся буржуазия еще не представляла собой сформировавшуюся социальную группу, поэтому заполнение образовавшейся ниши новоявленными интеллигентами-разночинцами вполне закономерно. В то время они представляли собой именно ту социальную группу, которую позже нарекли «межклассовой прослойкой», так как по своему статусу не примыкали ни к дворянам, ни к крестьянам и были чужими как для одних, так и для других. Действующие законы не давали им права становиться землевладельцами и иметь крепостных, они не могли владеть средствами производства и заниматься торговлей. Наряду с этим они обладали ничем не ограниченной свободой передвижения и выбора места проживания, правом исполнения государственной службы и занятия свободной интеллектуальной деятельностью. Испытывая постоянное пренебрежение элит, разночинцы являлись такими маргиналами, болтающимися между антагонистическими социальными группами. Такое положение с точки зрения социальной психологии порождает чувство неуверенности, сомнение в личных достоинствах и в итоге сопровождается определенной степенью уныния или страдания. Необретение или утрата смыслов чаще всего приводит к нигилизму. П. Н. Ткачѳ³⁴ писал:

«Наши юноши — революционеры не в силу своих знаний, а в силу своего социального положения... Среда, их вырастившая, состоит либо из бедняков, в поте лица добывающих свой хлеб, либо живет на хлебах у государства; на каждом шагу она чувствует экономическое бессилие, свою зависимость. А сознание своего бессилия, своей необеспеченности, чувство зависимости — всегда приводят к чувству недовольства, к озлоблению, к протесту».

Стоит ли говорить, что именно эти люди стали тем социальным фундаментом, в котором А. И. Герцен нашел опору. К столетию со дня его рождения В. И. Ленин написал известную статью «Памяти Герцена»:

«Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов

---

³⁴ Пётр Ткачѳ (1844–1886) — русский литературный критик и публицист. Идеолог якобинского направления в народничестве.

и Аракчеевых, бесчисленное количество “пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников”, да прекраснодушных Маниловых. “И между ними, — писал Герцен, — развилась люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это такие богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины — сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия”».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов «разбудило и очистило» его. В крепостной России 40-х гг. XIX в. он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля, он понял, что она представляет собой «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 г., показывает нам мыслителя, который даже теперь головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов.

Так что же, та «фаланга героев» явилась странным исключением из общего числа «пьяных офицеров, картежников и забияк»? Откуда взялось такое странное явление в лице горстки благородных единомышленников ограниченного числа, не вдохновивших личным примером хоть сколько-нибудь последователей?

В этой истории примечательно, что декабристы являлись предметом поклонения различных и антагонистичных по политическим пристрастиям слоев общества во все последующие исторические эпохи. Можно ли найти еще хоть одно политическое течение, вызывавшее симпатию как у аристократии, так и у либералов и коммунистов? Всем хорошо известна близость к декабристам А. С. Пушкина. Школьные учебники повествуют, как «наше всё» разделял взгляды молодых вольнодумцев и даже подвергался гонениям со стороны власти. Но не в одном учебнике не приводится более позднее мнение поэта, сформировавшееся с течением времени и представляющее собой плод глубочайшего осмысления. В последней главе «Евгения Онегина» он писал:

Сначала эти заговоры
Между лафитом и Клико,
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Всё это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.

Ах, если бы только споры! Впоследствии по делу декабристов проходили чуть более сотни человек. А. С. Грибоедов, которого декабристы настойчиво обхаживали, резюмировал с насмешкой: «Сто прапорщиков хотят переменить весь государственный быт России». Представляется несколько наивным допустить, что именно эта сотня представляла собой ядро государственного переворота. Б. Башилов не без основания считает, что истоки политических идей декабристов находятся в программах европейского масонства и пронизаны духом французской революции с ее лозунгами «всеобщего братства, свободы и равенства». Дипломатический чиновник граф Буальконт писал:

«Я имел случай видеть список русских масонов, составленный пять лет назад; в нем было около 10 000 имен, принадлежащие к 10–12 ложам Санкт-Петербурга... в громадном большинстве это были офицеры».

Подтверждает это и Н. Бердяев:

«Декабристы прошли через масонские ложи. Пестель был масоном. Н. Тургенев был масоном и даже сочувствовал иллюминатству Вейсгаупта, то есть самой левой форме масонства».

Указать точное число офицеров, принадлежащих к масонским ложам после войны, не представляется возможным, но любопытно другое: из всех осужденных по делу только 28 человек были участниками войны, остальные — гвардейские паркетные шаркуны или вообще гражданские. Вывод напрашивается определенный — за спинами «богатырей, кованных из чистой стали» стояли силы, значительно более внушительные и так и оставшиеся в тени. Само же выступление на Сенатской площади было лишь пробным шаром, тестом на решительность властей или банальной провокацией. Потому что, как еще можно расценивать подлый выстрел в спину боевому генералу, герою войны графу М. А. Милорадовичу? Показательно, что первый вопрос, который задал врачу Милорадович после операции, был о происхождении пули. Когда ему сказали, что пуля выпущена из офицерского пистолета, он произнес: «Слава богу, что пуля не солдатская. Я счастлив». В этой короткой фразе заключена вся мировоззренческая позиция настоящего русского боевого офицера. Нет смысла перечислять здесь выдающиеся заслуги талантливого военачальника, человека отчаянной храбрости, недюжинного ума стратега и политика — всё это желающий сможет найти в исторической литературе. Хотя грустно признавать, что у всех на слуху такие имена, как Багратион, Барклай де Толли и множество других прославленных героев, а имя Михаила Милорадовича потомкам известно в основном в связи событиями на Сенатской площади. Известны его немалые заслуги и на административном поприще в качестве генерал-губернатора киевского, а затем Санкт-Петербургского. Список его военных наград как российских, так и иностранных не менее внушителен, чем у маршала Жукова. Печальный итог его большой и красивой жизни в чем-то закономерен.

Закономерно, что стреляли в спину, закономерна ничтожность личности подонка Петра Каховского — не нюхавшего порошу юнкера, разжалованного в солдаты за «шум и разные неблагопристойности, неплатеж денег в кондитерскую лавку и леность в службе». Показательно и то, что именно Каховского декабристы готовили на роль цареубийцы. Видимо, исходя из «высоких принципов» своей идеологии, они выбрали ничтожество, коим не жалко пожертвовать. Даже не рассматривая политическую платформу новоявленных карбонариев, их цели, побуждения, устремления, можно дать оценку всему диапазону событий по одному предательскому выстрелу. Декабристы могли бы вообще больше ничего не предпринимать. Личность Каховского и его поступок поставили жирный позорный крест на всей деятельности декабристов.

Вне всякого сомнения, императору были доподлинно известны настроения, преобладавшие в гвардии. Об этом свидетельствует в первую очередь создание военных поселений как альтернативы гвардии, пропитанной духом якобинства и масонства. А уже в августе 1822 г. Александр I издает указ, гласящий:

«Все тайные общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как то масонских лож и другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять, а всех членов сих обществ обязать подписками, что они впредь ни под каким видом ни масонских, ни других тайных обществ, ни внутри империи, ни вне ее составлять не будут».

Император, отлично понимая всю степень опасности деятельности тайных обществ, недвусмысленно характеризовал их как «власть зла, растущего с быстротой» и «сатанинский гений». Точнее не скажешь. Подтверждает это и граф де Толь³⁵ в своих записках:

«На сто с лишним декабристов, живших в Чите, только тринадцать оставались христианами, большинство относилось к увлечению христианством или индифферентно, или скептически, или же прямо враждебно, во имя своего убежденного деизма или атеизма. Они часто насмеялись над верой и особенно над соблюдением праздников, постов и молитв».

Что и требовалось доказать, потому что подрыв основ православия как духовной основы русского народа всегда было первостепенной задачей масонства.

Романтичный, исполненный благородства облик самих «героев» — это тоже один из мифов. Об этом свидетельствуют сами фигуранты, что не оставляет сомнений в достоверности сведений. По словам Кюхельбекера, Пестель «умен, как бес, а сердца мало. Просто хитрый властолю-

---

³⁵ Карл Толь (1777–1842) — российский генерал от инфантерии, участник войн с Наполеоном, генерал-квартирмейстер во время Отечественной войны 1812 г. (участвовал в совете Филях), с 1833 г. — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями.

бец: хочет нас окрутить со всех сторон». Вторит ему Одоевский: «Ничего не сделает, а только погубит нас всех ни за денежку». Рылеев: «Он меня в ужас привел. Надобно ослабить его, иначе всё заберет в руки и будет распорядиться как диктатор». Батенков: «Наполеон и Робеспьер вместе. Погодите-ка ужю, доберется до власти — покажет нам кузькину мать». Было доподлинно известно о тирании Пестеля по отношению к полковым офицерам и широко практикуемых телесных наказаниях в отношении солдат за малейшую провинность. Сам Рылеев, член масонской ложи «Пламенеющая звезда», по свидетельствам соратников был «рожден для заварки каш, но сам всегда оставался в стороне». При подготовке покушения на царя настаивал на легенде убийцы-одиночки, чтобы ответственность не возлагалась на всё общество, что лишало акцию идеологического смысла и превращало в банальное убийство. Или вот Анненков. На балу назойливо приставал к жене своего близкого друга Ланского, за что удостоился вызова на дуэль. Ланской, не имея намерения стрелять в товарища, разрядил пистолет в воздух. Приличия были соблюдены, но Анненков хладнокровно убил Ланского.

Из этих разрозненных и далеко не полных эпизодов вырисовывается не только сомнительный моральный облик «народных героев», но и то, что в самой их среде не было ни подлинной дружбы, ни единодушия. Отовсюду прослеживается некий искусственный характер создания этой весьма странной организации. Уже одно то, что радители за народное благо имели о жизни самого народа представление весьма туманное, говорит о многом. Тот же Муравьев-Апостол всё детство и юность провел за границей и с трудом изъяснялся на родном языке. Русского алфавита не знал совсем. И это автор первой российской конституции! Не многим отличались от него и остальные потенциальные государственные деятели.

Мысль о том, что истинные организаторы заговора так и остались нераскрытыми, посещала многих осведомленных персон того времени. Французский посол Лаферроне писал, что «продолжает с трепетом взирать на будущее, в глубоком убеждении, что несмотря на многочисленные аресты, истинные руководители заговора не обнаружены, что самое движение 14 декабря было лишь частною вспышкой и что участники, обреченные на смерть, только орудия в руках лиц, более искусных, которые и после их казни останутся продолжать свою преступную деятельность». Цесаревич Константин писал Николаю I, что «список арестованных включает в себя лишь фамилии лиц до того неизвестных, до того незначительных по себе и по тому влиянию, которое они могли оказывать, что я смотрю на них только как на передовых охотников или застрельщиков, дельцы которых остались скрытыми на время, чтобы по этому событию судить о своей силе и том, на что они могут рассчитывать».

Весьма показательно, что, ставя во главу угла своей идеологии освобождение крестьян, никто из декабристов своих крестьян на волю не отпустил. В то же время граф Милорадович перед смертью успел дать распоряжение об освобождении своих 1,5 тыс. душ крепостных. Генерал умирал с достоинством истинного воина. Убийца Каховский, будучи в крепости в ожидании казни, юлил и изворачивался, надеясь на чудо, и засыпал императора покаянными письмами: «Намерения мои были чисты, но в способах, я вижу, заблуждался. Не смею Вас просить простить мое заблуждение, я и так растерзан Вашим ко мне милосердием: я не изменял обществу, но общество [декабристов. — Г. Е.] само своим безумием изменило себе». Трубецкой же на следствии ползал на коленях перед царем, умоляя о пощаде. Вот таковы они — «богатыри, кованые из чистой стали». Остается лишь догадываться, что произошло бы со страной, увенчайся их план успехом. Насажение республиканских идей европейского толка в совокупности с диктаторскими наклонностями лидеров неизбежно привело бы к событиям, аналогичным Смутному времени.

С. Л. Франк писал:

«В умонастроении, подчиненном „моральному идеализму“, служению „идеям“ и „принципам“, действует роковая диалектика, в силу которой всё, что представляется очевидным добром в нравственном намерении и устремлении, становится злом в своем реальном осуществлении. Нравственный идеал, спускаясь со своих туманных отвлеченных высот на землю, внедряясь в жизнь и реально действуя в сложных, всегда несовершенных и противоречивых условиях человеческого бытия и конкретной человеческой природы, обнаруживает себя неожиданно не как просветляющую, возвышающую, облагораживающую жизнь силу, а именно как силу разрушающую и угнетающую. Мы уже отметили это в размышлении о кумире революции и кумире политического идеала. Здесь мы можем это распространить на всякий вообще „идеал“, т. е. на всякий выраженный в какой-либо отвлеченной формуле образец, которому должна быть подчинена жизнь и согласно которому она должна быть переделана. Нравственный идеализм всегда вполне прав в своем бичевании пороков и несовершенств существующего; и он привлекает к себе сердца своим мученичеством во имя высших начал, своею преданностью мечте о добре, подлежащем осуществлению. Но когда его провозвестники из роли мечтателей, обличителей и борцов за правду переходят в роль осуществителей этой правды, реальных распорядителей и властителей жизни, они возбуждают ненависть своей тиранией, невниманием к конкретно сложным нуждам жизни, к многообразию человеческих потребностей и слабости человеческой природы. Чем пламеннее их вера в определенный идеал, чем более незыблем авторитет этого идеала, тем более слепо и жестоко они калечат и разрушают жизнь. Ибо ненависть

к злу превращается в ненависть ко всей живой жизни, которую не удается втиснуть в рамки „идеала“».

Весь этот экскурс в историю «декабризма» был необходим для правильного понимания истоков российского революционного движения как явления не подлинно национального характера, а стопроцентно привнесенного из вне. Слабость позиций декабристов заключалась именно в том, что «страшно далеки они были от народа». Грустный анекдот, сочиненный одним из потомков героев Сенатской площади гласил, что солдаты по команде офицеров скандировали: «Да здравствует Конституция!», не понимая смысла произносимого и думая, что Конституция — это жена цесаревича Константина.

Если масонские бациллы французской революции породили декабристов, то и нигилисты-разночинцы явились абсолютным продуктом западноевропейского просветительства. Специалисты отмечают, что любые западные идеологические течения в случае их укоренения приобретают в России крайне радикальные формы. Видимо в этом сказывается особенность русского менталитета — если уж бить, то наотмашь. При исследовании явления можно выделить несколько основных объективных причин, и главная из них — утрата традиционных смыслов и отсутствие целей. В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» Базаров предельно четко обозначил кредо свое и своих единомышленников: во-первых — предельный материалистический рационализм на основе целесообразности и «пользы», а во-вторых — разрушение всего и вся, не вписывающегося в эти рамки. Главное — расчистить место, а созидать уже не наша забота.

Пристрастие русской природы к быстрой езде сказывается и в подходе к решению разного рода социально-политических вопросов. Например, стремление к скорейшему разрушению существующего государственного строя основывалось на мнении, что естественный ход эволюции приведет к укреплению новых сословий — антагонистов народным интересам. Объективности ради стоит вспомнить М. Хайдеггера³⁶, разделявшего понятие на две противоположности: прогрессивную, то есть оптимистическую, и регрессивную — пессимистическую. Из прошлого, не очень далекого, нам знакома пессимистическая составляющая нигилизма, выразившаяся в движении хиппи на Западе с отрицанием общепринятых там духовных ценностей и социального прогресса. Вторая составляющая представляет собой более распространенное явление, отвергающее отжившие социальные порядки, и в радикальных формах выражает некий общественный протест, формируя одновременно новые идеалы и устремления. Эта форма нигилизма есть не что иное, как поиск

---

³⁶ Мартин Хайдеггер (1889–1976) — немецкий мыслитель, один из крупнейших философов XX века.

новых смыслов вследствие утраты прежних. Согласно Ницше, нигилизм есть утрата «веры в Бога и в нравственный миропорядок». Российская почва, как водится, дает любым установкам свою интерпретацию, поэтому если и верна, по сути, формулировка, касающаяся Бога, но не как абсолютная утрата идеала, а как его замена на иллюзорные «справедливость, равенство, братство». Обобщенная и туманная сентенция «благо народа» явилась таким шаманским заклинанием новой русской интеллигенции, возведшей формулу в ранг чуть ли не мученической искупительной миссии и тем самым поставившей саму себя не только вне этого самого народа, но и на ступень выше него. В ней крепло убеждение, что только ей одной известно, как должно быть устроено общество нового типа. И это действительно так, потому что они сами это общество и изобрели. Поэтому вполне закономерно и по умолчанию предполагается, что именно они, и только они, будут представлять собой единственную легитимную власть. Таким образом, провозглашаемые идеалы демократии сводятся, в конечном счете, к профанации самого идеала, потому что «равенство» и «братство» предполагают полную унификацию взглядов и всего социально-политического порядка, что в принципе невозможно без применения насилия. Весьма показательна позиция Л. Тихомирова³⁷ в определении роли русской интеллигенции как узкой социальной прослойки, претендующей на статус «лучшей части общества» и занимающейся в связи с этим «антинациональной» деятельностью, заключающейся в мании «переделки России по самоновейшим и «прогрессивным» фасонам. В работе «Критика демократии» он писал:

«Интеллигенция есть прямое создание плохого ученичества, того, которое первоначально определялось способностями праздного барства, впоследствии плохо выработанного разночинства, поступившего в школу барского отрицания, и в обоих периодах — чтением легких книжек, но не самостоятельным наблюдением жизни».

Б. Н. Чичерин³⁸ обвинял интеллигенцию в пристрастии к теоретизированию и узости мышления, вызывающему ненависть ко «всякому стеснению мысли». Идейных вдохновителей на примере Чернышевского он сравнивал с мухами, гадающими на картину великого художника. По его мнению, русский нигилист — это сумасшедший, проявляющий и изумительную хитрость в достижении своих бессмысленных целей, так как весь свой ум и всю свою волю направляет на то, чтобы сбить

---

³⁷ Лев Тихомиров (1852–1923) — русский общественный деятель и политический теоретик. В молодости — народоволец. В 1888 г. отрекся от революционных убеждений и, вернувшись в Россию после помилования, стал монархистом.

³⁸ Борис Чичерин (1828–1904) — русский правовед, один из основоположников конституционного права России, философ, историк, публицист и педагог. Почетный член Петербургской академии наук. Почетный член Московского университета. Гегельянец.

Россию с правильного пути, водворить в ней полный хаос и вызвать самую суровую реакцию. Но, несмотря на такой жесткий приговор, Чичерин признает, что цели «недоучившегося юношества» всё же выше и благороднее тупой покорности, с которой основная масса принимает царящий произвол.

Нельзя отрицать, что благодатную почву для народившегося нигилизма создавала сама власть, не способная еще изжить укоренившиеся феодальные устои. Реформа 1861 г. породила радикальные перемены в социально-политическом укладе страны. Быстрыми темпами росло количество наемных рабочих, формирующихся в новый класс. Победное шествие промышленной революции никак не влияло на ничем не ограниченный произвол предпринимателей. Наем рабочих на предприятия осуществлялся, как правило, сроком на год. У рабочего изымался паспорт, и он фактически попадал в рабство, не имея права требовать досрочного расчета и вообще — покинуть предприятие. Сам же предприниматель мог уволить работника в любой момент и по любой причине. На большинстве предприятий предписывалось в принудительном порядке отовариваться в заводской лавке с завышенными ценами, жилые казармы разрешалось покидать в строго оговоренные сроки. На многих предприятиях вплоть до середины 90-х гг. XIX в. практиковалось наказание розгами.

В правительственных кругах либерального толка уже вызревало понимание необходимости изменения действующих законов. Создавались комиссии, в задачу которых входило изучение «рабочего вопроса» и регламентация фабричной жизни. Деятельность комиссий определенного результата достигала, но противодействие со стороны фабрикантов оставалось значительным. Правительственное вмешательство в свои дела предприниматели считали унижительным и «оскорбительным недоверием».

На большинстве предприятий продолжительность рабочего дня варьировалась от 12 до 16 часов с систематическими воскресными работами. Факт разрушительный не только в смысле физического насилия над организмом, но и порождающий духовную деградацию личности, хотя бы уже тем, что недавние крестьяне лишались возможности традиционного воскресного посещения церкви.

Система штрафов носила произвольный характер, часто без объявления причины, и достигала половины заработка рабочего. Предприниматель мог в любое время до истечения срока договора понизить заработную плату, да и регулярность выплат зависела от воли хозяина: могли заплатить четыре раза в год, а могли и два. На некоторых фабриках деньги на руки не выдавались совсем до окончания срока, и рабочие отоваривались в кредит в фабричных лавках, оставаясь постоянными должниками.

Начало 1870-х гг. отмечено нарастанием стачечного движения, приобретшего такой размах, что министр внутренних дел А. Е. Тимашев вынужден был представить Александру II доклад о необходимости разработки закона, регламентирующего «взаимоотношения фабрикантов и рабочих, а также нанимателей и нанимающихся вообще». Деятельность многочисленных комиссий по разработке регламентов и законопроектов затягивалась волокитой и продолжалась без ощутимых результатов вплоть до 1880 г. В течение 70-х гг. правительство при содействии полиции и жандармерии беспощадно подавляло и пресекало выступления рабочих. Лидеры подвергались преследованиям в административном и уголовном порядке, заключались в тюрьмы и высылались.

Широкое внедрение машинного производства, которое, казалось бы, должно было облегчить труд, привело к увеличению рабочего времени. Для фабриканта главной и единственной задачей являлось максимальное выжимание прибыли любыми средствами. Расширялось использование женского и детского труда как наиболее дешевого. Исследования свидетельствуют, что подавляющее большинство рабочих приобщалось к труду на предприятиях в самом раннем возрасте. Например, по Московской губернии почти две трети рабочих начали трудовую деятельность до 14 лет, а моложе 10–11 лет — 33%. Изнурительные нагрузки и ночные смены приводили к тяжелому травматизму и хроническим заболеваниям.

Нескончаемая чехарда с созданием рабочего законодательства завершилась лишь 1 июня 1882 г., спустя 23 года с момента первых разработок. В свет вышел закон, регламентирующий труд малолетних, а на предпринимателей возлагалась обязанность обучать их в начальных народных школах. Этот первый робкий шаг в становлении взаимоотношений нанимателя и наемного работника был сделан спустя год после убийства Александра II. Ничуть не оправдывая действий народовольцев, можно всё же с полным правом утверждать: император пал жертвой собственной несостоятельности в реализации управленческой стратегии. Несмотря на большевистский способ решения проблемы, террористы недалеко отступили от локковской теории. Гражданская война, вопреки их ожиданиям, не началась, а свергнуть монарха в условиях отсутствия законов и общественного договора иными способами не представлялось возможным. И они его убили, просто и глупо.

Вообще, вся ситуация 1860–80-х гг. чем-то смутно напоминает псевдолиберальную постперестроечную вакханалию конца XX в., когда видимость разгула свобод базировалась на произволе нового русского криминала, с одной стороны, и отстраненным безразличием власти, с другой. Разительное сходство современного псевдолиберализма и большевизма просматривается во всем, даже в методах осуществления политики. Начать можно уже с такого явления, как терроризм, присущего именно

этим двум формам политического устройства. Псевдолиберализм его порождает, а большевизм практикует.

В исторической науке народовольцы чаще всего характеризуются как передовая образованная молодежь, вдохновленная идеями Чернышевского, Герцена, Огарёва. Действительно, значительная передовая часть общества была разочарована и раздосадована ходом и результатами реформ 60-х гг. Результатом стало создание многочисленных кружков и движений с неперменным «хождением в народ». С самых первых шагов эти организации выявили свою абсолютную чуждость крестьянской массе, которая никак не желала признавать народников своими и чаще всего выдавала агитаторов властям. Шли массовые аресты, громкие судебные процессы, но народники не унимались. Почему-то никакой внутренний голос не подсказывал «передовым образованным молодым людям», что они со своими идеями народу не интересны — по меньшей мере, а по большей — враждебны. Г. Лебон пишет:

«Многие знаменитые философы, в том числе Герберт Спенсер, без труда доказали, что образование не делает человека ни более нравственным, ни более счастливым и не изменяет ни его инстинктов, ни его наследственных страстей, а иногда даже, если только оно дурно направлено, причиняет более вреда, нежели пользы. Статистики подтвердили этот взгляд, показав нам, что преступность увеличивается вместе с обобщением образования или, по крайней мере, с обобщением известного рода образования. В недавнем своем труде Адольф Гилльо указывает, что в настоящее время на 1000 необразованных преступников приходится 3000 образованных, и в промежуток 50 лет количество преступников возросло с 227 на 100000 жителей до 552 и, следовательно, увеличилось на 143 %.

Исходя из такого убеждения, заставляют учить как можно больше, и от начальной школы до получения ученой степени молодой человек только и делает, что заучивает книги, причем ни его способность к рассуждению, ни его инициатива нисколько не упражняются. Всё учение заключается для него в том, чтобы отвечать наизусть и слушаться. „Учить уроки, — пишет один из бывших министров народного просвещения, Жюль Симон, — знать наизусть грамматику или конспект, хорошенько повторять и подражать — вот забавная воспитательная система, где всякое усилие является лишь актом веры в непогрешимость учителя и ведет лишь к тому, чтобы нас умалить и сделать беспомощными“.

Но такая система воспитания представляет собой гораздо более серьезную опасность: она внушает тому, кто ее получил, отвращение к условиям своего общественного положения, так что крестьянин уже не желает более оставаться крестьянином, и самый последний из буржуа не видит для своего сына другой карьеры, кроме той, которую представляют должности, оплачиваемые государством. Вместо того чтобы

подготавливать людей для жизни, школа готовит их только к занятию общественных должностей, где можно достигнуть успеха, не проявляя ни малейшей инициативы и не действуя самостоятельно. Внизу лестницы такая воспитательная система создает целые армии недовольных своей судьбой пролетариев, готовых к возмущению, вверху — легкомысленную буржуазию, скептическую и левоверную, питающую суеверное доверие к провиденциальной силе государства, против которого, однако, она постоянно фрондирует, и всегда обвиняет правительство в своих собственных ошибках, хотя в то же время сама решительно неспособна предпринять что бы то ни было без вмешательства власти.

Государство, производящее всех этих дипломированных господ, может использовать из них лишь очень небольшое число, оставляя всех прочих без всякого дела, и таким образом оно питает одних, а в других создает себе врагов. Огромная масса дипломированных осаждают в настоящее время все официальные посты, и на каждую, даже самую скромную, официальную должность кандидаты считаются тысячами, между тем как какому-нибудь негоцианту, например, очень трудно найти агента, который мог бы быть его представителем в колониях. В одном только департаменте Сены насчитывается 20 тыс. учителей и учительниц без всяких занятий, которые, презирая ремесла и полевые работы, обращаются к государству за средствами к жизни. Так как число избранных ограничено, то неизбежно возрастает число недовольных, и эти последние готовы принять участие во всякого рода возмущениях, каковы бы ни были их цели и каковы бы ни были их вожди. Приобретение таких познаний, которые затем не могут быть приложены к делу, служит верным средством к тому, чтобы возбудить в человеке недовольство».

Еще более показательным то маниакальное упорство, с которым недовольцы гонялись за несчастным Александром. Шесть несостоявшихся покушений свидетельствуют скорее не о том, что провидение хранило императора, а о том, что убийцы находились в плену бессмысленной и навязчивой идеи, граничащей с помешательством, и провидение раз за разом пыталось уберечь их от самих себя. Провидение шестикратно внушало молодым «образованным» недоучкам, что убийство, будь то политическое или любое другое, концептуально не может решить ни одной текущей проблемы. Но главное всё же в другом. В книге о римской Галлии Фюстель де Куланж³⁹ пишет:

«Римская империя держалась не силой, а чувством религиозного восхищения, которое она внушала. Это был беспрецедентный случай в истории, когда режим, ненавидимый народом, держался целых пять веков... Нельзя было бы объяснить себе, как тридцать легионов импе-

---

³⁹ Нюма Дени Фюстель де Куланж (1830–1889) — французский историк, автор классического труда «Древний город».

рии могли принуждать к послушанию стомиллионный народ. Если же эти миллионы людей повиновались, то потому лишь, что император, олицетворявший в их глазах римское величие, пользовался обожанием с общего согласия, подобно божеству. В самой маленькой деревушке империи императору воздвигались алтари. В душе народа, от одного края империи до другого, народилась новая религия, в которой божествами были императоры. За несколько лет до христианской эры вся Галлия, составляющая шестьдесят городов, воздвигла сообща храм Августу близ Лиона... Священники, выбранные собранием галльских городов, были первыми лицами в стране... Нельзя приписывать все это чувству страха и раболепству. Целые народы раболепны быть не могут или, во всяком случае, не могут раболепствовать в течение трех веков. Императора обожали не царедворцы, а Рим, и не только Рим, а вся Галлия, Испания, Греция и Азия».

Плоды просвещения, выразившиеся в полном отказе от православного мировосприятия, не только оторвали террористов от корней своего народа, но и привели на виселицу. И Рим с обожествлением императора — лишь слабый прообраз Российской империи, стоящей на духовных основах постулата: «Всякая душа властям предержавшим да повинуется. Нет власти не от Бога». Но вся проблема в том и заключалась, что Бога-то у них и не было. Как не было Его у декабристов, как не было впоследствии у большевиков. Нигилизм формировался в умах личностей, подпавших под обаяние идей Декарта и Бэкона, а следовательно, наделенных безмерной интеллектуальной гордыней. И хотя тот же Дж. Локк позиционировал себя как яркого антиатеиста, его отношение к религии носило ярко выраженный бэконовский характер: атеист в его понимании нехорош главным образом тем, что в силу своего скептицизма утрачивает способность к законопослушанию и повиновению. Прагматизм в чистом виде и потребительское отношение к Богу.

Спорить с теорией Локка о государстве и праве бессмысленно, потому что концептуально она абсолютно верна. Народ имеет право на ту власть, которая ему видится приемлемой и справедливой. И это совсем не означает богоборчества, потому что Бог изначально наделил человека свободой воли. Власть тирана отнюдь не наказание, а предоставление права принятия решения, потому что, по словам Жозефа де Местра⁴⁰, «каждый народ имеет такую власть, которую он заслуживает».

Однако сегодня не вызывает сомнений, что теория Локка страдает существенным изъяном — она остается всего лишь теорией. Она — некий концепт, наподобие платья из коллекции высокой моды или концепт-кара на автосалоне — смотреть интересно, а эксплуатировать невозможно.

---

⁴⁰ Жозеф-Мари де Местр (1753–1821) — католический философ, литератор, политик и дипломат, основоположник политического консерватизма.

Он утверждает, что в случае неудовлетворенности народа действиями своего правителя народ вправе отозвать доверенную власть и передать ее другому, более достойному. Локк выдумывает заманчивую теорию, нигде не раскрывая механизма ее осуществления. Что есть народ? Как он будет осуществлять смену власти? И каким образом народ выделит из своей среды достойнейшего? Может создаться впечатление, что он либо не изучал труды Аристотеля и Платона, либо грешит графоманским пустословием. Ни то, ни другое, конечно же, не верно. Его теория познания, касающаяся природы материи и многого другого, в корне расходится с философскими категориями Аристотеля. Опровергал он и Платона, и Декарта. Но в главном он продвинулся дальше них, создав нового бога — частную собственность. Тогда он, естественно, не мог подозревать, что через несколько веков, в эпоху постмодерна, главной философской доктриной станет его тезис: «Благо — это всё, что приносит удовольствие, а зло — всё, что причиняет боль». Безудержное стремление к удовольствиям и паническое бегство от любых проявлений боли, главным образом — душевной, и стали жизненным кредо всех поборников и адептов либерализма в наши дни.

Над теориями либерализма и демократии трудилось огромное количество идеалистов-утопистов, подогретых гордыней примата эго. Сегодня можно говорить, что принцип либеральной демократии безнадежно устарел и изжил самого себя. Но это не так. Даже в эпоху Локка этот принцип осуществлен быть не мог. Думается, что и сам Локк не мог этого не понимать. Аристотель выстраивал свои схемы, исходя из практики городов-государств с населением, не превышавшим 10 тыс. человек, а Платон утверждал, что уже более 5 тыс. человек неизбежно превратят демократию в плутократию, что мы имеем возможность наблюдать сегодня в глобальном масштабе. Человечество уже много веков заморожено иллюзией, внедренной в сознание «первым просветителем», и живет, не догадываясь, что является главным действующим лицом дешевого и циничного фарса. На алтарь этого фарса брошены вековые ценности: вера, культура, национальные традиции — и заменены ценностями суррогатными — «общечеловеческими» — толерантностью, политкорректностью, некими абстрактными правами абстрактного человека. Демократия значительно опаснее тирании. Тирания конечна по своей сути. Мы понимаем, где она начинается и где заканчивается, она ограничена жесткими рамками насилия. С демократией всё намного сложнее. Мы все понимаем, где она начинается, но не представляем, где и чем она закончится, более того, мы не даем себе труда задуматься, в какую трясиину затаскивает нас это обольстительное и лукавое верование. Состояние общества сродни глубокому гипнозу или зомбированию. На поддержание такого состояния работает гигантская индустрия современного псевдоискусства, массмедиа, моды, образования, превра-

щая каждого потенциально нормального человека в тупую скотину, лишённую цели и смысла.

Парадоксально, но при концептуальном рассмотрении доктрины демократии обнаруживается большое количество завуалированных параллелей с тоталитаризмом, значительно более опасным, нежели нацизм. (Мы говорим «нацизм», потому что общепринятый термин «фашизм» сегодня представляет собой очередной образчик перевернутого смысла, о чем речь пойдет в следующих главах.) Опасность заключается именно в искажении смысла и маскировке, когда озвученное обозначает прямо противоположное подразумеваемому. Дж. Оруэлл в романе «1984» в гротескной и гипертрофированной форме детально показал методологию манипуляции сознанием. В Советском Союзе роман числился в списке запрещенных, то ли по злой иронии, то ли по тонкому умыслу. Считалось по умолчанию, что в романе выведена модель тоталитарного посткоммунистического общества. В те времена действительно трудно было понять, что роман — идеальный образчик контрпропаганды неолиберализма и постиндустриального общества, чем с успехом и пользовались западные советологи, подогревая заблуждения, как диссидентов, так и отечественных цензоров. Будь у советских идеологов побольше ума и информации, роман мог бы войти в учебники старших классов средней школы. Это теперь стало очевидным, что произведение Оруэлла в технически упрощенной художественной форме предвосхитило книгу З. Бжезинского «Технотронная эра», а тогда никто из охранителей чистоты коммунистической идеологии не удосужился даже поинтересоваться биографией автора.

Массовая «культура» сегодня не оставляет ни малейшего шанса независимому мышлению. Уничтожению независимости подчинено и образование. В модернизационных проектах Всемирного банка предусмотрена отдельная система обучения для малообеспеченных слоев населения под названием «Минимальный стандарт гражданственности», включающая «способность чтения географических карт, объяснение на английском языке и правильное заполнение налоговых деклараций». Гитлер писал: «Рабы Рейха должны быть лишены всякого образования и высокого искусства. С них достаточно знать алфавит, чтобы читать наши указы, простенькой мелодии и удовлетворения физиологических потребностей». Параллели не требуют комментариев.

Догадывались ли декабристы, куда они собирались вести свой народ? Вряд ли. Прельстительные идеи просвещения и гуманизма не оставляли места для сомнения в собственной правоте. Дьявольское прельщение тем и чудовищно, что «логически» оправдывает насаждение гуманизма даже через убийство. Тому же влиянию подверглись и народовольцы. Но как в первом случае, так и во втором, а также спустя полвека — сначала в 1905 г., затем в феврале 1917-го, православное мироощущение

оставляло новых либералов в вакууме народного отторжения. Именно поэтому в октябре власть сама упала в руки большевиков, так как их идеология, несмотря на внешнюю богоборческую атрибутику, базировалась на привычных православных принципах, хоть и искаженных умышленно. Просветитель лихорадочно разыгрывал в России различные комбинации, прибегая и к маскировкам, и к мимикрии, и к всевозможным манипуляциям. Ему было нестерпимо смириться с тем, что, подмяв под себя весь мир, он раз за разом ломает рога об эту несуразную страну, игнорирующую элементарные законы логики; что она никогда не принимает чужие правила игры, она создает свои, неподвластные ни западным игрокам, ни самому Просветителю.

Особая логика исторического развития России, подобно мощнейшему иммунитету потенциально здорового организма, жестоко расправилась с бактериями либерализма по всем направлениям. С одной стороны, трагическая гибель «царя-освободителя» и уничтожение его убийц, а с другой — смена курса Александром III, обозначенная в истории как контрреформы. Как звучало в свое время у В. Высоцкого: «Всё не так, ребята...»

Интересную оценку модернизации Александра II и ее далеко идущих последствий дает профессор Игорь Фроянов:

«Император Александр действовал в либеральном духе. Его ближайшее окружение тоже состояло из либералов (Валуев, Милютин, Лорис-Меликов и др.). Тогда замаячила перспектива учреждения конституционной монархии. Наследник престола, будущий царь Александр III, решительный противник конституционных преобразований, был очень встревожен этим обстоятельством. Он буквально дневал и ночевал в Зимнем дворце, опасаясь, что отец подпишет указ о введении конституционных представительских учреждений. Таков был настрой Императора Александра II и его окружения.

В результате реформы крестьяне потеряли значительное количество земли. Наделение их землей сократилось на 20% по сравнению с тем, что они имели до освобождения. Недовольство крестьян усиливалось, и к концу XIX — началу XX века в крестьянстве накопились горы ненависти и злобы. И вот эта злоба искала выхода. Она нашла его в революционных событиях 1905 года. С начала века в России усиливалось крестьянское движение, вспыхивали крестьянские бунты. А дальше события развивались еще более удручающим образом. Царь совершил три непоправимые, я бы сказал, роковые ошибки. Он подписал Октябрьский Манифест 1905 года и тем самым легализовал так называемое „освободительное движение“, представители которого яростно набросились на самодержавную власть. Царь, увы, согласился со Столыпиным насчет ликвидации общины, которую совсем недавно по примеру отца своего Александра III защищал и поддерживал. И, наконец, царь позволил вовлечь себя в войну, совершенно никчемную для России. Эти три обстоятельства, в конце кон-

цов, соединились и привели к эффекту 1917 года. Таким образом, я убежден, что так называемая „освободительная“, „великая“ реформа, как ее называли и называют сейчас, привела к событиям 1917 года. Отменять крепостное право надо было, но вопрос: как и в чьих интересах это надо было делать. Реформу провели так, что она не удовлетворила помещиков и обозлила крестьян. Реформа породила у крестьян сильное чувство горечи, обиды и злости, что привело к усилению крестьянского движения. Именно под влиянием этого движения царь принял план Столыпина. Крестьянская община в России не исчерпала еще свой исторический ресурс, большинство крестьян было за сохранение общины, крестьяне держались за общину. Но русская община стала разрушаться насильственными методами. Эта политика разрушения общины до предела накалила страсти в деревне. Война и укрепившиеся представители так называемого освободительного движения (масоны и либералы) — всё это в совокупности и привело к 1917 году».

К этому следует добавить, что Первый сельскохозяйственный съезд, состоявшийся в Киеве в 1913 г. констатировал полный провал столыпинской реформы, что было подтверждено и специальной комиссией Временного правительства в 1917 г., а уже к 1920 г. сами крестьяне в ходе Гражданской войны вернули в общинную собственность до 90 % земли.

Из всего вышесказанного ясно, что такое явление, как терроризм, суть продукт либерального толка. На протяжении всей мировой истории невозможно найти ни одного тоталитарного государства, в котором это явление имело бы место быть. С позиций сегодняшнего дня уже ни для кого не является откровением, что терроризм представляет собой совсем не то явление, каковым его продолжают лицемерно характеризовать политики, обществоведы и СМИ. Для обывателя до сих пор террористы позиционируются как радикальные представители идеологических течений. Правда, сегодня уже невозможно скрыть, что и подготовка, и оснащение, и методики действий — всё это продукт новейших научных разработок спецслужб. Скорость распространения и диффузионность информационных потоков на сегодняшний день такова, что уже никого, даже самого тупого обывателя, невозможно убедить в том, что убийцы являются борцами за какую-либо идею. На поверхности лежит и самый простой вывод: террористические методы в пропагандистском плане работают против самой идеи, которой они призваны служить по оглашению. В книге «Специфические особенности обеспечения преемственности власти»⁴¹ дан полный и научно обоснованный анализ терроризма как одного из самых эффективных средств управления толпой. Главное же в том, что

---

⁴¹ Ермолов Г. В. Специфические особенности обеспечения преемственности власти: Россия в векторе глобального управления. СПб.: Нестор-История, 2012.

жертвы террора, будь то государства или конкретные люди, всегда вызывают к себе сочувствие. Учитывая уровень психологической и оперативной подготовки злодеев, наивно было бы полагать, что их главаря этого не понимают. Отсюда следует простой вывод, что все страшилки с взрывами, захватами заложников и прочими подлостями не что иное, как модификационные модели поджога рейхстага нацистами. Применительно к сегодняшнему дню терроризм можно рассматривать, во-первых, как удобрение для рассады «демократии» в глобальном масштабе, а во-вторых, как средство создания хаоса в конкретных географических точках. Вспомним незабвенного полумифического бен Ладена, которого в течение многих лет не могли изловить спецслужбы всего мира. «А был ли мальчик?» Был он или не был, но роль свою сыграл безупречно, до самого занавеса. Но время идет, аппетиты растут, Просветитель торопит, и вот уже на смену антигероям-одиночкам прошлых лет приходит антигерой коллективный в виде ИГИЛ, целенаправленно созданный и заботливо пестуемый закулисными кукловодами и руками США. Всё это сильно напоминает последний и решительный бой под трубный рев ангелов апокалипсиса.

Однако вернемся к нашим «баранам» — нигилистам-народовольцам. Ироническая параллель nihil — ИГИЛ чудна, и хотя в мире не бывает ничего случайного, но всё же в мистику впадать не будем. Конечно же, теория и практика терроризма XIX в. разительно отличались от нынешних — не те масштабы и не те возможности. Но если научно доказано, что подобная деятельность в организационном и оперативном обеспечении требует определенного уровня квалификации, то личности народовольцев наводят на странные размышления. Для «недоучившихся семинаристов» масштаб все-таки несколько крупноват. И тут невольно вспоминается роман Б. Акунина «Статский советник» с его неожиданной сюжетной развязкой. Да что там роман! Широко известна личность легендарного Азефа с его высокими покровителями во властных структурах. Поэтому если вспомнить цитату из текста И. Фроянова об опасениях Александра III за действия своего отца, а также генетический груз отцеубийства, лежащий на Романовых со времен Павла, то выстраивается версия, весьма плодотворная для потенциального исследователя. Но это всё же не вопрос для данной работы. В данном контексте нас интересуют, прежде всего, «плоды просвещения». Можно сколько угодно рассуждать о просветительских традициях, основываясь на объективном факте, что университеты Европы созданы несколькими веками раньше первого российского, но и моральный распад и духовная деградация на сегодняшний день значительно опережают российские процессы. С образованием здесь нет прямой связи, но с «просвещением» — самая непосредственная. Вузы, организованные Петром I в России, безусловно, давали определенный образовательный уровень, но наряду с этим

формировали у слушателей западное мировоззрение, замешанное на протестантской этике. Именно в этот период начала расти прослойка интеллектуалов, составившая впоследствии принципиально новое для России явление — интеллигенцию.

Годы реформ Александра II послужили мощным толчком для развития новых движений, ранее России не знакомых. В новых условиях дворянство «деформировалось», причиной чему в большой степени послужило массовое обеднение и неспособность адаптироваться к изменившейся социальной обстановке. Европейские материалистические веяния в среде дворянской молодежи набирали силу, во многом благодаря пассивной позиции РПЦ, переживавшей странные времена. С одной стороны, сразу вслед за отменой крепостного права в 1863 г. началась церковная реформа за авторством министра внутренних дел П. А. Валуева, идейного вдохновителя укрепления православия и развития внутрицерковного ресурса. По его инициативе еще в июне 1862 г. царь утвердил проект особого присутствия. Документ предполагал мероприятия по улучшению быта белого духовенства, материального обеспечения, расширения гражданских прав и многого другого. Однако благие намерения властей неожиданно вызвали недовольство значительной части духовенства, усмотревших в инициативах стремление к более полному сращению церкви с государством и лишение ее остатков самостоятельности. Долгие ожидания возрождения патриаршества рухнули. Таким образом, и авторитет РПЦ в обществе значительно снизился.

Так уж повелось, что периоды реформ и либеральных отклонений пробуждают к жизни явления по большей части духовно нездорового характера. Молодежь, как наиболее активная часть общества, всегда составляет костяк любых протестных движений, поэтому именно в этот период возникает большое количество разнородных движений — от дурацких божемных до политических. Проникновение в генетическое православное мировосприятие вирусов протестантизма формирует у новоявленного интеллигента именно протест против всего, присущего отцам, как то: моральные и нравственные принципы, стиль жизни, да и сам образ мышления. В традиционной консервативной среде ему уже дискомфортно, и поэтому преобладающей манерой поведения становится вызов и отрицание. Выражалось это в самых различных формах. Кто-то погружался в пучины самых безудержных наслаждений, следуя упомянутой выше доктрине Локка, а кто-то ударялся в идеи преобразования общества и окружающего мира, мечтая осчастливить всё человечество любыми методами, включая самые изуверские. Еще в первой половине XIX в. В. Г. Белинский писал:

«Я понял французскую революцию, понял и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделиться от братства с человечеством... Я теперь в новой крайности — это идея социализма, которая стала для меня идеей

новой, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Всё из нее, для нее и в ней. Я всё более и более гражданин вселенной... Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливую малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную».

В своих работах он не скрывал крайне презрительного отношения к Церкви и духовенству, что не могло не найти отклика в неокрепших умах и равно отторжения в среде крестьянства, окрестивших новоявленных «просветителей» смутьянами и путаниками. Очередная очень точная лингвистическая деталь: всем известно, кто есть самый великий путаник. По мнению С. Н. Булгакова, основной отличительной чертой интеллигенции того времени было не отвержение религии как таковой, а замещение православия культом эго, что неизбежно влекло за собой такие радикальные формы, как террор. Невозможно оспорить, что развитию протестных настроений в большой степени способствовала российская действительность с полуголодным существованием и полным беспорядком низов, бесчеловечной эксплуатацией нарождающегося рабочего класса, феодальными пережитками. Отвергая уклад жизни и мировоззрение отцов, разночинцы отвергали и веру, и самодержавие, да и само понятие Отечества. Ярким примером изуродованного мировоззрения можно считать широко известную цитату профессора В. С. Печерина: «Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья...» Типичные мысли типичного интеллигента тех лет. Как и Герцен, он швырялся обличениями из эмиграции, сменив православную веру на католичество и даже став священником-редемптористом⁴². Закономерный мировоззренческий итог.

Большая часть интеллигенции видела в себе неких героев, по мере эволюции формируясь в личностей ницшеанского типа с неизбежным подсознательным убеждением, что «Бог умер». Теории примата эго по логической цепи вели к самосознанию сверхчеловека, что в конечном звене неизбежно должно было породить нечто вроде нацизма с его «белокурой бестией». Бердяев писал:

«Интеллигенция наша дорожила свободой и исповедовала философию, в которой нет места для свободы, дорожила личностью и исповедовала философию, в которой нет места для личности, дорожила смыслом прогресса и исповедовала философию, в которой нет места для смысла прогресса, дорожила соборностью человечества и исповедовала философию, в которой нет места для соборности человечества, дорожила справедливостью и высокими вещами и исповедовала философию, в которой

---

⁴² Редемптористы (официальное название Конгрегация Святейшего Искупителя) — католическая мужская монашеская конгрегация. Основана святым Альфонсом де Лигуори в 1732 г. для проповеди Благой Вести самым бедным и отверженным людям.

нет места для справедливости и нет места для чего бы то ни было высокого. Это почти сплошная, выработанная всей нашей историей аберрация сознания. Интеллигенция, в лучшей своей части, фанатически была готова на самопожертвование и не менее фанатически исповедовала материализм, отрицающий всякое самопожертвование».

Итак, что же в сухом остатке? Первые же преобразования либеральной направленности породили в стране не только брожение умов, но и такое доселе неведомое явление, как терроризм. Интеллигенция XIX в., по сути, сама подрубила под собой сук, как это произошло и в 80-х гг. века XX, когда интеллектуальный цвет нации дружными рядами выступил за разрушение власти КПСС, что в итоге привело к разрушению всей страны. И если интеллектуальный планктон XIX в. был заражен нигилизмом, то интеллигенция позднего советского периода, в основном творческая, заразилась другой болезнью, замешанной на собственной глупости. Вообще, просматривается определенная тенденция к постоянным заболеваниям этой социальной группы, что свидетельствует о плохом иммунитете, или, как теперь принято называть, толерантности. Советская творческая интеллигенция являлась особой кастой, имевшей возможность посещать страны «загнивающего капитализма» и видеть, как живут их коллеги по цеху. На родине они пользовались всеми возможными благами, недоступными основной массе населения, но всё же несопоставимыми с уровнем жизни разного рода «поп-звезд» на Западе. Мало кто из наших именитых писателей, художников, артистов задумывался о том, что все эти блага там достаются в жесткой, а порой жестокой конкурентной борьбе, в которой выживают единицы сильнейших или хитрейших. Каждый из наших деятелей считал себя гением, и завистливое чувство несправедливости толкало его на перестроечные трибуны. Тогда они не подозревали, что с окончанием советской эпохи закончится и их сытое благополучие вместе с многотысячными тиражами изданий, финансируемых из госбюджета, и кругленькими гонорарами. В итоге всё пришло к тому, к чему они так стремились. Только сами они уже не были никому нужны, как и остальные миллионы сограждан бывшего СССР, которых традиционными либеральными методами обобрали до нитки в обмен на иллюзорную свободу. Аналогии очевидны: в XIX в. крестьянам дали свободу в обмен на землю, которая для землепашца — основной смысл существования. Именно в эпоху «царя-освободителя» утрата смыслов проявилась впервые с особой четкостью. Набиравшая обороты экономика в восприятии людей лишила смысла и само государство, которое быстрыми темпами начинало работать само на себя. Человек как субъект государства переставал иметь значение, так же как и при Петре I. На первый план выходила экономика, и именно она, а не человек, становилась смыслом и целью. Менялся привычный уклад жизни, общественные отношения, и люди не всегда могли найти для себя новые смыслы. С. Л. Франк писал:

«Но прежде всего я должен знать, для чего я вообще живу. И здесь я знаю лишь одно: я не могу жить ни для какого политического, социального, общественного порядка. Я не верю больше, что в нем можно найти абсолютное добро и абсолютную правду. Я вижу и знаю, наоборот, что все, кто искали этой правды на путях внешнего, государственного, политического, общественного устройства жизни, — все, кто верили в монархию или республику, в социализм или в частную собственность, в государственную власть или в безвластие, в аристократию и в демократию как в абсолютное добро и абсолютный смысл, — все они, желая добра, творили зло и, ища правды, находили неправду».

Власть монарха внешне еще оставалась незыблемой, хотя на самом деле начинал набирать обороты процесс ее инверсии, но не в направлении социальных низов, а в векторе более мощной, метафизически размытой, но наделенной безусловным интеллектом силы — рынка. Невинный и жизненно необходимый прототип этой силы — базар, на котором крестьянин продавал выращенную им картошку, — подобен кошке, приносящей несомненную пользу ловлей мышей в доме, тогда как ее более крупный брат тигр способен лишь пожирать более слабых. Стихия рынка постепенно лишала людей основных жизненных ориентиров, заставляя жить сиюминутным, по принципу — сожрать конкурента. Принципы духовности, морали уходили на второй план, уступая место другим ценностям, основанным на протестантской этике. Вот так, обходным маневром, Просветитель забросил в Россию крючок, на котором уже давно висела вся западная цивилизация и которым зацепил страну на несколько десятков лет.

Отрицать необходимость просвещения и прогресса глупо; такое отрицание не что иное, как мракобесие. Но вся трагедия человечества в том, что вектор прогресса устремлен в направлении, противоположном божественному. Объяснение простое и чисто человеческое: пойдешь направо — напряженная духовная работа, необходимость самоограничения, принцип разумной достаточности, обусловленный демографическими потребностями, нравственная аскеза. Пойдешь налево — накопление материального, вседозволенность в рамках предлагаемых обстоятельств, всё более растущее потребление, и бесчисленное количество удовольствий, и всевозможных наслаждений. Искушение, перед которым устоял Иисус, для человека оказалось непосильным, тем более что вводилась эта инъекция медленно и протяженно во времени. Хотим того или нет, но мы живем категориями «сегодня», «завтра», максимум — веком собственного бытия. Для человека атеистического склада естественным является принцип «после нас хоть потоп», категории вечности для него не существует. Поэтому брать от жизни всё здесь и сейчас становится его жизненным кредо. В общем — всё согласно основной доктрины Локка. С тех пор прогресс продвигался уже семимильными шагами. Россия

значительно отставала от Запада, и кто знает, может быть, в этом была потенциальная возможность ее спасения, хотя завистливые взгляды в направлении Европы были всегда. Но прошло время, и сдерживающие барьеры рухнули. Лозунг, брошенный Хрущёвым, «догоним и перегоним» имел значительно более сакральный смысл, чем может показаться при поверхностном восприятии.

Делает ли существующая модель прогресса человека счастливее? Ответ очевиден. Очевидно и то, что прогресс в нынешнем виде не что иное, как программа самоуничтожения человечества. Если человек лишается смысла жизни, он кончает жизнь самоубийством. То же можно с полным правом отнести и к народам, и к человечеству в целом. Ведь ясно же, что примитивная нажива любых масштабов смыслом быть не может. Сегодня мы воочию можем наблюдать гибель европейской цивилизации под натиском потока мигрантов и беженцев из мусульманских стран. И хотя апогей процесса был вызван искусственно, сути дела это не меняет. Отравленная толерантностью Европа даже не думает сопротивляться, ее сознание и воля парализованы, подобно обколотой наркотиками девице, которую насилует толпа отморожков. А предшествовало тому примитивное желание сытой и комфортной жизни, когда на «черные» и непрестижные работы привлекались рабы из стран третьего мира, которые постепенно начали диктовать свои условия коренному населению. Нет сомнений, что в самое ближайшее время это коренное население окажется в собственных странах в условиях гетто, и определено, что оно того заслуживает.

Россия пока еще сопротивляется. Или делает вид, что сопротивляется. Как потенциально здоровый организм она в наименьшей степени подвержена толерантности, хотя бактерии либерализма атакуют умы уже не один десяток лет. Выше мы уже касались вопроса, почему либеральная демократия страшнее нацизма. А многим ли известно, что новейшая история знавала индивидов и пострашнее Гитлера?

Недавнее «знамя» либеральных демократов А. Д. Сахаров, этот маляк и шизофреник, разработчик водородной бомбы — одного из символов прогресса, настаивал на испытании 100-мегатонного заряда, либо не понимая последствий, либо руководствуясь каким-то сатанинским помыслом. Разрешение он получил на испытание лишь 60-мегатонного заряда. Подорванный в воздухе над Новой Землей, он вызвал явление, не предусмотренное учеными. Четыре минуты продолжалось горение кислорода в ионосфере, и никто не знал, прекратится оно или выгорит весь кислород планеты. Число погибших при испытаниях до сих пор засекречено. Что могло произойти при взрыве 100-мегатонного заряда, невозможно даже представить. Почти нигде не упоминается, что Сахаров являлся автором «гениального» проекта уничтожения США. Предполагалось заложить в океане вдоль всего побережья 10 водородных зарядов,

при подрыве которых подымавшаяся волна высотой 1,5 километра должна была смыть США с лица земли. Прогнозируемое число жертв — 60 млн человек. Да Гитлер — младенец по сравнению с «великим гуманистом» XX столетия!

Мировая, а в особенности российская история знает множество примеров, когда Церковь прямо или косвенно вставала на пути просвещения, что неизменно расценивалось политиками и историками как мракобесие. Действительно, на первый взгляд, любое сдерживание прогресса выглядит как проявление дикости. Но весь ход мировой истории доказал, что как только исчезают сдерживающие факторы, обусловленные религией, двигатель прогресса начинает идти «вразнос», и в первых рядах эшелона научно-технических достижений всегда идут военные разработки, как боевое обеспечение глобального «монарха» — рынка. Отпадающие от этого монстра элементы преобразуются в предметы массового потребления, которые тоже всё более совершенствуются, обеспечивая «монарху» непрерывное насыщение. Мы по наивности продолжаем думать, что миром управляют избранные нами президенты и парламенты, когда на самом деле уже давно состоялась инверсия существующей власти, и все «демократические» институты — лишь марионетки.

«Несть бо власть аще не от Бога» — так ли это? К сожалению, Церковь по-прежнему не отвечает на этот вопрос, вернее отвечает, но — по-прежнему, поэтому каждый должен ответить на него сам сегодня, потому что завтра может быть уже поздно. Но об этом речь пойдет ниже.

5

АТЛАНТ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

*И будет он судить народы,
И обличит многие племена;
И перекуют мечи свои на орала,
И копыя свои на серпы:
Не поднимет народ на народ меча,
И не будут более учиться воевать.*

Ис. 2: 4

Политическая стратегия Александра II едва не обернулась крахом всей государствообразующей системы, так как явилась логическим развитием петровской модернизации, да еще с изрядной либеральной приправой. Курс Александра III, характеризуемый исторической наукой как «контрреформы», стал, по сути, коррекцией всего комплекса петровских преобразований в глубинном идеологическом смысле. Протестантская парадигма развития если и не была отменена полностью, то отодвигалась на второй план, а во главу угла становилось православие как идеократическая модель государственности.

В деле укрепления самодержавной власти одна из главных ролей выпала на долю обер-прокурора Святейшего синода Константина Петровича Победоносцева. Русский правовед, писатель, переводчик, виднейший эксперт в области истории Церкви, наставник и преподаватель законоведения будущих императоров Александра III и Николая II являлся влиятельным и авторитетным государственным деятелем консервативных взглядов. Ярый поборник либеральных взглядов в молодости, даже сотрудничавший одно время с А. И. Герценом в «Колоколе», он, по мере накопления жизненного опыта и теоретических знаний, вскоре отошел от былых увлечений.

Еще в 1864 г. молодой профессор гражданского права был привлечен к участию в судебной реформе. Именно ему принадлежит авторство суда присяжных в России. Судопроизводство становилось независимым,

а процессы открытыми, гласными и состязательными, основанными на принципе презумпции невиновности. Но уже в начале 80-х в письме к Александру III он резко обрушивается на свое же детище, критикуя независимость суда от исполнительной власти. Так на него подействовало убийство народовольцами Александра II. Он писал:

«Либерализм — вражеское масонское проявление! Никакого диалога с террористами, всех народовольцев повесить, никакого народного представительства, никаких выборов!»

По его же инициативе существенно были ограничены полномочия земств, которые он считал «рассадниками либерализма». Над этим выборным органом исполнительная власть теперь назначала земского начальника.

В 1896 г. в «Московском сборнике» он публикует резкие критические заметки об устоях культурного и государственного устройства Западной Европы, разоблачая демократию и парламентаризм как «великую ложь нашего времени», порождающие «продажных политиканов и понижающие нравственный и умственный уровень управленческих слоев». С этого времени активно противостоит распространению либеральных идей, призывая к восстановлению в народном образовании религиозных основ. В предисловии к своему учебнику «История православной Церкви до разделения церквей» писал:

«Грустно и обидно, если при мысли об „Истории Церкви“ возникает представление о заучивании известных фактов, расположенных в известном порядке. <...> История Церкви должна запечатлеться не в одной памяти, но в сердце каждого как таинственная история страдания ради великой, бесконечной любви».

В основе мировоззренческой концепции Победоносцева лежала непреложная истина, укорененная в вековой истории России и так ненавидимая либералами во все времена:

«Государство не может быть представителем одних материальных интересов общества; в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось бы от духовного единения с народом. Государство тем сильнее и тем более имеет значения, чем явственнее в нем обозначается представительство духовное. Только под этим условием поддерживается и укрепляется в среде народной и в гражданской жизни чувство законности, уважение к закону и доверие к государственной власти. Ни начало целостности государственной или государственного блага, государственной пользы, ни даже начало нравственное — сами по себе недостаточны к утверждению прочной связи между народом и государственною властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, лишено основного корня, когда отрешается от религиозной санкции. <...> Религия, и именно христианство, есть духовная основа всякого права в государственном и гражданском быту и всякой истинной культуры. Вот почему

мы видим, что политические партии самые враждебные общественному порядку партии, радикально отрицающие государство, провозглашают впереди всего, что религия есть одно лишь личное, частное дело, один лишь личный и частный интерес».

Но дело было даже не столько в роли личности, сколько в тех явлениях, каковые пробудила к жизни управленческая стратегия Александра II, сведшая на нет жизнеспособность российского государственного аппарата.

Министр внутренних дел граф Н. Игнатьев в мае 1881 г. издал «Циркуляр начальникам губерний», в котором, в частности, говорилось:

«...великие и широко задуманные преобразования минувшего Царствования не принесли всей той пользы, которую Царь-Освободитель имел право ожидать от них. Манифест 29-го апреля указывает нам, что Верховная Власть измерила громадность зла, от которой страдает наше Отечество, и решила приступить к искоренению его...»

Результаты реформ Александра II подвергались критике многими компетентными экспертами. Граф Д. А. Толстой:

«...убежден, что реформы прошлого царствования были ошибкой, что у нас было население спокойное, зажиточное...разные отрасли правительственной деятельности друг другу не вредили, правили местными делами агенты правительства под контролем других высших агентов той же власти, а теперь явилось разоренное, нищенское, пьяное, недовольное население крестьян, разоренное недовольное дворянство, суды, которые постоянно вредят полиции, 600 говорилен земских, оппозиционных правительству».

С. Ю. Витте называл либеральные реформы экономики «сумасбродством», а К. П. Победоносцев прямо называл их преступными.

Пожалуй, главным последствием «прошлого царствования» явилось увеличение раскола в обществе, в особенности в деревне, где внутри общины нарастали серьезные противоречия. Форсированное развитие товарно-денежных отношений значительно опережало изменения социальной структуры общества. Картину довершали неизменные спутники либеральных оргий — катастрофический дефицит бюджета, развал банковской сферы, повсеместная коррупция. Упадок правоохранительной системы, породивший движения типа «Народной воли», требовал от премьера ужесточения мер полицейского воздействия и формирования нового «ближнего круга». Именно тогда начала складываться доктрина исключительности миссии России в деле удержания мира от апокалиптических тенденций Запада. Не заикливаясь на вопросах «отката» страны от модернизационных процессов, следовало привести социальную структуру общества к ее традиционному и понятному всякому русскому состоянию. К обер-прокурору Синода можно относиться как угодно, но сформулированная им программа «консервативной стабилизации

и нравственного воспитания общества» не может вызывать возражений у любого здравого ума. Необходимо отметить, что он отнюдь не был ретроградом и его неприятие не ограничивалось либералами-западниками, доставалось и славянофилам.

Общее состояние дел, как во внешней политике, так и во внутренней, требовало незамедлительного принятия определенных управленческих решений. С одной стороны, всё более обострялись взаимоотношения с Германией. Бесконечные торговые и таможенные войны приводили к отрицательному балансу во внешней торговле. Заварившаяся в 1881 г. болгарская политическая каша закончилась государственным переворотом, а личное неприязненное отношение императора к князю Александру Баттенбергу привело в конечном итоге к разрыву дипломатических отношений. Вся эта длинная и запутанная цепочка событий повлекла за собой целый ряд изменений в соотношении сил в Европе⁴³.

С другой стороны, внутриполитическая ситуация также не располагала к благодушию. Последствия либеральных вакханалий в России во все времена до смешного схожи: развал правоохранительной системы и армии, повальная коррупция, обнищание и разорение — банковские крахи следовали один за другим. Развитие путей сообщения, набравшее поначалу неплохие темпы, постепенно угасало, так как все строительные организации находились в частных руках, которые и «грелись» в ущерб основной задаче. Казна расхищалась, денежное обращение было совершенно расстроено, а госбюджет пребывал в перманентном дефиците. Печальную картину дополняли частые неурожаи и рост крестьянских недоимок. В общем, даже не углубляясь в историю вопроса, можно вспомнить ситуацию недалеких 90-х гг. XX столетия — экстраполяция почти стопроцентная.

Как правило, распад государствообразующей системы начинается с распада общественного сознания — «разрухи в головах». Модернизация церковного уклада привела к осязаемому снижению авторитета Церкви. Рост радикальных и либеральных настроений требовал поддержки православия во всех сферах. Образование, ориентированное на европейскую идеологию, утрачивало нравственную составляющую.

Нужно четко представлять, что консервативный характер реформ Александра III ни в коей мере не означал отката к прошлому, как это при-

---

⁴³ Александр Баттенберг (1857–1893) — князь болгарский (1879–1886). Прусский офицер, сын австрийского генерала, племянник русской императрицы Марии Александровны (жены Александра II) и родственник английской королевы. Вступив на престол, проводил реакционную политику. 27 апреля (9 мая) 1881 г. произвел государственный переворот и отменил действие Тырновской конституции 1879 г. Попытка Баттенберга превратить Болгарию в оплот австро-германского влияния на Балканах привела его к конфликту с царским правительством. 9 (21) августа 1886 г. болгарские офицеры-русофилы арестовали Баттенберга и заставили его отречься от престола.

нято характеризовать в официальной исторической науке. Об этом красноречиво свидетельствуют неумолимые цифры и факты — свидетельства результатов десятилетней *разумной* модернизации.

Значительные изменения произошли во внешней политике. Пожалуй, впервые в истории, да и впоследствии, политика России приобрела исключительно открытый характер. Практика закулисных интриг и тайных альянсов была прекращена. Немецкий историк О. Егер писал:

«Император Александр III, подобно всем государям, сознающим свою силу, никогда, нигде и никому не угрожал ею и ни разу ею не воспользовался в ущерб чьих бы то ни было интересов, не удостаивая даже и вниманием своим разные задорные выходки европейской политики... Держась политики невмешательства в европейские дела и постоянно имея в виду только интересы и достоинство России, Александр III вел свою политику открыто, не прибегая ни к каким ухищрениям, держась в отношении к другим державам безукоризненной прямоты и неуклонной справедливости. Спокойно отвернувшись от Болгарии, поддавшейся влиянию Австрии и позабывшей о своем долге признательности по отношению к России, император Александр III в самый разгар торжеств, сопровождавших возобновление Тройственного союза, протянул руку Франции. В итоге Россия, возведенная императором Александром III на высокую степень могущества, получила решающий голос в делах европейских и азиатских».

Современники отмечали, что такая позиция значительно подняла престиж России на международной арене.

Для достижения роста активного торгового баланса проводилась жесткая протекционистская политика, выражавшаяся в ограничении импорта и стимулировании экспорта. Существенно повысились ввозные пошлины на продукцию углеводов и металлов. Значительно усиливалась роль государства в экономике, что способствовало защите и подъему отечественной промышленности. Тяжелобольная банковская сфера начала заметно оздоравливаться: организовались Крестьянский и Дворянский банки. Кредитные ставки существенно снизились, чему способствовало как увеличение ссуд помещикам, так и рост земельных наделов.

Результаты экономического роста и повышения политического авторитета страны на международной арене ясно показывали верность избранного курса. Именно этот период можно считать выходом России из послепетровского «штопора». Православная модель развития социума приносила ощутимые плоды. Истошные вопли либералов не стоят и ломаного гроша, когда аргументом в политике начинают выступать цифры и факты. В вину Победоносцеву вменяют категорическое отвержение всей просветительской школы, базирующейся на совершенстве человеческой природы и, как следствие, способности масс к осуществлению самоуправления и демократическому парламентаризму. Сейчас уже совершенно

неважно, какими побуждениями был движим воинствующий обер-прокурор, потому что жизнь подтвердила если и не глубинное философское осмысление проблемы, то его природную интуицию. Спустя полвека И. А. Ильин подтвердил мировоззренческую позицию Победоносцева:

«Демократические выборы являются лишь условно-целесообразным средством для безусловно верной цели (отбор лучших). Если такая цель и такое средство сталкиваются, то условное средство должно уступить безусловной цели. Требование, чтобы правили лучшие, относится к самому естеству, к самой идее государства; строй, при котором у власти водворятся худшие, будет жизненно обречен и рухнет рано или поздно, с большим или меньшим позором. Ребячливо веровать в это средство как в политическую панацею. Совсем не всякий народ и не всегда способен выделить к власти лучших при помощи таких выборов. Вопрос надо ставить иначе: какой народ и когда, при каком размере государства, при каком уровне религиозности, нравственности, правосознания, образования и имущественного благосостояния, при какой системе выборов, в спокойные или бурные периоды жизни — действительно разрешал эту задачу успешно? А это значит, что выборы эти не могут быть ни всеобщими, ни прямыми. Лучших людей могут найти только те, которые не утратили чести и совести, те, которые страдали, а не те, которые пытались страдальцев».

Победоносцев отчетливо видел то, что несколькими веками ранее осознал Иван Грозный, — все политические конструкции, заимствованные из Европы не принесут стране ничего, кроме неисчислимых бед. Кто сегодня осмелится оспорить, что продуктами народного волеизъявления становятся наиболее болтливые и беспринципные, поэтому в парламентах преобладает болтовня, своекорыстие и эгоизм. Поэтому демократия никоим образом не власть народа, а власть денег, вложенных в избирательные кампании. Победоносцев писал: «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда судьба послала нам роковой дар — всероссийский парламент! Да не будет». Его бы слова да Богу в уши! Бог, в понимании Победоносцева, может быть *единственным* источником власти, а вся иная власть — не от Бога, поэтому власть, основанная на лжи, лицемерии и лукавстве, — прямое служение антихристу. Власть денег — власть мамоны.

К. П. Победоносцевым было много сделано для восстановления авторитета Православной Церкви. Создавались новые архиерейские кафедры, вновь открывались приходы, строились новые храмы и монастыри. Всё это, так или иначе, служило укреплению российской государственности. В общественное сознание исподволь внедрялась идея неразрывности Отечества, государства и самодержавия. Таким образом, после длительного исторического перерыва власть становилась ментально идентичной.

Экономику всегда было принято считать индикатором эффективности управленческой стратегии. Аргументация либералов звучит вполне традиционно. Усиление роли государства в экономике однозначно рас-

ценивается как явление негативное, а уж ее закрытость и протекционизм — вообще абсолютная крамола. Но вот что интересно: при снижении внешнего товарооборота рост экономики не только не снижался, но и круто шел вверх. И, пожалуй, главный показатель: именно в этот исторический отрезок прирост населения в России опережал все ведущие мировые державы. Если рассматривать европейскую часть страны, то прирост населения в этот период составил более 12%. Причин тому может быть множество, но одной из главных, несомненно, является укрепление православной традиции многодетной семьи. Весьма показательны, что прирост православного населения существенно превышал прирост мусульманского: соответственно 52% и 37% к концу столетия. Способствовала тому и политика укрепления крестьянской общины.

Еще одна проблема, остро вставшая перед администрацией Александра III, — коррупция, пышным цветом расцветшая за годы правления его предшественника. Аналогии с современностью весьма прозрачны и в специальных комментариях не нуждаются. Принятое тогда решение было простым и логичным: чиновникам, уровня от градоначальника и выше, запрещалось входить в руководящие органы частных бизнескомпаний. Тогда за взяточничество и воровство полетело немало голов. С позором были изгнаны председатель департамента экономии Госсовета А. А. Абаза и министр путей сообщения А. К. Кривошеин. Не щадил государь и ближайших родственников. Так, за коррупционные махинации с ответственных постов слетели великие князья Константин и Николай.

Хотя если быть до конца объективным, опала А. Абазы связана с коррупцией весьма относительно. Будучи по совместительству председателем Комитета финансов, этот ловкий и пронырливый делец провернул с пользой для себя биржевую финансовую операцию. В этот период Минфин проводил мероприятия, направленные на понижение курса рубля. Используя закрытую служебную информацию, Абаза играл на бирже своими личными средствами, в результате чего разорился «Банк Рафаловича», а сам чиновник «наварил» около 1 млн руб. Комиссия, назначенная Александром III, не выявила никаких фактов взяточничества или казнокрадства, а игра на бирже, сама по себе, не являлась по закону преступлением. Но тем не менее Абаза был смещен со всех должностей, несмотря на то, что по оценке самого царя являлся «человеком очень полезным, умным и толковым».

Александр не терпел в среде чиновничества даже намек на двурушничество: «Кто меня хоть раз обманет, то вторично я ему уже не поверю».

(Разительное отличие от ситуации конца 90-х прошлого века, когда модификационный аналог А. Абазы — А. Починок — провернул подобную операцию с бумагами ГКО и не только не получил ни единого упрека в свой адрес, но и хвастливо раздавал интервью направо и налево, кичась собственной предприимчивостью. Да и не он один!)

В традиционной историографии закрепился стереотип экономического прогресса России благодаря либеральным реформам Александра II. Но цифры говорят иное. Если в период с 1871 по 1880 г., например, выплавка чугуна составляла 25 тыс. пудов, то в период с 1881 по 1890 г. уже 36,5 тыс. пудов; стали соответственно 4,5 тыс. и 22 тыс.; добыча угля 12 тыс. и 561 тыс.; нефти 10 тыс. и 104 тыс. И это только основные выборочные цифры экономических показателей.

Особое внимание уделялось развитию промышленности. Достижения были столь впечатляющи, что получили на Западе название «русское чудо». Россия уверенно вышла на первое место в мире по темпам роста тяжелой промышленности. Поощрение технического новаторства способствовало созданию целого ряда передовых направлений. В их числе АО «Шиповские заводы», «Общество русских трубных заводов», «Товарищество петербургского механического производства обуви». Выше уже упоминалось о взрывном росте добычи углеводородов, опережающем все добывающие мировые державы. Этому во многом способствовала организация Геологического комитета при Горном департаменте, принятие Горного устава и открытие Кизеловского угольного бассейна. Стали регулярными съезды нефтедобытчиков.

Не меньше внимания уделялось развитию железнодорожного транспорта. Вводилось в строй огромное количество новых путей сообщения: это и Транс-Кавказская железная дорога, Закаспийская, Баскунчакская, Московская, Курская, Казанская, Екатерининская, Уссурийская; пущена первая очередь Сибирской железной дороги, прорыт тоннель сквозь Сурамский перевал и построен мост через Обь; начато строительство Псково-Уральской железной дороги. Принятие Устава железных дорог и учреждение Инспекции фактически приравнивало ведомство к военной организации. Тогда же вошла в строй первая электрифицированная железная дорога и пущен экспериментальный электролокомотив.

В задачу данной работы не входит детальное и всестороннее рассмотрение результатов реформ правительства Александра III. Все интересные цифры читатель без труда сможет найти в свободном доступе и провести свой собственный сравнительный анализ результативности царя-«реформатора» и царя-«консерватора». Здесь же мы кратко перечислим основные позиции модели государственности периода Александра III.

Основное, на что следует обратить внимание, — это политика, направленная на оздоровление духовного и физического состояния народа. Выше уже упоминалось о стремлении к сохранению традиционной православной модели семьи. К этому необходимо добавить, что пристальное внимание уделялось совершенствованию системы здравоохранения, значительные изменения коснулись сферы пенсионного обеспечения, развития физкультуры и спорта. Во всех московских клубах был введен запрет на азартные игры, введена государственная винная монополия. Одним из

знаковых решений явился запрет ростовщичества (поистине, глобальное значение этого решения требует отдельного рассмотрения). Новый импульс и всестороннюю поддержку получила благотворительность. Не замедлило сказаться и внимание власти к развитию науки и образования. Именно в этот период было сделано значительное количество открытий в области естественных наук, географии, техники. Развитие гуманитарного знания послужило толчком к созданию большого числа всевозможных научных обществ и новых периодических научных изданий. Обращение к истокам подлинно русской культуры и национальной традиции породило целую серию глобальных издательских проектов в области литературы; в свет один за другим выходили новые литературно-художественные журналы. Видимый подъем испытали все виды изобразительного искусства, архитектура, музыка, театр. Активно развивалось музейное дело. Во многом это объяснялось пристрастиями самого царя. С юных лет он увлекался живописью, брал уроки у авторитетных педагогов. Впоследствии за отсутствием свободного времени занятия оставил и переключился на коллекционирование. Личная коллекция произведений искусства со временем приобрела огромный размер, что позволило после его смерти создать солидную фондовую базу будущего Русского музея.

Еще одной страстью Александра была музыка. Особенную слабость он питал к Чайковскому и отечественным композиторам, всячески способствуя наполнению театральных репертуаров именно их произведениями. Государева поддержка оперы и балета была неоценима для российской и мировой культуры.

Значительные изменения произошли и в военном строительстве. Следуя известному тезису «У России есть только два союзника...», полным ходом пошло перевооружение армии и флота. Именно тогда в войска поступила знаменитая винтовка Мосина, находящая применение и по сей день. Широкомасштабное строительство броненосцев значительно подняло престиж русского флота на международной арене. Реформированию подверглось и военное образование. Был восстановлен институт кадетских корпусов; впервые в России начала действовать школа водолазов. Принятие нового воинского устава сопровождалось введением формы одежды национального образца. Модернизировалась артиллерия — на вооружение поступили специальные горные пушки и шестидюймовые полевые мортиры на колесном ходу. Активно велись разработки танковой техники.

Поскольку ведущим направлением экономики страны исторически оставалось сельское хозяйство, правительство прилагало значительные усилия для укрепления роли аграрного сектора, что позволило в кратчайшие сроки увеличить экспорт зерна. Теперь крестьянам разрешалось арендовать казенные угодья, но запрещалась продажа общинных земель и индивидуальных наделов. Новшества в аграрном секторе вводились

повсеместно. Для лучшей координации деятельности было организовано специальное Министерство земледелия, по инициативе которого начала проводиться серьезная научная работа в отрасли. Впервые была организована опытная сельскохозяйственная станция и обширное птицеводческое хозяйство. Именно в этот период в России впервые появился свой чай, выращенный на южных плантациях.

При поддержке властей активизировались общественные организации. Общество садоводов выписывало из-за границы новые сорта лекарственных растений для разведения, а вновь созданное аграрно-техническое общество активно внедряло передовые сельхозорудия и машины. Создание Императорского общества разведения промысловых животных способствовало появлению большого числа охотничьих артелей. В свет выходит специальный учебник для крестьян «Общедоступное руководство к земледелию» за авторством профессора П. А. Костычева. Всероссийские съезды мукомолов, хлеботорговцев, рыбопромышленников и птицеводов становились традиционными. Регулярно организовывались всероссийские сельскохозяйственные выставки с демонстрацией новейших достижений рыбоводства, птицеводства, селекции. В Москве впервые была организована лаборатория, изучающая продовольственную продукцию и различные предметы потребления.

Всё это делалось, прежде всего, для того, чтобы накормить страну, изъеденную либеральной саранчой, и принимаемые меры давали ощутимые результаты. Безусловно, главным показателем можно считать небывало высокий прирост численности населения и сокращение смертности. В большой степени этому способствовала политика власти в области здравоохранения. Пожалуй, впервые в истории России этой сфере уделялось столь пристальное внимание. Начали проводиться массированные кампании по борьбе с эпидемиями. Антиалкогольная кампания включала в себя не только борьбу с фальсификатом, но и так называемый новый «питейный устав». Повсеместно организовывались общества трезвости и попечительства. Значительно расширилась сеть новых лечебных учреждений. Организовывались новые больницы и приемные покои, в том числе — бесплатные, для неимущих слоев. В Петербурге открылась первая акушерская поликлиника, а в Москве детская больница. Для более широкого охвата нуждающихся в помощи создавались целые больничные городки барачного типа. Совершенствовалась санитарная медицина. Врачи объединялись в сообщества по профилю. Так, организовалось Пироговское общество, общество детских врачей, акушерско-гинекологическое, общество врачей-венерологов и другие. Впервые в России было разработано и издано «Руководство по гинекологии».

Ужесточалась политика в области охраны труда. В свет вышли законы «О воспрещении ночной работы подросткам и женщинам», «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», «О взыскании

за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках и в ремесленных заведениях». Вступили в силу новые правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих.

В целях улучшения физического воспитания молодежи разрабатывались образовательные программы. В их числе «Уроки физического образования» П. Ф. Лесгафта и работа Е. А. Покровского «Физическое воспитание у разных народов, преимущественно России. Материалы медико-антропометрического исследования». Повсеместно велась пропаганда идей физического воспитания и спорта. В Москве организовалось первое гигиеническое общество. Результатом работы первого русского гимнастического общества стала «Инструкция для преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях». Регулярно проводимые в Петербурге соревнования по велоспорту переросли в первый Всероссийский чемпионат по велосипедным гонкам. Впервые в стране зародилась тяжелая атлетика. Активно набирал обороты конькобежный спорт и прошел первый в России чемпионат мира по фигурному катанию.

Развивался туризм. В Крыму открылся горный клуб и первая в России турфирма «Предприятие для общественных путешествий по всей стране». Открывались новые курортные и дачные зоны.

В русле избранной генеральной линии требовалась детальная разработка политики духовного возрождения нации. Начало положил манифест «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к искоренению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Вслед за манифестом широкое распространение приобрело послание оптинского старца Амвросия «Нигилисты и цареубийцы суть предтечи антихриста». С особой торжественностью стали отмечаться исконные национальные даты: тысячелетие деятельности Кирилла и Мефодия; 900-летие крещения Руси; 500-летие преставления прп. Сергия Радонежского; 200-летие русской гвардии и многие другие даты, значимые для каждого русского человека.

Всячески поощрялась и культивировалась благотворительность. Было вновь создано «Благотворительное православное общество ревнителей веры и милосердия». Повсеместно проводились благотворительные балы и базары, организовывались сборы средств в пользу голодающих. Тогда же было разработано новое Положение о детских приютах по направлениям: учебно-воспитательных, для детей ссыльнокаторжных; специального сиротского дома для крестьянских детей. Создается детский литературно-художественный журнал «Весна», а Е. А. Покровский приступает к изданию педагогического журнала «Вестник воспитания». Впервые проводится всероссийская выставка игрушек.

Политика, направленная на защиту русской культуры, приобрела жесткий, наступательный характер. Так, вышло распоряжение о запрете присвоения русским населенным пунктам немецких названий и восстановлении прежде утраченных русских. Русское географическое общество посвятило этой теме несколько заседаний с бурным обсуждением вопросов сохранения русского национального фольклора.

Заметное оживление произошло в церковной жизни. Существенно расширились права Святейшего синода. Теперь он получил право удоставлять духовенство специальными наградами, открывать новые монастыри, вносить частные изменения в устройство духовных учебных заведений. Согласно новому уставу в семинариях были отменены выборы. Тогда же образовалось Императорское православное палестинское общество и учреждено Петербургское епархиальное братство Пресвятой Богородицы. Под контролем Синода повсеместно открывались церковно-приходские школы. Был восстановлен закон об обязательном воспитании в православии детей от смешанных браков. Существенно расширились права военного духовенства.

Кардинальные изменения претерпела система образования. Именно тогда вышел печально известный циркуляр «о кухаркиных детях» и чрезвычайно ужесточилась цензура. Были введены «Временные правила о печати», согласно которым совместные совещания министров просвещения, внутренних дел, юстиции и Синода получили право закрывать печатные издания «вредного направления», а также правила о порядке надзора за публичными библиотеками. Введение нового университетского устава повлекло за собой массовые чистки и увольнения либеральной профессуры. Автономия университетов упраздняялась, усиливался полицейский надзор за студентами. В то же время официально считалось, что существенные ограничения коснулись женского высшего образования. Женщин, на какое-то время, перестали принимать в медицинские вузы, временно закрылись высшие женские курсы и резко ограничили число слушательниц Бестужевских курсов.

И здесь следует сделать обстоятельное пояснение. Широко «рекламируемый» уже третье столетие указ «о кухаркиных детях» не дает покоя интеллектуальной общественности и служит постоянным козырем в спорах о «реакционной политике» Александра III. Как это чаще всего бывает, оперировать этим аргументом любят люди, знакомые с первоисточником лишь понаслышке. Самое интересное заключается в том, что никакого указа не существовало в природе, а имел место доклад от 1 июля 1887 г. министра просвещения И. Д. Делянова «О сокращении гимназического образования». Доклад явился продуктом совместного совещания ряда министров с участием К. Победоносцева и стал первым руководством по перепрофилированию средних учебных заведений, так как новые условия требовали притока квалифицированных кадров.

Развитие промышленного производства требовало повышения престижа и статуса технических учебных заведений и ускорения реформы профессионального образования.

В 1888 г. многие реальные училища преобразовались в общеобразовательные учебные заведения, а учащиеся получили право поступления в университеты. Сеть технических училищ существенно расширялась, что регламентировалось рядом законодательных актов: «О промышленных училищах» (1888 г.), «Об устройстве ремесленных училищ» (1891 г.), «О химико-технологических училищах» (1891 г.), «О школах ремесленных училищ со столярными и слесарными отделениями» (1891 г.).

Еще более показательна ситуация в женском образовании. Если в 1882 г. средние женские учебные заведения насчитывали 51 тыс. студентов, то к 1895 году их число выросло до 72 тыс. Неуклонно возрастало финансирование женских гимназий и прогимназий.

Статистика — упрямая вещь, а она свидетельствует, что в 1894 г. число гимназистов составило 224 тыс. человек. В 1897 г. потомственные дворяне в гимназиях и реальных училищах составляли всего 25 %, а в среде студентов — 23 %, и их число продолжало снижаться. Общая ситуация после «рождения» циркуляра выглядела следующим образом. С 1880 по 1898 г. доля «элиты» в вузах сократилась с 70 до 50 %, в то время как процент «низов» возрос с 38 до 43 %. В женских гимназиях «низы» составляли почти 49 %, превышая на 1 % долю «элит».

Таким образом, к концу XIX в. низшие сословия в гимназиях составляли примерно 45 %, а уже в начале века XX их число достигало 60 %, с учетом того, что классические гимназии были более «элитарными», а реальные, промышленные, технические и сельскохозяйственные учебные заведения к началу XX в. содержали до 80 % учащихся низших сословий. И, как итог, грамотность российской деревни возросла пятикратно, а в городах — в полтора раза. Вот так либеральные легенды разбиваются о неумолимую логику цифр.

Однако вернемся к самому циркуляру. Официальная историческая наука беззастенчиво лжет, утверждая, что циркуляр *запрещал* принимать в учебные заведения детей из низших сословий. На самом деле, не о каких запретах речь не шла вообще. Документ носил рекомендательный характер и, в частности, гласил:

«Мы... предположили, что было бы, по крайней мере, нужно разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства.

Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев,

поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию».

И уж тем более никакой речи не велось об изгнании уже принятых. Другое дело, что, как это часто бывает, наиболее ретивые исполнители могли расценить циркуляр как руководство к действию в меру собственного понимания. Историки, как это ни забавно, частенько при рассмотрении этого вопроса оперируют не конкретными фактами, а воспоминаниями Корнея Чуковского. В 1937 г. в журнале «Смена» была опубликована его статья «Министр, царь и „кухаркины дети“». Вот небольшой отрывок:

«Самодержавный „народолюбец“ яснее всего обнаруживал свои подлинные чувства к народу, когда дело шло о народном образовании, о школах для масс. Тягу своего любимого „простого народа“ к культуре он считал опасным преступлением, которое необходимо пресечь в самом корне. Когда крестьянка Ананьина, привлеченная к суду по одному революционному делу, упомянула о том, что она мечтала отдать своего сына в гимназию, Александр III написал, негодуя: „Это-то и ужасно! Мужик, а тоже лезет в гимназию!“

Когда тобольский губернатор не без прискорбья довел в своем докладе до монаршего сведения, что в губернии мало грамотных, царь написал на полях: „И слава Богу!“ Он хорошо понимал, что „простые люди“ лишь до той минуты являются надежной опорой престола, покуда они в темноте. Поэтому он так распалялся, когда обнаруживал, что, невзирая ни на какие приказы, дети дворников, судомоек и прачек так и „лезут“ за наукой в гимназию. В 1887 году молодые студенты, первокурсники, вчерашние гимназисты, дети очень небогатых родителей организовали покушение на жизнь царя. Значит, во всем виноваты гимназии! Значит, для того, чтобы утихомирить студенчество, нужно очистить гимназии от озлобленной и недовольной бедноты. Чуть только Ивану Давыдычу стало известно, что, вдохновляемый Победоносцевым, царь намерен очистить гимназии от ненавистных „чумазных“, он еще до всяких распоряжений по этому поводу изготовил проект циркуляра: изгнать из гимназий не только крестьянских и мещанских детей, но даже детей небогатых купцов, чтобы там учились одни лишь богачи и дворяне.

Александр III прочитал и поморщился: „Это хорошо бы... Но перед Европой неловко... Надо бы как-нибудь помягче...“

И Иван Давыдыч тотчас же изготовил другой циркуляр, либеральнее. Циркуляр, который прославил его на многие годы, а может быть (кто знает?), на века. Циркуляр о так называемых „кухаркиных детях“».

Вот так историческая наука превращается в бульварный роман, где массив лжи замешан на крупницах правды. О «подлинных чувствах к народу» говорят цифры и факты, а что касается — «перед Европой неловко»,

так это — более, чем натяжка. *Никогда и ничего* не делал Александр III с оглядкой на Европу, и об этом свидетельствуют сами европейцы.

Язвительность писателя находит объяснение не только в атмосфере периода издания статьи, но и в его автобиографической повести «Серебряный герб», где он красочно описывает унижительную процедуру своего исключения из гимназии, мотивируя «низким» происхождением. Но при внимательном изучении сразу обнаруживается большое количество разного рода нестыковок и натяжек, начиная с того, что, будучи исключенным в 16-летнем возрасте, автор указывает 12 лет, стремясь, видимо, придать факту больше трагизма. Там же он описывает собственные детские размышления о причинах: «...издеваюсь над обрядами Церкви, развращаю благочестивого Зуева, устраиваю десятки снастей для сигнализации во время диктовки и даю нарочно неверные сигналы товарищам, чтобы они получали нули...»

Отсюда явствует, что, скорее всего, *enfant terrible* попросту «достал» преподавателей и однокашников своими выходками, нередко подленькими. Ведь не один же Чуковский во всей гимназии был «низкого» происхождения.

Вот что пишет биограф писателя Виктор Еремин:

«Скажу сразу, Корней Иванович Чуковский был склонен к фантазированию, а потому в его записях сведения из личной жизни имеют в ряде случаев несколько вариантов. Посему добросовестные биографы вынуждены либо перечислять эти варианты, либо пространно доказывать правильность выбранной ими версии. У меня такой возможности нет, рассказываю наиболее убедительную, с моей точки зрения, историю жизни сказочника.

Екатерина Осиповна Корнейчукова, мать будущего писателя, была женщиной смелой и решительной, что доставило много проблем и ей самой, и ее детям. Юная крестьянка из деревни Гамбурово Херсонской губернии, Екатерина уехала искать счастье в Одессу. „Счастьем“ этим оказался сын врача, почетного гражданина Одессы С. М. Левенсона — Эммануил Соломонович Левенсон. Прожили они вместе почти 7 лет, причем Эммануил, поступив в институт в Петербурге, увез любовницу в столицу. Там женщина родила от него дочь Марию, а через 3 года, 19 марта 1882 г., сына Николая. Вскоре после рождения сына Левенсон женился на другой женщине и уехал в Варшаву. Поскольку незаконнорожденным детям отчество было не положено, мать записывала мальчика по-разному. В документах о рождении он значится Николаем Васильевичем Корнейчуковым.

Екатерина Осиповна с детьми вернулась в Одессу. Левенсон изредка присылал ей денежные переводы, но детям мать сызмальства внушала, что у них никогда не было отца. Всю жизнь Чуковский мучился фактом своего незаконного рождения и безотцовщины.

Корнейчукова стирала чужое белье и вышивала, тем содержала семью. Сына женщина отдала во Вторую одесскую прогимназию. Учился он в одном классе с будущим писателем Б. С. Житковым и с будущим отцом сионизма и основателем государства Израиль В. Е. Жаботинским. Последний стал близким другом Николая.

В седьмом классе Корнейчукова исключили из гимназии за ненадлежащее поведение. Это был жестокий удар судьбы. Пришлось подростку подрабатывать: лучше всего у него получалось малярничать. Николай решил окончить гимназию экстерном, для чего купил самоучитель английского языка и со временем смог свободно читать английскую литературу. Аттестат он получил только в 1901 г.».

Вот так личные детские обиды формируют не только личное мировоззрение, но и представления потомков.

Концептуальный смысл циркуляра значительно глубже поверхностных суждений и частных случаев. Бесспорно, ограничение доступа к образованию, культивирование «элитаризма» ведет к дегенерации и вырождению нации. Но нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как интеллектуальная гипоксия. На эту тему очень метко высказался Акутагава: «Свобода — как воздух горных вершин, для слабых людей непереносима». Жизнь неоднократно доказывала, какой осторожности требует производство высших интеллектуальных кадров из некачественного материала. Ведь действительно, именно «дети очень небогатых родителей» составляли костяк организаций типа «Народной воли», совершенно отвратительных по методам реализации своих туманных целей, боровшихся «за всё хорошее, против всего плохого». И дело здесь отнюдь не в имущественном цензе, а в психологии, которую формирует нищета и генетическая привычка услужения. Если отбросить кокетливую политкорректность, то необходимо признать, что выражения «подлое сословие», «подлый люд» за всем своим примитивным снобизмом не были лишены оснований. Во время Первой мировой войны многие боевые офицеры отказывали в приеме в школы прапорщиков лицам, находившимся в личном услужении у господ и делали это вопреки действующему приказу. «Возьму рабочего, крестьянина, но не лакея», — говорили они. И надо думать, что под лакеем следует понимать не буквальное значение слова, а его более расширительное толкование. Армейские офицеры были чужды лицемерия и политесов, они руководствовались лишь категориями войскового товарищества, где принципы нравственности не определялись звонкой фразеологией, а в армии, как в капле воды, отражаются все оттенки общественного мироустройства. Неудивительно, что сына революционерки Ананьиной не приняли в гимназию — очевидно, какие плоды могло дать просвещение на нравственной почве ее отпрыска.

Перекрыть доступ к образованию «низшим» сословиям для царя не составило бы никакого труда, но по цифрам и фактам мы видим истин-

ную картину тех лет, и результаты проводимой «реакционной» политики говорят сами за себя.

Наука получила новый импульс. В географическом обществе был заслушан доклад о результатах исследований Н. Н. Миклухо-Маклаем народов Новой Гвинеи. Экспедиции Н. М. Пржевальского в Уссурийский край, пустыню Гоби, Северный Китай и Тибет имели не только научное значение, но и стратегическое — русская военная разведка уже тогда начала собирать базовую информацию об обстановке на этом направлении.

Разработки теории устойчивости А. М. Ляпунова и С. В. Ковалевской легли в основу развития отечественной математической школы.

Впечатляют достижения в области естественных наук. В их числе открытие общих законов структуры кристаллов, теория химического строения вещества А. М. Бутлерова, исследования явления анабиоза И. И. Мечниковым, теория вирусологии Д. И. Ивановского, разработки А. Г. Столетова в области световой и электрической энергии. Зарождение отечественной климатологии отмечено работами А. И. Воейкова «Климаты земного шара, в особенности России».

В основу генетического почвоведения легли труды В. В. Докучаева «Русский чернозем»; работы П. А. Косычева на тему зависимости почвообразования от развития микроорганизмов и растений.

К. Э. Циолковский разрабатывает «теорию газов» и издает работу «К вопросу о летании посредством крыльев». Как следствие развития теоретических знаний не заставляют себя ждать и технические новации. А. Ф. Можайский запатентовал изобретение самолета, на котором был совершен первый в мире полет. Изобретение Н. Н. Бенардосом дуговой электросварки явилось настоящей революцией во многих промышленных отраслях. Параллельно Н. Г. Славянов разрабатывает электрический метод отливки металлов.

Развивается отечественная нефтехимия. Так, разработанный В. Г. Шуховым крекинг-процесс дал миру бензин, а новейшие методики разложения нефти — керосин. Д. И. Менделеев работает над подземной газификацией угля.

Исследования в области волновой теории озаменованы изобретениями Г. Г. Игнатьева по теме телеграфных и телефонных токов; А. С. Попов внедряет антенну; появляется возможность применения трехфазного тока; работы П. Н. Яблочкова дают миру электрическую лампочку. На Алтае строится ГЭС на принципиально новой парогазовой турбине. Россия начинает производить счетные машины собственной разработки.

Множатся научные общества. В Москве организуется психологическое общество; создается сейсмическая комиссия при географическом обществе; общества — антропологическое и защиты русского языка; русское общество астрономов; математическое. В свет выходят новые

периодические издания: «Этнографическое обозрение» и журнал «Наука и жизнь»; издается энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

Новыми веяниями отмечена культурная жизнь. В Москве организуется общество искусства и литературы; в свет выходят новые выпуски серии «ЖЗЛ»; разрабатывается устав «Русского общества книгопродавцов и издателей».

В литературе развивается новое направление — реализм, типичными представителями которого становятся В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. Горький. В жанре социальной сатиры работает М. Е. Салтыков-Щедрин. Д. С. Мережковский в работе «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» рассматривает явление русского декаданса. Тогда же выходит объемный стихотворный сборник «Русские символисты». А. П. Чехов и Я. П. Полонский получают вновь учрежденную литературную премию имени Пушкина.

Заметно оживление в области изобразительного искусства. На пике творческого подъема В. И. Суриков, В. В. Верещагин, И. Е. Репин, М. А. Врубель, И. К. Айвазовский. Первый съезд российских художников определяет новые задачи и направления в творчестве в русле обращения к национальной традиции. В Москве проходит первая фотовыставка.

Архитектура отмечена масштабным строительством храмов в неорусском стиле, таких как храм Христа Спасителя в Москве и храм Спаса на Крови в Петербурге.

Оживление театральной жизни ознаменовано учреждением Императорского русского театрального общества. С. Н. Мамонтов учреждает в Москве частную русскую оперу, а П. И. Чайковский представляет в Большом театре оперу «Мазепа» и в Мариинском «Евгений Онегин», а также балеты «Спящая красавица» и «Щелкунчик». М. П. Мусоргский в Петербурге ставит «Хованщину»; А. П. Бородин — «Князя Игоря». В московской частной опере с успехом идет «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова. Постановкой оперы «Алеко» начинает свой творческий путь С. В. Рахманинов.

Новые литературно-художественные журналы «Вестник изящных искусств» и «Ежегодник императорских театров» всесторонне освещают культурную жизнь страны. В Петербурге проходит первый международный конкурс пианистов и композиторов, а также учреждается «Глинская премия» за лучшее музыкальное произведение.

Открывается много музеев. Это и Исторический, и музей А. С. Пушкина в Царском Селе, и первый в России литературный музей, организованный по инициативе А. А. Бахрушина. Кроме того, создается Центральный музей связи и зоологическая выставка Н. М. Пржевальского. П. М. Третьяков передает в дар Москве собственную художественную галерею.

Многое делалось для обустройства повседневного быта населения. В ряде городов открылись ночлежные дома и приюты, организовались

рабочие казармы. На улицах Москвы появилось электрическое освещение, в учреждениях и частных квартирах — телефоны. Вскоре Кабинетом министров было принято решение о телефонизации российских городов, и в Петербурге появилась первая телефонная станция, а вслед за ней и первая междугородная линия. В Москве и Петербурге появились городские электростанции, а в Киеве пущен трамвай.

В Петербурге вступила в строй станция очистки воды. В рамках «Общества охранения народного здравия» создана Особая комиссия по ассенизации городов; прошли первые испытания передвижных снегоочистителей.

Новшества затронули пенсионную систему. Создавались вспомогательные кассы для выдачи пенсий заболевшим рабочим, а также специальные страховые земские кассы для служащих. Вышел закон, обязывающий владельцев частных железных дорог создавать пенсионные кассы, а кроме того, положение о пенсионных кассах рабочих и служащих частных кредитных учреждений, торгово-промышленных предприятий и страховых обществ.

Смелые и в известном смысле специфические решения принимались в сфере национальной политики. Свет увидели «Временные правила», запрещающие евреям селиться вне городов и местечек; введена процентная норма при поступлении в гимназии и университеты, а также из органов самоуправления вычищались все евреи.

Тема непростая и во все времена болезненная. Исконная еврейская трагедия известна: их изгоняли отовсюду — из среды всех народов, социальных сообществ, стран и государств. Могло ли всё человечество на их счет ошибаться? Вопрос всегда будет оставаться открытым. Был ли Александр III большим антисемитом, чем все его предшественники? Вряд ли. Но в этой ситуации кроется любопытная идеологическая параллель.

В 1887 г. К. Победоносцев писал: «Отчего их так много, обезумевших юношей, не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем не свойственную нам систему образования, которая отрывая каждого от среды своей, увлекает его в среду фантазий, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает его на большой рынок жизни без определенного дела, без связи с действительностью и с народной жизнью, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует всего от жизни, ничего само не внося в нее».

Эти строки были написаны вскоре после попытки покушения на Александра III и выражали обоснованные опасения вспышек экстремизма и общей социальной нестабильности. Именно тогда и появился «Циркуляр Делянова». Еще раньше, в мае 1881 г. министр внутренних дел Н. Игнатьев докладывал, что существующая система образования выводит учащегося из привычной среды и делает его непригодным

к прежнему роду деятельности. В то же время министр финансов Самуил Грейг на совещании по безопасности заявил:

«Дешевизна платы за обучение, освобождение от оплаты, многочисленные стипендии и разные другие воспособления, оказываемые учащимся, искусственно увеличивают число лиц, стремящихся к перемещению их из одного слоя общества в другой. Несмотря на оказываемые им льготы и пособия они подвергаются во время состояния в заведениях ожесточенной нужде и тем легче поддаются влиянию злонамеренных агитаторов, которые заранее уверены в том, что именно на этой почве им всего удобнее искать себе пособников и находить слепые исполнительные орудия».

Точки зрения созвучны контексту не только эпохи, но и идеологии любого элитаризированного общества. Применительно к еврейскому вопросу объяснение появляется спустя 14 лет, в аспекте, совершенно неожиданном.

В 1900 г. зарубежное общество социальной помощи евреям приняло решение выделить целевой транш в 1 млн франков петербургскому обществу распространения просвещения среди евреев для создания новых школ в черте оседлости. Результат оказался парадоксальным. Четверо виднейших ортодоксальных лидеров направили в адрес зарубежного общества письмо следующего содержания:

«Главной причиной плачевного положения евреев в России является черта оседлости, искусственным образом создающая недостаток рабочих мест и жестокую конкуренцию. Поэтому главным направлением деятельности всякой организации, стремящейся помочь российским евреям, является создание новых источников заработка: мастерских, ткацких фабрик и т.п. В тех особых условиях, в которых находится российское еврейство, создание современных школ не только не принесет никакой экономической пользы, но — хуже того — нарушит стабильность еврейского общества. Дети из бедных или малосостоятельных семей, овладевшие начатками знаний при помощи частных учителей у себя на дому, не воспарят духом, не отринут от себя родительское воспитание и попечение, и каждый мальчик или девочка будут расти и научиться ремеслу родителей и их образу жизни: сын ремесленника станет ремесленником, сын торговца — торговцем, а девочки научатся следить за домом. Они не станут возлагать на родителей непосильный груз своих нужд, а будут им помощниками и облегчат им заботу о пропитании семьи. Не так дети, которые учатся в школах: они смотрят далеко, воображают себя детьми богачей, чем они хуже них? Одеждой своей, и украшениями, и благовониями разоряют родителей, а закончив учебу, не вернуться к ремеслу или торговле родителей своих, только в высшие сферы они метят. И в этом, обычно, отличие нашего народа от других народов. У других народов дети, которые учатся в школах, продолжают при этом занимать-

ся своим ремеслом и, когда научаются чтению и письму, довольствуются этим и не идут далее. И каждый становится потом земледельцем или ремесленником. Наши же дети, как только научаются читать и писать, сразу же хотят идти учиться дальше и не смотрят ни на ремесло, ни на торговлю. Но даже если они и достигнут своей цели, всё равно не смогут обеспечить себя этим, и мы видим, как многие врачи и адвокаты и прочие пребывают в глубокой нужде, так как их больше, чем нужно. А многие вообще не достигнут своей цели и останутся у разбитого корыта, и с течением времени будет не хватать в нашем народе ремесленников и простых рабочих, как это уже чувствуется в больших городах. И все это из-за учебы в школах».

Что-либо комментировать здесь излишне. Излишне также говорить о том, что именно система культивирования элитаризма привела страну к октябрю 1917 г., но это тема отдельного разговора.

В то же время был ликвидирован национальный Польский банк, а в школах введено обязательное изучение русского языка. То же самое требование касалось употребления языка на всевозможных вывесках и этикетках.

Существенно ограничивался суверенитет Финляндии. Для работы в почтовом ведомстве и на железной дороге знание русского языка становилось обязательным условием. Кроме того, в Финляндии повсеместно создавались общества распространения русского языка и учреждена Финляндская епархия РПЦ.

Вот такие неоднозначные, а порой и парадоксальные решения претворялись в жизнь администрацией Александра III. В официальной историографии укоренилась традиционная точка зрения о депрессивном состоянии всех сфер деятельности в Российской империи 80-х гг. XIX в. Особенно удивительно это наблюдать в советской исторической науке. Превознесение заслуг Александра II по всем направлениям базируется, скорее всего, на одном единственном факте — ущербном и недоработанном акте отмены крепостного права, но нигде и никогда не упоминалось, что в период царствования «освободителя» имел место самый низкий экономический рост в Европе. Если страна и не катилась вниз по экономической лестнице, то карабкалась по ней с отдышкой, всё больше отставая от Запада. По объемам промышленного производства Россия со второго места «улетела» на пятое. За первые же 10 лет царствования Александра III страна ускорила настолько, что вышла в лидеры, сравнявшись с Францией по валовому экономическому продукту. А потребовался для этого сущий пустяк — поставить во главу угла подлинно национальные интересы.

Необходимо учитывать еще и такой излюбленный экономистами фактор, как иностранные инвестиции, без которых сегодняшняя дебильная экономика и шагу ступить не может. За 13 лет правления Александра III

создалась ситуация, парадоксальная с точки зрения современных экономистов. Несмотря на то, что иностранному бизнесу в России стало более чем не сладко и многие сферы деятельности оказались под запретом, а такие регионы, как Сибирь и Приамурье, были даже запрещены для поселения, общий приток иностранных инвестиций значительно возрос, что позволило увеличить банковские капиталы почти на 60%. Всё это — серьезная информация к размышлению для нынешней российской власти, поощряющей либо по недомыслию, либо зломыслию китайскую демографическую экспансию, хотя создается стойкое впечатление, что размышления не входят в современные властные интеллектуальные функции.

В. Ф. Иванов в книге «Русская интеллигенция и масонство» пишет:

«В какие-нибудь тринадцать с половиной лет народные сбережения с 10 млн дошли до 330, т.е. увеличились в 33 раза».

Период правления Александра III характерен значительной стабилизацией общественных настроений. Впервые за многие годы страна достигла бюджетного профицита. Способствовало этому и отсутствие войн благодаря взвешенному внешнеполитическому курсу. Историки свидетельствуют:

«На аудиенции с британским послом Александр сказал:

— Я не допущу посягательства на наших людей и нашу территорию.

Посол ответил:

— Это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

Александр ответил:

— Ну, что ж... Наверное, сдюжим».

И мобилизовал Балтийский флот. Он был в 5 раз меньше тех сил, которыми располагали британцы на море. И всё же войны не случилось. Англичане успокоились и сдали свои позиции в Средней Азии. После этого английский министр внутренних дел Дизраэли назвал Россию «огромным, чудовищным, страшным медведем, который нависает над Афганистаном, Индией и нашими интересами в мире».

Весьма показательна позиция царя в выстраивании взаимоотношений между простонародьем и элитой. При возникновении конфликтов он никогда не занимал чью-либо сторону, стараясь улаживать конфликты концептуально, находясь над схваткой.

Всему периоду царствования характерно резкое сокращение разного рода протестных выступлений. Террористическая деятельность практически сошла на нет, вплоть до 1905 г. Критики и злопыхатели любят ставить в вину императору лозунг «Россия для русских». Но уже один тот факт, что за годы его правления страна не вела ни одной войны, говорит о многом, при этом не было случая, чтобы он хоть в чем-то поступился геополитическими интересами государства.

В силу известных причин стратегический гений Александра III мало где афишируется, в особенности теперь. Упомянувшийся выше тезис

о «двух союзниках России» получил обоснование в планах поистине глобального масштаба, а именно — в создании российского океанского флота с головной базой в Мурманске. В июне 1899 г. состоялось торжественное открытие города-порта, получившего имя Александровск-на-Мурмане. Глобальное значение проекта почему-то во все времена не удостоивалось внимания, как историков, так и аналитиков. Дело в том, что в случае успешной реализации плана, судьба потенциально возможных военных сценариев против России становилась под вопрос. В особенности это касалось Великобритании и ее союзников в этом регионе. Кроме того, запланированное строительство железнодорожной магистрали между Мурманском и Петербургом, соединяющей с общей сетью железных дорог страны, строительство Транссиба, концессионный договор с Персией о строительстве дороги от Персидского залива до соединения с общероссийской сетью — весь этот гигантский проект мог стать первым шагом к осуществлению глобализационного лидерства России и направить ход мировой истории по другому вектору, в котором не нашлось бы места ни для Первой, ни для Второй мировой войны.

Действительно, многое в деятельности его правительства вызывало неприятие и отторжение, но часто причины крылись в разнузданной псевдолиберальной политике предшественника. Ослабшие гайки необходимо подтягивать, и не всегда получается прилагать адекватные усилия. В желании не допустить возможную аварию иногда срывают резьбу.

Первый манифест по восшествии на престол Николая II гласил:

«Богу Всемогущему угодно было в неисповедимых путях своих прервать драгоценную жизнь горячо любимого Родителя Нашего, Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болезнь не уступила ни лечению, ни благодатному климату Крыма, и 20 октября Он скончался в Ливадии, окруженный Августейшей Семейю Своей, на руках Ее Императорского Величества Государыни Императрицы и Наших.

Горя Нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и Мы верим, что не будет места в обширном Государстве Нашем, где бы не пролились горячие слезы по Государю, безвременно отошедшему в вечность и оставившему родную землю, которую Он любил всю силою Своей русской души и на благоденствие которой Он полагал все помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не в России только, а далеко за ее пределами никогда не перестанут чтить память Царя, олицетворявшего непоколебимую правду и мир, ни разу не нарушенный во все Его Царствование».

Смерть этого, во всех смыслах, гиганта действительно была безвременной. Хотя и последовала после долгой болезни, вызванной поистине нечеловеческим напряжением сил, которое спасло всю его семью во время известного крушения царского поезда в Борках. Сорванная крыша рухнувшего под откос вагона накрыла салон, в котором находилась вся семья

императора, и этот титан, подняв на своих плечах немереный вес искореженного металла, держал его до тех пор, пока все люди не выбрались из-под обломков. Очевидцы вспоминали, что массивный золотой портсигар Александра оказался сплюснен в тонкий лист. Если бы не государь, такая участь ждала всё живое, находившееся в злополучном вагоне. Именно тогда, спасая свою семью, этот русский атлант необратимо подорвал здоровье. В этом событии есть нечто глубоко символичное. Часто герои бросаются спасать мир, забывая о своих близких, являющихся не только частью этого мира, но и воплощающих его в себе. В стремлении осчастливить человечество делают несчастным каждого отдельного человека, забывая, что и любовь, и спасение начинаются не с человечества, а с человека. Александр поднимал на своих могучих плечах Россию точно так же, как рухнувшую крышу вагона.

Какую же страну оставил после себя царь-миротворец?

Цифры статистики бесстрастны, но они не всегда и не во всем способны отразить духовное состояние государства и общества, а в этом аспекте многое представляется неоднозначным и противоречивым.

В России, да и, пожалуй, в мире в целом, в то время отсутствовали институты прогнозирования и футурологии. Теории социального управления не существовало. Уровень профессионализма самодержцев существенно различался, а наследный принцип не гарантировал должной профессиональной преемственности.

Если рассматривать некоторые драматические моменты концептуально, то просматривается логическая взаимосвязь между крушением поезда и крушением империи через 30 лет. Сегодня лишь упертый в невежестве материалист может оперировать таким понятием, как «случайность». Комиссия по расследованию причин катастрофы выявила целый ряд крупных и мелких просчетов, именуемых сегодня «человеческий фактор». Это и нарушения технологии при постройке железнодорожного полотна, и техническое состояние поезда, и превышение допустимой скорости движения. Всё это свидетельствует или об отсутствии профессионализма исполнителей, или об откровенной халатности.

Любая катастрофа, в которую попадает человек и остается жив, является не чем иным, как предупреждением или предостережением. Позиция Церкви в отношении этого случая была близорука и подобострастна. Церковь настойчиво проводила в умы паствы мысль о Божьем благоволении царской семье, уберегшем ее от гибели. Рассматривать трагедию как предвестье грядущих катаклизмов никому не приходило в голову. А между тем события 1917 года явились как бы гиперболическим зеркалом события 1888-го. Тот же «человеческий фактор»: и рельсы не те, и поезд неисправен, и скорость не соответствующая. Укоренившийся элитаризм в системе управления привел к деградации всей государственной структуры.

В. И. Ленин писал:

«Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас вступить в управление государством. Но мы требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато оно было немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту».

Господствующая идеология элитаризма, вне всякого сомнения, ощутимо сдерживала духовное развитие народа. Проводя четкое разграничение между подлинной элитой и «псевдоэлитой», убежденный монархист И. А. Ильин выделяет и дает определение истинной аристократии, и в этом он даже где-то созвучен с Лениным:

«Править государством должны именно лучшие, а они нередко выходят из государственно воспитанных и через поколение *образованных* слоев народа. <...> „Аристос“ значит по-гречески „лучший“. Не самый богатый, не самый родовитый, не самый влиятельный, не самый ловкий и пронырливый, не привилегированный, не старший возрастом. Но именно — лучший: искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно даровитый, дальнозоркий и *образованный*».

Главный посыл Божьего промысла остался без внимания как самого императора, так и РПЦ. Предупреждение свыше о том, что нужно что-то срочно менять в государстве, услышано не было. Дремучая крестьянская масса совместно с маргинальными слоями пролетариата не владела способностью *различения*, поэтому так легко купилась на иллюзорные ценности и старые, апробированные еще на Европе лозунги.

«Циркуляр Деянова», хотя и не повлек фактически негативные последствия, но самим фактом существования привнес в государственную идеологию не только элемент дискриминации, но и сработал на понижение интеллектуального потенциала науки, потому что, пока ребенок не начнет учиться, определить уровень его способностей невозможно. Среди детей кучеров, прачек и лакеев вполне могли оказаться новоявленные гении, да и просто полезные члены образованного общества. Уровень государственного миропонимания того времени не выходил за рамки привычных догматов (что, впрочем, характерно для всех времен и всех обществ), что в результате и порождало такие явления, как «Народная воля». Опора исключительно на элитарные сословия рано или поздно оборачивается национальной деградацией.

С. Ю. Витте писал:

«Большинство наших дворян представляет собой кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения личных похотей, ничего не признают, а потому и направляют все усилия на получение тех или иных милостей за счет народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага...»

В. О. Ключевский дополняет:

«В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много».

Но тем не менее, несмотря на неизбежные гримасы пережитков и многочисленные памфлеты злопыхателей, страна управлялась весьма эффективно. Многочисленный штат чиновников всегда был объектом сатиры, на которой выросла целая плеяда русских классиков образа Гоголя или Салтыкова-Щедрина. По их произведениям потомки составляли собственное мнение об Отечестве, и это мнение чаще всего складывалось пренебрежительно-негативное. Действительно, многие ведомства были традиционно коррумпированы в силу различных причин. Например, полиция империи грешила взяточничеством всегда. Семидесятилетний период советской власти, казалось, разорвал порочный круг традиции, но стоило смениться конституционному строю, как забытое возродилось вновь с утроенной силой. Недавнее решение о переименовании милиции в полицию было справедливым с философской точки зрения, дабы позор носил свое подлинное имя.

Впрочем, некоторые ведомства, такие, как финансовое или судебное, имели в то время репутацию безупречную. То же касалось и самых верхних эшелонов власти. Выше уже говорилось о той беспощадности, с какой каралось даже малейшее мошенничество в среде министров и придворных. В целом государственный аппарат представлял собой четкий и отлаженный механизм, отвечающий всем управленческим запросам империи. Несмотря на стремление власти к всестороннему повышению роли дворянства, его значение неуклонно снижалось. В начале 90-х гг. дворянам принадлежало лишь 55 млн десятин земли из 381 млн а в Сибири и на Кавказе дворяне не владели землей вообще. Вопреки распространенному мнению, Россия отличалась гуманным законодательством и гибкой судебной системой. В то время она была единственной страной, где отсутствовала смертная казнь. Ее применение оставалось лишь в юрисдикции военных судов и за государственные преступления самого высшего порядка. За весь XIX в. общее число казненных не достигло и сотни человек. За период царствования Александра III казнены были лишь участники покушения на государя, включая Александра Ульянова. Уровень русско-

го суда был чрезвычайно высок. Подсудимым обеспечивались самые широкие права в области защиты.

Российская империя имела самую многочисленную в мире армию — около 1 млн человек. Ежегодный призыв на четырехлетнюю службу позволял производить строгий отбор новобранцев по физическим кондициям. Предоставлялось множество льгот по семейному положению. Так, например, единственные сыновья, старшие братья, имевшие на иждивении младших, врачи и учителя от службы освобождались и зачислялись в ополчение.

На оборонный заказ работали исключительно государственные предприятия, частные компании к оборонке не допускались.

Русский флот модернизировался и занимал третье место в мире после Англии и Франции.

Запад безоговорочно признавал, что период правления Александра III поднял авторитет России на небывалую до тех пор высоту. Значение подлинно самодержавной власти возросло и утвердилось как никогда прежде. К. П. Победоносцев писал:

«Все знали, что не уступит он Русского, историей завещанного интереса ни на Польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит он в душе своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной; наконец, что он заодно с народом верует в непоколебимое значение власти самодержавной в России и не допустит для нее, в призраке свободы, гибельного смещения языков и мнений».

Подвел свой итог и В. О. Ключевский:

«В царствование Императора Александра III мы на глазах одного поколения мирно совершили в своем государственном строе ряд глубоких реформ в духе христианских правил, следовательно, в духе европейских начал — таких реформ, какие стоили Западной Европе вековых и часто бурных усилий, — а эта Европа продолжала видеть в нас представителей монгольской косности, каких-то навязанных приемышей культурного мира...

Прошло 13 лет царствования Императора Александра III, и чем торпливее рука смерти спешила закрыть Его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Наконец и камни возопили, органы общественного мнения Европы заговорили о России правду, и заговорили тем искреннее, чем непривычнее для них было говорить это. Оказалось, по этим признаниям, что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе, что горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу, и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского Царя тихо и осторожно отводила его... Европа признала, что Царь русского народа были государем

международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным, природным членом семьи своих народов...

Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достаются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание, и сделал всё это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нет, Европа поняла, чем Он был для нее».

Таким образом, невзирая на многие неоднозначные управленческие решения, годы правления Александра III с полным правом можно назвать «золотым веком России».

6

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

*У меня отмщение и воздаяние,
когда поколеблется нога их;
ибо близок день погибели их,
скоро наступит уготованное для них.*

Втор. 32: 35

Инверсия власти, о которой говорилось выше, имела в подоплеке не только объективные, цивилизационно-прогрессивные причины, но и глобально-субъективные. Прозападная ориентация Александра II способствовала становлению капитализма, сопровождавшегося неизбежной «ползучей» колонизацией страны. Картина, знакомая по истории 90-х гг. XX в., что подтверждает неизменную цикличность исторического процесса.

Началом активной фазы можно считать наполеоновскую агрессию 1812 г. Несметные ресурсы российской территории уже тогда не давали покоя западным капиталистическим акулам. Сколько бы политических и дипломатических аргументов объяснения войн во все времена ни приводилось, главной, глубоко подспудной причиной всегда выступала борьба за рынки сбыта и ресурсы. Известно, что Наполеона, как впоследствии и Гитлера, в качестве потенциального агрессора выращивали многие европейские страны во главе, как и всегда, с Англией. Но Россию в очередной раз недооценили. На тот момент сильнее нашей страны в военном отношении не было ни одного европейского государства. Однако война порядком истощила страну экономически, а Европа, обеспечив себе гарантию в виде военного блока, инспирировала развязывание провальной для России Крымской кампании.

И. В. Бестужев-Лада пишет:

«Однако в сложившейся обстановке прекращение Крымской войны заставило бы правящие круги Англии и Франции отказаться от своих, далеко идущих, захватнических планов в отношении России. Поэтому

в Лондоне и Париже взяли курс на срыв дипломатических переговоров, начатых по инициативе России в Вене. В июле 1854 года по договоренности между правительствами Англии, Франции, Австрии и Пруссии были выработаны „четыре пункта“, предлагавшие России роль колониальной сырьевой страны (лишенной возможности иметь самостоятельность в политике, в экономике и собственные вооруженные силы, что означало оккупацию России Западом). Кроме того, Англия и Франция оставляли за собой право предъявлять России в ходе переговоров дополнительные требования. Русское правительство не сочло возможным пойти на эти условия, наносившие серьезный удар престижу Российского государства, которое считалось в Европе (на тот момент) самым сильным в военном отношении. Так Англия и Франция получили возможность продолжить войну против России до полной ее военной оккупации и экономической колонизации. Местом нового удара Европы по России не случайно был выбран Крым. Главные военные силы России были сосредоточены на западе, а значит, гораздо легче было победить ее в Крыму, где она не ожидала нападения. Не отваживаясь на сражение с русскими вооруженными силами, Англия и Франция со своими союзниками продолжали нападать на мирные российские города, грабить их и предавать пожару».

В марте 1856 г. было подписано Парижское соглашение, лишавшее, по сути, Россию статуса полноправного политического игрока на Европейском континенте. Но этого было явно недостаточно. Существовавшая в России общинная система экономики не позволяла западным монополиям развернуться сообразно с их аппетитами. Для этого нужна была принципиальная смена концептуальной власти, а главное — веры. Отмена крепостного права, в той форме, в какой была осуществлена, явилась эффективным катализатором этих процессов. Смена экономико-политического вектора исподволь изменяла и национальный путь развития, традиции, уклад жизни, да и саму культуру. Выше мы уже рассматривали в деталях стратегию реформирования Александра II, которая, в конечном счете, отражала интересы крупных западных промышленных монополий и банков. Инверсия власти в пользу мамоны подразумевала и уничтожение православия как идейного стержня нации.

Истоки этих поползновений уходят в глубь веков, но наиболее отчетливо и остро они проявились в эпоху Ивана Грозного. Именно тогда окончательно оформилось откровенно враждебное отношение Англии к России. Английские шпионы в своих донесениях постоянно отмечали растущее могущество государства российского и связанное с ним неизбежное изменение геополитической расстановки сил.

Русские цари были уникальны тем, что они — единственные в мире, над кем обряд миропомазания совершался дважды — при крещении и при восшествии на престол. Отсюда и беспредельная преданность подданных, и отношение к ним государя как к Божьему дару, предполагающее

всеобъемлющую заботу и защиту. Царь видел главное свое предназначение во всемерном укреплении государства, его безопасности и благоденствия. Именно тогда Россия осознала себя форпостом защиты православия и традиций Византии. Не случайно, что женой Ивана III была Софья, племянница последнего византийского императора Михаила Палеолога. Россия не только позиционировала себя, но и виделась остальному миру как продолжательница традиций Византийской империи, а овладевшая умами идея «Третьего Рима» не могла не приводить западных хищников в ужас. До эпохи социализма было еще несколько веков, но протестантский дух грядущего капитализма уже обнажал пока еще щенячий оскал в предчувствии своего могильщика.

Древняя Византия пала не только вследствие турецкой агрессии. Многовековая подрывная деятельность против империи была вызвана в первую очередь тем, что там впервые воплотились в жизнь базовые евангельские концепции, а именно — христианская коммуна и община. Именно тогда впервые возник «призрак коммунизма» и социалистический принцип общежития. Россия в XVI в. подхватила это знамя из рук рухнувшей Византии. Европа, вставшая на люциферианский путь, видела в укреплявшейся России смертельную опасность, и можно с уверенностью утверждать, что дело здесь не столько в геополитических притязаниях, сколько в духовном антагонизме. Краеугольный камень всей западной парадигмы — частная собственность. Христиане, положившие в основу своей парадигмы учение Христа, частную собственность отвергали на ментальном уровне. Иван Грозный хорошо понимал причины устремлений Запада уничтожить Русь как самодержавное православное государство и то, что примат частной собственности — первый шаг в потенциальном стремлении к мировому господству и, в конечном итоге, к установлению глобальной власти антихриста. Древнейший просветитель под прикрытием благих намерений сумел увлечь Запад на свой путь с естественного духовного пути *человечной* эволюции. Расчет великого оболъстителя был прост: люди не могли тогда спрогнозировать катастрофический тупик постмодернистской цивилизации потребления, утрату смыслов и целей, превращение человечества в тупое, жующее стадо. Недолгий период царствования Александра III, доктрина К. П. Победоносцева уже не могли кардинально изменить вектор движения страны, хотя и сыграли значительную роль в сохранении традиционных устоев, и не их вина, что на смену государю-атланту пришел государь-клятвопреступник.

Весьма показательно, что всякий раз, когда по православной христианской цивилизации наносился решающий удар, победа Просветителя достигалась не в открытом противоборстве, а обманом и предательством правящих элит. Об этом всегда следует помнить, когда звучат речи о несостоятельности социалистического проекта.

Иван Грозный хорошо понимал, что в условиях средневекового одичания Европы и перестройки всей ее политической и экономической системы на войну Российское государство нуждается не только в тщательно отработанной оборонной доктрине, но и в жесткой вертикали власти с плановой экономикой аграрного сектора.

Р. Г. Скрынников пишет:

«Служивых людей предполагалось обеспечить жалованием, а необходимые средства можно получить с горожан при условии введения твердых цен на городских рынках».

Вот так, не больше — не меньше: рыночные цены регулировались царскими указами. Власть мамоны существенно ограничивалась непоколебимой монаршей волей. Необходимо отметить, что в России Грозного не было частной собственности протестантского типа. Все виды собственности находились как бы в аренде у подданных и в любой момент могли возвратиться в собственность государства. Такой принцип не встречал противодействия и не вызывал возражений. Поскольку государь — помазанник Божий, то и любое его решение — воля Божья, и ответ ему держать перед Богом. Наделение же частной собственности ореолом святости (по Локку) сразу же уводит от Бога к мамоне. Это-то и означало, что царь обязан был управлять государством сообразно с Божьими законами и законами Его Царства, где частной собственности нет места. Не может там быть и социального неравенства, поскольку все живут в равных условиях и всё сущее принадлежит лишь самому Богу, позволяющему всем пользоваться на равных основаниях. Иными словами — общественный строй, во всем идентичный коммунизму, в основу которого положена Нагорная проповедь, через несколько веков составившая основу «Морального кодекса строителя коммунизма».

История распорядилась так, что после Грозного власть начала постепенно обособливаться и в эпоху Петра окончательно оторвала себя от «народа, Богом дарованного», вообще не считая этот народ за людей. Людьюми для власти остались лишь элиты, распоряжавшиеся судьбами Отечества по собственному произволу. Иван Грозный был представлен чудовищем и погребен под нагромождением лжи. Заказные труды Карамзина полностью отвечали запросам элит, а его высказывания ярко высвечивали мировоззренческую позицию русских интеллектуалов:

«Французская революция — одно из тех достижений, которое определяет судьбы людей на долгие века. Началась новая эпоха: я ее вижу, а Руссо предвидел».

Безусловно, 300 тысяч жертв — достижение грандиозное с точки зрения западника! В конечном итоге именно из этих семян просветительства произросли и декабристы, и либералы начала XX в.

Вторая половина XIX в. — расцвет эпохи модерна и время забвения исконных православных истин. Протестантское прельщение упорно на-

правляло взгляды элит в сторону Запада, несмотря на существенное изменение парадигмы государственной идеологии. Александр III не столько видел, сколько чувствовал истинный эволюционный путь России, но он был всё же продуктом своего времени, своего поколения, как и нынешняя молодежь начала XXI в., интуитивно чувствующая, что что-то в этом мире не так. Отсюда и нигилизм, цинизм, и «пятьдесят оттенков серого», влекущие за собой утрату смыслов и ложные цели.

М. В. Назаров в работе «Вождю Третьего Рима» пишет:

«Благодаря реформам Александра II и политике Александра III с 1890-х годов началась небывалый подъем экономики. Этому способствовали также введенные в 1891 году протекционистские таможенные тарифы, защищавшие отечественных производителей. Вместо притока импортных товаров это дало приток иностранных капиталов для организации производства. В 1897 году была введена устойчивая золотая валюта, покупательная способность которой не колебалась в дальнейшем даже в годы войны. <...> В начале XX века у России были шансы стать для всего мира воочию вселенским Третьим Римом в современном варианте, сочетающем экономическое развитие, социальную справедливость и истинную веру».

Не оспаривая основные выводы данной серьезной работы, необходимо заметить, что автор в вышеприведенном отрывке свалил в общую кучу несколько несовместимых понятий. Выше мы уже рассматривали различия в управленческих стратегиях двух императоров, поэтому ставить их в один ряд при рассмотрении данного вопроса не совсем корректно. Что же касается «Третьего Рима», то в рассматриваемом контексте такое сравнение вряд ли можно считать лестным. У каждого свой взгляд и свои оценки Римской империи, но всё же первое возникающее ассоциативное представление — это рабство, гладиаторские бои, требования «хлеба и зрелищ», безудержное чревоугодие, сексуальная разнузданность. Думается, излишне объяснять «космическое» различие между рабством Рима и крепостничеством России. До жажды зрелищ было еще далеко, так как всегда остро стояла проблема хлеба насущного. А уж сочетание экономического развития, социальной справедливости и истинной веры в рамках создававшейся парадигмы — вообще подобно лебедю, раку и щуке. Социальная справедливость в развитом капиталистическом обществе — абсолютная химера. Истинная вера и капитализм — понятия взаимоисключающие. Что же касается рабства, то на смену крепостничеству пришла более изощренная форма — безраздельный диктат товарно-денежных отношений. Продвигая страну по пути прогресса, Александр II добровольно, но бессознательно отдал абсолютную, Богом данную власть в загребущие лапы мамоны. Тот же самый грех совершил и Николай II своим отречением. Абсолютно прав профессор И. Фроянов: политика Александра II явилась прямой предпосылкой событий 1917 года.

Либеральные реформы, а проще говоря, инверсия власти в пользу золотого тельца во все времена проходила болезненно, вызывая хаос и смущение в умах. Христианский православный мир, убереженный от бациллы протестантизма, противился поклонению мамоне на генетическом уровне. Самое удивительное, что даже сегодня, в XXI в., поколение молодых, циничное и прагматичное, во многих чертах, заметных всё меньше и меньше, но всё же сохранило базовые православные представления о ценностях. И хотя новые поколения этим ценностям не следуют в повседневной жизни, но глубинные представления сохранились у подавляющего большинства.

Большая часть русского общества и по сей день плохо понимает причины негативного, мягко говоря, отношения Запада к России. На самом деле всё очень просто. Мы не только не такие, как они, но мы категорически не хотим быть такими. Петр I, Александр II были вполне рукопожатны в Европе, более того, в преддверии визитов и во время пребывания разворачивались настоящие пиар-акции в их честь. Но на Россию смотрели со снисходительным презрением, считая страной варваров. Александр III такой любовью не пользовался, но престиж страны поднимал неуклонно. Выше уже приводилась цитата О. Егера, и его слова, без преувеличения, отражали точку зрения «просвещенной» Европы. Для России выстраивание равноценных партнерских отношений с Западом — задача, не имеющая решения. Когда мы слабы, нами помыкают, когда мы сильны, нас боятся. Это — типично рабский стиль поведения, поэтому, когда раздаются высказывания о рабской психологии русского народа, это напоминает того, кто громче всех кричит «держи вора». Рабы мамоны, как и любые рабы, свободных людей ненавидят.

Ф. И. Тютчев писал:

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилье и обман...
И закрепила стародавность
Их как наследие славян...

Отставание России от Запада имело, как ни странно, безусловно положительную сторону. У нас дольше всех сохранялась незыблемость истинной власти и твердость веры, даже вопреки аморфной, а часто и оппортунистической позиции Церкви. Православная Церковь, в отличие от протестантской, никогда не пропагандировала богатства, но и не отвергала его. С течением времени споры протестантизма проросли и в православие. Начало, положенное в середине XIX в., к XXI в. окончательно оформилось в полное непротивление служению мамоне.

Освящение офисов разного рода сомнительных фирм, бизнес-центров, а главное — банков — яркое свидетельство нравственной деградации Церкви. В 2004 г. состоялся Всемирный русский народный собор, на котором был принят документ, закрепляющий позицию РПЦ в отношении бизнеса — «Свод нравственных принципов и правил хозяйствования».

А. Е. Молотков в работе «Христианство и идеология рынка» пишет:

«Даже при самых благонамеренных попытках христианского оправдания предпринимательской деятельности, основанной на личном интересе, при самых обтекаемых и сбалансированных формулировках, никогда не преодолевается этот принципиальный нравственно ущербный барьер — служения себе. К сожалению, наглядный пример подобной ущербности (если не сказать извращенной) попытки христианского оправдания предпринимательской нравственности дает „Свод...“ Этот документ невозможно читать без какой-то внутренней тошноты. Настолько густо он замешан на духовно-нравственном лукавстве. Каждый его пункт, каждая мысль, как бы высоко и благородно ни поднимались, в итоге всё равно замыкаются на себя, на отчужденную от общества самость предпринимателя, ищущего даже в самых высоких заповедях личный предпринимательский интерес. В этом документе нет ничего специфически христианского или русского, в своей нравственной обтекаемости он вполне удовлетворит и любого предпринимателя иудея (что, видимо, и подразумевалось разработчиками), так как всегда оставляет некоторую нравственную нишу для относительно личного понимания меры экономической справедливости в отношениях с обществом и ближними. Это же относится и к мере жертвенности и благотворительности — в любом случае она ограничивается личной (остаточной) мерой достатка, которую предприниматель определяет для себя сам. В то время как христианское понимание жертвенности предполагает полную самоотдачу Богу и ближнему по примеру „ленты вдовы“».

Вторит А. Молоткову и Н. В. Сомин⁴⁴:

«„Капитализм с православным лицом“ противоречив — это гибрид волка с ягненком. И неважно, какой он — русский или западный. Надежды на то, что гигантская машина капитализма вдруг вместо греха начнет производить добродетель, иллюзорны. Полагая в основу экономики капитализм, создать подлинно православное государство вряд ли возможно».

Как ни странно это может прозвучать, но правительство Александра II состояло, по своей сути, из истинных марксистов. К. Маркс в «Капитале» выводил утверждение, что промышленная революция есть бесспорный прогресс. Он считал, что капиталистическая эксплуатация выработает в человеке осознанную необходимость труда на хозяина. Не рабского, а добровольного, основанного на материальном стимуле.

---

⁴⁴ Николай Сомин — бакалавр богословия, автор более 150 научных работ.

Но, как говорится, «гладко было на бумаге...» В теории добровольный труд на предпринимателя действительно может представляться явлением вполне нормальным. Но именно — *добровольный*. Российская же промышленная революция состоялась во многом благодаря тому, что масса бывших крепостных, обманутая в своих надеждах на землю, устремилась в города, создав тем самым рынок труда, причем труда дешевого и низкоквалифицированного. О какой доброй воле может идти речь, если у новоявленных пролетариев просто не было выбора, что и породило дикую и циничную эксплуатацию. «Прогресс» налицо. В этих условиях говорить о каких-либо христианских принципах излишне. Капиталисты уже поменяли религию, хотя и продолжали в своей массе посещать храмы, совершая по инерции привычные ритуалы, не отдавая себе отчета, что в душе молятся совсем другому богу.

Реформы Александра III уже не могли повернуть вспять процесс инверсии власти, совершенный предшественником. Механизм был запущен, да и альтернатив никаких не существовало ни в практике, ни в теории (поползновения различных «народовольцев» и иже с ними не в счет). Устремления императора, усилия Победоносцева и его единомышленников лишь придали обрисовавшемуся рылу капитализма сколь возможно пристойный облик, но, к сожалению, ненадолго. На пороге стоял XX век, и Просветитель жаждал реванша.

В советской историографии было принято сравнивать экономические показатели России современной и до 1913 г. Методология несколько странная, но дело в том, что накануне Первой мировой войны страна действительно демонстрировала высокие темпы экономического роста. Либералы вместе с монархистами в умиленном согласии любят козырять аргументом, что дореволюционная Россия по объемам промышленного производства занимала прочное 4 место в мире. Но никто из апологетов никогда не упоминает, что наряду с этим страна занимала 1 место по размеру внешнего долга. В этом заключена вся сомнительная прелесть иностранных инвестиций. Еще в 1906 г. А. Нечволодов⁴⁵ писал:

«Привлечение иностранных капиталов в государство сводится к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и вывозу за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства».

Этому способствовало и введение знаменитого золотого червонца С. Ю. Витте в 1897 г. Кроме того, темпы экономического роста — категория далеко неоднозначная. Развитие добывающих отраслей значительно опережало развитие отраслей обрабатывающих, поэтому основной

---

⁴⁵ Александр Нечволодов (1864–1938) — русский военный и общественный деятель, автор книг по истории и трактатов по экономике. Действительный член Императорского русского военно-исторического общества.

показатель роста экономики базировался на экспорте сырья, тем более, что ключевые позиции в добывающих отраслях постепенно захватывали иностранные компании. Так, например, более 80% «нефтянки» принадлежало иностранцам, а также 70% угледобычи. Параллельно с этим на промышленном секторе активно паразитировал сектор банковский: около 90% акций металлургии принадлежало банкам, по большей части иностранным, а также почти 100% акций судостроения и паровозостроения.

С вступлением на престол Николая II большинство либеральных элит связывали определенные ожидания. Но первая же публичная речь императора не только разочаровала, но и вызвала раздражение в высших кругах. Николай недвусмысленно дал понять, что в векторе внутривнутриполитического курса будет твердо стоять на позициях своего отца, а разного рода мечтания о конституционных преобразованиях назвал «бессмысленными». К. П. Победоносцев отмечал, что наряду с неприятием молодежью и интеллигенцией первых программных заявлений государя «на простых людей и на деревни слово государя произвело благоприятное впечатление».

Необходимо признать, что проблемам народа Николай уделял значительное внимание. Продолжало совершенствоваться трудовое законодательство. В июне 1897 г. вышел закон об ограничении рабочего времени до 11,5 часов. Более 70% рабочих получили право на бесплатную медицинскую помощь. Хозяевам вменили в обязанность выплачивать пособия и пенсии потерпевшим от производственного травматизма. Повсеместно вводилось обязательное медицинское страхование. Впервые были созданы рабочие профсоюзы. По инициативе Николая была созвана Гаагская конференция мира, решения которой действительны и по сей день, а также создан Постоянный арбитражный суд. За эти инициативы в 1901 г. Николай II был номинирован на Нобелевскую премию мира. В ООН и сегодня стоит бюст императора российского и его обращение к мировым державам.

Но всё это на самом деле не более, чем красивые декларации, и очень напоминает управленческую стратегию М. Горбачёва с аналогичным финалом. Например, среднегодовой доход на душу населения в России накануне революции 1917 г. составлял 63 рубля. Для сравнения, в пересчете на рубли, в Европе: от 100 руб. — в Италии, до 270 — в Великобритании, а в САСШ — и того — 350 руб. на душу. Условия труда, несмотря на совершенствования законодательства, оставались кабальными. Несмотря на закон 1897 г., устанавливающий продолжительность рабочего дня не более 11,5 часов, по факту, на питерских заводах иногда заставляли работать и по 19 часов. Из-за этого травматизм превышал все мыслимые пределы: на 1000 рабочих до 700 случаев. Комиссия, созданная в 1911 г., констатировала ужасающие условия. Отсутствие вентиляции приводило к систематическим отравлениям угарным газом. Несмотря на законодательно

закрепленную бесплатную медицинскую помощь и пособия по травматизму, лечили в основном нашатырем, а за вынужденную нетрудоспособность удерживали из жалования. На шахтах не было сушилок и рабочие зимой шли пешком многие километры в мокрой одежде. Жалобы на произвол администрации поступали повсеместно. Не были редкостью случаи, когда зарплату выплачивали вместо денег продуктовыми талонами, которые отоваривались негодными продуктами и тухлым мясом. Бывали годы, когда выходные отсутствовали вообще, не говоря уже о случаях принудительной проституции.

Отсюда — заболеваемость и смертность выше, чем в странах третьего мира: 30 на 1000 человек в России против 24 на 1000 человек в остальных странах.

Не лучше обстояло дело и с образованием. В 1911 г. Россия насчитывала всего 4% учащихся начальных учебных заведений от общей численности населения. Для сравнения: страны третьего мира — 9%, ведущие державы — 14%.

Аграрная Россия производила зерна 28 пудов на душу населения — столько же, сколько и Аргентина с населением значительно меньшим, не говоря уже о САСШ — 91 и Канада — 90. Поэтому заявление, что царская Россия кормила полмира, — еще один из многочисленных мифов.

Незнание Николаем подвластного ему общества, народа, влекло за собой те же последствия, что и управленческая деятельность правительства ХХI в., когда строгость законов компенсировалась необязательностью их исполнения в совокупности с бесконтрольностью на местах. Трудовое законодательство Александра III повсеместно не исполнялось, порождая злоупотребления, произвол работодателей и самую циничную эксплуатацию.

Росло недовольство в деревне. Крестьяне, не имеющие пахотных земель, ненавидели помещиков, и уже к 1902 г. в ряде губерний назрела революционная ситуация. Необходимо отметить четкую слаженность действий крестьянских общин. У помещиков отбирались земли с последующим разделом, питейные заведения нещадно уничтожались, повсеместно создавались отряды общинной милиции.

Таким образом, уже к 1905 г. в России возник целый ряд крестьянских республик с местным общинным самоуправлением — неким прообразом будущих колхозов, но со значительно большей эффективностью.

Инициативы западников, сначала во главе с министром финансов Н. Х. Бунге, а затем и со Столыпиным, о ликвидации крестьянской общины официально мотивировались необходимостью ускорения роста капиталистического производства, но, возможно, немалую роль играла и опасная, с их точки зрения, инициатива снизу.

Единственный в окружении царя, кто понимал значение общины, это — Победоносцев. Он всячески отстаивал эту, по-своему уникальную,

систему общежития, унаследованную еще от Византии и основанную на истинно православных принципах с соблюдением всех евангельских заповедей.

Посягательства на общину еще больше подогревали антиправительственные настроения, поэтому можно утверждать, что именно Столыпин и Бунге во многом способствовали развитию революционной ситуации в деревне, которая впоследствии так активно поддержала большевиков.

Как видим, и в начале XX в., и в начале XXI-го становление капитализма в России носило одинаково дикие формы. Хотя говорить о «становлении» в начале XX в. не совсем правомерно. Капитализм тогда уже состоялся, чему немало способствовала позиция РПЦ, в которую проросли вездесущие споры протестантизма и локковской теории. Тогда даже в семинариях насаждали постулат о священности частной собственности. Было ли у Церкви понимание, что внедрение в умы паствы капиталистических доктрин ведет в конечном итоге к утрате суверенитета не только государственного, но и духовного? Иоанн Кронштадтский в те годы с горечью писал:

«Нынешний страшный упадок веры и нравов весьма много зависит от холодности к своим паствам многих иерархов и вообще священнического чина».

Социальное расслоение и развал крестьянской общины неизбежно влекли за собой духовный и нравственный распад.

В сентябре 1908 г. в Лондоне на съезде партии эсеров отмечалось:

«Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением частной собственности или хуторским хозяйством».

Одновременно с этим военно-промышленный молох — этот верный вассал мамоны — настоятельно требовал всё новых жертвоприношений.

Характерно, что при сопоставлении психотипа личности последнего российского императора с результатами его деятельности преобладающим оказывается чувство искренней жалости. И, правда, положительный ведь был человек, не злой, не деспотичный, не коварный. В меру своих возможностей ратовал за всё хорошее, против всего плохого, а вот не получалось ничего путного, и всё тут! Типичный образец неудачника. Когда судьба определяет такую участь человеку обычному — это его личная драма, но, когда подобная судьба выпадает на долю монарха, это уже трагедия всей страны. Показательно, что уже в момент вступления на престол провидение дало некий сигнал, как ему самому, так и всем подданным. Коронация Николая ознаменовалась чудовищной трагедией на Ходынском поле. Сейчас уже невозможно установить достоверно, была ли то воля случая или спланированная провокация, но в памяти масс вступление императора на престол неизменно увязывается с человеческими смертями. Как бы в довершение психологического воздействия на толпу грянуло

воскресенье 9 января 1905 г., символически отделив первую фазу правления и обозначив вторую, заключительную. Как в истории на Ходынке, так и в трагедии Кровавого воскресенья не было никакой личной вины царя, но это ничего не меняло. Его будто бы подставляло само провидение.

Знаки судьбы преследовали Николая с редким постоянством. За три дня до событий 9 января, на Крещение, во время водосвятия на Неве, непосредственно перед Зимним дворцом произошел случайный выстрел орудия, в котором по недосмотру остался после учений боевой заряд картечи. Попадание пришлось в непосредственной близости от царского павильона, и единственной жертвой оказался жандарм по фамилии Романов, получивший смертельное ранение. Кроме того, одна из пуль перебила древко знамени морского корпуса (Цусимское сражение произошло через пять месяцев). Не менее показателен инцидент с Японией. Какая-то злая ирония заключена в испытаниях, выпавших на долю человека, по инициативе которого состоялась впервые международная конференция мира.

Надо отдать должное Николаю: он всячески стремился избежать обострения отношений с Японией. Решающую роль в этом вопросе сыграл С. Ю. Витте. Еще в 1892 г. он разработал обширную программу российской экспансии в Китай с выходом на Тихоокеанскую акваторию. В его планы входило прибрать к рукам все океанские торговые пути, и с этой целью он предложил Александру III военную интервенцию в Северный Китай, на что получил решительный государев отказ. Но уже в 1895 г. Витте сумел внушить Николаю мысль о необходимости бескомпромиссной позиции в отношениях с Японией и добился пересмотра итогов Японо-китайской войны, в результате чего Япония оставила Маньчжурию и Корею. Имперские мотивации Витте были бы вполне объяснимы, если бы не его тесная связь с банкирскими домами Ротшильдов и Вартбурггов. Известно, что эти господа ничего не делают без дальнего прицела и просчета многоходовых комбинаций. Французский дом Ротшильдов выделил Китаю солидный транш для выплаты контрибуции Японии, очевидно, не из горячей любви к китайцам. Однако это позволило заручиться согласием Китая на строительство КВЖД с отдельной веткой до Порт-Артура.

В результате всех этих экспансионистских телодвижений Япония тихо зверела, подогреваемая Великобританией, терявшей, в результате сделок Витте большую часть китайского экспорта в пользу России. Недовольны оказались и китайцы, так как КВЖД проходила через возделанные крестьянские земли, отчуждаемые практически безвозмездно. Пассивное недовольство вылилось в вооруженное восстание 1900 г., что позволило Витте убедить императора в необходимости ввода в Маньчжурию российских войск для обеспечения безопасности КВЖД. Для Японии это стало последней каплей. Таким образом, по словам А. И. Деникина, «макиавеллиевская» политика Витте обошлась России морями человеческой крови. Да и само начало войны стало символичным, так как

ознаменовалось бездарностью и преступной халатностью российского командования. Перед самой войной адмирал Макаров уведомлял командующего флотом великого князя Алексея Александровича о необходимости вывода кораблей с внешнего рейда Порт-Артура, являвшихся прекрасной мишенью для японцев. Но предупреждение было проигнорировано, в результате чего вся эскадра была блокирована, а часть кораблей торпедирована в ходе ночной атаки.

То, что противником России в первом военном конфликте Николая стала Япония — противник далеко не самый сильный, явилось для него очередной пощечиной, а точнее — унижительным щелчком по носу. Череда тяжелых боев на реке Ялу, под Ляояном, на реке Шахэ и под Сандепу закончилась тяжелым поражением и сдачей Мукдена, а после разгрома Порт-Артура в стране прочно укрепились пораженческие настроения. Сам император еще хорохорился, твердя о временных неудачах, но это не могло изменить критического настроения масс и ширящейся антиправительственной агитации. Как всегда, масла в огонь подливала либеральная интеллигенция с традиционными иудиными чаяниями. Немецкий журналист Г. Ганц писал, что «тайной молитвой либералов и значительной части дворянства было: „Боже, помоги нам быть разбитыми“».

После разгрома русского флота при Цусиме в мае 1905 г., как черт из табакерки выскочила Америка. Теодор Рузвельт предложил Николаю посредничество при заключении мира. Предложение было принято, и в августе того же года в Портсмуте стороны подписали унижительный для России мирный договор. По его условиям Россия теряла Южный Сахалин и Ляодунский полуостров, а также в сферу интересов Японии переходила Корея. Таковы плоды трогательной заботы САСШ об интересах России. Но существует и такой мало афишируемый факт, как хитрый японо-американский дипломатический ход.

Фактическое положение «победоносной» Японии на самом деле было аховое. Затраты на военную кампанию составляли почти 2 млрд иен, что повлекло увеличение госдолга до 2,4 млрд иен. Ежегодные выплаты по процентам составляли 110 млн иен, но в силу сложившихся обстоятельств Японии ничего не оставалось, как взять очередной иностранный кредит. Посредничество Рузвельта явилось продуктом элементарного дипломатического сговора, а Николая как мальчишку попросту обвели вокруг пальца. Американский историк Т. Деннет писал в 1925 г.:

«Мало кто теперь считает, что Япония была лишена плодов предстоявших побед. Преобладает обратное мнение. Многие полагают, что Япония была истощена уже к концу мая и что только заключение мира спасло ее от крушения и полного поражения в столкновении с Россией».

Вот так полная властная беспомощность и управленческая бездарность Николая и компании привели страну к первому за полвека военному поражению. Практическим воплощением властной несостоятельности

царя явилось несоответствие личных убеждений и принимаемых им решений. При анализе стратегии становится очевидным, что события 1905 г., как внутривластные, так и международные, посеяли в сознании царя изрядную растерянность. С. Ю. Витте вспоминал, как осенью Николай со всей категоричностью заявлял, что никогда, ни в каком случае не согласится на представительский образ правления, так как считает его вредным для вверенного ему Богом народа. Но уже в декабре собственноручно подписывает указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», согласно которому расширяются права земств и упраздняется цензура. Безусловно, ситуация требовала серьезного и вдумчивого диалога с общественностью, и определенные преобразования были необходимы, но проблема заключалась в том, что император не стоял в авангарде модернизации, а шел на уступки, проща говоря — сдавал собственные принципиальные позиции, а это есть основная ошибка управленца любого уровня и во все времена. Особенно пагубна подобная тактика во взаимодействии с радикальными либералами, которые подобны гиенам, готовым пожирать полуживого льва и трусливо поджимающим хвосты при его рыке, пусть даже и предсмертном. Так или иначе, но указ от 12 декабря 1905 г. стал первым маленьким шагом в направлении краха империи. С этого момента самодержавие начало сдавать одну позицию за другой. Не побудила к размышлениям и трагическая гибель от руки террористов великого князя Сергея Александровича, являвшегося для Николая непререкаемым авторитетом. В былые годы реакция предшественников на всплески террористической активности всегда была однозначно жесткой, что позволяло не терять контроля над ситуацией. Реакция же Николая являла собой прямую противоположность, что объяснялось либо замешательством, либо элементарной трусостью. Таким образом, уже в августе был подписан манифест об учреждении Государственной думы. И всё это на фоне непрекращающихся стачек, беспорядков на окраинах, эсеровского и анархистского террора. За неполных два года от руки революционного отребья пали *тысячи* государственных чиновников, полицейских и армейских офицеров. Бурлили вузы и духовные семинарии. Из Англии и Японии непрерывно поступали деньги и оружие для оппозиции. Страна находилась в таком политическом раздоре, что элементарный здравый смысл требовал не либеральных послаблений, а введения чрезвычайного положения. Бедняга Александр, наверное, метался в гробу, наблюдая преступную беспомощность сыночка.

Вполне закономерно ситуация пошла вразнос. Никакие законодательные акты уже не имели значения, и в октябре началась всероссийская политическая стачка. Действия царя теперь уже были предсказуемы: он немедленно подписывает очередной манифест, послуживший последним гвоздем, забитым в крышку гроба монархии. Документ гласил:

«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы слова, совести, собраний и союзов.

2. Привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые донныне совсем лишены избирательных прав, предоставить засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выбранным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

Вслед за манифестом последовала амнистия для политических заключенных.

Сегодня, с позиции накопленного исторического опыта, уже не вызывает недоумения парадоксальная дееспособность, а чаще — откровенная шизофреничность российского парламентаризма. Либералы конца 80-х — начала 90-х прошлого века — люди, в своем большинстве неглупые и неплохо образованные, не могли не понимать, какие плоды приносят засеянные ими семена, но маниакальная ориентация на Запад, навязчивое стремление быть «как весь *цивилизованный* мир» выбивало из их сознания редкие крупницы здравого смысла. Да иначе и быть не могло. Второе пришествие мамоны на российскую землю не оставляло им шанса для осуществления свободы воли и выбора. Тогда же большинство либералов имело исключительно теоретические представления о парламентаризме, разумея его в меру индивидуальных целеполаганий и устремлений. Сегодня уже не вызывает удивления, что две первые Государственные думы оказались абсолютно не способны к какой-либо продуктивной работе. Традиционная болтовня, межфракционная грызня, откровенная оппозиционность царю сильно напоминают разборки Ельцина с парламентом в 1993 г. Правда, Николай не расстреливал депутатов артиллерией, а лишь распускал, и может быть, напрасно, сейчас об этом трудно судить с определенностью, но важно одно — именно опыт парламентаризма привел к краху отечественной государственности.

Еще в 1902 г. министр финансов С. Ю. Витте детально разработал программу аграрной реформы. Действуя в традиционном стиле, Николай II благополучно ее «зарубил». Но осенью 1906 г. уже Столыпин приступил к ее реализации. Первым шагом стала полная отмена выкупных платежей. Казалось бы — шаг логичный, но основывался он на ликвидации крестьянской общины и расслоении крестьянства с опорой на «сильных и справных» за счет разорения «слабых и пьяненьких». Таким простым и незатейливым способом внедрялся капиталистический уклад на селе. Всё новое — лишь хорошо забытое старое. Александр II уже провел в свое

время такой эксперимент, впервые создав новый класс — сельскую буржуазию, а проще говоря, кулаков. Именно тогда преобладающая масса бедноты либо нанималась в батраки к новоявленным хозяевам, либо уходила в города. Удивительно сходство представлений Столыпина и социал-демократов, сформулированных на II съезде РСДРП. Разница лишь в том, что социал-демократы, не отвергая расслоение крестьянства на начальном этапе, были уверены, что сумеют кулачество «задавить». Пока же большинство крестьян заняло выжидательную позицию, понимая, что в новых условиях им ничего не светит; это в большой степени через несколько лет сыграет на руку большевикам.

Первая мировая война с предельной ясностью выявила полную управленческую несостоятельность всего государственного аппарата. Удивителен по точности прогноз, сделанный Ф. Энгельсом еще в 1888 г.:

«Если дело действительно дойдет до войны, то это будет война с переменным успехом на французской границе, наступательная война со взятием польских крепостей на русской границе и революция в Петербурге, которая сразу заставит господ воюющих увидеть всё в совершенно ином свете. Одно можно сказать наверняка: не будет больше никакой быстрой развязки и триумфальных походов ни на Берлин, ни на Париж».

Царский двор делал, казалось, всё возможное для своей дискредитации. Череда скандалов, связанных с именем Г. Распутина, вызывала раздражение, граничащее с отвращением не только в среде элит, но и в народе.

А. И. Деникин вспоминал:

«Что касается отношения к трону, то, как явление общее, в офицерском корпусе было стремление выделить особу государя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства, которое явно и неуклонно вело к разрушению страны и к поражению армии. Государю прощали, его старались оправдать. Как увидим ниже, к 1917 году и это отношение известной части офицерства поколебалось, вызвав то явление, которое князь Волконский называл „революцией справа“, но уже на почве чисто политической. <...> Всевозможные варианты по поводу распутинского влияния проникали на фронт, и цензура собирала на эту тему громадный материал даже в солдатских посылках из действующей армии. Но наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово „измена“. Оно относилось к императрице. В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ее в отношении фельдмаршала Китченера, о поездке которого она якобы сообщила немцам, и т.д. Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции. Генерал Алексеев, ко-

тому я задал этот мучительный вопрос весной 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и нехотя: „При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею...“ Больше ни слова. Переменил разговор... История выяснит, несомненно, то исключительно отрицательное влияние, которое оказывала императрица Александра Федоровна на управление русским государством в период, предшествующий революции. Что же касается вопроса об „измене“, то этот злосчастный слух не подтвердился ни одним фактом и впоследствии был опровергнут расследованием специально назначенной Временным правительством комиссии Муравьева, с участием представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов».

Следует отметить, что крайне неприязненное отношение Алексева к императрице не являлось секретом для ближнего круга. Николай высоко ценил своего начальника штаба за профессиональные и личные качества. В письме императрице он однажды отметил: «Не могу тебе передать, до чего я доволен генералом Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек, и какой работник!»

Историк Г. М. Катков, в свою очередь, свидетельствовал:

«Алексеев был скромным и сдержанным человеком, образованным генералом, к которому государь относился чрезвычайно внимательно: Алексеев через день, а также каждое воскресенье и в праздники завтракал и обедал у государя, и был почетным гостем. <...> Они, по-видимому, хорошо понимали друг друга...»

Но Алексеев был убежден, что императрица оказывает на Николая пагубное влияние своим вмешательством в государственные дела. Во многом такое мнение формировалось в связи с личностью Распутина. Дело доходило до того, что Алексеев демонстративно отказывался от традиционных приглашений к столу. Александра Федоровна платила ему той же монетой. Однажды она предприняла попытку поговорить с ним о Распутине начистоту, но Алексеев ответил с солдатской прямоотой: «Ваше Императорское Величество, я давно уже составил мнение по этому вопросу, и никто не сможет его изменить. Я должен добавить, что как только он появится в ставке, я сложу с себя занимаемую должность».

Реакция не замедлила последовать: императрица развернула масштабную кампанию против Алексева и добилась его отстранения «в связи с болезнью», правда, всего на два месяца. В феврале 1917 г. Алексеев вернулся к исполнению своих обязанностей.

Влияние Александры Федоровны на государя невольно вызывает ассоциации с новейшей историей в лице Раисы Горбачёвой, которая также вызывала немалое раздражение со стороны общества. Блуждающие в умах подозрения в измене императрицы по большей части лишены

логических обоснований, независимо от выводов комиссии Муравьева, но факт обнаружения у нее плана дислокации войск способен перебить все доводы логики. Что же касается гибели военного министра Великобритании фельдмаршала Горация Китченера, то все подозрения здесь шиты белыми нитками. Во время следования с официальным визитом в Россию крейсер «Гемпшир» с фельдмаршалом на борту 5 июня 1916 г. подорвался на mine, установленной немецкой подводной лодкой. Поскольку визит держался в строжайшем секрете, история сразу обросла массой слухов и домыслов, в числе которых и причастность императрицы, которая якобы передала германской разведке маршрут следования корабля.

Сегодня уже широко известно, что порождение и распространение слухов — один из приемов деятельности спецслужб. Так ли это было в ситуации с императрицей, сказать трудно, но любопытно другое. В данном случае ситуация породила резонансный исторический казус, последствия которого до сих пор будоражат умы и фантазию историков.

В 1916 г. руководителю британской МИ-6 Мэнсфилду Каммингу поступило донесение от резидента в Петрограде Торнхилла, в котором в подробностях излагался анализ вышеупомянутых слухов, при этом значительная роль отводилась Распутину. Потенциальное развитие событий грозило чрезвычайно серьезными последствиями для Великобритании. В случае успеха сепаратных переговоров и выхода России из войны Германия неизбежно перебросила бы на Западный фронт не менее 70 своих дивизий.

Камминг немедленно отправляет в Петроград Освальда Райнера с заданием добыть информацию, подтверждающую или опровергающую слухи, а в случае подтверждения — Распутина ликвидировать.

Выбор пал на Райнера не случайно. Выпускник Оксфорда, свободно владеющий тремя языками, Райнер был близким другом Феликса Юсупова, с которым накоротке сошелся в alma mater. Гомосексуалист Райнер и бисексуал Юсупов быстро нашли общий язык, пронеся обоюдную привязанность через всю жизнь.

В тот период Юсупов стоял во главе группы аристократов, активно выступающих против пребывания Распутина при дворе, однако в их планы входило лишь устранение его влияния на императрицу, но об устранении физическом речь не шла. Используя расположение Юсупова, Райнер убедил его пригласить Распутина в свой дом на ужин. Кроме них в мероприятии участвовали также член Государственной думы Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович (также из компании нетрадиционной ориентации).

Из обнародованных не так давно материалов британской разведки становится очевидно, что история, поведанная князем Юсуповым в своих мемуарах, значительно расходится с теми сведениями, которые представлены в рассекреченных документах. А из них следует, что убийству пред-

шествовал допрос, сопровождавшийся зверскими пытками. Процедура не дала никаких результатов. Поскольку выпустить в таком состоянии живым Распутина уже не могли, единственным решением оставалась только физическая ликвидация. Юсупов стрелял в упор, но неудачно. Вторым был выстрел Пуришкевича. Контрольный выстрел произвел Райнер.

Отношение к личности Распутина не однозначно. Кто-то считает его исчадием ада, кто-то святым великомучеником. Так или иначе, но сам факт, что он был убит при участии трех педерастов, один из которых — английский шпион, накладывает на это действие некий ореол сатанизма.

Приближению Распутина ко двору во многом способствовал архимандрит, а впоследствии — епископ Феофан (Быстров). Вначале он, как и многие другие, проникся магнетизмом «святого старца», но, наблюдая перемены, произошедшие в нем под влиянием столичной жизни, стал высказывать свои опасения государю. Но Николай счел эти высказывания распространенными наветами, в результате чего Феофана отправили служить подальше от столицы.

Расположение Николая к Распутину объяснялось наивной верой, что его народ продолжает жить по православным принципам и христианским заповедям, и лишь элита, увлеченная либеральными идеями, от Бога отступила. Православную веру Николай почитал основой своей жизни в силу детского воспитания и во многом под влиянием наставника и учителя К. П. Победоносцева. Надо заметить, что, несмотря на устремления его отца и усилия обер-прокурора Синода, брожение в народных умах приняло уже необратимый характер. Инверсия власти и смена религии в пользу мамоны не могли не сказаться на духовном состоянии общества. В особенности этим веяниям были подвержены элиты. Говорить на богословские темы, а уж тем более читать Писание и другие религиозные книги в высшем сословии считалось моветоном. Нередко такие люди становились объектом насмешек. В этом смысле Николай являл собой разительный контраст со своим окружением. В среде высшего духовенства даже циркулировали слухи (впрочем, ничем не подтвержденные), что государь имел горячее желание сложить с себя бремя монарха и стать патриархом. Распутин был для царя олицетворением всего русского народа, в который он так наивно верил.

Несмотря на всё это, необходимо отметить, что Николай вовсе не был так наивен, как может показаться на первый взгляд. После появления Распутина при дворе за ним установили наружное наблюдение, на родину — в село Покровское — отрядили специальную группу для изучения его прошлой жизни. Таким образом, очевидно, что пребывание Распутина в царском окружении сопровождалось всеми необходимыми оперативными мероприятиями. Так, например, широко освещенные в тогдашней прессе пьяные загулы вызывают много вопросов, так как проведенное департаментом полиции конфиденциальное расследование установило, что

в интересующий момент Распутина вообще в городе не было. Многие авторитетные лица неоднократно упоминали о двойнике. Версия вполне правдоподобна, так как подобные провокации с целью дискредитации нежелательных персон совершенно в духе либеральных кругов и по сей день.

Надо сказать, что зуб на Распутина МИ-6 заимела еще задолго до его убийства. По свидетельствам нескольких высокопоставленных персон, не замеченных в симпатиях к старцу, еще в 1912 г. Распутин убедил Николая отказаться от вступления в войну на Балканах, к чему его так склоняло ближайшее окружение. Это стало ощутимым ударом по подлым, как и всегда, планам Великобритании, что, естественно, не могло не иметь последствий. Таким образом, в том, что Россия не вступила в войну двумя годами раньше, несомненная заслуга простого сибирского мужика. В день начала войны 1914 г. Распутин находился в больнице после достаточно странного покушения у себя на родине. Совпадение? Возможно, но совпадение роковое для страны. Кто знает, может быть, и в этот раз ему удалось бы убедить царя не поддаваться на провокацию. Но факт остается фактом: эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараеве членом масонской организации «Млада Босна». И вновь, уже в который раз, на стекле истории обозначился липкий след масонского слизня.

Существует множество свидетельств современников о чрезвычайной подверженности Николая чужим мнениям, которые далеко не всегда выражали государственные интересы. Некоторые личности и группировки преследовали узкокорыстные цели и оказывали негативное воздействие на внутривластную и общественную ситуацию, но наибольшее зло исходило от интеллектуальных и политических элит прозападного либерального толка. В отличие от своего отца, который обладал удачной управленческой способностью прислушиваться к мнению подданных и нередко изменял собственное в интересах дела, Николай был подвержен разного рода манипуляциям. Именно здесь находятся истоки процессов, положивших начало новой эпохи. Общий дух времени способствовал тому, что в царском окружении не было единства мнений относительно перспектив развития государства. Помимо откровенных рвачей, карьеристов и коррупционеров, Николая окружали с одной стороны консерваторы, панически боявшиеся любых изменений, а с другой — оголтелые либералы и западники, готовые полностью перековать Россию на манер «просвещенной» Европы. Надо признать, что к тому времени определение «просвещенная» вполне можно было употреблять без кавычек, так как многие аспекты российской действительности требовали серьезной модернизации, не исключая и европейский опыт в определенных дозировках. Но еще в 1878 г. Константин Кавелин⁴⁶ писал:

---

⁴⁶ Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) — русский историк, государствовед, психолог, социолог и публицист.

«Администрация царской власти заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки. Засилье бюрократии связано с отсутствием самостоятельной церкви, подлинной аристократии и незначительной долей городского сословия. Однако решающее влияние оказывало невежество народа, огромная, несметная масса мужиков, не знающих грамоты, не имеющих даже зачатков религиозного и нравственного наставления».

Главной же проблемой Николая стала его управленческая несостоятельность. Известно, что желания наследовать трон он не имел, как, впрочем, и его отец. Однако Александр III нашел в себе силы и умения стать эффективным управленцем, во многом путем создания команды единомышленников. У Николая же такой команды не было. С юности он получал информацию о своей стране из источников прямо противоположных. Человек, обладающий аналитическим складом ума, сумел бы извлечь из такой ситуации несомненную выгоду, так как объективная истина всегда лежит между двух полярных мнений, но, к сожалению, склад ума Николая был иным. Его подверженность авторитетным мнениям доходила до смешного, когда он по нескольку раз на дню изменял принятые накануне решения после обсуждения вопроса с теми или иными советниками.

История эта не нова. В предыдущих главах мы уже рассматривали этапы идеологической борьбы во властной среде Ивана Грозного, когда прозападные боярские группировки вели борьбу за влияние на царя. Управленческие решения Грозного явили собой эффективность такой мощи, что на века закрепили за ним репутацию жуткого тирана. Такова цена личной ответственности перед Богом и вверенным Им народом, и Иван платит ее и по сей день. Опричнина создавалась, прежде всего, как передовой отряд чистильщиков элит от крамолы и измены. Именно опричнина пресекала подрывную деятельность аристократии, ориентированной на Запад. В истории многое искажено либо мифологизировано, но сохранились документы, позволяющие, при объективном подходе, отделить зерна от плевел.

В польских летописях зафиксированы данные о боярском заговоре 1568 г. с целью выдачи Грозного польскому королю Сигизмунду II. О масштабах заговора свидетельствовали и русские историки, а уж поляков заподозрить в симпатиях к Грозному и подавно нелепо. Прояви тогда Иван хоть малейшую мягкотелость, и Смутное время наступило бы значительно раньше. Именно поэтому, несмотря на многовековую пропаганду, почитание его в народе сохраняется до сих пор. Тем поразительнее факт, что РПЦ всячески противится канонизации Грозного, в то время как Николай, уничтоживший державу, канонизирован со всем семейством.

Революция 1905 г. и Манифест 17 октября основательно удобрили почву для развития русского масонства. Официально оно продолжало

оставаться под запретом, но под прикрытием разного рода просветительских организаций ширилось и множилось. Какой-либо серьезной оперативной работы в отношении их со стороны правоохранительных органов не велось. Возможно, одной из причин такой индифферентности являлся общеизвестный факт, что значительная часть ближнего круга царя состояли в ложах или были близки к ним. Великий князь Александр Михайлович, будучи членом французского ордена филалетов, стоял во главе одной из его лож в Петрограде. Великие князья Николай, Петр, Георгий являлись членами ордена мартинистов. По свидетельству немецкого историка К. Х. Кейлера в начале XX в. в Россию приехали члены совета Великого Востока Франции для организации лож «Возрождение» и «Полярная звезда». Цели определялись конкретные: организация буржуазно-либеральной оппозиции самодержавию, а говоря проще — идеологическая подрывная работа. В 1910 г. была создана ассоциация лож «Великий Восток народов России» (ВВНР), и к началу 1913 г. она насчитывала почти 400 «братьев». В 1915 г. А. Ф. Керенский совместно с заместителем председателя Государственной думы Н. В. Некрасовым возглавил Высший совет ассоциации. Осенью 1916 г. от ВВНР отпочковалось радикальное звено, готовящее дворцовый переворот и провокационные «террористические действия» в среде рабочих движений.

Вообще, расхожее обывательское мнение, что «миром правят масоны», не столько конспирологическое, сколько не совсем корректное. Точнее было бы утверждение, что те, кто правят миром, — масоны. Так вернее для тех, у кого жупел конспирологии выскакивает всякий раз, когда массы обнаруживают властные античеловеческие проявления. Если первая формулировка фактически беззащитна перед оппонентами, то вторая неоспорима. Впрочем, от перестановки мест слагаемых сумма не меняется.

Накануне революции под управлением масонов оказались все ведущие общественные структуры. Союз земств и городов возглавил Г. Е. Львов. Под прикрытием интендантского обеспечения фронта организация активно занималась деятельностью, оппозиционной власти. Военно-промышленный комитет под председательством А. И. Гучкова практически полностью состоял из масонов и представлял собой своеобразный центр оппозиции. Н. Н. Берберова⁴⁷ пишет:

«Итак, кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союзов, адвокаты, военные, общественники созывали друг друга: их день наставал».

---

⁴⁷ Нина Берберова (1901–1993) — русская писательница, поэтесса, педагог, автор документально-биографических исследований и мемуаров.

Помимо методов политической борьбы в масонских структурах разрабатывались планы военного переворота и физического устранения монарха. Настроения в масонских ложах в канун революции отличались полным единодушием, и, по словам одного из руководителей, лейтмотивом была «ненависть к трону и монарху лично».

Осенью 1915 г. полковник Генштаба Д. Мстиславский, эсер и масон, внес предложение организовать заговор на жизнь государя. Вопрос обсуждался на высшем уровне, но предложение было отклонено. Брать на себя ответственность за акцию такого масштаба «братство» не решалось, но если бы кто-то в индивидуальном порядке ее осуществил, то, несомненно, осуждения не последовало бы. Ситуация почти один в один повторяла масонские игрища декабристов.

В 1931 г. в Париже вышла в свет книга С. П. Мельгунова⁴⁸ «На пути к дворцовому перевороту», в которой автор детально раскрывает значение масонства в подготовке Февральской революции. Ведущую роль играли две группы — военная и гражданская. Первую возглавлял А. И. Гучков — председатель III Государственной думы и член Госсовета Российской империи. Во главе второй группы стоял А. Ф. Керенский. Негласную, но активную роль, как и всегда в вопросах политических каверз, играла Англия. Посол Бьюкенен не только принимал участие в движении, но и частенько предоставлял свои апартаменты для «братских» сходок. Помимо традиционного английского политического шельмования, немалое значение имел факт, что с середины 1916 г. начали циркулировать упорные слухи о намерении Николая II заключить сепаратный мир с Германией, каковые изрядно напугали власти Англии и Франции. Именно тогда они стали искать более тесные контакты с оппозицией. Главную скрипку в этом достаточно многочисленном оркестре играли генералы императорской армии, озлобленные дремучей неспособностью правительства наладить интендантское обеспечение фронта. А ситуация действительно складывалась аховая. Говорить о том, что Россия в 1914 г. была совершенно не готова к войне, излишне. В истории не было еще ни одной войны, к которой наша страна была готова. Поэтому любые рассуждения на тему, прав был Николай или не прав, ввязываясь в этот конфликт, беспредметны. Безусловно, всё это явилось идиотской авантюрой, обошедшейся миллионами человеческих жизней и приведшей к трагическим последствиям. О боеготовности и боеспособности русской армии можно судить по воспоминаниям А. И. Деникина. Стратегическая и технологическая косность российской государственной машины была чудовищна. Малоизвестен такой

---

⁴⁸ Сергей Мельгунов (1879–1956) — русский историк, публицист, издатель, политический деятель, участник антибольшевистской борьбы после Октябрьской революции.

факт, что в канун Первой мировой выдающийся русский конструктор Владимир Григорьевич Фёдоров работал над созданием первого в мире автомата, или точнее — штурмовой винтовки. Еще в 1911 г. она успешно прошла испытания и, по мнению нынешних экспертов, нисколько не уступала по ТТХ таким брендам, как американская M-16 или немецкая Heckler & Koch G36. Военный министр А. А. Поливанов впоследствии вспоминал, как Николай II, побывав на лекции В. Г. Фёдорова, высказался в том смысле, что, вооружив армию автоматами, не напасешься патронов. Таков был уровень стратегического военного мышления полковника Николая Романова. Винтовка всё же встала на вооружение, но лишь к осени 1916 г. и в крайне ограниченных количествах. А до тех пор войска не имели даже достаточного количества обычных винтовок. Катастрофически не хватало тяжелой артиллерии и боеприпасов. Как и всегда в аналогичных исторических коллизиях, пышным цветом расцветало воровство и коррупция. Снабжение армии обмундированием, продовольствием, фуражом было возложено на частные коммерческие организации. Естественно, бизнесмены не ограничивали себя в назначении отпускных цен. Не упускало своего и интендантское начальство, грея руки на огромных «откатах». Шустрые аферисты организовывали многочисленные фонды «помощи раненым, беженцам и солдатским вдовам». Так, один из общественных комитетов за годы войны сумел реализовать в свою пользу около 40 млн бюджетных денег. Широкую огласку получило «дело Рубинштейна». Банкир Дмитрий Рубинштейн в совершенстве постиг науку не только ограбления государства, но и измены Родине. Поставляя в армию продовольствие по баснословным ценам, он параллельно отправлял в нейтральные страны целые составы зерна и стратегического сырья. Оттуда всё это перепродавалось уже немцам. «Навар» Рубинштейна тянул на многие миллионы долларов и гарантированную расстрельную статью. Дело, инициированное комиссией начальника контрразведки Северного фронта генерала Н. Батюшина, успешно развалилось в силу того обстоятельства, что бизнес дельца «крышевался» не только видными депутатами Госдумы, но и отдельными персонами из ближайшего царского окружения. Вот уж воистину — ничто не ново в этом мире!

Все эти обстоятельства в совокупности создавали почву для возмущения не только в народной среде, но и в среде элит, искренне радеющих о судьбе страны. Тут как тут оказались и либералы с традиционными навязчивыми чаяниями о «демократических свободах». К оппозиционерам примыкали даже отдельные члены государева окружения, преследующие личные корыстные цели.

Ситуацию довершил продовольственный кризис зимы 1917 г., когда начались знаменитые хлебные бунты в Петрограде. Впоследствии стало известно, что дефицит хлеба, по большей части, был создан искусствен-

но. Безусловно, война привела к разорению множество крестьянских хозяйств, и зерна было недостаточно, но ситуацию обостряло повальное чиновничье воровство и активность спекулянтов, придерживающих хлеб до поры настоящего голода. Перебои в снабжении возникли не только в Петрограде, но и в ряде крупных губернских центров. Чиновник Министерства земледелия писал в те годы:

«Член Совета Министров заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято на предприятиях, обслуживающих оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия... А бумаги всё поступают и поступают: там по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов».

На почве голода участились случаи самоубийств.

Вот таким, предельно простым способом можно обрушить весь механизм государственной власти. Сразу вспоминается ситуация начала 90-х прошлого века, когда с прилавков разом исчезли не только продукты питания, но и такие предметы, как мыло и стиральные порошки. В то время, когда люди давились в очередях, чтобы отоварить талоны, на подъездах к Москве стояли заблокированные фуры и железнодорожные составы с продуктами и другими жизненно необходимыми товарами. Надо отдать должное организаторам: в выборе средств и методов они себе не изменяют на протяжении веков.

Разумеется, на фоне всего вышесказанного, приписывать все беды февраля 1917 г. масонам или проискам западных идеологических диверсантов было бы чрезмерным упрощенчеством. Ведущую роль в развале государственности, безусловно, сыграло либеральное разложение элит, неизбежно происходящее при малейшем ослаблении централизованной власти. Можно без преувеличения сказать, что 1905 г. сломал хребет российской монархии. Отсюда и берет начало вся управленческая стратегия Временного правительства и его кадровый состав. Формирование происходило по чисто еврейскому принципу — «свой-чужой», а отнюдь не по деловым и моральным качествам.

А. Я. Гальперн⁴⁹ писал:

«Большую роль играли братские связи в деле назначения администрации в 1917 году на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или на какой-либо другой видный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор».

---

⁴⁹ Александр Гальперн (1879–1956) — российский политический деятель, меньшевик.

В. И. Старцев⁵⁰ в работе «Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции» перечисляет имена 44 масонов, назначенных на руководящие должности в правительстве.

Еще одной крупной проблемой стала прогрессирующая грызня внутри самого братства. Причиной тому явилась не только карьерная, а попросту — «шкурная» конкуренция, но и состав братии как конгломерата различных политических течений. В. А. Оболенский⁵¹ писал:

«Вражда между братьями в это время была настолько сильна, что я, например, состоя председателем одной из петербургских лож, не мог созвать после Февральского переворота ни одного ее собрания, ибо члены моей ложи просто не могли бы сесть за один стол».

Однако эти коллизии не помешали споре временщиков придерживаться единой стратегии относительно будущего империи. Много позже, в 1953 г., в интервью французскому журналисту А. Ф. Керенский вспоминал:

«Мы восстановили независимость Финляндии. Она была аннексирована Россией в ходе наполеоновских войн и вошла в империю в качестве независимого государства, заключившего союз лично с императором. Временное правительство немедленно вернуло Финляндии все права, при одном-единственном условии: независимость Финляндии должна быть принята Учредительным собранием. Одновременно мы провозгласили независимость Польши. Начал разрабатываться режим предоставления независимости для прибалтийских стран и Украины».

Надо хорошо знать обстановку тех лет, чтобы отдавать себе отчет, что перечисленные выше сепаратистские намерения являлись лишь первым шагом на пути к расчленению России. Смена эпох, исторических персоналий, международной политики никак не влияет на либеральную генеральную линию. Перефразируя Столыпина, можно утверждать, что во все времена главная цель либералов — путем великих потрясений уничтожить великую Россию.

Февральский государственный переворот с восторгом был встречен на Западе. Френсис Берти, британский посол во Франции, писал:

«Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и *религии*, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д. сколько бы их удалось *сфабриковать*, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку».

---

⁵⁰ Виталий Старцев (1931–2000) — советский и российский историк, специалист по истории России начала XX века. Доктор исторических наук, член-корреспондент РАО.

⁵¹ Князь Владимир Оболенский (1869–1950) — общественный деятель, кадет, депутат Государственной думы I созыва.

Как и в 1991 г., в 1917-м события развивались по западному сценарию, и неважно, был ли он детально прописан или не был. Важно, что он реализовался. Как в начале века, так и в его конце «пятая колонна» изменников — сознательных или марионеток — действовала как под копирку. Характерно, что Запад даже не заботился о соблюдении хотя бы внешних приличий. Уже в марте, в абсолютно рекордные сроки, Временное правительство признали САСШ, затем Англия и Франция, а вслед за ними и целый ряд государств, европейских и не только. Комментарии излишни.

Личность последнего императора и по сей день порождает горячие дискуссии. Мы не будем принимать во внимание аргументы сторон, они противоречивы и во многом спорны. Недоумение вызывает лишь факт канонизации. Коронация, помазание на царство есть акт, подобный присяге, но значительно более ответственный, потому что совершается непосредственно перед Богом. Таким образом, отречение есть не что иное, как клятвопреступление в наитягчайшей его форме. Однако и сам факт отречения неоднократно подвергался и подвергается по сей день сомнению. Существует официальная версия, что Николай собственноручно отпечатал текст под копирку в нескольких экземплярах, после чего на каждом листе поставил подпись. Более поздняя экспертиза установила полную идентичность подписи на всех экземплярах, что с точки зрения графологии невозможно. Но так или иначе факт свершился. В июле 1918 г., через три дня после расстрела, патриарх Тихон в проповеди обозначил «суть духовного подвига»:

«Мы знаем, что он, отрекшись от престола, делал это, имея в виду благо России и любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе».

Заявление более, чем спорное. Отказаться от управления вверенной тебе Богом страной, а фактически бросить ее на растерзание темным силам — благо весьма сомнительное, а проще говоря — элементарное малодушие. Перспектива спокойной жизни за границей также не просматривалась. Николай просил разрешения у Временного правительства на выезд в Англию и не встретил возражений, однако получил отказ Георга V с довольно-таки туманной формулировкой. Аналогичный отказ последовал и со стороны Франции.

Трагическая гибель императора вызывает к нему чувство человеческой жалости, но никак не уважения. Его гибель явилась банальным политическим убийством, но ни в коей мере не мученической смертью за Христа. В 2000 г. на Архиерейском соборе РПЦ митрополит Нижегородский Николай (Кутепов) высказался с предельной прямоотой:

«Когда все архиереи подписывали канонизационный акт, я пометил около своей росписи, что подписываю всё, кроме третьего пункта. В третьем пункте шел царь-батюшка, и я под его канонизацией не подписывался...

он государственный изменник...он, можно сказать, санкционировал развал страны. И в противном меня никто не убедит».

Вообще, вся история с канонизацией не более, чем дань политической конъюнктуре 90-х гг., когда во всеобщей вакханалии слились либералы, монархисты, Церковь и масса других политических течений.

У Константина Бальмонта есть пророческие строки:

«Кто начал царствовать Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот»

Некоторые склонны рассматривать акт отречения Николая как подвиг. Но так ли это? Отречения добивались именно те слои элит, которые ратовали за «прогресс» и поворот русской истории в сторону «просвещенной» Европы. Необходимо принимать во внимание, что большевиков как весомой политической силы тогда и в помине не было. Лукавый призрак демократии уже не просто бродил, он свободно разгуливал в среде российских элит, разлагая основы государственности.

Процедура канонизации или венчания на царство сопровождается миропомазанием. Почему венчание? Сам термин недвусмысленно объясняет, что новоиспеченный государь навечно обручается со своим народом и государством, как супруг с супругой. Миропомазание же — древний ветхозаветный обычай, означающий ниспослание человеку даров Святого Духа. Таким образом, восшествие на престол — акт двойной ответственности монарха — перед народом и перед Богом. Помазание есть благословение, а благословение — обязанность нести послушание. Обычный человек может отказаться от послушания только с благословения своего духовника, царь же принимает послушание от самого Бога, и, кроме Бога, никто не вправе освободить его от этой духовной ноши, поэтому акт добровольного отречения это — отнюдь не подвиг, а поступок сродни отступничеству или клятвенному преступлению. Отречение от земной власти, имеющей источником власть Божественную, равнозначно отречению апостола Петра. Так, в сталинские времена сыновья отрекались от отцов, дабы сохранить перспективы, карьеру, иногда — и саму жизнь. Сохранявшие верность сыновнему долгу, лишались будущего, шли в лагеря. И это был подлинный гражданский подвиг. Искуситель, в лице партийных и государственных органов, ставил этих людей перед выбором точно так же, как поставил перед выбором Николая. Но у них на кону стояла честь и ответственность перед отцами. У Николая на кону стояла ответственность за страну и народ. И он их попросту сдал в обмен на жизнь, забыв о главном: «С креста не сходят. С креста снимают».

Защитники Николая постоянно повторяют, что он не мог предвидеть всей тяжести последствий своего решения, движимый лишь благородным стремлением избежать бессмысленного кровопролития. Но потенциальное кровопролитие ни в коем случае не стало бы бессмысленным. Оно потеряло свой смысл именно после отречения. Лишение человека смыслов и целей — вот главная цель и средство искусителя, и он ее успешно достиг.

Защитники Николая постоянно напоминают, что народ первым от него отрекся. Но что есть народ? Что можно считать народом, а что толпой? Всегда есть народ, и всегда есть толпа. Даже если толпа преобладает, народ всё равно остается. «И сказал Господь: если я найду в Содоме пятьдесят праведников, то я ради них пощажу всё место сие». Николай не ощущал отринутых им праведников. Он ощущал толпу.

Г. Лебон писал:

«Не трудно внушить толпе какое-нибудь преходящее мнение, но очень трудно утвердить в ее душе прочное верование, и также трудно уничтожить это последнее, когда оно уже установилось. Изменение таких установившихся верований достигается чаще всего лишь при помощи очень бурных революций, да и те в состоянии произвести это только тогда, когда верование почти совсем уже потеряло свою власть над душами. Революция же окончательно сметает то, что и так уже совсем расшатано, но держится лишь благодаря привычке; поэтому-то начинающаяся революция всегда знаменует конец какого-нибудь верования. Не трудно распознать тот день, когда какое-нибудь великое верование отмечается печатью смерти. Это бывает тогда, когда оно подвергается обсуждению, так как всякое общее верование представляет собой только фикцию, которая может существовать лишь при том условии, чтобы ее не подвергали исследованию.

Очень трудно установить общее верование, но когда оно установлено наконец-то, сила его долгое время бывает непреодолима, и как бы ни были ложны его философские основы, все-таки даже самые просвещенные умы подчиняются ему».

Утрата верований — это утрата смыслов и целей. Революция — поиск новых смыслов. Верования расшатываются не только силами ниспровергателей. Они расшатываются бездействием властителей. Нет смысла верить в того, кто не хочет тебя знать, а Николай не знал своего народа.

И последнее. Сама формулировка «расстрел царской семьи» неправомерна. В ипатьевском доме произошел расстрел семьи «гражданина Романова», как его называли будущие палачи. После отречения, государем он уже не являлся. Не является он и великомучеником. Мучениками стали его жена и дети, как пострадавшие безвинно. Сам же Николай пал жертвой закономерного возмездия за грех отступничества. Наказания без преступления не бывает.

7

ПОИСКИ И ОБРЕТЕНИЯ

*...должно повиноваться больше Богу,
чем человеку.*

Деян. 5: 29

*Властям предержащим должно повиноваться,
если только этому не препятствует заповедь Божия.*

Свт. Василий Великий,
«Нравственные правила» 79.1

Вспоминая цитату С. Л. Франка, можно добавить, что «крушение кумиров» в России произошло задолго до 1917 г., когда, согласно Лебону, «верование совсем уже потеряло свою власть над душами», а точкой бифуркации стали события 9 января 1905 г. Показательно, но с отменой Временным правительством обязательных богослужений в армии, в храмах появлялось не более 10% солдат. Когда весть об отречении прокатилась по фронтам, ликование не было предела. Отречение само по себе не явилось крушением кумира — Николай не стал им изначально, пребывая в сладких иллюзиях относительно своего народа, с которым сосуществовал в разных бытийных измерениях. Неожиданно обнаружилось, что чувство соборности как основы русской державности народом утрачено и вместе с ним утрачена органическая общность мировоззрения. Утрата нравственной целостности народа неизбежно влечет утрату истинных смыслов и определяет ложные цели, что уже само по себе исключает возможность доверия самодержцу. Понимание гражданского долга в религиозном смысле исчезает, подменяемое гордыней и безверием. Именно поэтому русская соборность всегда была основным препятствием на пути искusstеля. На Руси понятие соборности неразрывно связано с понятием державности, основанной на чувстве гражданского долга и патриотизма, что всегда побуждало сознательного члена общества исполнять добровольное служение.

В своих заблуждениях относительно народа Николай не был одинок. В его мировосприятии, как в капле воды, отразились общие заблуждения русской интеллигенции. А поскольку «судьбу нации определяет ум интеллигентский», то судьба России и не могла быть иной. Особенности, качество и роль русской интеллигенции мы уже рассматривали в предыдущих главах, повторяться нет смысла, коснемся лишь общих тенденций в представлениях интеллигенции предреволюционной.

Пожалуй, главным заблуждением образованных сословий (кстати, составлявших чуть более 3 млн человек) было самонадеянное убеждение, что невежественная и к тому же озлобленная крестьянская масса пойдет за новоявленными либеральными вожаками. Та печальная реальность, что нигилизм низов уже почти не уступал нигилизму элит, во внимание не принималась по причине банальной неосведомленности. Наряду с этим, образованные слои пребывали в уверенности, что хорошо знают чаяния низов, а главное — имеют представления о способах удовлетворения их нужд и интересов. Либералы, ничтоже сумняшеся, намеревались загнать многомиллионную крестьянскую толпу, в которой лишь 4 % имели хоть какое-то начальное образование, в демократию, о которой эта толпа не имела даже теоретического представления. В среде интеллигенции почему-то еще сохранялось видение народа как свято чтящего православные нормы бытия, основанные на высокой нравственности и духовности, что в очередной раз подтверждает как «страшно далеки они были от народа». Почему-то никому не приходило в голову, что актуальные в Европе теории, насильственно насажденные на архаичную российскую почву, неизбежно дадут всходы-мутанты, как уже имело место быть в петровскую эпоху. И, наконец, странная уверенность, что после всех задуманных преобразований интеллигенция сумеет сохранить привычное привилегированное положение.

М. Бакунин в 1873 г. писал:

«Главный порок ученого — это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он делается самым несносным тираном... Быть рабами педантов — что за судьба для человечества! Дайте им полную волю, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками и собаками».

А почва для опытов имела самая благодатная. На рубеже XX в. население России, получившее начальную грамотность, составляло 20 %. К 1913 г. грамотность составила 54 % у мужчин и 26 % у женщин, то есть уровень грамотности соответствовал уровню Европы XVIII в. Количество студентов было в 10 раз меньше, чем в ведущих западных странах. Численность высокообразованного слоя составляла чуть более 2 %.

В. Ключевский в 1911 г. писал:

«Средства западноевропейской культуры, попадая в руки тонких словес общества, обращались на их охрану... усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины — на бессмысленном управлении».

Для более четкого и объективного представления о состоянии грамотности народа воспользуемся выкладками В. И. Покровского — земского статистика, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Исследования проводились в 1911 г. и охватывали все слои населения. В дополнение приведем поправки на период до 1917 г.

Объектами изучения стали 12 губерний Европейской России в период с 1908 по 1913 г. В результате установлено, что количество грамотных составляло 24–25% общей численности сельского населения, при этом данный показатель колеблется по отдельным губерниям от 14,8% в Пензенской до 41,7% в Московской. Показатели расхождения между мужчинами и женщинами составляли соответственно 38% и 9%, из чего следует, что 9/10 женщин российской деревни грамотой не владели. В целом к 1913 г. 3/4 сельского населения были неграмотны.

Несколько по-иному выглядела ситуация в городах: грамотных — 54% мужчин и 35% женщин. Наиболее высокий процент наблюдался в возрастных группах 10–19 и 20–29 лет соответственно. При сопоставлении данных выясняется, что за 25 предшествующих лет рост грамотности крайне незначителен. Одна из причин тому — специфика увеличения городского населения за счет притока из сельской местности. В. Михайловский — руководитель отдела демографической статистики — в «Известиях московской городской думы» опубликовал статью «Грамотность населения Москвы», в которой привел интересные данные:

«Коренное московское население, родившееся в столице и в ней проведшее всю жизнь, отличается весьма высоким уровнем грамотности: в возрасте от 8 лет и старше грамотно более 9/10 коренного мужского населения и более 4/5 женского. Напротив, в пришлом населении грамотность развита гораздо слабее; из пришедших мужчин неграмотно более 1/4, а среди пришедших женщин наблюдается даже ужасающая безграмотность: 3/5, а в старших возрастах 3/4 пришедшего женского населения не умеют ни читать, ни писать. В общем, коэффициент безграмотности пришедшего населения с лишком в два с половиной раза выше коэффициента безграмотности коренного населения Москвы».

При этом пришлое население значительно превышало население коренное. В Петербурге эта разница была еще более значительна.

Немногом отличалась и ситуация в армии. В 1913 г. 32,2% военнослужащих были неграмотны. Обучение солдат грамоте стало обязательным

лишь в начале XX в. Основной мотивацией к этому начинанию явилась опубликованная в «Военном сборнике» от 1902 г. «Объяснительная записка к проектам положений об обучении нижних чинов», в которой, в частности, говорилось:

«По общим отзывам компетентных практиков дела, надежнейшие и наиболее желательные унтер-офицеры — это бывшие землепашцы, сохранившие еще в себе зачатки семейной дисциплины, постепенно исчезающей уже в городах и фабричных районах. Но так как большинство таких новобранцев, происходящих обыкновенно из глухих уездов, неграмотны, то на помощь, для открытия им дальнейшего служебного движения, должны прийти войсковые школы, значение которых окажется тогда громадным».

Качество обучения в начальных народных школах не выдерживало никакой критики. В отчетах Министерства просвещения отмечалось:

«Огромное число наших народных училищ должно довольствоваться полуграмотными учителями; полное обеспечение в материальном отношении, кроме школ Министерства народного просвещения, имеют только сравнительно немногие училища, содержимые земствами, обществами и частными лицами; в значительном же большинстве земские, общественные и другие школы получают весьма ограниченное содержание, а церковно-приходские школы нередко остаются и без всякого содержания. Поэтому школы этого рода, составляющие большинство, не могут иметь ни хороших учителей, ни необходимых учебных пособий, ни даже сколько-нибудь сносного помещения».

Перекосы в стратегии просвещения, инициированные К. Победоносцевым, привели к тому, что число учащихся в школах Министерства народного просвещения к началу XX в. увеличилось лишь на 27%, так как основной упор делался на церковно-приходские школы. Учитывая качество преподавания, приходится констатировать чрезвычайную отсталость образования, кроме того, численность неучащихся вообще составляла 65% от общей численности детей школьного возраста. К. П. Победоносцев утверждал: «Церковно-приходские школы, по самим условиям существующего в них обучения и надзора, представляют собой гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ, и поэтому заслуживают со стороны правительства поддержки и поощрения».

Вся беда в том, что это так и осталось лишь декларацией.

Тем не менее за период с 1884 по 1914 г. число учащихся в этих школах возросло со 100 тыс. до более чем 2 млн. После революции 1905 г. удельный вес учащихся ЦПШ значительно понизился, а, если учитывать проводимые правительством чистки в министерских школах, различия в качестве преподавания между ними нередко стирались. Положение учителей начальных школ удручало. В. И. Ленин писал: «Россия бедна, когда

речь идет о жаловании народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям и тому подобное».

Ну, не зеркало ли сегодняшней России?!

О состоянии среднего и высшего образования можно судить по текстовому обзору материалов переписи населения 1897 г.:

«С образованием выше начального во всей империи находилось только 1,102 %. В частности, среди лиц мужского пола было 1,359 % и 0,847 % — среди женщин. Надо иметь еще в виду, что приведенные цифровые величины не указывают исчерпывающим образом численность лиц, действительно закончивших свое образование, а они лишь свидетельствуют, что столько-то из них обучалось в тех или других заведениях, а сколько из них окончило неизвестно».

Вот такая веселая картина предреволюционной России глазами современников. В свете вышесказанного становится очевиден откровенный цинизм либералов, вознамерившихся насадить в неграмотной, полудикой стране принципы парламентаризма и лубочной демократии. Не может вызывать сомнений, что целью ставилось утверждение элитаризма в его худших формах. Каким бы ни было отношение к большевикам, но факт упрям и неоспорим: в СССР в кратчайшие сроки осуществилась ликвидация вековой неграмотности. К 1939 г. количество лиц со средним образованием достигало 13 178,8 тыс. человек, а с высшим — 1 080,1 тыс.

Что могла предложить народным массам Февральская революция? Ликование в связи с отречением императора вызывалось не горячей поддержкой либеральных вожakov, а всего лишь невыносимой изможденностью народа и истощением его духовных и физических сил. Бессмысленная война, бесцельное кровопролитие, мерзость запустения на земле и в душах — всё это явилось той платформой, на которой формировались новые смыслы и цели. Люди очень скоро поняли, что либералы не могут их предложить, поэтому большевики в октябре действительно подобрали власть, «валявшуюся под ногами». Они сознавали смыслы и предлагали цели. В работе 1918 г. «О демократии и диктатуре» В. Ленин писал:

«Говорить о чистой демократии, о демократии вообще, о равенстве, о свободе, о всенародности, когда рабочие и все трудящиеся голодны, раздеты, разорены, измучены не только капиталистическим наемным рабством, но и 4-летней грабительской войной, а капиталисты и спекулянты

продолжают владеть своей награбленной „собственностью“ и „готовым“ аппаратом государственной власти, это значит издеваться над трудящимися и эксплуатируемыми. Это значит бить в лицо основным истинам марксизма, который учил рабочих: вы должны использовать буржуазную демократию, как громадный исторический прогресс по сравнению с феодализмом, но ни на минуту не забывайте буржуазный характер этой „демократии“, ее исторической условности и ограниченности, не разделяйте „суеверной веры“ в „государство“, не забывайте, что государство и при самой демократической республике, а не только при монархии, есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим».

Вообще, всё, написанное в этой работе, от первого и до последнего слова, с позиций сегодняшнего дня не может быть оспорено. Если в 1918 г. и позднее, вплоть до 1991 г., ленинские утверждения и могли вызывать возражения, либо по причине отсутствия политического опыта, либо по злонамеренному лицемерию, то сегодня уже невозможно найти хоть какие-то аргументы для опровержения. Демократия всегда была для одних красивой ширмой, для других розовым наркотическим флером, не имеющим ничего общего с реальностью. Утвержденный большевиками режим «диктатуры пролетариата» был, безусловно, честнее, так как не наводил тень на плетень. Ленин беззастенчиво заявлял: «Революционная диктатура есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами».

На самом деле понятие «диктатура пролетариата» абстрактно и не отражает сути явления. Каков процент собственно пролетариата (включая, в данном случае, и крестьян), и процент правящего класса, или элиты? Соотношение как минимум 90 к 10. Так о какой диктатуре может идти речь? Это и есть народовластие в буквальном понимании и подлинная демократия. Другое дело, во что это воплотилось? Результат проведенного эксперимента наглядно продемонстрировал способность демоса к самоуправлению, что уже в который раз доказывает полную несостоятельность этой социальной формации, в каком бы то ни было виде.

Был ли возможен для большевиков другой путь, исключаящий насилие и беззаконие? Вряд ли. По крайней мере, этот возможный путь никому до сих пор неизвестен.

Кто-то однажды точно подметил, что большевики вознамерились построить на земле царство Божие без Бога. Коммунистическая идеология уникальна глубинным сходством с православием. В том, что новая власть носила откровенно богоборческий характер внешне, но в сути своей опиралась на христианские нравственные ценности, есть что-то загадочное. Как бы это ни показалось смешным и нелепым, но тактика действий удивительно напоминает оперативный прием отвлечения внимания противника. Внешне — откровенный сатанизм, поругание святынь, попрание веры, а в основах — человек человеку друг, товарищ

и брат, и как итог — «Моральный кодекс строителя коммунизма», целиком основанный на христианских моральных принципах. Но главным, целеполагающим событием октября 1917 г. стал метафизический поворот в судьбе страны: по гидре либерализма был нанесен сокрушительный удар, на долгие 70 лет законсервировавший и сохранивший национальные православные устои. Кому-то это может показаться бредом и кощунством, но факт неоспорим: власть золотого тельца и религия мамоны были отложены на семь десятилетий. Можно спорить о правильности или ошибочности избранного пути, но Россия безоглядно пошла на отчаянный эксперимент, движимая идеями построения первого в мировой истории справедливого духовного общества, отвергающего гнилую идеологию чрева. Роковая ошибка большевиков — отвержение религии. Не случись этого, такая власть была бы в России необратима. Нынешним честным апологетам либерализма стоило бы понять: ну не принимает Россия добровольно либеральные «ценности», и всё тут! Апологеты нечестные хорошо знают, что навязать эти ценности возможно лишь путем растления умов и манипуляции сознанием, чем с успехом и занимаются уже четверть века, но и сейчас еще не могут отпраздновать окончательную победу.

Никто не станет отрицать, что стране, зависшей в паутине феодализма, требовались перемены, и перемены серьезные. Когда между славянофилами и западниками или современными либералами и их оппонентами заходят споры о путях развития России, то либералы всегда включают привычную шарманку с заученным текстом на тему, что никакого особого пути не бывает, что незачем изобретать велосипед, что «весь цивилизованный мир...», и т.д. и т.п. В общем, как в известном фильме: «Воровать ничего не нужно. Всё украдено до вас». А еще они любят упрекать русофилов в том, что они постоянно наступают на одни и те же грабли. С больной головы на здоровую: кто же именно на них наступает? История постоянно доказывает, что на привычном англосаксонском велосипеде Россия ехать и не может, и не хочет. Ей нужна тройка. Весь вопрос — во что ее запрягать? На протяжении всей истории появлялось немало национальных умельцев по строительству приемлемых экипажей, но всякий раз возникали «велосипедисты», и опять всё летело кувырком. Как ни странно, но они с удовольствием цитируют Ленина: «Русский — плохой работник». Однако кто-то из современников с блеском парировал: «Русский не плохой работник. Русский — плохой раб». Хорошие рабы работают за похлебку, не задумываясь о целях и смыслах. Идут века, и меняется качество похлебки. Раньше это был жидкий бобовый суп. Сегодня это машины, микроволновки и уик-энды с барбекю, в промежутках между тупым, бессмысленным и изнурительным просиживанием в офисах. Рабский труд непроеизводителен — это аксиома. Поэтому современный раб ничего и не производит. Он тупо, по-рабски

выдувает мыльные пузыри виртуальных денежных знаков, не задумываясь о смысле, ведь он работает всего лишь за похлебку и игрушку в виде новомодного гаджета. Русский не может работать без смысла. Если он не видит смысла, он вообще работать не будет. Разрушение смысла для русского человека начиналось всегда, когда его пытались пересадить на велосипед, для российских дорог непригодный.

По своей глубинной сути Октябрьская революция представляла собой явление чрезвычайно русское. В мировой истории до сих пор ни одна из революций не соответствовала в такой мере национальному менталитету. Широко распространено мнение, что большевистская власть имела ярко выраженную антинародную направленность, а национальный состав вожаков приводил к мысли о широкомасштабной иудаистской диверсии, чему есть достаточное количество объективных и документальных подтверждений. Этой темы мы коснемся ниже и попытаемся разобраться в потенциальных мотивациях, впрочем, без особой надежды на успех.

Как уже говорилось выше, все революции в своих предпосылках имеют две составляющие — мотивации лидеров и мотивации масс. Побудительные причины вождей могут быть различны, но движущей силой народа всегда является поиск новых смыслов и целей взамен изжитых и утраченных. Отсюда следует, что в народном восприятии революционное движение представляет собой некое подобие религиозного порыва. Об этом очень точно высказался Л. Н. Толстой: «Одни верят в то, что жизнь не имеет смысла, а другие не верят в это и, наоборот, считают ее исполненной смысла». Характерно, что в числе первых преимущественно представители западной философской школы, такие как А. Камю, Н. Гартман, А. Шопенгауэр и, наконец, знамя богоборческой мысли Ф. Ницше. Для них человеческая жизнь всего лишь «маятник между скукой и страданием», иллюзия счастья, полная абсурдность бытия. Несмотря на значительный разброс во времени, всех представителей этого направления объединяет пессимистический взгляд на человеческую жизнь как явление. Очевидно, что на формирование их взглядов значительное влияние оказал вездесущий дух протестантизма. Весь уклад православной жизни *целенаправлен* на поиск смысла. По словам князя Е. Трубецкого, вопрос этот мучительный, неизменно связанный с вечной тоской русского человека по самому себе, потому что сопровождается страданием об окружающей кажущейся бессмыслице. «Тот смысл, которого мы ищем, в повседневном опыте нам не явлен и не дан». Человек, размышляющий о жизни, неизменно видит ее как замкнутый в себе порочный круг. Все устремления представляются ему не достигающими цели, возвращающимися к исходной точке и бесконечно повторяющимися. Протестантское, а в особенности кальвинистское, представление о безысходной предопределенности бытия есть тот фундамент, на котором строится

пессимистическая модель существования. Э. Сведенборг⁵², наделенный удивительной способностью *видения*, однажды увидел Кальвина, который, пребывая в аду, осужден вечно писать книгу о предопределении, при этом каждый вновь написанный лист исчезал, и он был вынужден начинать работу заново, и так — без конца.

С.Л. Франк писал:

«...наша жизнь, пребывание на свете и сознание этого факта, вовсе не есть для нас „самоцель“. Она не может быть самоцелью, во-первых, потому, что, в общем, страдания и тягости преобладают в ней над радостями и наслаждениями и, несмотря на всю силу животного инстинкта самосохранения, мы часто недоумеваем, для чего же мы должны тянуть эту тяжелую лямку. Но и независимо от этого она не может быть самоцелью и потому, что жизнь, по самому своему существу, есть не неподвижное пребывание в себе, самодовлеющий покой, а делание чего-то или стремление к чему-то; миг, в котором мы свободны от всякого дела или стремления, мы испытываем как мучительно-тоскливое состояние пустоты и неудовлетворенности. Мы не можем жить для жизни; мы всегда — хотим ли мы того или нет — живем для чего-то. Но только в большинстве случаев это „что-то“, будучи целью, к которой мы стремимся, по своему содержанию есть в свою очередь средство, и притом средство для сохранения жизни. Отсюда получается тот мучительный заколдованный круг, который острее всего дает нам чувствовать бессмысленность жизни и порождает тоску по ее осмыслению: мы живем, чтобы трудиться над чем-то, стремиться к чему-то, а трудимся, заботимся и стремимся — для того, чтобы жить. И, измученные этим кружением в беличьем колесе, мы ищем „смысла жизни“ — мы ищем стремления и дела, которое не было бы направлено на простое сохранение жизни, и жизни, которая не тратилась бы на тяжкий труд ее же сохранения».

Протестантское мировоззрение есть ярчайшее свидетельство тупиковой ветви цивилизации. Это мир без будущего в его космическом понимании, и именно в этом кроются глубинные причины непреодолимого антагонизма с православием. Русский человек не только не хочет, но и не умеет смотреть на мир глазами духовного пораженца. Свидетельством тому философские школы С. Булгакова, С. Франка, Е. Грубецкого. Они утверждали, что поиск смысла в бытийных рамках уже сам по себе бессмысленен. Материалистическое отрицание природы духа неизбежно ведет к безысходности и тупику. При глубоком рассмотрении, оба извечных вопроса русской интеллигенции восходят именно к главному — поиску смысла. Духовные оценки смыслового контекста различны. Кто-то старается избежать размышлений на эту тему, используя различные средства,

---

⁵² Эммануил Сведенборг (1688–1772) — шведский ученый естествоиспытатель, христианский мистик, теософ, изобретатель.

такие как алкоголь или наркотики, что, безусловно, не приводит к разрешению вопроса. Окончательно разочарованные и отчаявшиеся сводят счеты с жизнью. Н. Бердяев считал, что реализация смысла жизни возможна лишь в религии, но наряду с этим утверждал:

«В Евангелии нет ни одного слова о творчестве, и никакими софизмами не могут быть выведены из Евангелия творческие призывы и императивы... Актом своей всемогущей и всеведущей воли захотел Творец ограничить свое предвидение того, что раскроет творческая свобода человека, ибо в этом предвидении было бы уже насилие и ограничение свободы человека в творчестве... Закон начинает борьбу со злом и грехом, искупление завершает эту борьбу, в творчестве же свободном и дерзновенном призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творенье Божье... Цель человека не спасение, а творческое восхождение, но для творческого восхождения нужно спасение от зла и греха... Обычный христианский ответ, что цель человека — жизнь в Боге, не может удовлетворить, он слишком общий и формальный».

Именно поэтому и появляются люди, стремящиеся изменить земную жизнь, согласно своим представлениям. Так появляются реформаторы и революционеры. Русский христианский публицист и богослов Владимир Марцинковский писал: «В Москве в годы революции я спрашивал ее борцов: „Зачем живет человек?“ „Чтобы бороться!“ — отвечали мне. „А зачем бороться?“ — „Чтобы жить!“. А. П. Чехов формулировал предельно кратко: «Смысл жизни в борьбе». Представляется, что это определение, как никакое другое, выражает сущность человеческого предназначения. С. Франк считал, что необходимым условием надления жизни смыслом являются существование Бога и наша причастность к нему. По здравому размышлению с этим трудно не согласиться. Но можно осмелиться предположить, что человек в качестве сытой, умственно ленивой, тупой и индифферентной скотины Богу не интересен. Поэтому «конец истории» по Фукуяме мало реален. Провидение всегда чем-то наказывает за это. Тезис Ф. Ницше «Бог умер» привел в результате к наказанию безумием — «когда Бог хочет наказать — он отнимает разум».

Толкование понятия «борьба» чрезвычайно обширно. По большому счету любая борьба — это, прежде всего, борьба с самим собой, с собственными слабостями и несовершенствами. Революционная борьба предполагает переустройство общества не только в социальном аспекте, но и в духовном, моральном. Устремленность к духовному росту — постоянная борьба с собственными слабостями, искушениями, страстями. Например, пострижение в монахи, а тем более в великую схиму, есть грандиозный личный духовный подвиг. Таким образом, каждая жизнь, наделенная смыслом, неразрывно связана с борьбой. Патриарх Кирилл сформулировал свое понимание смысла жизни следующим образом:

«Бог преопределил мир к безграничному развитию и совершенствованию. Каждый из нас должен быть соратником Богу в этом великом деле... Соработничество Богу — вот смысл жизни. В первую очередь это совершенствование самого себя — умственное, духовное, физическое».

В свое время Е. Трубецкой предвосхитил выводы патриарха о свободном, осмысленном соработничестве:

«Если бы человек не мог бороться против Бога, он не мог бы быть Ему и другом. Другом может быть только существо, свободное дать или не дать свое согласие, могущее отдаться Богу или противиться Ему. Если бы не было у человека этой способности сопротивления, его подчинение Богу было бы недобровольным. Оно было бы действием пассивного орудия, а не друга. Откровение этой истины запечатлено в замечательном библейском рассказе. Избранным народом Божиим становится не народ-невольник, а Израиль — народ, боровшийся с Богом. Оно и понятно. Могущественною, творческою, полною может быть только та любовь, которая преодолевает собою беспредельную силу сопротивления. Любить Бога действительно, активно может только тот, кто способен действительно Ему сопротивляться. Если бы человек не мог отпасть от Бога, он не мог бы быть и союзником Божиим, он не мог бы внести в единение с Богом ничего своего, никакой самостоятельной человеческой силы. Тогда бы не было и Богочеловечества, а было бы одностороннее действие Божества при полном безучастии человеческого естества и человеческой воли».

Н. Бердяев утверждал, что смысл человеческой жизни всегда лежит в Боге, а не в мире, и жизнь имеет смысл лишь постольку, поскольку существует смерть, свидетельствующая о том, что предназначение человека лежит в высшей, внебытийной плоскости. В то же время Э. Фромм считал, что, стремясь к реализации смысла, бытийный человек посвящает себя любви, творчеству, самоотдаче, самопожертвованию, служению людям, и только такая личность полностью реализует себя.

Е. Трубецкой в фундаментальном труде «Смысл жизни» значительное внимание уделяет мировоззренческой позиции обывателя, на примере которого убедительно показывает болезненность бытия. Для него жизнь — нескончаемая бессмысленная суэта и «разрушение иллюзии смысла». Ярко иллюстрирует такую позицию Ф. М. Достоевский в диалоге Ивана Карамазова с чертом, где вся вселенная в представлении лукавого изображена как нескончаемая «сизифова работа».

На первый взгляд, откровенно богоборческими могут показаться слова из первого послания Иоанна:

«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего».

И в самом деле, как можно не любить мира, сотворенного Богом? Тем более что далеко не всё в мире — похоть и гордость. Казалось бы — непри-

крытая ересь. Цитата эта толковалась и богословами на протяжении веков, толкуется Церковью и поныне, но никогда еще ее смысл не был так актуален, как сегодня, в начале XXI в. Действительно, постиндустриальное общество, да и вся философия постмодерна демонстрируют и бессмысленную суету, и разрушение иллюзий. Сегодня, как никогда ранее, понятно, что любить этот мир может только тупое жвачное животное под названием «потребитель». Он любит этот мир постольку, поскольку имеет возможность удовлетворять свои материальные и физиологические потребности. Если эти возможности по каким-то причинам пресекаются, приходит разочарование, граничащее с отчаянием. При возможностях неограниченных наступает пресыщение, приводящее, опять же, к разочарованию и утрате иллюзий. Надо полагать, что слова Иоанна были и провидческими, и уже в то время власть мамоны приобретала достаточно широкое распространение. Проходят века, и всё актуальнее становится мысль Е. Трубецкого:

«В государстве протекает вся человеческая жизнь, и от государства человеку уйти некуда. Вследствие необходимости защищать свое существование с оружием в руках, оно требует от человека полного напряжения всех его сил; оно стремится подчинить себе без остатка всего человека со всеми его стремлениями и помыслами, поработая его, еще более закрепляет подчинение его духа началу биологическому. Борьба народов происходит из-за материальных благ, из-за новых территорий, рынков и иных материальных выгод. Отсюда — неизбежно присущая государству тенденция утверждать эти блага как высшие в мире, подчинять духовное экономическому. Когда подвиг сверхчеловеческого героизма, духовный подъем любви к родине и, наконец, высшая жертва любви — жертва собственной жизнью, миллионами человеческих жизней, требуется для того, чтобы одно государство наживалось на счет другого, — несоответствие между тем, что государство дает человеку, и тем, чего оно от него требует, бросается в глаза; ибо здесь ради материальной ценности приносятся в жертву то, что бесконечно дороже всяких товаров, рынков и территорий. Но высшее из всех возможных зол государственной жизни заключается вовсе не в этом несоответствии, а в присущей государству тенденции — извращать самый духовный облик человека. Биологизм, доведенный до последней, предельной своей черты, незаметно и естественно переходит в сатанизм. Когда царящее в мире зло одухотворяется, когда закон борьбы за существование утверждается не только как факт, но как норма, которой все человеческое должно подчиняться, наша человеческая действительность становится чрезвычайно похожей на ад. Посмотрите на эти вооруженные с ног до головы государства, ощетинившиеся друг против друга и периодически заливающие мир кровью! Разве они не представляют собою жуткое напоминание о допотопных, давно исчезнувших чудовищах! И разве эти демонические фигуры борющихся

между собою великих Левиафанов не говорят нам, в сущности, о том же, что фигуры чертей в аду? Нет в мире человека, есть усовершенствованные ихтиозавры и орангутанги, с их вечно повторяющейся, отвратительной свистопляской!»

Примерно так же размышлял и С. Франк:

«Государство, политическая власть, принуждение — всё это есть роковая земная необходимость, без которой человек не может обойтись. Всё это есть, с одной стороны, условие человеческой жизни, а следовательно — условие благой и осмысленной жизни, а с другой стороны — нечто с точки зрения последнего смысла лишь производное и потому второстепенное».

Трубецкой исследовал тему нескончаемых духовных мук человека, связанных с «роковым раздвоением» между поиском смысла и окружающей его бессмыслицей. В условиях всё усиливающегося духовного рабства, кризиса мировой культуры, деградации человека, он всё же усматривал «властный призыв к иной, лучшей жизни, стыд за себя и за других, и тот беспощадный суд совести, который свидетельствует, что есть в человеке что-то, что возвышается над его падением, есть неистребимое влечение к смыслу вопреки преобладающей силе бессмыслицы».

С позиций сегодняшнего дня эти мысли кажутся канувшим в лету идеализмом. Эпоха постмодерна — эпоха утраченных смыслов — уже не оставляет места для иллюзий. Комфорт, удобство, сытость есть не что иное, как убаюкивающий мираж, парализующий духовные силы. Трубецкой считал, что для пробуждения необходимы страдания и разрушающие иллюзии бедствия, а духовный подъем возникает в периоды тяжких испытаний. В сегодняшнем мире нет недостатка ни в страданиях, ни в бедствиях. Может, это и есть те уроки, которые дает человеку Бог? Но уроки почему-то плохо усваиваются. Пример тому — арабское нашествие в Европу, инициированное современными сатрапами Просветителя. Можно было бы как-то оправдать массовый исход из растерзанных войнами стран женщин, детей и стариков. Но повальная миграция молодых дееспособных мужчин в благополучную Европу оправдания не имеет. Они не хотят ни за что бороться, защищать свои дома и семьи, отстаивать идеалы и принципы. Они хотят только потреблять, и желательно — не давая ничего взамен. Видят ли они смысл жизни в Боге? Большинство мусульман — глубоко верующие люди, сохраняющие традиции, чтящие догматы, в отличие от нынешних псевдохристиан. Но, почему-то, приверженность божественному не наполняет их жизнь другим, кроме потребительства, смыслом.

Люди всё реже задумываются о тайне своей жизни, и поэтому не происходит никакого нового этического самоутверждения. Признание исключительно осязаемой материи рано или поздно приводит в тупик, где властвует отчаяние и безысходность.

Вновь обращаясь к И. Ильину, приходишь к выводу, что при постановке во главу угла вопроса не «как жить?», а «зачем?», сводится на нет важность второго. Действительно, если смысл определен, то «как?» уже теряет актуальность. Н. О. Лосский⁵³ видел наиболее характерной чертой русского человека его глубокую религиозность, когда понимание предназначения, пути и цели закладывается в душу на генетическом уровне. Отсюда и уникальная способность к восприятию религиозного, нравственного и этического опыта. Анализируя различные эпохи истории Руси, Лосский приходит к выводу, что подлинный смысл человеческой жизни раскрывается именно в православной традиции; всякий другой смысл либо относителен, либо ложен. Он был убежден, что истинная вера способна возрождать в человеке желание воспитать собственную душу для жизни вечной. Человек, проникшийся верой, ощущает себя на земле временным явлением, неким гостем, предназначение которого вернуться на небо, в вечную жизнь с Господом. «Не любите мира, ни того, что в мире...» Но человек и так не отмечен любовью к этому миру. Он относится к нему потребительски и живет так, что «после меня — хоть потоп». Как-то не очень верится, что Богу безразлично, что человечество творит с планетой. Воспитание души и жизнь во Христе — понятия неоспоримые, но нелюбовь к миру никак не согласуется с постулатом «Бог есть любовь», пусть даже и мир этот утратил божественные основы. Марксизм, отвергая религиозный смысл жизни, тем не менее выдвигает неизменным условием активную деятельность по усовершенствованию именно этого мира, постулируя при этом ценности, ни в чем не противоречащие христианским. Совершенствуя, по мере сил, и сам мир, и общественные отношения, человек также совершенствует свою душу и формирует в себе этические и моральные принципы.

Вопрос смысла жизни всегда был основополагающим для большинства серьезных философов. Ответ на него либо находили, либо нет, но главным в методологии поиска оставалась мировоззренческая позиция исследователя. Большинство векторов поиска носило религиозную направленность и приводило к метафизическим определениям. Слабым местом в этом комплексе изысканий являлось его многообразие и отсутствие конкретики. Кроме того, сложность философских построений требовала предельной концентрации мысли и значительных интеллектуальных и духовных усилий, поэтому доступность выводов ограничивалась узкой группой масштабных умов. Основная же масса человечества если и задумывалась о неких высших смыслах, то эпизодически, под влиянием определенных внешних обстоятельств.

---

⁵³ Николай Лосский (1870–1965) — русский мыслитель, представитель русской религиозной философии, один из основателей направления интуитивизма в философии.

Принято считать, что существующая изначально религиозная парадигма сложилась из врожденного трепета первобытного человека перед силами природы, объяснение которым проще всего было найти в области божественных промыслов. Нам не дано знать, какими путями шло развитие предыдущих цивилизаций и какими смыслами и целями руководствовались они, но цивилизация нынешняя еще задолго до возникновения христианства искала ответы исключительно в метафизической сфере. Так продолжалось до тех пор, пока Просветитель не начал активное внедрение новой теории — материализма. Все прежние теории, начиная с языческого многобожия, не отвечали его главной задаче — признанию за ним права на абсолютную истину. Для этого требовалось отвлечь человека от поиска высших смыслов путем лукавого внедрения смыслов ложных. Эпоха Просвещения стала поистине звездным часом Просветителя. При посредничестве адептов новой веры человеку объяснили, что окружающий его мир есть творение некой абстрактной «природы», которая создала его спонтанно, подобно урагану, промчавшемуся по авиационной свалке и случайно собравшему самолет. Материю поделили на две категории — живую и неживую, а всё выходящее за рамки определили понятием «сверхъестественное». Изначальная бессмысленность явлений природы лишала смысла и всё от них производное, а человек, исключаясь, по сути, из общего контекста творения, наделялся полномочиями Бога. Материализм, в том виде, в каком он был преподнесен, представлял собой такую же религию, но более доступную для примитивного восприятия и чрезвычайно прельстительную. Как протестантизм явился предтечей власти денег, так и материализм стал надежной основой власти Просветителя. Теперь уже не является откровением, что материально всё, включая человеческую мысль и все виды энергий, а сама материя содержит бесконечное многообразие форм, в том числе и неизвестных еще человеку, поэтому понятие «сверхъестественного» лишено какого бы то ни было смысла. Материализм, поданный в вульгарной форме, отделил науку от религии и тем самым не только затормозил развитие знания, но и направил его по ложному пути, а материально-технический прогресс в рамках парадигмы материализма повлек стремительную деградацию социума. Ничтожно тонкие пласты, вскрытые наукой за многие века ее развития, пробудили в человеке инфантильное чувство непомерной гордыни, не позволяющей осознать величайший обман искусителя, обещавшего ему власть над миром. Таким образом, Просветитель поступил с человеком в точности как действуют «кидалы», которые вместо банковских упаковок с купюрами подсовывают «куклы». Ложное и поверхностное знание оказалось для человека опаснее невежества, и он начал перекраивать мир по собственному произволу, руководствуясь принципами «брать от жизни всё», «живем один раз» и «после меня — хоть потоп».

Трудно винить человека за выбор ложных целей и перевернутых смыслов. Он поддался искушению и грехопадению именно потому, что изначально не был равен Богу. Выстоять перед искушением сумел только Иисус, знавший свое предназначение.

Ложь либерализма обнажается именно посредством его деклараций. С одной стороны, культ абсолютной свободы личности, толерантности, демократии, а с другой — сугубо материалистическая направленность на максимальное удовлетворение личных потребностей, обоснованная этикой протестантизма. Совершенно очевидно, что христианством здесь и не пахнет, а если и декларируется, то — как исключительное лицемерие. В этом аспекте интересен марксизм, открыто исповедующий материализм, но вместе с тем базирующийся на подлинно христианских ценностях. Отвергая вечную жизнь души, он диктует необходимость «прожить жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Честное имя и память потомков — чем не жизнь после смерти.

Но выбор, исключительно религиозный, лишает человека возможности задуматься о своем месте и роли среди людей, его общественная значимость сводится к минимуму. А ведь из принципа жизни ради кого-то или чего-то складывается его реальный шанс на бессмертие. Ведь что такое благодарная память потомков, как не реальное бессмертие? Заблуждение, как марксизма, так и религии, в их взаимном отвержении, так как на самом деле их роднит признание за человеком необходимости реализации творческого потенциала. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в работе «О рассеянной и внимательной жизни» писал, что главная задача творчества — «внутреннее духовное делание», которое невозможно без воспитания внутренней сосредоточенности и внимания, что достигается на начальном этапе в повседневной жизни ревностным исполнением своего гражданского долга. Лишь достигнув сосредоточения и внимательности в жизни мирской, он сможет практиковать эти качества и в жизни уединенной. Таким образом, он указывает на неразрывную связь мирского, материального и духовного.

Большинство отечественных философов скрупулезно исследовали традиции общежития, отличительные черты национального характера, поведенческие стереотипы русского этноса и пришли к выводу, что, несмотря на различия опыта и индивидуального понимания смысла жизни, подлинно русским архетипом была и остается общинность. Сегодня, в условиях утраты жизненных ориентиров, как никогда важной становится актуализация исконно русских, православных ценностей, так ловко подмененных фальшивыми общечеловеческими. Вообще, «общечеловеческие ценности» не что иное, как лингвистический абсурд: ценности не могут быть общими, иначе они — не ценности. Одна из наиглавнейших задач каждого русского человека — вернуть самому себе осознание Богом данной свободы воли, которой его предательски лишили. Только таким

образом возможно каждому реализовать свою жизненную программу, преодолевая сопротивление внешних обстоятельств и всё возрастающую зависимость от них.

На Западе всегда любили порассуждать о «загадочной русской душе», чаще всего не догадываясь, что ответ содержится в самом вопросе, где ключевое слово — «душа». Главным, духовнообразующим качеством русского человека И. Ильин видел «созерцание сердцем»:

«Русская же душа, прежде всего, есть дитя чувства и созерцания. Ее культуро-творящий акт суть сердечное ведение и религиозно-совестливый порыв. Любовь и созерцание при этом свободны, как свободно пространство, свободна равнина, как живой орган природы, как молящийся дух, — вот почему русский нуждается в свободе и ценит ее, как воздух для легких, как простор для движения. Русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы. Это они являются первичными силами и установками русской души, которая задает тон их могучему темпераменту. В качестве вторичных сил выступают воля, осознанная мысль, правовое сознание и организаторские функции».

Расхожий западно-либеральный штамп о рабстве русской природы происходит от объективного непонимания сути евразийского архетипа и субъективной зависти к неизменной, генетической приверженности подлинной свободе и воле. Русский человек не законопослушен. Для него политика, собственность, правовые нормы всегда вторичны, потому что главным оставалась приверженность христианскому православию, утверждавшему совсем иные ценности, такие как главенство духа и примат души. Н. Бердяев отмечал также еще одно специфическое свойство русского характера — его противоречивость в крайних формах, объяснение чему он видел в уникальном слиянии восточного менталитета с западным:

«Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисическая стихия и аскетическое монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безликий коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт».

Н. Лосский дополняет:

«Отрицательные свойства русского народа — экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм... нигилизм...»

Нежелание следовать принципу «золотой середины» — одна из главных проблем русского человека. Побуждением к какому-либо судьбоносному шагу может стать лишь стремление к совершенству, Абсолюту. Питирим Сорокин писал, что «готовность жертвовать своими жизнями, судьбами, ресурсами и благополучием во имя спасения свободы, достоинства и других национальных ценностей» всегда способствовала подъему России. Но, наряду с этим, нередко уходит на второй план радение о дне сегодняшнем, вытесняемое стремлением в светлое будущее.

Отсюда и неприятие органичных для Запада концепций либерализма, правового государства, плюрализма, толерантности. Все эти культурные формы как прежде, так и теперь не находят поддержки ни в среде низов, ни в среде элит и со временем изживают сами себя. Писатель В. Личутин, уделявший много внимания изучению национального характера, пришел к выводу, что для русского «воля выше и желанней свободы». Мечта об устройении своего особого мира справедливости без насилия гнала тысячи мужиков на покорение Сибири и вырабатывала в них терпение, аскетизм, презрение к стяжательству, созерцательность, общинность. На этой почве существовал постоянный внутренний конфликт власти и народа.

Неприятие западничества произрастает из того же стремления к воле, которая чужда демократам изначально. Они довольствуются «кухонной свободой», ограниченной неприкосновенностью частной собственности и буквой закона. Внутри же русского человека постоянно зреет подспудный бунт. И. Ильин отмечал, что внутренняя свобода духа не уживается ни с каким рабским сознанием. Русские на Западе характеризуются как «самый непокорный народ на земле». Английский путешественник, делаясь впечатлениями с А. С. Пушкиным, заметил:

«Знаете, что меня здесь (в России) особенно удивляет? Чистота и свобода русского крестьянина. Понаблюдайте-ка его: можно ли представить себе нечто более свободное, чем его обхождение с нами? Нет ни малейшего следа рабской приниженности в его манерах и речах».

То же читаем и у Н. Бердяева:

«В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россия — страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью... уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России... Странник — самый свободный человек на земле... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника... Россия — фантастическая страна духовного опьянения... страна самозванцев и пугачевщины... страна мятежная и жуткая в своей стихийности».

Пожалуй, главный западно-либеральный козырь — это крепостное право. В предыдущих главах мы уже рассматривали этот вопрос, сейчас внесем лишь некоторые дополнения.

В 1998 г. академик Л. В. Милов опубликовал обстоятельную историческую работу «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», в которой убедительно показал, что крепостное право было единственной возможностью сохранения государственности и самодержавия. Авторитет и компетентность автора, удостоенного Государственной премии, не вызывают сомнений в среде специалистов. Л. В. Милов потратил не одно десятилетие на анализ развития сельского хозяйства России. Опираясь на цифры, он доказал, что суровый климат Центральной России существенно ограничивал возможные сроки полевых работ, поэтому беспашенный период достигал семи месяцев в году. Для сравнения — французский крестьянин располагал десятью месяцами. С учетом воскресений на пашенные работы оставалось не более 130 дней, из которых 30 занимал сенокос. Из 100 оставшихся на непосредственную обработку земли приходилось только 40. У европейского же крестьянина перерыв в полевых работах приходился лишь на декабрь и январь. Плохое плодородие почвы Центральной России давало урожай в несколько раз меньший, чем в той же Франции. За время, отпущенное природой, русский крестьянин обрабатывал не более 2,5 десятин и собирал около 60 пудов зерна. Европейский землепашец обрабатывал в 2 раза больше. Необходимо учитывать, что немалая часть зерна уходила на прокорм скота, который большую часть года проводил в стойле, а не на выпасе. Принимая во внимание, что семье требовалось в год примерно 24 пуда на человека, а оставалось всего от 10 до 17 пудов, становится очевидной вся степень трудозатрат. Климат в России не только суровый, но и непредсказуемый — то засуха, то ненастье, то холода. Перепады температуры и влажности постоянно держали крестьянина под угрозой голода.

Специфика труда формировала особую психологию. Необходимость экономии ресурсов и времени вырабатывала стремление к общинности. Община помогала выжить в неурожайные годы отдельным семьям. Отличительной чертой русского крестьянина был крайний консерватизм, выработанный веками понимания, что любые эксперименты чреватые голодной смертью. Этим же объясняются и знаменитые «картофельные бунты».

На основе многообразия изученных обстоятельств, академик Милов, оперируя конкретными цифрами, доказал, что выживать и развиваться только за счет налогов государство не могло в принципе. Рыночная экономика в этих условиях не работала. Только крупное феодальное хозяйство могло справиться с необходимым объемом полевых работ и, отчуждая прибавочный продукт в пользу помещика, обеспечить внутренний

и внешний рынок зерна. Естественно, что такая система базировалась на сверхэксплуатации и жестком ограничении потребностей самих тружеников. Потребности сохранения государственности в виде содержания армии, чиновничьего аппарата, охраны границ, строительства диктовали кабальные условия существования, как крестьян, так и их хозяев. До появления во второй половине XIX в. рынка рабочей силы любой крупный государственный проект обеспечивался принудительными мерами, в отличие от той же Англии, где рабочие добровольно шли на рабские условия труда за гроши, так как в противном случае рисковали пополнить толпы безработных бродяг.

Но, несмотря на то, что крепостная система всё чаще будоражила умы крестьянской массы, реформа 1861 г. так и не разрешила всех проблем деревни. Провальной оказалась и Столыпинская реформа. Сформированная веками крестьянская социальная психология всячески противилась развалу общины в пользу индивидуального фермерства. На выход и переселение в другие губернии соглашались лишь единицы. Собственность на землю никак не укладывалась в сознание русского крестьянина. Л. Толстой писал:

«Всемирно-историческая задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства земельной собственности. Русский народ отрицает собственность самую порочную — земельную».

И, наконец, необходимо помнить, что крепостными были менее половины всех крестьян, к тому же половина самих крепостных являлись «оброчными». Они могли свободно выбирать место жительства и заниматься предпринимательской деятельностью. Подавляющее большинство купцов и промышленников вышли именно из оброчных крестьян.

Таким образом, можно повториться, утверждая, что крепостное право на Руси не шло ни в какое сравнение с европейским кошмаром.

Выше уже приводилась цитата, что «русский не плохой работник, а плохой раб». Утрачивая высший, метафизический смысл бытия, русский теряет интерес к личному и общественному благоустройству, теряет мотивацию. Поиск приемлемой духовной реальности толкает его подчас на поступки, не соответствующие с логикой, здравым смыслом и общественным опытом. А. Платонов в «Котловане» выводит типично русского героя, признающегося: «У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу, я задумывался на производстве, и меня сократили». Бердяев подмечал неизбежную склонность к философии: «Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера — о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божие». Отсюда же проистекает неприятие буржуазности в любых ее проявлениях. И. Бунин делился личным восприятием:

«Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишество

и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть — даже всякая средняя гостиная с неизбежной лампой на высокой подставке под громадным рогатым абажуром из красного шелка выводили меня из себя».

Отношение к частной собственности как к греху и отступничеству сформулировал Н. Бердяев:

«Душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу — и, верю, никогда ему не поклонится... Русский человек будет грабить и наживаться не чистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью... Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели».

В одной из своих речей В. И. Ленин говорил, что даже зажиточный крестьянин искренне не хотел, чтобы его считали буржуем. Октябрьская революция именно поэтому была так активно принята крестьянством, что декларировала неприятие нетрудового образа жизни как одну из главных заповедей. Характерно, что если раньше были те, кто особой гордостью почитал нетрудовую жизнь, то теперь мораль труда побуждала этого либо стыдиться, либо тщательно скрывать. Отвержение любого проявления барства доходило до курьезов: людям стало неловко пользоваться услугами официантов и носильщиков. Даже само слово «чиновник» приобрело презрительно-уничижительный оттенок, несмотря на то, что все ответственные посты теперь замещались выходцами из народа.

Очевидно, что безусловный успех Октября базируется на полном соответствии большевистских доктрин русскому архетипу. Именно поэтому Октябрьская революция была наименее кровавой из всех известных в истории. Это уже потом «красный террор» и диктатура пролетариата стали ответом на сопротивление реакции. Немалую роль сыграли и последствия Первой мировой войны, приведшей к массовому одичанию. Война развратила народ, выплеснув на поверхность огромный маргинальный слой, видевший в революции «способ отделаться от старых пут, сорвав с нее всё, что можно».

В отечественной истории власть ни одного самодержца не смогла дать народу потребных ему смыслов и целей. Их обретение, в той или иной мере, было достоянием лишь элит посредством народа и за счет народа, который никогда не был целью, но всегда только средством. Может быть, в этом кроется причина всеобщей «дехристианизации» и постепенного обращения в другую веру? Не давал русскому человеку Богоустановленный порядок государственной жизни — самодержавие — надежд на будущее в царстве земном, оттого и Царство Божие казалось чем-то недостижимым и иллюзорным. Ленин сумел сформулировать отношение большевиков к частной собственности в точном соответствии с русскими ментальными принципами:

«Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма. Те и другие, первые и последние — родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, — общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа».

Но всё же антирелигиозная, антицерковная и богоборческая политика большевиков явилась главной стратегической ошибкой Ленина. Здесь вполне применимы слова французского политика Буле де ла Мёрта: «Это больше, чем преступление. Это ошибка». Джордж Лэнсбери⁵⁴ в 1920 г. настоятельно советовал РПЦ объединиться с большевиками для совместной борьбы за «моральный подъем великой нации». Здесь уже ошибка Лэнсбери: советовать нужно было большевикам, за Церковью дело не встало бы, хотя целый ряд иерархов выказывали категорическое неприятие новой власти.

Вообще, несмотря на оголтелую пропаганду и личную позицию воинствующего атеиста Ленина, значительное духовное оскудение масс, генетические христианские принципы были сильны в народе. Можно даже сказать, что на подсознательном уровне они получили новый импульс, по сравнению с последними годами самодержавия. Так, солдат-отпускник просит прислать в деревню «несколько программ и самых влиятельных, с тонкостью доказательств и разъяснений для пробуждения энергии к достижению социализма, *блаженства на земле*». На совещании делегатов от сел и деревень Нижегородской губернии председатель провозглашал: «Стойте же, товарищи, дружно и смело и не сдавайте дорогую свободу, держите крепче и выше трудовое красное знамя, которое скоро взовьется над всем миром, и тогда на всем земном шаре *настанет тот рай, который проповедовал Христос!*» Ассоциации А. Блока в поэме «Двенадцать» так же не случайны, они навеяны общим духовным контекстом времени.

В научной литературе закрепились точка зрения, что в России накануне революции все сильнее обозначалась тенденция «дехристианизации», которая выражалась в пренебрежении к христианскому вероучению и отходу от него в повседневной жизни и поведении. Однако более глубокое изучение вопроса отсылает нас к середине XVIII в., в эпоху Елизаветы. В истории широко не афишируются многочисленные факты откровенного глумления над верой и духовенством, но сохранившиеся свидетельства красноречиво говорят сами за себя. Протоиерей Александр (Рябков) пишет:

---

⁵⁴ Джордж Лэнсбери (1859–1940) — британский левый политик и социальный реформатор, возглавлявший Лейбористскую партию с 1932 по 1935 г.

«В 1750 году помещик Чарторыжский пришел пьяным в алтарь храма села Любятово под Звенигородом и потребовал, чтобы священник уступил место у престола его собутыльнику псаломщику, отстраненному от службы этим священником. На следующий день священник и его дети были биты по приказу этого помещика. В том же 1750 году в Серпуховском уезде, помещик князь Вяземский со своими крестьянами избил священника, который вступил в конфликт с его крестьянином из-за якобы украденной у одного священника лошади. Священник шел для совершения соборования в соседнее сельцо Мокрое, имел при себе дароносицу со Святыми Дарами. Князь Иван Вяземский пнул ногой дароносицу, из которой выпали Святые Тайны, которые и были попраны ногами его и его крестьян. В 1764 году воронежский помещик Елагин, пригласил к себе местных священников с их женами в гости. У себя дома он приказал их раздеть донага и бил священников смертным боем. Выбросив их из дома за ворота, сказал, что сия экзекуция будет повторяться регулярно. В 1770-х годах в Ярославле было громкое дело об исправнике Безобразове, который очень любил бить прохожих на улицах этого древнего города. Под руку ему попался священник, шедший в дом болящего причастить его. Батюшка выставил перед собой сосуд со Святыми Дарами, который доблестный исправник тоже не пощадил».

Корни проблемы в очередной раз уходят в эпоху Петра I, отмеченную кощунственным подавлением национальной культуры и религиозных устоев. Церковная реформа 1863 г. вместо желаемого повышения статуса духовенства вызвала у него недовольство, с одной стороны, а с другой — значительно понизила авторитет Церкви, о чем уже говорилось выше. Митрополит Киевский и Галицкий Арсений в 1862 г. писал:

«Мы живем в век жестокого гонения на веру и Церковь под видом коварного о них попечения». Элиты всё больше отрывались от традиционного духовного уклада, не отставало и крестьянство. М. Е. Салтыков-Щедрин писал:

«Попы в то время находились в полном повиновении у помещиков, и обхождение с ними было полупрезрительное. Церковь, как и всё остальное, была крепостная, и поп при ней — крепостной. Захочет помещик — у попа будет хлеб; не захочет — поп без хлеба насидится. Наш поп был полуграмотный, выслужившийся из дьячков; это был домовитый и честный старик, который пахал, косил, жал и молотил наряду со всеми крестьянами. Обыкновенно он вел трезвую жизнь, но в большие праздники напивался до безобразия. Обращались с ним нехорошо (даже в глаза называли Ванькой). Я помню, что нередко, во время чтения Евангелия, отец через всю церковь поправлял его ошибки. Помню также ежегодно повторявшийся скандал на вечерне Светлого праздника. Поп порывался затворить царские врата, а отец не допускал его, так что дело доходило между ними до борьбы. А по окончании службы поп

выходил на амвон, становился на колени и кланялся отцу в ноги, прося прощения».

Отношение же к духовенству светской интеллектуальной элиты Г. Флоровский охарактеризовал как «поляризацию душевного бытия общества и раздвоение между церковным и мирским средоточиями жизни». В самом начале XX в. хотя и произошло некоторое оживление интереса к религии, но носило оно характер нездоровый, с изрядной примесью мистицизма. Это характерно для периодов, предшествующих смутным временам, что весьма наглядно продемонстрировала новейшая история начала 90-х. А. П. Чехов писал:

«Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее всё дальше и дальше, что бы там ни говорили, и какие бы философско-религиозные общества ни собирались... интеллигенция же пока только играет в религию и, главным образом, от нечего делать».

Причин развития процесса дехристианизации множество, но основной, пожалуй, явилось разочарование различных слоев общества в нравственной позиции Церкви, выразившейся в ее слиянии с госаппаратом. Согласно переписи 1915 г. население России составляло 182 млн человек, из которых 72 % позиционировали себя православными. Православие официально являлось государственной религией и, в отличие от иных конфессий, находилось в привилегированном положении, получая всестороннюю поддержку, в том числе и финансовую. Естественно, это накладывало на Церковь определенные моральные обязательства в виде воспитания у паствы верноподданнических настроений и активной пропаганды самодержавия, превращая ее тем самым в некое подобие идеологического органа. Объяснялось это банальным опасением властей, что независимость Церкви повлечет десакрализацию самодержавия. Но, как это часто бывает, результат получился обратным желаемому, и, по словам современников, уже в начале века «в сфере простого народа, искони бывшего верным началом православия и церковности, замечаются ныне охлаждение к Церкви, оскудение религиозного духа...». Крестьянство, составлявшее примерно 80 % населения страны, в последние годы всё меньше поддерживало как власть, так и Церковь. Сказывался спущенный на тормозах аграрный вопрос: мало того, что крестьяне имели земли вдвое меньше от потребности, но и война привела к крайней степени разорения; мобилизация достигала почти половины трудоспособного населения. Основным достижением Столыпинской реформы явились 76 % хозяйств, перешедших в категорию бедняков. Не удивительно, что разуверившиеся во власти и Церкви крестьянские массы стали прибегать к насилию над помещиками и грабежу усадеб.

В предреволюционный период на всю Россию приходилось около 50 тыс. храмов, что было явно недостаточно, да и те приходы, которые

еще осуществляли хоть какую-то деятельность, находились в плачевном состоянии. Бедность сельского священника, как и учителя, была на грани выживания. Благочинный Саратовской губернии протоиерей Александр (Розанов) вспоминал, как один поставленный на приход священник целый год прожил в полустгнившей избе с потолком, не позволявшим встать в полный рост. Другой священник из-за отсутствия жилья вместе с семьей обитал в местном кабаке, состоящем из двух изб. Еще один батюшка ютился в курной избе, пока не вырыл для себя землянку. Жалованье священника было ничтожно, и существовал он в основном на пожертвования или доходами с выделенной земли. Чаще всего ему выделялись худшие земли: овраги, болота, пески. В казачьих областях, где законы империи не действовали, дело обстояло еще хуже. Вся земля принадлежала войску, которое крайне неохотно ее выделяло священникам из казаков. Иногородние же не получали ее совсем. Неудивительно, что большинство детей духовенства не желали идти по стопам отцов и были крайне негативно настроены по отношению к богачам, аристократии и власти в целом, что и приводило их в лагерь революционеров. Вольнодумным духом пропитались и семинарии. Понятно, что в таких условиях функции духовных пастырей легко перехватывали заезжие пропагандисты и агитаторы. Церковные традиции и обычаи постепенно вытеснялись из быта. В рабочей среде вообще атеизм принял широчайший размах, а учитывая степень влияния пролетариата на народные массы, возрастала и всеобщая радикализация. Интеллигенция создавала кружки «нового религиозного сознания», вдохновляемые идеями Д. Мережковского, В. Розанова, Н. Бердяева. Поскольку костяк этих кружков составляла интеллигенция либеральная, то процесс дехристианизации, выражавшийся посредством критики Церкви, развивался и в этом направлении.

Волна свободомыслия нанесла ощутимый удар по институту брака. Неизвестное ранее в России понятие «гражданский брак» уже со второй половины XIX в. приобрело характер своеобразного пренебрежения православными нормами. Масштаб явления подтверждается числом незаконнорожденных детей, достигшим в Петербурге к концу века 33%. В этом тоже проявилось влияние Европы: подобные отношения были разрешены во многих западных странах.

Беспрюирышным ходом большевиков стали призывы к прекращению четырехлетней Первой мировой войны. Поскольку Церковь в этом вопросе стояла на стороне власти за войну до победного конца, волна антицерковных настроений захлестнула и те слои, которые традиционно считались опорой православия. В огромной степени этому процессу способствовало изменение качественного состава российского общества. Питирим Сорокин писал: «Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их

было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону».

Действительно, войны и революции способствуют так называемой «отрицательной селекции». Всегда, на любой войне первыми погибают лучшие — наиболее смелые, нравственно зрелые, самоотверженные. В Первую мировую морально и физически дефективные особи вообще не подлежали призыву.

Февральская революция, как и любая другая, совершалась не широкими народными массами, а узким кругом жожаков, опиравшихся на территориально близкие и распропагандированные слои. Таким был Петроградский гарнизон, состоящий из не нюхавших пороху вчерашних крестьян. В столицу стекались так же и неорганизованные солдатские толпы с фронтов, движимые лишь одним желанием прекращения войны. Вся эта разношерстная, бурлящая масса концентрировалась вокруг Таврического дворца — резиденции Государственной думы, где и был создан Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. О низвержении государственного строя было объявлено 2 марта, в день подписания отречения императора — еще до отказа от власти великого князя Михаила Александровича. В акте отказа от 3 марта говорилось:

«Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созданное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Могли ли быть сомнения у великого князя относительно формы будущего правления? Определенно — нет. Верил ли он, что Учредительное собрание выразит именно «волю народа»? Идиотом он точно не был. По этому поводу в своем дневнике Николай записал: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» Полноте, Ваше бывшее императорское величество: и Бог знает, и Вам ли не знать! Всё это действие не что иное, как попытка состроить хорошую мину при плохой игре, жалкие потуги хоть как-то сохранить лицо.

А что же Синод? Головокружительная скорость свершившихся событий повергла иерархов в некоторое замешательство, поэтому Синод установил отношения с новой властью уже после ее признания целым рядом иностранных государств. 4 марта было созвано заседание Синода,

на котором новый обер-прокурор В. Львов поспешно объявил «свободу Церкви». Пермский епископ Андроник (Никольский) в тот же день призвал «оказывать всякое послушание Временному правительству». 6 марта Синод постановил служить молебен о новой власти с новой молитвой о «благоверном Временном правительстве». 9 марта Синод огласил воззвание:

«Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути. ...Временное Правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. ...Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани... ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо Родины, доверьтесь Временному Правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы».

Большинство историков склоняется к мнению, что это решение стало единственно верным, а попытки остаться на позиции оплота самодержавия привели бы к возбуждению политических страстей и репрессиям, тем более что присягой министров Временного правительства прямо предписывалось «подавлять всякие попытки, прямо или косвенно направленные на восстановление старого строя». Нетрудно заметить, что лейтмотивом воззвания стали те же ноты, что и в тексте отречения государя: «тесное объединение и сплочение» народа для победы над внешним врагом. Таким образом, мотивы политические удачейшим образом сплелись с традиционной трактовкой Церковью божественного происхождения любой власти.

Но, как показывает жизнь и, надо полагать, промысел Божий, позиция непротивления, готовность угодить и Богу и кесарю, никогда не избавляет от лишений и разочарований. 7 марта под руководством В. Львова стартовала очередная церковная реформа. 20 марта в свет вышло новое постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», а 14 июля — «О свободе совести». В августе была упразднена должность обер-прокурора и распущен прежний состав Синода, а в Москве открылся Поместный Собор, главным пунктом в повестке дня обозначивший восстановление патриаршества. Заседания Собора проходили до сентября 1918 г. Этот период вместил большое количество судьбоносных для страны событий: это и война, и провозглашение России республикой, и Октябрьская революция, и отделение Церкви от государства. Показательно, что в ответ на безоговорочную лояльность Временному правительству Церковь получила жесткий диктат, противоречие церковным канонам,

притеснения епископата. В то же время Поместный Собор выражал нескрываемое неприятие большевистской власти, делал некоторые категоричные заявления, не встречая при этом никакого противодействия. Таким образом, именно Октябрь позволил Церкви обрести так долго ожидаемую независимость. 28 октября 1917 г. митрополит Московский Тихон (Белавин) был избран на престол патриарха.

Но независимость — понятие обоюдоострое. 19 января 1918 г. патриарх Тихон предал анафеме неких неназванных «безумцев», которые «гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани».

22 января Собор одобрил воззвание и призвал «объединиться ныне вокруг Патриарха, дабы не дать на поругание веры нашей». Причиной рождения воззвания стали события в Петрограде, которые при непредвзятом анализе можно охарактеризовать как провокацию. С 13 по 21 января во исполнение приказа наркома общественного призрения А. Коллонтай была совершена неудачная попытка реквизирования помещений Александро-Невской лавры, в результате которой был убит протоиерей Петр Скипетров. Экспесс повлек за собой небывалую и неожиданную волну сопротивления, вылившуюся в грандиозный крестный ход и «всемирное моление за гонимую Церковь». А уже на следующий день, 23 января, вышел Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, провозглашавший свободу совести, запрет «преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан», национализацию церковной собственности, лишение религиозных обществ права юридического лица и возможности преподавания вероучение в общеобразовательных учреждениях. Не заставил себя ждать и ответный пас Поместного Собора. 25 января вышло «Соборное постановление по поводу декрета Совета Народных Комиссаров об отделении Церкви от государства»:

«1. Изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против нее гонения.

2. Всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви (в последование 73 правилу святых апостол и 13 правилу VII Вселенского Собора)».

И, вслед за постановлением, Собор издал «Воззвание священного Собора к православному народу»:

«Православные христиане! От века неслыханное творится у нас на Руси Святой. Люди, ставшие у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые христианской, а некоторые из них и всякой

веры, издали декрет (закон), названный „о свободе совести“, а на самом деле устанавливающий полное насилие над совестью верующих».

Вот с такого взаимобмена начались отношения РПЦ с большевистской властью. Надо полагать, что проблема заключалась не только в «покушении на строй жизни православной». В России с 1721 г. Православная Церковь законодательно именовалась господствующей. Внедренная Петром I система была целиком заимствована у протестантизма, и, несмотря на постоянные сетования духовенства, упразднения патриаршества и утрату независимости, Церковь в статусе государственной имела немало преференций. Закон «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. больно ударил по самолюбию РПЦ и вызвал протест Синода. В то же время большевистская власть на начальном этапе в деятельность Церкви никак не вмешивалась. Более того, по распоряжению правительства всем госслужащим к Рождеству были выданы подарки и премии, а Петроградский совет выделил 1 млн рублей на подарки солдатам на фронте. В «Известиях ЦИК Советов» появилось рождественское поздравление. При создании Государственной комиссии по охране памятников Московского Кремля в январе 1918 г. в ее состав были включены представители духовенства: архиепископ Михаил (Ермаков), протопресвитер Николай Любимов и архимандрит Арсений (Денисов). Имели место частные случаи эксцессов. Так, в январе 1918 г. был убит митрополит Владимир Киевский. Пал он от руки комиссаров-националистов, требовавших совершать богослужения на «мове». В октябре 1917 г. расстреляли протоиерея Екатеринбургского собора в Царском Селе Иоанна Кочурова за молебен в дни мятежа Краснова. Надо заметить, что подобные инциденты имели место и до революции; отношение к духовенству на рубеже веков мы уже рассматривали.

Таким образом, так долго ожидаемая независимость обернулась национализацией земель, потерей имущества, ценностей, учебных заведений и государственного финансирования. Историк С. П. Синельников писал:

«...антирелигиозная кампания стала всеобъемлющей, родителей обязывали воспитывать детей в коммунистическом духе; в противном случае следовало лишение родительских прав, а детей отправляли в детские дома».

Надо заметить, что значительная часть мирового сообщества восприняла декрет с восторгом, так как возможность двойного толкования каждого пункта не сразу обращала на себя внимание, и казалось, что гражданам новой России предоставляется беспрецедентная свобода вероисповедания. В действительности же декрет представлял собой смертный приговор Церкви. И дело не в бюрократической казуистике самого текста и не в злонамеренном целеполагании составителей, а в игнорировании реальных методов претворения, каковые были вполне прогнозируемы. Чернь, взявшая власть на местах, была вольна трактовать положения декрета по собственному произволу.

Подробно описывать разгул антирелигиозного большевистского террора нет смысла, об этом написаны горы исторической, политической и художественной литературы. Число мучеников в годы гонений огромно. Но представлять Церковь безвинно пострадавшей было бы не до конца объективно. Репрессии, обрушившиеся на нее, во многом явились следствием многовековой конформистской позиции. Наказания без вины не бывает.

В неприятии Лениным религии было что-то мистическое. Определение «антихрист» применимо к нему в большей степени, чем к Петру I. Приводя цитату ла Мёрта, невозможно отделаться от ощущения недосказанности, потому что «ошибка» — это всё-таки слишком просто. Приписать Ленину непонимание ментальной сущности народа наивно: он очень хорошо понимал человеческий материал, с которым имел дело. Просчитать последствия на один ход вперед не представляло для него никакой сложности. Отсюда — единственный вывод: маниакальное отвержение религии есть не что иное, как одержимость, а с этим явлением не в состоянии бороться даже самый прагматичный ум.

Несмотря на общую тенденцию дехристианизации, покушение на вековые устои народ воспринимал болезненно. Русский человек способен творить многие непотребства, но при аналогичных поползновениях извне или сверху он начинает яростно отстаивать им же самим попираемые святыни. То же и с Церковью, которая безропотно приняла реформаторские попытки Временного правительства, но не замедлила предать анафеме большевиков, до той поры никак на нее не покушавшихся. Если бы новая власть «приголубила» Церковь, она тем самым обеспечила бы себе всемерную поддержку. Нынешние западные либералы овладели искусством привлечения голосов электората в совершенстве, собирая весь мусор до последней крошки. Отстаивание прав секс-меньшинств из той же серии. Большевики же умудрились расшатать один из основных постулатов РПЦ — «любая власть от Бога». Ровно сто лет Церковь руководствовалась этой конформистской формулой, всячески отстаивая ее непреложность перед паствой. Странность формулировки впервые обнажилась после Октября, тем более что сам народ не только растерял православное мировоззрение, но и в основной массе никогда не погружался в глубины богословия. История же вопроса такова.

В январе 1813 г. по инициативе Александра I было создано Российское библейское общество. Своей целью оно поставило издание и распространение Священного Писания на языках народов Российской империи. В феврале 1816 г. император распорядился осуществить перевод Нового Завета на русский язык. Он увидел необходимость «доставить россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия». Синодом создается комиссия под руководством ректора Санкт-Петербургской

духовной академии архимандрита Филарета (Дроздова). В основу перевода полагался оригинальный греческий текст вместо предлагаемого переложения Нового Завета со старославянского. Однако текст был представлен изданием голландских печатников Эльзевиров 1624 г., в предисловии которого значилось: «Вот перед тобой текст, который ныне принят всеми и в котором мы не даем ничего исправленного и ошибочного». Категоричность фразы определила дальнейший авторитет приведенного текста, получившего название «Textus Receptus». Хотя он и основывался на поздних вариантах византийского текста, но имел некоторые несоответствия с Кесарийским, западным и Вульгатой. Публикация перевода вызвала волну критики как со стороны научного, так и литературного сообщества. Согласно исследованиям профессора И. Ш. Шифмана (Кораблева), «Синодальный перевод содержит многочисленные отклонения от масоретского текста, а также тенденциозные интерпретации оригинала». По мнению целого ряда специалистов, стремление следовать православной догматике привело к несоответствию перевода достойному уровню научных требований.

Возможно ли допустить недостаточную компетентность столь авторитетного состава переводчиков? В числе основных исполнителей значились Г. Павский, профессор духовной академии, гебраист; инспектор академии архимандрит Поликарп (Гайтанников); бакалавр академии в области церковной словесности архимандрит Моисей (Богданов-Платонов); инспектор академии архимандрит Григорий (Постников); архимандрит Кирилл (Богословский-Платонов). Все они — виднейшие специалисты того времени по библейским текстам. Только ли требования православной догматики отразились на качестве их работы? В этой связи не лишне упомянуть о дальнейшей судьбе переводов и самого библейского общества.

В мае 1824 г. митрополит Серафим (Глаголевский) возглавил РБО вместо А. Голицына, министра духовных дел и народного просвещения. Активный радетель в деле учреждения общества, митрополит в первые годы существования всячески его поддерживал. Но, по мере становления, всё больше убеждался, что вся его деятельность и персонально большинство членов подпали под влияние протестантских идей. Этому во многом способствовала личность председателя А. Голицына. С младых ногтей приближенный ко двору, он водил тесную детскую дружбу с великими князьями Александром и Константином. Как вспоминал граф Ф. П. Толстой, он был «воспитан при дворе и только для двора». При вступлении на престол Александра I его карьера резко пошла в гору, пока в октябре 1803 г. он не занял пост обер-прокурора Синода. Назначение на эту должность явилось своего рода пощечиной общественному мнению, поскольку Голицын, по собственному признанию, «не имел веры». И тут с ним произошла презабавнейшая метаморфоза. По словам современников «этот эпикуреец и вольтерьянец екатерининской выучки вдруг обра-

тился к благочестию с резко выраженной сентиментально-мистической окраской, зная религию лишь поверхностно и считая христианством туманный сентиментальный пиетизм с примесью православных догматов, разнообразных еретических и сектантских учений». Будучи параллельно министром народного просвещения, всячески насаждал клерикализм и поощрял жесткую цезуру. При нем были уволены многие профессора за «недостаточную набожность». И, в довершение всех достоинств, славился нетрадиционной сексуальной ориентацией. Ф. Ф. Вигель⁵⁵ писал: «Не краснея, нельзя говорить о нем, более ничего не скажу: его глупостью, его низостью и пороками не стану пачкать сих страниц».

В декабре 1824 г. митрополит Серафим подал императору докладную записку, в которой обстоятельно освещал влияние на членов РБО масонских и мистических лжеучений. Указом уже Николая I в апреле 1826 г. деятельность общества была приостановлена. Кроме того, из обращения изъяли весь тираж перевода Ветхого Завета и Катехизиса в авторстве Филарета и сожгли. Дальнейшее издание Нового Завета и Псалтири запретили. Историки приводят различные версии причин закрытия РБО, нас же, прежде всего, интересует качественный аспект проделанной работы.

Ведущий православный исследователь в области библеистики и Нового Завета архимандрит Иануарий (Ивлиев) пишет:

«Просматривая Синодальный перевод посланий Апостола Павла, можно заметить очень большое количество недочетов в переводе. Разумеется, значительная часть этих недочетов не может быть отнесена к безусловно неверным переводам. Скорее, это переводы невыразительные, *затемняющие смысл*, не принимающие во внимание стиль и риторические особенности оригинала. В таких случаях обвинить переводы в абсолютном искажении смысла невозможно. *Но иногда перевод настолько далек от адекватности, что искажение смысла все же происходит* (курсив мой. — Г. Е.)».

Итак, вопрос о природе власти приобрел особую актуальность уже в 1917 г. Святитель Филарет Московский писал:

«Установленные людьми формы власти Богу не угодны. Властью от Бога христиане считают только ту власть, которая справедливо и разумно исполняет закон и не противится христианской совести, основывающейся на заповеди Спасителя. Всякое послушание и покорность властям, которые правят не по Богу, есть подготовка нашей души к приходу антихриста и непротивление ему, вольное или невольное. Это ложные и не богоугодные послушание и покорность, которые ведут в погибель».

Отстаивая необходимость переложения священных текстов на русский язык, святитель отмечал, что церковнославянский текст содержит

---

⁵⁵ Филипп Вигель (1786–1856) — один из виднейших российских мемуаристов.

много непонятного не только для народа, но и для низшего духовенства. Он писал, что «православная Церковь не должна лишать народ чтения слова Божия на языке современном, общевразумительном, ибо такое лишение было бы несообразно с учением святых отцов...»

Мы не будем рассматривать все обнаруженные архимандритом Иануарием переводы, «далекие от адекватности», разберем лишь интересующий нас тезис о власти. Вот что нам по сей день предлагает синодальный вариант:

«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.»

Сравнивая этот авторский перевод святителя с его цитатой, приведенной выше, невозможно не увидеть явного смыслового противоречия. Вывод очевиден: или святитель оспаривает концепцию власти от апостола Павла в первом случае, или перевод не соответствует оригиналу — во втором. Не в том ли дело, что перевод изначально предназначался лишь для *домашнего* чтения, а не богослужебного?

По сей день в богослужебной практике используется церковнославянский перевод Елизаветинской Библии, изданный впервые в 1751 г. Инициатором этого перевода был Петр I, издавший на сей счет именной указ от 14 ноября 1712 г. Работа продолжалась до 1725 г. и, со смертью Петра, по различным причинам приостановилась. Екатерина I распорядилась работу продолжить, но бюрократические и церковные интриги затянули процесс до 1744 г., когда работа была продолжена с подачи уже Елизаветы Петровны. Надо признать, что во все периоды процесс сопровождался исключительно высококвалифицированными переводчиками и с особой тщательностью. Переводы в авторстве Софрония Лихуда и Феофилакta (Лопатинского) были предельно точно выверены по греческим, латинским и еврейским текстам в их различных версиях. Таким образом, богослужебный церковнославянский вариант перевода не вызывает сомнений ни в церковной среде, ни в среде ученых и даже без углубленных лингвистических познаний предельно понятен и логичен. Известна истина, что посеять ложь легче всего, приправив ее крупницей правды; именно так всегда действует лукавый.

Первая часть стиха в послании Павла трактуется однозначно:

«Всяка душа властем предержашым да повинуется.»

Именно так дословно трактуется принцип иерархичности земного мироустройства. Власть только тогда имеет смысл, когда полагает повинование (заметим — не *покорность*, как предлагает русский перевод), отсутствие которого влечет хаос. Не больше — не меньше. Никакого подтекста и двоякого прочтения. Но вторая часть представляет собой лукавое искажение заложенного в первоисточник смысла. Сравним русский перевод *«ибо нет власти не от Бога»* с церковнославянским *«нестъ бо власть, аще не от Бога»*. Ключевое слово — «аще» (если), которое в русском пере-

воде опущено умышленно и кощунственно. Или переводчики могли допустить, что апостольское послание может содержать *лишние* слова? Именно это слово определяет общий контекст всей фразы.

Несть — переводится двояко — «нет» или «не есть».

Бо — ибо, потому что.

В переводе эти слова переставлены. Зачем такая вольность? Только для изменения смысла. Далее, сравним: «...*сущья же власти от Бога учинены суть*» с русским переводом «...*существующие же власти от Бога установлены*».

Допустив такой, мягко говоря, вольный перевод, авторы полностью разрушают логическое построение всей фразы. Получилась довольно-таки тупая тавтология: нет власти не от Бога, и существующая власть тоже от Бога. Разоблачение этой несурзаицы заключено в слове «сущья», которое не мудрствуя лукаво (или наоборот — мудрствуя?) переведено как «существующие». Фальсификация, более чем грубая. Человеку, даже с начальным современным образованием, понятно, что «сущие» — это «настоящие», «истинные», «подлинные». Например — сущий ад, сущий кошмар, сущая правда. Для окончательной чистоты доказательства приведем подлинный греческий текст:

ου γαρ εστιν εξουσία ει μη από θεού

ου — не, нет

γαρ — ибо, потому что

εστιν — есть

εξουσία — власть

ει μη — если не, кроме как

από — из, от

θεού — Бога

Сверив все варианты, мы получаем предельно конкретный, логически выверенный текст, каковым только и возможно быть истинному апостольскому посланию:

Всякая душа властям предержащим да повинуется.

Не есть власть, если не от Бога.

Истинные же власти от Бога установлены.

Конформистская позиция Церкви в дореволюционной России обоснована статусом, установленным Петром I. Идеологическое обеспечение самодержавия вменялось ей в обязанность как государственному институту, тем более что единственная богоустановленная форма правления — монархия.

В контексте вышесказанного уже теряет актуальность вопрос — от Бога ли власть? Очевидно, что без Божьей воли в мире ничего не происходит. В таком случае людям может даваться любая богопротивная власть с вполне определенной целью: как тест на твердость духа и свободу воли, как суровый урок, как испытание верности богоустановленным

принципам, как «проверка на вшивость». Удивительна мудрость фразы: «Каждый народ имеет ту власть, которую он заслуживает». Люди, задумывающиеся о природе власти, нередко задаются вопросом: а как же узурпаторы, оккупанты, Гитлер, наконец, — это тоже от Бога? Или предсказанная в Откровении, грядущая власть антихриста? В медицине существует такой метод лечения как провокация. Больному делается инъекция, и все процессы обостряются. Именно в этот момент лечение наиболее эффективно. Паисий Святогорец писал:

«Бог уже давно мог бы расправиться с диаволом, ведь Он — Бог. И сейчас, стоит Ему только захотеть, Он может скрутить диавола в бараний рог, [на веки вечные] отправить его в адскую муку. Но Бог не делает этого для нашего блага. Разве Он позволил бы диаволу терзать и мучить Свое создание? И, однако, до какого-то предела, до времени Он позволил ему это, чтобы диавол помогал нам своей злобой, чтобы он искушал нас, и мы прибегали к Богу. Бог попускает тангалашке искушать нас, только если это ведет к добру. Если это к добру не ведет, то Он ему этого не попускает. Бог все попускает для нашего блага. Мы должны в это верить. Бог позволяет диаволу делать зло, чтобы человек боролся. Ведь не терши, не мявши — не будет и калача. Если бы диавол не искушал нас, то мы могли бы возомнить о себе, будто мы — святые. И поэтому Бог попускает ему уязвлять нас своей злобой. Ведь, нанося нам удары, диавол выбивает весь сор из нашей пропыленной души, и она становится чище. Или же Бог позволяет ему набрасываться и кусать нас, чтобы мы прибегали к Нему за помощью. Бог зовет нас к Себе постоянно, но обычно мы удаляемся от Него и вновь прибегаем к Нему, только когда подвергаемся опасности».

При внимательном и вдумчивом прочтении Священного Писания вопрос о пределах послушания властям возникнуть не может. Апостол Павел пояснял: «...надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести». Вопрос совести сразу ставит всё на свои места: власть богопротивная с совестью никак не сообразуется. Февральская революция была попыткой окончательной победы богопротивной власти, так как ее буржуазный характер утверждал полную власть мамоны. Божественная промыслительность проявилась уже в самом наименовании «временное правительство». Народу был предложен своеобразный искусительный тест, и народ на искусе не поддался, Церковь же пошла не за совестью, а за страхом возможных гонений, за что и получила воздаяние уже от власти Советской. Апостол Павел в Послании к Ефесянам говорит:

«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против *начальств, против властей*, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных».

Дьявол говорил Иисусу: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее». А еще «...бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему» (Екл. 8:9). Бесспорно, монархия — власть богоустановленная, и в таком случае предполагается монарх благочестивый, радеющий о народе и процветании государства, для которого духовно-нравственное состояние общества — высший приоритет. Оскудение такого состояния — явный признак несостоятельности власти как божественной. Состояние российского общества на рубеже веков мы уже рассматривали, увидев его далеким от духовности. Деграция монархии нескольких предреволюционных веков очевидна. Реформация православия в угоду золотому тельцу не могла не сыграть своей роли, а Церковь упорно не хотела этого признавать. В Книге мудрости Соломона сказано:

«Итак, слушайте, цари, и разумеите, научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся перед народами! От Господа дана вам держава, и сила — от Всевышнего, Который исследует ваши дела и испытает намерения. Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией. Страшно и скоро Он явится вам, и строг суд над начальствующими».

История в точности подтвердила соломонову мудрость, и суд над Николаем, по существу, явился судом над всем русским самодержавием, не сумевшим дать своему народу ни смыслов, ни целей, ни справедливости.

8

ТЕОРИЯ ЭКЗОРЦИЗМА

*В тот день человек бросит кротам и летучим мышам
серебряных своих идолов и золотых своих идолов,
которых сделал себе для поклонения им.*

Ис. 2: 20

В исторической науке понятием «модерн» обозначается эпоха (или череда эпох) с характерными чертами «прогресса» в области социального развития, индустриализации, науки, культуры, при этом все составляющие понятия рассматриваются исключительно через призму общепринятых семантических штампов, сформированных либеральным мировоззрением. В парадигме либерализма «прогресс» — непрерывный форсаж, где «цель — ничто, движение — всё»⁵⁶. Хотя цель всё же имеет место быть, не будучи выраженной в какой-либо конкретике. В абстрактное понимание «прогресса» заложено гипотетическое благоденствие человечества, представляющее собой горизонт, удаляющийся по мере приближения к нему. Практически то же, что коммунизм, но с другим знаком. Понимание «прогресса» у либералов и коммунистов идентичны — это абсолютный культ науки и неограниченное господство человека над природой. Стоявшие у истоков основоположники тогда еще не подозревали, куда именно направлен вектор «прогресса». Только сегодня нам стало понятно, что культ рационализма в итоге ведет к неограниченному контролю над личностью и обществом. То, что по определению Фукуямы становится «концом истории», — прямая производная от модерна.

Как уже говорилось выше, российская история — это бесконечная череда попыток модернизации. Удивительно, но подавляющее большин-

---

⁵⁶ Цитата Эдуарда Бернштейна (1850–1932), лидера II Интернационала и правого крыла немецкой социал-демократии, который часто упоминается в ленинских статьях как «ревизионист», «оппортунист» и «реформист».

ство специалистов, исследуя эти попытки, оперируют узким диапазоном стереотипов нами уже рассмотренных, и основным их лейтмотивом являются нескончаемые причитания на тему вечного отставания России от западных стандартов. Безусловно, отставание было, в чем-то остается и теперь, хотя и заметно сокращается, к общему нашему, плохо осознаваемому прискорбью.

Постоянное экономическое преуспевание Запада в сравнении с Россией традиционно объясняется или немецкой дисциплинированностью, или английской педантичностью, или поголовным трудолюбием народов Европы и Америки в противопоставлении русской лени и разгильдяйству. Доля правды в этом есть. Но, как известно, капля правды в море лжи — излюбленный прием лукавого и либералов, что, впрочем, одно и то же. Истина же в том, что, например, вся история Соединенных Штатов — этого эталона англосаксонского мира — от начала и доныне есть история сплошного позора человеческой цивилизации, а западное благоденствие базируется на многовековом ограблении колоний, начиная с православного Константинополя. Затем аппетиты распространились на Америку, Индию и Китай. Последний являл собой одну из мощнейших мировых экономик XIX в. Опиумный бизнес способствовал чудовищному истощению ресурсов и сокращению населения более чем на 50 млн человек. Из оставшихся около 120 млн превратились в законченных наркоманов. Вскоре взоры «цивилизаторов» обратились на Африку, которую ожидала все та же незавидная участь. Две мировые войны так же принесли немало дивидендов западным финансовым и экономическим паразитам, и в первую очередь — США. С образованием ФРС ограбление пошло уже «цивилизованными» методами и продолжается по сей день. Надо ли пояснять, что Россия двигалась совершенно иным путем. Расширяя территории, она чаще вкладывала в их развитие собственный экономический и человеческий ресурс и никогда не имела колоний.

Мы катастрофически не понимаем, что позором является не наше отставание, а «прогресс», достигнутый массовыми убийствами и грабежом, и что именно в рамках этой альтернативы мы еще сохранили некоторое подобие человеческого облика на фоне общемировой дебилизации. Но либералам огорчаться не стоит, нам уже недолго осталось. Россия уверенно примкнула к жующему стаду мирового сообщества и окончательная унификация — вопрос короткого времени.

Один из бытующих стереотипов заключается в странном упреке, что неудачи большинства модернизаций коренятся в осуществлении их по инициативе власти. Аргумент насколько удобный, настолько и глупый. Основа его понятна: дескать, нет в дикой России гражданского общества, и народ, как всегда, безмолвствует. Желание поиграть иллюзией западной «демократии» понятно, но, сколько ни старайся, вспомнить примеры модернизаций «снизу» в мировой практике так и не удастся. Именно

поэтому так важен вопрос природы власти как силы, определяющей нравственные основы преобразований.

Каждый из модернизаторов вкладывал в определение «Великая Россия» собственное понимание и представление, но, какими бы они ни были, в них имел место лишь масштаб, растворяющий в себе конкретные проблемы конкретного «маленького человека». Мыслить его категориями модернизаторам было и неинтересно, и как-то неловко. Масштаб ведь! Поэтому, если бы доктрина коммунизма не появилась, ее даже и выдумывать не было нужды. Она существовала столько, сколько существует христианство, основанное на радении о душе каждого «маленького человека».

Сегодня будет верхом неприличия произнести, что единственная модернизация, достигшая цели в России — модернизация большевистская. Аргументация оппонентов известна: красный террор, Гражданская война, диктатура, голод, репрессии, «власть хама», да и много чего еще. Всё это так. Но крайне немодно признавать, что это была именно та модернизация, о которой извечно талдычат либералы, то есть «снизу». Точнее — при непосредственном участии тех самых «низов», интересы которых до той поры игнорировались любой властью. И главное — большевики никого не свергали и ничего не захватывали, они действительно власть «подобрали». Таким образом, наверное, впервые в истории Бог предоставил народу право самостоятельного выбора, не обещая при этом, что будет легко.

А что же Церковь? Сказать, что она осталась верна православным принципам уже невозможно. Не дав надлежащей нравственной оценки отречению помазанника и присягнув Временному правительству, невинность она утратила. Ленин, безусловно, антихрист. Но Ленин на тот момент отнюдь не являлся первой скрипкой — во-первых, а во-вторых, Ленин — это не весь народ.

Случилось так, как случилось. Попущена была большевистская кара на ниспровергателей-либералов, народ пошел за новой властью, а Церковь и не пошла за властью, и не осталась с народом. Ближе ей оказались либеральные идеи, а идеи социальной справедливости признались богопротивными. Так Церковь первой отошла от христианских принципов, оставшись верной мамоне. Отсюда и попущенные последующие гонения.

Такая точка зрения сегодня, очень-очень мягко говоря — крамольная: либералы от нее люто звереют, а коммунисты нынешние как-то стыдливо избегают касаться. Не в тренде. Истина вообще, как правило, не в тренде, потому как дискомфортна. Лукавство же всегда причесано, приглажено, спрыснуто чем-то ароматным и скользким, дабы легче проникать в сознание, душу и другие труднодоступные места.

Сто лет назад человечество еще не имело того опыта, которым обладает сегодня. В те годы еще не родилось понятие «общество потребления», а понятие «эксплуатация» носило конкретный смысл, соответствуя самому себе. Русский человек, не имея опыта демократии, искренне верил

либеральному велеречию (приглаженному, ароматному и скользкому) о самодержавии как главном камне преткновения на пути к вожделенному прогрессу. Для простого мужика вообще все слова политического лексикона представляли собой какофонию из китайского, латыни и суахили. Большевицкий выбор явился, по большей части, интуитивным, подсознательным порывом, опирающимся на простые понятийные «якоря» — хлеб, земля. Ни крестьянин, ни рабочий не читали, ни Адама Смита, ни Гоббса, ни Маркса, но природная интуиция и вековое православное миропонимание предостерегли их от вероятного лукавого выбора, какового не смог избежать русский человек в конце XX в.

Существует мнение, что одним из эффективнейших двигателей прогресса является война как наивысшая форма проявления конкуренции. Гоббс видел в природе человека три основные побудительные причины к войне: соперничество, недоверие, жажду славы. Все три составляющие суть признаки капитализма. В то же время существующий либеральный ассоциативный ряд «капитализм — конкуренция — прогресс» полностью совпадает с выводом Гоббса. Таким образом, мы можем вывести формулу: капитализм есть война. Именно та война, о которой он писал, — «всех против всех». Однако он видел причину войны в так называемом «естественном» состоянии общества:

«При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех. Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех».

В этой цитате, сам того не подозревая, он провидчески обнажил ахиллесову пятую либеральной демократии, неизведанной еще в его эпоху. Но Э. Фромм, уже знакомый с этой социальной формацией, видит в основе капитализма алчность, беспредельный эгоизм и жестокую конкуренцию, которые вполне успешно сформировались именно в условиях так вожделенного Гоббсом гражданского общества. Удивительно, но Гоббс умудрился даже дать весьма емкую характеристику постмодернистского общества:

«Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти — нет закона, а там, где нет закона — нет несправедливости. Сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями».

Законодательства западных демократий на сегодняшний день представляют собой подобие организма, распухшего от водянки бесчисленных поправок и прецедентов, превративших юриспруденцию в увлекательную игру адвокатов, ловкостью и изощренностью которых и определяется право. Нивелирования и допущения, размывание понятий морального

и аморального, черного и белого есть характерная черта состояния общества постмодерна. Э. Фромм пишет:

«Общество, принципами которого является стяжательство, прибыль и собственность, порождает социальный характер, ориентированный на обладание, и как только этот доминирующий тип характера утвердятся в обществе, никто не захочет быть аутсайдером, а вернее отверженным; чтобы избежать этого риска, каждый старается приспособиться к большинству, хотя единственное, что у него есть общего с этим большинством — это их взаимный антагонизм. В католической теологии такое состояние существования, в полном разъединении и отчуждении, не преодолеваемом и в любви, определяется как „ад“».

Пожалуй, именно здесь вскрывается то метафизическое преоцущение русского мужика, которое обусловило его выбор в октябре 17-го. Как видим, католицизм и православие не расходятся в понимании природы общества хищников, в котором жертвами могут оказаться любые особи, волею обстоятельств попавшие в категорию лузеров.

Капитализм начала XX в. имел мало общего с сегодняшней действительностью. В этом заключена причудливая метаморфоза истории — социалистическая революция нагнала такого страха на мировое сообщество хищников, что они поневоле сделали всё возможное, чтобы хоть как-то приблизить социальное положение низов к человеческому образу существования. Хотя революция и не разрослась в мировую по факту, но роль ее в глобальном масштабе неоспорима. Метафизическую сущность антагонизма общественно-политических формаций Э. Фромм раскрывает через призму марксизма:

«Труд, по Марксу, символизирует человеческую деятельность, а человеческая деятельность для Маркса — это жизнь. Напротив, капитал, с точки зрения Маркса, — это накопленное прошлое и, в конечном счете, мертвое. Нельзя полностью понять, какой эмоциональный заряд имела для Маркса борьба между трудом и капиталом, если не принять во внимание, что для него это была борьба между жизнью и смертью, борьба настоящего с прошлым, борьба людей и вещей, борьба бытия и обладания. Для Маркса вопрос стоял так: кто должен править кем? Должно ли живое властвовать над мертвым или мертвое над живым? Социализм для него олицетворял общество, в котором живое одерживает победу над мертвым, то есть метафизическую победу».

Многие десятилетия в сознании человечества культивировалось определение советской власти как власти сатанинской. Манипуляция сознанием достигла такого уровня, что это представление укоренилось в умах вполне трезвых и здравых. Простое, лежащее на поверхности представление об истинной природе вещей деформировалось, стерлось. Идея социальной справедливости перекечевала в категорию утопий, и уже не вспоминалось, что идея эта — евангельская. Церковь концентрировала

внимание паствы на мученичестве помазанника и видимом богоборчестве большевиков, умалчивая о своем отступничестве и осанне Временному правительству. Паства же не задавалась вопросом, почему через сравнительно короткое время РПЦ вполне официально признала новую богоборческую власть. Если оставить в стороне мелочные придирки к признаниям, непризнаниям, конформизму — остается главное — толкование Октябрьской революции как поощрения. Но вспомним Паисия Святогорца: Бог попускает искушение, если это ведет к добру. Так что же было искушением? Гражданская война, упадок, голод, изнурительный труд на разрыв аорты по восстановлению разрушенной державы? Хорошенькое искушение! Или либеральные бредни Учредительного собрания и Временного правительства с лицемерными реверансами в сторону народа? Но народ выбор сделал в пользу большевиков, потому что их власть стала не поощрением зла, а побуждением к борьбе, которая и является главным смыслом. Никто не обещал, что будет легко, но «не терши, не мявши — не будет и калача». Да и Гражданскую — уж точно не большевики затевали. Они вообще воевать не хотели. Ни с кем. Даже с немцами. Вспомним фронтовые братания и повальное дезертирство — нахлебались войны досыта.

Первая мировая завершила перевоплощение народа в толпу. Процесс зачинался не вчера, а шел по нарастающей со времен Петра I, растоптавшего национальное достоинство страны. Чтобы река потекла вспять, потребовалось всего два десятилетия. В Великую Отечественную вступил уже *народ*, доказательством чему ее исход, и в этом принципиальное отличие войны империалистической от войны отечественной. А тогда, в двадцатых, что можно было ожидать от черни, повсеместно и на всех уровнях оказавшейся у руля исторического процесса? Тем ярче это иллюстрирует масштаб задачи, вставшей перед новой властью. Г. Лебон отмечал, что с точки зрения психологии индивиды, объединившиеся в какое-либо собрание, приобретают некие коллективные черты, отличные от индивидуальности каждого, входящего в общий состав. Сознательная личность исчезает, а чувства и идеи приобретают общее направление. Образуется так называемая коллективная душа, охарактеризованная Лебоном как «одухотворенная толпа», подчиняющаяся закону духовного единства. Кем бы ни являлись индивиды, каков бы ни был их образ жизни, род занятий, черты характера или умственные способности, они начинают чувствовать, думать и действовать в новом коллективном духе. Любые идеи вождей воплощаются массами, и от качества масс зависит ход их осуществления. О качестве человеческого материала периода революции уже говорилось выше, поэтому ход реализации не мог быть иным. Известно, что на волне социальных катаклизмов к поверхности всегда поднимается грязная пена амбиций, карьерных страстей, тайных нереализованных желаний. Соблазн властью — один из сильнейших соблазнов. Налагаясь

на чаяния «одухотворенной толпы», он чаще всего приносит уродливые плоды. Когда вектор цели направлен в противоположную от человечности сторону, наступает катастрофа. Вспомним Новый Иерусалим Иоанна Лейденского. Тогда толпа была охвачена религиозной идеей, приведшей к чудовищным последствиям.

Истинные причины атеистического взрыва в России начала XX в. еще ждут своего исследователя. Если вернуться к эпохе Петра I, то обнаруживается некоторая странность. Церковь возводится в ранг государственного института, а помазанника народ объявляет антихристом и противится всеми силами, вплоть до самосожжений. Большевики разоряют храмы и расстреливают священников, но народ продолжает верить в их идею. Не было ли это формой своеобразного протеста? Ведь русский человек никогда не отказывался от Бога в глубинном понимании. Он всегда оставался мировоззренчески православным, даже когда рубил иконы. В этом был наивный детский протест в духе «назло маме отморожу уши», и направлялся он против Церкви как идеологического органа самодержавия, а затем и Временного правительства — чисто масонского образования, представлявшего интересы буржуазии и транснационального капитала. По какой причине православное мировоззрение перестало сообразовываться с церковными догматами, требует отдельного углубленного изучения, но Э. Фромм сформулировал предельно четкую мысль:

«Если религиозные учения способствуют росту, силе, свободе и счастьем верующих в них людей, мы видим плоды любви. Если они ведут к ущемлению человеческих способностей, к несчастью и отсутствию каких-либо плодов, то рождены не любовью, — и неважно, как хотела бы представить этот вопрос догма».

Большевики предлагали свои методы воплощения евангельской идеи, и не вина народа, что Церковь от этого воплощения устранилась, хотя, наверное, впервые во всемирной истории у нее была возможность принять самое активное участие в построении подлинно духовного христианского общества.

Существо вопроса опять же сводится к готовности Церкви взять на себя роль духовного лидера. Разрушенная «симфония властей» указала ей более комфортный образ существования, заключавшийся в постоянных компромиссах со светской властью. С развитием товарно-денежных отношений, постоянно благословляемых Церковью, нарушение духа религиозного идеала приобрело необратимый характер. Постепенно, раз за разом, православие сдавало позиции, потакая нарастающему идолопоклонству. Культ золотого тельца вытеснял православный дух, переродившийся в слепое подчинение догме.

Вопросу идолопоклонства значительное внимание уделено в Ветхом Завете. Э. Фромм отмечал, что сущность явления заключена не в поклонении тому или иному идолу, а в самом человеческом отношении, вы-

ражающемся в обожествлении частных. Идолами могут становиться «слова, машины, вожжи, государство, власть, политические группы». Таким же идолом может стать и сам Бог. Если по Лебону «революция всегда знаменует конец какого-нибудь верования», то крещение Руси можно с полным правом охарактеризовать как революцию, когда князь Владимир крушил прежних идолов, предавая их поруганию. Спустя века такому же поруганию подверглись православные символы. И тогда, и потом революция безжалостно расправлялась с былыми кумирами. Православие же прямо предписывает не творить кумиров, и если люди начинают искать иные смыслы бытия, значит, былые идолы утратили их доверие. Религиозность — неотъемлемая часть сознания индивида. Человеку необходима вера, как главный атрибут смысла бытия. Можно сказать, что без веры невозможна личность, поэтому в любой революции неизбежно присутствует религиозная составляющая.

Пожалуй, самый глубокий анализ сущности марксизма принадлежит Эриху Фромму. Разделяя известный скепсис в отношении психоанализа, тем не менее попробуем рассмотреть его работу подробнее.

Изучая труды социологов и обществоведов, трактующих Маркса, Фромм характеризует их не иначе как «сомнительные» и «невежественные». Основным их заблуждением он считает оценку Маркса как материалиста, которому приписывается определение главного мотива человеческой деятельности в исключительном стремлении к материальному благополучию, а его критика религии отождествляется с отрицанием духовных ценностей. Исходя из этого, получается, что социалистическая идеология по Марксу ничем не отличается от современной идеологии общества потребления. Фромм убедительно доказывает, что основная его цель состояла в «духовной эмансипации и освобождении от уз экономической зависимости, в восстановлении целостности личности и поиску путей единения с другими людьми и природой». Поэтому вся его философия может быть охарактеризована как духовный экзистенциализм, противоречащий материалистической практике. Маркс был убежденным противником вульгарного материализма, на позициях которого стояло большинство прогрессивных мыслителей его времени. Естествоиспытатели подводили материалистическую основу и под психические, и под духовные явления. Для них даже идеи и чувства представлялись результатами химических процессов организма. К такой точке зрения Маркс относился крайне нетерпимо, потому что она не предусматривала рассмотрения общественно-исторического процесса, а главное — самого человека как субъекта этого процесса:

«В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, то есть мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, — мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых,

воображаемых, представляемых людей, — чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительно жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса».

Интерпретаторы Маркса представляли сущность исторического материализма как неизменное стремление человека к материальным благам, которое является для него и побудительной причиной, и движущей силой. Таким образом, получалось, что это всего лишь психологическая теория человеческих страстей. Но в действительности исторический материализм лишь показывает, что «бытие определяет сознание», то есть условия производства формируют мышление человека и его мировоззренческую позицию. В свое время Монтескье сформулировал мысль, что «человека формируют обстоятельства». Маркс пошел дальше и провел обстоятельный и детальный анализ этих обстоятельств, в основе которых — производительные силы и, собственно, сам способ производства как неотъемлемая часть бытия индивида, который в первую очередь нуждается в пище и необходимом минимуме материальных благ. Капитализм же формирует в человеке исключительно жажду собственности. Ничего другого он предложить не может. Но если человека поместить в иные экономические условия, то и устремления его изменятся. Иметь много денег, безусловно, приятно, но не очень интересно. Неизбежно наступает момент пресыщения. Какой бы меркантильной ни была человеческая натура по своей природе, но тяга к духовному, а то и тоска по нему, присутствует в подсознании любого, даже самого кондового стяжателя.

Маркс обвиняет капитализм не столько в аспекте эксплуатации, сколько в деформации и примитивизации человеческой сущности. Он выделяет «устойчивые», то есть естественные потребности, такие как еда, питье, продолжение рода, но стремление к максимальной экономической выгоде — явление, сформированное обстоятельствами. Если при социализме материальные интересы перестают быть доминирующими, то их место непременно займут другие ценности — «свято место...»

Понимание прогресса по Марксу прямо противоположно общепринятому. Это лишь в умах интерпретаторов его идеальный мир — общество унифицированных, сытых, лишенных свободы особей. Но при углубленном анализе становится ясно, что основная его цель — «духовная эмансипация, восстановление личностной целостности и единение с другими людьми и природой», что возможно лишь при условии освобождения от экономической зависимости, потому что материальное не может быть ни смыслом, ни целью, материальное всегда тупик.

Главной причиной тупикового вектора Маркс видит человеческое сознание. Мышление, зарождение идей — производные от материальных взаимоотношений. Сознание — не что иное, как осознанное бытие, реальность

повседневной жизни. Но проблема в том, что подавляющая часть мыслей есть сознание «ложное», а подлинные мотивации базируются в области подсознания. Маркс считал, что преобладание сознательного мышления мешает человеку понять истинные потребности и идеалы. Обозначая два вида потребностей — устойчивые и относительные, он писал:

«Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает... Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожелений».

В этой цитате он предвосхитил то, что впоследствии Э. Фромм обозначил термином «общество потребления». Такое общество — всего лишь жующее стадо, не способное ни к какому творческому началу. Человека как личность характеризует принцип творческой активности, движения, исполненного жизненного Духа. Ту же мысль выразил Гёте в «Фаусте»: ни деньги, ни власть, ни чувственные наслаждения не могут дать человеку понимание смысла жизни; в отрыве от целого мира он останется несчастным. Только творчество наполняет жизнь человека особым смыслом и позволяет ему радоваться жизни, не цепляясь за ее ценности. Человек становится способен распрощаться с жадой обладания и в полной мере ощутить полноту своего бытия: он наполнен жизнью, хотя его карман пуст, он много значит сам (он есть), хотя он мало что имеет.

Маркс видел, что капиталистическая политэкономия диктует человеку отказ от себя как целостной личности и всех истинно человеческих потребностей, а на место духовных чувств встает единственное — чувство обладания:

«Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, то есть когда он существует для нас как капитал, или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., — одним словом, когда мы его потребляем, хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения, в свою очередь, рассматривает лишь как средство к жизни, а та жизнь, для которой они служат средством, есть жизнь частной собственности — труд и капитализирование. Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т.д., тем больше ты сберегаешь, тем больше становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем — твой капитал. Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Всю ту долю жизни и человечности, которую

отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде денег и богатства, и всё то, чего не можешь ты, могут твои деньги: они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть — всё это они могут себе присвоить; все это они могут купить; они — настоящая сила... Все страсти и всякая деятельность должны потонуть в жажде наживы. Рабочий вправе иметь лишь столько, сколько нужно для того, чтобы хотеть жить, и он вправе хотеть жить лишь для того, чтобы иметь (этот минимум)».

В противопоставление такому «растительному» существованию Маркс приводит «творческую жизнь» как деятельное отношение к предметному миру:

«...на место экономического богатства и экономической нищеты становятся богатый человек и богатая человеческая потребность. Богатый человек — это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда. Не только богатство человека, но и бедность его получает при социализме в равной мере человеческое и потому общественное значение».

В социализме он видел, прежде всего, освобождение человека, его самореализацию, единение с природой. В своих трудах он рассматривал и такую модель, как коммунизм советского типа, определив его термином «грубый коммунизм», представляющий собой реализацию обычной человеческой зависти и предполагающий банальную уравниловку. В то же время понятие «труд» для него выходило далеко за рамки экономических категорий. Он утверждал, что накопление капитала олицетворяет прошлое, с другой стороны, свободный труд — это настоящее и будущее. Он писал, что в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, а в коммунистическом — настоящее над прошлым. Труд для Маркса — это творческая деятельность, но отнюдь не товар. Труд — это не просто производство какого-либо продукта, но и самоцель, осмысленное приложение человеческой энергии, души. Отсюда — главная претензия капитализму — превращение труда в принудительную, отчужденную, бессмысленную работу:

«Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека».

Такой индивид лишен человечности не только в естественном, но и в духовном смысле. Маркс определяет это как превращение человека в «средство своего индивидуального существования». В этом он созвучен Канту, утверждавшему, что человек должен всегда быть сам себе целью и никогда — средством. И Маркс, в развитие тезиса, заключает, что человек не должен превращаться в средство не только чужих целей, но и в средство своего индивидуального бытия.

В те годы, когда он размышлял над этими темами, еще не существовало общества потребления в том виде, в каком мы его знаем сегодня. Даже когда Фромм формулировал его концепцию, общество еще не достигло сегодняшней степени деградации. Однако Маркс, как истинный провидец, удивительно точно показал финальную фазу процесса оскотинивания:

«Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится всё беднее как человек, он всё в большей мере нуждается в деньгах, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его денег падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, то есть его нуждаемость возрастает по мере возрастания власти денег. Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает. Количество денег становится всё в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому, как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности. Безмерность и неумеренность становятся их истинной мерой. Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожделений. Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в человеческую потребность. Ее идеализм сводится к фантазиям, прихотям, причудам, и ни один евнух не льстит более низким образом своему повелителю и не старается возбудить более гнусными средствами его притупившуюся способность к наслаждениям, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, старающийся хитростью выудить для себя гроши, выманить золотую птицу из кармана своего, христиански возлюбленного ближнего (каждый продукт является приманкой, при помощи которой хотят выманить у другого человека его сущность — его деньги; каждая действительная или возможная потребность оказывается слабостью, которая притянет муху к смазанной клеем палочке; всеобщая эксплуатация общественной человеческой сущности, подобно тому как каждое несовершенство человека есть некоторая связь с небом — тот пункт, откуда сердце его доступно священнику; каждая нужда есть повод подойти с любезнейшим

видом к своему ближнему и сказать ему: милый друг, я дам тебе то, что тебе нужно, но ты знаешь, ты знаешь, какими чернилами тебе придется подписать со мной договор; я надуваю тебя, доставляя тебе наслаждение), — для этой цели промышленный евнух приспособливается к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем нездоровые вожделения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность».

Э. Фромм дает комментарий с позиций своего времени:

«История внесла лишь одну-единственную поправку в Марксову концепцию отчуждения: Маркс думал, что рабочий класс — это самый отчужденный класс и потому освобождение от отчуждения должно обязательно начаться с освобождения рабочего класса. Маркс не мог предвидеть масштабов массового отчуждения, которое охватило большую часть человечества; тем более он не мог предвидеть, что настанет день, когда огромная (и всё возрастающая) часть населения попадет в зависимость не от машин, а станет объектом манипулирования со стороны других людей и их символов. Например, служащий, посредник, представитель фирмы, менеджер сегодня — это же люди еще более отчужденные, чем профессиональный рабочий. Деятельность рабочего еще в какой-то мере является выражением его личных способностей (ловкости, надежности и т. д.), и у него нет необходимости продавать свою личность: свою улыбку, свое мнение и т. д.

Людей, манипулируемых символами, только за то и берут на работу, что они „привлекательны внешне“, податливы, коммуникабельны и удобны для манипулирования. Они в прямом смысле могут быть названы словом „человек-система, организованный человек“, их идеалом является их предприятие. Что же касается потребления, то здесь нет разницы между чернорабочим и представителем бюрократии. Они все одержимы одной страстью: новых вещей, страстью понукать, приобретать и потреблять. Они все — пассивные потребители, обессиленные и повязанные теми самыми вещами, которые служат удовлетворению их неестественных потребностей. Они не состоят в творческих отношениях с миром; они поклоняются вещам и машинам, которые производят эти вещи, — и в этом отчужденном мире они чувствуют себя заброшенными и чужими».

Самое любопытное, что не найдется ни одного, даже самого продвинутого адепта-либерала, способного опровергнуть эти доводы. Вам будут пространно рассказывать об утопичности коммунистической идеи, о конкуренции как двигателе прогресса, о низменной и хищной природе человека, и неизменно уводить в сторону от главного вопроса: стоит ли предаваться оскотиниванию, если утопия нереализуема? Возможно ли существование в состоянии утраты смыслов и целей? И ради чего, в таком случае, жить вообще? Капитализм не предлагает ничего, кроме денег. Капитализм требует поклонения идолу. Капитализм никуда не ведет

и не зовет. Он конечен в самом себе. Он действительно — «конец истории» с последним человеком, бессмысленно озирающим потухшим взором бессмысленный мир, потому что уже урвал всё, что мог, и уже ничто не представляет интереса и не пробуждает вожделения. Такой мир нам навязывают сегодня, внедряя в сознание ложные потребности, и нет никакого гипотетического психоаналитика, способного разбудить наше под-сознание.

Но Маркс хотя бы что-то предлагает! Социализм по Марксу — «восстание против разрушения любви и социальной реальности», как это формулирует Пауль Тиллих⁵⁷.

В третьем томе «Капитала» автор указывает конкретную цель:

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это всё же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие».

Может быть, производство, лишённое конкуренции, и неэффективно с точки зрения капиталистической экономики, но такой способ есть низвержение идола, а следовательно — возвращение к человечности, потому что в жизни главное — сама жизнь, а не производство средств жизни. Да и само понятие «экономика» сегодня настолько деформировано, что обозначает скорее некие шаманские ритуалы, нежели научную дисциплину или социальный процесс. Э. Фромм пишет:

---

⁵⁷ Пауль Тиллих (1886–1965) — немецко-американский протестантский теолог и философ-экзистенциалист, представитель диалектической теологии. Считается одним из наиболее влиятельных теологов XX в.

«Если человек сможет построить рациональное общество, свободное от отчуждения, то он получит шанс заняться тем, что является подлинной целью жизни, „развитием человеческих сил“, которые и можно считать самоцелью: движением к подлинному „царству свободы“.

Марксу, человеку, который читал, перечитывал и знал наизусть произведения Эсхила и Шекспира, который постоянно оживлял в себе величайшие творения человеческого духа, ему и в страшном сне не могло присниться, что его идея социализма будет истолкована таким образом, будто его целью является государство сытых, „хорошо одетых рабочих“, или же „государство всеобщего блага“. По мнению Маркса, человек на протяжении многих веков создал такую культуру, освоить которую он сможет лишь тогда, когда получит свободу, когда освободится от оков — и не только от гнета экономической бедности, но и от духовного обнищания, на которое он обречен в мире отчужденного труда».

Социализм Маркса — общество, отвечающее человеческим потребностям в высшем понимании. Речь идет именно об истинных потребностях, способствующих духовному росту. Непременное сокращение рабочего дня в рамках того же духовного запроса. Человек живет не для того, чтобы работать. Он работает для того, чтобы жить. Английское слово «бизнес» переводится как «дело». Термин лукавый, потому как далеко не всякий бизнес есть дело. Дело — это не то, чем ты зарабатываешь на жизнь. Дело — это то, ради чего ты живешь. Маркс дает весьма меткую характеристику деньгам:

«Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость... Деньги осуществляют брагание невозможностей...»

Удивительно созвучие мысли Маркса с высказыванием Иоанна Златоуста:

«До каких пор будем мы любить деньги? Я не перестану вопиать против них, потому что они причиной всех зол. Когда же мы насытим эту ненасытимую страсть? Что привлекательного имеет в себе золото? Я прихожу в изумление от этого... Откуда вошел этот недуг во вселенную? Кто может совершенно искоренить его? Какое слово может поразить и совершенно убить этого лютого зверя? Страсть эта внедрилась в сердца даже таких людей, которые, по-видимому, благочестивы. О сребролюбие! Все свелось к деньгам, потому и перепуталось! Ублажает ли кто кого, помнит деньги; называют ли несчастным, причина опять в них же. Вот о том только и говорят, кто богат, кто беден. В военную ли службу кто имеет намерение поступить, в брак ли кто вступить желает, за искусство ли какое хочет приняться, или другое что предпринимает — не прежде поступает к исполнению своего намерения, пока не уверится, что это принесет ему великую прибыль».

Весьма показательно, что на протяжении всей истории марксизма на голову основоположника проливались не только потоки ненависти, но и многообразной лжи, и лились они в равной мере как справа, так и слева. Одним из самых распространенных и наиболее абсурдных обвинений было и остается приписывание Марксу законспирированной приверженности к иудаизму, каббализму и, как следствие, тайному служению Люциферу. Зомбированные собственным мнением исследователи любят приводить в пример стихи восемнадцатилетнего Маркса, исполненные мрачного величия и юношеской нереализованной гордыни, а центральное место в аргументации оппонентов занимает не столько его общая богосборческая, сколько антихристианская позиция. Исходя из его происхождения — семьи потомственных раввинов — и иудаизма, как главного врага христианства, они автоматически записывают основоположника в главные адепты сатаны. Классики были более сдержаны, но, не впадая в откровенное мракобесие, всё же делали свои, не менее пространные выводы. М. А. Бакунин писал:

«Еврейский мир, образующий эксплуататорскую секту... тесно и дружно организованный не только поверх всех государственных границ, но и поверх всех различий в политических учреждениях, — этот еврейский мир ныне большей частью служит, с одной стороны, Марксу, с другой — Ротшильду. Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой — Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам».

Если с первой половиной высказывания теоретика анархии вполне можно согласиться, то вторая вызывает ассоциации с умозаключениями З. Фрейда, сводящего всё человеческие мотивации в область ниже пряжки ремня. Хотя, как мы увидим в следующей главе, причудливая связь между евреями-марксистами и евреями-капиталистами существовала, и довольно тесная, но характер носила ничуть не идеологический, а исключительно экономический, проще говоря — «шкурный»; как говорится, «ничего личного, только бизнес». Глобальный управляющий класс всего лишь предпринял попытку использовать марксизм в своих целях.

В 1918 г. вышла книга Рудольфа Юнга⁵⁸ «Национальный социализм», в которой автор сформулировал концепцию *мамонизма*, или паразитизма, основная цель которого — всецелое подчинение человечества власти золотого тельца. Движущей силой этой религии автор обозначил «еврейский дух» стяжательства — именно то, против чего так яростно выступал Маркс:

---

⁵⁸ Рудольф Юнг (1882–1945) — немецкий и чешский политик, писатель, идеолог национал-социализма. Именно Юнг убедил Гитлера выбрать название NSDAP (изначально Гитлер хотел назвать свою партию «партией социалистов-революционеров»).

«Что есть мировая основа еврейства? Корысть. Что есть мировой культ еврея? Торгашество. Кто его настоящий бог? Деньги... Деньги — это ревнивый бог Израиля... Банкнота — вот подлинный бог еврея!»⁵⁹

Но еще раньше, в самом конце XIX в., французский экономист и зять Маркса Поль Лафарг выпустил небольшую книгу под названием «Религия капитала». Работа, выполненная в форме политического памфлета, описывает некую сходку сильных мира сего, обсуждающих опасности «призрака коммунизма», блуждающего по Европе. Все они сходятся во мнении, что идеям христианства и социализма необходимо противопоставить религию капитала. Для этого нужно, прежде всего, создать догматический базис и повсеместно наступательно его насаждать. Обратим внимание, что христианство и социализм они ставят на одну ступень, поэтому противопоставление двух идеологий как со стороны Церкви, так и со стороны политических течений — действие лукавое и злонамеренное. Несомненный интерес представляют выступления участников, выразивших свои мысли с предельной откровенностью и цинизмом. Известный английский естествоиспытатель-дарвинист Томас Гексли говорил:

«Религии нашего века представляют собою социальную опасность. Спросите у Гирса, с улыбкой внимающего нам, не заражены ли коммунизмом все секты новейших формаций, как в России, так и в Соединенных Штатах? Я допускаю необходимость религии, но я не могу не признать, что христианство, пригодное еще для папуасов и австралийских дикарей, немного устарело для Европы. Если нам нужна новая религия, то приложим все старания к тому, чтобы она не была плагиатом католицизма и чтобы у нее не было ни малейшего следа социализма».

Российский министр иностранных дел Николай Гирс продолжил:

«Эти либеральные добродетели являются поистине чудесной религиозной находкой новейшего времени, они оказывали весьма важные услуги в Англии, во Франции, в Соединенных Штатах, — словом, повсюду, где ими пользовались для управления массами. Когда потребуется, мы воспользуемся ими и в России. Вы, господа западники, обучили нас искусству угнетать во имя Свободы, эксплуатировать во имя Равенства и расстреливать во имя Братства. Вы — наши учителя. Но этих трех добродетелей буржуазного либерализма недостаточно, чтобы основать религию; самое большее это полубоги, нужно найти еще верховного бога».

Итог дискуссии подвел титулованный английский экономист Роберт Гиффен:

«Единственная религия, которая в состоянии отвечать потребностям момента, это религия Капитала. Капитал — реальный бог, вездесущий, проявляющийся во всех формах; он — и сверкающее золото, и зловонное удобрение, он — и стадо баранов, и кладь кофейных зерен, он — и склад

---

⁵⁹ Работа К. Маркса «К еврейскому вопросу», 1844 г.

священных библий, и тюки порнографических гравюр, он — и гигантские машины, и кипы английских непромокаемых плащей. Капитал — бог, которого каждый знает, видит, осязает, обоняет, вкушает; его воспринимают все органы наших чувств. Это единственный бог, который не сталкивался еще ни с одним атеистом. Соломон обожал его, несмотря на то, что для него всё было суeta суeta. Шопенгауэр находил в нем упоительное очарование, хотя всё представлялось ему сплошным разочарованием. Гартман — философ бессознательного — один из его сознательных поклонников. Все прочие религии — это лишь слова; в глубине человеческого сердца царит вера в капитал».

Речь Гиффена свергла всех присутствующих в экстаз, и они возопили: «Капитал — бог! Капитал не знает ни отечества, ни границ, ни окраски, ни рас, ни возраста, ни пола. Он бог интернациональный, бог универсальный, он подчинит своему закону всех сынов рода человеческого! Сотрем с лица земли все религии прошлого, забудем национальную ненависть, религиозные распри, объединимся душой и сердцем, чтобы формулировать догматы новой религии, религии Капитала».

В 2013 г. вышла книга В. Катасонова «Религия денег», в которой он убедительно и научно обоснованно доказывает, что капитализм действительно представляет собой религию в чистом виде, отвечающую пяти основным признакам:

1. Мировоззрение.
2. Мироощущение.
3. Соответствующее поведение.
4. Специфические действия (культ).
5. Вера в существование богов (одного или нескольких) и сверхъестественное (священное) — вера, которая является основанием первых четырех признаков.

Доказывать, что капитализм не только чужд, но и антагонистичен христианству, нет нужды — это сделали сами капиталисты в цитатах из Поля Лафарга. Но конкретизацию легко найти в самом Новом Завете в сцене искушения Иисуса. Вспомним, что предлагал ему дьявол, и увидим, что все искушения суть мировоззрение капитализма. Здесь и плотские страсти, и поощрение гордыни, и стремление к власти, то есть непосредственные догматы религии денег.

Э. Фромм подмечает много общих черт социализма Маркса с великими мировыми гуманистическими религиями, с той лишь разницей, что рaдение о душе человеческой выражено у него не в теологических, а философских категориях. Его богоборчество по факту представляет собой борьбу против кумиров и идолов. В качестве эпитафии к диссертации он написал:

«Не тот безбожник, кто презирает богов толпы, а тот, кто приписывает богам идеи толпы».

Э. Фромм подводит итог:

«Атеизм Маркса — это наиболее прогрессивная форма рациональной мистики. Маркса обвиняют в безбожии, а он стоит ближе к Мейстеру, Экхарту или дзен-буддизму, чем большинство борцов за Церковь и Бога.

Социализм — враг Церкви, ибо она ограничивает силы разума; он — враг либерализма, ибо тот отделяет друг от друга общество и моральные ценности. Он — враг сталинизма и хрущевизма из-за их авторитарности и также из-за их наплевательского отношения к человеческим ценностям. Социализм — это отмена человеческого самоотчуждения, возврат человека к его подлинно человеческой сущности. Он есть истинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и другими людьми, это разрешение спора, противоречия между сущностью и существованием, между опредмечиванием и распредмечиванием, между свободой и необходимостью, между человеческим индивидом и родом человеческим. Это и есть разгадка тайны истории».

9

ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА И ПРАКТИКА СГОВОРА

*Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына;
И восстанут дети на родителей, и умертвят их;
И будете ненавидимы всеми за имя Мое;
Претерпевший же до конца, спасется.*

Мф. 10: 21

Декабристы явились первой революционной «закладкой» под фундамент самодержавия. Что им удалось, а что нет — вопрос второстепенный. Главное — Россия была ввергнута в состояние ожидания чего-то нового и неизведанного ранее, новых смыслов и целей. К революциям можно относиться как угодно, но несомненно, что побудительная причина всегда — борьба со всем плохим за всё хорошее. Споры на эту тему продолжаются уже несколько десятилетий и, наверное, не прекратятся никогда, но редко кто приводит один из главных аргументов в пользу большевиков. Тогда, в 17-м, они реально уберегли страну от распада, хотя много территорий и потеряли. Но так сложилась историческая логика момента.

В тот драматический год страна стояла на распутье. Первый путь — тот, по которому она пошла уже в 1991 г. Итог известен — полная потеря суверенитета, разграбление, власть воров и бандитов. Второй путь предполагал власть хама, толпы, которая, пройдя чистилище, должна была стать народом. Первый путь не предусматривал вариантов, он был однозначен. Страна выбрала второй.

Всё шло тяжело и непросто, но иначе и быть не могло. Это как идти по незнакомому болоту со слегой — неизвестно, что в следующий момент окажется под ногами. Но обратного пути не было, а неизбежность произошедшего обуславливалась миной, заложённой ещё администрацией

царя-освободителя. Худо-бедно, но большевикам удалось решить две назревшие проблемы — мира и земли. Только за одно то, что они прекратили бессмысленную четырехлетнюю бойню, им можно многое простить. Интересно, кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы антихрист останавливал войны?

Естественно, в каждом шаге сказывалось отсутствие политического опыта со всеми терниями, неизбежными для первопроходцев. Наивная попытка военного коммунизма — это не террор, как нам любят это представлять, а чистой воды идеализм. Были отменены товарно-денежные отношения, национализирована промышленность. Показательно, что самой первой акцией большевиков стала национализация всех банков. Шаг, безусловно, верный. Но уж если рубить, так наотмашь! Одновременно проводилось действие, которое иначе как грабежом охарактеризовать нельзя: у населения изымались все денежные средства, ценности, золото и серебро. Отмена денежного обращения сопровождалась организацией бесплатных столовых, транспорта, медицины и многого другого. Параллельно вводилась принудительная трудовая повинность (кто не работает, тот не ест). Дисциплина на предприятиях носила армейский характер военного времени. Факт широко не известный или умышленно замалчиваемый, но вменяемая большевикам продрозверстка была введена царским правительством 2 декабря 1916 г., а в апреле 17-го Временное правительство ввело хлебную монополию. Большевики всего лишь сохранили эту временную меру. Крепостное право предусматривало некие формы социального контроля (по А. Фурсову). Нараставшие противоречия к 1914 г. приняли уже совсем уродливые формы. Например, если немецкий крестьянин в условиях военного времени сдавал на потребу армии до 90 % зерна, то русский или давал минимум, или не давал совсем. Механизмы контроля отсутствовали. Ситуация сохранялась и при большевиках. Какая же власть потерпит такую анархию в условиях внешней угрозы государству? Исчерпывающее объяснение дал сам Ленин:

«Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного „военного коммунизма“, вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму. Своеобразный „военный коммунизм“ состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли... Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. „Военный коммунизм“ был

вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе. Продналог есть переход к ней. Мы всё еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть благодаря алчности и злобе капиталистов завтра), что не можем дать крестьянину за весь нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, т.е. минимально необходимое (для армии и для рабочих)».

Был ли военный коммунизм политической ошибкой? Вопрос риторический, потому что сама идея «введения» коммунизма в разграбленной и одичавшей стране смахивает на одержимость. Особенность ситуации 1917 г., созданной отнюдь не большевиками, породила неизбежность диктатуры любого толка. Октябрьская революция явилась одним из множества возможных векторов, направленных на решение назревших проблем «маленького человека». Она смогла заменить стихию «бессмысленного и беспощадного» *процессом*, хоть неумелым и корявым, но всё же осмысленным.

Политика Александра II в чем-то сходна с управленческой стратегией 90-х, когда элиты шумною толпою устремились в мировое сообщество, что и в том, и в другом случае привело к одинаковому результату — разграблению природных ресурсов, потере финансового и национального суверенитета, порождению олигархии с закономерным разложением власти, расслоению общества с массовым обнищанием, росту социальной напряженности. Все последующие катаклизмы — прямой результат этой политики, которую большевики беспощадно поломали.

Ленину часто вменяют в вину несколько пренебрежительное отношение к крестьянству и ставку исключительно на пролетариат. Основания для этого были, потому что историческая неофициальная гегемония крестьянства обуславливалась вековым жизненным укладом страны. Большевики решительно разломали и эту модель, взяв ориентир на высокотехнологичную индустрию. По закону жанра основу экономики составил ВПК как единственный возможный гарант становления страны в статусе супердержавы. Забегая вперед, приходится с прискорбием констатировать, что 90-е вернули страну к той же негодной модели, которая выстраивалась администрацией Александра II. По сути, это был второй круг преступного эксперимента, проводимого либеральными элитами.

Оценивая значение Октября, необходимо отметить один наиважнейший момент. Как бы это ни показалось странным, но большевистская

власть сохранила определенную преемственность власти самодержавной, и выражалось это не только в ее национальном характере, но и во всей управленческой стратегии. В среде историков и обществоведов существует мнение, что Октябрьская революция явилась реализацией, так называемого Большого Левого Проекта эпохи Модерна. Действительно, многие факты истории свидетельствуют о том, что именно Запад осуществил этот проект за своими пределами. Но это ничего не меняет. Россия реализовала и свой собственный проект, обеспечивший не только сохранение национального суверенитета, но и расширение, и модернизацию его в рамках многонационального государства, по сути — цивилизации нового типа.

Но реализация проекта — это лишь первая ступень в решении поставленной задачи. Вожди и идеологи позиционировали себя марксистами, социалистами, коммунистами. Сама революция получила название «социалистическая». Но выше мы уже рассматривали концепцию Маркса, и у нас есть возможность сравнить поставленные задачи с полученными результатами. В свое время Маркс (опять-таки провидчески) писал:

«Настанет русский 1793 год, и господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории».

Вторил ему и Энгельс:

«Русская революция начнется, вопреки предсказаниям Бакунина, сверху, во дворце. Но раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года».

История подтвердила правоту основоположников лишь до некоторой степени. Специалисты отстаивают точку зрения, согласно которой революция в России не при каких условиях не могла быть демократической. Якобы человек с рабской психологией всегда мечтает стать господином. Всё это так. Но дело в том, что у русского человека никогда не было рабской психологии и именно поэтому демократия ему чужда. О демократии мечтают именно рабы, в рабской наивности полагая, что она возможна в принципе.

Удивительную мысль высказал однажды С. Г. Кара-Мурза. По его мнению, Октябрьская революция — это реакция народа на либерально-космополитический февральский переворот, и, не случись этого переворота, октябрь 17-го не состоялся бы. Очень похоже на истину, по крайней мере, все логические взаимосвязи прослеживаются идеально.

Однако социализм — именно тот строй, который в наибольшей степени соответствовал святоотеческим православным традициям. Характеризовать Маркса исчадием ада могут или полные идиоты, или истинные исчадия, по принципу — кто громче кричит «держи вора!». Маркс был всего лишь идеалист, и от утопистов отличался только стройной системой научного подхода. Закономерно, что попытка реализации его модели произошла именно в России. Закономерно, что его модель не была реализо-

вана нигде в мире. То есть человек не дозрел не только до коммунизма, но и до социализма по Марксу — слишком уж велико искушение мамы. Слишком сильна религия золотого тельца. Рассуждать о возможности демократии в России 17-го года — признак полной невменяемости. То, что могло построить в стране Временное правительство, в комментариях не нуждается. Большевики строили единственно возможное, и единственными возможными методами. Представить себе учреждение истинной демократии в то время, в тех условиях и с тем народом поистине страшно. Попытайся Ленин принять такое решение, и страны бы не стало. Если свобода — осознанная необходимость, то она предполагает осознание границ допустимого. Могло ли быть такое осознание у одичавшего и озверевшего от войны крестьянства?

Идея перманентной борьбы как нового смысла жизни, красной нитью проходила через все годы становления и существования советской власти. Вначале — с буржуазией, в конце — с мировым империализмом. Идея борьбы пронизывала все сферы бытия настолько, что на обустройство своей жизни, собственного мира не оставалось ни сил, ни времени. Всё в точности по Чехову. Сейчас много рассуждают о причинах крушения советской модели. Большинство приводимых причин далеки от истины. Эпоха так называемого застоя обозначила, по всей видимости, главное — всему есть свой предел. Есть предел и стремлению к борьбе. Смысл борьбы стал не ясен, а цели утратили определенность. Вожди не могли предложить ничего нового в силу косности мышления и общей интеллектуальной несостоятельности. Диссиденты находились под непрерывным гипнозом исключительно либеральной идеи. Народ просто заскучал и, когда ему подкинули тезис о «социализме с человеческим лицом», наивно купился, не подозревая, что Просветитель, наконец, обвел-таки его вокруг пальца, торжествуя победу, вождевленную на протяжении всей истории русской цивилизации.

Можно ли было в тот момент предпринять попытку построения социализма по Марксу? Наверное, можно, если бы к власти пришли личности, а не демагоги и ничтожества, а с ними и откровенные враги. Кроме того, говоря о господствующей идеологии тех лет, мало кто задумывался о самой ее основе. Коммунизм рассматривался, по сути, в примитивной форме. Идеология предполагала некие морально-нравственные аспекты, но очень обобщенно и расплывчато. Основной целью провозглашалось: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Лозунг, заманчивый на начальном этапе, со временем утратил значительную часть притягательности, ведь в СССР никто уже не голодал, да и заработать, при желании, всегда имелись возможности. Таким образом, «построение царства Божия без Бога» логически себя исчерпало, так как не наделило русского человека ощущением высшего смысла. Грубый материализм в очередной раз доказал свою несостоятельность.

Р. Пайпс⁶⁰ однажды высказал абсурдную мысль, что большевики взяли власть, чтобы развязать гражданскую войну. Заявление нелепое, согласное с логикой, перевернутой с ног на голову. Революционные вожди не питали иллюзий относительно правящих классов и не рассчитывали, что те отдадут власть без боя. Еще в 1914 г. ими был брошен лозунг «превратим империалистическую войну в войну гражданскую». Основоположник идеи перетекания мировой войны в мировую революцию Л. Троцкий не стеснялся в формулировках: «Советская власть — это организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков».

Сегодня нет смысла включаться в дискуссию историков о том, «кто первый начал». Если быть до конца объективными, то вывод очевиден: начал Николай, сначала бездействием, а затем отречением, с иезуитским самооправданием этой самой войны предотвращения. Большевики прекратили Первую мировую, вопреки устремлениям транснационального капитала, о чем речь пойдет ниже. Данные статистики различных источников разительно отличаются. Численность только военных потерь русской армии колеблется от 800 тыс. до 1300 тыс. солдат и офицеров без учета мирного населения, и это за три с лишним года боевых действий. Потери в Гражданской войне за четыре года составили примерно 10,5 млн человек с обеих сторон конфликта. Цифра чудовищна не столько величиной, сколько содержанием. Потому что и с той, и с другой стороны были русские люди. При освещении этого периода редко делается акцент на политические взгляды белого движения. Еще со школы в сознание внедряется примитивная схема: эти — за царя, а те — против. В реальности же убежденных монархистов было меньшинство. Генеральная линия и конечная цель белых — Учредительное собрание. По оглашению на него возлагалась миссия определения последующей политической организации страны. По умолчанию, не вызывало сомнений, что возврат к монархии невозможен и России уготована участь некой пародии на либеральную демократию. Немногие, подобно генералу М.Г. Дроздовскому⁶¹, имели смелость открыто заявлять о приверженности монархии.

---

⁶⁰ Ричард Пайпс (1923–2018) — американский ученый, доктор философии по предмету истории, профессор русистики и русской истории Гарвардского университета. В 1968–1973 гг. был директором Исследовательского центра по изучению России (Центр Дэвиса) при Гарвардском университете, в 1973–1978 гг. — главный научный консультант Института по исследованию России при Стэнфордском университете.

⁶¹ Михаил Дроздовский (1881–1919) — русский военачальник, Генерального штаба генерал-майор (1918), монархист. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из видных организаторов и руководителей Белого движения на Юге России. Дроздовский «стал первым в истории Белого движения генералом, открыто заявившим о своей верности монархии — в то время, когда „демократические ценности“ Февраля были еще в чести».

В исторической литературе Новейшего времени акцентируется вопрос «красного террора» как главной характерной черты Гражданской войны. Формируется мнение, что только озверевшие большевистские орды безжалостно изничтожали благородное офицерство и аристократию. На самом же деле обе стороны конфликта видели путь к окончательной победе исключительно через диктатуру.

Мнения историков по теме разделяются. Специалисты либерального толка акцентируют внимание на спонтанном характере белого террора, не являвшегося доминирующим методом государственной политики. Однако документы свидетельствуют, что не только приказы высшего командования белого движения, но и законодательные акты многочисленных правительств предписывали применение репрессивных мер воздействия на большевиков и сочувствующих на подконтрольных территориях с целью устрашения. Главные роли отводились контрразведке и военно-полевым судам, но чаще решения принимались либо вообще во внесудебном порядке, либо по упрощенной схеме, на манер большевистских «троек». По свидетельствам А. И. Деникина, контрразведки белых армий представляли собой «очаги провокаций и организованного грабежа», и жертвами их становились не только большевики, но и представители других политических течений, а также совершенно случайные люди. Так, например, на территориях, подконтрольных генералу Краснову число жертв в 1918 г. достигало 30 тыс. человек. Приказ коменданта Макеевского района от 10 ноября 1918 г. гласил:

«Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать. Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня».

Особой жестокостью отличался чехословацкий корпус⁶². На его счету несколько тысяч расстрелянных большевиков и сочувствующих. Отряд атамана Анненкова отличался массовыми грабежами и убийствами крестьян под девизом: «Для нас нет никаких запретов. С нами Бог и атаман Анненков, руби направо и налево!» К поезду атамана группами свозили девушек, массово насиловали и расстреливали. По свидетельствам очевидцев, казни анненковцев носили откровенно изуверский характер: людей закапывали живьем, вырывали глаза и языки, вырезали на теле звезды. Неменьшую «доблесть» проявляли казаки атамана Дутова. В селе Александров Гай живьем закопали около сотни пленных. На счету дутовцев

---

⁶² Чехословацкий корпус (Чехословацкий легион) — национальное добровольческое воинское соединение, сформированное в составе Русской армии в годы Первой мировой войны, в основном из чехов и словаков, проживавших на территории Российской империи, и пленных чехов и словаков, бывших военнослужащих австро-венгерской армии, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии.

несколько тысяч расстрелянных за малейшее неповиновение властям. Взятие заложников при подозрении на неблагонадежность стало их обычной практикой. В селе Сахарном ими была сожжена больница с семьями больными и ранеными красноармейцами. Генерал А. Ф. Власьевский из корпуса атамана Семенова на допросе признавался:

«Подразделения атамана Семенова приносили много несчастий населению. Они расстреливали заподозренных в чем-либо лиц, жгли деревни, грабили жителей, которые были замечены в каких-либо действиях или даже в нелояльном отношении к войскам Семенова. Особенно отличились в этом дивизии барона Унгерна и генерала Тирбаха, имевших свои контрразведывательные службы. Но наибольшие зверства чинили всё же карательные отряды войсковых старшин Казанова и Фильшина, сотника Чистюкина и другие, которые подчинялись штабу генерала Семенова».

Сам Семенов на суде не скрывал, что при оказании малейшего сопротивления деревни сжигались полностью вместе с людьми, а пытками руководил лично, в ходе которых было замучено около 3 тыс. человек.

В Сибири свирепствовал Колчак. Член ЦК эсеров Д. Ф. Раков писал:

«Омск просто замер от ужаса. В то время, когда жены убитых товарищей день и ночь разыскивают в сибирских снегах их трупы, я продолжал мучительное свое сидение, не ведая, какой ужас творится за стенами гауптвахты. Убитых было бесконечное множество, во всяком случае, не меньше 2,5 тыс. человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие».

Приказ особого уполномоченного Колчака в Красноярске от 27 марта 1919 г. гласил:

«Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и возжакв; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, — расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать в пользу казны.

Примечание. Все отобранное должно быть проведено приказом по отряду...

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно».

В одной только Екатеринбургской губернии, подконтрольной Колчаку, было расстреляно 25 278 человек и перепорото 10 % из 2-миллионного населения, включая женщин и детей.

А. Л. Литвин⁶³ пишет:

«Трудно говорить о поддержке его политики в Сибири и на Урале, если из примерно 400 тыс. красных партизан того времени 150 тыс. действовали против него, а среди них 4–5% было зажиточных крестьян, или, как их тогда называли, кулаков».

А. И. Деникин говорил:

«Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. И жалки оправдания, что там, у красных, было несравненно хуже. Но ведь мы, белые, вступали на борьбу именно против насилия и насильников!.. Нет душевного покоя. Каждый день — картина хищений, грабежей, насилия по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густою сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба с ними шла одновременно по двум направлениям — против самозванных учреждений и против отдельных лиц. Последняя была малорезультатна, тем более что они умели скрывать свои преступления и зачастую пользовались защитой своих, доверявших им начальников».

Число жертв белого террора до сих пор предмет дискуссий историков, но представляется, что оно аналогично числу жертв террора красного, тем более что тактика белого движения явилась одной из важнейших причин его поражения в Гражданской войне. Всё вышеперечисленное — отнюдь не попытка очернить одних и обелить других. Логика исторического момента неумолима. Ненависть красных к вековым угнетателям и эксплуататорам искала выход в любых, самых чудовищных проявлениях. Ненависть элит к взбунтовавшимся рабам и презренной черни была не менее дикой. Утрата вековых сословных привилегий не могла произойти без острейшего сопротивления. Завоевание права построения нового справедливого мира не могло произойти без большой крови. Для большевиков это был единственный возможный способ удержать власть.

Е. Котеленец⁶⁴ пишет:

«...дошедшая до стадии гражданской войны социальная и классовая конфронтация делит общество на „своих“ и „чужих“, на „мы“ и „они“.

---

⁶³ Алексей Литвин (род. 1931) — советский и российский историк, специалист по истории Гражданской войны в России, историографии. Доктор исторических наук, профессор.

⁶⁴ Елена Котеленец (род. 1952) — российский историк, специалист по истории России XX века, лениновед. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

Врагов и противников вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как „нелюдей“, на которых не распространяют общечеловеческие нормы. Именно это и создает возможность превратить аморальный террор в террор морально оправданный...»

При рассмотрении вопроса сохранения власти, нельзя обойти вниманием период так называемой иностранной военной интервенции. Тема эта во многом туманна и загадочна, приправлена изрядной порцией фальсифицированных документов, многие из которых на протяжении десятилетий не вызывали у историков ни сомнений, ни возражений. Даже сегодня большая часть оперативных материалов тех лет порождает больше вопросов, чем дает ответов. Поэтому оставим попытки делать выводы и рассмотрим лишь факты.

Из программы средней школы советской эпохи мы знаем (приблизительно), что войска Антанты и союзников оккупировали часть территории бывшей Российской империи, чтобы задушить молодую советскую власть, а большевики в самоотверженной борьбе их победили и изгнали.

В марте 1918 г. Троцкий отдает приказ мурманскому Совету:

«Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий».

Но в газете «Русское слово» от 20 марта 1918 г. публикуется его же интервью со следующими эскападами:

«Советская Россия не может встать в один ряд... с капиталистической Америкой, так как это было бы предательством... Возможно, что американцы, движимые своим антагонизмом к Японии, ищут такого сближения с нами, но в любом случае не может быть и речи о нашем союзе любого характера с буржуазной нацией».

Но тремя днями ранее посол США в России Дэвид Френсис информировал свое правительство:

«Троцкий просит пять американских офицеров в качестве инспекторов армии, организуемой для обороны, а также просит людей и оборудование для эксплуатации дорог».

Это касалось военного вторжения на русский Север. Аналогичная ситуация сложилась и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Комментирует Э. Саттон⁶⁵:

«Когда президент Вудро Вильсон послал войска США для удержания Транссибирской железной дороги, он лично дал секретные инструкции генералу Уильяму С. Грейсу. Мы пока не обнаружили этих инструкций (хотя нам известно, что они существуют), но тщательное изучение доступных архивов показывает, что американская интервенция имела мало общего с антибольшевистской деятельностью, как это утверждают Советы, Джордж Кеннан и другие писатели.

---

⁶⁵ Энтони Саттон (1925–2002) — американский экономист, доктор экономики, профессор, автор книги «Уолл-стрит и большевистская революция».

Советы были так благодарны за американскую помощь в революции, что в 1920 году, когда последние американские войска уходили из Владивостока, большевики устроили им дружеские проводы».

Вот что сообщала 15 февраля 1920 г. «Нью-Йорк таймс»:

«Владивосток, 1 февраля (Ассошиэйтед Пресс). Сегодня второй день город отмечает полное освобождение от власти Колчака парадами, уличными митингами и речами. Красные флаги развеваются над правительственными зданиями, на многих деловых учреждениях и домах.

Налицо ярко выраженные проамериканские настроения. Перед американской штаб-квартирой революционные лидеры поднялись на ступеньки расположенного напротив здания и в своих речах называли американцев настоящими друзьями, которые в критический момент спасли существующее движение. Люди настаивают на проведении совместной политики невмешательства во время оккупации города и надеются на помощь в мирном разрешении ситуации».

Забегая вперед, следует отметить, что Троцкому всё же пришлось ответить за службу «великому путанику», и не только посредством ледоруба, но и процессами над «антисоветским правотроцкистским блоком». В 1938 г. Х. Раковский⁶⁶ на суде говорил:

«Мы были авангардом иностранной агрессии, международного фашизма, и не только в СССР, но и в Испании, Китае, во всем мире»,

Каким бы ни было отношение к процессам 30-х гг., но рассекреченные документы подтверждают как обвинения, так и самообвинения троцкистов.

Э. Саттон пишет:

«Кроме того, Троцкий сумел создать себе поддержку от интернационалистов-капиталистов, которые, по совпадению, также поддерживали Муссолини и Гитлера.

Если мы рассматриваем всех революционеров-интернационалистов и всех международных капиталистов как непримиримых врагов, то мы упускаем решающий момент; в действительности между ними существует некоторое деловое сотрудничество, включая фашистов. И не существует априорной причины, почему мы должны отвергать Троцкого, как часть этого союза»

Поэтому борьба большевиков с интервентами не более, чем байки для школьников.

Но все-таки Запад допустил глобальную стратегическую ошибку. Тогда в 18-м их взорам представлялась разграбленная и раздробленная страна, гарантом чего им виделись большевики. Ллойд Джордж цинично провозглашал:

---

⁶⁶ Христиан Раковский (1873–1941) — советский политический, государственный и дипломатический деятель болгарского происхождения. Расстрелян по делу «Антисоветского правотроцкистского блока».

«Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании».

Поддержка белого движения осуществлялась символически, дозированно и имела целью максимальное продление братоубийственной катастрофы и уничтожение российской государственности. Н. А. Нарочницкая пишет:

«Смысл так называемой интервенции в России заключался также совсем не в цели сокрушить большевизм и коммунистическую идеологию, но и не в цели помочь белому движению восстановить прежнюю единую Россию. Главные побуждения были всегда геополитическими и военно-стратегическими, что и объясняет попеременное сотрудничество или партнерство то с Красной армией против белой, то наоборот, закончившееся в целом предательством Антантой именно белой армии. Политика Антанты явилась образцом неблагодарства по отношению к своей союзнице России и отразила отношение к ней как к добыче для расхищения...»

Но у большевиков внутри страны так же всё было неоднозначно. Выкристаллизовывалась оппозиция во главе со Сталиным, которая видела Россию аналогично белым — единой, и к 1924 г. сформировался прообраз империи — СССР. А пока интервенты стремились урвать всё, что возможно. Количество, качество и стоимость вывезенных из России ценностей не поддается исчислению. В январе 1920 г. Троцкий направил начальнику таможи Владивостока телеграмму:

«В награду за службу России чехам разрешается пройти границу без таможенного досмотра и взять с собой всё имеющееся у них в наличии и без всякого ограничения».

Чехи для вывоза награбленного затребовали 35 крупнотоннажных судов. И они их получили! Аналогичными благодеяниями были осыпаны и другие миссии Антанты.

На самом же деле многоходовая военно-политическая операция начала готовиться еще в 1904 г., когда завершалась подготовка по втягиванию России в войну с Японией, о чем говорилось выше. Русско-японская кампания провоцировалась с учетом назревшей революционной ситуации. Но революция захлебнулась, и планы транснационального капитала по ликвидации российского самодержавия отодвинулись на 10 лет. Однако подготовка не прекращалась. Очередной резидент мирового финансового монстра — Германия — вела широкомасштабную деятельность по подготовке следующего этапа операции.

В 1912 г. небезызвестный Макс Варбург создает в Стокгольме «Ниабанк», главой которого становится Олаф Ашберг. Множество косвенных данных указывают, что главной целью его создания было финансирование

грядущей русской революции. Традиционная версия гласит, что Октябрьская революция свершилась на немецкие деньги. Но почему-то никто не фиксировал внимание на простом, лежащем на поверхности, факте. Могла ли Германия, несколько лет ведущая изнурительную войну, позволить себе финансировать еще и русскую революцию? Конечно, ход заманчивый — разжечь пожар в тылу противника — но финансово неподъемный. Примитивный анализ показывает, что ни у одной из воюющих сторон не могло быть никаких избыточных средств. Так каков же был подлинный источник финансирования?

Запад облизывался на Россию всегда, но кульминацией неумемного аппетита стал конец XIX в. Выше уже говорилось о темпах роста российской экономики в эпоху Александра III, поэтому более привлекательного товарно-инвестиционного рынка найти было невозможно. Европейские капиталы наперебой ломались в Россию, извлекая немалые дивиденды, но отношения с Соединенными Штатами оставались на уровне пространных переговоров по причине хитрости и потенциальной деловой нечистоплотности заокеанских партнеров.

Германия была одним из главных инвесторов и поставщиков промышленной техники, поэтому, когда у Николая II хватило ума ввязаться в Первую мировую авантюру, выяснилось, что большое количество предприятий не в состоянии работать без немецких поставок. Страны-союзницы разгребали собственные военно-экономические проблемы, поэтому САСШ, наконец, дождалась-таки звездного часа.

Но и в этом случае не всё оказалось так просто. Великобритания — основной партнер и кредитор России — «приревновала» ее к новому «ухажеру». Правда, мотивации носили исключительно «шкурный» характер: Альбион заволновался, что новые бизнес-контакты лишат его послевоенного доминирования. В российской власти существовало влиятельное английское лобби, во главе которого стоял великий князь Николай Николаевич, бывший в те годы главнокомандующим. С его подачи в Лондоне был создан комитет военных закупок России у САСШ, возглавляемый лордом Китченером и представляющий собой посреднический паразитический орган со стандартным алгоритмом деятельности. Россия предоставляла комитету список необходимого. Комитет накручивал закупочные цены и передавал компании Моргана, а по итоговым счетам расплачивалась Россия. Наша страна в каждую эпоху имела своих чубайсов, в результате чего с начала 1915 г. мировая бойня дополнилась еще и бессовестным грабежом, способствовавшим САСШ полностью погасить внешний долг. Прибыль американских компаний-монополистов составила более 3 млрд долларов по курсу тех лет.

Надо признать, что здравый смысл в российской политике всё же пробудился, хотя и со значительным опозданием. Летом 1915 г. в Совете министров был заслушан доклад «О вреде монопольной агентуры Моргана».

Должного эффекта выступление не возымело: «откаты» чиновникам и союзнические отношения с Англией перевесили чашу весов патриотизма.

Однако дальнейшая история начала приобретать неожиданный оборот. В Нью-Йорке появился не кто иной, как О. Ашберг, инициировавший переговоры с компанией Моргана от имени еще не существующего российского правительства. Напомним: шла осень 1915 г., Ашберг предлагал немедленно установить прямые торгово-финансовые контакты, минуя посредников, так как окончание войны близко, а с ним и свержение царя. Он уверенно говорил о новой большевистской власти и необходимости превентивных мер по установлению с ней контактов. Упущенные возможности чреватые послевоенным экономическим протекторатом Англии и Германии. Осведомленность Ашберга, почти мистическая, и озвученные перспективы произвели впечатление не только на представителей Моргана, но и Рокфеллера.

Э. Саттон пишет:

«Теперь, в 1916 году, он был в Петрограде с Рольфом Маршем из „Гаранти Траст“ и Сэмюэлем Мак-Робертсом и Ричем из „Нэшнл Сити Бэнк“ (в телеграмме „Сити“), организуя займы для консорциума Моргана-Рокфеллера».

В следующем году Ашберг, как мы увидим позже, станет известен как «большевицкий банкир», и в его мемуарах приведены доказательства его права на этот титул.

В досье Государственного департамента также имеется серия телеграмм между послом Фрэнсисом, исполняющим обязанности секретаря Фрэнком Полком и государственным секретарем Робертом Лансингом о законности и уместности передачи телеграмм «Нэшнл Сити Бэнк» и «Гаранти Траст» за государственный счет.

25 мая 1916 г. посол Фрэнсис направил в Вашингтон телеграмму, сославшись на две предыдущие, следующего содержания:

«569, 25 мая, 13:00

Мои телеграммы 563 и 565 от 24 мая направлены за местных представителей учреждений-адресатов в надежде заключения займа, который значительно увеличит международную торговлю и даст большие выгоды (в дипломатических отношениях). Перспективы успеха многообещающие.

Представители в Петрограде считают выдвинутые условия весьма удовлетворительными, но опасаются, что такие представления в их учреждения могут помешать заключению займа, если здешнее правительство узнает об этих предложениях. Фрэнсис, американский посол».

Затем, 8 июня 1916 г. государственный секретарь Лансинг ясно заявил, что предлагаемые займы являются незаконными:

«860 Ваши 563, 565, 24 мая, и 569, 25 мая, 13:00. До передачи сообщений Вандерлипу и Гаранти Траст Компани я должен проверить, не отно-

сятя ли они к займам любого вида российскому правительству. Если да, я сожалею, что Департамент не сможет участвовать в их передаче, так как такое действие подвергнет его оправданной критике из-за участия нашего правительства в сделке, о займе воюющей стране для цели ведения ее военных операций.

Такое участие противоречит общепринятой норме международного права о том, что нейтральные правительства не должны оказывать помощь осуществлению военных займов воюющим странам».

Последняя строка написанной Лансингом телеграммы не была передана в Петроград. Эта строка гласит: «Нельзя ли организовать пересылку этих сообщений по русским каналам?»

Как мы можем оценить эти телеграммы и вовлеченные стороны?

Ясно, что круги Моргана-Рокфеллера не были заинтересованы в соблюдении норм международного права. В этих телеграммах есть очевидное намерение предоставить займы воюющим странам. Эти фирмы без колебаний использовали для переговоров средства Государственного департамента.

Кроме того, несмотря на протесты, Государственный департамент позволил сообщениям пройти. В заключение, и что самое интересное для последующих событий, Олоф Ашберг, шведский банкир, был видным участником и посредником в переговорах от имени «Гаранти Траст».

В число других лиц заинтересованного круга деловых коллег Ашберга входили: Красин, который до большевистской революции (когда он сменил окраску на видного большевика) был русским управляющим фирмы «Сименс-Шукерт» в Петрограде; Карл Фюрстенберг⁶⁷, министр финансов в первом большевистском правительстве; и вице-президент «Гаранти Траст» в Нью-Йорке Макс Мэй, отвечающий за иностранные операции.

Летом 1916 г. Олоф Ашберг находился в Нью-Йорке, представляя «Ниа Банкен» и П. Барка, царского министра финансов.

Главным делом Ашберга в Нью-Йорке, как писала «Нью-Йорк таймс» от 4 августа 1916 г., было заключение соглашения о займе в 50 млн долларов для России с американским банковским синдикатом, возглавлявшимся «Нэшнл Сити Бэнк» (НСБ) Стиллмена.

Эта сделка была заключена 5 июня 1916 г.; ее результатом стали кредит России в 50 млн долларов в Нью-Йорке по банковской ставке 7,5% годовых и соответствующий кредит в 150 млн рублей для НСБ в России.

Затем нью-йоркский синдикат изменил политику и выпустил на американский рынок 6,5%-ые сертификаты от своего имени на сумму в 50 млн долларов.

---

⁶⁷ Здесь Э. Саттон путает. Якуб Фюрстенберг, он же Яков Ганецкий, — политик и дипломат, и.о. главного комиссара Народного банка РСФСР в 1918–1920 гг.

Таким образом, синдикат НСБ получил прибыль на 50-миллионном займе России, выпустил его на американский рынок для получения дополнительной прибыли и получил кредит на 150 млн рублей в России.

Во время своего посещения Нью-Йорка по поручению царского российского правительства Ашберг пророчествовал о будущем для Америки в России:

«Когда борьба окончится, по всей стране для американского капитала и американской инициативы будет существовать благоприятная обстановка вследствие пробуждения, вызванного войной.

Сейчас в Петрограде много американцев, представляющих фирмы, которые следят за ситуацией, и как только наступит изменение, должна развиться обширнейшая американская торговля с Россией».

В то время как в Нью-Йорке осуществлялась эта операция с царским займом, «Ниа Банкен» и Олоф Ашберг направляли средства от германского правительства российским революционерам, которые, в конечном счете, свергли «комитет Керенского» и установили большевистский режим.

В начале января 1917 г. в Петрограде открылся филиал нью-йоркского «Нейшлс Сити-банка». Уже сам факт организации банка в стране со столь взрывоопасной обстановкой поначалу ввергает в недоумение, а затем наводит на размышления. Дело в том, что первым клиентом стал Михаил Терещенко, крупнейший сахарозаводчик и землевладелец, личное состояние которого оценивалось в 70 млн рублей. В это время он входил в состав Особого совещания по обороне — правительственного органа, созданного для организации военной экономики. Однако целевое назначение кредита в 100 тыс. долларов нигде не афишировалось, а если учесть, что Терещенко совместно с А. Гучковым, Н. Некрасовым и генералом А. Крымовым в это же время активно разрабатывал план февральского переворота, то вопрос практически снимается, тем более что в первом составе Временного правительства он сразу же получает пост министра финансов.

В июне 1917 г. в Россию прибыла специальная миссия американского Красного Креста, возглавляемая чикагским врачом, а по совместительству промышленником и финансистом Френком Биллингсом. Миссия состояла из 24 членов, подавляющее большинство которых не имело к медицине никакого отношения, — это были финансисты, юристы, промышленники и сотрудники спецслужб. Все имели офицерские звания от лейтенанта до полковника. Примерно через месяц, имеющие отношение к медицине сотрудники миссии, а их было всего семеро, вернулись в САСШ. Э. Саттон отмечал, что характер миссии к деятельности Красного Креста не имел никакого отношения, и ее с полным правом можно определить как миссию Уолл-стрит.

Одновременно в Петроград прибыла специальная дипломатическая миссия, возглавляемая бывшим государственным секретарем Элиу

Рутот в ранге чрезвычайного посла. В составе миссии — банкиры, промышленники, представители деловых кругов, военные, видные деятели протестантизма (!) и... социалисты. Сразу по прибытии миссия развернула бурную деятельность по формированию общественного мнения в пользу продолжения войны до победного конца, а Временное правительство получило заем в размере 325 млн долларов для закупки у САСШ оружия и снаряжения. Необходимо отметить, что до апреля 1917 г. Соединенные Штаты находились в статусе нейтральной страны и не имели юридического права ссужать деньгами воюющие страны. Но еще в 1915 г. компания Моргана предоставила займы Франции и Великобритании, легализовав их как «средство содействия мировой торговле». Такую юридическую казуистику разработал лично президент Вильсон. В архивах Госдепа США существуют документы, подтверждающие, что солидные займы от компаний Стиллмена, Рокфеллера и Моргана получала и Россия, несмотря на предупреждения Госдепа о нарушении международного права.

Американский финансист Фредерик Хоув в 1906 г. издал книгу «Признания монополиста», где, в частности, писал:

«Существуют правила большого бизнеса. Они заменяют поучения наших родителей и сводятся к простой формуле: получи монополию, заставь общество работать на тебя и помни, что лучшим видом бизнеса является политика, ибо законодательная дотация, франшиза, субсидия или освобождение от налогов стоят больше, чем месторождение в Кимберли или Комстоке, так как первые не требуют для своего использования ни умственного, ни физического труда» (Frederick C. Howe. Confessions of a Monopolist. [Chicago: Public Publishing. 1906]. P. 157.)

Правила большого бизнеса — явление абсолютно сатанинское. Формула «ничего личного, только бизнес» в наибольшей степени демонстрирует люциферианскую этику, исключая любую мораль. Э. Саттон пишет:

«В 1919 году американская военная разведка передала в Комитет Овермана Сената США сведения о займах, предоставленных американскими банками германской стороне в годы Первой мировой войны.

Эти сведения основывались на письменном показании Карла Хайнена, который прибыл в США в апреле 1915 года для оказания помощи д-ру Альберту в коммерческих и финансовых делах германского правительства. Официальной функцией Хайнена были перевозки товаров из США в Германию через Швецию, Швейцарию и Голландию. На самом же деле он по уши погряз в тайных операциях.

Крупнейшими займами, полученными Германией в США в период между 1915 и 1918 годами, по мнению Хайнена, были следующие. Первый заем в 400 000 долларов был предоставлен примерно в сентябре 1914 года инвестиционными банкирами „Кун, Леб & Ко.“.

Параллельно ломбардная сумма в 25 миллионов марок была депонирована у Макса М. Варбурга в Гамбурге, в германском филиале фирмы „Кун, Леб & Ко.“.

Капитан Джордж Б. Лестер из военной разведки рассказал Сенату, что ответом Хайнена на вопрос: „Почему Вы пошли к фирме «Кун, Леб & Ко.»?“ — было: „Мы считали фирму «Кун, Леб & Ко.» естественными банками германского правительства и Рейхсбанка“.

Второй заем, на 1,3 миллиона долларов, поступил не прямо из США, а был заключен с Джоном Симоном, агентом акционерного общества „Зюддойче Дисконто-Гезельшафт“, для получения средств на отправку товаров в Германию.

Третий заем был получен от „Чейз Нэшнл Банк“ (группа Моргана) на сумму 3 миллиона долларов. Четвертый заем в 1 миллион долларов был дан банком „Мекэникс энд Металс Нэшнл“. Из этих займов финансировалась германская шпионская деятельность в США и Мексике.

Другими словами, и „Гаранти Траст Компани“, и „Амсинк & Ко.“, филиал „Америкэн Интернэшнл Корпорейшн“, были непосредственными участниками германского шпионажа и другой деятельности в США.

В 1919 году сенатский Комитет Овермана также установил, что „Гаранти Траст“ „не нейтральным образом“ играла активную роль в финансировании действий Германии в ходе Первой мировой войны. Это проясняется из свидетельства офицера разведки США Беккера:

„В своей миссии Хуго Шмидт (из «Дойче Банк») широко использовал помощь некоторых американских банковских учреждений. Это было, когда мы были нейтральными, но их действия наносили ущерб британским интересам, и у меня есть достаточные данные о действиях «Гаранти Траст Компани» в этом отношении; мне хотелось бы узнать, пожелает ли Комитет заслушать их.

Сенатор Нельсон: Это отделение «Сити Бэнк», не так ли?

Г-н Беккер: Нет.

Сенатор Оверман: Если это было враждебно британским интересам, то это не было нейтральным, и я думаю, что вам лучше это раскрыть.

Сенатор Кинг: Была ли это обычная банковская сделка?

Г-н Беккер: Это как посмотреть. Она имеет отношение к маскировке валюты, чтобы она казалась нейтральной валютой, когда в действительности это была немецкая валюта в Лондоне. В результате этих операций, в которых «Гаранти Траст» участвовала главным образом между 1 августа 1914 года и моментом вступления Америки в войну, «Дойче Банк» сумел в своих отделениях в Южной Америке получить от Лондона 4.670.000 фунтов стерлингов.

Сенатор Оверман: Я полагаю, это компетентно“.

И важно здесь не то, что Германии предоставлялась финансовая помощь, которая была лишь незаконной, а то, что директора „Гаранти Траст“

в то же время оказывали финансовую помощь союзникам. Другими словами, „Гаранти Траст“ финансировал обе стороны конфликта. Это ставит вопрос о нравственности».

Увы, но мистер Саттон наивный идеалист. Никакого вопроса о нравственности в бизнесе стоять не может. Финансировать обе стороны конфликта — только бизнес. Финансировать шпионскую и подрывную деятельность против собственной страны — уголовное преступление. Маркс был не прав, когда утверждал, что у пролетариата нет отечества. Отечества нет у капитала.

Но вернемся к миссии Биллингса. Вторым (а скорее всего — первым по факту) лицом миссии был полковник Уильям Томпсон — директор Федерального банка Нью-Йорка. Его помощник, Корнелиус Келлегер, вспоминал:

«Бедный г-н Биллингс верил, что ему была поручена научная миссия для помощи России... В действительности же, его использовали лишь как маску — ибо миссия Красного Креста была всего лишь камуфляжем».

Всплывшие впоследствии документы, осветили и еще целый ряд любопытных фактов: немалые денежные средства были переданы Томпсоном не только Керенскому, но и Троцкому, и Ленину.

На первый взгляд может показаться удивительной беспринципность большевиков, бравших деньги у всех, кто давал, даже у явных врагов. Но только на первый взгляд, потому что для них великая цель оправдывала любые средства. Удивительнее другое, что деньги им давали, но, опять же — лишь на первый взгляд. Интерес немцев, казалось бы, понятен. Но на сегодняшний день в открытом доступе имеются документы, свидетельствующие, что в революционном процессе крутились доллары Куна, Леба, Моргана, Рокфеллера, Шиффа и многих других финансовых магнатов. «Вашингтон пост» от 2 февраля 1918 г. писала, что не кто иной, как Морган обеспечил новое большевистское правительство кредитом в 1 млн долларов, а разведка доносила, что при посредничестве вице-президента ФРС Пола Варбурга Советам неоднократно перечислялись крупные суммы. Так называемые немецкие деньги на самом деле перечислялись Максом Варбургом в «Ниа-банк» Ашберга, откуда, уже «отмытые», шли на нужды большевиков. Оперативное обеспечение возлагалось на А. Парвуса (Гельфанда). Ему же принадлежала идея «разжигания революции в России с целью раздробления на отдельные части». В 1915 г. он составил для германского правительства меморандум, в котором, в частности, говорилось:

«Объединенные армия и революционное движение в России сокрушат колоссальную русскую централизацию, представляемую царской империей, которая будет оставаться угрозой мира в мире до тех пор, пока существует. Так падет главная крепость политической реакции в Европе».

Интерес представляет факт, что работу миссии полностью профинансировал лично У. Томпсон. Сразу же по прибытии в Петроград он

встретился с «бабушкой русской революции» Е. Брешко-Брешковской⁶⁸ и перечислил на ее банковский счет 2 млн долларов для Комитета народного образования. Поддержка Временного правительства Западом — не сенсация. Но вскоре он передал уже большевикам 1 млн долларов «для распространения их учения в Германии и Австрии». «Вашингтон пост» от 02.02.1918 писала:

«У. Б. Томпсон, жертвователю Красного Креста, верит партии, представленной в ложном свете. Нью-Йорк, 2 февраля (1918). Уильям Б. Томпсон находился в Петрограде с июля по ноябрь прошлого года и сделал личный вклад в 1.000.000 долларов в пользу большевиков для распространения их учения в Германии и Австрии.

Г-н Томпсон имел возможность узнать российские условия, возглавляя миссию американского Красного Креста, расходы на которую также в большой степени покрывались из его личных вкладов. Он считает, что большевики составляют самую серьезную силу против германофильства в России и что их пропаганда подрывает милитаристские режимы Центральных держав.

Г-н Томпсон осуждает американскую критику большевиков. Он считает, что они были выставлены в ложном свете, и сделал финансовый вклад в их дело в надежде, что эти деньги будут потрачены для будущего России, а также на дело союзников».

Текст публикации подтверждается телеграммой Дж. П. Моргана У. Б. Томпсону от 8 декабря 1917 г.:

«Для американского Красного Креста, гостиница „Европа“, Петроград».

«*New York Y757/524 W5 Nil* — Ваша вторая телеграмма получена. Мы выплатили Нэшнл Сити Бэнк один миллион долларов согласно инструкции — Морган».

Кроме того, беспрецедентное исключение «Нэшнл Сити Банка» из перечня подлежащих национализации — факт, хотя и косвенный, но неоспоримо весомый.

Апологеты коммунистические, как и либеральные, также делятся на две категории. Первая — зомбированные и зашоренные идеологи, упертые во мнение, что Октябрьская революция вершилась на средства от членских взносов. Вторая — обладающие информацией, но многократно повторяющие заведомую ложь. И те, и другие не заслуживают права на ведение с ними дискуссий. Сегодня имеются возможности, практически неограниченные, доступа к 90 % интересующей информации, а оставшиеся 10 %

---

⁶⁸ Екатерина Брешко-Брешковская (1844–1934) — деятель русского революционного движения, народница, одна из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров, а также ее боевого крыла — Боевой организации. Известна как «бабушка русской революции».

без особого труда вычисляются аналитическими методами. Так, например, уже не является секретом письмо статс-секретаря министерства иностранных дел Германии фон Кюльмана представителю министерства при Ставке от 3 декабря 1917 г.:

«Только после того, как большевики получили от нас постоянный поток средств по различным каналам *и под разными этикетками*, они оказались в состоянии создать свой главный орган — „Правду“, вести энергичную пропаганду и заметно расширить первоначально узкую базу своей партии (курсив мой. — Г. Е.)».

Другой сотрудник миссии Томас Тэчер в апреле 1918 г. направил американскому послу меморандум следующего содержания:

«Во-первых... союзники должны предотвратить японскую интервенцию в Сибири. Во-вторых, должна быть оказана всемерная помощь Советскому Правительству в его попытках организовать добровольную революционную армию.

В-третьих, союзные правительства должны оказать моральную поддержку русскому народу в его усилиях выработать свою собственную политическую систему, свободную от влияния какой-либо иностранной державы...

В-четвертых, до тех пор, пока не закончится открытый конфликт между немецким и советским правительствами, будет существовать возможность мирного коммерческого проникновения немецких фирм в Россию, поскольку нет разрыва в отношениях между Германией и Россией, вероятно, будет невозможно полностью предотвратить такую коммерческую деятельность. Поэтому следует предпринять шаги по воспрепятствованию, насколько это возможно, вывозу зерна и сырья из России в Германию».

Полный текст документа хранится в Госдепартаменте США № 316.13.698.

Это было не что иное, как «второй смысловой ряд» политики Соединенных Штатов, присущей им во все века и времена. В феврале — марте 1919 г. на слушаниях по большевизму в Комиссии Овермана⁶⁹ еще один сотрудник миссии полковник Р. Робинс давал показания о попытках представителей САСШ развернуть в России в 1917 г. пропаганду с целью предотвращения ее выхода из войны.

---

⁶⁹ Комиссия Овермана (с сентября 1918 г. по июнь 1919 г.) — специальная подкомиссия комиссии по судебным делам Сената США, работавшая под председательством демократического сенатора от штата Северная Каролина Ли Слейтера Овермана (Overman Lee Slater). Комиссия Овермана стала предтечей «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» и получила от Сената Соединенных Штатов задание расследовать германскую, большевистскую и прочую «антиамериканскую деятельность», а также возможные последствия внедрения большевизма в США.

«Мы предполагали захватить в свои руки бумажный рынок в России и уничтожить большевистскую прессу. На фронте печаталось очень много листов, которые мы хотели задуть, чтобы создать вместо них ряд газет для солдат и поставить на ноги несколько боевых печатных органов со здоровой идеологией».

Таким образом, деятельность миссии содержала еще и третий смысловой ряд. Официально — медицина, санитарная и гуманитарная помощь, а неофициально, с одной стороны — антибольшевистская деятельность (вернее — ее имитация), а с другой — финансовая и военная поддержка.

Кстати, Робинс, приняв руководство миссией в декабре 1917 г., расширил поле деятельности и на Европу. В одном из документов французского правительства говорится:

«Оказалось, что полковник Робинс... смог послать подрывную миссию российских большевиков в Германию, чтобы инициировать там революцию».

Однако в действительности «русский след» в баварских событиях, мягко говоря, сильное преувеличение.

Раймонд Робинс — личность интересная во всех отношениях. Начав карьеру со скромной должности заведующего складом, переключился на разработку месторождений и геологоразведку. Во время «золотой лихорадки» на Аляске сколотил немалое состояние. Затем неожиданно ушел в политику, став якобы социалистом, что полностью соответствует доктрине Ф. Хоува. Сам Робинс не особенно и скрывал, что все его радения о социальном благе — всего лишь ширма для увеличения личного состояния и политического влияния. В одном из своих комментариев он указывал, что «признание большевиков сильно запоздало и должно быть осуществлено немедленно, ибо, если США признают большевиков, — «я верю, мы будем иметь контроль над избытком ресурсов России и поставим контролирующих сотрудников на всех пограничных пунктах».

А еще раньше, сразу после февральского переворота, советник президента Вильсона полковник Хаус докладывал своему патрону: «Нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию».

И тем не менее большевики всё же сыграли собственную игру. Безоговорочной торговой монополии Штаты не получили, а вынуждены были конкурировать с Европой на российском рынке. Вакханалия бизнеса по законам джунглей продолжалась до конца 20-х, пока мужающий Левиафан окончательно не сменил глиняные ноги на опоры из легированной стали.

Поистине, дьявольская игра Соединенных Штатов преследовала цель конкретную и закономерно циничную. Хаус считал, что победа Антанты неизбежно приведет к безоговорочному европейскому доминированию России. Но победа Германии так же не входила в планы заокеанских

гиен. Он, как и Парвус, вынашивал идею обрушения страны: «...остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будет четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть». Между кем поделенная — вопрос уже чисто технический. Да и разглагольствования о мировом спокойствии — не более, чем политическое кокетство. Цель состояла в том, чтобы дорваться до неисчерпаемого российского ресурса и рынка, не дававшего покоя хищникам на протяжении всей русской истории. Показательно, что век спустя эту же мысль, почти слово в слово, повторил Г. Киссинджер:

«Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство»⁷⁰. Всё течет, но ничто не меняется.

Тактика САСШ в 1917 г. невольно вызывает ассоциации с тактикой ельцинской «семьи» в конце 90-х прошлого века. Тогда премьеры правительства тасовались как колода карт в поисках надежного преемника. Так же в 1917-м тасовали и политические течения России, делая ставку то на одних, то на других, то на всех сразу: авось перегрызут друг друга. Удалив с арены царя и приведя к власти Временное правительство, кукловоды быстро убедились в его полной управляемости, но абсолютной несостоятельности, и вместо Львова возник Керенский. Наступавшие на пятки большевики, в свою очередь, показали более перспективными. Э. Саттон пишет:

«В общем, пока правительство США уверяло общественность своей страны в том, что Советы — это подлые убийцы, пока департамент юстиции высылал „красных“ назад в Россию, пока все политики (почти без исключения) уверяли американскую публику, что США не будут иметь отношений с Советами, пока этот поток лжи обрушивался на одураченных людей, за кулисами компания „Гаранти Траст“ фактически возглавляла отдел советского банка! А советские революционеры приветствовали американские войска за помощь в деле защиты революции.

Вот почему, дорогие читатели, правительства необходимо контролировать. Вот почему даже через 50 лет после некоторых событий независимым исследователям (не подхалимам) почти невозможно получить рассекреченными ключевые документы».

Не оставались в стороне от процесса и европейские банкиры, большинство которых составляли бывшие российские финансовые дельцы. Один из них — Дмитрий Рубинштейн, глава Петроградского отделения «Русско-французского банка», еще до революции отсидевший за махинации в страховом бизнесе. С приходом Временного правительства, он под шумок освободился и от греха подальше дернул в Швецию, где вплотную занялся финансированием большевиков.

---

⁷⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

Еще один персонаж, в своем роде уникальный, Абрам Лейбович Животовский, родственно повязанный с первыми лицами большевистской власти. Вот что пишет М. В. Назаров:

«Дядя Троцкого, банкир-миллионер Абрам Львович (Лейбович) Животовский, был членом специального консорциума „Русско-Азиатского банка“, сотрудничал с „Америкэн Металл Компани“ и нью-йоркским „Нэшнл Сити Бэнк“; представителем его фирмы в Японии был знаменитый английский агент Сидней Рейли (З. Розенблюм, родившийся в семье русских евреев). У Абрама Животовского известны как предприниматели и биржевые дельцы еще три брата: Тевель (Тимофей), Давид, Илларион. Абрам и Давид, возможно, были масонами (они открывают список 385 лиц, имевших в 1909 г. отношение к делу масона кн. Д. О. Бебутова). Сын Тевеля, т.е. один из кузенов Л. Троцкого, был женат на сестре лидера меньшевиков Ю. О. Мартова (Цедербаума), высланного в 1920 г. в эмиграцию. После октябрьского переворота все братья эмигрировали в Стокгольм и затем осели в разных странах (Франция, США), „пытаясь наладить контакты между Советской республикой и коммерческими кругами Запада“.

Простой, но предприимчивый аптекарь А. Животовский сколотил миллионное состояние на импорте оружейного металла из Японии и САСШ. С началом Первой мировой неплохо заработал на нелегальных поставках в Германию муки и сахара, что в немалой степени способствовало продовольственной проблеме в столице. Войдя в консорциум „Русско-Азиатского банка“, сыгравшего значительную роль в антимоноархическом заговоре, сразу же наладил тесные деловые контакты с „Нешнл Сити банком“».

Борьба Америки за российский рынок обострилась с конца XIX в. вследствие кризиса. Ориентация Николая II на импортозамещение подталкивала деловые круги Соединенных Штатов на разнообразные провокации, крупнейшей из которых стала Русско-японская война. Активную роль в антироссийской деятельности сыграл Якоб Генри Шифф — беззаветный борец за права евреев и ярый русофоб, обозлившийся еще на Александра III за пресечение попыток разграбления нефтяных месторождений. Патологическую ненависть к России Шифф трепетно нес через всю свою жизнь. Возглавляя общество Бнай-Брит и одновременно Американский еврейский комитет, он последовательно и неуклонно гнул антироссийскую линию даже на государственном уровне. О степени влияния еврейских организаций на высшие эшелоны власти красноречиво свидетельствует известный факт, когда в 1912 г. президента Тафта вынудили расторгнуть торговый договор с Россией под надуманным предлогом. Надо сказать, что Тафт, как политик, хорошо понимал значение российского рынка для Соединенных Штатов и действовать в угоду местечковым амбициям настроен не был. Но Шифф, демонстрируя влияние

масонских структур, вел себя откровенно нагло. Началось с того, что на одном из приемов в Белом доме, он банально нахамил президенту, а на следующий день все печатные издания страны обрушили на Тафта потоки обвинений в пророссийской политике и массу различного компромата. Надо отдать должное Тафту: позицию свою он не изменил, однако меньше чем через год решением конгресса договор был аннулирован, а президента просто поставили перед фактом. В довершение операции «кто в доме хозяин» руководство Бнай-Брит наградило Тафта медалью с титулом «человека, оказавшего наибольшее содействие росту благосостояния евреев», после чего на пост президента был водружен Вудро Вильсон, отвечающий всем требованиям масонских организаций. Кстати, именно он подписал указ об учреждении ФРС.

Но это лишь одна сторона деятельности убежденного борца с Россией. Была еще и другая, о которой он сам, не без гордости, упоминал в своих мемуарах. Начиная с 1905 г. он профинансировал деятельность революционеров на сумму, превышающую 21 млн долларов, а японский император лично наградил его орденом Восходящего солнца за финансовую помощь в Русско-японской войне.

А вот результаты исследований Э. Саттона:

«В отчете Государственного департамента утверждалось, что хотя Животовский и претендовал на образ „ярого антибольшевика“, он в действительности получил через курьера „большие суммы“ для финансирования революционных операций.

Животовский был членом синдиката, в который входил Денисов из бывшего „Сибирского Банка“, Каменка из „Азовско-Донского Банка“ и Давидов из „Банка для внешней торговли“.

Этот синдикат продал активы бывшего „Сибирского Банка“ британскому правительству.

Еще один банкир царского времени, Григорий Лессин, вел дела большевиков через фирму Дарделя и Хагборга. Другими „большевистскими банкирами“, названными в отчете, являются Штифтер и Яков Берлин, который ранее контролировал через свою жену петроградский „Нелкенс Банк“.

Агентом этих банкиров был Исидор Кан.

Самым интересным из этих банкиров, обосновавшихся в Европе и действовавших в интересах большевиков, был Григорий Бененсон, прежний президент „Англо-Русского банка“ в Петрограде — банка, в совет директоров которого входили лорд Бальфур (государственный секретарь по иностранным делам Англии) и сэр И. М. Х. Амори, а также С. Х. Крипс и Х. Гедалла.

Бененсон приехал в Петроград после революции, затем переехал в Стокгольм. О нем поведал один сотрудник Государственного департамента: „Доведя до моего сведения, что с ним 10 миллионов рублей, он

предложил их мне по высокой цене за использование нашего посольства в Архангельске“.

Бененсон имел соглашение с большевиками об обмене 60 миллионов рублей на 1,5 миллиона фунтов стерлингов.

В январе 1919 г. частные банкиры в Копенгагене, которые имели связи с большевистскими учреждениями, были обеспокоены слухами, что датская политическая полиция готовится выслать из Дании советскую дипломатическую миссию и лиц, контактирующих с большевиками.

Эти банкиры и миссия попытались поспешно изъять свои средства из датских банков, в частности, 7 миллионов рублей из „Ревизионсбанкен“. Кроме того, конфиденциальные документы были спрятаны в конторе страховой компании „Мартин Ларсен Иншуренс“.

Следовательно, мы можем определить модель помощи капиталистических банкиров Советскому Союзу. Некоторые из них были американскими банкирами, некоторые — банкирами из царской России, которые эмигрировали и жили в Европе, а некоторые — европейскими банкирами. Их общей целью была прибыль, а не идеология».

Ханжеское целомудрие коммунистов выглядит не менее глупо, чем злобные выбросы либерального идеологического яда. На X съезде партии Ленин говорил:

«Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, — за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, — нельзя. Это надо понять. И поэтому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего».

И проценты, конечно же, содрали, и не сотенные, а значительно большие. Поскольку из-за непризнания новой власти Запад не мог принимать ценности от России, разрабатывались различные мошеннические схемы. Одной из них стала «паровозная».

Нарком по военным делам Троцкий был назначен по совместительству наркомом путей сообщения и заявил, что стране грозит транспортный коллапс из-за нехватки паровозов. В пожарном порядке заключались контракты на закупку в Швеции и Германии, а также на ремонтные работы в Эстонии, которая к тому времени приобрела неофициальный статус «таможенного окна». Махинация была прозрачна и цинична до неприличия. Россия до 1917 г. выпускала до 20 тыс. паровозов в год, и ничто не мешало стране обеспечить себя собственными мощностями. Здесь вновь напрашиваются аналогии с лихими 90-ми, когда в бытность министра Аксененко за рубежом начали закупать даже рельсы и шпалы. Ситуация же

тех лет демонстрировала полный сюрреализм. Дело в том, что Швеция никогда не производила паровозов, но зато именно там находился «Ниа банк» Олафа Ашберга. Согласно схеме, шведы получают русское золото в качестве предоплаты, строят заводы, производят паровозы и поставляют в Россию. И на Европу обрушилось золотое цунами. Самое любопытное, что адресатом выступала компания «Кун, Леб и К.» под управлением Я. Шиффа, у которого на начальном этапе возникли затруднения с Минфином, заявившим, что он не имеет право покупать российское золото. Та же проблема возникла и у банков Моргана. Но Госдеп придумал простенький ход: «закоптить под дурачка». Якобы закупщикам попросту не известно его происхождение. Ашберг предлагал любым покупателям и в любых объемах российское золото, которое переплавлялось непосредственно в Швеции, клеймилось и расплзлось по миру. Таким образом, например, Соединенные Штаты к 1927 г. удвоили свой золотой запас. «Нью-Йорк таймс» писала:

«В результате непрерывного потока золота со всех краев земли, сейфы правительственной Пробирной палаты оказались до отказа набиты золотом в брусках, полосах и монетах, в результате чего она была вынуждена приостановить прием и спасовать перед тем количеством, которое банкиры собирались вывалить перед ней для переплавки и сертификации...»

Только за один 1921 г. в Штаты поступило золота на сумму 500 млн долларов. И это только по «паровозной» схеме. Кроме этого, огромные поступления шли во Францию и другие страны.

Платить по счетам, безусловно, нужно. Но в любой крупной финансовой сделке неизбежны побочные эффекты. Это уже позднее станет очевиден уровень коррумпированности большевистской верхушки, главным действующим лицом которой был все тот же Троцкий. Росли зарубежные тайные счета первых приватизаторов. Тогда они еще не догадывались, что совсем скоро придется их оплачивать собственной шкурой, предварительно выхаркав их номера вместе с кровью и зубами.

Восстановить сегодня полную картину финансовых манипуляций трех русских революций невозможно по многим причинам. Во-первых, вся работа велась по законам конспирации спецслужб, во-вторых, банковские дельцы использовали проверенные методы двойной бухгалтерии, и, наконец, львиная доля компромата наверняка уничтожена. Но даже той части фактуры, которая подверглась утечке, достаточно для написания отдельной книги.

Подведем некоторые промежуточные итоги.

Удивительный, на первый взгляд, союз большевиков с западными деловыми кругами на самом деле объясняется просто: только бизнес. Цели Германии и вовсе прозрачны: вывести Россию из войны с наибольшими потерями, а впоследствии овладеть ее рынками. Что же касается финансирования Уолл-стритом международной революционной деятельности, то

сегодня, с расстояния века и с учетом нынешней глобальной реальности, никаких недоумений вообще не возникает: теория управляемого хаоса всесторонне опробована и принята на вооружение. Россия во все времена и в любом состоянии представляла собой потенциального конкурента, что не могло не беспокоить мировых монополистов. Свою наиглавнейшую задачу они видели в захвате огромного девственного российского рынка, а фактически — в полной его колонизации. Достижение финансово-промышленной власти осуществлялось методами совсем не новыми и не оригинальными, поэтому ставки делались и на большевиков, и на белых, получавших одновременно финансовую помощь из одних и тех же источников. Поэтому неудивительно, что у большевиков и транснационального капитала выстроилась общая интернациональная платформа.

В самом начале XX в. в недрах фонда Карнеги родился так называемый план «Марбург». Согласно этому плану все страны земного шара должны быть приведены к социализму и финансово подчинены международному капиталу. Конечной целью виделся тотальный контроль и «принудительное установление мира, как специфического средства от всех политических болезней человечества». Очевидно, что авторы плана весьма специфически интерпретировали Маркса, что характерно для большинства предвзятых исследователей, но это — исключительно их проблемы. Транснациональному капиталу необходима жестко централизованная власть, свободная же экономика представляет для него наибольшую опасность. Монополюльно эксплуатируемый рынок, исключаящий любую конкуренцию, — вот главная глобальная цель. В этом контексте показателен еще один эпизод работы комиссии Овермана — допрос известного американского общественного деятеля Альберта Вильямса:

«...вероятно, это правда, что при советском правительстве промышленная жизнь будет развиваться намного медленнее, чем при обычной капиталистической системе. Но почему великая индустриальная страна, наподобие Америки, должна желать создания и последующей конкуренции другого великого промышленного соперника? Не согласуются ли интересы Америки в этом отношении с медленным темпом развития, который проектирует для себя Советская Россия?»

Сенатор Уолкотт: Значит, Ваш аргумент заключается в том, что в интересах Америки, чтобы Россия была угнетенной?»

Г-н Вильямс: Не угнетенной...

Сенатор Уолкотт: Вы так сказали. Почему должна Америка желать, чтобы Россия стала ее промышленным конкурентом?»

Г-н Вильямс: Это с капиталистической точки зрения. В целом Америка не заинтересована, я думаю, в возникновении на рынке еще одного великого промышленного соперника, наподобие Германии, Англии, Франции и Италии. Я думаю, другое правительство в России, не советское, вероятно, увеличило бы темп или скорость развития России, и мы

бы имели еще одного соперника. Конечно, это аргументация с капиталистической точки зрения.

Сенатор Уолкотт: Итак, Вы представляете здесь аргумент, который, по Вашему мнению, может иметь привлекательность для американского народа, причем Ваша точка зрения такова, что, если мы признаем советское правительство России в его теперешнем виде, мы признаем правительство, которое не сможет конкурировать с нами в промышленности в течение многих лет?

Г-н Вильямс: Это факт.

Сенатор Уолкотт: Значит Ваш аргумент в том, что при советском правительстве Россия будет не в состоянии, по крайней мере, в течение многих лет, приблизиться к Америке по промышленному развитию?

Г-н Вильямс: Абсолютно так».

Просчитались ли международное банкирское сообщество и Уолл-стрит, поддержав большевиков? Если они и создали определенные проблемы, то уж точно не самим себе. Провоцирование и поддержка революций различного толка в прошлом и настоящем — от большевистских до «оранжевых», создание Аль-Каиды, ИГИЛ и других террористических организаций — основной концептуальный метод обогащения и очередной шаг к достижению управляемого тоталитарного мира. Расхлебывает эту кашу всегда человечество, но банкиры никогда не остаются внакладе.

Так или иначе, но ход европейской истории начала XX в. представлял собой судорожно-хаотическое движение политических течений, сложнейших финансовых манипуляций, военных авантур. Мировая революция тлела, дымила, трещала искрами на сыром топливе инертного европейского пролетариата, смердела, но разгораться не хотела никак. По сути, революционная ситуация и в самой России была чрезвычайно далека от образов, созданных советской литературой и кинематографом. Власть, легко и бескровно захваченная в Петрограде, уже в Москве не далась без боев, а вся остальная огромная страна была погружена в стихию бандитизма и анархии. Романтически воспетые «комиссары в пыльных шлемах» на деле представляли собой либо авантюристов и уголовников, либо маргиналов от пролетариата и крестьянства. Говорить о большевистских вождях по аналогии с декабристами, что «страшно далеки они от народа», пожалуй, не совсем правомерно, но Россию они всё же знали плохо, как и плохо представляли себе настроения европейского пролетариата. Самым ярким тому свидетельством представляется позиция Ленина в вопросе Брестского мира, который он сам называл позорным и даже «похабным». Преодолевая сопротивление ЦК, он убеждал соратников, что со дня на день революция вспыхнет и в Германии, поэтому временная утрата территорий опасности не представляет. Рискованная наивность Ленина касалась не только германского вопроса. В феврале

1919 г. у него состоялась встреча с личным представителем Вудро Вильсона Уильямом Буллитом, представившим Ленину ряд предложений от имени правительства САСШ и Великобритании. Предложения не только включали вопросы территориальной целостности России, но и в случае их принятия означали полную капитуляцию перед Западом. Так, например, предполагалось предоставление независимости ряду самопровозглашенных регионов, а также тех территорий, которые большевиками не контролировались: Прибалтика, Польша, Финляндия, Бессарабия, Западная Украина, Западная Белоруссия, Урал, Сибирь, Крым, значительная часть Кавказа. По свидетельствам авторитетных источников тех лет (*Foreign Relations of the United States, 1918. Vol. II, p. 35–36*), Ленин был готов принять большинство пунктов в убежденности, что «пролетарии всех стран» в самое ближайшее время объединятся. От этого катастрофического шага Ленина спас... Колчак. Его начавшееся наступление вселило надежду в правительства Антанты в скорейшее свержение власти большевиков, и переговоры были прекращены.

Революции же действительно вскоре образовались — сначала в Германии, а затем в Венгрии, что вызвало в среде большевистских вождей настоящую эйфорию. Конгресс Коминтерна уже планировал проведение последующих сессий в столицах европейских держав, а большевики не скупились, отваливая щедрые порции золота братским партиям. Но экспорт революции не ограничивался только финансовой подпиткой. В мае 1920 г. предпринимается военная авантюра с Польшей. Войска под командованием Тухачевского выдвинулись на Варшаву, в расчете, что поляки встретят Красную армию как освободительницу от панской власти. Каково же было удивление, когда польские рабочие и крестьяне не только не возликовали, но и, сплотившись вокруг Пилсудского, отбросили корпус Тухачевского от своих границ.

Однако экспансионистские планы большевиков простирались значительно дальше. Вслед за Венгрией предполагалось установить советскую власть в Румынии, Чехии и Италии. Опять же, проводя аналогии с «Протоколами сионских мудрецов», планом Даллеса, можно заключить, что не важно, существовал ли «план Марбург», важно, что он действовал.

Теперь мы знаем, что почти все авантюры с треском провалились, потому что власть мамоны в Европе уже давно пустила глубокие корни, а пролетариат и крестьянство научились находить компромиссы с правящими классами другими, не революционными методами. В Италии же, действительно, произошло изменение политического строя, и к власти пришел Муссолини, но это уже другая история.

Одной из интереснейших черт характера Ленина было неприятие догматизма в любых формах. Марксизм он рассматривал исключительно как общую схему, предполагающую творческую интерпретацию. В марте 1918 г. на VII съезде партии он говорил:

«Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем».

Обобщая приобретенный опыт, изучая труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, К. Каутского, Ленин незадолго до смерти сумел составить план построения социализма в отдельно взятой стране. Это был принципиально новый подход к задаче. Еще в 1847 г. на вопрос «Может ли социалистическая революция победить в одной стране?», Энгельс отвечал:

«Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит оттого, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, то есть, по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет иметь поэтому всемирную форму».

Постоянный поиск новых решений, размышления и сомнения, отсутствие эйфории от успехов и кокетства в признании собственных ошибок — всё это отличительные черты управленца высочайшего уровня. На VIII съезде РКП(б) 19 марта 1919 г. Ленин говорил:

«Было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран, воображать, что она сделала целый ряд гениальных открытий и ввела кучу социалистических новшеств. Я этого ни от кого не слышал и утверждаю, что ни от кого не услышим. У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны».

Удивительно, что, подвергая беспощадной критике, а чаще — остервенело предавая анафеме деяния большевиков, а затем и советского руководства вплоть до 1985 г., оппоненты упорно не хотят понимать, что путь России, СССР эквивалентен первому полету в космос. Хватает же ума у либералов навешивать жупел рабской психологии на русскую натуру!

Какой еще народ мог решиться вступить на этот путь и пройти его до логического завершения? Значение же содеянного весьма емко обозначил лидер компартии Испании, теоретик еврокоммунизма Сантьяго Соларес:

«У вас, по-моему, просто не отдают себе отчета в том, что Октябрьская революция дала гораздо больше народам за пределами СССР, чем народам вашей страны. Из страха, что она вызовет цепную реакцию, капитализм был вынужден сделать столько уступок, что наши рабочие имеют сегодня такие права, что никто не сомневается: социализм победил во всей Европе. Увы, кроме вашей страны».

Ленина часто обвиняют в авантюризме и тайной ненависти к России и ко всему русскому, геноциде народа и иудаистской мерзости. Изрядная доля авантюризма, безусловно, имела место, как имеет место в любом начинании, ранее никогда и никем не опробованном. Но важно другое. Ни один политик в мировой истории не мог бы похвастаться таким уровнем изучения теоретической базы. В своих трудах он использовал 143 фундаментальные работы основоположников, 12 153 источника, в том числе на 22 иностранных языках, и всё это ложилось в основу углубленного анализа российских и мировых процессов и детальной экстраполяции. Ситуацию, складывающуюся в стране, он оценивал вполне трезво и объективно. Он всё лучше понимал человеческий материал, с которым имел дело. Но вместе с тем не сомневался, что, после создания принципиально новых условий развития общества, изменения качества и направления культурного вектора, всеобщего обязательного образования, гигантский потенциал страны реализуется в полном объеме и она превратится, наконец, в супердержаву. Решать задачу подобного уровня не приходило на ум ни одному российскому самодержцу. Ленинская модель существенно отличалась от проекта Маркса. «Социализм не создается по указаниям сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм: социализм живой, творческий есть создание самих народных масс». Эта концепция предполагала привлечение к общему делу всех слоев общества, даже новых капиталистов-нэпманов. Был ли НЭП изначально задуман как временная мера? Трудно сказать, но неординарное решение в значительной степени помогло вывести страну из затяжной экономической комы, несмотря на активное неприятие со стороны большого числа ортодоксальных соратников.

Однако парадокс НЭПа заключается в том, что, при всех декларированных плюсах по оглашению, главный плюс — в его скоротечности. По сути, новая экономическая политика явилась не чем иным, как возвратом к целям Февральской революции, и поэтому звучащий лейтмотивом в среде рядовых большевиков риторический вопрос «за что боролись?!» приобретал особую актуальность. Для Ленина ситуация имела особую сложность: он реально рисковал потерять власть. Даже сегодня сказать с определенностью, как виделись вождю перспективы страны в условиях

НЭПа, трудно. Ленин никогда не делал хорошую мину при плохой игре. Его размышления на VII съезде подтверждаются соображениями, высказанными в статье «Очередные задачи Советской власти», где он прямо говорит:

«Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм».

Об отсутствии четких временных границ НЭПа в представлениях Ленина свидетельствуют его колебания. Продвигая идею, он утверждал, что НЭП — всего лишь временное отступление, но уже спустя короткое время говорил прямо противоположное: «НЭП — это всерьез и надолго». В какой части высказываний он был искренен, сказать трудно, но в дополнение к вопросу «за что боролись?!» напрашивается следующий: «ради чего стоило заваривать кашу в октябре?» Так или иначе, но нужно признать: мамона не преминул воспользоваться временной капитуляцией.

Восстановленная свобода торговли и денежная реформа сделали конвертируемым советский червонец. Частичная денационализация позволила создать серию частных предприятий и различных кооперативов. На государственных предприятиях внедрялся хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Одновременно возобновилась оплата жилья, транспорта и прочей социалки, включая образование. К 1925 г. в стране было 50 тыс. частных предприятий и около 700 тыс. частных торговцев. На предприятиях трудились 420 тыс. наемных рабочих, а в деревнях 2 млн батраков.

Новая система хозяйствования сыграла значительную роль в реализации ключевого проекта Ленина — плана ГОЭЛРО. Льготы, предоставляемые правительством предпринимателям, принявшим участие в реализации плана, привлекли большое число «новых русских». План ГОЭЛРО без преувеличения можно считать крупнейшим цивилизационным проектом, какого еще не знал мир. Лучшие научные умы России еще до революций занимались разработкой этой идеи, но все начинания разбивались об извечную самодержавную косность. Именно благодаря до-революционным наработкам план начал реализовываться в кратчайшие сроки и бешеными темпами. Масштаб проекта предусматривал не одно лишь узкое направление электрификации, но и послужил мощным толчком всей государственной экономики. Строились новые предприятия, разрабатывались угольные месторождения, развивались фундаментальные научные отрасли, образование. Ленин писал:

«К электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Надо знать, как технически приложить электричество и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому всё подрастающее трудящееся поколение».

Именно в этот период открылось большое количество вузов. План, рассчитанный на 10–15 лет, уже к 1931 г. был значительно перевыполнен. При запланированном увеличении выработки электроэнергии в 4,5 раза, по факту увеличение составило 7 раз, и это явилось подлинной модернизацией всей экономики, которой Россия не знала на протяжении своей многовековой истории. Плоды НЭПа иллюстрирует самый объективный показатель — прирост населения, который в 1924–26 гг. составил 9,5 млн человек. Калорийность питания выросла с 2000 ккал до 4200 в день. (Для сравнения: в современной России прожиточный минимум предусматривает 2000 ккал.) Росли зарплаты. Так, к началу 1928 г. один работающий мужчина мог свободно прокормить жену и двоих детей.

Цифры, иллюстрирующие реализацию плана ГОЭЛРО и новой экономической политики, без преувеличения, поражают воображение, как сегодня, так и в те годы. Их без труда может найти любой желающий в свободном доступе и сравнить с современным «ростом экономики», лукавым и дутым. Особенно поражали «размаха шага саженьи» иностранцев, изначально запрограммированных на скорейший крах большевистского проекта.

Однако в этой бочке меда было и свое ведро дегтя. Инверсия власти в пользу мамоны в очередной раз показала всю степень идеализма марксистской теории. Сам Ленин с горечью признавал, что расчет построения коммунистического общества с опорой на энтузиазм и сознательность оказался ошибочным: человеческая природа брала свое. Поэтому цифры экономических показателей во многом — средняя температура по больнице. Вообще, тем, кто хочет представить картину НЭПа, достаточно вспомнить недавнюю историю лихих 90-х — идентичность почти полная. В 20-х точно так же внезапно возникли «новые русские» с бешеными деньгами, невесть откуда взявшимися. Они мгновенно почувствовали себя новыми хозяевами жизни, свысока поглядывая на большевистских босяков. Открывающиеся один за другим рестораны и другие зланные места, где они просаживали огромные деньги, задавали тон новой массовой культуре. Как и в 90-х, прилавки магазинов быстро наполнились различными деликатесами, глядя на которые простые люди могли только облизываться по причине запредельных цен.

Побудительные мотивации нэпманов были далеки от масштабных целей подъема экономики. Преобладающей сферой их деятельности оставались спекуляция и финансовые аферы. Вынужденное торгашество захватило самые широкие слои населения. Картина, знакомая нам по 90-м, когда учителя и инженеры бродили по электричкам, продавая газеты и шариковые ручки. С. Кара-Мурза пишет:

«Поворот от военного коммунизма к НЭПу был очень непростой задачей... Промышленные предприятия, переведенные на хозрасчет, столкнулись с отсутствием оборотных средств. Чтобы выплачивать рабочим

зарплату, они были вынуждены срочно распродавать готовую продукцию. В конце 1921 года даже возник термин — „разбазаривание“... цены резко упали... хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза ниже себестоимости...

Тяжелое положение сложилось в топливной промышленности. В марте 1921 года ее перевели на хозрасчет. 959 работающих в Донбассе шахт не имели никакой машинной техники. К сентябрю часть их закрыли, 288 оставили у государства, а 400 сдали в аренду. Добытый уголь теперь продавали на рынке (кроме обязательных поставок для железных дорог), но рабочие лишились государственных поставок продовольствия. Шахтеров увольняли из-за отсутствия наличных денег для зарплаты. На шахтах начался голод, были случаи голодной смерти, и вне рыночные поставки продовольствия шахтерам были возобновлены...

В тяжелом кризисе оказывалась крупная промышленность и транспорт. Это ставило под угрозу восстановление и развитие всего хозяйства... В сентябре 1921 года вышел декрет, который требовал „отделения от предприятия всего, что не связано с производством и что носит характер социального обеспечения“. О зарплате было сказано: „Всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена“. После ноября 1921 года прекратилось распределение пайков бесплатно или по заниженным ценам — пайки стали частью зарплаты исходя из их рыночной стоимости. К осени 1921 года пайки получали 7 миллионов человек, в основном рабочие. Денежный элемент в зарплате, который в 1921 года составлял 6 процентов, в 1922 году вырос до 32 процентов. Эти меры были очень непопулярны. Возникла и быстро росла безработица (в октябре 1921 года было зарегистрировано 150 тыс., в январе 1923 года 625 тыс. и в январе 1924 года 124 тыс. безработных).

В крупных городах это создавало сложную психологическую обстановку. Меньшевик Дан, выйдя из тюрьмы в январе 1922 года, был удивлен тем, что в Москве было изобилие продуктов по ценам, которые были по карману только новым богатым, повсюду в глаза бросались спекулянты, официанты и извозчики снова стали употреблять обращение „барин“, а на Тверской улице вновь появились проститутки. Ленину приходилось непрерывно выступать в защиту НЭПа».

По закону жанра набирала обороты циничная эксплуатация. Условия труда на нэпманских предприятиях напоминали первые английские мануфактуры. Люди были вынуждены из последних сил батрачить на новых господ за копейки, лишь бы не оказаться на улице. Положение в деревне было еще хуже.

Все эти явления вызвали раскол в партии. Старые коммунисты массово выходили из ее рядов, а то и стрелялись, не в силах примириться с утратой выстраданных идеалов. Сам Ленин, безусловно, тяжело переживал издержки вынужденного отступления. Осенью 1923 г., незадолго до смерти, он говорил:

«Конечно, мы провалились... Мы должны ясно видеть... что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но это приведет к всероссийской мясорубке».

В последние месяцы жизни вождя в ЦК нарастала скрытая борьба, не столько за место лидера, сколько за дальнейшую стратегию развития. НЭП, явившейся первым мощным толчком в реализации плана модернизации, постепенно превращался в ее тормоз. Становилось очевидно, что осуществить масштабную индустриализацию в существующей экономической парадигме не представляется возможным. Большинство в партийной верхушке понимало, что сохранение новой экономической политики — путь тупиковый. Единственным непоколебимым сторонником оставался Бухарин, вбросивший в массы популистский призыв «обогащайтесь!». Сталин и его сторонники трезво оценивали положение страны в условиях империалистического окружения. Оставаться в существующем экономическом статусе означало неминуемую гибель государства. Иностранцы концессии неприкрыто грабили страну, которая уже к концу 20-х встала перед угрозой голода. В деревне власть постепенно и негласно перешла к кулакам, которые, собирая неплохие урожаи со своих угодий, зажимали зерно, не желая продавать по государственным расценкам.

Угроза с Запада становилась все очевиднее, и тогда Сталин жестко заявил свою позицию: или мы за 10 лет преодолеваем полувековое отставание, либо нас сотрут с лица земли. Так была перевернута очередная, во многом позорная страница российской истории под названием НЭП. К чему мог привести в итоге этот эксперимент, если бы его не пресек Сталин, спрогнозировать нетрудно, достаточно сегодня посмотреть вокруг и сделать поправку на русский менталитет начала века. В 90-х мы убедились, что либерализация на западный манер в России неизбежно приводит к уродливым результатам. Внешне всё вроде бы благополучно. Полки магазинов ломятся от китайского хлама и непригодной для нормального организма еды, дворы и улицы забиты иномарками, квартиры укомплектованы брендовой бытовой техникой, фиксированного срока эксплуатации, более ста каналов телевидения, представляющего собой именно канализацию, люди — все поголовно в наушниках, уткнувшись в смартфоны. Всё, как и во всем «цивилизированном мире». И как во всем мире — полное отсутствие смыслов и целей.

Тогда, в конце 20-х, Сталин понимал, что насаждение европейского индивидуализма ничего, кроме развращения принести не сможет. Русские всегда были народом имперским, и сохранение национальной идентичности возможно для них лишь в рамках государства как общины. Ленин же был антихристом, поэтому для него представлялось вполне естественным для достижения высших целей пойти даже на сделку с дьяволом из самых благих побуждений. Недаром Сталин единоличным решением отме-

нил ленинский декрет о борьбе с Православной Церковью, о чем пойдет речь в следующей главе. Скрупулезно изучая Маркса, Ленин не принял во внимание одну из основополагающих позиций, на которую обратил внимание Э. Фромм, а именно — два вида сознания, два вида человеческих потребностей — естественных и ложных. Ленин сделал ставку на потребности ложные и едва не проиграл. Русский человек никогда не поклонялся идолу золотого тельца, но с позиций сегодняшнего дня мы видим, что отупляющий соблазн потребительства труднопреодолим. Поддавшись ему, человек утрачивает главные признаки *Homo sapiens*.

Предъявлять счет Ленину за колебания и отступления непродуктивно. Обвинять в русофобии и геноциде глупо. Видимо, России свыше было предопределено пройти через чистилище, а моделей справедливого и рационального устройства общества не существовало тогда, не существует и теперь. Метод проб и ошибок — единственный путь человечества. Побудительные причины любой власти точнее всего демонстрирует ее отношение к народному образованию. Темный и забитый народ легче всего подвержен воздействию манипуляции и эксплуатации. Большевицкая же установка на всеобщее обязательное образование свидетельствует о том, что они видели опору в сознательной, всесторонне развитой личности, исключающей всякую возможность манипулирования. Любые пороки общественного строя в значительной степени зависят не от власти, а от человеческого самосознания. Г. Лебон писал:

«По нашему мнению, верить, что формы правления и конституции имеют определяющее значение в судьбе народа, — значит предаваться детским мечтам. Только в нем самом находится его судьба, но не во внешних обстоятельствах. Всё, что можно требовать от правительства, — это то, чтобы оно было выразителем чувств и идей народа, управлять которым оно призвано. По большей части в силу одного только того факта, что то или другое правительство существует, оно представляет точное отображение народа».

Именно поэтому третьим пунктом в триединой задаче значилось «воспитание нового человека». Именно то, к чему стремился Ленин и чего не успел достичь.

СОТВОРЕНИЕ «ЛЕВИАФАНА»

*...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет;
и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.*

Мф. 12: 25

После смерти Ленина вопрос о сильном государстве и, соответственно, сильной власти встал чрезвычайно остро. Еще в начале 20-х, когда Ленин постепенно отходил от активной политической деятельности, внутри ВКП(б) развернулась нешуточная борьба за роль потенциального лидера. Надо признать, что большевистская партия с самого момента основания отнюдь не представляла собой тот идеологический монолит, каковым его привыкли представлять ортодоксальные коммунисты. Да и роль самого Ленина была далеко не главной. По каждому принципиальному вопросу ему приходилось яростно отстаивать свою точку зрения, и часто окончательные решения принимались вразрез с его позицией. Но, несмотря на это, большевиков всё же отличала особая глубинная сплоченность в отличие от меньшевиков и эсеров, которые бесконечно раскалывались, дробились, и нередко — на откровенно враждующие, бескомпромиссные фракции. Внутрипартийная борьба большевиков также не отличалась особой деликатностью. Различные группировки бесконечно обвиняли друг друга то в мелкобуржуазности, то в контрреволюционности и даже в фашизме, не говоря уже о разнообразных «уклонах». Особую роль в этих склоках сыграло широко известное ленинское «Письмо к съезду», или, как его еще называют, «Завещание Ленина». Работа, написанная еще в конце 1922 г., содержала несколько программных установок для ЦК, а кроме того — характеристику и разбор кандидатур возможных преемников. Никого конкретного Ленин не предлагал, однако достаточно неллицеприятно прошелся по личности Сталина, осуждая его за грубость и нетерпимость к товарищам по партии. Обвинения более чем странные. Во-первых, маловероятно, чтобы основным качеством продолжателя своего дела Ленин посчитал галантность, а во-вторых — по воспомина-

ниям многих совершенно различных по восприятию и складу характера людей, в вину Сталину ставилось многое, но никогда грубость. Этот факт дал некоторым историкам пищу для домыслов о том, что истинным автором письма была Крупская, имевшая к Сталину личные претензии. На XIII съезде РКП(б) она лично зачитала это письмо, после чего произошло общеизвестное событие, насколько показательное, настолько и игнорируемое историками, приписывающими Сталину паталогическую жажду единоличной власти: он заявил о своей отставке. Это был тот период, когда вся власть в стране принадлежала триумvirату Сталин — Зиновьев — Каменев, а Зиновьев являлся фактическим лидером и партии, и государства. Заявление об отставке в таких условиях грозило реальной потерей власти, что Сталина, очевидно, не остановило. Однако отставка съездом поддержана не была, и нельзя исключать возможность, что он заранее просчитал такой вариант.

Тем временем обстановка в партии приобретала всё более напряженный характер. Борьба против Троцкого закончилась его поражением, после чего раскололся и сам триумvirат. Сталин выдвинул тезис о «построении социализма в отдельной стране» и начал сколачивать команду единомышленников. Таким образом, оформилось очередное трио в лице Бухарина — Томского — Рыкова. Последний занимал пост предсовнаркома, что юридически соответствовало статусу главы государства. Опальный триумvirат формировал свою оппозицию, и преддверие XIV съезда напоминало паровой котел, готовый взорваться. Сам съезд прошел в атмосфере форменного скандала.

Тревожа оценивая всю степень опасности сложившейся ситуации, Сталин начал методично избавляться от оппозиции, вытесняя ее из всех партийных и государственных структур. Оппозиционеры, в свою очередь, вернулись к старым испытанным методам нелегальной работы. К 1927 г. разногласия достигли такой степени, что Троцкий пригрозил в случае начала новой войны устроить государственный переворот и перестрелять всех сталинистов. На фоне обострившейся международной обстановки страну накрыла волна терроризма, организованная белоэмигрантами и их обширной агентурой внутри страны.

Внесло свою лепту и крестьянство. Заразившись бухаринским вбросом «обогащайтесь!», крестьяне отказывались сдавать хлеб по закупочным ценам, рассчитывая на их взлет. Когда в 1928 г. с треском провалились хлебозаготовки, Сталин сам поехал в Сибирь в надежде образумить деревню, а вернулся оттуда уже убежденным сторонником силовых методов воздействия. Пожалуй, именно этот момент стал переломным в сознании немногих оставшихся приверженцев НЭПа. Перекосы замедлившегося экономического роста диктовали необходимость поиска каких-то иных подходов. Оппозиция вела оголтелую кампанию в прессе, и ситуация требовала незамедлительных и жестких управленческих решений.

Исходя из этого, Сталин объявил 1929 г. «годом великого перелома», а стратегическими целями обозначил индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию.

Это был критический момент, своего рода «точка невозврата», когда вопрос о силе государственной власти приобретал первостепенное значение. Практика бесконечных дискуссий в партии, увещевания крестьянства, лояльность к оппозиции грозили распадом государства и внешней военной агрессией. Менталитет русского мужика требовал иных подходов и методов управления. И. А. Ильин писал:

«Именно поэтому Римская республика назначала на время войны (а также и внутренних затруднений) — диктатора, осуществлявшего единую, сильную и концентрированную власть. Обычный расчлененный и сложный аппарат государственной власти должен без труда упрощаться, сосредоточиваться и приобретать некую элементарную динамичность в трудные и опасные периоды: и чем легче происходит этот процесс упрощения и сосредоточения, тем боеспособнее угрожаемое войною государство».

Исследуя психологические черты рас, Г. Лебон пришел к выводу, что никакие социальные катаклизмы, нововведенные законы, вожди и лидеры не могут изменить ментальную сущность народа и свойства его характера. В качестве примера он приводит двух соседей — французов и англичан. Во Франции все общественно-политические течения — от радикалов до социалистов — преследуют одну и ту же конечную цель — поглощение личности государством, которое безраздельно всем управляет, регулирует до мелочей и избавляет граждан от проявления инициативы и размышлений. Для них «социализм есть не что иное, как крайнее выражение монархической идеи, для которой революция была ускорительной фазой».

Совершенно иным представляется психологический склад англичан. Независимо от того, кто стоит во главе — монарх или президент, роль государства будет сведена к минимуму, а роль граждан к максимуму. Все учреждения и социальные институты создаются и обеспечиваются исключительно личной инициативой, и никогда государственной. Англосаксам свойственен оптимизм человека, для которого совершенно ясен его жизненный путь и не возникает мысли о выборе лучшего, и он всегда знает свои обязательства перед отечеством, семьей и Богом. По мнению Лебона, именно этот оптимизм и убежденность побуждают англосаксов смотреть с презрением на всё чужеземное. Из этого представления происходит пренебрежение какими бы то ни было нравственными правилами в отношении к иностранцам:

«Нет ни одного английского политического деятеля, который не считал бы относительно другой нации совершенно законными поступки, рискующие вызвать самое глубокое и единодушное негодование, если бы они практиковались по отношению к его соотечественникам».

Так формируется сознание национальной исключительности — первой закладки в фундамент расизма, изобретения исключительно англосаксонского. Лебон признает, что с точки зрения философской — это чувство «очень низменного характера», но весьма полезно для национального благоденствия. По словам генерала Гарнета Вулзли⁷¹, «оно есть одно из тех качеств, которые создают силу Англии». Лебон пишет:

«...этот народ, несмотря на недостатки, которые делают его для иностранца самой несносной из наций, один только истинно свободен, потому что он только один научился искусству самоуправления и сумел оставить за правительством минимум деятельной власти. Если пробегаешь его историю, то видишь, что он первый сумел освободиться от всякого господства — как от господства церкви, так и от господства автократов».

Из приведенной цитаты можно сделать несколько различных выводов. Необходимо признать, что мировоззренческие концепции самого Лебона, несмотря на углубленный научный подход, всё же не чужды расизма. Исходя из его взглядов, достижение благосостояния за счет других, «низших» рас не представляется безнравственным, особенно если учесть «освобождение от господства церкви».

И — действительно, в какой бы точке планеты ни возникал англосакс — он везде насаждает собственные представления мироустройства:

«В какое бы место земного шара подобный народ ни переселился, он немедленно станет господствующим и положит основание могущественным империям. Если порабощенная им раса, например, краснокожие в Америке, достаточно слаба, но недостаточно полезна, она будет систематически искоренена. Но если порабощенная раса, например, народности Индии, слишком многочисленна для того, чтобы быть уничтоженной, и может, между прочим, доставлять продуктивный труд, то она будет просто приведена в состояние очень суровой вассальной зависимости и вынуждена работать исключительно на своих господ».

Успехи, достигнутые благодаря «душевному складу английской расы» вызывают у Лебона восхищение. Одним из основных достоинств он видит способность к самоуправлению и признает, что деятельность государства «низведена до такого минимума, что там почти не существует государственной власти».

Однако в молодом англосаксонском модификационном аналоге, Соединенных Штатах, благоденствие — привилегия не для всех. Не обладающие необходимыми качествами «осуждены на быструю гибель»:

«В этой атмосфере, насыщенной независимостью и энергией, может жить один только англосакс. Итальянец умирает там с голода, ирландец прозябает в низших занятиях.

---

⁷¹ Гарнет Вулзли (Уолсли) (1833–1913) — британский военачальник, фельд-маршал.

В теории они имеют все права; но на практике с ними обращаются, как с полезными животными, от которых стараются избавиться, когда они становятся опасными. Короткая расправа по закону Линча признается повсюду для них совершенно достаточной. При первом серьезном преступлении их расстреливают или вешают. Статистика, знающая только часть этих казней, зарегистрировала их 1100 только за последние семь лет» (написано в 1895 г.).

Таким образом, сам того не желая, Лебон рисует нам портрет расы, живущей по понятиям бандитской нацистской шайки. Мы уже говорили, что сам принцип законодательства, базирующийся на прецедентном праве с бесчисленным количеством маразматических поправок, есть не что иное, как циничное ухищрение для уклонения от применения твердого закона.

Тезис о государстве как элементе культуры впервые сформулировал Т. Гоббс. Он видел государственный организм творением человеческой воли и труда, поэтому история государства есть история культуры. Если, согласно Гоббсу, возникновение государства обусловлено достижением человеком достаточно высокой ступени развития, то что означает почти полное отсутствие государственной власти, как не возврат общества к своему «естественному» состоянию? Конечно, это не есть «война всех против всех», но, несомненно, что это война избранных против всех остальных. В современных условиях такая война ведется настолько изощренными методами, что на поверхностный взгляд почти не заметна. Цель и смысл государства — обеспечение мирного сосуществования различных индивидов и групп людей, движимых естественными корыстными интересами, поэтому история англосаксонской государственности как история культуры в комментариях не нуждается. Нравственный уровень этой культуры лучше всего иллюстрирует широко известная цитата лорда Палмерстона⁷²:

«У нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг — следовать им».

А в подоплеке — всё тот же вечный принцип: «Ничего личного...»

Э. Дюркгейм⁷³ видел назначение государства в направлении «неразумной мысли» толпы «более продуманной мыслью» и в освобождении личности от давления отдельных социальных групп, обладающих фактической властью, а также и Церкви.

---

⁷² Генри Джон Темпл Виконт Палмерстон (1784–1865) — английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, затем внешней политикой государства, а в 1855–1865 гг. (с небольшим перерывом) был премьер-министром.

⁷³ Эмиль Дюркгейм (1858–1917) — французский социолог и философ, основатель французской социологической школы и предшественник структурно-функционального анализа. Наряду с О. Контом, К. Марксом и М. Вебером считается основоположником социологии как самостоятельной науки.

Гоббс видел в государстве не только элемент культуры, но и ее инструмент. По его мнению, лишь государство способно покончить с дикостью и варварством и повысить общий образовательный и культурный уровень людей. Лишь государственные институты способны сдерживать проявления дурных наклонностей и животных инстинктов. Либералы, приватизируя учение Гоббса «в части, их касающейся», очень не любят упоминать об этих «низких истинах». Современное состояние общества, в особенности западного, подтвердило его безусловную правоту. Анализируя законы общественного развития и культуры, он пришел к выводу, что следование им есть прерогатива личности, получившей соответствующее образование и способной находить баланс между личными интересами и интересами общества. Мысль эта укладывается в известный постулат античной философии, перекочевавший во все евангелия в той или иной формулировке:

«Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7: 22).

Весьма показательно, что первая обществоведческая научная работа Гоббса «Элементы природного и естественного закона» вышла в 1640 г. — накануне буржуазной революции. В этом труде он закладывает основы своей теории государства и права. А уже после победы парламента и одобрения Кромвеля издается знаменитый «Левиафан», развивающий предшествующие идеи. Издание этого труда вызвало бурю разносторонних протестов. Монархисты умудрились усмотреть в трактате посягательство на их принципы и объявили автора ренегатом, а церковники признали вероотступником и отлучили от церкви. Положение значительно усугубилось после смерти Кромвеля в 1658 г. С этого момента Гоббс становится объектом постоянной травли: его обвиняют в политической измене и даже в колдовстве. Спасает его лишь близкое знакомство периода эмиграции с Карлом II, который обеспечивает Гоббсу защиту на условиях полного запрета всех публикаций. Этот запрет растянулся на многие годы, даже после смерти самого автора. В период расцвета творческой деятельности его авторитет был непререкаем, но с наступлением опалы пришло и многолетнее забвение. И только на заре эпохи Просвещения его слава приобрела новый импульс и уже не угасала. Показательно, что отдавали должное Гоббсу и классики марксизма, оценивая как «крупнейшего представителя материализма Нового времени». Но эта мотивировка — лишь вершина айсберга. Вне всякого сомнения, истинный интерес к Гоббсу как обществоведоу марксисты испытывали в связи с его трактовкой сильного государства, что бы сами ни говорили о постепенном отмирании последнего. Кстати, либералов всегда можно поставить на место, если предложить непредвзятый сравнительный анализ «Левиафана» и «Сильного государства» Ф. Фукуямы. Четкая монументальность логики первого не идет ни в какое сравнение с расплывчатой демагогичностью второго.

Гоббсу любят вменять в вину приверженность абсолютной авторитарной власти, но как-то упускают из виду (или не хотят замечать), что главный его посыл — диктатура здравого смысла и законности, хотя и в достаточно специфической интерпретации.

Уникальность гоббсовского государства в том, что оно добровольно рабовладельческое, где рабами являются все, без исключения, граждане. И это логично, если исходить из основополагающих посылов, что человек человеку — волк, а суверен — «смертный Бог». Устав грызть друг другу глотки, люди приходят к пониманию необходимости заключения договора, но не о ненападении, а об учреждении некоего сублимированного бога, воплощенного в лице *демократически* избираемого суверена. В представлении Гоббса государство — перманентно осажденная крепость с заложенной внутри бомбой природной человеческой агрессивности, а по законам военного времени лишь единоначалие — залог выживания и победы. Он пишет:

«Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица».

Если Макиавелли считал страх наиболее предпочтительным инструментом управления, то Гоббсу он представлялся единственно возможным.

Известный интерес представляет его точка зрения на потенциальные формы правления такого государства. Отдавая предпочтение монархии, он не отвергает возможности и других форм, включая демократию, которую, впрочем, оценивает вполне трезво. Не жалуется он и аристократию:

«Богатство, могущество и слава монархов обусловлены богатством, силой и репутацией его подданных. Ибо никакой король не может быть ни богат, ни славен, ни находиться в безопасности, если его подданные бедны, презираемы или слишком слабы вследствие бедности или междоусобий, чтобы выдержать войну против своих врагов. При демократии же или аристократии личное благополучие лиц продажных или честолюбивых обеспечивается не столько общественным процветанием, сколько чаще всего вероломным советом, предательством или гражданской войной».

В какую бы форму ни облекалась власть, один лишь суверен является тем стержнем, на котором держится всё государство. Сообразно с этим и права суверена не могут быть ограничены ничем и никем, кроме самого «бессмертного Бога». Кроме того, установленная однажды форма правления не может быть изменена ни при каких обстоятельствах:

«Те, кто уже установил государство и таким образом обязался соглашением признавать как свои действия и суждения одного, неправомерны без его разрешения заключать между собой новое соглашение, в силу которого они были бы обязаны подчиняться в чем-либо иному человеку. Поэтому подданные монарха не могут без его разрешения свергнуть монархию и вернуться к хаосу разобщенной толпы или перевести свои полномочия с того, кто является их представителем, на другого человека или другое собрание людей, ибо они обязались каждый перед каждым признавать именно его действия своими и считать себя ответственными за всё, что их суверен будет или сочтет уместным делать».

Из этого логически исходит полная безнаказанность любых деяний властителя; не допускается даже осуждение его действий, в какой бы то ни было форме. Вся полнота законодательной и судебной власти принадлежит исключительно ему.

Не менее оригинальна трактовка Гоббсом понятия границ свободы подданных. В главе XIV он пишет:

«Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом».

А ниже идут рассуждения совершенно иезуитского свойства:

«Страх и свобода совместимы. Например, если человек из страха, что корабль потонет, бросает свои вещи в море, то он тем не менее делает это вполне добровольно и может воздержаться от этого, если пожелает. Следовательно, это действие свободного человека. Точно так же если человек платит свои долги, как это иногда бывает только из боязни тюрьмы, то и это действие свободного человека, ибо ничто не препятствует этому человеку отказаться платить. Как правило, все действия, совершаемые людьми в государствах из страха перед законом, являются действиями, от которых совершающие их имеют свободу воздержаться».

...Свобода подданных заключается поэтому лишь в тех вещах, которые суверен при регулировании их действия обошел молчанием, как, например, свобода покупать и продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать свое местопребывание, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т.д.

Свобода подданного совмещается с неограниченной властью суверена.

...если суверен приказывает человеку (хотя бы и по праву осужденному) убить, ранить или изувечить себя, или не оказывать сопротивление тому, кто на него покушается, или воздержаться от пищи, пользования воздухом, употребления лекарств или какой-либо другой вещи, без которой он не может жить, то такой человек свободен не повиноваться; если какой-нибудь человек допрашивается сувереном или кем-нибудь от его имени по поводу совершенного им преступления, то допрашиваемый, когда ему не обещают прощения, не обязан сознаваться в этом, ибо никакой договор не может обязать человека обвинить себя».

То, что «свободному» после этого все равно отрубят голову, по мнению Гоббса, ничуть не умаляет его свободы. Апофеозом «свободы» вполне можно считать виртуозную формулировку:

«Однако если суверен требует или берет что-нибудь на основании своей власти, то такие случаи не подлежат обжалованию. Ибо всё, что суверен делает в силу своей власти, он делает в силу полномочий, данных ему каждым подданным, а следовательно, тот, кто подает жалобу на своего суверена, подает жалобу на самого себя».

Тема свободы неразрывно связана с законностью, которой автор уделяет особое внимание:

«Суверен государства, будь то один человек или собрание, не подчинен гражданским законам. В самом деле, обладая властью издавать и отменять законы, суверен может, если ему угодно, освободить себя от подчинения отменой стесняющих его законов и изданием новых, следовательно, он уже заранее свободен. Ибо свободен тот, кто может по желанию стать свободным. Да и не может человек быть обязанным по отношению к самому себе, так как тот, кто может обязать, может и освободить от своей обязанности, и поэтому иметь обязательства только по отношению к самому себе — значит не иметь их».

По мнению Гоббса, основополагающим является качество законотворчества суверена, и здесь мы можем наблюдать очередной интеллектуальный кульбит:

«Суверен должен заботиться об издании хороших законов. Но что такое хороший закон? Под хорошим законом я разумею справедливый закон, ибо никакой закон не может быть несправедливым. Закон издается верховной властью, а всё, что делается этой властью, делается на основании полномочий и ответственности каждого из ее подданных, а то, что соответствует воле всякого человека, никто не может считать несправедливым».

Вместе с тем нельзя не признать, что в основе его рассуждений — железная логика. Пусть и своеобразно, но с качеством законотворчества он тесно увязывает благо народа и одним из главных условий определяет его общепонятность. Задачу законов он видит в предотвращении нанесения какого-либо вреда людьми самим себе. На что их часто толкает несоизмеримость желаний или неосторожность, «подобно тому, как изгороди

поставлены не для того, чтобы остановить путешественников, а для того, чтобы не дать им сбиться с дороги».

Было бы неверно рассматривать закон с точки зрения выгоды исключительно власти, но в ущерб народу: «Ибо нельзя отделить благо суверена от блага народа. Слаб тот суверен, который имеет слабых подданных, и слаб тот народ, суверен которого не имеет власти, чтобы управлять им по своей воле». Иными словами: счастье человека — это долг государства, а счастье государства — долг человека.

Необходимым условием правильного понимания закона является прозрачность намерений законодателя, его мотивов. Закон должен быть краток и конкретен, как приказ. Словно предваряя правовую абсурдность большинства западных государств XXI в., Гоббс пишет:

«...все слова двусмысленны, поэтому умножение слов есть также умножение двусмысленности. Многословный закон, кроме того, дает повод к ошибочному предположению, будто стоит лишь старательно обойти букву закона, чтобы не подпасть под его действие. И это является причиной многих ненужных процессов. Ибо когда я представляю себе, сколь кратко составлялись законы в древние времена и как они постепенно становятся всё более и более многословными, то я как будто вижу перед собой состязание между составителями закона и их защитниками, при котором первые стараются ограничить последних, а последние — обойти ограничения, причем победу одержали защитники законов. Поэтому обязанность законодателя, каковым бывает во всяком государстве верховный представитель, будь то один человек или собрание, — сделать очевидной цель закона, а сам закон сформулировать кратко, по возможности более точно и выразительно».

Типичный пример — последняя редакция российской Конституции. Внесенные поправки сформулированы с такой изощренностью, что понять их смысл — задача не для средних умов.

Отвергает он и распространенное ныне нелепое прецедентное право:

«Можно было бы привести много... примеров, где люди судят превратно из-за доверия к прецедентам. Однако уже достаточно показано, что, хотя приговор судьи есть закон для тяжущейся стороны, он не является законом для судьи, который сменит его в этой должности».

Не менее своеобразен взгляд Гоббса и на просвещение. При изучении «Левиафана» в части, касающейся просвещения народа, неизбежно возникают ассоциации с культурной революцией Мао в Китае, когда основным учебником для всех слоев населения стал цитатник. Получивший блестящее образование в области философии и теологии в Оксфорде и усовершенствовав его в лучших университетах Европы, Гоббс пишет:

«...умы простых людей, если они не зависят от сильных и не запутаны мнениями ученых, представляют собой чистую бумагу, способную воспринимать всё, что государственная власть запечатлеет на ней».

Каким же содержанием должна наполняться эта чистая бумага?

В первую очередь — это незыблемые постулаты о правах верховной власти, которые являются естественными и основными законами. В частности — «подданные должны понимать бесполезность изменения формы правления». Народ должен пребывать в убеждении, что его благоденствие зависит исключительно от покорности и почитания суверена, а любое вольнодумство и оглядки на формы управления других народов ведут к смутам, восстаниям и иным неисчислимым бедствиям. Народу необходимо внушать, что пренебрежение послушанием влечет неминуемую гибель. Любое реформирование есть разрушение:

«Это стремление к изменению существующей в государстве формы правления есть как бы нарушение первой заповеди Бога, которая гласит: *non habebis Deos alienos* — да не будет у тебя Богов других народов; а в другом месте Бог говорит о царях, что они Боги».

Кроме того, необходимо предостерегать от преклонения перед авторитетами, какими бы достоинствами они ни обладали, так как «это можно без натяжки сравнить с нарушением второй из десяти заповедей». Все почести и восторги надлежит адресовать лишь суверену.

Любые споры о верховной власти недопустимы, а дурной отзыв о верховном правителе — будь он один человек или собрание — является тяжким преступлением. Непочтительное употребление имени суверена есть нарушение третьей заповеди. Изучение правил исполнения своего долга перед сувереном вменяется народу в неукоснительную обязанность, поэтому, несмотря на заботы о добывании хлеба насущного, каждый подданный должен, отложив все дела, находить время для прослушивания поучений о своих обязанностях, а также «чтения и толкования положительных законов, поскольку они касаются всех подданных».

Почитание родителей воспитывается в детях в том смысле, «что вначале отец всякого человека был и его сувереном, властелином, имевшим власть над его жизнью и смертью, и хотя по установлении государства отцы семейств отrekliсь от этой абсолютной власти, однако никогда не имелось в виду, чтобы они теряли право на то уважение, которое заслужили от своих детей заботами об их воспитании». И это согласуется с пятой заповедью.

Уклонение от совершения незаконных деяний, уважение права чужой собственности, отказ от насилия и мести, супружеская верность — всё это требуется не просто исполнять, но «делать искренне, от всей души», то есть всё то, что составляет содержание остальных пяти заповедей.

Что же касается практики университетов, которую автор освоил в полной мере, то здесь мы видим несколько неожиданные, но вполне определенные выводы:

«...хотя университеты и не были творцами ложных доктрин, но они не сумели внушить своим питомцам истинных учений. Ибо противоречи-

вые взгляды, господствующие среди воспитанников университетов, доказывают, что они недостаточно обучены, и не приходится удивляться тому, что они сохранили вкус того тонкого напитка, которым напоили их против гражданской власти».

Таковы, в предельно кратком изложении, основные позиции доктрины Гоббса о сильном государстве. Масштаб трактата «Левиафан» таков, что постичь всю его глубинную суть возможно лишь при целенаправленном изучении и детальном анализе, что не входит в задачу данной работы. Следует сразу условиться, что модель государства Гоббса абстрактна. Несмотря на то, что автор ставит в безоговорочное равенство перед законом всех без исключения подданных от аристократа до простолюдина, государство — это рабовладельческое, потому что закон в нем персонафицирован в одном лице — суверене. Все подданные суть рабы суверена, а рабовладельческое государство не может быть сильным ни при каких условиях, даже если рабство добровольное. Модели Гоббса и Макиавелли имеют некоторое поверхностное сходство, но Макиавелли реалистичен, гибок, изящен, текуч, по-иезуитски виртуозен:

«...может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда бояться и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но, когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно, и если

начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее».

Государь Макиавелли бесстрашен, суверен Гоббса перманентно испуган потенциальным неповиновением, гражданской войной, внешней агрессией. Главным вектором его деятельности всегда остается удержание сознания подданных-рабов в гипнотически-восторженном состоянии, родственном религиозному экстазу. Этот подспудный страх суверена обнажает страх самого автора, значительная часть жизни которого пришлась на Тридцатилетнюю войну, а религиозные войны во Франции, свидетелем которых ему довелось стать, сформировали убаюкивающую доктрину общественного договора. В противопоставление «войны всех против всех» он выдвигает тезис договора всех со всеми. Демократическая процедура избрания суверена тоже не что иное, как примирительный реверанс внутренне испуганного человека. Фанатичный поборник точности формулировок, Гоббс допускает маленькую косвенную оговорку. Если вначале он пишет о «большинстве голосов», то далее — почти по Фрейдю:

«Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему *каждым отдельным человеком* в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов (курсив мой. — Г. Е.)».

Рассуждать об избрании «каждым отдельным человеком» — абсурдно, а о поголовной искренней любви и почитании — наивно. Любая демократическая процедура во все времена — это всегда базар, склока и хаос разноречивых мнений. Такое почти мгновенное изменение формулировки лишний раз свидетельствует о всеобъемлющем, почти мучительном стремлении автора к поиску универсального метода достижения всеобщего мира и согласия.

Философское наполнение трактата намного глубже, чем позволяют рассмотреть рамки настоящей работы. Нам же важно лишь представить пределы мира Гоббса — предтечи Оруэлла XVII в. — и понять, что вне рамок сильного государства человеку нет смысла ожидать какой бы то ни было упорядоченной и стабильной жизни. Сегодня уже очевидно, что «война всех против всех» — это не естественное состояние общества, которого история, по существу, и не знала, а неписанный закон капитализма и нынешняя реальность, когда «ничего личного, только бизнес». Если же в качестве «естественного» рассматривать первобытно-общинный строй, то именно там существовала власть на подлинно демократической основе,

когда всё племя или род избирали старейшину. Разумеется, что ни о какой «войне всех против всех» речи идти не могло, более того, именно в рамках такой малочисленной и замкнутой формации демократия возможна и жизненно необходима, а всё, что сверх того, — от лукавого.

Основное предназначение государства и власти — служение народу, но ни в коем случае не наоборот в одностороннем порядке. Еще Аристотель ставил семью как элемент общества в приоритетное положение относительно государства, которое только при таком условии вправе требовать служения себе. Хотя здесь необходимо учитывать, что численность городов-государств в античные времена была несопоставима с нынешними.

В работе «О правах властителей по отношению к своим подданным» Т. Беза⁷⁴ задается вопросом: «Следует ли подчиняться властителям так же безоговорочно, как воле Божьей?» Развивая эту мысль, он приходит к выводу, что если суверены нарушают заповеди и допускают несправедливый произвол, то подданные имеют полное моральное право оказывать неповиновение. Он пишет:

«Не народы существуют для правителей, а правители для народов, так же как пастух нужен для стада, а не стадо для пастуха».

Г. Гроций⁷⁵ утверждал, что поскольку власть представляет собой продукт общественного договора, то и происхождение ее от народа, а поэтому она не более божественна, чем сам народ.

Но жизнь, как известно, всё расставляет по своим местам. Провозвестник «конца истории» и знамя либеральной мысли конца прошлого века Френсис Фукуяма — ныне ренегат и перерожденец. Спустя почти четверть века после выхода своего бестселлера, он выпускает очередной труд под названием «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке», в котором подвергает мягкой, косметической критике свои прежние воззрения. Работа эта значительна по нескольким причинам. Во-первых, она представляет собой изрядный концептуальный сдвиг либерального сознания, а во-вторых, побуждает отдать должное мужеству автора, признавшего самим фактом последнего издания, что 14 лет, посвященные работе над «Концом истории», — бесцельно прожитые годы, как, впрочем, и все годы всех теоретиков либерализма. Контекст настоящей книги еще потребует детального рассмотрения «Конца истории» в последующих главах, а пока коротко остановимся на вновь обретенных позициях Ф. Фукуямы.

---

⁷⁴ Теодор Беза (1519–1605) — швейцарский реформатор, сподвижник и преемник Жана Кальвина.

⁷⁵ Гуго Гроций, или Гуго де Грот (1583–1645) — голландский юрист и государственный деятель, философ, христианский апологет, драматург и поэт. Заложил основы международного права, основываясь на естественном праве.

С самого начала стоит обратить внимание, что, рассматривая проблемы современных социально-политических институтов с позиций вполне рациональных, автор тем не менее оказывается не в состоянии выйти за рамки либерального дискурса, а это, согласно аксиоме Гоббса, означает: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет». Именно это обстоятельство придает работе некоторый налет демагогичности.

Главным условием построения сильного государства он видит «создание новых правительственных учреждений и укрепление существующих». То, что хоть какая-то часть либеральной мысли всколыхнулась, уже обнадеживает, но даже этой части (надо признать — наиболее честной) решение видится чисто косметическим. Увеличение численности бюрократии на фоне укрепления негодных государственных структур никоим образом не может быть залогом усиления государства, скорее — наоборот. Анализируя ход модернизаций в различных отсталых странах, или, как он их называет, «странах-неудачниках», автор приходит к верному выводу, что попытки внедрения западных стандартов не приносят ни процветания, ни стабильности, но, напротив, ввергают в еще большую деградацию. Секрет Полишинеля, но Фукуяма либо наивен, либо лукавит, потому что Запад, проводя экспансию в эти страны, никогда и не ставил целью их благоденствие. Это всегда — или глобализационная афера, или банальный грабеж природных ресурсов. Именно для этого предпринимались действия к еще большему ослаблению государства и окончательному разрушению экономики.

Однако необходимо отметить, что в последние десятилетия прошлого века обществоведы США изучали вопрос смещения центра власти на уровень штатов и округов, предполагая, что такая система позволит более оперативно реагировать на местные вызовы и увеличит степень доступности власти населению. Увлечшись идеей, некоторые специалисты ударились в обобщения и предположили, что социум в целом имеет стремление к децентрализации и горизонтальным связям. Гипотеза сама по себе нелепая и, надо полагать, произошла не из обоснованных научных исследований, а исключительно как дань либеральной моде. Любому человеческому сообществу присущ феномен власти, поэтому идея надуманная и может быть вызвана к жизни или слабостью существующей власти, или недовольством общества проводимой управленческой стратегией.

Рассматривая компоненты, характеризующие слабость государства, в числе прочих Фукуяма определяет такие, как нарушения прав человека, отсутствие или отсталость институтов гражданского общества. И здесь наиболее выпукло проступает менталитет либерала, привыкшего всегда говорить о правах и никогда об обязанностях. Однако он абсолютно прав, указывая, что именно эти факторы в совокупности с коррупцией на всех уровнях и социальными катаклизмами служат побудительной причиной к эмиграции в более благополучные страны, где прибывшие нередко становятся рекрутами международного терроризма.

Озаботившись проблемой национальных суверенитетов, которые нарушаются сплошь и рядом, он ставит острые вопросы о праве на их нарушения более сильными государствами. Казалось бы, вот он — момент истины! Либеральный демократ, американец задался вопросами из области морали. Но великодержавный менталитет профессионального разносчика демократии неискореним. Признавая неэффективность существующих форм обеспечения безопасности, он предлагает их заменить превентивными мерами в виде насильственной смены режимов. Круг замкнулся.

В июне 2002 г. в Вест-Пойнте Дж. Буш-младший в своей речи сформулировал положения документа по стратегии национальной безопасности. Доктрина недвусмысленно отражала намерения США относительно так называемой «профилактической» войны против стран, представляющих для Америки террористическую угрозу. С тех пор такие мероприятия стали обычной практикой и перевернули весь мировой порядок вверх дном, в точности как предписано на однодолларовой купюре. Однако Фукуяма возлагает всю ответственность на те государства, которые порождают эти проблемы, тем самым ставя вопрос с ног на голову, не будучи в состоянии признать, что мировой терроризм — кровное детище именно Соединенных Штатов непосредственно и проводимой ими политики — опосредованно. Разного рода «гуманитарные интервенции» в той форме, в какой их проводят США, ни в одной точке земного шара еще ни разу не принесли благоприятного результата и напоминают, скорее, карательные операции, а попытки перекроить жизненный уклад и политическую систему на свой манер всегда приводят к еще большей катастрофе. Всё в точности по Гоббсу. Фукуяма пишет:

«Ни Соединенные Штаты, ни международное сообщество не достигли особых успехов в деле построения самостоятельных государств ни в одной из стран, где они намеревались это сделать. Однако попытки построения сильных государств сыграли важную роль в стабилизации обстановки в этих странах и в подготовке почвы для возможных переговоров. Мир — это неоценимое благо для народов воюющих стран, он оправдывает все международные усилия в этом направлении. Но международное сообщество подчеркивает важность восстановления управленческих институтов, создания инфраструктуры»...

Результаты «стабилизации» мы можем наблюдать на примере Ливии, Афганистана, Сирии и — далее по списку. Повсюду, где ступила нога вооруженного англосакса, — кровь, боль, страдания, и нигде нет мира.

Таким образом, в лице Фукуямы мы видим хрестоматийную эволюцию либерального демократа. Это еще раз подтверждает приведенный ранее тезис о «бесконечности» псевдodemократии: никому не дано предугадать, в какие чудовищные формы она способна выродиться. Сегодня в среде антилибералов стало модным сравнение современной западной

постмодернистской модели с фашизмом. С этим нельзя согласиться, потому что подобное сравнение есть оскорбление фашизма, сущность которого до неузнаваемости была искажена Гитлером. Об этом речь пойдет в следующих главах, а пока, возвращаясь к концепции сильного государства по Фукуяме, можно с удовлетворением отметить, что хотя либералы и неизлечимы в принципе, но у мыслящей их части в отдельных участках мозга начинают пульсировать некие слабые сигналы. Они постепенно приходят к пониманию, что форма правления на основе одного лишь общественного договора себя изжила и для сохранения хоть какого-то порядка возвращение к отдельным доктринам Гоббса неизбежно, нравится это кому-то или нет. Но, как говорится, — «за что боролись...» Пробрало-таки и Фукуяму:

«Только государства и одни государства способны объединить и целесообразно разместить силы обеспечения порядка. Эти силы необходимы, чтобы обеспечить правление закона внутри страны и сохранить международный порядок. Те, кто выступает за „сумерки государственности“ — являются ли они поборниками свободного рынка или преданы идее многосторонних переговоров, — должны объяснить, что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире... На самом деле эту пропасть заполнило разношерстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп и так далее, которые могут обладать в определенной степени властью и легитимностью, но редко и тем и другим сразу. За неимением ясного ответа нам остается только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным».

Главное, чтобы это возвращение не привело в мир Оруэлла.

Модель государства Гоббса, безусловно, гипертрофирована, но это всего лишь модель, концепт. Однако в представлении русского человека власть есть не что иное, как сочетание строгости и справедливости. Сколько бы либералы ни стремились утвердить в России принцип «личность выше государства», их потуги во все времена оставались тщетны. Русское общество на всех уровнях имело какой-то необъяснимый иммунитет против разложения. Православное миропонимание диктовало справедливость в распределении общественного продукта, потому что основополагающей выступала экономическая составляющая, выросшая из общинного принципа жизненного уклада. Русский человек всегда был покорен своему суверену, но до известной степени. Если суверен пренебрегал своими обязанностями, народ либо бежал в леса, либо учинял бунты осмысленные, но беспощадные.

Уникальность географического положения России, навязанная извне необходимость противостояния внешней агрессии в совокупности с обязывающим статусом великой державы часто вынуждали власть жертвовать частью своих обязательств перед народом. Народ же, в свою очередь,

нередко ропща, но неизменно консолидировался вокруг власти, принося в жертву государству не только личное благосостояние, но зачастую и свободу. По словам Г. Вернадского⁷⁶, сохранение национальной идентичности было возможно лишь ценой самодержавия и крепостного права.

Как верно отмечала Екатерина II, в моменты ослабления власти в России неизбежно возникает смута. А, исходя из наблюдений Фукуямы, эта тенденция распространяется на все ослабленные либерализмом государства. Толерантный Запад, похоже, уже свыкся с упадком морали и нравственности, теневая власть мафий и корпораций правит им по умолчанию, и немногими либеральными умами, подобно Фукуяме, начинает овладевать предчувствие надвигающейся катастрофы. Гоббс был абсолютно прав, утверждая, что без доверия к власти бессмысленно рассуждать о силе государства. Персонаж страшных снов российских либералов К. П. Победоносцев писал:

«Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается не на чем ином, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого на веру основанного сознания. Народ в единении с государством много может понести тягостей, много может уступить и отдать государственной власти».

Российская история не раз подтверждала правоту концепции Гоббса, и самое яркое тому свидетельство — Великая Отечественная война. Военная мощь, боевой дух, стойкость — всё это базируется, в первую очередь, на безусловном авторитете власти, которая способна обеспечить стабильность в экономической и политической жизни общества в мирное время, культивируя традиционные национальные культурные ценности.

Исконный идол либералов — свобода — никак не увязывается в их сознании с понятием «сильное государство». Даже Фукуяма, сотворивший на эту тему целую книгу, не смог ни понять до конца, ни внятно изложить свое видение. Вся беда либералов в том, что им совершенно чуждо чувство ответственности перед кем-либо, кроме самих себя. Понять, что свобода — это, прежде всего, ответственность — значит признать, что подлинная свобода невозможна без сильной власти, способной обеспечить защиту каждому члену общества. Рассмотрение государства исключительно как инструмента принуждения — фатальная ошибка многих исторических теорий, не желающих признавать, что только государство способно обеспечить каждой отдельной личности подлинную свободу в обществе, в противном случае начинается «война всех против всех».

И. Ильин писал, что мировая история знает немало примеров злоупотреблений властей, преувеличения ими своего предназначения, попрания

---

⁷⁶ Георгий Вернадский (1887–1973) — русский, а затем американский историк. Сын В. И. Вернадского.

правовых норм. Это всегда вызывало сопротивление — пассивное или активное, что приводило не столько к исправлению заблуждений и прекращению бесправия, сколько к ослаблению самой власти. Борьба за новое жизнеустройство чаще всего приводила к подрыву самих государственных устоев. Из опасений повторить ошибки создавали власть беспомощную и раздробленную. Разрушался как внутренний порядок, так и безопасность и обороноспособность. Строки, написанные Ильиным в 30-х годах прошлого века, удивительно соответствуют истории 90-х. Тогда не просто изобретали новые формы власти, а тупо копировали западные, чем сводили на нет употребление политической воли и возможность принятия адекватных управленческих решений. Ильин пишет:

«Так ввели состязание государственных органов друг с другом (глава государства, министерство, верхняя палата и нижняя палата); ввели многоголовый сговор и взаимную борьбу многих партий; полномочия главы государства ограничили избираемостью его и срочностью, и тем поставили его под контроль и увеличили медлительность в течении дел: стали выделять к власти людей слабых, безвольных, незначительных, зависимых от политической кулисы; конституционно закрепили недоверие народа к власти и не заметили, что всем этим создали сущее государственное безвластие и безволие».

История знает примеры, когда государство до поры способно существовать без сильной власти. В первую очередь это обуславливается его размерами. Большие пространства поглощают и ослабляют властное воздействие. Если Россия впятеро больше Китая, втрое больше США и вчетверо больше всех нерусских государств Европы вместе взятых, то разве сможет «слабая власть пронизать своими организующими и упорядочивающими лучами такое пространство?»

Сегодня часто можно услышать от представителей оппозиции упрёки и критику в адрес президента по поводу его стиля управления страной «в ручном режиме». Упрёки справедливые. Даже при наличии современных средств коммуникации, связи и транспорта глубинка живет, по большей части, в условиях управленческого вакуума и местного чиновничьего произвола. Сказать, что нынешняя российская власть слабая, — значит ничего не сказать. Эта власть, прежде всего, инертная и ленивая, занятая в большей степени сама собой и озабоченная проблемами собственного комфортного выживания. Обширный репертуар внешнеполитических спектаклей создает у обывателя некие иллюзии и несколько отвлекает от проблем внутренних, которые постепенно накапливаются и рано или поздно потребуют принятия радикальных решений, на которые такая власть не способна по определению.

На примере Февральской революции Ильин показывает, что при небольшой численности и ничтожной плотности населения слабая власть в России совершенно беспомощна:

«...русский народ всегда склонен к состоянию полуанархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку».

Россия — страна, чрезвычайно дифференцированная по множеству показателей: это и число национальностей и языковых групп, достигающее до 170; около 30 религий и вероисповеданий; климатические колебания и природные условия — все эти факторы требуют не только сильной, но и умной власти. Для качественного и эффективного управления необходимо понимание уникальности страны. Россия — это не государство в тривиальном смысле, это цивилизация со всеми характерными признаками.

С точки зрения Ильина, русское правосознание отягощено крайне сложным наследием. Здесь и удельные междоусобицы, и татарское иго, и различные смуты с дворцовыми переворотами, и активное революционное движение. Все эти факторы формировали определенный темперамент и имманентную тягу к анархии. Именно поэтому русский человек признает лишь сильную власть, «строгое начальство». Власть слабая неизменно порождает впечатление вседозволенности и ведет к общественному распаду, что мы и имеем возможность наблюдать в современной России.

Гоббс справедливо указывал, что обеспечение безопасности и защита от внешней угрозы — наиглавнейшая обязанность суверена. Россия исторически находилась и находится по сей день в условиях осажденной крепости. Фактически не затрагивая ничьих национальных интересов, но одним фактом своего существования, отличным по образу от «цивилизованного» западного мира, Россия не перестает раздражать заокеанских «партнеров», которые вынуждают своих европейских сателлитов концентрироваться вдоль границ войска НАТО. С. Соловьев подсчитал, что в период с 1055 по 1462 г. на нашу страну приходился 1 год мира на 1 год войны, а в период до XX в. уже 2 года войны на 1 год мира. Объяснений этому можно найти сколько угодно, но лучше всех сформулировал лорд Палмерстон: «Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет!» Слабая власть не способна вести войну, всегда требующую политической воли и предельной концентрации усилий. Если раньше шли в бой «за веру, царя и Отечество», позже «за Родину, за Сталина», то за что и за кого пойдут сегодня? И. Ильин пишет:

«Русский человек способен блюсти порядок и строить государство; он способен держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды не тогда, когда она предоставлена самой себе, а тогда, когда она вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом».

Гипотетический «Левиафан» Гоббса нежизнеспособен потому, что предельно упрощен. Идея сильной власти чаще всего выстраивается противоправно и деспотично. Макиавелли справедливо замечал, что на одном

страхе невозможно достичь авторитета и доверия. Гоббс же безапелляционно предписывает подданным исполнять свои обязанности с искренней любовью к суверену, но, по словам Ильина, «предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания — противоестественно и нелепо. К добродетели и верности можно призывать; их преимущества можно показывать и разъяснять; злые деяния можно воспрещать и наказывать. Но „Царство Божие“ и духовная культура — не вызываются к жизни государственным повелением. Это не означает, что государственной власти совсем „нечего делать“; но дело ее здесь ограничено, оно сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению у людей благой воли».

Ильин видел силу власти в достоинстве и правоте, которым отвечает «свободная лояльность снизу», и прежде всего для обретения духовного авторитета необходима «национальная вдохновенность».

Масштаб задачи, стоящей перед российской властью во все времена несопоставим с масштабом любого другого государства. Национальная власть в многонациональной стране неизбежно встает перед лицом трудноразрешимых проблем. Именно поэтому юридическое позиционирование русского народа как государствообразующего жизненно необходимо. Будучи убежденным националистом, Ильин это хорошо понимал:

«Так, прежде всего, необходима та особая национальная вдохновенность власти, которая должна излучаться из нее: народ должен уверенно чувствовать, что это есть наша, русская, национальная власть, преданная историческому делу, верная, неподкупная, блюдущая и строящая; без этой уверенности не будет ни доверия, ни уважения, ни готовности „аккумулировать“ и служить. Сильная власть есть национально-убедительная власть».

Необходимо признать, что большевистская власть ленинского периода была зыбкой и уязвимой. Сохранению ее во многом способствовал жесткий репрессивный аппарат, потому что «власть инославная, иноверная или безверная всегда будет пользоваться в России скудным, урезанным, сомнительным авторитетом».

Авторитетом большевики, безусловно, пользовались, но надо понимать, что при жизни Ленина они не успели дать народу ничего, кроме обещаний и НЭПа. Если бы НЭП не был вовремя свернут, разочарование наступило бы неизбежно и авторитет утратился окончательно. Экономический рост, реализация плана ГОЭЛРО, улучшение благосостояния — всё это были лишь перспективы, а по факту народ видел жирующих нэпманов и запредельные цены в коммерческих лавках. «За что боролись?!» — традиционный риторический вопрос той поры. Смыслы и цели, определенные Октябрем, постепенно размывались. Народ, оторвавшийся от Бога, нуждался в твердых ориентирах, которые не в состоянии опреде-

лить либеральная политика. Ильин утверждает, что духовный авторитет власти невозможен без ее независимости:

«Даже зависимость от церкви была бы нежелательна и противоречила бы древней, русско-православной традиции. Русская государственная власть может определяться только верою, совестью, честью и российским всенародным благом. Это должна быть автономная и предметно-убедительная власть».

И, наконец, власть должна представлять безусловный волевой центр. Слабоволие, в любых его проявлениях, вызывает в русском человеке чувство пренебрежения. Он может смириться даже с самоуправством, нежели с «волевым ничтожеством». Императивная убедительность власти есть ее неперемненное условие.

Понимал ли Ильин в далекой и благополучно сытой эмиграции, что описывает именно такую власть, которая воцарилась в то же время в России? Не понимал, конечно же. Суженное сознание изгоя подпитывалось эмигрантскими пропагандистскими страшилками, а недавние впечатления от германского национал-социализма рождали в представлении философа, еще недавно симпатизирующего классическому фашизму, ложные параллели. Да и нынешние поколения, воспитанные на разоблачениях и низвержениях, в своем большинстве не догадываются, что все исторические материалы по тому времени наполовину миф, наполовину ложь. Учебники истории разных времен и изданий трактуют эти темы сухо, чаще тенденциозно, но всегда конъюнктурно.

А ситуация второй половины 20-х была не менее драматична, чем в 17-м. Как уже говорилось выше, после XIII съезда оппозиция развязала самую настоящую тайную войну, а в начале 1927-го явную. Дипломатический конфликт с Англией вызвал панику не только в народе, но и в эшелонах власти. И только Троцкий демонически потирал руки, уже не стесняясь высказываться в том духе, что войдет во власть на плечах военной интервенции.

Народ опустошал полки магазинов, крестьяне прятали зерно, диверсионные группы троцкистов вели активную деятельность на всех жизненно важных объектах страны. В ноябре банда Троцкого была готова к открытому выступлению. Стандартный план переворота предусматривал арест всей сталинской команды и захват узловых точек государственного управления. Но сам главарь не догадывался, что на протяжении всего периода подготовки находился под колпаком сталинских спецслужб. Переворот начался и закончился 7 ноября, в день, который в мечтах несостоявшегося фюрера должен был обозначить начало новой, но уже мировой революции. Спецподразделения ОГПУ обезвредили все боевые группы заговорщиков.

Здесь важно отметить одну существенную деталь. Троцкистское подполье, подобно метастазам, пронизывало все сферы государственного аппарата. Органы безопасности исключением не являлись, хотя затронуты

были в наименьшей степени. Тем не менее осуществить качественную оперативную разработку удалось только благодаря личной секретной службе Сталина. Факт ее существования до самого последнего времени был известен единицам, да и то в предельно общих чертах. Все документы и оперативные материалы засекречены и по сей день. Только в начале 2000-х стараниями доктора юридических наук В. Вахания мизерную часть архивных материалов рассекретили. Стали известны цели и задачи службы, состоявшие в повседневном наблюдении за высшим руководством страны, анализе деятельности иностранных политических лидеров. Вся добытая информация поступала непосредственно к Сталину, минуя органы государственной безопасности. В одной из бесед с руководителем службы Сталин однажды сказал:

«Лидер могучего государства неизбежно попадает в зависимость от службы безопасности, если не сумеет создать ей противовес. Кто охранит от охраняющих?»

Вызывает некоторое недоумение, что после всех выходов неугомонного беса даже не арестовали, а он, изменив тактику, продолжил деятельность уже другими методами, как бы сейчас сказали «цветной» революции. Были организованы оппозиционные выступления в Москве, Петрограде, ряде крупных городов, а также на Украине. Все они закончились тем же, чем и Болотная площадь: народ за новоявленными пассионариями не шел.

В декабре 1927 г. на XV съезде РКП(б) из партии исключили значительное количество сторонников опального триумvirата, а самого Троцкого накануне отставили от кормушки — сняли с должности председателя концессионного комитета, в котором он вел откровенно диверсионную работу уже в экономической сфере, торгуя концессиями налево и направо. Показательно, что те оппозиционеры, которые посыпали головы пеплом и покаялись перед съездом, удостоились прощения. Например, Г. Сокольников даже остался в составе ЦК без каких бы то ни было последствий. Затем последовала череда раскаяний видных и не очень членов подпольной хунты. Позже станет известно, что опальный Троцкий распространил среди своих поделщиков, исключенных из партии, секретную инструкцию, предписывающую всеми средствами стремиться не только вернуться в ее ряды, но и продвигаться как можно выше в партийной иерархии. Подтверждает это и А. Авторханов⁷⁷:

---

⁷⁷ Абдурахман Авторханов (1908–1997) — советолог, писатель, публицист и общественный деятель, доктор политических наук, член Союза Писателей СССР, диссидент и коллаборационист (во время ВОВ перешел на сторону Нацистской Германии, вступил в спонсируемый нацистами «Национальный комитет Северного Кавказа», был главным редактором коллаборационистской газеты «Газават», имевшей эпиграф: «Аллах над нами, а Гитлер с нами»), почетный гражданин Чечено-Ингушской АССР.

«Большинство оппозиционеров, заявивших о разрыве с оппозицией, сделало это для того, чтобы на деле продолжить борьбу за свои идеи. Троцкисты этого толка были *во всех звеньях органов государственного управления*, за исключением самого партийного аппарата и органов политической полиции (курсив мой. — Г. Е.)».

Комментарии излишни, информация из первых уст, и ни о какой «охоте на ведьм», а тем более необоснованных репрессиях речь идти не может. Приписываемые Сталину зверские расправы над политическими противниками — очередная политико-историческая ложь, потому что Троцкого следовало поставить к стенке еще тогда, в 1927-м, и в этом случае страна избежала бы многих бед. А его всего лишь выслали в Казахстан, после чего позволили выехать за границу, где он безбедно и комфортно жил, продолжая свою поистине демоническую деятельность. Так что ледоруб Меркадера сработал с непростительной задержкой.

В начале 1930-х, в Турции, в одном из интервью, на вопрос о возобновлении активной деятельности он ответил:

«Когда представится благоприятный случай. Это может быть война или новая европейская интервенция, тогда слабость правительства становится стимулирующим средством».

Резидент Просветителя ждал своего часа. Неудивительно, что именно на него делали ставку все те, для кого Россия являлась вечным историческим раздражителем и вождленным призом.

Рассматривать в деталях все нюансы личности «демона революции» мы не будем, это заслуживает написания отдельной книги, да и написано уже немало. В следующей главе нам так или иначе придется обращаться к этой персоне, здесь же уместно привести один весьма показательный эпизод истории, полностью характеризующий паталогического ненавистника не только России, но и всего человечества.

Вначале приведем два рассекреченных документа из архива вышеупомянутой спецслужбы, именуемой «Стратегическая разведка и контрразведка». Суть их содержания сегодня уже не представляет сенсации и широко известна, но в те годы эта тема, естественно, проходила под грифом «Совершенно секретно».

«Только для тов. Иванова»⁷⁸

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

По агентурным данным, наряду с ликвидированным троцкистско-зиновьевским террористическим центром действовал и действует созданный по инициативе Троцкого, принимающего энергичные меры к созданию в СССР подпольной, антисоветской организации, так называемый запасной, параллельный центр, активными членами которого являются Ю.Л. Пятаков, К.В. Радек, Г.Я. Сокольников и Л.П. Серебряков.

---

⁷⁸ Псевдоним Сталина, принятый в его спецслужбе.

Основной задачей этого антисоветского центра является подготовка к насильственному свержению Советского правительства и реставрация капитализма в СССР при помощи враждебных Советскому Союзу иностранных государств...

С. Николаев»

«Сов. секретно

Только для тов. Иванова

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

В декабре 1935 года Троцкий встретился с заместителем Гитлера Гессом.

Было заключено следующее соглашение:

а) гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах;

б) согласиться на территориальные уступки;

в) допустить германских предпринимателей в форме концессии (или каких-либо других формах) к эксплуатации таких предприятий в СССР, которые являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (железная руда, марганец, нефть, золото, лес);

г) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий;

д) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте. Эта диверсионная работа должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским Генштабом.

2 февраля 1936 г. А. Лавров»

Спустя полвека содержание второго документа нашло подтверждение, что называется, из первых уст.

В 1989 г. в Мексике корреспондент «Российского ежегодника» В. Лесков разыскал внука Троцкого Эстебана Волкова (Всеволода Бронштейна) и взял у него интервью, которое затем было опубликовано в № 2 за 1990 г. Всеволод — сын дочери Троцкого, переехал к деду в Мексику в 1939 г. в возрасте 13 лет. Вольно или невольно он стал свидетелем разговоров деда с доверенными людьми, а цепкая память многое из них сохранила. Естественно, он не мог знать персонально собеседников деда, но содержание главного, по интересующей нас теме, сводилось к следующему.

В ходе предстоящей войны в СССР неизбежно произойдут массовые национальные восстания, в результате которых необходимо создание, в первую очередь, независимой Украины.

С началом войны с Германией против Сталина выступят все его мнимые соратники, а когда немцы подойдут вплотную к Москве, он неминуемо сдастся.

Встав под крыло немцев, им можно отдать Украину под протекторат, а японцам за поддержку — Дальний Восток.

Борьба против Гитлера противоречит интересам русской революции. Его наступление на Европу неизбежно будет способствовать разжиганию революции и там.

Немцы всерьез рассматривали Троцкого как будущего правителя России. Да и не только немцы. США, Англия, Франция, Финляндия — все делали ставку на «демона». В подтверждение этому приведем несколько документов иностранных разведок.

В декабре 1939 г. Государственный совет Финляндии обсуждал вопрос о формировании русского альтернативного правительства во главе с Троцким или Керенским.

«Германское консульство, Женева, 8 января 1940 г. К № 62.

В связи с изложенными в предыдущих сообщениях сведениями о концентрации англо-французских войск в Сирии, вероятно, будут представлять интерес также следующие сообщения и слухи, которые переданы сюда агентами из Франции и Женевы. Согласно им Англия намерена нанести внезапный удар не только по русским нефтяным районам, но и попытается одновременно лишить Германию на Балканах румынских нефтяных источников.

Агент во Франции сообщает, что англичане планируют через группу Троцкого во Франции установить связь с людьми Троцкого в самой России и попытаться организовать путч против Сталина. Эти попытки переворота должны рассматриваться, как находящиеся в тесной связи с намерением англичан прибрать к рукам русские нефтяные источники.

Крауэль»

«Об английских планах относительно нарушения снабжения нефтью Германии и России из Женевы секретно сообщают:

Английская сторона хочет предпринять попытку отрезать русских от нефтяных источников и одновременно намерена в той или иной форме воздействовать на Румынию и, вызвав конфликт на Балканах, лишить Германию поставок нефти. Отрезав СССР и Германию от нефти, англичане надеются быстро и радикально решить проблему; предполагается, что в резко ухудшившихся условиях эти страны перейдут к открытой борьбе друг против друга... Далее английской стороной будет предпринята попытка мобилизовать группу Троцкого, то есть IV Интернационал, и каким-то способом перебросить ее в Россию. Агенты в Париже сообщают о том, что Троцкий с помощью англичан должен будет вернуться в Россию, чтобы организовать путч против Сталина. В каком объеме эти планы могут быть осуществлены, отсюда (из Женевы) судить сложно. Берлин, 17 января 1940 г. Ликсус»

Из Женевы действительно судить сложно, но организация путча троцкистами — вещь более, чем реальная, и еще более реален его потенциальный успех, будь на месте Сталина кто угодно другой, потому что

масштабы троцкистской сети в СССР поражают воображение. Тематика и объем данной работы не позволяют осветить этот вопрос всесторонне, однако не вызывает сомнений, что мифы о миллионах безвинных жертв репрессий — та же троцкистская ложь.

Вообще, при всестороннем и тщательном изучении становится очевидным, что масштабы подрывной работы против режима, страны и лично Сталина не идут ни в какое сравнение с той «изменой грандиозной», о которой писал Р. Ю. Виппер применительно к Ивану Грозному. Те события — просто детские шалости по сравнению с тем, что происходило в 20–30-е годы. Поэтому объект многолетних издевок историков и политологов — тезис об «обострении классово-борьбы в ходе построения социализма» — всего лишь сильно смягченная характеристика реальности.

Для объективной оценки событий тех лет необходимо, прежде всего, дать глубинный анализ самой сути такого явления, как троцкизм. Этот феномен воспринимается большинством как некое политическое ответвление марксизма, меньшинством — как его гримаса или гипертрофированное искажение. На самом же деле истоки явления уходят корнями гораздо глубже в историю цивилизации. В глубокой древности, когда большинство вещей и явлений еще назывались своими именами и подлинными смыслами не были утрачены, оценка носила четкий и конкретный характер — «одержимость». Из этого следует, что явление троцкизма содержит не только метафизический аспект, но и психический. Концепция общественной безопасности выводит даже специальный термин «психотроцкизм» и дает исчерпывающую формулировку:

«Психотроцкизм — это беззастенчиво спесивая самонадеянность, претендующая реализовать себя в политике без обретения необходимых знаний и навыков. „Я — единственно и безальтернативно мудрый, и потому моя жизненная миссия — политически возглавить быдло, то есть дать ему *смысл жизни* и править им от его же имени“ — этот исходный нравственно-этический принцип психотроцкизма представляет собой разновидность и конкретное выражение общего принципа сатанизма: Я лучше, чем они, и потому Я имею право, а они должны...»

Метафизическая составляющая троцкизма весьма своеобразна. Черная энергетика явления обладает всеми признаками эпидемии и порождает небывало мощный эгрегор, подавляющий отдельные благонамеренные проявления отдельных приверженцев течения. Кроме того, психотроцкизму присуща способность мимикрировать под любую удобную в данное время в данном месте идеологию, равно коммунистическую, национал-социалистическую и даже монархическую. Типичный пример монарха-психотроцкиста — Петр I, а из новейшей истории — Н. С. Хрущёв, управленческим кредо которых было высказывание второго: «Есть два мнения: одно мое, а другое — неправильное», и как противовес — диссиденты различного толка и псевдолибералы современности. Отличитель-

ной чертой как тех, так и других является принципиальная неспособность к ведению любого рода дискуссий, обмена мнениями. Это наглядно отображают многочисленные политические ток-шоу, в которых современные либералы демонстрируют все признаки агрессивной шизофренической психики, не способной к восприятию объективной аргументации из уст оппонентов. Мало того, они ее не просто не воспринимают, они ее вообще не слышат. Все, что не соответствует их представлениям, находится в ином частотном диапазоне.

Концепция общественной безопасности гласит:

«Психотроцкизм — явление психологическое (более чем политическое), идеологически всеяден, по сути — это претензии паразитического меньшинства на власть над обществом от имени трудящегося большинства».

90-е годы прошлого века с полным правом можно охарактеризовать как эпоху российского неотроцкизма. Ельцинская камарилья продемонстрировала все аспекты этого явления, когда под прикрытием шизофренических по сути и привлекательных по форме деклараций осуществлялось прямо противоположное. На заре перестройки психотроцкизм без особого сопротивления просочился в умы, не обладающие «эффективной познавательно-творческой культурой», а такие умы в обществе превалировали по причине полной профессиональной несостоятельности советских идеологов и общего вялотекущего духовного полураспада. Основа же закладывалась еще XX съездом, лейтмотивом которого стал доклад Хрущёва, стопроцентно лживый, состоящий исключительно из подтасовок и фальсификаций.

Тактическая методология психотроцкизма заключается в компилировании идеологического многообразия самых различных общественно-политических теорий и мировоззренческих концепций. Самый яркий тому пример — национал-социализм, сформулированный Гитлером в книге «Майн кампф» — типичном образчике компиляции, что навсегда сформировало у Муссолини пренебрежительное отношение к автору, извратившему до неузнаваемости идею классического фашизма. Поэтому отнюдь не случайно психотроцкист Гитлер имел серьезные виды на «троцкиста» Бронштейна.

Теоретический психотроцкизм проникает в сознание людей подобно чумной бацилле, поражающей организм, лишенный иммунитета. А, собственно, иммунитет подавляется массированным воздействием на умы обилием теорий «хороших и разных», в многообразии которых запутываются остатки (или зачатки) здравого смысла. Иными словами, здесь четко просматривается непосредственная деятельность величайшего путаника и отца лжи. Все смуты Просветитель зарождал примерно одинаково, но с русскими смутами всегда что-то шло не так, не по плану. Они либо пресекались на корню, либо в последний момент в игру вступала сила, ему неподвластная.

Русские революции вызревали в Тартаре Уолл-стрит, Букингемского дворца, логовах Ротшильдов. Первая захлебнулась собственной несостоятельностью. Вторая удалась, но показалась Просветителю недостаточно эффективной. Для окончательного триумфа ему требовались полный хаос и разрушение, чего он и достиг посредством Октября. Теперь Россия лежала у его ног, и летальный исход виделся делом короткого времени.

В предыдущей главе мы лишь вскользь коснулись вопроса беспрецедентного расхищения страны в послереволюционный период. Просветитель щедро вознаграждал своих вассалов с Уолл-стрит, отдав им на разграбление поверженную крепость, и не на три дня, как то предусматривали неписанные законы Средневековья, а бессрочно.

При тщательном анализе исторической ретроспективы, с какой бы стороны она ни рассматривалась, почему-то каждый раз получается один и тот же результат, выведенный Палмерстоном. Оплот просветителя, Великобритания, а впоследствии и ее незаконнорожденное детище США всеми средствами и вполне успешно сталкивали лбами две европейские державы — Россию и Германию. Если в глубине веков отдельные конфликты не складывались в некую закономерность, то две последние мировые войны выявили ее со всей определенностью. Попытка Просветителя разделаться с Россией руками Франции потерпела сокрушительное фиаско в 1812 г. И Франция была примерно наказана за свой провал. Помимо тысяч французов, оставшихся гнить на русских полях, Франция потеряла и Америку, где до 1812 г. ей принадлежала вся Канада и половина территории нынешних США, которые в результате войны на континенте перешли к верному вассалу — Великобритании.

Православная Россия всегда была костью в глотке Просветителя. Вращивая для себя нового цепного пса США, он создал все условия для его успешного матерения, построив даже неприступную конуру в виде континента, окруженного мировым океаном. А там можно было уже не таиться. Протестантизм — завуалированная модификационная форма иудаизма и «ереси жидовствующих» с фирменными опознавательными знаками на долларовой купюре — этой иконе мамоны — явился новой духовной основой теневой войны не только с православием, но и классическим католицизмом, который подвергался скрытым гонениям вплоть до эпохи Дж. Кеннеди. Именно оттуда прорастали корни русских революций. Именно оттуда был прислан демон-эmissар Троцкий, набитый под завязку «иконами» Просветителя.

Ленин, переживший уже третий инсульт и всерьез озабоченный кандидатурой преемника, в известном «завещании» назвал несколько потенциальных кандидатов: Зиновьев, Каменев, Пятаков, Бухарин, Сталин и Троцкий. Первые четверо имели несомненный авторитет в партии, но до высот Троцкого никак не дотягивали. За период революции и Гражданской войны он выстроил себе такой имидж, что рядом

с ним все остальные персоналии выглядели бледными тенями. «Железный вождь победоносного красного фронта» — вот лишь один из многочисленных эпитетов, которыми награждался демон. Достаточно прочитать его работу «Терроризм и коммунизм», написанную в 1920 г., чтобы понять основные мировоззренческие установки. Непомерный эгоцентризм, стиль руководства «упал-отжался», менталитет озверелого диктатора, приверженного методам государственного террора, — наглядный клинический диагноз психотроцкизма. И этот фюрер на момент окончания Гражданской войны фактически являлся вторым после Ленина лицом в стране.

Показательная деталь: в начале внутрироссийской мясорубки Красной армии не существовало как явления. Под революционными знаменами стояла кучка отребья из латышей, китайцев, башкир, татар и евреев.

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которой мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупные банкиры из-за океана будут работать в тесном контакте с нами. Если мы выиграем Революцию, раздавим Россию, то на погребенных обломках укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть! Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния. Наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы, Орши, Винницы и Гомеля. О, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть все русское! С каким наслаждением они уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, академиков, писателей...»

Таким было профессиональное кредо «демона революции», такими были его цели и смыслы.

А ключевую роль в формировании армии, а если быть до конца точным — личных легионов демона, сыграл 50-тысячный чехословацкий корпус, в полном составе перешедший на сторону большевиков, с подачи другого демона — Я. Свердлова. Именно эти подразделения, вооруженные по последнему слову американской (!) военной техники решили судьбу Колчака в Сибири. Революционный порыв чехов имел не только политическое, но и чисто материальное обоснование, о чем уже говорилось выше. А что касается политического аспекта, то здесь все еще проще. В июне 1918 г. президент САСШ В. Вильсон имел конфиденциальную встречу с будущим президентом Чехословакии Т. Масариком, на которой обсуждался вопрос координации предстоящих действий в России. По итогам переговоров Масарик получил 7 млн долларов на нужды корпуса,

а Англия уже в августе официально признала чехов союзниками. Именно за последующие заслуги перед Просветителем его резидент обеспечил чехам беспрепятственный вывоз награбленного на 35 пароходах.

Об истинных целях Троцкий еще раз упоминает в автобиографической книге «Моя жизнь». Описывая свой уникальный по тем временам бронепоезд, он проговаривается:

«Непосредственные материальные ресурсы поезда были, разумеется, незначительны, но они постоянно обновлялись. А главное, они десятки и сотни раз играли роль той лопатки угля, которая необходима в данный момент, чтобы не дать потухнуть пламени».

Россия являлась для него той «вязанкой хвороста», из которой предстояло разгореться пламени мировой революции для утверждения нового мирового порядка. Какими силами обновлялись ресурсы для максимального затягивания Гражданской войны, говорить излишне. 20 млн Шиффа, привезенные Троцким из-за океана, объясняют всё. Русский геноцид оправдывал любые затраты.

В 1937 г. в САСШ вышла книга анонимного автора, бывшего комиссара, под названием «Троцкий как двигатель русской революции», в которой, в частности, говорится:

«Вскоре после революции он (Троцкий) „согласился“ стать наркомом обороны. Система политических комиссаров это его, Троцкого, система. Он внедрил ее для того, чтобы иметь железную власть над этой бандой деклассированных элементов. Всё было опутано шпионской системой политических комиссаров. Мало кто знает, что знаменитая Чека была создана как часть военного аппарата Троцкого. Таким образом, именно Троцкий, а не широко рекламируемый Дзержинский, является настоящим создателем Чека.

Если бы Гражданская война была результатом борьбы политических партий, она бы быстро закончилась. И белые, и красные быстро бы выдохлись.

То, что происходило на самом деле, это была война между мафией Ротшильда и мафией Шиффа, которые постоянно стимулировали эту войну финансами. Это объясняет, почему Гражданская война длилась так долго. Это объясняет, почему Гражданская война была намного более жестокой, чем только что закончившаяся Мировая война. Это было потому, что, на самом деле, это была не война, а целенаправленное истребление народов с целью максимальной депопуляции, обезлюдивания России. Максимальная депопуляция открывала финансовым королям дорогу к использованию для своей выгоды природных богатств России».

Еще задолго до Октября, нимало не стесняясь в высказываниях, демон по-своему трактовал Маркса:

«Настоящим пролетариатом, не имеющим Отечества, является только еврейский народ».

Надо признать, что в этом есть большая доля истины, хотя обнаружить в среде пролетариата представителей «еврейского народа» весьма затруднительно. Еще один перл обозначает его цели со всей определенностью:

«Искусство полководца состоит в том, чтобы заставить убивать неевреев нееврейскими руками».

Тактика достижения поставленных целей чужими руками характерна для Просветителя. Он всегда выстраивает свой образ действий так, чтобы самому оставаться в тени. Есть все основания полагать, что ключевые идеи вкладывались в сознание Лейбы не напрямую, а через опытного посредника, каковым стал Парвус — масон-иллюминат, активно сотрудничавший с разведками Германии и Великобритании. Идея мировой революции как предтечи глобализации была внедрена в сознание Троцкого именно им.

Лейба по всем показателям отвечал требованиям Просветителя. Иезуитская хитрость, непомерная гордыня, позерство, талант оратора, превосходящий талант Муссолини и Гитлера, а главное — беспринципность и нечеловеческая жестокость, граничащая с садизмом. Лучшей кандидатуры на роль истребителя нации не сыскать.

Началом непосредственной активной деятельности против российской государственности можно считать 1912 г., когда Троцкий внезапно отходит от политики и отправляется на Балканы в качестве спецкора газеты «Киевская мысль». Но, надо полагать, это было лишь прикрытие: европейские спецслужбы уже всю вели подготовку к войне. Однако, выполняя задание австрийской разведки под руководством Парвуса, Лейба, движимый неумным журналистским зудом, начал публиковать материалы не только антисамодержавного характера, но и антиславянского, в результате чего болгары вышибли его из страны буквально пинком под зад. В свою очередь, германская пресса охотно его публиковала в пропагандистских целях.

Через год после начала войны Парвус предоставил немцам обстоятельный план уничтожения России. Начальный этап предусматривал ликвидацию самодержавия и расчленение страны на отдельные государства. Следующим этапом значилась революция. План был безоговорочно одобрен, и на его реализацию Парвус получил более 60 млн марок.

Несмотря на то, что после Циммервальдской конференции социал-демократов 1915 г. Ленин и Троцкий начали сотрудничать в умиленном согласии, Февральская революция явилась для большевиков полной неожиданностью. На тот момент realizatory плана их в расчет не принимали. Троцкий, пребывавший в САСШ, моментально получил американский паспорт и российскую визу, а вслед за ним в Россию отбыли несколько сотен эмигрантов-революционеров. Большая игра вступала в третью фазу — социалистическую революцию.

Вновь включившись в политическую деятельность, Лейба однажды изрек:

«Русские — социально чуждый элемент в России. В опасную для советской власти минуту они могут встать в число ее врагов».

В новоиспеченной советской республике Троцкий получил пост наркома иностранных дел, а боевым крещением в новой должности стали брест-литовские переговоры, явившиеся первым шагом на пути реализации плана. Лейба заявил о прекращении боевых действий в одностороннем порядке и роспуске армии, отказавшись одновременно от подписания мирного договора. Удивлению участников конференции не было предела: заявление означало не просто капитуляцию, оно свидетельствовало о полной сдаче всех позиций. Теперь немцы могли совершенно беспрепятственно продвигаться вглубь российских территорий и захватывать их по своему усмотрению, чем они и не преминули воспользоваться. Масштаб измены был колоссален. Троцкисты при поддержке Бухарина яростно отстаивали немецкую оккупацию. Россия уже потеряла Прибалтику, Белоруссию и ряд губерний. Теперь перед угрозой вторжения оказалась и Центральная Россия.

В истории этот эпизод освещается скупо. По сей день идут дебаты о подписании «похабного» Брестского мира. Но, когда Ленин осознал все возможные последствия диверсии Троцкого, у него просто не оставалось выбора: мирный договор был необходим любой ценой. И этот договор все-таки состоялся, но цена его оказалась поистине чудовищна. Троцкий всё же выполнил поставленную задачу: Россия теряла более миллиона кв. километров территории с двумя третями природных ресурсов, открывала морские пути для вывоза сырья и выплачивала немцам контрибуцию в размере 6 млрд марок.

Но и это еще не всё. В Россию прибыла германская миссия с целью установления полного контроля над экономикой страны. Немецкие газеты тех лет писали:

«Германскому капиталу предоставляется исключительное право участия в развитии угольной, нефтеперерабатывающей, машиностроительной, химической и фармацевтической промышленности. Любые частные банки могут действовать в России только с согласия союза германских банков с продажей их акций на биржах через „Дойче банк“. Немецкие банки оставляют за собой право контроля над состоянием русской экономики».

Черту подвела Версальская конференция, на которой верховодили американцы, в войне не участвовавшие, однако не упустившие своего шального интереса. Россию на конференцию не пригласили вообще: для глобализаторов эта страна уже не существовала. Финансовый меморандум гласил:

«Гигантский российский рынок надлежит захватить и превратить в техническую колонию, которая будет эксплуатироваться немногими

мощными американскими финансистами и подконтрольными им корпорациями».

О деятельности «Гаранти Траст» уже упоминалось в предыдущей главе. Теперь представители этой организации прибыли в Россию и организовали «Роскомбанк» — учреждение, обеспечивавшее вывоз из страны ресурсов и материальных ценностей. Троцкий лично курировал эту воровскую «малину», обеспечивая режим наибольшего благоприятствования. О цене вопроса можно судить уже по тому факту, что одновременно с финансовыми аферами на Севере и в Сибири орудовало около 15 тыс. только американских интервентов, на содержание которых САСШ потратили более 25 млн долларов. Игра стоила свеч, тем более что за время интервенции они награбили различных ценностей на сумму около 1 млрд рублей и «приватизировали» все виды северных флотов, включая военный. Американская разведка вела непрерывную работу по разжиганию сепаратистских настроений. Еще в январе 1918 г. президент В. Вильсон потребовал от конгресса признания независимости Украины и Прибалтики, а приоритетом внешней политики объявил расчленение России на несколько мелких территориальных образований, численностью около тридцати.

Не ударял в грязь лицом и Троцкий. За неполные полгода пребывания на посту наркома иностранных дел он успел отдать немцам Украину с Крымом в придачу. Получив пост председателя Реввоенсовета, неугомонный Лейба взялся за армию. В Красной армии, и без того не отличавшейся высоким боевым духом, начались массовые расстрелы, вплоть до децимаций. Слухи о прибытии поезда Троцкого наводили ужас. В свою очередь, для большей эффективности карательных операций, он практиковал проверенный способ формирования личных легионов из того же иноземного сброда и деклассированных элементов — китайцев, башкир, латышей, калмыков и даже немцев.

Карательные подразделения нацмаргиналов — убедительное подтверждение целей глобализаторов. Репрессивный аппарат создавался Троцким и компанией с целью вполне конкретной и не особо скрываемой. Осознавал ли Ленин истинный контекст событий? Если осознавал, то почему в своем «завещании» ограничился лишь мягкими и обтекаемыми формулировками в отношении Троцкого?

С позиций сегодняшнего дня очевидно, что подлинный масштаб катастрофы Сталину был понятен до конца. Его противостояние демону, начавшееся еще с 1918 г., тогда не могло принести желаемых результатов — реальной, весомой властью Сталин не обладал. В бурных водоворотах внутрипартийной борьбы он с блеском проявил недюжинный аппаратный талант, основательно пошатнув позиции главного противника. При тщательном изучении политического расклада тех лет и методов борьбы различных фракций возникает определенный, парадоксальный на неискушенный взгляд, и крайне не популярный вывод: Сталин в борьбе

с оппонентами проявлял непопустительную терпимость. Даже самый поверхностный психоанализ показывает, что на протяжении всей жизни основной тактикой его действий был поиск компромиссов с соратниками. Именно излишняя мягкость характера Сталина привела к ситуации, когда терапевтические средства лечения смертельно больного организма страны уже не могли дать положительного результата. Требовалась экстренная хирургия. Физическая же ликвидация самого демона явно запоздала на два десятилетия.

Ситуация первых лет советской власти осложнялась еще и тем, что идея мировой революции владела умами подавляющего большинства первых лиц, включая самого Ленина. Программа социалистической глобализации нашла отражение даже в самой Конституции 1924 года:

«...новое союзное государство явится... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Резонно допустить, что большинством революционных романтиков и мечтателей двигали высокие утопические цели, но целеполагания Троцкого и его хозяев были иными. Для глобализаторов во все времена совершенно не имело значения, какая будет власть — коммунистическая, социалистическая, буржуазная, диктатура, фашизм; общественно-политическая формация не играла никакой роли. При любых условиях власть все равно оставалась за ними, и, какой системой управлять, для них значения не имело. В наши дни ими избран либерализм и демократия, как удобное прикрытие, как отравка умов, как введение в заблуждение толпы. Либеральная демократия — это всего лишь средство, но никак не цель.

Троцкисты мечтали использовать Россию как запал, как расходный материал. Именно этот замысел понял Сталин, выдвигая тезис о построении социализма в одной стране, чем разрушил планы глобализаторов и получил в их лице непримиримых врагов на всю оставшуюся жизнь. В Конституции 1936 г. программа построения мировой республики уже не значилась. Тогда, в середине 20-х, стоял вопрос не только о сохранении единого государства, но и о спасении всей русской цивилизации, и у Сталина не было права на ошибку. Повернись все иначе, и Вторая мировая война могла начаться значительно раньше, а в роли Гитлера выступил бы Троцкий. Поэтому вполне вероятно, что своим спасением обязаны Сталину не только Россия, но и весь мир.

В те годы, как никогда ранее, от правителя требовалась предельная концентрация политической воли. Любая оплошность, недооценка, тем более — слабость в принятии решений — обернулись бы катастрофой.

Аналогия эпохи Сталина с эпохой Ивана Грозного несомненна. В одном из писем Курбскому Грозный так излагает свое видение царского долга:

«Ибо всем царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими; добрым же милосердие и кротость, злым же — жесто-

кость и муки. Если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных».

Весьма показательно, что именно те российские властители, которые демонстрировали подлинное державное мировоззрение и отстаивали национальные интересы, как дипломатическими путями, так и силой оружия, именно они становились объектами посмертной травли и клеветы, а при жизни имела место именно та «свободная лояльность снизу», о которой писал И. Ильин. Мы же знаем об этих выдающихся государственных деятелях в основном по исторической романистике, сочиненной ангажированными историками-либералами да продажными и трусливыми бывшими соратниками.

В первой главе мы уже затрагивали тему давней идеологической диверсии против России. Просветитель, запустив проект «ереси жидовствующих», пытался разыграть козырную карту смущения умов, и, если бы не осознанная гражданская позиция митрополита Геннадия, преподобного Иосифа Волоцкого, и все-таки услышавшего их Ивана III, основы православия были бы подорваны, а с ними и основы русской государственности. Тогда ересь выжигали каленым железом, вопреки позиции многих духовных авторитетов. Насаждение психотроцкизма — отголоски тех давних событий. Недаром в истории существуют полумифические свидетельства установки Троцким в ряде городов России памятников Иуде Искаротскому как первому революционеру, восставшему против «лже-религии». Сведения противоречивые, но уже сам факт зарождения таких мифов говорит сам за себя, и поверить в его подлинность труда не составляет. Власть Троцкого, если бы таковая состоялась, могла означать второе воцарение антихриста после психотроцкиста Петра I, но с более страшными последствиями. Репрессивный аппарат Сталина нес в себе тот же глубинный смысл, что и опричнина. Сталину, как и Грозному, выпало бремя борьбы с разветвленной сетью антирусского заговора, уходящего корнями в XV век. Даже сегодня, в веке XXI, немало носителей этой закапсулированной идеологической бациллы.

Одна из главных заслуг Грозного в том, что он грудью встал на защиту Самодержавия и Православия. Святая Русь была его символом и целью. Сталинская же эпоха явилась уникальной попыткой соединения монархии и народовластия. Именно народовластия, потому что ни о какой вульгаризированной демократии речи идти не могло. Но власть была именно народная, потому что все властные структуры происходили из народной среды. Плохи или хороши — вопрос отдельный — какими состоялись, такими и были. Можно говорить, что народ был плох, но и другого народа тоже не было.

ПАЛИЦА ДЛЯ БЕЗУМНЫХ

*Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине,
Ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь,
Говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.*

Ин. 8: 44

Среди многообразия причин, приведших страну к революции, часто называют утрату народом веры, богоотступничество. Такая точка зрения верна только на первый, поверхностный взгляд. Создается впечатление, что русское православие на протяжении всей своей истории несет в себе какой-то трагический кармический груз. Всевозможные гонения именно на православную веру носили всегда и повсюду особенно изощренный характер. Почему-то представляется, что дело не в духовных особенностях конфессии, а в некоей метафизической ответственности за неведомый изначальный грех. История русского православия в наибольшей степени наводит на такие размышления.

Значение социально-духовного акта крещения Руси двояко. С одной стороны — это начало новой цивилизации, а с другой — вероотступничество и предательство памяти предков. Сам ход процесса с нравственной точки зрения не может не вызывать вопросов. Если уже факт отказа от прежних идеалов состоялся, он никак не предполагал их поругание и глумление. Но на Руси, видимо, испокон веков присутствовала неумная страсть к распятию мертвого льва. Низвержение древних славянских языческих идолов повсеместно сопровождалось их поруганием. Их сбрасывали в реки, сжигали, привязывали к коням и волочили под восторженное улюлюканье новоиспеченных христиан. Да, православие не приемлет идолопоклонства и кумиротворения, но только не в себе самом. Шли века, и личность Иисуса приобретала те же духовные очертания, превращаясь в кумира и идола. Именно русское православие воплощает в себе этот феномен в наибольшей степени.

Кумиротворение и идолопоклонство — специфические свойства русской ментальности, что находит свое отражение на всех иерархических

социальных уровнях. Безудержное, восторженное поклонение с последующей ненавистью и поруганием — неизменный лейтмотив российской истории. Может быть, в этом кроется метафизическая причина вековых гонений? Отказ от прежних идеалов, если он выстрадан, всегда нравственно мучителен и оправдан, если спонтанен и не прочувствован — безнравственен.

Любая революция — отказ от прошлых идеалов и путь к новым. Олицетворяющая веру Церковь не смогла предложить русскому мужику ничего, кроме терпения и покорности. Исповедовать вселенскую любовь к ближнему, почитать помазанника, совершенствоваться в бесперспективной терпимости — могло ли всё это оставаться смыслами и вести к каким-то целям? В массах нарастала подспудная, необузданная духовная потребность в активном действии — антитезе «непротivления злу насилieм». Эта потребность зрела всегда и в исторической ретроспективе периодически выплескивалась бунтами, беспощадными, но всё же не всегда бессмысленными в абсолюте, пока, наконец, не нашла выхода в большевистской революции, подарившей надежду на обретение новых смыслов. Клеймить большевиков богоборчеством — значит не понимать ментальную сущность русской натуры, потому что выражалось оно в отвержении выхолащенной формы и в стремлении наполнить ее новым содержанием. Сам по себе духовный рост не может быть конечной целью, он лишь необходимое средство для деятельного и праведного сотворчества, соединение целей горних и целей земных. Пассивно дожидаться Царства Божьего в этом мире представлялось бессмысленным и унижительным прозябанием.

Большевистский революционный проект был органически предопределен именно для России. Вожаки блестяще справились с первой половиной задачи — разрушили до основания «весь мир насилья», но в путях решения второй — «а затем...» запутались, и на обломках старого мира начал воздвигаться новый, но — насилья еще более беспощадного.

Сознательно или интуитивно Сталин сумел сгенерировать разрушительную, анархическую энергию человеческой стихии, направив ее в русло творческого созидания. Задача, которую он поставил перед страной, по своим масштабам соответствовала вечно мятущемуся русскому духу, жаждущему цели, не мельче космической. Значение личности Сталина хорошо понимали и его враги. Осмысливая недавние перипетии политической борьбы, Троцкий в 1935 г. писал:

«Победа Сталина была предопределена. Тот результат, который зевачи и глупцы приписывают личной силе Сталина, по крайней мере, его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил».

Историческая наука как *полисемантический текст* требует подхода, отличного от общепринятых университетских методологий. Как «слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите»,

так и изучение исключительно *текстов* может создать восприятие информации не просто искаженное, но и прямо противоположное. И речь здесь не только о лингвистических особенностях определенных эпох, но, главным образом, об идеологических и мировоззренческих контекстах. Описание событий в древних летописях почти всегда представляет собой хронологическую фактологию с минимумом интерпретаций. Мировоззренческие установки современного человека создают, в том числе и на подсознательном уровне, представления, адекватные современности. Примером тому распространённое восприятие неподготовленными умами большинства событий Ветхого Завета, или наказание древлян княгиней Ольгой, или человеческие жертвоприношения в дохристианский период, и многого другого. Равно как при моделировании возможности изучения далекими предками современной истории, можно предположить, что они бы решили, что речь идет о какой-то инопланетной цивилизации. А уж что касается «придворных» интерпретаций, а таковых, пожалуй, до 90 % всей историографии во все века, то говорить о какой-либо достоверности, а тем более объективности вообще излишне.

Историческая наука в том виде, в каком она формировалась в протяжении веков, — наука-проститутка, лживая, с одной стороны, и крайне субъективная, с другой. Она и сегодня не что иное, как романтически ориентированная, интеллектуально ущербная и крайне экзальтированная продажная девка политики и господствующей идеологии. Понять глубинный смысл любого явления возможно только с определенной временной дистанции и только оперируя концептуальной методологией. Лишь отдалившись на значительное расстояние и поднявшись *над* процессом, возможно оценить его объективный результат.

«По плодам их узнаете их...» И дело здесь не только в том, что «Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой». Главное — он внедрил в сознание масс *смысл*. Сегодня контуры этого феномена обозначились особенно четко. Для «прогрессивной общественности» подлинным шоком явились результаты голосования акции «Имя Россия» в 2008 г. После трех последних десятилетий массивной промывки мозгов и стольких же предшествующих лет насаждения хрущевской лжи, имя Сталина прочно заняло лидирующие позиции в опросах. Это еще раз подтвердило его провидческий дар — ветер истории уже начал развеивать мусор с его могилы. И дело здесь не только в том, что вопреки потугам либералов в широкий доступ начала просачиваться документально подтвержденная объективная информация. Эпоха утраченных смыслов пробуждает в подсознании индивидов настоящий запрос на возвращение к традиционным национальным нравственным истокам. Всё очевиднее становится ложность свободы мамоны и иллюзорность «тоталитарного рабства». Национальная деградация при либеральном НЭПе 90-х намного превзошла нравственный упадок НЭПа больше-

вистского. За кажущимся благополучием и наносной мишурой общества потребления даже современные молодые люди начинают различать аморфный, отсутствующий взгляд пустоты. Они не в силах понять природу этого взгляда, но подсознание назойливо скребется в повседневную текучку бытия, непрерывно подсказывая, что «что-то здесь не так». Отсюда и социопатия, со всеми сопутствующими пороками эпохи как стремление уйти в какую-то иную реальность. А вся проблема в том, что сытое брюхо никак не может компенсировать русскому человеку утрату высших смыслов и целей. Бессмысленность бытия для русского разрушительна, а безнадега достатка не менее мучительна, чем безнадега нужды. Именно Сталин в критический момент явился выразителем той русской идеи, потребность в которой так остра сегодня. Промыслительность его явления очевидна. Не возникни он тогда, и страну растащили бы по кусочкам бухарины, зиновьевы, каменевы. Не одержи он победу в политической битве, и Троцкий сжег бы Россию в топке мировой революции. О возможных итогах Второй мировой войны вообще говорить излишне. И вспомним Грозного: трудно оставаться святым, если тебе вверена судьба державы, окруженной со всех сторон атакующими врагами в соучастии с врагами внутренними.

Сегодня уже несколько поутихли ожесточенные споры о роли Сталина в истории. Причина тому ни в коем случае не приближение к истине. Подустали уже и проплаченные глашатаи «общечеловеческих ценностей», и вечно обиженные жизнью и Богом отечественные разоблачители. Тем более что появилось много новых, плодотворных и не менее «хлебных» тем. Например, борьба с «путинизмом». Но, несмотря на это, в учебных программах школ и вузов по-прежнему доминирует точка зрения либералов, сформированная талантливыми аналитиками западных советологических центров. На сегодняшний день историческая наука располагает солидным объемом отечественных и зарубежных исследований по интересующему вопросу, которые блокируются на всех уровнях. Возникает опасение, что недалек тот день, когда отрицание «жертв сталинизма» приравняют к отрицанию «жертв холокоста», а все не ангажированные исследователи стройными рядами отправятся в либерально-демократические лагеря. Но пока все ограничивается банальной и циничной травлей инакомыслящих по методике советских парткомов. Современная политология и социальная психология достигли таких высот в технологиях манипуляции общественным сознанием, что толпа уже не в состоянии осознать объективную истину: «разоблачения» сталинизма — орудие главного калибра в пропагандистской войне против СССР (читай — России). В предыдущих главах мы уже рассматривали истоки и побудительные причины этой многовековой войны. Холодная война породила новую тактику, опирающуюся на тиражирование большевистского жупела. Спецслужбы США и Великобритании бережно и педагогически выверено

вращивали советскую «пятую колонну», а перестройка явилась их звездным часом. Западная советология легла в фундамент новой российской историографии, основным штампом которой установился знак равенства между сталинизмом и гитлеризмом. Вновь созданная «тоталитаристская школа» — плод упорного труда англосаксонских спецслужб — вызвала неоднозначную реакцию в среде даже зарубежных ученых. В 1986 г. Стивен Коэн издал книгу «Переосмысление советского опыта», в которой раскритиковал псевдонаучную концепцию тоталитаризма:

«Все советологические концепции, созданные вне подлинной истории, социологии, культуры и даже подлинной политики, получили наиболее полное воплощение в „тоталитарной модели“».

Озаботившись источниками финансирования, он обнаружил очевидную причастность ряда неправительственных фондов, таких как фонд Рокфеллера, Макартуров, Сороса, Карнеги, а также Пентагона и ЦРУ.

К еще более категоричным выводам приходит исследователь Роберт Терстон. В книге «Жизнь и террор в сталинской России 1934–1941 гг.», изданной в 1996 г., он отмечает:

«Система сталинского террора в том виде, в каком она описывалась предшествующими поколениями западных исследователей, никогда не существовала; влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным; массового страха перед репрессиями в 1930-е годы в Советском Союзе не было; репрессии имели ограниченный характер и не коснулись большинства советского народа; советское общество скорее поддерживало сталинский режим, чем боялось его; большинству людей сталинская система обеспечила возможность продвижения вверх и участия в общественной жизни».

Характерно, что авторитетные западные исследователи, в большинстве своем прошедшие становление на ниве советологии, не питали никаких симпатий к советской системе вообще и к СССР в частности, но профессиональная честь ученого для них оказалась выше пропагандистского запроса. Американцы М. Левин и А. Гетти, француз Г. Риттершпорн, англичанин Р. Дэвис, австралиец С. Виткрофт — вот далеко не полный перечень авторитетных историков, демографов, социологов, посвятивших свою деятельность непредвзятому изучению послереволюционной истории нашей страны и издавших обстоятельные и объективные труды, недоступные и по сей день русскому читателю.

25 февраля 1956 г. стало днем очередного отечественного позора, последствия которого изменили вектор развития страны на несколько десятилетий. С позиций сегодняшнего дня и учетом определенного общественно-политического опыта, накопленного за годы либерально-демократической вакханалии, не составляет труда подвергнуть критическому осмыслению реализацию хрущевской сверхзадачи. Для нас сейчас вполне очевидно, что если какие-то шаги власти встречают одобрение Запада —

значит что-то здесь не так, значит, или допущена ошибка, или имеет место предательство национальных интересов. Тогда общество еще не обладало той способностью к оценке информационных потоков, какую приобрело в XXI в., да и доступность информации ограничивалась лишь «вражьи-ми голосами», поэтому восторженные комментарии западных СМИ не произвели должного эффекта, но сам автор апокрифа на короткое время стал самым популярным героем во всех политических лагерях.

Фарсовый характер действия на XX съезде со всей очевидностью обнажился уже в июне того же года, когда ведущие западные издания опубликовали текст «секретного» доклада. Идиотизм хрущёвской инсценировки, подобно известной субстанции, прямо-таки плавал на поверхности. Придание статуса секретности материалам, озвученным перед полуторатысячной аудиторией партийного съезда, включающей и иностранные делегации, могло означать или проявление демонстративного цинизма, или грубое, заведомое провоцирование утечки. В среде западных журналистов и разведчиков распространился анекдот, будто бы ЦРУ готово заплатить 1,5 млн долларов за текст доклада, так как за ним охотятся все мировые разведки. Анекдот довольно-таки глупый, но режиссерам, видимо, и этого показалось недостаточно, поэтому через короткое время поступило указание заменить гриф секретности парадоксальной формулировкой «не для печати» и зачитать доклад во всех парторганизациях страны. Сколько-нибудь важного значения это решение уже не имело, так как вольное изложение содержания еще в марте появилось в западной печати, а также в югославской и польской. Как и следовало ожидать, при каждом удобном случае Хрущёва стали атаковать журналисты с вопросом, соответствуют ли публикации исходнику, на что получали неизменный ответ: «Такого документа не знаю, а все вопросы к американской разведке». Поистине — прозрачная бесхитрость ответа, достойная колхозного парторга. В своих мемуарах он пояснял не менее «дипломатично»: «А как я должен был ответить, если речь шла о секрете?» Хотя стилистика и соответствует интеллектуальному потенциалу автора, однако есть основания полагать, что за незатейливостью формы скрывался второй смысловой ряд. Дело в том, что в среде источников, осведомленных и компетентных, утверждена версия о существовании трех вариантов доклада. Первый предназначался только для членов ЦК и был секретен фактически. Логика очевидна: аудитория состояла из людей, не только имевших полное представление о реальных событиях, но принимавших в них непосредственное участие, поэтому информационная составляющая доклада для них не имела смысла. Целью же являлось определение дальнейшей стратегии действий для максимального обеспечения сохранности собственных шкур.

Второй вариант — тот, что зачитывался на съезде и со всей очевидностью предполагал запланированную утечку. Именно он и лег в основу

западных публикаций и радиовещания «голосов» на соцстраны. Расчет безупречный, так как любые «забугорные» голоса являлись для диссидентствующей аудитории истиной в последней инстанции. Поставленная цель с успехом реализовалась, и советская пятая колонна получила эффективное средство разложения умов. Именно этот вариант представлял собой стопроцентную ложь, положенную в основу исследований упомянутых выше западных ученых, поэтому «искрометный» ответ Хрущёва был не так уж далек от истины.

Третий вариант — тот, что был спущен в низовые организации, — представлял собой модифицированный аналог второго, но адаптированный к молодой аудитории. Он доводился под расписку в статусе гостайны и имел целью долгосрочное программирование мозгов будущих партийных лидеров, в числе которых, вполне вероятно, были и «архитекторы перестройки» в лице А. Яковлева, М. Горбачёва и иже с ними.

Необходимо напомнить: версия логичная, стройная, идеально укладывающаяся в рамки профессионально выстроенной идеологической провокации, но документально не подтвержденная. Пока.

Так или иначе, но эффект доклада был колоссален. Лидеры двух десятков иностранных компартий расценили его не иначе, как глубокий, практически коленно-локтевой реверанс в сторону Запада. В декабре 1964 г. Мао Цзэдун и Энвер Ходжа сделали совместное, весьма интересное с точки зрения прогнозирования заявление, в котором, в частности, говорилось:

«Преступные действия Хрущёва и его подручных будут иметь долгосрочные последствия, они приведут к перерождению, а затем к разрушению СССР и КПСС...

Либо Советский Союз под руководством хрущёвцев превратится в бюрократическое социал-империалистическое государство, а КПСС станет номенклатурной надстройкой такого государства, либо ревизионистская, провокационная политика хрущёвцев приведет к распаду КПСС и СССР, к превращению его республик в колонии и протектораты западного империализма. Товарищ Сталин неоднократно предупреждал об опасности стране и партии, исходящей от скрытых, внутренних врагов, действующих по заданию империалистических разведок. Сегодня эта опасность стала реальной».

Одним словом — «как в воду глядели». Можно как угодно относиться к одиозным личностям авторов, но и в этом случае «ветер истории» в очередной раз выполнил свою функцию. Да и на Западе далеко не всех вдохновила подобострастная ухмылка Иуды. В одном из интервью 1958 г. мнение Ш. де Голля прозвучало брезгливым приговором:

«Я сомневаюсь, что Хрущёв искренен и объективен в своих выводах. Но шельмование выдающегося руководителя СССР, к соратникам которого Хрущёв прежде с гордостью себя причислял, не добавит чести

и авторитета нынешнему советскому руководству ни в мире, ни в коммунистическом движении...».

Несмотря на то, что де Голль не питал симпатий к советской идеологии, это высказывание тщательно вымарывалось из всех публикаций как в СССР, так и на Западе вплоть до недавнего времени.

В те годы зарубежные коммунисты навешивали на Хрущёва и Берию различные ярлыки. Обвинения Берии в связях с западными спецслужбами не выдерживают критики, но роль Хрущёва в реализации антинационального курса несомненна. В этом вновь четко просматриваются причудливые витки спирали истории. Бацилла психотроцкизма настолько живуча, что даже после «каленного железа» 30-х гг. сумела раскапсулироваться и поразить жизненно важные органы Левиафана, точно так же как ересь жидовствующих пробудилась от анабиоза при Петре I. Еще причудливее параллели прогнозов коммунистических лидеров и библейских пророчеств. В книге пророка Даниила есть удивительный эпизод:

«...огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его.

У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные.

Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горой и наполнил всю землю».

Есть нечто промыслительное в ничтожестве личности Хрущёва: разрушить Левиафана полностью оказалось «не по Сеньке шапка», но глиняные ноги подломились. Аллегория камня, ставшего горой, достаточно прозрачна. Знаковое событие XX съезда изменило не только вектор развития страны, но и ход мировой истории. Глиняные ноги — не что иное, как «мировая социалистическая система». Логика исторического процесса в послевоенный период выстроилась таким образом, что троцкистская идея реализовалась как бы сама собой, а ее инструментом стала не мировая революция, а Вторая мировая война как многоходовая комбинация Просветителя. Коварство замысла и виртуозность его воплощения не допускали альтернативы. Освобождая мир от нацизма, СССР тем самым вынужденно вершил мировую революцию. Сталин не мог не понимать зыбкость глиняной опоры, но выбора не было. Англосаксонские планы хотя и не потерпели краха, но осуществились не в полном соответствии с первоначальным замыслом, поэтому очередная агрессия против СССР уже со стороны антигитлеровской коалиции представляла собой неумолимую реальность. Ведь не из любви же к нацистам США подгрести отовсюду их лучшие научные умы и перспективные военные разработки.

Формирование социалистического блока по горячим следам войны позволило создать определенный форпост на пути потенциальной угрозы.

Шатание «глиняных ног» началось сразу после обрушения «золотой головы». Уже летом 1953 г. произошли массовые протестные выступления в Чехословакии и Восточной Германии, нарастала напряженность и в других странах блока. Правящие компартии увязли в дискуссиях и разногласиях, повторяя печальный опыт внутривластной борьбы в СССР 20–30-х гг. Создание СЭВ и Организации Варшавского договора имело целью придать «глиняным ногам» определенную монолитность. Не понимать неизбежные последствия XX съезда в такой международной обстановке могли только полные идиоты. Но ведь очевидно, что доклад не мог быть единоличной инициативой Хрущёва, а в этом случае очевидный вывод ждет своего исследователя, и, надо полагать, возможные результаты обещают быть самыми неожиданными.

Удар, нанесенный докладом по компартиям, П. Тольятти сравнил с «обрушившейся бурей». Летом 1956 г. вспыхнули волнения в Польше, а затем и в Венгрии. Советский идеологический официоз в те годы скуппо и невнятно пенял на внешние «происки», не утруждаясь углубляться в детали, хотя, что касается венгерских событий, ведущая роль британской МИ-6 установлена. Но всё же не это главное. Очевидно, что никакие колебания общественных настроений в соцлагере не обходились без внимания и участия западных спецслужб, однако определяющим фактором оставались стойкая национальная неприязнь к СССР (читай — России) и категорическое неприятие советской модели, навязанной европейским странам. Надо признать, что «идол», просуществовавший до конца 80-х, представлял собой лишь «прах на летних гумнах».

«Что русскому хорошо, то немцу — смерть». В конфликте интересов идеология занимает места на галерке. В первых же рядах для Европы всегда остаются экономические интересы — повышение уровня потребления, уровня благосостояния, индивидуализм во всех сферах деятельности. В Европе православная этика никогда не победит протестантскую. Власть мамоны и религия денег — генетически обусловленная традиция. Европа просто хочет красиво и сыто жить, не утруждаясь поисками высших смыслов, и это ее неотъемлемое право, как и право России существовать в рамках своих представлений. Главное — не мешать друг другу.

Роль личности в истории парадоксальна. На примере Хрущёва легко убедиться, что изменять мир способны не только гиганты, но и карлики, а трусость — не меньший катализатор, чем героизм. Отчаянный характер «разоблачений» объяснялся просто, потому как давно известно, что клич «держи вора!» звучит громче других, а животный страх перед вероятностью разоблачения подлинного придавал докладу особый пафос. Конспирологические версии об истинных творцах доклада не состоятельны. В своих мемуарах Хрущёв, в простоте душевной, саморазоблачился:

«Если мы на съезде не скажем правду, то нас заставят через какое-то время сказать правду, и тогда мы будем не докладчиками, а подследственными, будем обвиняться в соучастии, поскольку прикрывали эти злоупотребления уже после смерти Сталина, когда уже всё знали. <...> раз в жизни представляется момент, когда можно сознаться в содеянном. Это сознание может принести если не оправдание, то снисхождение. Таким моментом для нас является только XX съезд. Уже на XXI съезде этого сделать будет нельзя, если мы вообще хотим дожить до того времени, когда нас заставят держать ответ». В каждой строчке этой короткой выдержки сквозит примитивизм мышления автора: воистину — просто та хуже воровства. Как в построении самих фраз, так и между строк торчат уши нашкодившего негодяя: если «заставят... сказать правду, будем... подследственными»; пусть хоть «не оправдание... но снисхождение»; «если... хотим дожить до... времени, когда нас заставят держать ответ». В каждом слове животный ужас перед ответственностью за содеянное. Трудно предположить, что текст написан Хрущёвым лично по причине его дремучей безграмотности. Остается предположить, что он или редакторов подбирал соответственно собственному интеллекту, или эти редакторы злорадно держали фигу в кармане, переписывая его гениальные перлы. Иначе как могла запечатлеться в истории обнаженная суть трусливой натуры?

Однако западные идеологи не брезгают никакой пошлостью. В феврале 2006 г. «вся прогрессивная общественность» отмечала 50-летний юбилей эпохального события. СМИ Великобритании назвали хрущёвский пасквиль «самой влиятельной речью XX столетия», а американский биограф Хрущёва У. Таубман — «подвигом».

Доктор философии, профессор Гровер Ферр пишет:

«Из всех утверждений „закрытого доклада“, напрямую „разоблачающих“ Сталина или Берию, не оказалось ни одного правдивого. Точнее так: среди всех тех из них, что поддаются проверке, лживыми оказались все до единого. Как выясняется, в своей речи Хрущёв не сказал про Сталина и Берию ничего такого, что оказалось бы правдой. Весь „закрытый доклад“ соткан сплошь из подтасовок такого сорта. И это — тот самый доклад-„подвиг“, за который Таубман превозносит Хрущёва до небес! Разумеется, сей пулитцеровский лауреат достоин отдельного, хотя и несравненно более краткого разбора его собственных лживых заявлений из статьи в «Нью-Йорк таймс», посвященной юбилею хрущёвского доклада.

Таубман утверждает: „Хрущёв так или иначе сохранил свою человечность“. Точнее было бы сказать противоположное: Хрущёв, кажется, как никто другой похож на головурезу и убийцу».

Приведенной выдержкой автор предваряет свою книгу «Антисталинская подлость», изданную на русском языке в 2007 г. Пожалуй, это

единственная работа, в которой каждая фраза доклада подвергнута углубленному фактологическому и фразеологическому анализу. Методологический подход Г. Ферра замечателен тем, что автор не затрачивает свои силы и время читателя на приведение доступных документально подтвержденных фактов и цифр. Он всего лишь отслеживает и высвечивает ложь, поэтому его работа может послужить надежной отправной точкой для исследователей, озабоченных поиском истины. Сила авторской позиции Ферра в ее неоспоримости, и именно поэтому известный американский политический деятель, неоконсерватор, основатель «Центра свободы» своего имени Дэвид Горовиц включил профессора Ферра в список «100 самых опасных мировых ученых». Титул, поистине достойный уважения.

В 1989 г. Институт истории РАН получил задание от Политбюро подготовить обстоятельный материал о репрессиях. Партию заинтересовали реальные, научно обоснованные цифры и факты. Институт создал группу под руководством ведущего научного сотрудника Виктора Николаевича Земскова, никогда не отличавшегося симпатиями к Сталину. Впоследствии, во всех его научных трудах, посвященных заданной теме, красной нитью проводилась точка зрения о «бесчеловечной репрессивной политике». Горбачёв, воплощая в жизнь планы, последствия которых предвидеть был не в состоянии, очень хотел иметь в распоряжении документальное обоснование советологической мифологии. Но всё вышло совсем не так, как предполагали заказчики. Им хотелось «как лучше», а получилось — «за что боролись...».

В расчете на получение желаемых результатов Земскову открыли доступ в святая святых — совершенно секретные архивы ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ. Исследователя, прежде всего, поразила скрупулезность и педантичность ведения учетных документов органов. В справках, отчетах, донесениях фиксировалась любая, даже самая незначительная мелочь. Путем тщательных подсчетов Земсков выяснил, что в период с 1921 по 1953 г. по статье 58 УК к ответственности были привлечены около 4 млн человек. Из них около 800 тыс. приговорены к высшей мере, а около 600 тыс. умерли в заключении по различным причинам. Результаты подсчетов Земскова подтверждаются документами, в объективности которых сомневаться нет никаких оснований.

Но поскольку в своем отечестве пророка никогда не сыскать, то примерно в это же время на волне всеобщего пропагандистского интереса широко известная корпорация «Рэнд»⁷⁹ провела свое расследование на основании оперативных и аналитических материалов, обработанных но-

---

⁷⁹ «Рэнд» — неправительственный стратегический исследовательский центр, работающий по заказам правительства США, ВС, ЦРУ и связанных с ними организаций.

вейшими техническими средствами. Полученная округленная цифра составила 700 тыс. человек, приговоренных к высшей мере наказания за тот же период, при этом количество жертв пресловутой 58-й статьи составило порядка 25 %. Результаты проведенной корпорацией работы засекречены не были, но и по сей день не предавались огласке, хотя любой желающий при определенном усердии сможет их отыскать.

Готовясь к разоблачительной акции на XX съезде, Хрущёв запросил архивные данные о количестве репрессированных. 1 февраля 1954 г. он получил докладную записку следующего содержания:

«1 февраля 1954 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущёву Н. С.

В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с вашим указанием о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем: за время с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к ВМН — 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220, в ссылку и высылку — 765 180 человек.

Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено: 2 900 000 человек — Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием и 877 000 человек — судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией.

...Следует отметить, что созданным на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года Особым совещанием при НКВД СССР, которое просуществовало до 1 сентября 1953 года, было осуждено 442 531 человек, в том числе к ВМН — 10 101 человек, к лишению свободы — 360 921 человек, к ссылке и высылке (в пределах страны) — 57 539 человек и к другим мерам наказания (зачет времени нахождения под стражей, высылка за границу, принудительное лечение) — 3 970 человек.

Генеральный прокурор Р. Руденко

Министр внутренних дел С. Круглов

Министр юстиции К. Горшенин»

Сомневаться в компетентности и информированности подписавшихся должностных лиц нет оснований, как нет оснований для подозрений в фальсификации, в чем Хрущёв был изрядный мастак, потому что занижение цифр никоим образом не могло отвечать его интересам, скорее — наоборот. При этом необходимо учитывать, что в число приговоренных

по политическим статьям входило немалое количество уголовников. Не секрет, что «шить политику» в те годы было модно.

Хрущёв на голубом глазу говорил, что на момент смерти Сталина в лагерях находились 10 млн человек. Эта цифра с готовностью подхватывалась публицистами, правозащитниками, прочими разоблачителями, не упускавшими возможностей интерпретации с преувеличением в геометрической прогрессии, пока, наконец, всех не превзошел Солженицын, озвучивший цифру в 100 млн «лучших сынов Отечества». Упомянуть о 140 млн Б. Немцова неприлично в той же мере, что и ссылаться на геббельсовскую пропаганду.

По укореившейся традиции вносят свою посильную лепту и иностранные авторы. Поляки А. Дыбковская, М. Жарын и Я. Жарын в 1995 г. выпустили книгу «История Польши», в которой называют общее число заключенных советских лагерей 22 млн человек. Да что там иностранцы! Отечественные вузовские учебники «похабных» 90-х беззастенчиво приводят те же нелепые цифры, хотя уже тогда в широком доступе стали появляться некоторые документы, относящиеся к деятельности ГУЛАГа.

В процессе десятилетней архивной работы из-под пера Земскова вышло большое количество научных трудов по демографической статистике человеческих потерь как предвоенного периода, так и в ВОВ, цифры которых оказались так же чрезвычайно завышены. Впервые цифра 20 млн жертв войны прозвучала опять же из уст Хрущёва и взята была им буквально «с потолка». Можно ли допустить, что к 1956 г. не было еще произведено подсчетов, хотя бы предварительных, человеческих потерь? А вот поразить воображение собеседника плодами бездарности командующего, «планирующего войсковые операции по глобусу» — вполне в стиле разоблачителя культа, особенно если собеседник — глава европейского государства⁸⁰. На сегодняшний день число жертв выросло до 27 млн и озвучивается на всех уровнях, вплоть до президента, хотя уже имеются скрупулезные подсчеты Земскова. Согласно им, военные потери составили примерно 11,5 млн человек, мирного гражданского населения — 4,5 млн. Итого — 16 млн человек, в числе которых около 700 тыс. блокадников. До сих пор материалы исследований не получили доступа к вузовским и школьным программам, да и в целом к официальной науке, заправилами в которой остаются всё те же, обиженные Богом либералы. Нет нужды рассуждать, что побудило их подвергнуть расчеты Земскова ожесточенным нападкам. Была ли это банальная некомпетентность или целенаправленная ложь — пусть мотивации остаются на их совести. Самое интересное, что фальсификаторы не только оперируют цифрами непонятного происхождения, но и не особенно утруждаются в сокрытии подлогов. Широкою

---

⁸⁰ Премьер-министр Швеции Таге Эрландер.

огласку получила история с О. Г. Шатуновской⁸¹, умышленно завысившей статистические цифры в десятки раз. А. В. Антонов-Овсеенко⁸² опубликовал в «Литературной газете» клеветническую статью «Противостояние», в которой прямо обвинил Земскова в подлоге. Приводя собственную статистику заключенных ГУЛАГа по состоянию на 1945 г., он называет цифру 16 млн (!) человек, «случайно» опустив запятую между единицей и шестеркой. Практика архивной работы предусматривает строгий учет лиц, получавших для изучения те или иные документы. Фамилия Антонов-Овсеенко ни в каких реестрах не значится. Из этого следует, что либо «уважаемый ученый» воспользовался информацией третьих лиц, либо умышленно ее сфальсифицировал. Земсков пишет:

«Вопрос о подлоге можно было бы рассматривать, если бы мы опирались на один или несколько разрозненных документов. Однако нельзя подделать находящийся в государственном хранении целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов (предположить, что первичные материалы — фальшивые, можно только при допущении нелепой мысли, что каждый лагерь имел две канцелярии: одну, ведущую подлинное делопроизводство, и вторую — неподлинное). Тем не менее все эти документы были подвергнуты тщательному источниковедческому анализу, и их подлинность установлена со 100-процентной гарантией. Данные первичных материалов в итоге совпадают со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа и со сведениями, содержащимися в докладных записках руководства ГУЛАГа на имя Н. И. Ежова, Л. П. Берии, С. Н. Круглова, а также в докладных записках последних на имя И. В. Сталина. Следовательно, документация всех уровней, которой мы пользовались, подлинная».

А вот выкладки еще одного разоблачителя — О. Платонова:

«За годы коллективизации и раскулачивания было сослано примерно 7–8 млн крестьян, несколько миллионов заключено в лагеря и тюрьмы».

Конечно, допущения плюс-минус миллион для исследователей такого пошиба большого значения не имеют, но всё же хотелось бы понять, откуда автор берет эти цифры? Архивные исследования свидетельствуют, что официально кулацкими хозяйствами признано около 3% крестьянских дворов. На спецпоселения отправлено 381 026 семей, общей численностью 1 803 392 чел., что составляет 1,5% крестьянских дворов. Надо заметить, что все исследования проводились Земсковым методом

---

⁸¹ Ольга Григорьевна Шатуновская (1901–1990) — советская политическая деятельница, член комитета партийного контроля при ЦК КПСС, активный участник реабилитации репрессированных.

⁸² Антон Владимирович Антонов-Овсеенко (1920–2013) — советский и российский писатель, журналист и публицист, автор историко-публицистических работ о Сталине. Основатель Государственного музея истории ГУЛАГа, руководитель Московской региональной организации жертв политических репрессий.

перекрестного изучения независимых друг от друга учетных документов с максимально допустимой погрешностью в одну-две сотни.

Не менее впечатляют и такие категоричные утверждения, что бывших военнопленных после освобождения «эшелонами отправляли в ГУ-ЛАГ». В результате детального изучения установлено, что после проверки в фильтрационных лагерях более 95 % рядового состава были возвращены в действующую армию или, по состоянию здоровья, — в народное хозяйство; арестовано порядка 4 %. К офицерам предполагался более суровый подход: 60,4 % возвращены в подразделения, 36,1 % направлено в штурмовые батальоны, 9 % арестовано.

Разоблачители основательно приложились и к теме национальных депортаций. Утверждения типа «до 40 % крымских татар умерло при перевозке к месту высылки» или «больше половины чеченцев и ингушей погибло от холода, голода, эпидемий и произвола властей во время депортации» есть ложные пропагандистские измышления. Источники Госархива РФ гласят, что в мае 1945 г. в Узбекистан было выслано 151 720 крымских татар. На место прибыли 151 529 человек. В пути следования умер 191 человек, что составляет 0,13 %. Та же картина вырисовывается и в истории с вайнахами. В архиве существует справка № 22/с/348 от 21 марта 1944 г., составленная начальником конвойных войск НКВД генерал-майором Бочковым для генерального комиссара госбезопасности Л. П. Берия, в которой указано, что было принято для конвоирования 493 269 чел. и сдано в пунктах назначения 491 768 чел. В пути следования родились 56 человек, сдано в лечебные учреждения 285 человек, умерли 1 272 человека, что составляет 2,6 на 1000 перевезенных. По справке Статистического управления РСФСР смертность в Чечено-Ингушской АССР за 1943 г. составляла на 1000 жителей 13,2 человека. Таким образом, имеется неопровержимое документальное подтверждение не пятидесяти с лишним процентов погибших, а 0,26 %. А ведь фальшивые цифры звучали из уст не только профессиональных поборников «прав человека», но и высших государственных чиновников, в частности — нынешнего руководства Чечни.

С. Г. Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» пишет:

«Поразительно именно расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные — и верит им, но в то же время он верит и „сорока миллионам расстрелянных“ Солженицына. Вот это феномен русского ума».

Здесь следует высказать еще одну «крамольную» точку зрения. Депортация крымских татар и вайнахов если и воспринималась наказанием, то на деле явилась пусть и не актом гуманизма, но чрезвычайно мягкой мерой, так как по действующим законам военного времени практически все взрослые мужчины подлежали в лучшем случае осуждению на 25 лет, а в худшем — расстрелу, а это означало полное уничтожение народа.

Тема эта настолько болезненная и неоднозначная, что требует более подробного отступления, хотя и не имеет непосредственного отношения к теме книги.

Прежде всего, следует отметить, что депортация — изобретение отнюдь не сталинское, а тем более не российское. Не углубляясь в библейские дебри, стоит вспомнить эпизоды европейской истории прошлого века. Наибольшую известность получила трагедия русинов⁸³ Первой мировой войны, когда Австро-Венгрия провела депортацию 3,5 миллионов человек, из которых около 200 тыс. было казнено различными способами. В их число вошли и 3 тыс. православных священников. Подробный учет погибших в процессе переселения никем не велся, но исчисляется десятками тысяч, включая детей и женщин.

Одновременно со вступлением в Первую мировую французы арестовали всех немцев и отправили в концлагеря, а в 1915 г., при подходе противника к Парижу, всех заключенных тюрем просто и незатейливо покروшили из пулеметов. В литературе и кинематографе нашло отражение такое явление, как массовые самосуды. Во Франции, после освобождения от гитлеровцев, уличная толпа зверски растерзала и забила около 100 тыс. человек, только лишь заподозренных в сотрудничестве с нацистами.

Еще более чудовищна история послевоенной Италии, где самосудами истребили около 300 тыс. собственных граждан.

Оплот демократии Великобритания в 1940 г. подвергла аресту 74 тыс. граждан, выходцев из стран, находящихся с ней формально в состоянии войны, и 20 тыс. членов пронацистских партий, до того момента существовавших и действующих легально.

В Соединенных Штатах после Перл-Харбора подвергли аресту всех американцев японского происхождения, вплоть до третьего колена, и заключили в концлагеря, обслуживающие рудники. Общее число репрессированных составило 112 тыс. человек. Отдельной темой проходит послевоенный разгул маккартизма.

Что касается России, то предшествующий Сталину «кровавый» самодержец Николай II в первые годы войны депортировал вглубь страны около 200 тыс. немцев. Постановление гласило: «Немцы-колонисты подлежат обязательному выселению *за собственный счет*».

Такова недавняя мировая практика. Необходимо учитывать, что подавляющее большинство людей из вышеперечисленных либо вообще не были замешаны в коллаборационизме, либо имели к нему лишь косвенное отношение.

---

⁸³ К началу XX в. на территории Австро-Венгрии (Галичине, Буковине, Угорской Руси) проживало не менее 4 млн потомков древнерусского населения, определявших свою национальную принадлежность как русин (руснак).

А теперь детально разберем предысторию «трагедии» вайнахов и крымских татар как наиболее муссированную либеральными разоблачителями.

Когда звучат утверждения в духе «не бывает преступных народов», необходимо отбросить лицемерное кокетство и признать, что в каждой нации существуют некие генетически обусловленные наклонности, присущие только ей. Например, у цыган, в большинстве своем верующих, воровство не считается грехом. В их среде существует веками устоявшееся, твердое убеждение, что Бог позволяет промышлять воровством только им, и это фактически возводится в степень благословения. Точно так же у вайнахов — вековым, генетически сформированным промыслом всегда были бандитизм и разбой. Это отнюдь не означает, что все цыгане поголовно воры, а вайнахи — бандиты, мы рассматриваем только национальные тенденции. На протяжении всей истории, вплоть до сегодняшнего дня, особенностью Кавказа были и остаются родоплеменные отношения с общей ответственностью и, как следствие, круговой порукой. Подобный уклад исключает любые проявления индивидуализма, так как за каждое персональное деяние ответственность несет весь род на протяжении поколений.

Начиная со времен Александра II регион являлся постоянным раздражителем, но экстремистские проявления носили эпизодический и локальный характер. С момента установления советской власти обстановка обострилась до критического состояния. Чечено-Ингушская АССР превратилась в незатухающий очаг бандитизма, периодически перераставшего в организованные многочисленные восстания. Власти время от времени проводили армейские операции с целью восстановления конституционного порядка, но результаты носили краткосрочный характер. В поисках решения предпринимались попытки заигрывания, выразившиеся в выселении из региона терских казаков с передачей их земель вайнахам. Бесхребетное решение привело к повальным грабегам казачьего имущества и угонам скота. Если кто-то пытается объяснить эти бесчинства неприятием советской власти, то следует привести свидетельства белогвардейского генерала Я. А. Слащева:

«Из войсковых частей я... направил чеченцев, потому что, стоя, как конница, в тылу, они так грабили, что не было никакого сладу. Я их и законопатил на Тюп-Джанкой. Там жило только несколько татар, тоже мусульман и страшно бедных, так что некого было грабить.

...Великолепные грабители в тылу, эти горцы налет красных в начале февраля на Тюп-Джанкой великолепно проспали, а потом столь же великолепно разбежались, бросив все шесть орудий. Красных было так мало, что двинутая мною контратака их даже не застала, а нашла только провалившиеся во льду орудия.

...Я же сам был на Кавказе и знаю, что они способны лихо грабить, а чуть что — бежать. Не имея никакой веры в горцев, я при своем приезде

в Крым приказал их расформировать и отправить на Кавказ на пополнение своих частей, за что мне был нагоняй от Деникина».

По окончании Гражданской войны криминогенная обстановка в целом по Кавказу нормализовалась, однако в Чеченской области не только сохранила прежний уровень, но и периодически обострялась. Этому способствовало поголовное незаконное владение оружием всем мужским населением, включая подростков. В августе 1925 г. была проведена очередная широко-масштабная войсковая операция с применением авиации, в ходе которой захвачены главари бандформирований и огромное количество оружия, в том числе более 20 тыс. винтовок и несколько тысяч револьверов.

Относительное затишье продолжалось до ноября 1929 г., ознаменовавшегося масштабным восстанием. Командующий войсками СКВО И. П. Белов докладывал:

«В Чечне, как и в Карачае, мы имели не отдельные бандитские, контрреволюционные выступления, а прямое восстание целых районов (Галанчож), в котором почти всё население принимало участие в вооруженном выступлении».

Вновь проведенная войсковая операция дала результаты более, чем скромные: многие главари уцелели и в начале 1930 г. пребывали в готовности уже к новому, еще более масштабному выступлению, поэтому в марте снова пришлось проводить массивную зачистку. Через два года история повторилась. Теперь бандиты действовали более дерзко, и в их тактике явно прослеживались признаки внешнего управления, так как основными целями стали гарнизоны и нефтяные промыслы — предмет оперативных разработок английских спецслужб.

Вылазку подавили, но уже к 1937 г. численность террористических группировок выросла до 80. Очередная антитеррористическая операция состоялась только в 1939 г. Судя по скромным статистическим цифрам, ее эффективность вызывает большие сомнения: осуждены всего 1032 бандита, изъято 5 пулеметов, 8 тыс. винтовок и 3,5 тыс. единиц различного оружия. Мягкотелость и половинчатые действия советского руководства привели к тому, что уже в предвоенный год в республике фактически сформировалась альтернативная власть террористов, а в 1941 г. начались массовые убийства представителей власти и советских активистов. Теперь традиционный бандитский промысел приобрел политическую окраску под общим руководством «Особой партии кавказских братьев». Первые три года войны страна была вынуждена вести боевые действия фактически на два фронта. Систематические вооруженные налеты на учреждения НКВД, армейские подразделения, райцентры чередовались с банальными грабежами, угоном скота, нападениями на сопредельные грузинские и осетинские колхозы.

Из вышесказанного образуется единственный логический вывод: преступление большевиков не вызывает сомнений. *Преступление против*

всех народов Кавказа, так или иначе соприкасавшихся с чеченцами. На протяжении двух с лишним десятилетий большевики по кусочкам отрубали хвост ядовитой кавказской змее, не решаясь прикончить ее раз и навсегда, чем могли спасти жизни многим солдатам, мирным жителям, да и самим чеченцам.

До революции относительное затишье объяснялось весомостью самодержавной власти и связанными с ней фамилиями, в том числе предка автора данной книги. Обрушение властных имперских институтов сразу же вселило в сознание горцев иллюзию вождеденной безнаказанности. И в реальности эта безнаказанность оказалась не столь иллюзорной: русских начали резать повсеместно.

В 1919 г. Кавказ захватили белые. А. И. Деникин, поначалу относившийся к горцам достаточно лояльно, вскоре оказался перед лицом серьезной проблемы. Операцию по принуждению к повиновению он поручил генералу Д. П. Драценко. Оперативная обстановка требовала быстрых и решительных действий, на счету был каждый день. Расклад сил сложился таким образом, что против 4-тысячного отряда Драценко стояли почти 20 тыс. объединенных (по иронии судьбы или аллаха) сил чеченцев и красных. В эти 4 тыс. входили и терские казацки-пластунские подразделения — спецназ высочайшего уровня тех лет, настоящие русские ниндзя, имевшие с горцами кровные счеты.

Драценко понадобилось около трех недель, чтобы прокатиться по Чечне кровавым катком. Аулы стирала с лица земли артиллерия, казаки под корень вырезали всё, что шевелилось. Пленных не брали. Лишь однажды, после зверского уничтожения аула Алхан-Юрт, Драценко отпустил нескольких чеченцев, чтобы те рассказали землякам о пережитом. Фактически проведенная операция состоялась как настоящий карательный рейд, имевший целью напомнить «маленькому, но гордому народу», кто в доме хозяин и чем чревато испытание его терпения. Весь исторический опыт показывает, что только такой метод эффективен во взаимоотношениях с исламом, а страшная смерть нескольких сотен бандитов спасает жизни сотням мирных людей и солдат. Что поделать, но такова национальная черта этого народа — кровавая эйфория при безнаказанности и трусливое пресмыкание перед силой. История еще не знала альтернативы.

Своих истинных целей «Особая партия» уже не скрывала. В январе 1942 г. в Орджоникидзе (Владикавказ) прошло учредительное собрание, итогом которого стал следующий документ:

«Организационное бюро Исполнительного комитета Особой партии кавказских братьев (Оргбюро ИК ОПКБ) настоящим своим приказом обращается ко всем народам Кавказа: ко всем братьям ОПКБ, ко всем идейным борцам против большевизма, ко всем ЦК секций, входящих в состав ИК ОПКБ, ко всем окружным городским, аульским и станичным, заводским

и фабричным комитетам РКП(б). Оргбюро ИК ОПКБ разъясняет следующее:

1. О новой Кавказской особой братской партии:

Все антисоветские группировки и организации, в том числе и активно действующая Чечено-Ингушская антисоветская повстанческая организация, одиннадцати кавказских народов (Азербайджан, Аджария, Абхазия, Адыгея, Грузия, Народно-Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо- и Юго-Осетинская, Черкесская, Чечено-Ингушская, Нахичеванская) братских республик, по воле передовых представителей этих народов объединены в новоорганизованной единой особой партии кавказских братьев (ОПКБ).

2. Приняты и одобрены временные Программа и Устав, которые при первой возможности будут отпечатаны и разосланы всем организациям ОПКБ.

3. Для временного руководства оплотом для созыва 1-го Конгресса ИК ОПКБ организовано бюро ИКа во главе с главным секретарем Терлоевым.

Главные цели ОПКБ:

а) объединить все антисоветские организации и группировки в единую братскую партию ОПКБ и расширить эту партию по всему Кавказу;

б) обеспечить полную дезорганизацию тыла, остатки советской военной на Кавказе, ускорение гибели большевизма на Кавказе и действовать во имя поражения России в войне с Германией;

в) создать на Кавказе свободную братскую Федеративную республику — государств братских народов Кавказа по мандату Германской империи;

г) обеспечить за кавказскими братьями неограниченные права для политико-административного и хозяйственно-экономического управления Кавказа со всеми его ископаемыми и прочими богатствами и руководствоваться лозунгом ОПКБ «Кавказ — Кавказцам!»

д) убить дух большевизма на Кавказе навсегда;

е) выселить из Кавказа русских и евреев, обеспечить немедленное возвращение сосланных и выселенных большевиками братьев из коренных жителей на родину — на Кавказ;

ж) укрепить братско-близкородственные семейные взаимоотношения и нерушимую связь между братскими народами Кавказа;

з) использовать все возможные средства (применительно к местным условиям) для немедленного проведения в жизнь следующих мероприятий ОПКБ для:

1. Массового и повсеместного дезертирства;

2. Массового применения террористических актов;

3. Полного разорения колхозов и совхозов;

4. Полного вредительства на фабриках и заводах;

5. *Систематической операции против остатков большевизма за победу Германии;*
6. *Отказ от выполнения госплатежей всех видов;*
7. *Расширение повсеместного бандитизма и боевых дружин ОПКБ;*
8. *Организация массовых беспорядков;*
9. *Организация вооруженных группировок, бунтов и восстаний против советской власти;*
10. *Отказ от выполнения всяких директив большевизма».*

Важно отметить, что перечисленные в первом пункте документа регионы Кавказа имели в организации по большей части номинальное представительство, а преобладающей силой являлись чеченцы.

Летом того же года обстановка стала приобретать все более угрожающий характер. Немцы подходили к границам Чечено-Ингушетии и активизировали заброску на ее территорию диверсионных групп, а местное население встречало их с истинным кавказским радушием, оказывало всяческое содействие и охотно шло на вербовку. Уже осенью состоялись вооруженные выступления в пяти районах республики. Более благоприятной оперативной обстановки для немецкой агентуры трудно представить. Десятки руководителей райкомов, райисполкомов, председателей колхозов ушли на нелегальное положение в ожидании немцев, а нарком внутренних дел С. Албогачиев был на прямой связи с немцами. Полковник немецкой военно-морской разведки Осман Сайднуров (Губе), кандидат в наместники Северного Кавказа, на допросе откровенно осветил основные мотивации коренного населения:

«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при советской власти жили зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминая тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями изменническими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу в возмещение которых оккупанты им оставили бы хоть часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

Его слова полностью подтвердились уже в ходе подготовки депортации, когда у немалого числа жителей обнаружили накопления в размере 2–3 млн рублей, заработанных грабежами и спекуляцией. Кстати (совсем некстати), власть посчитала их изъятие «нецелесообразным».

Гуманность по отношению к очевидным врагам власть проявляла непростительную. Практика «легализации» сдавшихся и обезвреженных бандитов консервировала «пятую колонну», ожидавшую очередного наступления немцев и имевшую на руках сотни единиц не сданного огнестрельного оружия. Участник подавления мятежей в Чечне А. Д. Козицкий писал:

«Несколько слов о методах борьбы на Кавказе. Те мягкие меры, которые мы применяем, отнюдь не влияют на горцев так, как бы они влияли на культурное население. Наоборот, у них возникает впечатление о нашей слабости. Это из сущности быта горцев вытекает... Взять, например, случай с изуродованным красноармейцем 28-го кавэскадрона в Чечне, когда селение, жители которого замучили красноармейца, не понесло должного наказания, а выискивались отдельные виновники, которых селение укрывало. Данный случай они отнесут к нашей гуманности, которая им непонятна, по условиям их нравов и обычаев (кровавая месть, несоблюдение которой позорит весь род). Возьмем пример 1925 года, когда я брал шейха Асалтинского в Дае, я заставил аул привести его, и это можно сделать всегда. У них, как ни у кого, круговая порука. У них нет случая, о котором не знало бы всё население. Нет скрывающегося бандита, места которого не знает население. По их адатам ответственность несет не преступник-убийца, а весь род и поколение. Мы не разрушили еще этих взглядов, мы считаться с этим должны».

В архиве имеется докладная записка комиссара госбезопасности 2-го ранга Б. З. Кобулова на имя Л. П. Берия:

«Отношение чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной Армии.

При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонились от призыва.

В январе 1942 г. при формировании национальной дивизии удалось призвать лишь 50% личного состава.

В марте 1942 г. из 14 576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13 560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек.

Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе-сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов».

Дело дошло до того, что весной 1942 г. призыв вайнахов в армию полностью отменили. Обратим внимание: набор добровольцев в 1943 г. — попытка власти предоставить народу возможность добровольной моральной

реабилитации. Вызывает откровенное недоумение бесконечное, прямо-таки евангельское всепрощенчество «кровавого сталинского режима», да еще в условиях военного времени. В целом за первые три года войны дезертировало 49 362 чеченца, плюс 13 389 человек скрылись от мобилизации. По состоянию на ноябрь 1942 г. в Северной группе Закавказского фронта воевали всего 90 вайнахов, или 0,04 %. Зато из коллаборационистов была сформирована Кавказская дивизия (!) СС под командованием Султан-Гирея Клыча, провозглашавшего отторжение от России всего Северного Кавказа.

Не менее познавательна подлинная история крымских татар. Истоки их «заслуг» восходят еще к Московскому царству и многократно перекрывают подвиги горцев. Еще с середины XV в. Крым стал постоянной головной болью России. Доставалось и Польше. Польский посланник в Крыму М. Броневский писал:

«Народ этот хищный и голодный, живет грабежами и постоянною изменническою войною».

Основной и единственный их народный промысел — грабежи и работорговля — продолжался до конца XVIII в., пока упраздненное Крымское ханство не влилось в Российскую империю. Протолиберальные экзерсисы Екатерины, как и сталинская мягкотелость по отношению к вайнахам, повлекли далеко идущие последствия. Вместо того чтобы отправить аборигенов в места не столь отдаленные, Екатерина наделила главарей татарских банд дворянскими привилегиями, освободила от налогов духовенство, а население от воинской повинности.

Относительное умиротворение длилось до Крымской кампании. При высадке на полуостров коалиционных войск татары предались любимому традиционному занятию — грабежам и убийствам остального населения. Именно тогда Николай I впервые принял решение о депортации народа-разбойника. Однако после заключения мира с коалицией вопрос как-то сам собой «съехал на тормозах», да и император вскорости почил в бозе.

Сразу после отречения Николая II в Крыму были созданы Временный крымско-татарский исполком и Мусульманский военный комитет, а также сформирован 4-тысячный эскадрон. Вожди националистической партии «Милли Фирка» агитировали земляков уклоняться от мобилизации, что являлось прямым подстрекательством к дезертирству.

После падения советской республики Тавриды аборигены учинили «Алуштинскую ночь»: с 23 на 24 апреля было убито около сотни русских. Прибывшие из Севастополя матросы жестоко пресекли бесчинства, но ненадолго. Вскоре та же участь постигла всех христиан побережья, в результате чего там не осталось в живых ни одной греческой семьи. Количество жертв исчислялось сотнями, все дома разграблены и сожжены. Лишь вторжение немцев в мае 1918 г. положило конец террору. Но оккупанты

всё же были встречены с радостью. Новоиспеченный премьер-министр Сейдамет произнес в курултае пламенную речь:

«...Есть одна великая личность, олицетворяющая собой Германию, великий гений германского народа... Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру, возвысивший ее в необычайную высь, есть не кто иной, как глава Великой Германии, Император Вильгельм, Творец величайшей силы и мощи. Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма».

Политика заигрывания с нацменьшинствами всегда представляла собой бомбу замедленного действия, а заложенная большевистскими русофобами и космополитами под фундамент российской государственности, повлекла за собой последствия, ощутимые и по сей день, да и современная пролиберальная власть во многом следует по тому же вектору.

После учреждения новой Конституции в 1925 г. появилось новое название — Крымская АССР. Статус автономии сам по себе представлял очевидную нелепость. Сейчас трудно доподлинно установить, кто являлся главным проводником этой лицемерной идеи, но согласно политике «коренизации», выдвинутой на съезде ВКП(б), в Крыму началась тотальная «татаризация». По итогам переписи 1921 г. национальный состав Крыма выглядел следующим образом: 52% — русские и украинцы, 6% — евреи, 6% — немцы, 26% — татары. Таким образом, статус автономии никак не вписывался не в правовые, не в логические рамки. Тем не менее татары по умолчанию определялись государствообразующим этносом, а государственными языками назначались русский и татарский. С 1929 г. всё делопроизводство в республике надлежало вести на татарском языке. На высшие республиканские и управленческие должности назначались исключительно татары. Кроме того, татарское население получило значительные преференции по сравнению с другими народами. Как и следовало ожидать, результатами стали рост недовольства в среде остальных этнических групп, злоупотребления националистического управленческого аппарата и неразбериха в делопроизводстве. Вся эта лицемерная канитель продолжалась до конца 30-х гг., пока, наконец, у Сталина не лопнуло терпение.

Далее в тексте мы будем употреблять наименование «крымчаки», дабы не вызвать невольных ассоциаций с истинными российскими татарами и не оскорблять «казанцев» лингвистическими параллелями. Казанские татары в годы войны были одними из лучших бойцов. Об этом свидетельствует количество Героев Советского Союза. Показательный факт: когда немцы сформировали из военнопленных мусульманский легион, в нем сразу же организовалась подпольная организация, костяк которой составили именно казанские татары.

С началом ВОВ произошло то, что и должно было произойти. Заместитель наркома внутренних дел Серов докладывал Берии:

«20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51 армии при отступлении ее из Крыма».

Фельдмаршал Манштейн писал:

«Большинство татарского населения Крыма было настроено весьма дружелюбно по отношению к нам. Татары сразу же встали на нашу сторону. Ко мне прибыла татарская делегация, принеся фрукты и красивые ткани ручной работы для освободителя татар Адольфа-Эфенди».

Газета «Освобожденный Крым» от 10 марта 1942 г. возвещала:

«Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!»

И это была чистая правда: согласно германским документам⁸⁴, к тому времени в ряды нацистов уже вступили 10 тыс. добровольцев, а для борьбы с партизанами сформировался 4-тысячный отряд карателей, и еще 5 тыс. ожидали своей очереди в резерве пополнения. К весне 1943 г. немцы сформировали еще несколько добровольческих батальонов. Таким образом, из 218 тыс. населения более 20 тыс. «крымчаков» добровольно пришли на службу к немцам, что в процентном отношении в точности соответствует нормам всеобщей мобилизации. Из этого следует, что почти *каждая* (!) «крымчакская» семья отдала хотя бы одного мужчину в услужение Гитлеру. Учитывая родоплеменные мусульманские устои, надо понимать, что подобные решения не могли приниматься без благословения старейшин семьи и рода. Паталогическая, генетически сформированная ненависть «крымчаков» к русским находила выход и в охоте на партизан, и в зверствах по отношению к мирному населению. Известен эпизод 1944 г., когда отступающая «крымчакская» часть вырезала практически всё русское население города Старый Крым, а в ноябре 1941 г. ими было расстреляно более 40 тыс. евреев и славян. Охрана концлагеря под Симферополем состояла полностью из «крымчаков».

В ноябре 1942 г. по всей территории Крыма начали организовываться «мусульманские комитеты» под эгидой СС. На торжественном собрании в Симферополе комитет довел до сведения участников одобрение фюрером «патриотического» порыва «крымчаков» сражаться с большевизмом на стороне немцев. Мероприятие завершилось молебном «за достижение победы и общей цели, за здоровье Адольфа Гитлера», «за немецкий народ и его доблестную армию» и «за павших в боях солдат вермахта». В адрес Гитлера направили телеграмму следующего содержания:

---

⁸⁴ В частности, согласно исследованиям профессора военной истории Берлинского университета Гумбольдта Рольфа-Дитера Мюллера.

«Тайная полевая полиция № 647

№ 875/41 Перевод Его высочеству господину Гитлеру.

Разрешите мне передать Вам наш сердечный привет и нашу огромную благодарность за освобождение крымских татар (мусульман), томившихся под кровавым еврейско-коммунистическим игом. Мы желаем Вам долгой жизни, успехов и победы германской армии во всем мире.

Татары Крыма готовы по Вашему зову бороться вместе с германской народной армией на любом фронте. В настоящее время в лесах Крыма находятся партизаны, еврейские комиссары, коммунисты и командиры, которые не успели бежать из Крыма. Для скорейшей ликвидации партизанских групп в Крыму, мы убедительно просим Вас разрешить нам, как хорошим знатокам дорог и тропинок крымских лесов, организовать из бывших «кулаков», стонущих уже в течение 20 лет под гнетом еврейско-коммунистического господства, вооруженные отряды, руководимые германским командованием.

Заверяем Вас, что в самый короткий срок партизаны в лесах Крыма будут уничтожены до последнего человека.

Остаемся преданные Вам, и еще раз желаем Вам успеха в Ваших делах и долгой жизни.

Да здравствует Его Высочество, господин Адольф Гитлер!

Да здравствует героическая, непобедимая германская народная армия!

Сын фабриканта и внук бывшего городского головы города Бахчисарая А. М. Аблаев.

Симферополь, Суфи 44.

Верно: зондерфюрер Шуман».

Всё та же оккупационная газета не переставала расточать славословия в адрес «его высочества Адольфа-Эфенди»:

03.03.1942. После того как наши братья-немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья.

20.03.1942. Совместно со славными братьями-немцами, подоспевшими, чтобы освободить мир Востока, мы, крымские татары, заявляем всему миру, что мы не забыли торжественных обещаний Черчилля в Вашингтоне, его стремления возродить жидовскую власть в Палестине, его желания уничтожить Турцию, захватить Стамбул и Дарданеллы, поднять восстание в Турции и Афганистане и т.д. и т.п. Восток ждет своего освободителя не от солгавшихся демократов и аферистов, а от национал-социалистической партии и от освободителя Адольфа Гитлера. Мы дали клятву идти на жертвы за такую священную к блестящую задачу.

10.04.1942. Из послания А. Гитлеру, принятого на молебне более 500 мусульман г. Карасубазара.

Наш освободитель! Мы только благодаря Вам, Вашей помощи и благодаря смелости и самоотверженности Ваших войск, сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны. Теперь нет и не может быть такой силы, которая отделила бы нас от немецкого народа и от Вас. Татарский народ поклялся и дал слово, записавшись добровольцами в ряды немецких войск, рука об руку с Вашими войсками бороться против врага до последней капли крови. Ваша победа — это победа всего мусульманского мира. Молимся Богу за здоровье Ваших войск и просим Бога дать Вам, великому освободителю народов, долгие годы жизни. Вы теперь есть освободитель, руководитель мусульманского мира — газы Адольф Гитлер.

В этом же номере.

Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру.

Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи — уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка.

Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце — Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом.

Президиум Мусульманского Комитета.

Вновь созданным подразделениям «крымчаков» предоставлялась большая самостоятельность, свидетельствующая о полном доверии немцев. На них возлагались в основном карательные операции, выявление подполья, борьба с партизанами, охрана концлагерей и массовые расстрелы. Отмечалось, что по уровню жестокости «крымчаки» значительно превосходили немцев. Известен случай, когда в 1942 г. отряд самообороны захватил десант советской разведки из 12 человек и сжег их живьем. В марте того же года заживо были сожжены несколько сотен жителей деревни Лаки, основную массу которых составляли женщины и дети — армяне и греки. Изощренность пыток «крымчаков»-эсэсовцев приводила в ужас самих немцев, в результате чего им запретили самостоятельно проводить допросы. Дело доходило до трагических курьезов, когда жители других национальностей апеллировали к немецким властям в поисках защиты, и немцы их защищали, а оккупационные власти сами обращались в Берлин с жалобами на чрезмерные зверства своих сатрапов.

Перечисление военных «подвигов» «крымчаков» можно продолжать бесконечно. А теперь, отбросив кокетство и лицемерную политкорректность, зададимся риторическим вопросом: может ли целый народ быть преступным? Уголовный кодекс не предусматривает коллективной ответственности. Апеллируя к закону, необходимо рассматривать деяния каждого отдельного фигуранта, и в этом случае нетрудно подсчитать количество приговоров, предусматривающих высшую меру по закону военного времени применительно к «крымчакам». И речь здесь идет не только о непосредственных дезертирах, предателях, палачах и пособниках, но и об их окружении — потворствующем, укрывающем, недоносящем. Если бы власть действовала строго в рамках закона, сколько представителей соответствующих народов могло сохраниться до сегодняшнего дня? Следование букве закона фактически означало бы самую настоящую этническую чистку. Мы сейчас не будем говорить о том, что чрезмерно гуманное отклонение от правовых норм в 1944 г. потащило за собой хвост кровавых, трудноразрешимых противоречий в годы 90-е. Проблема намного глубже. Нетрудно смоделировать ситуацию, когда летом 1945 г. в регионы Кавказа и в Крым начали возвращаться фронтовики. Что касается Крыма, то там, с учетом процентного соотношения народов, вопрос решился бы однозначно — как в послевоенной Франции или Италии, а крымские татары как этническая группа исчезли навсегда, и никакие правоохранные структуры не в состоянии были бы защитить родичей врагов, расстрелянных *по закону*. На Кавказе всё могло быть значительно страшнее опять же, принимая во внимание процентное соотношение плюс количество накопленного местным населением за время войны оружия. Иными словами, полномасштабная чеченская война могла начаться сразу после Великой Отечественной.

По демократическому принципу индивидуальной ответственности правовое наказание за совершенное преступление означало бы фактический геноцид. Мудрая же гуманность депортации заключалась в том, что примененная мера ответственности полностью отвечала традиции депортированных народов — круговой поруке: за содеянное одним отвечает весь род.

Право наций на самоопределение — неотъемлемое право. Но исторически сложившиеся права на ареалы обитания не менее обоснованы. Горцы всегда декларировали стремление к независимости. Наверное, стоило уважить их право, невзирая на геополитические интересы. Всегда нужно взвешивать выгоды от потерь и потери от выгод. В 90-х они уже пробовали построить свой шариатско-бандитский анклав, и всё вроде бы складывалось к взаимному удовольствию сторон, но мафиозная российская власть не могла поступиться шкурными интересами, потому и не удосужилась закрепить суверенитет Ичкерии стеной из колючей проволоки

и минными полями, в результате чего страна получила очередную, неизвестно какую по счету, чеченскую войну.

Крым же — безоговорочно Россия, и все заигрывания с нацменьшинствами на полуострове есть не что иное, как моделирование нового Косово. Не менее бессмысленны и рассуждения о морально-этическом укладе того или иного народа, точно так же как бессмысленен и нелеп термин «общечеловеческие ценности», носящий, в своей подоплеке, помимо глупости еще и расистское высокомерие. Лицемерное изобретение англосаксонской цивилизации, оно подразумевает не столько унификацию мировоззренческих концепций, сколько разделение человечества на людей и нелюдей, потому что с этих позиций представители племен, поедающих сердце поверженного врага, людьми считаться не могут. Сегодня круг псевдоценностей расширился до безграничности, и теперь за его пределы выбрасываются и гомофобы, и борцы с педофилией, и противники эвтаназии, да и многие другие, не вписывающиеся в каноны современного общества воинствующего *либерализма*. Каждый народ имеет право на свой уклад и традиции, которые он обязан беречь, а наивысшее зло и предвестье упадка цивилизаций — мультикультурализм. У каждого народа есть право определять собственные критерии нравственности сообразно с традициями и верованиями, но право это должно ограничиваться историческим ареалом обитания. Каждый монастырь обязан чтить свой устав и строго следить за его соблюдением пришлыми.

Этническая история Крыма многообразна: гунзы, римляне, греки, скифы, византийцы — кого только не повидала эта благодатная земля, но уже начиная с X в. там возникает Русское Тмутараканское княжество. И только в 1397 г. захватчики во главе с Тохтамышем основывают Крымское ханство. С тех пор и до конца XVIII в. Крым становится разбойничьим пристанищем, пока в 1783 г. Россия не отвоевала эту территорию окончательно. Поэтому все претензии «крымчаков» или Украины на правопреемственность Крыма — грубая ложь. Тогда, в 44-м, исконно русское великодушье и всепрощенчество породило известный документ. Стоит внимательно вчитаться в каждую его строчку:

«Постановление ГКО № 5859-сс «О крымских татарах»

11 мая 1944 года, Москва, Кремль

В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации на-

сильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой так называемых «татарских национальных комитетах», и широко использовались немцами для цели заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. „Татарские национальные комитеты“, в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отторжения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил.

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (т. Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944 г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 килограммов на семью.

Остающееся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимаются Наркоммясомолпромом, вся сельхозпродукция — Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот — Наркомземом СССР, племенной скот — Наркомсовхозов СССР.

Приемку скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясомолпрому, Наркомсовхозов и Наркомзагу СССР к 1 июля с.г. предоставить в СНК СССР предложения о порядке возврата по обменным квитанциям спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы и сельскохозяйственной продукции;

б) для организации приема от спецпереселенцев оставленного ими в местах выселения имущества, скота, зерна и сельхозпродукции командировать на место комиссию СНК СССР в составе: председателя комиссии т. Гриценко (заместителя председателя СНК РСФСР) и членов комиссии — т. Крестьянинова (члена коллегии Наркомзема СССР), т. Надъярных (члена коллегии НКМиМП), т. Пустовалова (члена коллегии Наркомзага СССР), т. Кабанова (заместителя Народного комиссара совхозов СССР), т. Гусева (члена коллегии НКФина СССР).

Обязать Наркомзем СССР (т. Бенедиктова), Наркомзаг СССР (т. Субботина), НКМиМП СССР (т. Смирнова), Наркомсовхозов СССР (т. Лобанова) для обеспечения приема от спецпереселенцев скота, зерна и сельхозпродуктов командировать, по согласованию с т. Гриценко, в Крым необходимое количество работников;

в) обязать НКПС (т. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР.

Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных;

г) Наркомздраву СССР (т. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и две медсестры с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути;

д) Наркомторгу СССР (т. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком.

Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты в количестве согласно приложению № 1.

3. Обязать секретаря ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсупова, председателя СНК УзССР т. Абдурахманова и Народного Комиссара внутренних дел Узбекской ССР т. Кобулова до 1 июня с.г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпереселенцев:

а) принять и расселить в пределах Узбекской ССР 140–160 тысяч человек спецпереселенцев-татар, направляемых НКВД СССР из Крымской АССР.

Расселение спецпереселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских хозяйствах предприятий и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности;

б) в областях расселения спецпереселенцев создать комиссии в составе председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД, возложив на эти комиссии проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев;

в) в каждом районе вселения спецпереселенцев организовать районные тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и начальника РО НКВД, возложив на них подготовку к размещению и организацию приема прибывающих спецпереселенцев;

г) подготовить гужавтотранспорт для перевозки спецпереселенцев, мобилизовав для этого транспорт любых предприятий и учреждений;

д) обеспечить наделение прибывающих спецпереселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами;

е) организовать в районах расселения спецпереселенцев спецкомендатуры НКВД, отнеся содержание их за счет сметы НКВД СССР;

ж) ЦК и СНК УзССР к 20 мая с.г. представить в НКВД СССР т. Берия проект расселения спецпереселенцев по областям и районам с указанием станции разгрузки эшелонов.

4. Обязать Сельхозбанк (т. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5.000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

5. Обязать Наркомзаг СССР (т. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня-августа с.г. ежемесячно равными количествами, согласно приложению № 2.

Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня-августа с.г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот.

6. Обязать НКО (т. Хрулева) передать в течение мая-июня с.г. для усиления автотранспорта войск НКВД, размещенных гарнизонами в районах расселения спецпереселенцев — в Узбекской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР, — автомашин «Виллис» — 100 штук и грузовых — 250 штук, вышедших из ремонта.

7. Обязать Главнефтеснаб (т. Широкова) выделить и отгрузить до 20 мая 1944 года в пункты по указанию НКВД СССР автобензина 400 тонн, в распоряжение СНК Узбекской ССР — 200 тонн.

Поставку автобензина произвести за счет равномерного сокращения поставок всем остальным потребителям.

8. Обязать Главснаблес при СНК СССР (т. Лопухова) за счет любых ресурсов поставить НКПСу 75.000 вагонных досок по 2, 75 м каждая, с поставкой их до 15 мая с.г.; перевозку досок НКПСу произвести своими средствами.

9. Наркомфину СССР (т. Звереву) отпустить НКВД СССР в мае с.г. из резервного фонда СНК СССР на проведение специальных мероприятий 30 миллионов рублей.

Председатель Государственного комитета обороны
И. СТАЛИН

Послано тт. Молотову, Берия, Маленкову, Микояну, Вознесенскому, Андрееву, Косыгину, Гриценко, Юсупову, Абдурахманову, Кобулову (НКВД УзССР), Чадаеву — все, Шаталину, Горкину, Жданову, Смирнову, Субботину, Бенедиктову, Лобанову, Звереву, Кагановичу, Митереву, Любимову, Кравцову, Хрулеву, Жукову, Широкову, Лопухову — соответственно».

К этому следует добавить, что в процессе выселения была изъята добротная полковая комплектация: 49 минометов, 622 пулемета, 724 автомата, 9888 винтовок, 326887 патронов. Думается, что какие-либо комментарии о предназначении этого арсенала излишни.

Очевидно, что измышления о бесчеловечных условиях перевозки к новому месту жительства — целенаправленная пропагандистская ложь. Естественно, везли переселенцев не в купейных вагонах, а в обычных армейских. В приложении к постановлению указывалось:

«Суточная норма продуктов на одного человека в пути следования следующая:

Хлеб — 500 г.

Мясо или рыба — 70 г.

Крупа — 60 г.

Жиры — 10 г.»

Не лишне помнить, что начинался четвертый год войны и довольствоваться такими сутодачами могли далеко не все труженики тыла. Вполне вероятно, что фактические условия транспортировки не во всем соответствовали предписанию, но это уже на совести непосредственных исполнителей, тем более что подконвойные не могли вызывать у них нежных чувств.

Официально растиражированный постулат о *поголовной* депортации — такая же ложь. Переселение не затронуло семьи лиц, принимавших участие в подпольной деятельности в тылу противника, хотя таковых насчитывались единицы. Кроме того, в октябре на имя наркома внутренних дел Берии поступил запрос от его заместителя В. В. Чернышева и начальника отдела спецпоселений М. В. Кузнецова:

«В НКВД СССР поступает значительное количество заявлений от офицеров и бойцов Красной Армии, являющихся по национальности калмыками, карачаевцами, балкарцами, чеченцами, ингушами и крымскими татарами, греками, армянами и болгарами, которые ходатайствуют об освобождении из спецпоселения своих родственников-спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Крыма и бывшей Калмыцкой АССР.

При рассмотрении этих заявлений считали бы целесообразным: устанавливать через командование части, будет ли заявитель оставлен на службе в Красной Армии, в случае оставления заявителя на службе в Красной Армии и при отсутствии компрометирующих материалов на его родственников-спецпереселенцев (жену, детей, родителей, несовершеннолетних братьев и сестер) освободить последних из спецпоселения, в персональном порядке, без права их возвращения на Северный Кавказ, в Крым и на территорию бывшей Калмыцкой АССР.

Просим Ваших указаний».

На документе имеются две резолюции:

«Переговорите со мной. Л. Берия. 31.XI.1944 г.»

«тов. Кузнецову. т. Берия согласен, но не применять широкой практики, исключительно индивидуально по заключению ОСП НКВД СССР. В. Чернышев. 31.XI.1944 г.»

Донесение на имя наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия от 1 августа 1944 г.:

«При переселении из Крыма имели место случаи выселения женщин по национальности татарок, армянок, гречанок и болгарок, мужья которых являются по национальности русскими и оставлены на жительство в Крыму или находятся в Красной Армии.

Считаем целесообразным таких женщин при отсутствии на них ком-прометирующих данных из спецпоселения освободить.

Просим Вашего указания.

В. Чернышев

М. Кузнецов».

Дабы не подпасть под обвинения в тенденциозности подбора фактов, что по своей сути ничуть не извинительнее прямых фальсификаций, стоит уточнить, что в процессе войны трижды проводилась добровольная мобилизация вайнахов. В мае 1943 г. в решении обкома ЧИАССР записано:

«Проведенный с разрешения ЦК ВКП(б) в период февраля-марта 1943 г. третий призыв добровольцев чеченцев и ингушей в Красную армию сопровождался проявлением подлинного советского патриотизма».

Сделав поправку на традиционные партийно-кавказско-исламские плеоназмы, остановимся на факте: за период войны в действующую армию было призвано более 18,5 тыс. вайнахов, две трети из которых — добровольцы. В их числе 18 героических защитников Брестской крепости и 6 Героев Советского Союза. При этом необходимо учитывать: для того чтобы на фронте удостоиться не только высшей, но и вообще любой награды, чеченец должен был совершить нечто уж совсем из ряда вон выходящее.

Что касается крымских татар, то цифры количества военнослужащих действующей армии в различных источниках сильно отличаются, тем не менее в их числе есть и генералы, и шестеро Героев Советского Союза, и двое полных кавалеров ордена Славы.

Таким образом, к осени 1948 г., кроме вышеперечисленных категорий, от спецпоселения было освобождено более 1 тыс. человек, в том числе 581 человек с правом возвращения в Крым. В 1956 г. Верховный Совет принял решение о восстановлении национальных автономий репрессированных народов, что фактически означало их прощение властью. Однако волюнтарист Хрущёв вычеркнул из проекта указа крымских татар. Даже он, всецело поглощенный трудами праведными по фальсификации недавней истории, не решился на реабилитацию «крымчаков», хотя реабилитации в тот период сыпались направо и налево, без разбора персоналий и их прошлых деяний. Только под давлением Верховного Совета и его председателя А. Микояна решение удалось протолкнуть.

Казалось бы — вот оно, долгожданное помилование и возвращение на землю обетованную! Но «крымчаки» на родину почему-то не спешили.

Часть оставалась в богатом Узбекистане, а часть устремилась в соседний Таджикистан, власти которого по неведомым причинам, предоставили переселенцам неслыханные льготы. Для советского руководства это явилось полной неожиданностью, и в 1965 г. А. Микоян пригласил в Кремль представителей диаспоры для беседы. На вопрос о причинах невозвращения делегация предъявила ультиматум: возвращение возможно лишь при условии объявления Крыма национальной автономией. Требование, по меньшей мере, наглое, так как к тому моменту численность «крымчаков» едва дотягивала до 10% населения полуострова.

В целом весь процесс депортации не шел в сравнение даже со стальной планетой Колымы — «Ташкент — город хлебный», где «тепло и яблоки». Согласно постановлению № 5859 всем переселенцам компенсировали оставленную недвижимость, домашнюю живность и сельхозпродукцию уже к марту 1946 г. На новом месте предоставлялось жилье и беспроцентные ссуды в размере 5 тыс. рублей на семью с рассрочкой на 7 лет, а также приусадебные участки. Ежемесячно каждый переселенец бесплатно получал 8 кг муки, 8 кг овощей, 2 кг крупы и все это в последний год войны, когда продовольственная проблема стояла чрезвычайно остро. О «бесчеловечных» условиях проживания красноречиво говорят цифры прироста населения. К началу 50-х годов у ссыльных родилось около 19 тыс. детей.

Пусть желающие опровергнут факты и цифры, приведенные в этой главе. Только не нужно аргументировать опровержения личными впечатлениями участников и их литературными воспоминаниями, в числе которых много действительно достойных трудов, таких как «Крутой маршрут» Е. Гинзбург или «Непридуманное» Л. Разгона. Обвинять таких людей во лжи или подлоге гнусно: всё это пожизненная боль души и тела от пережитого. Эти люди, и еще тысячи им подобных, стали тривиальными жертвами типичного явления — «эксцесс исполнителя». И такие эксцессы происходили повсеместно. Невозможно сбросить со счетов трагедии, подобные Назинской⁸⁵. Вполне возможно допустить, что многие свидетельства депортированных изменников соответствуют действи-

---

⁸⁵ Назинская трагедия (в рассекреченных советских документах известная как «назинский инцидент», «события вблизи д. Назино») — события мая-августа 1933 г. рядом с селом Назино на острове Назино посреди Оби неподалеку от впадения в нее реки Назинской. На этот пустой остров в тайге в Александровском районе Западно-Сибирского края (сегодня это территория Томской области) в ходе депортационной кампании против «социально вредных и деклассированных элементов» (раскулаченных) было высажено без еды, крыши над головой, какой-либо утвари или инструментов около 6,1 тыс. человек. Голод, болезни и попытки бегства сократили количество живых в течение тринадцати недель до 2200 человек. При этом имели место десятки задокументированных случаев каннибализма.

тельности. Но важно понимать, что исполнители — это те же индивиды из числа 3 млн добровольных доносчиков и еще многие миллионы творцов культа личности. Таков народ, и другого не было. Необходимо еще раз повторить: невозможно в деталях установить всю правду до конца, но всегда возможно просчитать ложь.

Так может ли целый народ быть преступным? Господь трижды откладывал наказание Содома и Гоморры в надежде найти там хотя бы десяток праведников. Не нашел. Приговор известен и обжалованию не подлежал никогда. Но всё же два города — еще не весь народ. Гитлер — слепое орудие Просветителя, он присвоил себе право Бога решать судьбы многих народов. Уничтожение евреев — кривая люциферианская проекция библейского приговора целому народу, утратившему понимание истинной власти:

«Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего; а Израиль не знает *Меня*, народ мой не разумеет.

Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, — повернулись назад.

Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и всё сердце исчахло.

Князья твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою...

Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что *другим* не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Ис. 1:3; 4,23; 5:8).

Упорство целого народа в беззаконии — история-ровесница человеческой цивилизации и ответ на вопрос: может ли целый народ быть преступным. Всегда можно оспорить решения и деяния вождей, но кто возьмет на себя смелость оспаривать деяния Бога?

«Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре» (Ис. 1:9).

И этим «небольшим остатком» стала дарованная жизнь, сначала в плену и рабстве, а затем в вечном изгнании:

«За то народ мой пойдет в плен непредвиденно, и вельможи его будут голодать, и богачи его будут томиться жаждою» (Ис. 5:13).

Советская власть, избрав в 1944 г. библейский метод воздействия на народы, «обремененные беззакониями» и «забывшие господина своего», не наказала их даже голодом. Кавказ и Крым не стали новыми Содомом и Гоморрой, даже изгнание продолжалось недолго, по сравнению с 70-летним вавилонским пленом и 40-летним блужданием по пустыне. Но евреям всё же вернули их землю. Господь определил срок депортации десятками веков. Советская власть — десятком лет. Сегодняшний Израиль — благодатная законопослушная страна. Кавказ в 90-х, в дурмане исторической

амнезии, пользуясь управленческим параличом антинародной власти, в очередной раз впал в блуд безнаказанности. В Крыму и по сей день идут вялотекущие «бродильные» процессы.

«Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас...» (Ис. 1:20).

Строгость приговора, вынесенного народам-отступникам Богом и советской властью, несопоставима. Именно поэтому они продолжают предъявлять счета уже нынешней России.

Смысл этого объемного и печально-нелирического отступления — наглядно показать масштаб и неизбежные последствия любой лжи, возведенной в ранг основы государственной идеологии. Смешно и грустно осознавать, что человеческая психика настолько хрупка и беспомощна перед воздействием даже самой топорной манипуляции. В предыдущих главах мы уже рассматривали некоторые эпизоды отечественной истории, подвергнутые бесстыдной фальсификации в угоду текущей политической конъюнктуры. Мифотворчество в авторстве авторитетных историков на многие века становилось официальной научной точкой зрения, на основе которой писались учебники, защищались диссертации, создавались целые научные школы. Этой интеллектуальной заразе оказались подвержены все, без исключения, общественно-политические формации и идеологические течения. Однако, феномен мифологизации сталинской эпохи стоит несколько особняком в череде всех предыдущих. Главное отличие в том, что временная дистанция его сотворения чрезвычайно коротка. К 1956 г., когда Хрущёв положил начало процессу отчаянной и беспрецедентной лжи, почти все свидетели эпохи находились в здравом уме и трезвой памяти. И все они — творцы идола и жрецы его культа, богоборцы и гонители православия, совсем недавно пытавшиеся низвергнуть Бога, и теперь провидение издевательски хохотало над ними в голос. Им было невдомек, что, верша судилище над идолом, они выносили приговор самим себе, потому что суд совести оперирует кодексом чести — категорией, кем-то из них забытой, а кому-то и незнакомой изначально. Те «щепки», которые летели «при рубке леса», по сути, представляли собой языческие жертвоприношения, ими же и придуманные. Идолы не диктуют людям свою волю, они — всего лишь истуканы. Именно люди творят истуканов и наделяют их изобретенными желаниями. Каковы люди, таковы и их идолы. Поклоняясь им, адепты формируют коллективную мыслеформу — эгрегор, который приобретает свойства самостоятельного явления, поэтому никакая отдельная личность не в силах создать собственный культ, как и не в ее возможностях противостоять его творению толпой.

Г. Лебон пишет:

«Социальные явления представляют собой следствие громадной бессознательной работы, большей частью недоступной нашему анализу. Эти видимые явления можно сравнить с волнами, служащими на поверхно-

сти океана выражением подземных сотрясений его дна, которые нам неизвестны. Наблюдая большинство поступков толпы, мы видим, что они чаще всего служат выражением ее замечательно низкого умственного уровня. Но есть такие случаи, когда действиями толпы руководят, по-видимому, таинственные силы, называвшиеся в древности судьбой, природой, провидением и теперь именуемые голосом мертвых. Мы не можем не признавать могущества этих сил, хотя совершенно не знаем их сущности. Иногда кажется, что в недрах наций находятся скрытые силы, руководящие их действиями».

Сокрушая былых кумиров, люди разрушают лишь грубую материю культа. Тонкая же материя им неподвластна и продолжает существовать, как и любая система, противодействуя внешним разрушительным силам. Это и есть «голос мертвых».

Феномен голосования в акции «Имя России» поражает только при поверхностном взгляде. Рейтинг Сталина — это миллионы, персонифицированные представителями послевоенных поколений. Значительную часть их составляют молодые люди, родившиеся в пред- и перестроечные годы. Становление их личностей проходило в новой реальности, и они к ней полностью адаптированы, потому как другой не знают. Необходимо осознавать, что поколение проклинающих, трясущихся от страха, обиженных сжимается, подобно шагреневой коже, и скоро исчезнет совсем. А молодые останутся со своими голосами, отданными на референдуме, и со своими детьми, уже закаленными в неверии официальной пропаганде и пренебрежении продажными СМИ.

Многовековой цивилизационный опыт изобилует примерами последствий попрания былых идеалов. Приняв христианство, князь Владимир одновременно наложил на русское православие печать «первородного греха». Грандиозный по своему значению акт сопровождался кощунственным надругательством над прежними святынями. «Повесть временных лет» свидетельствует о Перуне как покровителе князя и его дружины. Бог грозы и войны в славянской этимологии означал «разящий». Его именем клялись послы, скреплялись межгосударственные договоры, с его именем шли в бой, ему приносили присягу. И вот «в год 6497 (989) крестился Владимир и вся земля Русская. И поставили в Киеве митрополита, а в Новгороде — архиепископа... И пришел в Новгород архиепископ Аким Корсунянин, и разрушил капища, идол Перуна посек и велел его волочить к Волхову. Обвязали его веревками, и поволокли по грязи, избивая палками. И заповедал никому нигде его не принимать».

Можно сколько угодно иронизировать по поводу метафизического аспекта поругания, но даже народные поверья тех времен оставили характерные свидетельства:

«...вошел бес (идол) Перуна и начал кричать: „О горе мне! Достался немилостивым сим рукам!“. И скинули его в Волхов. Он же, проплывая

под большим мостом, бросил палицу на мост и сказал: „На этом да поминают меня новгородцы“. Безумные дерутся ею и ныне, творя утеху бесам».

Так или иначе, но кровавые драки между новгородцами стали регулярным явлением на несколько последующих веков. С. Герберштейн в «Записках о Московии» свидетельствовал:

«...в определенные дни в году раздается Перунов глас, слышав который граждане того места тотчас же сбегаются и избивают друг друга палками и кулаками, отчего возникает столь сильное смятение, что начальникам стоит великих усилий усмирить его».

Славянское язычество имеет глубочайшие исторические корни. Его мировоззрение предполагало равноправную природу добра и зла. Человек сам по себе являл «меру всех вещей», и осуждение его порывов и страстей воспринималось как лицемерие. Интересная параллель прослеживается между идеологией славянского язычества и первоначальным посылом эпохи Просвещения, с той лишь разницей, что отправной точкой просветительской этики была секуляризация знания и культ человеческого разума, а в языческой этике всё ограничивалось природным естеством, где все порывы и страсти наделялись естественными правами на существование. По определению митрополита Иоанна (Снычева) «в основании язычества лежит более или менее откровенный сатанизм, неизбежно проявляющий себя жестокостью и безнравственностью».

Множество вопросов, касающихся славянского язычества, до сих пор предметы полемики ученых. Дело в том, что каких-либо письменных источников дохристианского периода практически не существует, а те, что есть, полноценных текстов не содержат. Здесь вновь стоит вернуться в петровскую эпоху. Учрежденная императором Академия, как уже говорилось ранее, состояла из 15 академиков-иностранцев. Именно к этому периоду относится исчезновение большого числа древнерусских летописей. Специфику становления российской исторической науки мы уже рассматривали, поэтому нет ничего удивительного в том, что языческие обряды викингов приписали древним славянам в совокупности с множеством иных нелепостей. Нравы тех времен описываются некоторыми «историками» с подлинно садистским смакованием:

«Древние русы в войнах с Византией демонстрировали такие зверства, которые поражали воображение даже в контексте той далекой эпохи. Пленные подвергались распятиям и другим изощренным пыткам, монастыри и церкви сжигались со всеми обитателями, приносились массовые ритуальные человеческие жертвы. Погибшие воины сжигались на погребальных кострах вместе с живыми женами, а поскольку славянские традиции признавали многоженство, то явления ритуальных убийств носили массовый характер. Матерям не возбранялось законами убивать нежелательных новорожденных, равно как и детям избавляться от престарелых и больных родителей. Из поколения в поколение передавался обычай кровной мести».

Да полноте, о славянах ли это вообще? Может ли психотип расы перемениться на сто восемьдесят градусов под влиянием перемены веры? Да и как возможно, чтобы природные садисты и канибалы приняли некое вероучение, генетически не присущее их природному естеству? Все эти изыски сильно напоминают идеологические штампы. Психоанализ всего массива материалов показывает, что описания как славянских, так и скандинавских жертвоприношений принадлежат *исключительно* христианским духовным деятелям, и никогда — историкам (беллетристы от истории, типа Карамзина, в расчет не принимаются). Подмена понятий и искажение смыслов присуще всем идеологическим течениям, и христианство исключением не является.

Вообще, исходное понятие «жертвы» заключено в самом термине: *жертва, жратва, жрать, жерать, жрец* — слова однокоренные. Так же, как и «обедня» происходит от «обета». Смысл ритуала в приглашении богов к совместной трапезе, а вовсе не в кровавом действии заклания кого-либо. Да и само слово «жертва» в обрядовом лексиконе славян отсутствовало. Существовало понятие «требы», также перекочевавшее в христианский лексикон.

Проникновение языческих ритуалов в христианство наглядно демонстрирует литургия, когда дары — тело и плоть Христовы — готовятся на жертвеннике, затем возлагаются на алтарь и употребляются участниками действия. Жертвенное заклание животных совершалось именно с целью устройства совместной с богами трапезы, и чем больше животных приносилось в жертву, тем многочисленнее было собрание пирующих. Кстати, язычники считали литургию отвратительной дикостью именно по причине поедания христианами символических крови и плоти Христовых. До нынешних времен в среде адептов древнеславянских культов за христианами закреплено презрительное клеймо «богоедов».

Во многих произведениях древнерусской литературы Перун, *после надругательства, становится* демоном. Когда-то поверженный ангел стал Люцифером. Это был приговор Бога. Поверженный Перун *назначен* демоном по приговору человека, узурпировавшего права Бога, и этот акт — трусливая попытка самооправдания: никто не наделял человека правом превращать Богов в демонов. Возможно, не случайно весь период княжения Владимира отмечен регулярными военными агрессиями. В 990, 992, 993, 996, 997, 1001 гг. Русь непрерывно атаковали печенегы, а в 1013 г. помимо кочевников вторглась и Польша. С новой силой разгорелись и внутриродовые конфликты: предательство приемного сына Святополка, бунт Ярослава — князя новгородского, упрятавшего в узилище младшего сына Владимира Судислава. Один за другим умирали сыновья — Изяслав, Вышеслав, Всеволод, Станислав, наконец — жена Анна. Черeda напастей поневоле наводит на мысль о некоем родовом проклятии. Клятвopепреступления редко остаются безнаказанными, а плевков в идеалы своего

прошлого всегда возвращается в той или иной форме. Сегодня трудно установить, какие мотивы преобладали в выборе Владимира — политические, стратегические или духовные. Не подлежит сомнению, что принятие христианства сыграло определяющую роль в формировании русской национальной культуры. Отвержение духовного наследия предков как варварского пережитка — акт оправданный, свидетельствующий о безусловном духовном росте и нравственном возмужании, но надругательство над символами былых идеалов ничуть не лучше уничтожения икон. Как в том, так и в другом случае метафизические последствия неизбежны. Провидение за всё выставляет счет.

С. Франк писал:

«Ибо опрокинуть одного кумира, для того чтобы тотчас же воздвигнуть другого и начать ему поклоняться с прежним изуверством, не значит освободиться от идолопоклонства и окончательно понять смысл происшедшего его изобличения».

Трагический символизм события особым образом отозвался в Грузии. После смерти вождя в центр неоднократно поступали предложения увековечить его память в названии республики. XX съезд явился для грузин подлинным шоком, а когда все республиканские СМИ отметили годовщину его смерти гробовым молчанием, Тбилиси взорвался. До сих пор те события остаются как бы в параллельном измерении: о них не упоминает никто, никогда и нигде. А между тем 9 марта многотысячные толпы с портретами Сталина выдвинулись к Дому правительства. Их встретил плотный пулеметный огонь, не прекращавшийся даже за спинами разбежавшихся людей, а на мосту через Куру толпу с обеих сторон блокировали танки, продолжая расстрел. В этот день погибли около тысячи человек.

Девятое число, толпа с портретами вождя, Дом правительства, расстрел... Чудовищные витки исторической спирали, не нуждающиеся в пояснении аналогий. 9 января 1905 г. — предвестье длительного кровавого кошмара. 9 марта 1956-го — предвестье Новочеркаска и большой крови 90-х.

В день похорон Сталина по всей стране одновременно взвыли заводские гудки. Е. Евтушенко писал:

«Этот многотрубный вой, от которого кровь стыла в жилах, напоминал адский вопль умирающего мифического чудовища».

Так «Перунов глас» возвестил свой приговор нечестивым, а танки на тбилисском мосту стали той палицей, что сокрушила впоследствии немало безумных голов. Историки и обществоведы любят отождествлять Ходынку и Трубную, но не хотят признавать, что и то, и другое — предвестья грядущих бед. А нужно лишь правильно расставлять акценты знамений и помнить, что человеческих жертвоприношений жаждут не идолы, а сами люди.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА

...истина сделает вас свободными.

Ин. 8: 32

Пожалуй, самый авторитетный специалист в области изучения закономерностей взаимодействия общества и исторического источника, исследователь фальсификаций, В. П. Козлов пишет:

«В историографическом плане история фальсификаций русских письменных исторических источников в XX в. разработана слабо. Даже анализ откровенных антикоммунистических и антисоветских подлогов мы редко встретим в советской исторической литературе, равно как, впрочем, и в зарубежной. Поразительно, что ряд таких подлогов не только просто игнорировался, но знания о них прятались в спецхраны. Дело в том, что многие из подлогов касались самых острых проблем отечественной истории, часто трактуя их совсем не в духе официальной советской историографии. Боязнь обострения исторического знания, зарождения неких альтернативных исторических выводов и концепций и заставляла умалчивать о фальсификациях».

Но это точка зрения академического ученого, оперирующего сухими и конкретными категориями. Концептуальный же взгляд на проблему неизменно приводит к выводу, что мифологизация истории — один из наиболее эффективных идеологических методов Просветителя в достижении конечной цели — глобального мира под своей властью. Не будучи в состоянии одержать окончательную победу, он прибегает к испытанному средству — созданию хаоса в умах. Всё спутать, смешать, гомогенизировать в однородную массу, стереть различия между индивидами, структурами, системами, а главное — лишить человека способности к *различению*.

Наблюдая за становлением Нового мирового порядка, приходится констатировать: проект реализуется планомерно и поступательно на протяжении веков. В современном мире почти не осталось социумов, не включенных в сферу управления Просветителя, а не затронутых, хоть

сколько-нибудь, не осталось совсем. Ответ на извечный, почти риторический вопрос — почему Россию не любит остальной мир — очевиден. Мир, перешедший под управление Просветителя, — всего лишь марионетка. Он давно утратил самостоятельность и способность к *различению*, а следовательно — не способен ни к любви, ни к ненависти, он «не горяч, не холоден...», он привык кормиться с лапы хозяина. Россия представляет для него неразрешенную, по сей день, проблему, так как наделена способностью рождать из искусственного хаоса определенный порядок, не отвечающий его замыслам. Таким образом, если принять за основу принцип равновесности систем, то мир уже глобализированный — орудие Просветителя, а Россия — орудие Бога. В этой простой формуле заключен простой ответ на все сложные вопросы. Орудие — всего лишь подвластный предмет. Пистолет убивает посредством пальца на спусковом крючке. Скальпель отсекает органы посредством руки хирурга. Удаляя конечность, пораженную гангреной, профессионально грамотный хирург отсекает и определенный участок здоровой ткани, дабы заражение не проникло в остальной организм. Обвинять врача в чрезмерной жестокости равно предполагать ампутацию по частям в русле шизофренического гуманизма. Личности, воплощающие волю свыше (или с-ниже), — всего лишь люди, от свободы выбора которых зависит, чью волю исполнить. Методы же исполнения диктуются внешними обстоятельствами и мерой разумения самих исполнителей.

Октябрь 17-го — начало преобразования хаоса, своего рода кризис больного организма, в ходе которого определяется исход — жизнь или смерть. Шоковая инъекция психотропизма не вызвала эпидемию мировой революции во многом благодаря экстренной хирургии. Своевременно проведенная операция обеспечила выживаемость организма в эпидемии Второй мировой войны, а приобретенный иммунитет придал ему крепость, не имеющую аналогов в мире. Таким образом, все три раунда Просветитель проиграл вчистую. Разумеется, ни о какой сдаче позиций речь идти не может, поэтому он прибегает к традиционному, до банальности, приему — лжи.

В задачу данной работы не входит реабилитация одних или осуждение других. Все исторические экскурсы — мера необходимая. Их цель — представить читателю неоспоримые факты и реальные цифры и, не предлагая выводов, поставить вопросы, ответы на которые он найдет сам. Если захочет.

Однако есть выводы очевидные. Невозможно оспорить, что Сталин — автор уникального антиглобалистского проекта, осуществленного в три этапа. Он — могильщик мировой революции, Третьего рейха и создатель грандиозного надгробного монумента, разрушить который до конца не удалось и по сей день. Именно этого ему никогда не простят глобальные игроки.

Был ли Сталин диктатором — вопрос далеко не такой однозначный, как принято считать. Но в то время и в той обстановке он был обязан быть диктатором. Вспомним «наиглавнейшую обязанность суверена» по Гоббсу: обеспечение безопасности и защита от внешней угрозы. В конце 20-х страна находилась в состоянии кругового внешнего прессинга и внутреннего раздора. Ничего, кроме диктатуры, сохранить ее целостность да и само существование не могло. Именно тогда у Сталина окончательно сформировалось понимание необходимости предельно мощного рывка индустриализации. Удивительно, но даже фора времени, отпущенного на минимально необходимое развитие, была им просчитана с предельной точностью — 10–15 лет — именно тот срок, в течение которого требовалось обеспечить создание промышленной базы для сохранения национального суверенитета, и единственным реальным средством могла стать только мобилизационная экономика.

В процессе рассмотрения той эпохи возникает любопытный феномен, который можно назвать академической сумятицей в мозгах. Причина ее, как ни парадоксально, заключена в методологии *детального анализа* отдельных социально-политических аспектов, таких как культ личности, репрессии, коллективизация, гонения религии, ГУЛАГ и — далее по списку. Каждое из этих явлений как исследуется, так и фальсифицируется по отдельности, что сразу же уводит восприятие из плоскости целостной картины в частности. Трудно сказать, делается это умышленно или по причине узкой специализации авторов, но результат (диагноз) получается неизменный — калейдоскопический идиотизм. В воображении рисуется картина какого-то ирреального, шизофренического мира, в котором «все рождены, чтоб Кафку сделать былью». Читая того же Оруэлла или Замятина, каждый понимает, что они изображают некую концептуальную модель, наподобие ленты Мебиуса, в которой вроде бы всё понятно, но в реальности быть не может. Однако аналогичные тексты, в авторстве признанных исторических или политологических зубров, подкрепленные солидным массивом мемуаристики и беллетристики, делают Кафку былью. И как-то сразу выпадает из сознания очевидность, в которой существовали и творили миллионы наших отцов и дедов, которые не могли быть шизофрениками, потому что подняли страну на небывалую в истории высоту, и уж тем более не могли быть рабами, потому что рабы не способны на самопожертвование ради угнетающего их государства.

Всё это вместе взятое представляет собой тот редкий случай, когда требуется прямо противоположный исследовательский метод, а именно — синтез, который, как и концептуальный анализ, позволяет сложить из калейдоскопических кристаллов целостную картину, и если и не постичь до конца истину, то хотя бы распознать ложь.

Курс на индустриализацию еще в 1925 г. определил XIV съезд ВКП(б), но по обычной партийной инерции развернулись нескончаемые

дебаты о формах и методах реализации. Дискуссии охватили и научное сообщество, выразившись в противоборстве двух подходов — генетического и телеологического⁸⁶. В партии эволюционный путь отстаивал Н. Бухарин, возглавляя «правый блок». Л. Троцкий, верный экстремистским принципам, настаивал на форсированной индустриализации, предполагавшей выжимание из крестьянства всех возможных и невозможных ресурсов. Сталин оставался над схваткой, тщательно анализируя все за и против. Широко известна его шутка, когда на вопрос, какой уклон вреднее, он отвечал: «Оба хуже». И в этом он также оказался прав. Малый лимит времени требовал мощного рывка, сопряженного с опасностью разрыва жизненно важных артерий.

В статье «Год великого перелома», опубликованной к XII годовщине Октября, Сталин перечисляет все немалые достижения страны в области экономики. Что касается производительности труда, развития промышленности, то здесь действительно прогресс поражает воображение. Но достижения в области сельского хозяйства, описанные в статье, весьма далеки от реальности. Он пишет:

«Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов. <...> ...массовое колхозное движение не ослабляет, а укрепляет смычку, давая ей новую, производственную базу. Теперь даже слепые видят, что если и есть какое-либо серьезное недовольство у основных масс крестьянства, то оно касается не колхозной политики советской власти, а того, что советская власть не может угнаться за ростом колхозного движения в деле снабжения крестьян машинами и тракторами. <...> В чем состоит новое в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группа-

---

⁸⁶ Генетический основывается на анализе происхождения и развития социально-экономических процессов, природно-климатических условий, природных особенностей и создании на их основе научно обоснованного прогноза и предсказания на перспективу с учетом объективных экономических законов, на основе которых разрабатывается национальный план, только после этого может использоваться для проведения конкретных действий.

Теологический сформирован на признании развития общества в соответствии с предварительно определенной целью, которая превосходит все другие факторы, что приводит приоритетность субъективного подхода в выборе цели и путей ее достижения. Отсюда воля отдельных лиц или групп противопоставляется объективному закону, в результате чего снижаются эффективность планирования и его общая целесообразность в рамках конкретной экономической системы.

ми, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. <...> А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти за истекший год».

Действительно, за истекший год значительно возросли посевные площади совхозов и колхозов и более чем в три раза увеличилась товарная продукция зерновых, но говорить о «коренном перелома в недрах самого крестьянства» было, мягко выражаясь, преувеличением. Далее мы видим совершенно искаженную картину ситуации на селе. Сталин пишет, что в колхозы вступают «целыми деревнями, волостями, районами», что недовольство крестьян вызывает не стратегия советской власти, а ее отставание от роста колхозного движения; что в колхозы активно пошел середняк. На деле всё выглядело совершенно иначе.

Форсированная индустриализация требовала значительного экспорта зерна, поэтому хлебозаготовки стали напоминать военные операции. Троцкий к тому времени был уже выслан, но его методы применялись в полную силу. Вопреки директивам Ленина и предписаниям самого Сталина, власти на местах в погоне за иллюзорными показателями сгоняли в колхозы силой, применяя даже армейские подразделения. В пользу колхозов отбиралось личное имущество и скот. Церкви повсеместно закрывались и переоборудовались в хозяйственные помещения, утварь расхищалась, священники подвергались арестам за «проведение реакционной идеологии». Все это вполне закономерно привело к массовым акциям протеста по всей стране, общим числом более полутора тысяч, и с привлечением около 1 млн крестьян. А ведь в статье Сталин акцентировал внимание на указаниях Ленина:

«Когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть, они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо идти более постепенно, что здесь пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае не обгонять развития масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед».

Развитие индустриальных центров и увеличение численности городского населения вызвало значительное повышение потребности в хлебе. Неурожайный 1927 г. отличался еще и крайне тревожной внешнеполитической обстановкой. В ожидании ежегодного повышения закупочных цен поставщики придерживали зерно. Не желая поддаваться их шантажу, государство установило фиксированную закупочную цену, а частники

в ответ резко вздули свои на всё продовольствие. В рабочей среде крупных промышленных центров возник ропот. Во многих районах страны, не мудрствуя лукаво, прибегли к самому простому и испытанному средству — продразверстке. Июльский 1928 г. пленум ЦК ВКП(б) своим постановлением резко пресек эту откровенно диверсионную практику.

Но индустриализация «разевала пасть». Главное отличие советской стратегии, хотя во многом и вынужденное, заключалось в использовании исключительно внутренних ресурсов. В 1922 г. на конференции в Генуе СССР отказался признавать долги царской России, поэтому вопрос об иностранных кредитах отпадал автоматически. Но, с другой стороны, не влезать в долги перед Западом, как бы тяжело ни было, — этот пропагандистский принцип послужил колоссальным объединяющим фактором для всего народа, невзирая на многочисленные эксцессы.

Так, в 1928 г. была введена карточная система, просуществовавшая до 1934 г. Группа Н. Бухарина — А. Рыкова выступала за снижение темпов индустриализации, свертывание колхозного строительства и требовала отпустить цены на хлеб. Стратегия самая простая, знакомая всем по ельцинским временам и памятная последствиями. Сталин на провокацию не поддался, несмотря на то что отстаять свою позицию его группе стоило немалых усилий.

Для достижения трезвой оценки явления нужно раз и навсегда принять за аксиому: *коллективизация не имела к идеологии ни малейшего отношения*. Если детально и вдумчиво изучить все мозговые штурмы власти в эти годы, станет ясно как белый день, что идеология в этом вопросе стояла на двадцать пятом месте, если стояла вообще. Можно не сомневаться: если бы для достижения главной цели понадобилось ввести феодальную латифундию — ее ввели бы, не колеблясь, потому что на кону стояло нечто, значительно большее, нежели лицемерное сохранение хорошей мины.

Изучение различных практик коллективного хозяйствования еще в 1928 г. показало, что в моменты кризисов такая форма отличается наибольшими возможностями выживания. Этим еще раз подтвердилось преимущество традиционного для России общинного принципа. Июльский пленум принял резолюцию «Об организации новых зерновых совхозов».

Если оперировать показателем «средней температура по больнице», то НЭП дал ощутимый терапевтический эффект. Калорийность питания на душу населения достигла 3200–4200 ккал (для сравнения: в 2012 г. в прожиточный минимум было заложено 2000 ккал). Зарботки рабочих и служащих в промышленности Москвы и Ленинграда позволяли одному работающему мужчине свободно содержать жену и двоих детей. В то же время рост безработицы в городах к концу НЭПа превысил 2 млн человек, или около 10% городского населения, а порядка 35% крестьян перешли в категорию бедняков. Кулаки в совокупности с зажиточным слоем середняков (10%) контролировали около 60% рынка сельхозпродукции.

На тот момент у власти было два пути решения проблемы. Столыпинский вариант не гарантировал создания необходимой продовольственной базы для промышленности, но гарантированно усугублял социальное расслоение в деревне и создавал цепь паразитических посреднических структур (что мы можем наблюдать с начала 90-х и по сегодняшний день). Коллективизация же предполагала повышение эффективности труда за счет механизации и, как следствие, снижение себестоимости продукции, а также высвобождение трудовых ресурсов для промышленности.

В 1928 г. 75% площадей засеивалось вручную, ручная жатва охватывала около половины земель, около половины зерна обмолачивалось так же, вручную. Примерно 35% всех сельхозмашин принадлежало кулакам. Если в 1928 г. 10% площадей вспахивалось при помощи сохи и лошади, то уже к 1930 г. на колхозных полях работали около 200 тыс. тракторов.

Сталинская статья «Год великого перелома» по умолчанию принята всеми историками за директивную установку на «сплошную» коллективизацию. Связано это с тем, что, как обычно, каждый видел в содержании то, что хотел видеть. В желании выслужиться чиновники устраивали идиотские соревнования в погоне за процентами, отправляя наверх победные репортажи. Этим и объясняются упомянутые в статье оптимистические оценки положения на селе. Когда к началу 1930 г. ситуация начала выходить из-под контроля, ЦК вынужден был принять экстренные меры. На места выехали многочисленные комиссии, в результате чего полетели головы не в меру ретивых исполнителей, подавляющее большинство которых было впоследствии осуждено за троцкистскую деятельность. Являлась ли эта деятельность сознательно подрывной или всего лишь представляла собой тупой карьеризм — не суть важно.

Действительно, на начальном этапе коллективизация воспринималась с оптимизмом, как возрождение исконно общинных традиций, чем ей и предназначалось быть по замыслу. Однако усилиями исполнителей процесс приобрел безобразные формы. Почти нигде не упоминается, что центр постоянно предпринимал меры по сдерживанию местнического рвательства, но, видимо, недостаточно жесткие. По крайней мере, роль троцкистского подполья в провоцировании крестьянских бунтов давно и документально доказана.

В резкой и категоричной статье «Головокружение от успехов» Сталин пишет:

«Что может быть общего между этой „политикой“ унтера Пришибеева и политикой партии, опирающейся на добровольность и учет местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего. Кому нужны эти искривления, это чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? *Никому, кроме наших врагов!* К чему они

могут привести, эти искривления? К усилению наших врагов и к развенчиванию идей колхозного движения. Не ясно ли, что авторы этих искривлений, мнящие себя «левыми», на самом деле льют воду на мельницу правого оппортунизма.

...Спрашивается, кому нужна эта головотяпская „работа“ по сваливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Дразнить крестьянина-колхозника обобществлением жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, — разве не ясно, что *такая „политика“ может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?*

...Один из таких ретивых обобществителей доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает „учесть в трехдневный срок всё поголовье домашней птицы каждого хозяйства“, установить должность специальных „командиров“ по учету и наблюдению, „занять в артели командные высоты“, „командовать социалистическим боем, не покидая постов“ и, ясное дело, зажать всю артель в кулак. Что это — политика руководства колхозом или политика его разложения и дискредитации? Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, „революционерах“, которые дело организации артели начинают со снятия колоколов. Снять колокола — подумаешь, какая революционность!»

Если услужливые дураки на местах видели в коллективизации способ прогнуться перед начальством или отыграться на односельчанах за различные прежние обиды, то деятельность функционеров высшего звена иначе как умышленной дестабилизацией квалифицировать невозможно. Самый верный способ уничтожения России — это разложение и деформация крестьянского сознания. Нет сомнений, что голод на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье и многих других регионах — следствие не только естественных причин, но и тонко организованной подрывной деятельности. Известные романы «Поднятая целина» и «Тени исчезают в полдень» иллюстрируют тактику идеологических противников в доступной художественной форме.

Подготовка Запада к войне против СССР не вызывала у Сталина сомнений. Бывший сталинский нарком, а затем министр сельского хозяйства И. А. Бенедиктов убежден, что опоздай страна с индустриализацией и коллективизацией на 5–6 лет — и ни о каком эффективном противостоянии врагу речи быть не могло. Адепты либеральных доктрин, превознося успехи НЭПа, никогда не упоминают о том, что данная модель в данных условиях была конечна в себе самой. Да, основные проблемы, порожденные войнами, она решила, но главным условием осуществления индустриализации оставалось производство зерна. Уже к 1926 г. рост производства остановился на уровне 1913 г. и начал постепенно сокращаться.

Эта особенность рыночной экономики весьма показательна. Аналогий в новейшей истории немало, но самая свежеепамятная — реформы «чикагских мальчиков» в пиночетовском Чили. Перестроечные либералы любили приводить этот пример, умалчивая, что быстрый экономический рост, достигнув доальендовского уровня так же остановился. Ранее мы уже говорили о том, что рынок подобен мотоциклу — работает, пока едет, а любая остановка чревата падением. Но едет он всегда в одном направлении — в тупик, по мере приближения к которому мутирует, превращаясь в уродливого монстра, далекого от изначально заданных параметров, что мы и наблюдаем сегодня в глобальном масштабе, когда само понятие превратилось в термин искаженного смысла. НЭП исключением не являлся, и последним гвоздем в крышку его гроба стали засуха и неурожай 1928 г.

Любопытны исследования видного экономиста А. В. Чаянова в области социальной психологии русского крестьянства. Явление это, в своем роде уникальное, не вписывающееся ни в какие общемировые стереотипы и заключающееся в том, что материальные стимулы для него не играют никакой определяющей роли. Русский крестьянин работает на себя, и только на себя, производя ровно столько, сколько необходимо семье, прилагая усилия, адекватные собственным возможностям. Иными словами, убиваться за лишнюю копейку не станет. Производить на продажу он будет лишь в том случае, если увидит перспективу реального барыша и если такая «сверхнормативная» работа не потребует чрезмерных усилий. Это — чисто православная психология, сложившаяся исторически и тем самым отличная от протестантской. При увеличении земельного налога крестьяне сокращали посевы. Так было и при царе, и при советской власти. Взывать к государственной необходимости, гражданской сознательности и прочим высоким материям бесполезно. Голодающие рабочие в городах, острая потребность увеличения экспорта для становления страны их совершенно не волновали. Яркий тому пример — Великая Отечественная война. Когда в первые годы страна напрягала все силы для отражения агрессии, более 150 тыс. колхозников пошли под суд за банальное уклонение от выработки трудодней. Осужденные приговаривались к работам в своем же колхозе с удержанием в пользу государства четверти трудодней. То же и после войны: около 15 тыс. нерадивых колхозников были высланы в глухие районы по решению односельчан.

За примерами не стоило даже так далеко ходить. Сегодня в памяти старшего поколения сохранились романтические летние поездки в колхозы «на картошку», когда студенты, рабочие, городская интеллигенция бросали учебу и работу, отправлялись на помощь селу, в котором в то же время большинство аборигенов валялось под кустами в состоянии полного алкогольного изумления. Кстати, вопрос о том, почему у советского

крестьянина не было паспорта до конца 60-х гг. прошлого века — интереснейшая тема не для экономиста или политолога, а именно для социального психолога с научным подходом Чаянова.

Таким образом, становилось очевидным что, как в свое время крепостничество, так и коллективизация — единственные эффективные средства воздействия на российские крестьянские массы в мобилизационных экономических условиях.

Когда в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) определил курс на коллективизацию, ни о каких «форсажах» речь не шла. Первой тактической целью ставилось увеличение пахотных земель и создание крупных зерновых хозяйств — совхозов. Намечались и примерные сроки реализации — 10–15 лет. Но, как всегда, жизнь внесла свои жесткие коррективы. Когда в 1928 г. на Украине случился голод, то, в соответствии с теорией Чаянова, крестьяне повсеместно стали прятать зерно. Хлебозаготовки вновь превратились в войсковые операции. Только в одном Поволжье было возбуждено более 17 тыс. уголовных дел против кулаков. Принятый в том же году новый Земельный кодекс запретил кулакам аренду земли.

Участившиеся природные катаклизмы создавали постоянную угрозу голода, грандиозный промышленный рост требовал всё больше рабочих рук, острая потребность в импортном оборудовании диктовала необходимость увеличения экспорта зерна. Все эти факторы вынуждали власть всеми возможными способами ускорять коллективизацию. Однако функционеры на местах прыгали выше головы, и к концу 1929 г. провели «повальную» кампанию, что шло вразрез с планами ВСНХ. Галопирующие цифры свидетельствуют: если в январе 1930 г. в колхозах состояло порядка 20 % хозяйств, то уже в марте более 50 %.

В стране складывалась катастрофическая продовольственная ситуация. Нормировался хлеб и основные продукты питания, рыночные цены на зерно выросли на 300 %. И это при том, что 1930 г. дал небывалый урожай зерна. В грядущем 1931 г. предстояло возвращать внешнеторговый долг в размере 300 млн рублей золотом, поэтому большая часть зерна уходила на экспорт. Рабочие в городах голодали, но дальше сдержанного ропота дело не шло. На фоне крестьянского сопротивления и скрытого саботажа активизировалась террористическая деятельность. Количество терактов с покушениями и убийствами исчислялось многими тысячами. Страна походила на пороховую бочку с дымящимся фитилем, в роли которого выступало троцкистское подполье.

Конъюнктурные исследователи сталинизма поднаторели в обществоведческой эквилибристике. Репрессивные мероприятия власти причисляются под одну гребенку фабрикаций процессов над «врагами народа», а истинная внутриполитическая и оперативная обстановка игнорируется. А фактический масштаб вредительства был огромен. Он значительно

превышал даже затасканные идеологические штампы соцреализма, рассчитанные на умы, не отягощенные тонкостями политики и психологии, да и сами стратегия и тактика закулисного противника зачастую превосходили интеллектуальные возможности отечественных политических и оперативных органов.

Мартовское выступление Сталина в «Правде» большинство исследователей, как справа, так и слева трактуют как отступление, вызванное испугом перед надвигающейся новой гражданской войной. Но ни те, ни другие упорно не замечают в статье прямых указаний на вражескую деятельность. Многие из неназванных поименно в статье врагов впоследствии получают по заслугам, хотя и это будет списано на «необоснованные репрессии».

Сразу же после публикации начался массовый выход из колхозов, и к концу года процент коллективизации упал до 20%. Параллельно возник стихийный процесс так называемого «самораскулачивания». Не дожидаясь репрессивных мер, кулаки распродавали имущество и уезжали на стройки пятилетки. Специальное постановление Политбюро от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» содержало требование немедленного прекращения насильственной коллективизации и тщательной проверки правомерности действий в отношении всех ранее раскулаченных. Семеро членов ЦК, непосредственно отвечавших за коллективизацию, были расстреляны: С. Косиор, Р. Эйхе, К. Бауман, Ш. Голощекин, Б. Шеболдаев, М. Хатаевич, Ю. Варейкис. Кроме того, множество функционеров низшего звена понесли уголовную ответственность, вплоть до расстрела. Позже, в июне 1932 г. ЦИК принял постановление «О революционной законности», согласно которому все репрессии по инициативе снизу жестко пресекались.

Что касается кулачества, то здесь уместно вспомнить слова ближайшего компаньона С. Витте — Э. Дилона — написанные еще в 1914 г.:

«Из всех человеческих монстров, которых мне приходилось когда-нибудь встречать во время путешествия, не могу вспомнить более злых и отвратительных, чем кулак».

Основная масса кулаков являлась, по сути, ростовщиками, паразитировавшими на остальной массе крестьянства. По определению А. Чаянова, главная статья доходов кулаков состояла из торговли, кредитования и сдачи в аренду инвентаря.

Многие миллионы уничтоженных кулаков также очередной миф. Количество реально раскулаченных 381 026 человек, что вместе с семьями составило 1 803 392 человека. До места высылки доехали 1 317 002 человека. Сбежали в пути следования 486 тыс. человек. Таким образом, на спецпоселения было отправлено 1,5% крестьянских семей, то есть примерно половина причисленных к категории кулаков.

Наступивший 1932 г. и последующий стали поистине голодными. Из-за низкой урожайности зерновых и, как следствие, повсеместного забоя скота значительно снизилось поголовье. Выхода не было, поэтому, несмотря на острую нужду в валюте, экспорт зерна сократили до минимума, а в 1934 г. прекратили совсем. Существенно снизили государственные закупки для обеспечения рабочих в городах и военных. Только эти меры позволили к началу 1935 г. отменить хлебные карточки.

Весной 1928 г. была создана первая экспериментальная МТС. Всестороннее изучение ее практической деятельности подтвердило безусловный экономический эффект. Сборы зерна значительно выросли, увеличилось поголовье скота. Соответственно росла и оплата труда колхозников. Летом 1929 г. было принято окончательное решение о повсеместном создании МТС, и к 1937 г. они обрабатывали уже более 90 % колхозных земель, а валовый сбор зерна приблизился к 100 млн тонн. В 1932 г. запретили забирать скот с личных подворий в колхозы. На места ушли распоряжения, обязывающие всячески способствовать колхозникам в обзаведении домашней скотиной.

Предвоенные годы отмечены стабильным ростом уровня жизни на селе, и это не цифры дутой статистики, а свидетельства большого числа иностранных экспертов, которые также можно при желании найти в открытом доступе. Страна уже несколько лет, как превысила показатели НЭПа, и не в среднестатистическом значении, а в фактическом. Разумеется, жизнь в деревне была далека от лубочных картинок советского кинематографа, но прогресс выражался во всем — от качества питания до сферы услуг. Уже к 1937 г. в три раза увеличилось количество сельских больниц и врачей. Кстати, в целом по стране в период с 1932 по 1937 г. зафиксирован двукратный рост доходов населения.

Именно коллективизация позволила решить главную стратегическую задачу, стоявшую перед страной, — поднять промышленность до общемирового уровня. СССР раз и навсегда перестал быть убогой аграрной страной. Если еще в конце 20-х в сельском хозяйстве трудилось более 80 млн человек, то уже к середине 30-х их осталось 55 млн при сохранении той же производительности. Именно эти высвободившиеся крестьянские руки строили заводы для производства тракторов, комбайнов, автомобилей, танков. К началу войны СССР уже имел стратегический хлебный запас в объеме 6 млн тонн.

Нет смысла перечислять все позиции, по которым СССР вошел в число ведущих индустриальных держав мира, их перечислил сам Сталин в докладе «Итоги первой пятилетки» на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. Цитаты доклада давно уже стали хрестоматийными:

«У нас не было черной металлургии... У нас она есть теперь».

И далее — одиннадцать пунктов, одиннадцать отраслей, заново созданных ценой невероятных усилий всей страны.

«И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии».

И это не было преувеличением. Разница в масштабах представляла собой космос. Все цифры показателей первых пятилеток есть в широком доступе, и динамика их такова, что не укладывается в обывательское сознание. Возможно, это так же одна из причин, по которым различные фальсификации становятся более доступны для понимания, чем реальность, граничащая с фантастикой. Забегая чуть вперед, можно добавить, что за период 1929–39 гг. была построена экономика, полностью ориентированная на внутренние ресурсы. При отсутствии внешнего долга золотой запас увеличился до 2000 тонн (для сравнения: в 1913 г. официальный резерв составлял 1233 т), а к 1953 г. резерв составлял уже 1049,8 т. А главным подтверждением правильности проводимого курса служат цифры демографической статистики — самого объективного показателя. За период с 1926 по 1939 г. произошел поистине взрывной прирост населения — 15,7 млн человек (опять же к вопросу о миллионах, замученных режимом).

В дискуссиях в ответ на приводимые оппонентами цифры различные радетели за народное благо обычно повторяют: «Всё это так, но какой ценой...» Да, цена была высока и казалась вообще неподъемной. Но кому как не либералам знать, что всё имеет свою цену. Чтобы им было понятней, можно сказать, что страну поднимали по «рыночным» ценам. Но именно — поднимали. Единственное, что могли бы сделать сами либералы в этих условиях, — это продать ее по тем же ценам.

Очевидно, что проведение общегосударственных мероприятий такого масштаба не могло быть обеспечено средствами только экспорта, тем более что с наступлением мирового экономического кризиса экспорт ощутимо заглох: все стремились что-то продать. Положение осложнялось и внешнеполитической ситуацией. В 1930 г. папа римский призвал все страны к крестовому походу против большевиков. Угроза иностранной военной агрессии становилась всё реальнее. В предыдущих главах мы затрагивали вопрос разграбления страны в первые послереволюционные годы. Объемы ценностей поистине космического масштаба не могли не смутить умы и души пламенных революционеров, да и густота заваренной ими каши, наводила на вполне логичные размышления о собственном будущем. В этом смысле представляет интерес публикация «Нью-Йорк таймс» весны 1921 г.:

«Целью „рабочих“ лидеров большевистской России, видимо, является маниакальное желание стать вторыми Гарун-аль-Рашидами, с той лишь разницей, что легендарный калиф держал свои сокровища в подвалах принадлежащего ему дворца в Багдаде, в то время как большевики, напротив, предпочитают хранить свои богатства в банках Европы и Америки.

Только за минувший год, как нам стало известно, на счет большевистских лидеров поступило:

От Троцкого — 11 миллионов долларов в один только банк США и 90 миллионов швейцарских франков в Швейцарский банк. От Зиновьева — 80 миллионов швейцарских франков в Швейцарский банк. От Урицкого — 85 миллионов швейцарских франков в Швейцарский банк. От Дзержинского — 80 миллионов швейцарских франков. От Ганецкого — 60 миллионов швейцарских франков и 10 миллионов долларов США. От Ленина — 75 миллионов швейцарских франков.

Кажется, что „мировую революцию“ правильнее было назвать „мировой финансовой революцией“, вся идея которой заключается в том, чтобы собрать на лицевых счетах двух десятков человек все деньги мира. Из всего этого мы, однако, делаем скверный вывод о том, что Швейцарский банк все-таки выглядел с точки зрения большевиков гораздо более надежным, нежели американские банки. Даже покойный Урицкий продолжает держать свои деньги там. Не следует ли из этого, что нам необходимо пересмотреть свою финансовую политику под углом ее большей федерализации?»

Можно было бы счесть подобные откровения заурядным вбросом провокационной информации, если бы не любопытный документ за подписью Ленина, датированный апрелем того же года:

«Совершенно секретно.

Г. Уншлихту и Бокию!

Это безобразие, а не работа! Так работать нельзя. Полюбуетесь, что там пишут. Немедленно найдите, если потребуется, вместе с Наркомфином и тов. Баша утечку. Ввиду секретности бумаги прошу немедленно мне вернуть ее вместе с прилагаемым и вашим мнением.

Пред. СНК Ленин».

Дополнительным аргументом в пользу достоверности является и откровенная обида, сквозящая в публикации. Можно предположить, что если бы вожди предпочли американские банки швейцарским, то вероятность утечки снизилась до минимума. Даже Троцкий — главный исполнитель вывода средств за рубеж, не ограничился вкладами в банки своих заокеанских хозяев, видимо, желая подстраховаться и не складывать все яйца в одну корзину.

А «Нью-Йорк таймс» всё не унималась. В августе того же года стенография продолжились:

«Банк „Кун, Лейба и Ко“, субсидировавший через свои немецкие филиалы переворот в России 1917 года, не остался внакладе от своих благодарных клиентов. Только за первое полугодие текущего года банк получил от Советов золота на сумму 102 миллиона 290 тысяч долларов. Вожди революции продолжают увеличивать вклады на своих счетах в банках США.

Так, счет Троцкого всего в двух американских банках за последнее время возрос до 80 миллионов долларов. Что касается самого Ленина, то он упорно продолжает хранить свои „сбережения“ в Швейцарском банке, несмотря на более высокий процент годовых на нашем свободном континенте».

Выше уже говорилось, что получение всеобъемлющей информации по теме не представляется возможным: «деньги любят тишину». Важно обратить внимание, что среди фамилий, перечисленных газетой, Сталин не значится, но вместе с тем он, вне всякого сомнения, входил в крайне ограниченный круг абсолютно информированных лиц. Помимо должности Генсека, он в те годы занимал пост председателя Рабкрина — прообраза нынешней Счетной палаты.

Обвинения оппозиционеров в связях с западными спецслужбами на процессах 30-х гг. сегодня подтверждены документально и сомнений не вызывают. Но не только политическая оппозиционная деятельность являлась причиной предельно суровых приговоров. Ни в СМИ, ни в документах никогда не освещалась теневая сторона инициированных уголовных дел, подробности которых обсуждались лишь узким кругом посвященных, да и то — шепотом. Затяжная сталинской командой модернизация страны требовала хотя бы попытки возвращения огромных похищенных средств. Тогда, в ходе следственных мероприятий, затруднений в получении признательных показаний от подсудимых почти не было. Все они, наперегонки, сдавали друг друга в надежде на мягкость приговоров, прецеденты которым уже приводились в предыдущей главе. Но главная задача следствия состояла в выбивании номеров личных счетов в иностранных банках. Именно — в выбивании, потому что признание участия в политическом заговоре и даже сотрудничестве с вражеской разведкой могло как-то сойти за идейную борьбу, а вот банальное мародерство в особо крупных размерах выглядело совсем иначе. Коррупция и предательство — явления неразрывные. Естественно, первые лица государства, завязанные на коррупцию, сразу же попадали в поле зрения иностранных разведок. В силу структурной специфики разработка высших должностных лиц представляла для Лубянки значительную сложность, поэтому личной контрразведкой Сталина была подготовлена операция «Крест», целью которой определялось возвращение средств, хранящихся на именных счетах. Начавшаяся уже в 1925 г., она продолжалась вплоть до смерти вождя. Конкретные результаты неизвестны, так как до сих пор неизвестно как содержание, так и местонахождения большего числа документов сталинской секретной службы, но анализ косвенных данных показывает, что вернуть удалось хоть и многое, но далеко не всё. Однако в те годы и в тех условиях любая малая толика не была лишней. Многие расплывчатые, а то и чисто белые пятна в процессах 30-х гг. принято сваливать с плеча на внутрипартийные разборки и сведения личных счетов. Выводы самые простые, не требующие умственных усилий. Но нужно отдавать

отчет в том, что хотя процессы и были открытыми, но в делах имели место такие аспекты, которые не могли предаваться огласке по идеологическим и политическим причинам. Не трудно представить, к каким последствиям могла бы привести огласка фактов коррумпированности почти всей высшей партийно-государственной элиты.

Тем не менее совокупность косвенных данных позволяет сделать вполне определенные выводы. Главный антисталинский триумvirат — Троцкий-Зиновьев-Каменев — представлял собой не только идейных соратников, но и урожденных земляков, имевших обширные тесные зарубежные связи, нередко родственные. Документально подтверждены нелегальные контакты Н. Бухарина с видными деятелями эмиграции Ф. Даном и Б. Николаевским в Париже летом 1936 г. и передача им сведений, составляющих партийную тайну. Кроме того, уже в Москве Бухарин неоднократно встречался с американским послом У. Буллитом, информируя о конфиденциальных дипломатических контактах Сталина и Гитлера.

В целом, в первые послереволюционные годы имела место тенденция назначения на ключевые должности Внешторга и иностранных дел функционеров с прочными зарубежными контактами. Такая практика устраивала обе стороны. Однако за границей эти люди попадали в сферу интересов не только финансовых кругов, но и спецслужб. Типичный случай приводит Э. Саттон, когда член президиума ВСНХ Ю. В. Ломоносов в ранге главы комиссии по закупке железнодорожной техники в САСШ получил «откат» в размере 25 тыс. долларов. Теперь уже широко известен зловещий курьез с «наследием» покойного Я. Свердлова. При выемке документов из его сейфа в кремлевском кабинете обнаружили золотые царские червонцы в сумме 108 525 руб., более 700 ювелирных изделий в камнях и золоте, а также несколько бланков заграничных паспортов, в том числе 7 полностью оформленных на разные имена. Еще один показательный пример — жена Зиновьева Злата Бернштейн, у которой при пересечении литовской границы обнаружили разного рода драгоценностей на многие миллионы.

Процессы 30-х советологи давно и прочно окрестили «политикой государственного антисемитизма». Ирония ситуации очевидна — достаточно перечислить подлинные фамилии большевистской элиты. В этом контексте весьма показательны слова Ленина из разговора с М. Горьким: «Умных мало у нас... Русский умник — всегда еврей или человек с примесью еврейской крови». Не удивительно, что согласно ленинскому критерию в наркоматах финансов, иностранных дел, Внешторге процент «умников» доходил до 90.

Г. П. Федотов писал:

«...Еврейство было силой, которая в эту эпоху вливалась в русскую интеллигенцию, усиливая ее денационализированную природу и энергию революционного напора...

Освобожденное духовно с 1880-х годов из черты оседлости силой европейского „просвещения“ еврейство оказалось максимально беспочвенно, интернационально по сознанию и необычайно активно...

Его ненависть к царской и православной России не смягчается никакими бытовыми традициями. Еврейство сразу же занимает в русской революции руководящее место».

Поэтому и процессы, и последующие чистки приобрели специфический антисемитский окрас, хотели того инициаторы или нет. Полуанекдот тех лет гласил, что «партийцы, желая подчеркнуть свою революционность, подражали членам Политбюро — Бухарину, Молотову, Рыкову, Ворошилову, Андрееву, Кирову, Калинин, Ежову и — ниже по рангу, женатым на еврейках, без исключения».

Излишне комментировать факт, что участие евреев в предреволюционной и революционной деятельности было не просто широчайшим, но подавляющим. В том, что национальный состав госаппарата новой России стал таким, а не иным, — «заслуга» не одного только Ленина. Дело в том, что после революции значительную часть прежних чиновников либо отстранили от деятельности тем или иным образом, либо они сами отказывались сотрудничать с новой властью. Естественно, что их «святые места» не могли оставаться пустыми, поэтому их сразу же заполнили евреи, многими тысячами осевшие в крупных городах после упразднения черты оседлости. Излишне говорить, что в деревню они не стремились. Мало где упоминается, что в 1918 г. образовался «Еврейский комиссариат», по сути — наркомат, фактически обозначивший исключительный статус российского еврейства. Когда перебирали состав большевистской элиты, было, что называется, некуда плюнуть, да и результаты ее деятельности в комментариях не нуждаются. Выдающиеся садисты на манер небезызвестной Р. Залкинд-Землячки наводняли все ответственные госструктуры. Показательный пример — осуществление продрозверстки типичными представителями новой власти — Моисеем Фрумкиным, Яковом Бранденбургским-Гольдзинским, Мироном Шейнфинкелем, Моисеем Колмановичем, Семеном Восковым. Можно утверждать, что развязанная Гражданская война — в значительной степени плод их стараний. Сформированные ими специальные отряды уголовников вычищали все закрома до зернышка, а несогласных подвергали изощренным казням. Например, помещали в ямы, заливали водой и живыми замораживали.

Истинная подоплека оппозиционной «борьбы уклонов» между сторонниками Троцкого — приверженцами «мировой интернационалистической революции» — и сталинистами, отстаивающими идею построения социализма в одной стране, фактически провела водораздел по своеобразному национальному признаку. По оглашению интернационализм не отрицался, но по умолчанию сталинская команда проводила политику опоры на наиболее широкие массы *русского* народа, тем более что

интернационализм Троцкого правильнее было бы именовать *интернацизмом*, практически в открытую декларирующим геноцид титульной российской нации. Да и кого персонально возможно обвинить в том, что более 90 % активно действующих врагов оказались евреями? Из песни слова не выкинешь.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 24 мая 1934 г. гласило:

«ВКП(б) должна временно отказаться от самого своего идейного существа для того, чтобы сохранить и укрепить свою политическую власть над страной.»

«Советское правительство должно на время перестать быть коммунистическим в своих действиях и мероприятиях, ставя себе единственной целью быть прочной и сильной властью, опирающейся на широкие народные массы в случае угрозы извне.»

Таким образом, все рассуждения об антисемитизме — инсинуации, притянутые за уши глобальной сионистской элитой. Сталин руководствовался исключительно прагматическими соображениями сохранения и укрепления существующей власти.

Р. Медведев писал:

«...это была реакция огромной славянской страны на интернациональные космополитические эксперименты 20-х и 30-х годов, которые игнорировали национальный фактор.»

Сталин просто поднял эту новую прослойку к власти: он не создал ее. Без всякого преувеличения можно рассматривать чистки 1936–1938 годов как один из последних этапов гражданской войны в России».

Невозможно оспорить, что сталинские чистки предотвратили ползучую колонизацию России, спланированную и успешно начатую мировыми глобалистскими кругами и их сатрапами в большевистской верхушке.

Антисталинистские подсчеты жертв репрессий поражают воображение. Как аппетит приходит во время еды, так и маниакальная тяга к разоблачениям периода перестройки и постперестройки перешла из категории аппетита в паталогическое обжорство. На этом фоне хрущёвский доклад выглядит легким фуршетом. Если в конце 80-х профессиональный диссидент Р. Медведев путем одному ему известных подсчетов пришел к цифре в 40 млн жертв, то уже в начале 2000-х Б. Немцов наскреб 150 млн. Правда, сюда он присовокупил и жертв Гражданской войны, поскольку его расчеты начинаются с 1917 г. То есть количество убиенных на 10 млн превысило общее число населения современной России. Таким образом, ни сам Немцов, ни все ныне живущие сегодня не существуют. Просто «навскидку», не вдаваясь в детали, можно сопоставить данные переписи населения 1914 и 1959 гг. в одних и тех же территориальных границах и увидеть прирост в 0,6 %. За тот же период в ведущих европейских державах прирост выразился в 0,4 %.

Тему большевистских концлагерей уже затерли до дыр, никогда не упоминая, что патент на изобретение этого явления принадлежит лорду Китченеру, а происхождение относится к временам Англо-бурской войны 1899–1902 гг. Именно тогда англичане придумали оригинальный способ борьбы с партизанами. Они собирали (концентрировали) местных фермеров, в основном женщин и детей, в определенных изолированных местах с целью лишить партизан снабжения продовольствием и любой другой поддержки. Мужчин отлучали от семей, отправляя в дальние колонии. В общей сложности в таких лагерях содержалось более 200 тыс. человек, или половина белого населения бурских республик, из которых около 30 тыс. умерли от голода и болезней. Так, в течение только одного 1901 г. умерли 2484 взрослых и 14 284 ребенка, а в лагере Йоханесбурга умерло 70 % детей в возрасте до 8 лет. В рамках запредельного британского цинизма лагерям присвоили официальное наименование “Refugee” (место спасения) с целью «обеспечения безопасности мирного населения бурских республик». Таким образом, как Троцкому, так и Гитлеру было, у кого учиться.

В 1997 г. в Париже вышла книга большого авторского коллектива под названием «Черная книга коммунизма», в которой, в частности, приводится следующее высказывание:

«Концентрационные лагеря для военнопленных существовали во время войны, как в России, так и в других воюющих государствах, но концлагеря для лиц гражданских — изобретение большевиков (уже летом 1918 г.)»

Уже одной этой фразы достаточно для понимания целеполагания авторов, так как трудно допустить, что освещая тему, они не потрудились заглянуть хотя бы в Википедию. После этого уже не вызывает вопросов переиздание книги на русском языке в 1999 г. с предисловием приснопамятного А. Яковлева «Большевизм — социальная болезнь XX века». Ему явно хотелось обозначить болезнь конкретно, но он почему-то сдержался. Почуввав манящий, сладковато-тошнотворный запах, не устоял и «Союз Правых Сил», осуществив 2-е издание, тиражом ни много ни мало 100 тыс. экземпляров, распространявшееся бесплатно; всё, как в песне: «мы за ценой не постоим».

Шестого февраля 1920 г. на IV конференции ВЧК Ф. Э. Дзержинский говорил:

«Мы против справедливости старой буржуазной, мы — марксисты, мы знаем, что человек есть таков, каким его создали условия, что злой человек — это продукт того общества, в котором мы живем и мы говорим, что надо изменить общественные условия, что тогда, когда не будет условий для роста этой злой воли, тогда не будет тюрем.

Вопрос о концентрационных лагерях — это вопрос о новых методах борьбы с тунеядством и уголовным спекулянтским миром, с одной стороны, а с другой стороны, это вопрос организации лучшего использования тунеядствующей рабочей силы в интересах республики.

Тот, кто не трудится, да не ест, и поэтому как метод борьбы с преступным миром мы должны избрать общий метод, не излавливания тех или иных отдельных лиц, а метод изолирования всех этих профессиональных воров и тунеядцев, и метод приучения их жить честным трудом, жить собственной работой. Эта работа и возлагается на лагеря.

Когда эти концлагеря были введены, то заметно уменьшилось количество преступлений, поэтому мимо вопроса концлагерей мы не должны проходить безучастно.

Затем сейчас с отменой террора возникает практический вопрос, каким образом прекратить рост бандитизма. Мы уже сейчас в Москве и Петрограде замечаем, что на улицах появляются убийства, ночью раздевают, мы возвращаемся к тем временам, когда Всероссийская ЧК приехала из Петербурга в Москву. И я предложил бы для того, чтобы успешнее бороться с этими бандитами, для них необходим террор, в смысле тюремного террора, где для них будут тяжелые условия, и это на них подействует в смысле воздержания от массовых убийств. Можно создать специальные отдельные корпуса в тех формах, где это возможно. Нужно сделать так, чтобы как в свое время ЧК действовала встряхивающе на каждого саботажника, точно так же надо и сейчас сделать так, чтобы имя какой-нибудь Лефортовской тюрьмы, предназначенной для бандитского элемента, было достаточно сдерживающим фактором».

Выступление легло в основу следующего документа:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА О КРАСНОМ ТЕРРОРЕ

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

*Народный Комиссар Юстиции Д. Курский
Народный Комиссар по Внутренним Делам Г. Петровский
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич
Секретарь Совета Народных Комиссаров Л.А. Фотиева».*

В то же время во всех местах заключения всех силовых структур большевиков по состоянию на 1922 г. содержалось около 150 тыс. человек, включая военнопленных и уголовников. Смертность в самом жутком лагере особого назначения на Соловках за период 1926–27 гг. составляла 6,2%. И это цифры объективной рассекреченной статистики. Каждый желающий может без труда отыскать их в открытом доступе. После принятия в 1922 г. нового уголовно-процессуального кодекса все концлагеря были ликвидированы.

Измышления о создании ГУЛАГа с целью использования дармовой рабской рабочей силы не укладываются в рамки элементарной логики. Чтобы это понять, достаточно самых поверхностных знаний подлинной, не мифологизированной истории. Постановление ВЦИК и Совнаркома от 26.03.1928 гласило, что в деятельности судов необходимо исправлять порочную практику в применении карательной и исправительной системы, ведущую к *«чрезвычайному росту числа осужденных, в особенности, значительному увеличению за последние годы числа осужденных на короткие сроки; недостаточное в связи с этим применение судами иных мер социальной защиты вместо лишения свободы»*. Рождение данного постановления было вызвано банальной причиной — некуда сажать. Дело в том, что большевики, исходя из марксистской теории, пребывали в убеждении (заблуждении), что с изменением политического строя неизбежно изменятся мировоззренческие установки людей и преступность резко пойдет на убыль. В этом заключалась ошибка идеалистов, не знакомых с базовыми положениями социальной психологии, исходящим выводом из которых, с учетом ситуации, становился рост преступности, и — многократный.

Кроме узких специалистов, мало кто знает, что до революции пенитенциарная система России носила весьма специфичный характер. Тюрем, в современном понимании, было очень мало, и они выполняли преимущественно функцию предварительного заключения. Имперская юриспруденция оперировала в основном такими категориями, как ссылка, каторга, высшая мера. В тюрьмах же содержались или подследственные, или мелкий уголовный элемент.

В марте 1917 г. вышел указ Временного правительства о всеобщей политической амнистии, по которому на свободе оказались около 100 тыс. заключенных, 2/3 которых — уголовники. Через десять дней последовало постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», целью которого ставился дополнительный призыв в армию, состоящий из освобожденных. Идиотизм решения сразу же повлек массовые дезертирства вооруженных уголовников, пополнивших ряды преступного мира послереволюционной России, борьба с которым легла на плечи большевиков. Если добавить к этому последствия Гражданской войны со всеобщим противостоянием, то цифры узников ГУЛАГа перестают поражать воображение.

Ориентация органов юстиции на перевоспитание выражалась в таких наивных установках, как «приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся». Но, согласно науке, число криминального элемента росло в геометрической прогрессии, забивая тюрьмы до отказа. Суды, во исполнение постановления, осуждали большое число уголовников на принудительные работы без лишения свободы. Так, в 1930 г. более 50 % лиц, совершивших тяжкие преступления, оставались без содержания под стражей. Ситуация реально выходила из-под контроля, и именно поэтому к 1931 г. был создан ГУЛАГ. Анализ и обобщение секретных документов внутренней отчетности НКВД свидетельствуют, что единовременное количество заключенных за весь сталинский период не превышало 3 млн человек. Что касается так называемых «репрессированных», то их доля не составляла и трети от содержащихся в ГУЛАГе. Некоторое пополнение произошло после войны за счет разного рода изменников и пособников.

Расхожая байка, понятно кем сочиненная, что в сталинские времена «одна половина сидела, а вторая охраняла», не может подлежать какому-либо вменяемому обсуждению. Согласно статистике население СССР в 1920 г. составляло 137 727 тыс. человек, а в 1951-м — 182 321 тыс. Заметим: период, охватывающий половину Гражданской и всю Вторую мировую. Какие-либо комментарии уже излишни, но для чистоты статистики легко подсчитать, что за 30-летний период было осуждено 2 % населения страны, или 0,06 % в год. Еще более впечатляет такое сравнение: в сталинский период на 100 тыс. человек приходилось 583 зека (по всем статьям), а в «лихие 90-е» только по уголовным статьям приходилось 647 сидевших на те же 100 тыс. человек. И, наконец, современность. Сегодня в США 2 085 620 заключенных (кстати, включая и политических, что бы там ни вещала «демократическая» пропаганда), что составляет 714 зеков на 100 тыс. В сегодняшней «тоталитарной» путинской России соотношение 532 на 100 тыс.

Нелепость масштаба репрессий, рисуемого разоблачителями, очевидна даже без приведения статистических данных. Автор этих строк, рожденный на заре «оттепели», в семье, ни в малейшей степени не политизированной, с малых лет слышал различные разговоры старших о недавних «страшных» временах. По мере взросления отрывочные детские воспоминания постепенно сложились в некий расплывчатый, но целостный метарассказ, в котором центральную сюжетную линию составляли пересказанные впечатления третьих-четвертых лиц. То есть «кто-то кому-то рассказывал, что у кого-то кого-то за что-то арестовали». Иными словами, факты репрессий имели место, но «где-то и с кем-то». Чаще всего рассуждения сопровождались стандартным недоуменным комментарием: «Надо же, мы ведь тогда ничего не знали!..» В стране царил «массовый общенациональный террор», а обыватель пребывал в полном неведении!

В этом смысле умиляют некоторые конъюнктурные творения современных кинематографистов в форме невольного саморазоблачения. Эти люди, в основном молодые, изображают жизнь той поры либо в виде откровенной чернухи, либо в лубочном стиле соцреализма, где по ходу сюжета в кульминационный момент всеобщей идиллии по героям вдруг ударяет неумолимый молот тоталитарного беззакония, а вокруг продолжается опереточный карнавал беззаботных советских граждан — этакой дебильной толпы, не подозревающей о творимых властью бесчинствах. Вот уж, воистину — творцы, подобные унтер-офицерской вдове!

Если следовать логике цифр, называемых разоблачителями, то репрессии должны были затронуть если не каждую семью, то — каждую третью, а люди почему-то не замечали, что повсеместно пропадают соседи, пустеют предприятия и улицы городов. С оперативной точки зрения, для обеспечения изоляции и нейтрализации такого количества фигурантов число активного оперсостава должно быть как минимум вдвое больше задержанных. Это вполне вписывается в избитую байку о «половине сидевших и половине охранявших». Но тогда возникает вопрос: а кто же тогда вообще работал? Кто воплощал гигантские программы индустриализации, кто кормил трудящихся на грандиозных стройках или, в конце концов, сидящих в лагерях? А где содержались многие миллионы арестованных? Куда делись тысячи квадратных километров зон с бараками, по существу — огромные города в глухих районах страны?

Грандиозность абсурда гарантировала его неусомнительность. Все в точности по науке доктора Геббельса. Народ не догадывался о масштабах репрессий, пока ему об этом не рассказали. Но как рассказали? Доклад Хрущёва на XX съезде назывался «О культуре личности и его последствиях». Его генеральная линия выдержана именно в этом ключе. Пожалуй, единственная цифра, названная в докладе — это 10 млн заключенных на момент смерти Сталина. И всё. Казалось бы, этот абсурд должен был с лихвой покрыть запросы «падальщиков», но их аппетиты начали расти непомерно: трупов требовалось всё больше и больше.

Псевдосекретность доклада закономерно породила волну слухов в толпе, по аналогии базарной паники: «карман разрезали!» — «зарезали!» — «всю семью вырезали!» На эту плодородную почву, удобренную вторичным продуктом интеллектуальной жизнедеятельности «пятой колонны», уютно легли сфабрикованные советологические конструкции.

А до этого народ ни о чем не догадывался. Иначе как объяснить всеобщее потрясение смертью «кровавого тирана»? Сегодня еще живы люди — очевидцы тех дней, и все они, вне зависимости от личных политических предпочтений, расценивают убийство вождя как всенародное горе. Событие имело планетарное значение, поэтому стало главной темой всех мировых СМИ, в которых приводились свидетельства граждан западных стран

о том, как кондукторы общественного транспорта обращались к пассажирам: «Встаньте господа. Умер Сталин».

Социальные психологи и поныне, забыв о профессиональном достоинстве, изобретают псевдонаучные объяснения реакции социума, шарахаясь из метафизики и религиозного фанатизма в аналогии «стокгольмского синдрома». Подобную методологию даже нельзя назвать поиском простых ответов. Это — поиск удобных ответов. Теория обожествления как основы вселенской трагедии смерти — прямое следствие непонимания русской ментальности. Социальное воплощение ницшеанского «Бог умер» мы уже рассматривали в предыдущей главе на примере Перуна. Обоснование всеобщей «промывкой мозгов» изобретено значительно позже, в эпоху, когда такая методика уже действительно утвердилась, и сегодня доведена до совершенства. Идеология способна вести адептов на митинги, но она не может пронизать все слои населения. О. Берггольц писала:

Обливается сердце кровью...
Наш любимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
Плачет Родина над Тобой.

Арестованная по ложному доносу в 1938 г., подвергнутая жестоким избиениям на допросах, потерявшая не рожденного ребенка и мужа, эта женщина могла написать только то, что чувствовала. Обвинить ее в умственной ущербности, а тем более в раболепстве перед властью, кощунственно.

Трагедия похорон дала богатую почву для инсинуаций. Конечно же, предприятия и учреждения направлялись на церемонию по разнарядкам, но общее количество людей на улицах превысило 2 млн человек, несмотря на то что тысячи приезжих прямо на вокзалах блокировались и отправлялись в обратном направлении. Очевидно, что любые разнарядки были излишни. Прощаться с вождем вышла вся способная самостоятельно передвигаться Москва.

Главный козырь либералов в дискуссиях о преимуществах и недостатках той или иной общественно-политической формации — противопоставление динамизма либерально-демократической модели костности и неповоротливости советской. Надо признать, что концептуально либералы стопроцентно правы, особенно исходя из их девиза по умолчанию «цель — ничто, движение — всё». Но именно здесь и кроется главное: социализм по-большевистски определяет конкретные (возможно, в идеале — и недостижимые) цели, придавая тем самым жизни каждого активного члена общества глобальный, духовно и нравственно обоснованный смысл. Либерализм же не предлагает ничего, кроме пресыщения и нравственного распада. Здравомыслящая, психически адекватная часть общества всегда стремится к стабильности. Часть общества перманентно пассионарная

(любого уклона), психо-троцкистская, жаждет «великих потрясений», обнаруживая латентный диагноз множественной личности, желающей сидеть, лежать и бежать одновременно. Маниакальная потребность движения в никуда — отличительная черта либеральной демократии.

С другой стороны, отсутствие динамизма общественного развития советской модели привело к феномену «застоя». В 70-е гг. прошлого века в СССР произошло ровно то, чего стремился избежать Сталин в 30-х. Для него было очевидно, что на очередном витке истории вывести страну в мировые лидеры с забронзовевшей партийной бюрократией нечего и мечтать. Общественные процессы периода так называемого «большого террора» — предмет глубочайшей аналитической работы. На первый взгляд может показаться удивительным, что даже после XX съезда львиная доля фактологии сталинской эпохи оставалась недоступной для изучения. Еще более удивительно, что уже в 90-х, после снятия большинства грифов, углубленным изучением вопроса занялись лишь единицы, и те из них, кто подошел к исследованиям непредвзято и лично отстраненно, подверглись всесторонней обструкции. Характерно, что сокрытие подлинной исторической фактологии жизненно необходимо российским псевдоэлитам всех времен. Показательно, что в российском понятийном аппарате термином «реформы» определяются лишь разрушительные явления, а всё созидательное и стабилизирующее позиционируется как «контрреформы». Однако гол в ворота реформаторам всех времен: единственная удавшаяся модернизация России — сталинская, и пусть делают с этим, что хотят.

Ситуация второй половины 30-х гг. диктовала необходимость поиска новых путей. История подтвердила блестящие аналитические способности Сталина — необходимость уплотнения векового развития в десятилетний срок. Для сталинской команды стало очевидно, что прежний внешнеполитический курс чреват внешним уничтожением государства. Большинство старых партийцев, изначально не обладавших гибкостью мышления и широтой интеллекта, уперто придерживались курса на мировую революцию в полном соответствии с клиническими признаками психотроцкизма. Процессы «забронзовелости» в первую очередь поражали мозги старых ленинских гвардейцев, поэтому в яростных адептах троцкизма недостатка не было.

И. А. Бенедиктов пишет:

«Среди старой партийной гвардии, сумевшей „зажечь“ и поднять массы на Октябрьскую революцию, оказалось немало, говоря ленинскими словами, „святых и безукоризненных болванов“, которые умели „важничать и болтать“, но не умели работать по-новому, с учетом стоящих перед страной задач».

Если следовать логике и базовой аргументации антисталинистов, то вся оппозиция должна была быть или пересажена, или расстреляна,

а это — более половины партийного аппарата. Действительно, под категорию вредителей попадали, прежде всего, нерадивые хозяйственники, бездарные руководители, бюрократы, рвачи — те самые «старые большевики», не желавшие «перековываться» и наносящие зачастую реальный вред. Но сталинская группа, вопреки логике антисталинистов, пошла путем, совершенно крамольным по тем временам, и внесла на рассмотрение закон о выборах — всеобщих, прямых, тайных и альтернативных. И это была настоящая бомба. Сталин отдавал себе отчет, что всех переснимать и пересажать невозможно, поэтому именно такие выборы могли решить назревшую проблему. Выдвигать в депутаты предполагалось любого, даже священников. Когда на Пленуме ЦК в 1937 г. раздались негодующие возгласы, он невозмутимо ответил:

«Если выберут, значит — недостатки нашей идеологической работы. Значит, так хочет население, и мы ничего поделать с этим не можем».

Идея ограничения власти с последующим полным отстранением от нее партноменклатуры вызревала у Сталина еще с 1933 г. В январе 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) он говорил:

«Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, отсутствие ответственности — вот где источник наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности. <...> Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков...»

Новая избирательная система предполагала выдвижение кандидатов из любых общественных организаций, равное представительство всех слоев населения, восстановление прав «лишенцев». При подготовке Конституции Вышинский совместно со Сталиным провели через Политбюро решение об освобождении крестьян, осужденных по статье «трех колосков». Всех их освободили со снятием судимости и возвращением избирательного права. Virtuозный тактический ход был рассчитан именно на то, что эти люди никогда не отдадут голоса чиновникам, упрятавшим их за решетку. Тогда-то Хрущёв и представил списки на восемь с лишним тысяч «кулаков» Подмосковья, понимая, что ни о каком переизбрании нечего и мечтать. Для этого и была задумана новая Конституция. В своей книге Ю. Жуков опубликовал уникальный документ — избирательный бюллетень для выборов в Верховный Совет от 6 марта 1937 г., в котором обозначены три фамилии кандидатов.

Попытка протащить подобные инициативы представляется либо крайней степенью идеализма, либо чистым безумием. Сталин рисковал не только должностью, но и самой жизнью. Новая Конституция в корне меняла все основные положения прежней, тем самым ставя автора под удар обвинений в отходе от марксистской идеологии. Отстранение от должности и даже исключение из партии по обвинению в ревизионизме и оппортунизме на тот момент особенной проблемы не представляли, но

оппозиционная партократия (ставшая таковой практически в одночасье) избрала более изощренный путь.

В докладе XX съезду Хрущёв возлагает на Сталина личную ответственность за «физическое уничтожение» троцкистов. Однако здесь имеет место трагикомический аспект. В марте 1937 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин выступил с разоблачением троцкистов. Но и здесь, следуя своим принципам, не призывал не только к репрессиям против этих откровенных врагов, но и каким бы то ни было преследованиям. Объясняя подрывную деятельность всего лишь идеологической незрелостью, внес предложение о создании курсов для партийных работников с целью повышения их политической грамотности. Кроме того, предупредил однопартийцев о недопустимости «стричь всех под одну гребенку» и потребовал индивидуального подхода к каждому. Комизм же ситуации в том, что Хрущёв почти слово в слово повторил слова Сталина, но уже от своего имени. Природная интеллектуальная ущербность не дала ему возможности хоть как-то перефразировать сталинское выступление. С подлинной же ролью троцкистского подполья мы уже имели возможность ознакомиться, и ставить Сталину в вину можно лишь излишнюю мягкость.

Последствия сталинского доклада стали весьма неожиданными. Основной состав Пленума — первые секретари обкомов и республик. Говоря о повышении уровня политической грамотности, Сталин имел в виду именно их, рекомендуя на время обучения подобрать достойных заместителей. Однако те восприняли рекомендации генсека в точности согласно закону Паркинсона. Опасаясь конкуренции, они развернули репрессивную методику, сочиняя небылицы об активизации вражеских элементов и бывших ссыльных кулаков. На очередном Пленуме они уже требовали чрезвычайных полномочий для расстрельных приговоров и высылки в лагерь. Сам Хрущёв бесновался в первых рядах «борцов с контрреволюцией». Что же касается дела Рыкова и Бухарина, то из документов Пленума следует, что предложение Сталина — ссылка (даже не арест!). Будённый, Ежов и целый ряд членов Политбюро настаивали на расстреле. Впоследствии хрущёвская пропаганда перевернула этот эпизод с точностью до наоборот. Подлинная стенограмма Пленума дождалась издания только в середине 1990-х.

На июльском 1937 г. Пленуме секретарь Западно-Сибирского крайкома Роберт Эйхе подал в Политбюро предложение об организации т.н. «троек» для оперативного пресечения подрывной деятельности сосланных кулаков. Масштабность право-троцкистского заговора только на первый взгляд выглядит нереальной. В действительности большинство первых секретарей и других функционеров почувствовали, как под ними зашаталось кресло. Приписываемая Сталину «борьба с собственным народом» на деле была войной, объявленной некомпетентной номенклатуре, трясущейся за свои теплые насиженные места. Страх потерять власть

и вылететь в «рядовые граждане» толкал их на все те преступления, которые пропаганда приписала Сталину.

Нет никакого сомнения, что предложение исходило не от самого Эйхе персонально, а подготавливалось заранее и тщательно широким кругом первых секретарей, для которых новая конституция означала конец неограниченной власти на местах. Именно этому кругу должностных лиц были необходимы действенные рычаги управления в виде ширококомаштабных репрессий. Не оставалось внакладе и НКВД во главе с Ежовым, получая обширный оперативный надел. Но, наряду с этим, сбрасывать со счетов фактор пятой колонны тоже было бы опрометчиво. Напряженная внешнеполитическая обстановка постоянно напоминала об опасности внешней агрессии, в случае которой массовый мятеж сотен тысяч подвергшихся разного рода притеснениям элементов представлял серьезную угрозу, поэтому определенная зачистка электората становилась насущно необходима.

В июле 1937 г. в органы регионального партийного руководства и НКВД были разосланы телеграммы с решением Политбюро № П51/94 «Об антисоветских элементах». Властям на местах отводилось 5 дней на статистическую подготовку к фильтрационным мероприятиям и отправку материалов в Москву. Особым усердием отличился первый секретарь Московского обкома Хрущёв. Он умудрился насчитать у себя в области 41 305 кулацких элементов, из которых 8,5 тыс. предлагал расстрелять, а остальных депортировать. Сегодня широко известны реакция лично Сталина на такое рвение и его размашистая резолюция: «Уймись, дурак!»

Тем не менее 30 июля свет увидел секретный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Надо сказать, что стараниями партноменклатуры на местах первоначально намеченные квоты были многократно превышены. Старая ленинская гвардия стремилась гарантированно перестраховаться, даже несмотря на то что в приказе Ежова лимиты по всем категориям репрессируемых были существенно урезаны. Сам ход реализации репрессий красноречиво продемонстрировал всю чудовищность плодов деятельности властно уполномоченной черни, воспринимающей указания, спущенные свыше в меру собственного морально-этического уровня. Вчерашние члены комбедов, громившие крестьянство, сегодня действовали теми же умственно и нравственно доступными методами. Председатели троек, в стремлении перещеголять друг друга в показателях, устраивали настоящие соцсоревнования. В центр шли запросы об увеличении лимитов согласно стахановским принципам. О качестве следственных действий говорить излишне. Доказательной базой могло послужить всё что угодно — от портрета царя, до охотничьего ружья. Вменять в вину властям как в центре, так и на местах можно и нужно многое. Однако ни одним распоряжением или циркуляром не предусматривалась широчайшая

кампания доносительства, захлестнувшая массы. Более 3 млн добровольных доносов на родителей, соседей, начальников... Не только заурядная и хоть как-то объяснимая человеческая трусость, но и зависть, месть, а то и примитивная любовь к стукачеству как искусству, побуждала массы вчерашней черни строчить доносы. Занять лишнюю комнату в коммуналке, земельный участок, возделенную должность — любое лыко шло в строку. Пещерное мышление стукача не могло совершить самую примитивную экстраполяцию, как в известной оперной арии: «Сегодня ты, а завтра я...»

Задумывался ли кто-нибудь, как немцы стали самой законопослушной нацией в Европе? Гитлеровское законодательство диктовало обязательное доносительство на врагов рейха. Но люди упорно не «стучали». Тогда ввели систему вознаграждений: за донос — премия в размере месячной ставки рабочего. Но народ по-прежнему безмолвствовал. И власти начали сажать за всё, даже за окурок, брошенный мимо урны. На правах легенды известна история, когда штурмовики СА вывели из трамвая безбилетников и расстреляли — наступило подлинное торжество закона. На все последующие времена. А теперь представим, что бы произошло в СССР, если бы «кровавый сталинский режим» оплачивал каждый донос? Что немцу хорошо, то русскому...

Расщепление логики профессиональных антисталинистов обнаруживается в двух не стыкующихся аргументах. Если Сталин действительно обладал неограниченной властью, для чего ему были нужны широкомасштабные репрессии? Потребность в массовом терроре возможна с целью устрашения масс для приведения их в безусловное повиновение. Но если вождь — уже суверен, при упоминании имени которого всё сущее трепещет и содрогается? Популярное утверждение, что он — маньяк и паранойк — сегодня уже работает скорее по отношению к утверждающим. Но 37 год был, из песни слова не выкинешь. Ответ на вопрос «*cui prodest?*»⁸⁷ всегда лежал на поверхности и именно поэтому оставался не замечен.

Сталин и его ближайшие соратники понимали цель и значение создания троек. Эта затея ставила жирный крест не только на организации альтернативных выборов, но и на весь проект политической реформы, потому что завершение намечаемой репрессивной акции планировалось точно к началу выборов по новому сценарию.

Ю. Жуков пишет:

«Массовые репрессии обязательно должны были сопровождать, создавая угрожающий фон, всю избирательную кампанию — и выдвижение кандидатов, и агитацию в их поддержку, и сами выборы».

Малочисленная команда Сталина противостоять всей массе партноменклатуры не могла, но и просто так сдаваться было не в их правилах. И тогда по противнику ударили его же оружием.

---

⁸⁷ Кому выгодно? (лат.)

Комментирует Ю. Жуков:

«Сегодня уже трудно усомниться в том, что репрессии первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов стали неизбежным и логическим развитием давнего противостояния с реформаторами, сталинской группой, перешедшего с мая 1937 г. в новую фазу — безжалостную и кровавую».

Сегодня невольно возникает вопрос: к каким результатам могли бы привести задуманные Сталиным демократические реформы в случае их успеха? С большой долей вероятности можно предположить, что трудности, ожидающие реформаторов на этом пути, могли быть сопоставимы с послереволюционными.

Ю. Жуков пишет:

«С каждой неделей, с каждым днем узкому руководству приходилось убеждаться в несостоятельности задуманной демократизации страны, неготовности населения принять и использовать только в собственных интересах новую систему выборов».

И дело здесь не только в крайней нервозности общей атмосферы на фоне проводимой репрессивной операции. Политтехнологии любой избирательной кампании на демократических принципах во все времена и у всех народов идентичны, что уже рассматривалось в главе о выборах Бориса Годунова и в чем мы не перестаем убеждаться по сей день. Если сегодня традиционная война компроматов чревата лишь испорченной репутацией, то в 30-х на кону стояла свобода и сама жизнь. Любой партийный функционер мог подвести под «вышку» конкурента без особого труда. Очевидно же, что никакие альтернативные выборы в атмосфере психоза, порожденного деятельностью троек, состояться не могли.

Но, так или иначе, логика исторического процесса вскоре потребовала серьезных изменений в уродливой юриспруденции, поэтому в октябре 1938 г. Политбюро сформировало специальную комиссию, в которую вошли вновь назначенный заместитель Ежова Берия, Вышинский, Маленков, Рыжков. В их задачу входила выработка новых положений УПК, и уже 15 октября на утверждение в Политбюро поступил проект директивы, предусматривающей немедленно приостановить деятельность троек, военных трибуналов и военной коллегии Верховного суда. Проект был принят решением Совнаркома и ЦК партии за подписью Сталина и Молотова. 25 ноября Берия сменил Ежова на посту руководителя НКВД, против которого возбудили дело о злоупотреблениях в исполнении его же приказа № 00447, а 4 февраля 1940 г. его расстреляли. Авиаконструктор Яковлев вспоминал слова Сталина о Ежове: «...многих невинных погубил». Документы свидетельствуют, что невинные жертвы — побочный продукт антигосударственной деятельности поделщиков, проводивших подготовку терактов против руководства страны, а репрессии — средство отвлечения внимания от истинных врагов.

(Документы по делу Ежова дождались издания лишь в 2006 г. Помимо массовых убийств и пыток имеются документальные подтверждения участия в заговоре, шпионаже в пользу Германии, фактическом уничтожении внешней разведки, подготовке физического устранения Сталина и последующего госпереворота. Любопытная деталь: даже сегодня большая часть документов, касающихся процессов 30-х гг., остается засекреченной, несмотря на то, что большинство из них были открытыми. Казалось бы, в контексте проводимой политики было бы логично обнародовать все свидетельства сталинских злодеяний, но этого не произошло ни в период либерального угара 90-х, ни теперь.)

Ноябрьская директива содержала краткий анализ операции репрессирования. Наряду с положительными оценками мер против бухаринцев, троцкистов, кулаков и антисоветчиков, в директиве выражалось острое осуждение деятельности НКВД и прокуратуры за «серьезные нарушения революционной законности», совершенные врагами, внедрившимися в органы. Вслед за этим Берия инициировал чистку в НКВД, в результате которой более 7 тыс. сотрудников были уволены и около 1,5 тыс. арестованы. С должностей снимали всех руководителей районного и республиканского масштаба, а самых высокопоставленных расстреляли. Кроме того, были приговорены к расстрелу наиболее ретивые члены троек: 47 сотрудников НКВД, 67 партийных функционеров и 2 прокурорских работника. Эффект бумеранга сработал неумолимо. В свою очередь Берия инициировал реабилитацию большого числа репрессированных.

Роберт Терстон в книге «Жизнь и террор» пишет, что приход Берии в НКВД ознаменовал наступление «поразительного либерализма». Пытки прекратились, а подельники Ежова пошли под суд.

(Представляет интерес факт нашей современности. То, что книга Терстона не издавалась в СССР, еще можно понять. Но попробуйте набрать в интернете имя автора и увидите, что информация о нем почти полностью отсутствует, а домены с предлагаемыми для скачивания работами вошли в государственный реестр запрещенной литературы и заблокированы. Не наводит ни на какие размышления?)

Материалы комиссии Поспелова⁸⁸ свидетельствуют, что количество арестов 1939–40 гг. сократилось по сравнению с 1937–38 гг. на 90 %, а число расстрельных приговоров упало ниже 1 %. Берия инициировал сотни уголовных дел и последующих судебных процессов в отношении виновных в репрессиях, пытках и фальсификациях. Естественно, что об этих цифрах Хрущёв в докладе не обмолвился ни словом. Исследователи Н. Петров, М. Юнге, Р. Бинар, А. Гетти приходят к единому выводу,

---

⁸⁸ Партийная комиссия, известная как «комиссия Поспелова», была создана 31 декабря 1955 г. для выяснения вопроса о политических репрессиях против руководящих партийных, государственных и военных деятелей.

что, готовясь к XX съезду, Хрущёв уничтожил беспрецедентное количество компромата на себя и поделщиков. Подтверждает это в одном из интервью и его бывший референт В. Фалин, который рассказал, что за год до съезда в архивы были направлены 200 сотрудников НКВД с целью изъятия любого компромата, связанного с репрессиями и лично Хрущёвым. О том же свидетельствует и В. Семичастный в своих мемуарах.

Так был ли Сталин диктатором? Для ответа на этот вопрос не требуется никакой особой осведомленности. Достаточно даже поверхностно изучения документов, находящихся сегодня в широком доступе, чтобы увидеть: единоличная и безраздельная власть Сталина — еще один миф. Показательно откровение Ю. Жукова, который, работая с рассекреченными архивными документами, вдруг осознал, что открывает для себя космос. Все его предыдущие представления о конструкции власти в СССР были не более, чем прикосновением мягкой кисточки к многослойному пластику, под которым скрыта истина:

«И когда я прочитал, то, как Колумб, для себя открыл новый континент».

Вопреки тщательно сформированному мнению, Сталин не только не обладал неограниченной властью, но и никогда к ней не стремился. Властная система сложилась таким образом, что еще с ленинского периода главой государства (и де-факто, и де-юре) являлся председатель Совнаркома. Ленин же в партии был всего лишь членом Политбюро, поэтому и ему, и впоследствии Сталину приходилось отдельные решения буквально «протаскивать», «пропихивать», отвоевывать, и далеко не всегда это удавалось. С момента смерти Ленина до 1930 г. во главе страны стоял Рыков. Но развернувшаяся внутривластная склока между «правыми» во главе с Бухариным и «левыми» во главе с Троцким обескровила оба уклона, поэтому Сталин, мудро взирая на схватку со стороны, постепенно стал выходить на первый план. «Уклонисты» тоже не зевали, пытаясь всячески сравнять Сталина со своими противниками. Сталин, не имевший еще ни достаточного веса, ни авторитета и не желающий ввязываться в склоку, подал тогда заявление об отставке в первый раз. Пленум отставку отклонил, но это не стало для него карт-бланшем: до конца своих дней в должности он вынужден был вести непрерывную борьбу за каждую инициативу и далеко не всегда одерживать победу. Позднее, уже в 1944 г., при поддержке Молотова и Маленкова, он вынесет на Политбюро проект постановления, согласно которому партия отстраняется от прямого руководства экономикой, военными вопросами, культурой. За ней остается лишь идеологическая и кадровая деятельность. Проект был с треском провален. Всякий раз, когда сталинские инициативы затрагивали интересы партноменклатуры, они подавлялись на корню.

Ощущения Сталина, его поразительные предчувствия, переходящие в твердую уверенность Второй мировой войны, — тема отдельного изуче-

ния с позиций метафизики. Возможно ли было каким угодно способом просчитать все промежуточные этапы становления советского Левиафана в векторе целей глобальных игроков, даже обладая полным набором концептуальной информации? Поверить в это трудно. Видимо, по этой причине возникла целая плеяда псевдоисследователей, «убедительно» доказывающих далеко идущие, экспансионистские планы Сталина. Сегодняшнее их «знамя» — Суворов-Резун (не к ночи будь помянут!) — сочинил на эту тему подлинный бестселлер для слабоумных. Восторженное восприятие толпой подобных изысканий полностью на совести традиционной исторической псевдонауки, выстроенной целиком на интерпретациях. Невольно вспоминается Т. Гоббс со своей теорией сознания как «чистого листа». Сегодня любому, даже самому беспристрастному исследователю с традиционным вузовским образованием чрезвычайно трудно «дойти до самой сути», потому что «чистый лист» уже порядком испан. Для непредвзятого восприятия необходимо либо вымарывать написанное, либо стирать ластиком, но и в том, и в другом случае нарушается структура бумаги-основы, а на любой основе с нарушенной структурой невозможно выстроить ничего качественного. Единственная продуктивная методология — вдумчивое и обстоятельное прочтение документов, сохранившихся в изобилии и сегодня вполне доступных, сбор и анализ конкретных фактов, выстроенных в строгую логическую последовательность, и категорическое неприятие любых интерпретаций, пусть даже самых авторитетных.

Несмотря на то что «проект Троцкий» провалился, Просветитель, верный генеральной стратегии, продолжал реализацию плана тем инструментарием, который имелся в наличии. Изменились условия, но сценарий оставался прежний — мировая социалистическая революция, но уже в ходе освободительной войны против Гитлера в Европе. Именно в этом и состояла марионеточная роль германского фюрера, разыгрываемая «втемную». По этой причине в продолжение всего периода вплоть до Второй мировой войны СССР стал местом паломничества представителей авторитетной западной интеллигенции и перспективной сферой деятельности иностранных специалистов различных отраслей. Надо признать, что отзывы об увиденном формировали на Западе весьма благосклонное отношение к нашей стране. Этому в немалой степени способствовал и тот факт, что согласно уголовному кодексу «антисемитизм» в СССР квалифицировался как особо тяжкое преступление. Практически во всех странах буржуазной демократии Запада существовала весомая оппозиция исторически сложившемуся общественно-экономическому укладу с безраздельным господством еврейского кланового надгосударственного банковского ростовщичества. Значительная часть этой оппозиции носила ярко выраженные националистические черты олигархического толка и, таким образом, являлась по сути прогитлеровской «пятой колонной».

Это наглядно подтвердила европейская кампания рейха. Мощная национал-социалистическая оппозиция существовала даже в США, Аргентину же в предвоенные годы вообще можно смело причислить к заокеанскому штату Третьего рейха. Для дискредитации идеи национального самосознания Гитлер приходился как нельзя более кстати, потому-то глобальные игроки и пестовали его как любимое дитя, накачивая финансами и ресурсами. Его основным предназначением определялось доведение Германии до оголтелого нацизма с последующей зверской агрессией против СССР, разительно отличающейся от процесса «мягкой» оккупации Европы. Исходя из этого, освободительная миссия Красной армии становилась морально оправданной, а любые проявления национального (националистического) самосознания европейских народов подводились под аналогию национал-социализма и должны были вызывать яростное отторжение в социумах.

Для признания факта манипуляции необходимо осознавать, что Германия к *мировой* войне была совершенно не готова, а уж *Drang nach Osten* являлась авантюрой в чистом виде. Гитлер это понял очень скоро, но, к сожалению, не настолько, чтобы можно было что-то изменить. Уже в августе 1941 г. на совещании генералитета в штабе генерал-фельдмаршала фон Бока он выслушивал доклады командующих группировками о том, что в первые недели войны они потеряли более половины танков и живой силы, а наступление на Москву без немедленного пополнения невозможно. Гудериан, находясь в крайне подавленном состоянии, говорил:

«Мой фюрер! Моей великой армии больше нет. Большевики вложили ее в землю».

Гитлер с досадой ответил:

«Как жаль, что я не послушал вас, когда вы пытались уговорить меня не нападать на Россию, утверждая о ее военном могуществе. Меня подвел этот мерзавец Канарис, сумевший убедить, что у русских фанерные танки. Если бы у меня было хоть малейшее представление о гигантских силах Красной армии, я бы никогда не принял решение о нападении на Россию».

В этом наглядно продемонстрирован яркий пример абсолютизации власти, когда решения принимаются единолично и не подлежат обсуждению.

Излишне говорить, что после капитуляции Германии авторитет СССР в мире стал непререкаем, и причиной тому стал не только разгром нацизма, но и доказательство преимущества социалистической плановой экономики в годы подготовки к войне, в ходе самой войны, а также в процессе послевоенного восстановления. Весьма показательно, что одновременно с началом тотальной дискредитации социализма и активной поддержкой антисоветских сил по всей зоне интересов СССР на Западе повсеместно стали внедряться многие явления, доказавшие свою эффективность, как в Советском Союзе, так и в гитлеровской Германии. Это и регулирование

государством макроэкономики, и внедрение системы социального обеспечения, и многое другое.

Тем не менее «железный занавес» опустился, и это явление, на первый взгляд, не имело никакого логического объяснения, потому что и после революции, и в ходе всего предвоенного социалистического строительства Запад тесно сотрудничал с СССР во многих сферах, а особенно — в научно-техническом направлении, чему не препятствовала даже длительная дипломатическая изоляция. Ответ на этот вопрос может быть только один: Россия в очередной раз вышла из-под контроля Просветителя. Дело в том, что в конце XIX — начале XX в. социализм и коммунизм представлялись глобальным игрокам именно теми инструментами, при помощи которых станет, наконец, возможно уничтожение российской цивилизации. Еще В. О. Ключевский, в меру своего понимания, дал исчерпывающую характеристику грядущей формации:

«Общество праведного общежития, составленное из негодяев».

Поэтому активное содействие строительству социализма виделось верным средством приведения страны к вожделенному краху.

Но Россия — на то и Россия, чтобы ломать стереотипы. Хотя «проект Троцкий» и был дезавуирован, но психотроцкизм представляет собой в прямом смысле заразное заболевание, методы лечения которого неизбежно должны сочетать хирургию с химиотерапией. Безусловно, вред всему организму наносится колоссальный, но тогдашняя политическая медицина других методов не знала. Впрочем, не знает и теперь, тем более что эффективность лечения подтвердилась в ходе войны: поддержка агрессии «пятой колонной» носила крайне ограниченный, эпизодический характер.

Излюбленной темой записных гуманистов уже много лет является советско-германский пакт о ненападении 1939 года. Разглагольствования о безнравственности сотрудничества с фашистским режимом имеют под собой двоякую основу. Когда подобные высказывания звучат из уст публичных политиков — это не более, чем популистская болтовня, рассчитанная на обывательскую ограниченность толпы и на определенную реакцию определенных либерально-демократических кругов. Когда же это произносят профессиональные политологи — это не что иное, как грубое лицемерие с целью моральной поддержки глобальных элит.

Событие договора 1939 г. для осуществления плана глобализаторов представляло реальную угрозу. Создававшийся посредством пакта мощнейший евразийский блок грозил похоронить на неопределенное время доминирование США и Великобритании не только на континенте, но и в общемировом масштабе. Несмотря на несостоявшуюся дальнейшую реализацию сотрудничества, договор всё же на какое-то время оттянул спровоцированный конфликт, внеся тем самым существенные коррективы в сценарий Просветителя.

В задачу данной работы не входят рассмотрение и опровержение укоренившихся мифов о «внезапном» нападении и «просчетах» Сталина накануне и в первые дни войны. Единственное, что позволяет формат темы, — безапелляционно заявить, что никакого «внезапного» нападения не было. Мощнейший аналитический аппарат советской разведки, как и личной стратегической разведки Сталина, держал ситуацию под полным контролем на всех этапах ее развития. (Здесь уместно упомянуть затасканный историками псевдофакт донесения Р. Зорге, которому Сталин якобы не поверил. Но уже в начале 2000-х доподлинно было установлено: «сообщение Зорге» — очередная фальшивка, сработанная в начале 1960-х.)

Сталин, располагая полным объемом концептуальной информации, оставлял для Гитлера открытую возможность изменения глобального политического сценария вплоть до 22 июня, и, более того, уже после начала военной операции его представители пытались связаться по радио с представителями Гитлера в тщетной попытке вернуть фюреру чувство реальности.

Разработка психотипа Гитлера показывала, что, несмотря на обладание такими качествами, как сильная воля и незаурядные умственные способности, ему присуща паталогическая уверенность в собственной гениальности и сверхъестественной интуиции. Следствием этого являлось неумение анализировать реальность: он видел лишь то, что хотел видеть. Вместе с тем, по свидетельствам собеседников, нередко удивлял их энциклопедическими знаниями, поскольку каждую свободную минуту посвящал чтению. В своей книге «Майн кампф» он пишет:

«Искусство чтения, так же как и сам процесс обучения, состоит в следующем: запомнить главное и забыть всё лишнее».

(Как ни парадоксально, но именно это качество легло в основу неприятия Муссолини, считавшего Гитлера компилятором и выскочкой, извратившим до неузнаваемости основные идеи доктрины фашизма).

Ну а лучшей его мировоззренческой характеристикой представляется такая фраза:

«Земля как переходный кубок стремится попасть в руки сильнейшего. Вот уже многие тысячелетия на этой земле идет непрерывная борьба».

За несколько дней до заключения пакта в одном из выступлений он заявил буквально следующее: «Величайшая драма приближается к кульминации. Для достижения политических и военных успехов необходимо пойти на риск», — чем привел в ужас начальника службы экономики и вооружений генерала Г. Томаса, который немедленно настроил на его имя докладную:

«Скоротечная война и скоротечный мир — полнейшая иллюзия. Нападение на Польшу приведет к мировой войне, для ведения которой Германия не имеет ни сырья, ни продовольствия»,

Действительно, по выкладкам германских военных аналитиков текущий ресурс металла ограничивался одним годом ведения войны, каучука — до полугода, столько же углеводов. Но уже за день до подписания пакта на совещании генералитета в Берхтесгадене Гитлер вещал:

«Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет он правдоподобным или нет. Победителя не будут потом спрашивать, говорил ли он правду. Мы не должны бояться блокады. Восток обеспечит нас хлебом, мясом, углем, свинцом и цинком. Это великая цель, и она требует огромных усилий».

Агентурные донесения подтверждали, что как Англия, так и Франция помогать Польше против Германии не намерены. Их главная цель на текущем этапе максимально придвинуть немецкие войска к границам СССР. МИД Великобритании проинформировал свое посольство в Москве, что никаких англо-советских договоров заключено не будет. Программа-максимум — столкнуть между собой СССР и Германию. Поэтому подписание пакта 23.08.1939 вызвало в Лондоне настоящую панику.

В то же время США, Англия и Франция форсировано наращивали военный потенциал Германии. Свыше 50% импорта стратегического сырья поступало из этих стран, и они же в кратчайшие сроки построили немцам более 300 крупных военных заводов. Таким образом, военное производство Германии за один только предвоенный 1940 г. увеличилось на 2/3, а по сравнению с 1932 г. — в 22 раза! США скупали акции ведущих немецких концернов и производили для Гитлера основные стратегические материалы, поставляли нефтепродукты. Из 90 млрд марок, израсходованных в ходе подготовки к войне, более 70% — кредиты США, Англии и Франции.

В мае 1941 г. состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовали все должностные лица, так или иначе имевшие отношение к обороне. Заседанию был придан статус особой секретности, всем присутствовавшим запрещалось делать какие-либо записи. Стенограмму заседания в единственном экземпляре вел Поскребышев. Содержание стенограммы не оставляет сомнений: советское руководство располагало всей полнотой информации о грядущей агрессии и ее истинных вдохновителях. Сталин говорил:

«Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. В это, конечно, трудно поверить, так как Германия ни в экономическом, ни в военном отношении сегодня к войне с Советским Союзом не готова. Однако от таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам давно известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии. Англо-американская агентура делает

в Германии всё, чтобы как можно скорее бросить Германию на Советский Союз. <...> Во время переговоров в Москве между тремя делегациями: английской, французской и советской — об организации коллективного отпора агрессии со стороны фашистской Германии выяснилось, что английская и французская делегации умышленно затягивают переговоры и не имеют поручений от своих правительств заключать какие бы то ни было военные соглашения о совместных действиях с Советским Союзом в случае агрессии со стороны Германии. В это же время мы узнали, что английское правительство, наряду с переговорами с нами, ведет одновременно тайные переговоры с Гитлером, предлагает немцам, за нашей спиной, заключить пакт о ненападении и разделить между Германией и Англией территорию Советского Союза и Китая.

Суть этой политики понять не сложно. Стравить в военном конфликте Германию и Советский Союз, чтобы самим стоять в стороне и, как это свойственно англичанам, загребать жар чужими руками. Они надеются, что после взаимного истребления Германией и Советским Союзом друг друга, сохранив свои вооруженные силы, станут безраздельно и спокойно господствовать в мире».

Предельно лаконичный доклад Жукова содержал характеристику родов войск, из которой видно, насколько проблемной была ситуация с обороной. В апреле 1941 г. пехотные войска начали комплектоваться по штатам военного времени, но, чтобы довести количество бойцов в дивизиях до необходимого, требовалась всеобщая мобилизация.

Танковая промышленность развивалась невиданными темпами. С 1932 по 1938 г. производство возросло более чем в три раза, однако многие заводы установленный план попросту не вытягивали, и вооружение войск новейшими видами техники шло медленнее необходимого.

Жуков отметил, что Главное артиллерийское управление халатно относится к укомплектованию войск «катюшами», и в свойственной ему категоричной форме потребовал принятия немедленного решения об их массовом серийном производстве.

Когда Молотов высказался в том смысле, что все эти вопросы Жуков должен в первую очередь задать самому себе, Сталин отреагировал резко:

«Подожди! Жуков — начальник Генерального штаба всего несколько месяцев. Он не может отвечать за оставленное ему наследство. Этот вопрос, пожалуй, следует, прежде всего, задать нам с тобой...»

В докладе Хрущёва вся ответственность за провальный результат начала военной кампании 1941 г. возложена целиком на Сталина:

«Как видите, игнорировалось всё: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. <...> Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937–1941 гг. в результате подозрительности Сталина по клеветническим обвинениям

истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников».

От первого до последнего слова ложь. Читаем стенограмму. Сталин:

«Армии недостает сегодня опытных командирских кадров. В ходе своевременного и правильного очищения наших Вооруженных сил от проникшей в них иностранной агентуры товарищ Ворошилов и его заместители по Наркомату обороны явно перестарались. Доверившись „информации“, которую получали от бывшего наркома НКВД Ежова, уволили из Вооруженных сил около 40 тыс. опытных командиров, якобы за политическую неблагонадежность. Большинство было уволено под прикрытием ставшими модными лозунгов: за связь с врагами народа или за потерю бдительности..»

Товарища Ворошилова, конечно, можно понять. Потеря бдительности — дело крайне опасное. Однако, чем бы ни оправдывали увольнение 40 тыс. командиров из Вооруженных сил, это мероприятие не только чрезмерное, но и крайне вредное во всех отношениях. Центральный комитет партии поправил товарища Ворошилова. К январю 1938 г. в армию и на флот возвращено 11 тыс. ранее уволенных опытных в военном деле командиров».

«Российский исторический журнал» № 1 за 1999 г. опубликовал экспертные исследования по теме «Действительное влияние репрессий 1937–38 гг. на офицерский корпус РККА». Результаты показали, что кадры, пришедшие на замену, оказались значительно выше по уровню военного образования и опыту участия в боевых действиях.

В известной директиве, разосланной всем военным советам округов 21.06.1941, отдается четкий и конкретный приказ о проведении необходимых мероприятий по отражению нападения. Но мало кто из исследователей обращал внимание на существенный нюанс. Первым пунктом предписывалось:

«1. В течение 22–23.6.41 года возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий».

Скорее всего, директива дошла до адресатов только к концу дня субботы и допускала условный временной зазор — «22–23.6.41» Несмотря на напряженную обстановку последних дней, сбрасывать со счетов фактор предвыходной расслабленности нельзя.

Пункт 3б предписывал:

«Перед рассветом 22.6.41 рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать».

Отсюда понятно, почему почти вся наша авиация была уничтожена на местах базирования. Не успели. Хотя логика подсказывает, что «перед рассветом» все экипажи должны были быть у машин в готовности к перемещению. Но не взлетели и сопротивления не оказали. Халатность?

И, наконец, пункт 2, вызывающий и по сей день нескончаемые дискуссии:

«Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать осложнения. Одновременно войскам (перечисление округов) быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

Япония, согласно существующему договору, должна была выступить на стороне Германии в случае нападения Советского Союза. Поэтому советское руководство старалось не предоставлять Гитлеру ни малейшей возможности права требовать от Японии выполнения обязательств. Более того, уже после начала боестолкновений правительство СССР сделало блестящий тактический ход. По поручению Сталина Молотов обратился к властям Японии по открытой линии с просьбой о посредничестве в урегулировании возникшего конфликта. Таким образом всему миру было продемонстрировано истинное положение вещей, а США и Великобритания, хотели они того или нет, автоматически становились союзниками СССР по антигитлеровской коалиции.

Отбросив все существующие аналитические выкладки историков, необходимо признать: *в июне 41-го страна к войне еще не была готова*. Не была готова недовооруженная армия, не была готова военная промышленность. Поражающие воображения статистические цифры роста оборонного потенциала в предвоенные годы говорят лишь о чудовищном, пещерном состоянии советской экономики в посленэповские годы, если даже при форсированной десятилетней модернизации страна не успела достичь необходимого уровня. Сталин был абсолютно прав, говоря о 50–100 годах отставания. За 10 лет было достигнуто невероятно много, нереально, но всё же недостаточно. Дважды был прав Сталин, говоря о десяти годах форы. И трижды прав, противостоя Бухарину. Избери он другой вектор развития, и СССР действительно бы смели. Поэтому все риторические вопросы о первых месяцах войны и отступлении до Москвы беспочвенны. Наполеону так и вообще ее сдали. Красная армия начала наращивать успех лишь после того, как в полную силу заработал военно-промышленный комплекс тыла. Осень 1942 г. ознаменовалась коренным переломом в оснащении новейшей техникой, в количестве, а главное — качестве личного состава. Армия училась побеждать. Но, что бы ни говорили злопыхатели о первых днях войны, лучше всего об этом сказали сами немцы. Генерал Гудериан, потерявший в первые недели большую часть своих ударных соединений, писал в дневнике:

«Еще Фридрих Великий сказал о своих русских противниках, что их нужно дважды застрелить и потом еще толкнуть, чтобы, наконец, упали. В 1941 г. мы были вынуждены убедиться в том же самом. Эти солдаты стойко защищали позиции, на которые были поставлены. И их нужно

было либо убить, либо взять в плен в результате рукопашной схватки, но сдавались они редко».

Притчей во языцех стало количество пленных в 1941 г. В. Н. Земсков, в объективности и скрупулезности подсчетов которого усомниться трудно, вывел поистине чудовищную цифру — 3,5 млн человек. Если цифра соответствует действительности, то причины произошедшего — тема отдельного исследования, но генерал-полковник А. Йодль на Нюрнбергском процессе давал показания о событиях октября 1941 г. под Вязьмой:

«Окруженные русские армии оказывали фанатическое сопротивление, несмотря на то, что последние 8–10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев и попали в плен уже в таком истощении, когда едва могли передвигаться».

А еще 29 июня, на восьмой день войны, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер записал в дневнике:

«Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека, лишь местами сдаются в плен».

А его заместитель, генерал Блюментритт, на совещании штабистов говорил:

«В первые дни наступления на Россию мы убедились, что имели дело с совершенно новым солдатом, обладающим невероятной стойкостью в бою».

Но, наряду с этим, стратегические таланты и ответственность генералитета в полной мере проявились в те же первые дни, когда выяснилось, что подавляющая часть указаний и распоряжений Сталина, касающихся обороны рубежей, не была выполнена. Это объясняет его решение взять общее командование в свои руки. Хотя Гальдер 26 июня записал:

«На стороне противника, действующего против группы армий „Юг“, отмечается твердое и энергичное руководство».

Запись в дневнике Геббельса от 24 июня гласит:

«Противник сражается хорошо. <...> Русские защищаются мужественно. Южный фронт отчаянно сопротивляется и имеет хорошее командование».

Уже в августе 1941 г., посетив штаб фон Бока, Гитлер констатировал:

«Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Если удастся убрать Сталина, у них всё развалится. Наша задача разбить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Надо отметить, что навязчивая идея «убрать Сталина» не оставляла Гитлера ни на минуту. Архивы советской контрразведки содержат множество документов, свидетельствующих о постоянной и планомерной

подготовке устранения Сталина. Благодаря одноименному фильму наибольшую известность приобрела тегеранская операция 1943 г., но мало кому известно, что ее провал был обусловлен виртуозным внедрением в группу О. Скорцени нелегала личной стратегической разведки вождя.

Позиция же «союзников» в продолжение всей войны была закономерно мерзкой. Американские аналитики еще в июле 1941 г. поспешно «попали пальцем в небо», спрогнозировав успех блицкрига уже к августу. Широко известно иезуитское высказывание Г. Трумэна в бытность его еще сенатором:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, мы должны помочь Советскому Союзу. Если же увидим, что выигрывает Советский Союз, надо помочь Германии. И пусть они убивают друг друга как можно больше».

«Безумие думать, что злые не творят зла». Три четверти века минуло с тех пор. Все эти годы США — бессменный наемник Просветителя — добросовестно «исполняли мерзости» его по всему миру, а мир поклонялся ему и внимал. История цивилизации показала, что яблоко с древа познания дает лишь *познание*, но не наделяет способностью *различения*. Такую способность дает только Бог, но мало кто принимает этот дар. Цена непринятия баснословна, и платить ее приходится всем — и правым и виноватым. Германия потеряла во Второй мировой войне около 14 млн людей, не принявших дар различения. Около полумиллиона жертвенных агнцев положили США, заработав на этом кровавом спектакле суммы, не поддающиеся точному исчислению. Просветитель расплатился щедро, как и всегда расплачивается с теми, кто готов продаваться.

ПРЕЛЮДИЯ

*...все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь,
ибо написано: «поражу пастыря,
и рассеются овцы стада».*

Мф. 26: 31

Смерть Сталина явилась для государственных элит, прежде всего, избавлением от состояния перманентного страха. И дело совсем не в деспотизме хозяина. Хотя он действительно «держал всех за горло», но большинству объективно было чего бояться. Уже в июле 1953 г. на Пленуме ЦК Маленков сделал следующее заявление:

«Никто один не смеет, не может и не хочет претендовать на роль преемника. Преемником великого Сталина является крепко сплоченный, монолитный коллектив руководителей партии».

Когда вождь еще доживал последние часы, ближайшие соратники уже вовсю делили власть. И. Бенедиктов вспоминал:

«Сталин в конце 1952 г. подобрал достойного, с его точки зрения, преемника на должность председателя Совета министров СССР. Я имею в виду Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, в тот период сравнительно молодого первого секретаря ЦК компартии Белоруссии, который во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего.

Документ о назначении П. К. Пономаренко председателем Совета министров СССР был завизирован в феврале многими членами Президиума ЦК: В. М. Молотовым, Л. З. Мехлисом, М. Д. Багировым, Д. Т. Шепиловым, но смерть Сталина помешала выполнению его воли».

По утверждению Бенедиктова, главным противником был Маленков, в последние годы фактически исполнявший обязанности генерального секретаря. Когда же должность уже первого секретаря перешла к Хрущёву, тот немедленно подстраховался, услав Пономаренко в Казахстан, а затем — послом в Польшу, а потом в Нидерланды.

Выбор Сталина основывался на результатах, достигнутых Беларуссией в послевоенные годы. Новаторские методы управления промышленностью и сельским хозяйством в особенности приносили неожиданные и многообещающие результаты. Укоренившийся в сознании элиты страх перед вождем закономерно экстраполировался на преемника, а взаимное недоверие продиктовало решение о формировании некоего коллективного органа по привычной аналогии прежних триумvirатов. Пост первого секретаря оставался за Хрущёвым, Совмин застолбили за Маленковым, МВД оставался в ведении Берии.

Но главное опасение номенклатуры состояло не в конкретной персоне Пономаренко, а в потенциальной возможности воплощения им тех замыслов, которые Сталин прямо озвучил еще в 1949 г., о чем говорилось выше, и которые нашли косвенное подтверждение в его выступлении на XIX съезде КПСС в октябре 1952 г.

Речь Сталина съезд насторожила. Во-первых, ни разу не прозвучало имя Ленина. Во-вторых, несколько раз повторялось словосочетание «русские коммунисты». И в-третьих, зарубежные компартии именовались не иначе, как «братскими». Наконец, сам факт публикации вызывал множество вопросов. Доклад вышел из печати только в декабре и под заголовком «Речь на XIX съезде партии». Наименование «коммунистическая» отсутствовало. По свидетельствам нескольких осведомленных и заслуживающих доверия источников тех лет, Сталин собственноручно вычеркнул его из верстки. Его предложение об увеличении состава Политбюро прозвучало настолько безапелляционно, что прошло сразу же. Таким образом, вместо девяти прежних, новый состав насчитывал 25 членов и 11 кандидатов, а сам орган переименовывался в Президиум ЦК. Думается, комментарии излишни, тем более что открывшиеся вакансии заняли молодые сталинские кадры. Но «гвоздем программы» явилось уже известное намерение возложить всё государственное управление на Совет министров, оставив за партией лишь идеологическое обеспечение. Свою мысль он развил на последующем Пленуме ЦК, так же в категоричной форме *предложив* прекратить практику механического увеличения численности партии:

«Стране и партии нужны проверенные, преданные нашей идее и нашему делу люди, патриоты и *профессионалы*, а не те, кто с помощью членства в партии заботится о своей карьере (курсив мой. — Г. Е.)».

Именно на этом Пленуме личность Пономаренко обрела новое значение: он стал зампредом Совмина по сельскому хозяйству, а также членом Бюро и Президиума. В ЦК получил посты члена Президиума и секретаря.

Этот Пленум, состоявшийся 16 октября 1952 г., знаменателен уже тем, что содержал последнее в жизни Сталина выступление. Мероприятие было закрытым, и на сегодняшний день остается неясным: либо стенограмма не велась изначально, либо отсутствует по другим причинам. Как источник в доступе имеется публикация в 18-м томе ПСС, но она не пол-

на. Существует, однако, весьма ценное свидетельство очевидца-участника, писателя К. Симонова. Как свойственно всем впечатлительным творческим натурам, его воспоминания изобилуют авторскими интерпретациями и носят крайне эмоциональный характер, но если оперировать лишь фактологической частью, то вырисовывается весьма любопытная картина. Как в свое время Ленин в известном «Письме к съезду», так и Сталин в докладе фактически озвучил свою последнюю волю, дав характеристики ближайшим соратникам, представлявшие собой, по сути, политический приговор Молотову и Микояну. Первому вменялась в вину политическая близорукость, а также лоббирование передачи Крыма под еврейскую национальную автономию с подачи жены:

«Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под „шартрезом“ на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это — грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть Еврейская автономия — Биробиджан. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это — вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклонили его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчужиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо».

А друзья у нее, действительно, были специфические — представители истеблишмента Израиля, сотрудники посольства США и ряда западных стран. Учитывая, что с 1947 г. Молотов возглавлял службу внешней разведки, непродолжительное время пребывавшую под вывеской «Комитета информации при Совете министров СССР», приведенные Сталиным факты в самом щадящем варианте тянули на полное служебное несоответствие.

Перл Карповская стала Полиной Жемчужиной в возрасте 22 лет в Харькове по причине перехода на нелегальную работу. Особа, интересная во всех отношениях. Общие наблюдения показывают, что есть в еврейских женщинах нечто такое, что привлекает натуры пассионарные и авантюрные. Либо эти женщины обладают безошибочным внутренним чутьем на перспективных кандидатов. Так или иначе, но юная Перл в 1918 г. вступила в РКП(б) и стала политработником 12-й армии. В 1921 г. вышла замуж за В. Молотова и близко сошлась с Надеждой Аллилуевой. В январе 1939 г. стала наркомом рыбной промышленности. Примечательно, что в продвижении по карьерной лестнице полностью отсутствовал протекционизм, а сам Молотов крайне негативно относился к служебным амбициям жены.

В самом начале 1942 г. в СССР образовывается Еврейский антифашистский комитет. Организация, так же интересная во всех отношениях. Официальная версия его создания — просоветская пропаганда в среде мирового еврейства. Комитет и создавался под эгидой Совинформбюро под руководством Соломона Лозовского, замминистра иностранных дел и будущего деда небезызвестного в 90-х Максима Бойко, ближайшего сподвижника А. Чубайса. Помимо влияния на мировое общественное мнение, комитету вменялась организация политической и материальной поддержки СССР в войне против нацизма. Но самое интересное в том, что созданием этой общественной организации от начала и до конца занимался НКВД. Из этого следует, что истинные цели создания были куда более глубже официально декларируемых. В этом комитете с самого его основания активно трудилась товарищ Перл. И партийные, и оперативные органы, естественно, держали под контролем обширные связи жены министра иностранных дел, не предпринимая, до поры, активных действий. Последней каплей стало событие ноября 1948 г., когда на приеме в МИДе в честь годовщины революции Жемчужина в разговоре со своей близкой приятельницей Голдой Меир демонстративно перешла на идиш, провозгласив: «Я дочь еврейского народа». Это объясняло многое. Например, каким образом американским спецслужбам становились известны многие партийные и государственные тайны, которые Молотов банально выбалтывал жене. Последствия логичны, хотя и запоздалы: в декабре Жемчужину исключили из партии, а в январе арестовали с формулировкой «за преступную связь с еврейскими националистами».

Вскоре и супруг загремел с должности. Надо отметить, что все фигуранты отделались на удивление легко. Жемчужина получила 5 лет ссылки, а Молотов — так и вообще, по сути, проскочил (опять же, к вопросу о кровожадности Сталина). Показательно, что уже в середине 60-х она сказала Светлане Аллилуевой:

«Твой отец — гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и, когда началась война, партия и народ были едины. Теперь больше нет революционного духа, везде оппортунизм».

К. Симонов пишет:

«При всем гнве Сталина, в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой, но каким-то своим оттенком, пожалуй, еще более злой и неуважительной. В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица...»

За отсутствием стенограммы трудно делать выводы о существе претензий к Микояну. Симонов, отдавшись воле эмоций, не привел конкретных доводов, однако, исходя из анализа психотипа личности Анастаса Ивановича, можно не сомневаться, что его извечно скользкая позиция по любым вопросам импонировать Сталину не могла никак. Внося предложение о формировании нового органа — Бюро Президиума ЦК КПСС, Сталин не упомянул ни одного, ни второго. Таким образом, руководящее звено составили Маленков, Булганин, Берия и Хрущёв.

Все эти сигналы не могли не вызывать тревоги в среде партийной элиты. Известная работа Сталина 1952 г. «Экономические проблемы социализма в СССР» еще более усиливала опасения номенклатуры. Там он прямо указывал, что в руководстве имеют место серьезные разногласия в понимании марксизма и путей социально-экономического развития.

У этой работы интересная предыстория. Многолетние теоретические наработки подвели Сталина к мысли о необходимости создания нового учебника политэкономии. Рабочая группа, состоящая из ведущих советских экономистов, трудилась под непосредственным руководством вождя, который лично редактировал некоторые разделы. Авторы отмечали: «Общение со Сталиным на эти темы оставляло ощущение, что имеешь дело с человеком, который владеет темой лучше тебя».

Несмотря на это, он почему-то настоятельно не рекомендовал авторам упоминать где бы то ни было о своем участии в работе. Однако перед самым съездом всё же передал в «Правду» для публикации «Экономические проблемы...», представлявшие собой сжатый конспект нового учебника. Идеи, содержащиеся в работе, были поистине революционными, а решение о публикации можно объяснить осознанием необходимости обозначения вектора дальнейших целей непосредственно перед съездом.

Помимо теоретического обоснования экономического реформирования, в тексте содержалась мысль исключительно концептуального свойства:

«Я думаю, что главу „Марксистское учение о социализме, создание В. И. Лениным и И. В. Сталиным политической экономии социализма“ следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника. ...Необходимо... добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии.

Что требуется для этого? Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно, прежде всего, сократить рабочий день, по крайней мере, до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение. <...> Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления. Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму».

В целом, доклад Сталина явился знаковым событием, проскочившим мимо внимания большинства историков. Своим выступлением он как бы ставил жирную точку на свежих еще обломках психотроцкизма с люциферианской программой мировой революции, на борьбу с которой он положил всю свою политическую жизнь. Легко проследить хронологически, как из названий зарубежных партий начали раз за разом исчезать определения «коммунистическая», а понятие национального суверенитета обретать подлинный смысл. Национальный аспект, дискредитированный Гитлером с подачи глобальных игроков, должен был вернуться в СССР в виде образования русских национальных автономных округов в целом ряде союзных республик. То, что вольно или невольно прошло и проходит до сих пор мимо внимания историков, не осталось незамеченным многими зарубежными лидерами, такими как де Голль, Франко, Чан Кайши и многими другими, утверждавшими, что своей речью на съезде Сталин навсегда похоронил идею мировой революции, возродив другую — национально-государственного суверенитета. А предшествовали этому кон-

кретные и недвусмысленные действия — роспуск Коминтерна и смена государственного гимна, в котором теперь ключевыми словами стали «Великая Русь». Идея «интернационала», как лукавый камуфляж глобализации, оставалась за бортом истории.

Весь комплекс предпринимаемых шагов имел глубокий концептуальный смысл и являлся своего рода реваншем за итоги Второй мировой войны. Многие косвенные факты указывают на то, что триумфальную победу СССР Сталин оценивал как личное поражение. Подоплека такого невероятного, на первый взгляд, вывода, как и вся история Второй (да и Первой) мировой войны, заключена в ответах на четыре вопроса, которые также по непонятным причинам игнорируются официальной исторической наукой.

1. Почему парад Победы в Москве состоялся не 22 июня, что было бы абсолютно логично, а *демонстративно* двумя днями позже?

2. Почему парад принимал не Сталин как Верховный главнокомандующий, а Жуков?

3. Почему Сталин не принял как заслуженную награду звезду героя и никогда ее не надевал?

4. Почему 9 мая стало государственным праздником лишь при Брежнев, в 1965 г.?

Вся логика управленческой стратегии, начиная с «года великого перелома», не оставляет ни тени сомнения: Сталин не только не сомневался, что война будет, но знал более или менее точные сроки ее начала, и делал всё возможное и невозможное, чтобы их отодвинуть максимально. Очевидность неизбежности войны, так или иначе, допускала некоторые корректировки сценария, которые советская дипломатия сумела внести, но глобальный замысел всё же осуществился, хотя и не совсем в запланированном варианте. Революция не стала мировой, но ее прообраз, призрак воплотился в вынужденно созданном «социалистическом лагере» — своеобразной мине замедленного действия. Он отлично понимал, что данная дьявольская партия изначально была беспроигрышна, так как даже самый выдающийся игрок ни при каких обстоятельствах не сможет выиграть у шулера. Единственное, что можно сделать в такой ситуации, — свести к минимуму проигрыш. Мина — всего лишь инструмент. Она срабатывает при определенном воздействии, представляя опасность для обеих сторон конфликта, поэтому Варшавский договор был жизненно необходим.

Уже в мае 1945 г. союзники определили свою стратегию. Заместитель госсекретаря США Д. Грю открыто заявлял: «Будущая война с Россией так же неизбежна, как сама реальность. Она может разразиться в ближайшие годы».

Победа была. Тяжелейшая, невероятной цены, но — чисто тактическая. Стратегически же победили глобализаторы, поэтому и парад демонстративно перенесли на два дня позже, и принять звезду Сталин

не считал возможным, испытывая чувство личной вины за несметные жертвы, вынужденно положенные на алтарь Просветителя. В войне победили военные, но не политики, поэтому и парад по праву принимал победитель-военный. День Победы люди праздновали. После рядового рабочего дня все спешили домой к праздничным столам или в клубы и дома культуры на торжественные вечера. В городах гремели салюты. Народ заслужил этот праздник. Народ, но не *государство*. И этими четырьмя составляющими Сталин демонстрировал закулисным глобализаторам всю степень своей осведомленности и всю глубину личного презрения к ним.

Но и заинтересованные круги на Западе понимали, что Сталин *понимает*. В апреле 1946 г. А. Даллес инструктировал советское подразделение своей разведки в Европе:

«Коммунистическая партия со времени Ленина адресирована на механическое, бездумное следование за лидером. Этим надо воспользоваться. Достаточно внедрить на место генерального секретаря ЦК ВКП(б) козла-provокатора (известно, как овцы на бойне послушно идут за таким козлом), как коммунистическая партия Советского Союза послушно пойдет за ним в пропасть».

Сказано это через месяц после «фултонской» речи У. Черчилля.

Как уже однажды говорилось, не важно, существовал ли в реальности пресловутый «план Даллеса», важно, что он действует. Так или иначе, но «козел-provокатор» появился в нужное время в нужном месте. И именно от этого пытался уберечь партию Сталин в 1952 г., спеша провести тотальное кадровое обновление.

Одно из коронных обвинений в его адрес — подавление внутрипартийной демократии. Но вся ирония в том, что при всем желании подавлять было нечего. Никогда никакой демократии внутри партии не было. Она изначально создавалась как «инструмент осуществления политической воли узкого круга лиц». Обозначалось это нелепым, по сути, термином «демократический централизм». Таким образом, Сталин подавлял не демократию, а борьбу личных амбиций узкого круга вождей, претендовавших на истинное толкование учений Маркса и их реализацию в СССР. Партия коснела, бронзовела, управляла жизнью общества и государства, влезала во все сферы хозяйственной деятельности, не обладая при этом ни необходимыми знаниями, ни минимальным профессионализмом. По этой причине очередной после 1939 г. XIX съезд состоялся лишь в 1952 г. В рамках существующей структуры роль съезда в жизни страны представлялась Сталину нулевой. Единственное, чему могли способствовать съезды, — это поддержание культов вождей (или их развенчанию, как это произошло уже на следующем). Тринадцатилетний перерыв, вместивший события глобальной значимости, еще более укрепил Сталина в необходимости создания новой программы партии.

Показательно, что феномен возникновения Хрущёва в качестве первого лица государства никогда не вызывал серьезных вопросов у политологов и историков. Состоявшийся факт, по большей части, никак не комментировался, как будто никого не удивляла такая разительная перемена в парадигме лидерских персоналий. А между тем ретроспективный взгляд на всю человеческую цивилизацию демонстрирует непреложный постулат: лицо главы государства в каждый отдельный момент истории — концентрированное отражение сущности самой нации. И неважно, монарх это или избранный президент. Вся степень величия или ничтожества нации отражена в личности, ее возглавляющей. Скажите, кто ваш вождь, и я скажу, кто вы.

На самом деле никакого феномена здесь нет. Сталин вышел на первые роли не по причине высочайшего интеллекта или аппаратного таланта. Признанные, харизматичные, влиятельные революционные вожди его элементарно «прохлопали». Грубый нацмен непрезентабельной внешности с выраженным акцентом и незаконченным церковным образованием не мог быть конкурентом на внутривластном поприще. На упоминавшейся сходке в канун его смерти всей верхушкой владело лишь паническое стремление обезопасить собственную шкуру. Пост генерального секретаря упразднили, а первый секретарь становился всего лишь главой партийного аппарата. Рядом с такими зубрами, как Маленков и Берия, маленький лысый клоун не привлекал ничего внимания.

В СССР проблема смены власти всегда возникала так же неожиданно, как и зима. Сталин, трезво отдавая себе отчет в своем физическом состоянии, на Пленуме уже в который раз честно предлагал однопартийцам подобрать себе замену. Как, впрочем, впоследствии и Брежнев. Но аппаратные интриганы, меряя всех и вся своим аршином, везде видели подвох. К. Симонов, как истинный «инженер человеческих душ», тонко уловил драматизм момента:

«Сталин, стоя на трибуне и глядя в зал, заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены. Он может продолжать нести свои обязанности Председателя Совета Министров, может исполнять свои обязанности, ведя, как и прежде, заседания Политбюро, но он больше не в состоянии в качестве генерального секретаря вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой последней своей должности он просит его освободить, уважить его просьбу... Сталин, говоря эти слова, смотрел в зал, а сзади него сидело Политбюро, и стоял за столом Маленков, который, пока Сталин говорил, вел заседание. И на лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, — а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознававшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту

просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже и из-за спины Сталина слова: «Нет, просим остаться!», или что-то в этом духе, зал загудел словами: «Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!» Не берусь приводить всех слов, выкриков, которые в этот момент были, но, в общем, зал что-то понял и, может быть, в большинстве понял раньше, чем я. <...> Маленков понял сразу, что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста генерального секретаря, что эта просьба — прощупывание отношения пленума к поставленному им вопросу: как, готовы они, сидящие сзади него в президиуме и сидящие впереди него в зале, отпустить его, Сталина, с поста генерального секретаря, потому что он стар, устал и не может нести еще эту, третью свою обязанность... И почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков; во что бы это обошлось вообще, трудно себе представить».

Симонов, как продукт своего времени, мыслил теми же категориями, тем более что эти строки писались спустя много лет после XX съезда, свернувшего набекрень многие мозги.

Хрущёв виделся самой безопасной фигурой после Сталина. Так же представлялся и Брежнев после Хрущёва. По тем же принципам назначался Черненко. Фигуры, замышлявшиеся как временные, переходные, застревали в отведенных нишах и либо затевали собственную игру, либо, впадая в возрастной маразм, становились удобными символическими монуменстами, пока «скоропостижно» не умирали. Известно: в России нет ничего более постоянного, чем временное.

А между тем страна бурно развивающейся науки, покорившая космос, неудержимо проваливалась в социальную яму. Необходимо признать, что бериевская амнистия 1953 г. явилась настоящей диверсией, цинично подкинутой хрущёвской администрации. Страной овладел, без преувеличения, криминальный террор, так как на свободу вышли около 54 % всех зеков. Процент убийств, изнасилований, разбойных нападений зашкаливал за пределы понимания. Уличная преступность стала настолько обыденным явлением, что люди перестали обращаться в милицию. В криминальной практике возникло совершенно новое явление — «антимилицейские бунты». Любые мало-мальски активные действия правоохранительных органов провоцировали вспышку насилия, четко организуемого матерыми уголовниками. Но самым тревожным было другое. В. А. Козлов пишет:

«Поистине взрывной характер имела волна антисоветских листовок и критических писем анонимного происхождения. За 1960–1962 гг.

в СССР было распространено 34 600 подобных документов, в том числе 23 213 листовок — абсолютный рекорд за всю историю Советского Союза. Сильнейшим ударом для властей стало то, что среди обнаруженных органами ГБ авторов этих листовок и воззваний почти 35 процентов составляли рабочие, а 50 процентов авторов были моложе 30 лет. Правящая элита почувствовала, что идеологическая опора режима — рабочие и молодежь, склоняются к оппозиционным настроениям и действиям.

За 1961 г. КГБ провел аресты членов 47 подпольных антисоветских групп в больших и малых городах страны — такое количество „подпольщиков“ и „сетей заговорщиков“ энкавэдисты разоблачали только в самые пиковые годы сталинских репрессий. А уже в первом полугодии 1962-го органы госбезопасности вскрыли 60 таких групп!

Даже в Москве на улице Горького появились листовки: „Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра“. По российской глубинке пошла гулять целая анонимная брошюра „Объединяйтесь вокруг Христа — большевики повысили цены“ (здесь надо подчеркнуть, что столь непопулярные ценовые новшества властей сопровождалась еще и параллельным закрытием 30 процентов оставшихся церквей и монастырей, а также увеличением в 47 раз налогового бремени православной церкви)».

Произошла уникальная метаморфоза перехода психотроцкизма из латентной фазы в активную, но с обратным знаком. В воззваниях речь шла отнюдь не о мировой революции и тем более не о реставрации буржуазного уклада. Основным лейтмотивом проходила несостоятельность существующей экономической системы, бедственное положение рабочих и колхозников, отсутствие социальной справедливости и призывы к борьбе с «привилегированным классом коммунистов-угнетателей». Более или менее широкую известность приобрели события в Новочеркасске. Но мало кому известно, что аналогичные выступления произошли более чем в 30 крупных городах, а также практически во всех целинных совхозах. Ситуацию усугубляла возникшая из небытия безработица. Амнистия 1953 г. и последовавшие за ней щедро пополняли городской маргинальный контингент, так как большинство не желало возвращаться на село, а оседало в городах. Разгром вооруженных сил, начавшийся еще в 1953 г., добавил в армию безработных более 2 млн попавших под сокращение офицеров, а в январе 1960 г. к ним добавились 1,3 млн сокращенных уже второй волны.

В советской, а тем более постсоветской научной литературе почти не освещалась тема многоукладности экономики сталинского периода, а между тем А.К. Тубицын в работе «О Сталине и предпринимателях» приводит реальную статистику:

«Было 114 000 (сто четырнадцать тысяч!) мастерских и предприятий самых разных направлений — от пищевого до металлообработки и от ювелирного дела до химической промышленности. На них работало

около двух миллионов человек, которые производили почти 6% валовой продукции промышленности СССР, причем артелями и промкооперацией производилось 40% мебели, 70% металлической посуды, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. В предпринимательском секторе работало около сотни конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и даже два научно-исследовательских института. Более того, в рамках этого сектора действовала своя, негосударственная, пенсионная система! Не говоря уже о том, что артели предоставляли своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента и оборудования, строительство жилья. И артели производили не только простейшие, но такие необходимые в быту вещи — в послевоенные годы в российской глубинке до 40% всех предметов, находящихся в доме (посуда, обувь, мебель и т.д.) было сделано артельщиками. Первые советские ламповые приемники (1930 г.), первые в СССР радиолы (1935 г.), первые телевизоры с электронно-лучевой трубкой (1939 г.) выпускала ленинградская артель „Прогресс-Радио“. <...> Ленинградская артель „Столяр-строитель“, начав в 1923 г. с саней, колес, хомутов и гробов, к 1955 г. меняет название на „Радист“ — у нее уже крупное производство мебели и радиооборудования. Якутская артель „Металлист“, созданная в 1941 г., к середине 50-х располагала мощной заводской производственной базой. Вологодская артель „Красный партизан“, начав производство смолы-живицы в 1934 г., к тому же времени производила ее три с половиной тысячи тонн, став крупным производством. Гатчинская артель „Юпитер“, с 1924 г. выпускавшая галантерейную мелочь, в 1944-м, сразу после освобождения Гатчины делала остро необходимые в разрушенном городе гвозди, замки, фонари, лопаты, к началу 50-х выпускала алюминиевую посуду, стиральные машины, сверлильные станки и прессы. И таких примеров успеха — десятки тысяч.

<...> Частное предпринимательство законом действительно допускалось. Были некооперированные кустари. Зубные врачи, машинистки, валяльщики катанок — мягких валенок, портнихи, часовщики. В отличие от буржуазии эти мелкобуржуазные трудящиеся — не подавлялись.

<...> В 1956 г. он (Хрущёв) постановил к 1960-му полностью передать государству все артельные предприятия — исключение составляли только мелкие артели бытового обслуживания, художественных промыслов и артели инвалидов, причем им запрещалось осуществлять регулярную розничную торговлю своей продукцией. Разгром артельного предпринимательства был жестоким и несправедливым. Упомянутый выше „Радист“ стал госзаводом. „Металлист“ — Ремонтно-механическим заводом. „Красный партизан“ — Канифольным заводом. „Юпитер“ превратился в государственный завод „Буревестник“. Артельная собственность отчуждалась безвозмездно. Пайщики теряли все взносы, кроме тех, что подлежали возврату по результатам 1956 г. Ссуды, выданные артелями своим членам, зачислялись в доход бюджета. Торговая сеть и предприятия обществен-

ного питания в городах отчуждались безвозмездно, в сельской местности за символическую плату».

Тема целины, воспетая не только многими «соловьями соцреализма», но и самим Леонидом Ильичом — отдельная тема.

Первый же урожай на новых угодьях превзошел самые смелые ожидания. Но корм оказался «не в коня». Грандиозная по масштабам затея в конечном итоге обернулась такого же масштаба вредительством, совершенно в духе хрущёвского троцкизма. Бросив небывалый человеческий и материальный ресурс на производство, никто не озаботился заблаговременным созданием необходимой инфраструктуры. Зерно негде было хранить, перерабатывать, не на чем транспортировать. Не озаботились даже проблемой нормального жилья для целинников. Это наглядно отражено даже в старом советском фильме «Иван Бровкин на целине», когда нереально благоустроенный поселок строился «с колес» уже в процессе уборки урожая. Результат закономерен: большая часть урожая сгнила. Но, кроме узких специалистов, мало кому известно, что безграмотные агротехнические методы привели к тому, что в большинстве районов буквально ветром сдуло до полуметра поверхностного плодородного слоя почвы, на восстановление которого потребуется не одна сотня лет.

Сразу же после войны, при личной поддержке Сталина, была разработана детальная программа природопользования степной и лесостепной полосы. В ее основу легли разработки В. В. Докучаева 1892 г. «Наши степи прежде и теперь», в которой он изложил обстоятельный план борьбы с засухами. Методики, не нашедшие применения в дореволюционной России, стали активно внедряться со второй половины 40-х гг. и включали широкий спектр мероприятий, таких как посадка лесополос для снегозадержания, создание искусственных водоемов и многие другие. Проект благополучно скончался одновременно со Сталиным, но даже то, что уже было сделано, ощутимо снизило традиционный ущерб степной зоны европейской части СССР, наносимый суховеями. В рамках программы в стране создали несколько тысяч искусственных водохранилищ, используемых не только для орошения посевов, но и для строительства электростанций. Весь комплекс мероприятий позволил к 1953 г. добиться впечатляющих результатов. Урожайность зерновых увеличилась более чем на четверть, а фруктов и овощей почти вдвое. Использование травопольной системы, помимо восстановления плодородности почв, создало такую кормовую базу, что производство мяса и молока за пять лет увеличилось почти вдвое, а яиц более чем втрое.

В 1953 г. проект не просто закрыли, но уничтожили даже то, что было сделано за предшествующие годы. Большинство искусственных водоемов забросили, несколько тысяч километров лесополос вырубili. Действия, полностью подпадающие под категорию государственного преступления. Предположить, что весь массив диверсионной работы организовал

один-единственный глава государства, нелепо, поэтому совершенно поидиотски выглядят мемуарные оправдания Молотова в том, что он с самого начала был против целинной эпопеи. А вот Леонид Ильич, победоносно выигравший Вторую мировую войну на Малой Земле, даже прославил эпопею в одноименной нетленке.

Романтика освоения целины носила весьма специфический характер. В результате сложных общественно-политических процессов 30–40-х годов социальные пласты районов Казахстана и Сибири образовали проблемную зону. Помимо коренного населения там концентрировались освобожденные по амнистии зеки, лица, отбывающие ссылку, разного рода спецпоселенцы — это и кулаки, и нацистские приспешники, националисты, тунеядцы. Значительный процент составляли представители депортированных народов. В этот специфический социум вливались тысячи вновь прибывших по комсомольским путевкам, оргнаборам, а также командированные на уборку урожая коллективы предприятий и войсковые подразделения. Все эти социальные группы практически не гомогенизировались, создавая постоянный фактор напряженности, как во взаимоотношениях друг с другом, так и с коренным населением. В. А. Козлов, ведущий отечественный специалист по исторической конфликтологии, пишет:

«1958 г. не просто принес новые известия о привычных уже конфликтах. Появились явные признаки того, что ситуация в некоторых районах становится взрывоопасной, а некоторые новостроечные городки не только не контролируются местными властями, но фактически захвачены хулиганами».

Условия, в которых оказывались прибывающие искатели романтики, повергали их в состояние отчаяния. Отвратительная организация питания, отсутствие питьевой воды и жилья, антисанитария, даже отсутствие необходимого фронта работ привели к тому, что к 1959 г. целинные районы Казахстана погрузились в состояние хаоса и кровавого бунта.

Целинная диверсия явилась центральным пазлом в масштабной картине разрушения сельского хозяйства страны, а 1961 г. — годом национальной трагедии: впервые в истории Россия начала закупать хлеб за границей. В целом для создания общей продовольственной проблемы было сделано всё максимально возможное. Подробно описывать кукурузную диверсию нет смысла, поскольку ее подробности отражены не только в научных трудах, но и в народных анекдотах. Упразднение травопольного метода севооборота в целях увеличения посевных площадей кукурузы создало острый дефицит кормов. В мае 1957 г. Хрущёвым овладела маниакально-троцкистская идея «догнать и перегнать Америку» во всем, что только можно вообразить. А воображалось ему самое невероятное. Например, за три ближайших года увеличить производство мяса и молока в 3 раза. Как всегда, когда партия говорила «надо!», чиновники восприни-

мали это как солдаты боевой приказ, проявляя подчас чисто солдатскую смекалку. Некоторые, по укоренившейся традиции, сразу же выдвигали встречные планы. Так, рязанский обком обязался утроить объемы производства вместо трех лет за год. Не мудрствуя лукаво, рязанцы вырезали всю наличную скотину, в том числе и молочную, под ноль. Оказалось — недостаточно. Тогда, правдами-неправдами, изъяли личный скот колхозников и забили. Всё равно не хватало. Но гулять так гулять! Выгребли все финансовые фонды области, предназначенные для самых различных целей, и скупили скот у соседей. И — вот она, победа! На область пролился золотой дождь орденов, а первый секретарь А. Ларионов стал подлинным героем — Героем Социалистического Труда. Слава так ударила в его голову, что в состоянии аффекта он обязался в следующем году побить достигнутый рекорд. Но эйфория прошла, скота уже не было, денег тоже, и, как подобает настоящему герою, Ларионов пустил себе пулю в лоб.

Как и следовало ожидать, последствия бурной деятельности не замедлили сказаться: в начале 60-х СССР становится крупнейшим в мире импортером продовольствия, а 1 июня 1962 г. цены на мясо и молоко повышаются на 30%. На фоне срезания расценок, повышения норм выработки в промышленности, недавно проведенной денежной реформы возникли Новочеркасск и другие социально горячие точки.

Невозможно отрицать, что новая власть получила сложное наследие. Исторически сложившаяся участь русской деревни оставалась незавидной. Возвращаясь к исследованиям Чаянова необходимо признать, что фактическое крепостное положение колхозников — мера вынужденная и безальтернативная в данных исторических условиях. Реформирование экономического и социального уклада деревни стояло в планах «Экономических проблем...», а программа разрабатывалась под кураторством Маленкова. Масштаб задачи предполагал поэтапное, поступательное ее решение в определенной перспективе. Но троцкистско-популистская сущность Хрущёва требовала немедленных результатов, поэтому «деревня превратилась в полигон для скороспелых нововведений». Это и ликвидация МТС, и кампания по укрупнению колхозов, и уничтожение личных хозяйств. В целом, последствия реформаторского зуда Хрущёва не имели аналогов в российской истории, а страна остановилась на пороге голода.

Инерция послевоенного разгона к концу 50-х годов позволила превзойти темпы роста промышленности США. Но форсаж в сфере экономики возможен лишь на коротком отрезке. В период послевоенного восстановления мобилизационные меры необходимы, но в условиях мирного строительства требовались иные подходы. Идея создания территориальных органов управления вместо союзных министерств на первый взгляд казалась интересной. Совнархозы лучше понимали проблемы областей, а горизонтальные связи упрощались. Но на деле всё свелось к банальному местничеству, и каждый областной совнархоз греб всё под себя, игнорируя

общегосударственные интересы, что представляло собой некий прообраз «суверенитета, сколько сможете проглотить». Ситуацию довершала деятельность местных партийных органов, получивших при Хрущёве небывалый ранее иммунитет. Итог традиционен. Коллегии петровской эпохи, совнархозы 50-х, департаменты 90-х — аналогичные рассадники паразитарной чиновной бюрократии и питательная среда для ее неконтролируемого роста, и как результат — падение производства. Психотроцкизм, как заболевание, всегда чреват одними и теми же последствиями.

Итоги XIX съезда, так и не удостоенные широкого обсуждения, были благополучно похоронены вместе с вождем. При этом работы Сталина не только не переиздавались ни в те годы, ни в последующие, но и изымались из всех библиотек. Некоторый когнитивный диссонанс, возникший в социуме после XX съезда, постепенно сошел на нет. Воспитанное десятилетиями аксиоматическое сознание правоты партийного руководства как истины в последней инстанции определенным образом компенсировало внутренний дискомфорт от ужимок и прыжков хаотического реформирования последних лет. Г. Лебон справедливо считал, что мания великих реформ бывает весьма пагубна для народа, даже если эти реформы в теории правильны. Нация, сплоченная каким-то единым порывом, вооруженная общей целью и единым смыслом, постепенно приобретает «блеск, силу и величие». Но, достигнув определенной степени могущества, «цивилизация перестает расти и осуждается в упадок». О таком периоде Лебон говорит как о «часе старости», который отмечается «ослаблением идеала, поддерживающего душу» нации. В данном же случае ситуация развивалась от обратного. Конечно же, говорить о каком-либо «часе старости» советской цивилизации в те годы не приходится, но произошло не ослабление идеала, а «крушение кумира». Лебон пишет:

«По мере прогрессивного исчезновения идеала раса всё более и более теряет то, что составляло ее силу, единство и связность. Личность и ум индивида могут, однако, развиваться, но в то же время коллективный эгоизм расы заменяется чрезмерным развитием индивидуального эгоизма, сопровождающимся ослаблением силы характера и уменьшением способности к действию. То, что составляло прежде народ, известную единицу, общую массу, превращается в простую агломерацию индивидов без всякой связности, лишь временно и искусственно удерживаемых вместе традициями и учреждениями. <...> С окончательной потерей идеала раса окончательно теряет свою душу; она превращается в горсть изолированных индивидов и становится тем, чем была в самом начале, — толпой. Тогда снова в ней появляются все характерные изменчивые черты, свойственные толпе, не имеющие ни стойкости, ни будущего. Цивилизация теряет свою прочность и оказывается во власти всех случайностей. Властвует чернь, и выступают варвары. Цивилизация еще может казаться блестящей, потому что сохранился еще внешний фасад ее здания, создан-

ный долгим прошлым, но в действительности здание уже подточено, его ничто не поддерживает, и оно рухнет с первой же грозой».

Эти строки не столько иллюстрируют происходящее в конце 50-х — начале 60-х, сколько предвещают грядущие процессы 90-х. А тогда еще никто и предположить не мог, что «оттепель» не что иное, как мастерски закамouflированная репетиция перестройки, проводимая перед внешним блестящим фасадом. Лебон говорит, что потеря мечты — начало умирания цивилизации. Но сохранялась ли еще мечта в те годы? «На толпу действуют только иллюзии и, особенно, слова, химерические и сильные...» Поддерживали ли иллюзию слова о построении коммунизма через 20 лет? И верил ли Хрущёв самому себе? Трудно сказать. Но эта химера оставалась единственной. Кроме нее верить было больше не во что.

Сам Хрущёв категорически не выносил употребление термина «оттепель». Каким образом и с чьей подачи определение приклеилось к короткой эпохе, теперь и не вспомнить, однако Никита Сергеевич заимел большой зуб на Илью Эренбурга, опубликовавшего еще в 1954 г. одноименную повесть. По той же аналогии возник термин «шестидесятники». Его история восходит к публикации в одном из рупоров «оттепели» — журнале «Юность», руководимом в те годы его основателем В. Катаевым. Молодой литературный критик С. Рассадин в 1960 г. предложил журналу свою статью с таким заголовком. На самом же деле, по иронии истории, понятие возникло еще в середине XIX в. применительно к народникам и нигилистам. Но «дети XX съезда» принципиально отличались от своих далеких предшественников. Краткость их эпохи, по сути, уберегла главных героев от эволюции в разрушителей, чего не смогли избежать герои 90-х. К сожалению, многих из них исторический процесс всё же догнал к концу века, превратив из наивных и чистых мечтателей-оптимистов в желчных и злобных разрушителей здравого смысла. Суждение, что с годами приходит мудрость, — в корне ошибочно. Чаще всего возраст производит нагромождение заблуждений, деформированное и уродливое. А тогда интеллектуальные физики и восторженные лирики становились символами свободы «нового мышления», властителями дум широких масс. В отличие от своих предшественников XIX века они не были разночинцами. Их родители — новые советские интеллигенты и партийные функционеры, прошедшие становление после Гражданской войны. Именно они составляли основную массу жертв борьбы с троцкизмом и разного рода «чисток». Воспитанные родителями на коммунистических идеалах, они невольно входили в определенный когнитивный диссонанс с действительностью, чаще всего подсознательный. Жизненный опыт, накопленный на фронтах Великой Отечественной, вырабатывал определенный скептицизм в восприятии условностей мирного социума, а приобретенная уверенность в себе разительно отличала от поколения родителей, сформированных строгими идеологическими штампами.

Очевидны параллели «оттепели» и ранней перестройки. То же «возвращение к ленинским истокам», тот же «социализм с человеческим лицом», тот же интернационализм и «мир без границ». Один из феноменов 60-х — удивительная плодотворность творческой деятельности во всех сферах.

К началу 60-х в СССР уже был выстроен прочный фундамент индустриального общества. В области атомной энергетики, металлургии, ракетостроения успехи впечатляли. В кратчайшие сроки создавались крупнейшие в мире научные институты. В период с 1950 по 1970 г. расходы на науку выросли с 1 млрд руб. до 11,7 млрд и в 6 раз увеличилась численность научных работников. Хрущёв, как и в свое время Пётр I, будучи потенциально необразованным человеком, демонстрировал искреннее преклонение перед наукой, а в стране в целом наблюдалась настоящая технократическая эйфория. Экономические и социальные закладки, созданные предыдущим сталинским руководством, приносили обильные плоды. Головокружение от успехов выходило за рамки здравого смысла, и апофеозом абсурда явилось принятие на XXII съезде Третьей Программы КПСС с задачей построения коммунизма в течение 20 лет. Верил ли хоть кто-нибудь в реализацию громадьё планов? Вопрос риторический, особенно в свете того, что через десятилетие после победы из магазинов исчез хлеб, а в апреле того же года «дорогой Никита Сергеевич» принимал звезду Героя Советского Союза.

Позднее ввод войск в Чехословакию в 1968 г. расколол дружные ряды шестидесятников. Образовалось три условных течения. Самое активное и живучее — группа диссидентов-западников, сыгравших впоследствии весьма неблагоприятную роль в деле уничтожения не только идеологии, но и самой страны. Второе представлено потенциальными марксистами, убежденными в отклонении линии партии от ленинских истоков. Третье течение — националисты-почвенники с кондовыми предубеждениями против не только марксизма, но и всего проекта модерна в целом.

Сын Н. С. Хрущёва Сергей характеризовал эти годы как начало эпохи потребления:

«Появилась какая-то уверенность в будущем. Был рост рождаемости: в год от 3 до 5 млн человек. Но глобального потребления не было — каждый новый сорт колбасы был открытием. Появление в магазинах чешских шпикачек, возможность купить мяса и приготовить шашлык — вот потребление тех лет».

По каким критериям рассчитывал рост рождаемости Сергей Никитович — тайна великая есть, так как по всем статистическим данным происходил катастрофический спад по сравнению с 1939 г. Ну, а уж проблема купить мяса для шашлыка перед ним лично гарантированно не стояла.

Шестидесятые годы стали временем гипотетического формирования новой гармоничной личности. По умолчанию прерогатива гармоничности

отводилась лишь интеллигенции — творческой, научной, технической. Ни рабочие, ни колхозники, ни тем более чиновники в эту романтическую когорту не вписывались. Надо признать, что энтузиазм интеллигенции приносил ощутимые плоды: рубеж 60-х дал стране и миру 10 нобелевских лауреатов: двух писателей — Шолохова и Пастернака — и восьмерых представителей точных наук.

События Пражской весны разбудили новых герценов в лице А. Сахарова и С. Ковалёва, еще в 66-м состряпавших коллективное письмо о возрождении культа личности Сталина. Именно в те годы начало формироваться «новое лютеранство» — советское диссидентство, разрушившее СССР в 90-х.

Интеллигенция создала для себя иллюзию возникшей близости государства к народу. Видимость консолидации создавала некоторая вынужденная обратная связь, когда глава государства вступал в дискуссии с деятелями культуры. Те ему отвечали, иногда довольно смело, не подозревая, что такой обмен мнениями производил на Хрущёва эффект ржавого серпа по чувствительному месту, что и находило выход в «публичных порках» писателей и художников. Уникальность времени заключалась еще и в том, что провозглашенная марзаметическая программа построения коммунизма за 20 лет не вызывала в интеллигентской среде ни малейшего отторжения. Как вспоминал Б. Стругацкий, коммунизм виделся им тогда не иначе, как «мир свободы и творчества». В пафосе того времени, помимо свободы самовыражения, прочно присутствовала апологетика Ленина и романтизация Гражданской войны. Культовыми фигурами становились «комиссары в пыльных шлемах», Маяковский, Ремарк, Хемингуэй, Че Гевара, Фидель. У писателей-фантастов входило в моду создавать позитивный образ светлого коммунистического будущего. Произведения И. Ефремова как бы предвещали эпохальные успехи в освоении космоса. Фарисейски-лживые императивы XX съезда внушили иллюзию, что «впервые партийная практика была подвергнута проверке не с точки зрения интересов партийного руководства, а с точки зрения общечеловеческой морали, что сразу же было подхвачено молодыми общественными деятелями науки и культуры». А. В. Шубин⁸⁹ писал, что подавляющая часть этого поколения выступала за умеренные демократические реформы в рамках существующего строя, а идеалом был демократический социализм с человеческим лицом.

Шестидесятые со всей очевидностью обнажили любопытную особенность идеологии. Оказалось, что это — чрезвычайно зыбкая, склонная

---

⁸⁹ Александр Шубин (род. 1965) — российский историк и общественный деятель левого направления. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук и Российского государственного гуманитарного университета.

к мимикрии субстанция. Здравая и сама собой разумеющаяся идея «всё во имя человека и для блага человека», неожиданно размежевала советский социум, что называется, по интересам. Интеллектуально и социально активная его часть воодушевилась возможностью творческой деятельности, хотя и эта часть вскоре разделилась внутри себя самой. Та часть, которую условно можно обозначить как обывательскую, погрузилась в стихию вновь обретенного быта. Этому способствовал небывалый в истории страны подъем жилищного строительства. Тогда же появился скептически-презрительный термин «вещизм». Между этими двумя частями социума развернулась настоящая гуманитарная борьба. Интеллектуалы нарочито одевались в брезентовые штормовки и кеды, своим видом и образом досуга выказывая презрение к мещанам и обывателям, охотившимся за полированными сервантами или импортными шмотками. Тогда же возникла вторая волна «стиляг» в джинсах и замшевых пиджаках и их идейных вдохновителей — фарцовщиков. Кинорежиссер А. Митта с некоторой ностальгической горечью вспоминал:

«У меня не было шока от конца 60-х. Настоящий шок наступил позже, когда выяснилось, что для многих поздний застой 80-х с его тупым потребительским мещанством — накопить на машину, купить дачу — оказался привлекательнее драйва, внутренней свободы, творческих поисков и бытовой неустроенности 60-х».

И тех, и других объединяла трансформация идеологии. Самоотверженность и целеустремленность минувшей эпохи уступили место индивидуализму и узкокорпоративному коллективизму с кухонными посиделками и туристическими походами под гитару как способами ухода от лицемерной пропаганды. Б. Стругацкий писал:

«Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас...Если для нас коммунизм — это мир свободы и творчества, то для них коммунизм — это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства».

Ошибочно полагать, что в России общество потребления начало формироваться в XXI веке. Ориентир был задан в 1961 г. на XXII съезде КПСС и закреплен в Третьей Программе в виде «триединой задачи»:

1. Создание материально-технической базы коммунизма.
2. Создание новых производственных отношений.
3. Воспитание нового человека.

Именно в такой последовательности обозначался вектор цели. Могли ли рядовые коммунисты осознать всю степень провокационности расставленных приоритетов? В те далеко не изобильные годы казалась вполне логичной первоочередная забота партии о росте народного благосостояния. Воспитание же «нового человека» воспринималось в большой степени гипотетически, потому что и так большинство считало себя «морально

устойчивыми и идеологически выдержанными». Те же, кто думал иначе, по обыкновению держали фигу в кармане. Таким образом, были перечеркнуты цели и смыслы октября 17-го, когда безоговорочно был определен примат духовного над материальным, а «новый человек» — целью и смыслом нового справедливого мира. Да и кому было воспитывать этого «нового человека»? Разве что реабилитированным троцкистам или «серому кардиналу» М. А. Суслову.

Расстановка приоритетов лишала триединую задачу смысла. Что значит «создание материально-технической базы»? Необходимая база уже была создана в принципе. «Новые производственные отношения»? Каким образом можно формировать новые отношения, не воспитав нового человека? Даже самым первым, малограмотным большевикам было понятно, что в деле построения коммунизма первичны *сознание и вера*, иначе — *духовность*. Именно на это направлялось основное внимание идеологов. Именно это лежало в подоплеке громких политических процессов. Именно благодаря этому вниманию стал возможен фантастический цивилизационный прорыв 20–50-х гг. «Оттепель», как иллюзия свободы, развернула сознание масс в сторону сугубо материального. Великая русская мечта постепенно трансформировалась в некое подобие «великой американской». Показательно, что основной коммунистический принцип студенты-острословы тех лет перефразировали: «От каждого — по возможности, каждому — по потребности». Этим все сказано. Поколение, предназначенное для осуществления долгосрочных великих проектов, напрягаться не собиралось.

Думающей части социума становилось всё очевиднее, что если коммунизм и строят, то не тот и не те. Ложность целей убивала смысл бытия. В июне 1972 г. В. Молотов говорил:

«Хрущёв, он же сапожник в вопросах теории, он же противник марксизма-ленинизма, это же враг коммунистической революции, скрытый и хитрый, очень завуалированный... Нет, он не дурак. А чего же за дураком шли? Тогда последние дураки! А он отразил настроение подавляющего большинства. Он чувствовал разницу, чувствовал хорошо».

И всё же с Молотовым хочется не согласиться. Вряд ли Хрущёв действительно был «врагом коммунистической революции», тем более «скрытым и завуалированным». Единственное присущее ему качество — хитрость, а хитрость — отнюдь не признак большого ума. Хитрость — не что иное, как эрзац интеллекта, его заменитель в отсутствие оного. Точнее выразился Л. Каганович:

«Я его выдвигал. Я считал его способным. Но он был троцкист. И я доложил Сталину, что он был троцкистом. Я говорил, когда его выдвигали в МК. Сталин спрашивает: „А сейчас как?“ Я говорю: „Он борется с троцкистами. Активно выступает. Искренне борется“. Сталин тогда: „Вы выступите на конференции от имени ЦК, что ЦК ему доверяет“».

Всё это очень по-троцкистски — искренне бороться с единомышленниками, и очень по-хрущёвски — вовремя уловить струю конъюнктуры, и очень по-сталински — доверять тем, от кого нужно вовремя избавляться.

Если бы кто-то из профессиональных аналитиков средней руки хоть единожды озаботился изучением психотипа Сталина, первое, что он бы выявил — это склонность к поиску компромиссов, часто избыточную. Но Хрущёв сумел проскочить еще и потому, что Сталин твердо рассчитывал воплотить мысли, озвученные на XIX съезде и на последующем пленуме. Роль партийного вождя уже не виделась ему главенствующей. А Хрущёв был психотроцкистом по своей глубинной сути, требовавшей достижения немедленного результата любыми средствами, без анализа последствий. Масштаб задачи построения коммунизма в СССР за 20 лет мало чем уступал масштабу мировой революции, а полнейшее отсутствие стратегического мышления облекало всю его деятельность в форму бессистемного шараханья. Интеллектуальная элита подсознательно чувствовала некое душевное родство с ним и потому довольно долго прощала ему многие дремучие выходки, утешая себя заклинанием: «Зато на нем нет крови». Знать бы им...

Князь Владимир, поправ Перуна, предложил новый, более мощный сакраментальный символ, рассчитанный не просто на долгую перспективу, но на *вечность*. Идея православия, как и полагается всякой революционной идее, внедрялась в умы трудно, часто кроваво, но сила ее была в том, что помимо умов, она внедрялась в души, после чего становилась тем монолитом, который на века сплотил Русь с Богом и сувереном. Правда Владимира создала принципиально новую русскую цивилизацию. Заведомая ложь Хрущёва подложила мину под ее фундамент.

Содеянное Хрущёвым и компанией выходит далеко за рамки низвержения идола. Его гнусный доклад явился, по существу, плевок в лицо нации, разрушившим сложившуюся сакральность государства. Нравится кому-то или нет, но коммунизм не что иное, как *научное православие*. Советское государство и общество изначально выстраивались в органической неразрывности с атрибутикой новой религии. Хрущёв, сохраняя видимость идеологического вектора, одним махом перечеркнул прошлое вместе с национальной верой. Атеистическое, вульгарно-материалистическое мировоззрение ущербно. Не нужно большого ума, чтобы понять: *утрата веры (любой веры) всегда ведет к разрушению*. Утрата веры разрушила Российскую империю. Она же разрушила СССР. Теперь она довершает разрушение России.

Поневоле задумаешься: существовал ли «план Даллеса»? Однако в том, что Даллес был сатанински мудр, сомневаться не приходится. И Хрущёв, и весь ЦК, как на XX съезде, так и на последующем Пленуме, сработали точно по инструкции Даллеса. И касалось это не только советских коммунистов. Внук Молотова В. Никонов вспоминал слова деда о том, как сразу

после съезда во всем мире обрушилась вера в СССР, а из рядов «братских» компартий начался массовый выход членов. Творцы культа разоблачали самих себя, сразу же начиная творить уже свои, личные культтики, и если прежний вызывал у кого-то ужас, священный трепет, поклонение или ненависть, то новые порождали издевки, насмешки и презрение. Ложь, даже принятая на веру, подсознательно оттолкнула массы, как от новых вождей, так и от самих идей. Жаль, что только время способно всё расставлять по своим местам. В конце века мы смогли убедиться, сколько на самом деле было врагов и враждебных социализму течений. Элементарная экстраполяция показывает, что полвека назад таких врагов было больше в разы. Пожалуй, раздутые цифры репрессий указывают их истинно необходимый в то время масштаб. Воистину, глупцы опаснее врагов.

В либеральной среде, а также в представлении шестидесятников хрущёвская эпоха позиционируется как несомненно прогрессивная. Ему в заслугу ставятся очевидные, лежащие на поверхности общественного мнения инициативы. На первом месте, естественно, «разоблачение культа личности». Затем — декларации о демократизации общества, повороте к социальной сфере, политике мирного сосуществования с Западом. В заслугу засчитывается даже убогая попытка реформирования народно-хозяйственного комплекса. Тем не менее новый Устав партии, принятый на XXII съезде вместе с программой, включал «революционные новшества», такие как (внимание!):

«...недопустимость вмешательства партийных органов в деятельность государственных и общественных институтов, обязательная ротация партийных кадров по всей вертикали, необходимость внутрипартийных дискуссий, назначение руководителей исключительно по профессиональным и деловым качествам».

Ничего не напоминает? Правильно. Именно с этими инициативами выступал Сталин на XIX съезде, незадолго до смерти. Ничего тактически нового в хрущёвских пассажах не просматривалось. Плагиатом с предшественника он грешил еще в докладе XX съезду, о чем упоминалось выше. Хрущёву понадобилось десятилетие идиотских экспериментов над страной, чтобы «изобрести велосипед». Но давно известно, что деятельный дурак хуже диверсанта. Хрущёв действительно хотел «как лучше», но сущностное мегалотимическое начало, усугубленное тяжелой формой психотропизма, не могло дать никаких иных плодов. Результат его деятельности поистине уникален. За десять лет руководства страной он сумел завоевать неприятие *всех* слоев общества. Для партийно-государственной элиты, ощущавшей себя под его руководством как на пороховой бочке, это было наилучшим поводом избавиться от зарвавшегося царька. Сотрудник аппарата ЦК Г. Арбатов рассказывал, что инициативы первого секретаря получили название «десяти хрущёвских ударов» (по аналогии со сталинскими). Либералом он, безусловно, не был, но, как и Ельцин,

решил сыграть в популярную либеральную игру — борьбу с привилегиями. Были отменены знаменитые «сталинские пакеты» — премии, выплачивавшиеся партноменклатуре «черным налогом» в конвертах. Предпринятая попытка ликвидации спецраспределителей просаботировалась на уровне исполнителей. Провалилась также и инициатива лишить руководящее звено спецтранспорта.

Ортодоксальные сталинисты, глубоко уязвленные сокрушением кумира, испытывали к Хрущёву плохо скрываемую ненависть, усугубляемую создаваемым вновь карикатурным культом. Трезво мыслящая часть номенклатуры не могла мириться с хаотичностью и спонтанностью социально-экономических новаций. Рабочих раздражало повышение цен на фоне увеличения норм выработки, снижения тарифов и дефицита продуктов питания. Крестьяне, и без того ущемленные в гражданских правах, были оскорблены урезанием личных приусадебных угодий и конфискацией скотины. Интеллигенция же вообще претерпела крах иллюзий. Творческая ее часть была попросту размазана хрущёвскими разносками, научная и техническая не могла мириться с идеологическим догматизмом. Армия его откровенно ненавидела. Нужно обладать недюжинным талантом, чтобы создать себе подобную многостороннюю оппозицию.

На заседании Президиума ЦК, посвященном смещению Хрущёва с должностей, он взял заключительное слово:

«Я сейчас переживаю, но и радуюсь: настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность первого секретаря ЦК КПСС и говорить полным голосом. Сегодняшнее заседание Президиума ЦК — это победа партии».

Бесславная отставка первого секретаря была закономерным событием, но говорить о «победе партии» неуместно. Партия избавлялась не от бездарного управленца, а от занозы в самой работоспособной части своего тела. Хрущёва погубила трусость. Если бы он и его подельники не тряслись за свои шкуры, то уже на XX съезде вместо известного пасквиля могло прозвучать подтверждение курса предыдущего съезда. А в результате состоялось десятилетие, фактически перечеркнувшее смысл жизни поколений, посвятивших себя становлению величайшей мировой державы. Отняв этот смысл, отняли будущее у поколений грядущих. История в очередной раз продемонстрировала злую иронию и закон бумеранга. Брежнев обвинил разоблачителя культа личности в сотворении собственного культа, но пройдет не так много времени — и «дорогой Леонид Ильич» перещеголяет «дорогого Никиту Сергеевича» по количеству золотых звезд и на пиджаке, и на погонах.

Нельзя отрицать, что Хрущёв — крупная, масштабная политическая фигура, оставившая заметный след в новейшей истории, как нашей страны, так и мира. Но троцкистская сущность природы не предполагает такой категории, как ответственность перед народом. Принципы социальной

справедливости, традиционные мировоззренческие основы общества не принимаются во внимание.

Политологами и историками хорошо изучена тема преследования Церкви. Воинствующий атеизм Хрущёва — неотъемлемая часть борьбы со сталинским наследием, когда взаимоотношения государства и Церкви приобрели ровный и взвешенный характер.

В 1943 г. Сталин назначил полковника госбезопасности Г. Г. Карпова на пост председателя Совета по делам РПЦ. Сын талантливого краснодеревщика Григория Карпова, оформлявшего многие архитектурные памятники, в том числе Морской Никольский собор в Кронштадте, Георгий Григорьевич окончил духовную семинарию и Петроградский университет. При назначении Сталин произнес знаковую фразу: «Только не вздумайте становиться очередным обер-прокурором». Надо полагать, что выбор вождя не был случайным, как, впрочем, и все его решения.

Массированная атака на Церковь, оформленная несколькими постановлениями, состоялась в конце 1958 г. Это выразилось и в повышении земельного налога, и в «чистке» библиотек с изъятием религиозной литературы, и в умышленном осквернении святых мест, а главное — в повсеместной агрессивной пропаганде оголтелого атеизма. Количество монастырей сократилось на половину, а все существующие скиты были уничтожены. В целом антицерковная кампания включала в себя внушительное количество акций различного свойства, и простое их перечисление заняло бы не одну страницу данной работы, да и исследований по этой теме проведено немало. Руководство атакой на Церковь осуществлял лично Хрущёв — это неоспоримый факт. И это было не столько следствием его бесовской одержимости, сколько составной частью борьбы со сталинским наследием и политическими противниками. Молотов, Маленков, Ворошилов, Булганин категорически возражали против притеснения Церкви, полагая целесообразным ее использование в государственной политике и на международной арене. Еще в 1954 г. ЦК КПСС принял постановление об усилении атеистической пропаганды. В. М. Молотов тогда говорил: «Никита, не делай таких резких шагов, это ошибка, она посорит нас с духовенством». Хрущёв только отмахивался: «Будут ошибки — исправим». Однако мало кому известно, что непосредственной разработкой планов занимался не кто иной, как «серый кардинал» М. Суслов. Первую атаку на Церковь он предпринял еще в 1949 г. Пользуясь всесторонней поддержкой вождя, Г. Карпов достаточно жестко ее пресек. Следующая попытка Суслова пришлась на 1954 г. Сталина уже не было, но и в этот раз Карпову удалось ее нейтрализовать.

Сохранилась переписка Г. Карпова с патриархом Алексием I, которая красноречиво свидетельствует об искренне дружеских и теплых отношениях между ними. Весной 1949 г. начальник Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Дмитрий Шепилов докладывал Сталину о результатах

проверки работы Карпова на посту руководителя Совета, в частности, следующее:

«Проверкой также установлено, что председатель Совета т. Карпов ежегодно преподносил подарки высшему духовенству Русской православной церкви за счет государственных средств. Такие подарки были произведены в 1944 году, а затем это из года в год повторялось т. Карповым. В 1947 г. патриарху Алексию было преподнесено в день его рождения и именин: парчи — 15 метров, серебряный кубок и малахитовая коробка на общую сумму 14 552 рубля; митрополиту Николаю — парчи 10 метров и картина на общую сумму 6585 рублей; протопресвитеру Колчицкому — парчи 12 метров стоимостью в 890 рублей. В 1948 г. на подарки указанным лицам израсходовано 11 574 рубля. В 1949 г. т. Карпов для подарка патриарху Алексию в день его именин 25 февраля приобрел телевизор стоимостью в 4 тысячи рублей. В свою очередь, т. Карпов в течение 1944–1947 гг. получал в подарок от патриарха Алексия картины, шкатулку и ковер».

Практика преподнесения подарков высшему духовенству была начата Советом в 1944 г., была согласована с Управлением делами Совета народных комиссаров СССР и разрешена лично Вячеславом Молотовым. В августе 1951 г. член Совета И. И. Иванов подал донос на Карпова в ЦК КПСС, сообщив, что председатель обменивается подарками с Патриархом.

Защищая Церковь, полковник Карпов вполне сознательно становился на скользкий путь. Поскольку с юридических позиций инкриминировать ему было нечего, то его противники прибегли к беспроигрышной во все времена тактике фальсификаций. В 1956 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС «установил», что Карпов в 1937–1938 гг. производил массовые аресты ни в чем не повинных граждан, применял извращенные методы ведения следствия, а также фальсифицировал протоколы допросов арестованных; поднимался вопрос об исключении его из КПСС. Из партии Карпов исключен не был, ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Отстаивать интересы Церкви становилось всё труднее. В конце 1959 г. Георгий Григорьевич предпринял ряд попыток прорваться на прием к Хрущёву и Фурцевой, но безуспешно. Он оказался в фактической изоляции. За спиной Карпова отдел пропаганды и агитации по союзным республикам направил в Комиссию ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и внешних партийных связей записку «О незаконной деятельности церковников и сектантов» и проект одноименного постановления. В записке указывалось, что «за последние годы ослаблен контроль, особенно со стороны Совета по делам Русской православной церкви». В записке также сообщалось, что «Карпов неправильно понимает задачи Совета, не желает учитывать изменения, происходящие в нашей стране».

В ответ на эту записку Карпов направил в ЦК КПСС «Пояснение к „Записке «О незаконной деятельности церковников и сектантов»», в котором отверг обвинения в свой адрес.

6 февраля 1960 г. постановлением Совета министров СССР «О т.т. Карпове и Куроедове» Карпов был снят с поста председателя Совета без указания причины.

Назначенный вместо Карпова в феврале 1960 г. Владимир Куроедов в докладе на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 21 апреля 1960 г. так характеризовал работу прежнего руководства Совета: «Главная ошибка Совета по делам православной церкви заключалась в том, что он непоследовательно проводил линию партии и государства в отношении церкви и скатывался зачастую на позиции обслуживания церковных организаций. Занимая защитнические позиции по отношению к церкви, совет вел линию не на борьбу с нарушениями духовенством законодательства о культах, а на ограждение церковных интересов».

На этот год пришелся пик антирелигиозной кампании. Однако помимо разрушения церковных основ состоялся несколько неожиданный результат — оппозиционная, по большей части атеистическая интеллигенция встала на защиту Церкви. Например, А. Д. Сахаров, будучи убежденным атеистом, стал защищать в судах верующих и писать открытые письма в различные инстанции. Показательно, что Светлана Аллилуева, никогда ранее не афишировавшая свою религиозность, стала публично демонстративно осенять себя крестным знаменем. В своих мемуарах она писала:

«Я думаю, что сейчас, в наше время, вера в Бога — это и есть вера в добро и в то, что оно могущественнее зла, что оно рано или поздно восторжествует, что оно победит. Различия вероисповеданий не имеют значения в сегодняшнем мире, в котором люди интеллекта уже научились понимать друг друга, минуя границы стран и континентов, языков и рас. Все догматические различия религий сейчас теряют свое значение. Сейчас люди скорее разделяются на тех, для кого существует Бог, и на тех, для кого вообще существование Бога не нужно. Когда мне стало 35 лет, уже кое-что пережив и повидав, я все же приняла сторону тех, для кого невозможно жить без Бога. И я счастлива, что это со мною произошло».

В целом итог антирелигиозной кампании 60-х во многом оказался парадоксальным, как, впрочем, и вся хрущёвская эпоха. Конечно же, определение «гонения на Церковь» является выраженным плеоназмом. Речь может идти лишь об активном притеснении. Но в то же время, на фоне многочисленных алогичных бесчинств и значительного повышения налогов, назначение зарплаты священнику стало возлагаться на приходской совет. Священнослужитель приравнивался к частному предпринимателю со всеми вытекающими налоговыми обязательствами. Так, например, священник Троицкого собора Александро-Невской лавры после уплаты налогов получал в 70-е гг. порядка 350 руб., что несколько выше зарплаты

профессора или эквивалентно зарплате директора среднего завода. Архирейская же зарплата составляла порядка 1000 руб.

По мнению многих авторитетных ученых и церковных иерархов, «1943–1953 гг. — золотое десятилетие отношений Церкви и государства». Доктор исторических наук, профессор О. Ю. Васильева отмечает:

«Никогда не до, не после в XX веке таких отношений — взвешенных, понятных обеим сторонам — не было. Государству понятно было участие Церкви в войне, в послевоенной жизни; понятно было, как она воспринимается общественным сознанием. Между прочим, есть огромное количество интересных документов, свидетельствующих, что тогдашние спецслужбы по прямому указанию Сталина следили, как реагирует народ на Архиерейский Собор 1943 года, на избрание Сергия Патриархом, на Поместный Собор 1945 года. Если бы Сталину это было не интересно, не важно с точки зрения политики внутренней и внешней, вряд ли бы эти сведения собирались».

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) писал:

«Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я, как православный христианин и русский патриот, низко кланяюсь Сталину».

Д. С. Дудко, протоиерей, известный церковный писатель, поэт и проповедник, отсидевший в лагере по статье 58–10, утверждал, что именно благодаря Сталину удалось сохранить Россию и утвердить ее роль для всего мира.

В день похорон 09.03.1953 в речи перед панихидой Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий сказал:

«Мы же, собравшись для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с которым бы мы к нему ни обращались, не был им отвергнут; он удовлетворял все наши просьбы. И много доброго и полезного, благодаря его высокому авторитету, сделано для нашей Церкви нашим правительством. Память о нем для нас незабвенна, и наша Русская Православная Церковь, оплакивая его уход от нас, провожает его в последний путь, „в путь вся земля“, горячей молитвой. В эти печальные для нас дни со всех сторон нашего Отечества от архиереев, духовенства и верующих и из-за границы от Глав и представителей Церквей, как православных, так и инославных, я получаю множество телеграмм, в которых сообщается о молитвах о нем и выражается нам соболезнование по случаю этой печальной для нас утраты».

И, наконец, некоторые статистические цифры, неумолимо иллюстрирующие «сталинские гонения Церкви».

В 2011 г. в московском Манеже по благословению патриарха Кирилла состоялась выставка «Русь православная. Итоги двадцатилетия: 1991–2011». В числе прочего там были представлены следующие данные:

Количество монастырей в 1939 г. — 0; в 1952 г. — 62.
Церкви, часовни, молитвенные дома в 1939 г. — 100; в 1952 г. — 13 786.
Семинарии, академии в 1939 г. — 0; в 1952 г. — 10.
Приходское духовенство в 1939 г. — около 200; в 1952 г. — 12 254.
Монахи в 1939 г. — 0; в 1952 г. — 4639.

И для сравнения:

Монастыри в 1952 г. — 62; в 1965 г. — 18.
Церкви, часовни, молитвенные дома в 1952 г. — 13 786; в 1965 г. — 7873.
Семинарии, академии в 1952 г. — 10; в 1965 г. — 5.
Приходское духовенство в 1952 г. — 12 254; в 1965 г. — 7347.
Монахи в 1952 г. — 4639; в 1965 г. — 1500.

Хотя всё вышесказанное для современных либералов не аргументы. Их и от упоминания РПЦ трясет так же, как и от упоминаний о Сталине. Что поделать — участь всех бесноватых испытывать корчи от любых животворящих образов.

И вина, и беда почти всех советских лидеров — тупое непонимание факта, что борьба с православием ни одному из них не повысила рейтинга. В какой бы степени государство российское не было светским, генетическая ментальная сущность русского человека остается в русле православного мировосприятия, и к вере в Бога это имеет лишь косвенное, прикладное отношение. Поэтому личность Хрущёва у многих вызывала неприятие на подсознательном уровне.

Эклектические, бессистемные представления главы государства о его общественно-политическом устройстве неизбежно должны были привести к падению качества управления. Жесткий тоталитаризм необходим и оправдан в условиях «осажденной крепости», что было выведено еще Гоббсом. Но СССР 50-х стал уже принципиально другой страной. Победа во Второй мировой войне наделила Советский Союз грандиозным международным авторитетом, исключавшим какую-либо изоляцию. Число стран — идейных союзников неуклонно росло. Послевоенный разгон экономики мог обеспечить небывалые результаты. Но прав оказался прозорливый Даллес: угробить потенциальные возможности в таких масштабах мог только «козел-provokator».

А. Зиновьев в работе «Гибель русского коммунизма» писал:

«Сталинская эпоха завершилась хрущёвской десталинизацией. Коснусь лишь одного ее аспекта, на который почти никто не обратил внимания: миллионы сталинистов во главе с самим Хрущёвым (а он был сталинским холуем!) молниеносно предали своего вождя Сталина и превратились в активных антисталинистов. Я не помню ни одного случая в те годы, чтобы кто-то публично выразил преданность Сталину и сталинизму. Вся десталинизация в целом прошла как массовое предательство,

инициатива которого исходила с высот власти и в которое было вовлечено почти всё активное советское население. Она явилась своего рода репетицией к тому роковому предательству, которое через тридцать лет будет совершено по инициативе горбачёвского и затем ельцинского руководства. Хрущёвское предательство затронуло лишь некоторые аспекты советского общества, оставив без изменения его социальный строй. И потому оно не стало роковым. К тому же зарвавшегося Хрущёва остановили и отстранили от власти. Но его деятельность обнаружила уязвимость идейно-морального состояния советского общества и разрушительную мощь советской системы власти, когда ею распоряжаются дураки и авантюристы... И всё это было замечено западными организаторами холодной войны и принято в расчет».

Но, пожалуй, наилучшие характеристики прозвучали из уст У. Черчилля. Незадолго до смерти он, в своеобразной искрометной манере, произнес:

«Хрущёв — единственный политик в истории человечества, который объявил войну мертвецу. Но мало того — он умудрился ее проиграть».

Когда во время чествования сэра Уинстона по случаю его 90-летия в парламенте предложили тост за него как самого активного борца с коммунизмом, тот ответил:

«К сожалению, имеется человек, который нанес вреда Стране Советов в тысячу раз больше, чем я. Это — Никита Хрущёв. Давайте поаплодируем ему!»

Стремился ли Хрущёв, хотя бы теоретически, к «оттепели» в любом варианте? Наивный вопрос. Его мышление в значительно большей степени тоталитарно, нежели сталинское, и усугублено ничтожным уровнем интеллекта. Все его идеологические мыследвижения, по сути, — модификационный аналог протестантизма, замешанного на трусости: протест, отрицание, разрушение и, как результат, — хаос. Народ, низведенный до уровня толпы после всех революций, Первой мировой и Гражданской, пройдя мучительное моральное становление, и к 1945 г. вновь ставший народом, в 60-х вошел в стадию прогрессирующей атомизации. Это не было еще атомизацией постмодерна, а только ее осторожная подготовка, тестирование. Предназначение «добротного царя» — не только забота о сытом желудке подданных, но и об их духовном содержании. Сытость не может быть ни смыслом, ни целью. Она всего лишь необходимое условие для чего-то главного. А построение коммунизма за 20 лет не только издевательство над здравым смыслом, но и профанация цели, порождающая нигилизм и циничное презрение.

Таким образом, можно утверждать, что «репетиция рокового предательства» прошла успешно и совершенно в стиле «великого путаника». Советского человека еще не соблазнили капиталистическим пряником, а всего лишь дискредитировали цель. А цель обрушения «идола» и всей

идеологической и нравственной основы эпохи гениальна в своей простоте. Людям, жившим и творившим в эту эпоху, вдруг *«открыли глаза»* на действительность, в которой они существовали и о которой «не догадывались». Эти люди работали, учились, растили детей, радовались и горевали вместе со своей страной. Они в нее верили, они ей служили, служа самим себе и своим близким. Поэтому и победили в войне. Если их спросить, ощущали ли они себя рабами, — они посмотрят на вопрошающего как на умалишенного. Еще живые старики гордятся прожитой жизнью и сопричастностью к большому и праведному делу. Они гордятся, что их жизнь была наполнена смыслом созидания. И здесь не причем ни идеология, ни религия. Для них это был реальный и единственный смысл бытия. Они жили, боролись, творили. И им в одночасье объяснили, что они, оказывается, жили в преступной стране, в преступную эпоху, под руководством преступника. Чего уж проще — лишить человека смысла прожитой жизни — классика психиатрии и наипервейшая предпосылка суицида. Обнаружив бессмысленность прожитой жизни, человек ступает на порог самоубийства, а нация — на порог самоуничтожения. Без прошлого будущее невозможно. Впереди лишь эпоха утраченных смыслов.

ВТОРЖЕНИЕ ТРОЯНСКОГО ТАБУНА

*Timeo Danaos et dona ferentes*⁹⁰.

Публий Вергилий Марон

Троянская программа — разновидность вредоносной программы, проникающей в компьютер под видом легального программного обеспечения.

Необходимо признать, что преобразований такого масштаба в социальной сфере, каковые были проведены в 50-х — начале 60-х гг., страна еще не испытывала. Здесь и небывалое расширение социального обеспечения, и сокращение рабочего дня, и увеличение оплачиваемых отпусков, и паспортизация села, и совершенствование пенсионной системы — да всего и не перечислить. Тем не менее уровень жизни оставался весьма далек от прогрессивных стандартов развитого Запада. Об этом свидетельствуют выборочные соцопросы. Например, на вопрос: «Что свидетельствует о повышении уровня вашей жизни?», ответы были практически однотипны: «...стали лучше питаться», «получили новое жилье», и т.п. То есть удовлетворение элементарных потребностей воспринималось как несомненный прогресс. Идеологические пропагандистские штампы о преимуществах социализма еще срабатывали, так как не было наглядного предмета для сравнения, тем более что активно практиковался метод критических открытых писем от анонимных источников в адрес центральных властных структур, повествующих об «отдельных недостатках» на местах. Так создавалась иллюзия гласности и контроля центра над низовыми звеньями. Однако любая критика генеральной линии расценивалась как антисоветская пропаганда. Естественно, что догматизм и косность идеологии в сочетании с реальностью не могли не будить в массах раздражение и скепсис.

Упоминавшиеся опросы демонстрировали повышение благосостояния примерно 70–80% населения, но запрос на потребительские товары удовлетворялся лишь на 40–50%. С высоких трибун гремели бравурные

⁹⁰ Бойся данайцев, дары приносящих (лат.).

реляции о «неуклонном росте благосостояния народа», но народ, не мудрствуя лукаво, оценивал свое бытие в реальных деньгах, а расширение общественных фондов потребления воспринимал как само собой разумеющееся. А между тем по состоянию на 1960 г. на иждивении государства находилось более 20 млн пенсионеров, порядка 7,5 млн малышей были обеспечены яслями, столько же школьников отправлялось в пионерские лагеря, в вузах, техникумах и училищах обучалось более 40 млн студентов, обеспеченных стипендией, 2 млн медработников оказывали бесплатную медицинскую помощь. В санаториях и домах отдыха пребывало 3,5 млн человек, 62 млн трудоспособных имели 3-недельный оплачиваемый отпуск. Таким образом, совокупный доход, помимо зарплаты, увеличился в 1,5 раза, и эта система продолжала расширяться. Кроме того, колхозники впервые получили паспорта, рабочий день сократился, отпуска увеличились.

Подобного масштаба модернизации социальной сферы наша страна еще не видела. В связи с этим официальная пропаганда на все лады трубила об «укреплении коллективистского духа, новой системе взаимоотношений, очищении от частнособственнической психологии». Большинство исследователей сходятся во мнении, что этот период истории оказал на людей негативное воздействие тем, что они не осознавали себя «активными, самостоятельными субъектами социального действия». Массам инкриминируется и «инертность сознания», и «стихийный консерватизм», и «ярко выраженный патернализм», причем последний аргументируют якобы отношением людей к власти, выразившимся в огромном количестве верноподданнических пропагандистских писем, идущих с мест в центр. Послания в стиле «прошла зима, настало лето, спасибо партии за это» постоянно демонстрировались всеми СМИ. Нет смысла обсуждать происхождение этих панегириков, но нельзя не учитывать вековую русскую мечту в доброго царя, верой в которого народ жил всегда, поэтому патернализм — такая же мечтательная сущность нашего человека, как и православие. Однако выше мы уже рассматривали истинное отношение советских людей к хрущёвской администрации и к системе в целом.

Исследователи, преимущественно либерального толка, как всегда, предъявляют несознательному народу обвинения в пассивности, индифферентности, потребительскому характеру социальных требований, в результате чего беспрецедентная социальная модернизация не только не способствовала развитию общества, но и положила начало его стагнации. И в этом есть изрядная доля истины. Методы материального стимулирования в условиях социализма не такая однозначная вещь, как представляется обывателю. Зарплаты росли, но росли и цены. Кроме того, дефицит многих продуктов питания, а главное — хлеба, в большой степени перечеркивал те блага, которые воспринимались как сами собой разумеющиеся.

Иная система действовала до 1953 г. На производстве применялась практика периодического срезания расценок по мере повышения норм выработки. То есть, чтобы не потерять в зарплате, рабочий должен был увеличивать выработку. Казалось бы — явный признак бессовестной эксплуатации. Но с точки зрения психологии стимул более, чем эффективный, и вполне честный, побуждающий к совершенствованию профессиональных навыков. При учете ежегодного снижения цен на товары первой необходимости, фактические потери от снижения расценок если и были, то минимальные, а сохранение заработка на прежнем уровне давало ощутимую прибавку семейному бюджету. Увеличение же зарплат при росте цен — вещь лукавая, в чем мы сегодня ежедневно убеждаемся. Вместе с тем психологический эффект от прибавления и урезания заработка несопоставим: первое стимулирует то самое иждивенчество, а второе — активный и творческий подход к делу.

Психология потребителя примитивна и конкретна, легко подвержена развращению. Несомненные блага социалистического уклада в субъективном восприятии обывателя сводились на нет по причине чрезвычайно низкой оплаты труда. В ЦК это понимали, поэтому вопрос о повышении заработной платы неоднократно поднимался на заседаниях президиума. И зарплаты увеличивали, хотя и по крохам. Подобная практика не только не приносила удовлетворения трудящимся, но и не стимулировала заинтересованности в результатах труда. Экономика в целом двигалась экстенсивным путем. Теоретические и практические закладки начала 50-х предполагали все необходимые условия для логичного развития экономической системы, но бездарное управление порождало пассивность масс и закладывало основу грядущего паразитарно-потребительского общества.

Проблема сохранения низких цен на продукты питания всегда считалась политической. Но если в сталинской экономической модели этот вопрос опирался на реальный рост производительности труда, то основой последующих моделей стали пустые декларации. Популярный афоризм тех времен: «Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем». Однако рост зарплат всё больше опережал рост производительности. Экономика впадала в состояние некоего ступора и постепенно деградировала. На декабрьском пленуме 1969 г. Брежнев говорил:

«Взяв курс на всестороннее повышение жизненного уровня населения, советское руководство неожиданно осознало, что народ не понимает и не желает понимать, сколь сложна эта задача для советской экономики».

А в кулуарах пленума в частной беседе задумчиво произнес:

«Я часто задумываюсь над таким вопросом: надо серьезно удовлетворять потребности народа. Я задаю себе вопрос: где грань этим потребностям?»

Вся последующая жизнь показала — такой грани не существует.

Утрата смыслов и целей повлекла за собой еще одну проблему — пьянство. Если в 1952 г. на душу населения приходилось 2 л потребления чистого спирта, то к 1965 г. эта цифра увеличилась до 4,6 л, а к 1978 г. — до 10 л. Это закономерно привело к увеличению смертности и сокращению прироста численности населения, а также падению темпов роста производства во всех сферах.

Еще один расхожий афоризм тех лет: «Коммунизм — это горизонт. Он удаляется по мере приближения к нему». Не только сегодня, но и тогда у подавляющего большинства не возникало сомнений в утопичности провозглашаемой цели. По зрелому размышлению каждый понимал свою личную неготовность к реализации заданных принципов. Но в то же время это же большинство воспринимало социалистические идеи как должное. Публицист Ф. Идзинский пишет:

«Некоторые общественные деятели ранее замечали, что, казалось бы, после тысячелетнего периода христианства в России, большинство населения не понимает его сути. Главную роль играют внешние атрибуты, церковные обряды и суеверие. Многие далеки от истинного содержания христианской веры, несмотря ни на что остались полуязычниками. Аналогично произошло с теорией и практикой социализма. Семьдесят лет социализм был ведущей идеологией, все, от мала до велика, чуть ли не со школы и до старости были охвачены изучением научного социализма. Однако опять же суть социализма понимали немногие, поэтому всё плохое во времена советской власти свалили вообще на социалистическую идею и ее приверженцев. Нашли козла отпущения, большинству так было удобнее и легче».

Иными словами, социум в той же мере не был готов и к социалистической доктрине. Теоретики всех направлений и уклонов ищут причины неудач в чем угодно, но не в «вопросе национальных амбиций». В лучших традициях народничества позапрошлого века массы представляются исключительно в роли жертвы бездарных руководителей-тиранов. Кроме того, подвергается критике сама социалистическая идея. Как ни парадоксально, но главным критиком, сам того не подозревая, оказался Хрущёв. Побывав в Швеции с официальным визитом он, в рамках своего примитивного мышления, углядел черты подлинного социализма именно там.

БСЭ гласит:

«Социализм — первая фаза коммунистической формации. Экономическую основу социализма составляет общественная собственность на средства производства, политическую основу — власть трудящихся масс при руководящей роли рабочего класса во главе с марксистско-ленинской партией; социализм — общественный строй, исключаящий эксплуатацию человека человеком и планомерно развивающийся в интересах повышения благосостояния народа и всестороннего развития каждого члена общества».

Исходя из этого ясно, что шведская модель ни по одному из пунктов не подпадает под определение социализма, уже хотя бы потому, что шведы никогда не задавались целью построения коммунизма. Социализм не ставит задачей сытое и комфортное существование. Он — всего лишь база для перехода к коммунизму, о чем гласит триединая задача, основной пункт которой — «воспитание нового человека».

Надо признать, что в определенном смысле хрущёвскому режиму удалась реализация этого пункта. Советский менталитет постепенно мутировал. Естественно, когда человека убеждают, что вся его прошлая жизнь — сплошная ложь и ошибка, он становится неким «новым человеком», утрачивая смысл настоящего и грядущего, начиная искать новые смыслы.

Для обретения смыслов социуму необходимы общие масштабные цели. Только общее дело придает смысл существованию нации, а вульгарные имитационные гримасы типа целины работают лишь на разложение идеи. А ведь как мало нужно для дискредитации великих идей! Всего лишь нужны вожди, которые эти идеи низведут до уровня насмешки и небрежения. После этого массы теряют веру уже в любые идеи, атомизируются и уходят в свой внутренний мир, несовершенный и эгоистичный.

По сути это и явилось тем самым воспитанием нового человека, но с противоположным знаком. Номенклатура, по определению А. Фурсова, превращалась в особый квазикласс, получивший доступ ко многим материальным соблазнам Запада, а народ пускал слюни на сеансах редких зарубежных фильмов да за просмотрами замусоленного контрабандного глянца. С придыханием озвучивались размеры зарплат в твердой валюте «у них», при полном отсутствии представления о ценах, налогах и объемах платных социальных услуг. Как повелось, основными бродильными реактивами становились студенчество и интеллигенция, исторически озабоченные тяжкой долей крестьянства и пролетариата при чисто умозрительном представлении о реальном положении вещей. Однако времена народовольцев и разночинцев канули в Лету вместе со своими романтиками. Бунтарские прослойки нового времени стали качественно иными, чуждыми былого романтизма и вооруженными иными целеполаганиями.

Но очередная эпоха, как и водится, также начиналась с реформ. Новая власть декларировала прекращение экономической политики «субъективизма и прожектерства и практики административных и волевых решений». Методология предполагала повышение научного уровня управления и основывалась на докладе профессора Е. Г. Либермана «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий». Доклад, направленный в ЦК КПСС, заинтересовал партийную элиту, тем более что в поддержку проекта выступили такие авторитеты от экономики, как В. С. Немчинов и С. Г. Струмилин, а также группа экспертов Госплана СССР. Основные положения, опубликованные

в «Правде», заинтересовали и многих руководителей промышленных предприятий. Политбюро приняло проект как руководство к действию, а реализацию поручили председателю Совмина А. Н. Косыгину. В истории эта реформа так и осталась под названием «косыгинская». Суть ее сводилась к упразднению совнархозов и восстановлению центральных министерств и ведомств, а предприятия получали статус самостоятельных хозяйственных единиц. Количество директивных плановых показателей существенно сокращалось при расширении самостоятельности. В промышленности частично, а в сельском хозяйстве повсеместно вводился полный хозрасчет, и повышались в 2 раза закупочные цены на продукцию при снижении цен на запчасти и технику и снижении подоходного налога. Кроме того, вводилась повышенная оплата сверхпланового урожая.

Результаты не заставили себя ждать. Восьмая пятилетка (1966–70 гг.) дала среднегодовой рост национального дохода более 6%, а объем промышленного производства вырос на 50%. Предприятия рекордными темпами строили за свой счет жилье, а в целом по стране было сдано в эксплуатацию около 2 тыс. крупных предприятий.

Хозрасчет оправдал ожидания в полной мере. На примере Щёкинского химкомбината легко проследить результаты эксперимента. За два первых года объем продукции увеличился почти в три раза, производительность труда в 3,5 раза и в 4 раза повысилась рентабельность производства. Расходы зарплаты на один рубль продукции снизились с 14 до 5 копеек. И всё это при сокращении 870 сотрудников. Щёкинский опыт с одобрения ЦК начал внедряться повсеместно.

Однако во всем этом опять-таки присутствовала грустная ирония: «Всё новое — это хорошо забытое старое». Дело в том, что введение хозрасчета, приписываемое брежневской администрации, началось впервые... в ГУЛАГЕ. Именно тогда этот экономический эксперимент дал такие результаты, что в феврале 1941 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о переводе на хозрасчет всей экономики страны. Обратим внимание: февраль 1941 г. — напряженная предвоенная обстановка, и в Политбюро не возникает и тени сомнения в правильности принятого решения. А теперь приведем слова Косыгина в беседе с главой правительства Чехословакии Л. Штроугалом в 1971 г.: «Ничего не осталось. Всё рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят... Реформу торпедируют. Людей, с которыми я разрабатывал материалы съезда, уже отстранили, а призвали совсем других. И я уже ничего не жду».

А причин тому было множество, хотя главной видятся — консерватизм и определенная трусость значительной части партаппарата на манер «доктрины Победоносцева». С одной стороны, свежи еще были воспоминания о хрущёвских экономических экзерсисах, а с другой — критика группы ученых, обвинявших Косыгина в «уступках Западу, предательстве

социализма, перетаскивании на советскую почву чуждых идей». Кстати, в их числе были и будущие экономические «локомотивы» перестройки С. Шаталин и Г. Арбатов. Недавние события Пражской весны также побуждали значительную часть партэлиты к ужесточению внутривластного курса.

Сегодня в определенной среде ученых существует мнение, что начатые реформы были «путь в никуда», так как если в 1967 г. СССР затратил на закупку зерна 50 т золота, то уже в 1972 г. почти 460 т.

Стартом реформ Косыгина—Либермана послужило постановление ЦК КПСС и Совмина от 04.10.1965 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Здесь вновь прослеживаются знакомые аналогии. Запад воспринял новые инициативы с восторгом. СМИ вздохнули и воспедали очередных реформаторов в самый разгар холодной войны. Крепость русского «заднего ума» не новость. Сегодня реакция Запада на российские нововведения — лучший индикатор их подлинного свойства, скрытого смысла и очевидных последствий. Но и теперь обыватель не утруждается анализом, сопоставлениями, экстраполяциями. Проще говоря — не утруждается «включать голову». Можно, конечно, всё списать на плохое знание отечественной истории, почерпнутое, в лучшем случае, из вузовских учебников, но главная причина кроется за пределами политэкономии. Она заключена в духовно-нравственном состоянии общества, трансформация которого началась одновременно с реформой. Та часть интеллигенции, которая демонстративно уходила в духовный андеграунд, порицая «вещизм» и стяжательство, никоим образом не стремилась становиться нравственным стержнем общества, утратившего прежние социальные ориентиры, смыслы и цели. Их фи́га, глубоко упрятанная в карман, чувствовала себя тепло и уютно. Лучшее подтверждение этому — статистика тех лет. Погоня за прибылью как самоцель привела к ее росту у госпредприятий в 4,6 раза, в то время как производительность труда возросла всего в 2,5 раза. Еще один парадокс системы, свидетельствующий, что никто не хотел напрягаться. Прелюдия оголтелой приватизации 90-х и дикой рыночной экономики завершилась.

Но, несмотря на все противоречия, принципы косыгинской реформы нашли отражение в разработке ряда экономических нововведений 1987–88 гг., в том числе закона «О государственном предприятии». Данный закон — один из ряда многих других, угробивший на корню советскую экономику. Именно этот закон в большой степени способствовал созданию товарного дефицита в 1989–91 гг. А суть его состояла в том, что он фактически упразднял госмонополию на внешнюю торговлю, так как предприятия получили право самостоятельного выхода на мировой рынок. Валютная выручка внутри страны преобразовывалась в гигантскую рублевую массу, ничем не обеспеченную.

«Застой» — прямое следствие политики Хрущёва по консервации партийных кадров, произошедшей по причине отказа от сталинского проекта ротаций и лишения партии руководящей роли в государственной деятельности. В итоге к началу 80-х у руля страны остались одни старые ма-разматики. Догматизм и косность брежневской партийной бюрократии не предполагали ни малейших проявлений экономической вольности. Теперь не принято вспоминать о сталинской экономической системе 40-х гг., а если она и упоминается, то чаще всего в форме абсолютной чуши. А на самом деле внедрение рыночных механизмов в 1941 г. было далеко не первым шагом. Создание артелей всячески поощрялось государством. Достаточно сказать, что бюрократическая процедура регистрации укладывалась в один день, а любые попытки ограничений в деятельности жестко преследовались по закону. Льготы, предоставляемые малому бизнесу, были несопоставимы с нынешними и, кроме всего прочего, промкооперация имела собственную пенсионную систему.

Всё это Хрущёв разгромил вчистую к 1960 г. в стиле рэкетиров 90-х. Собственность банально отбиралась, а пай и взносы не возвращались.

Так началась постепенная трансформация всей экономической системы, получившей в среде экономистов определение «государственный капитализм», а по определению К. Маркса — «азиатский способ производства», как некий прообраз китайской модели.

Благие порывы косыгинской команды привести экономику в состояние здравого смысла ограничивались идеологическим догматизмом. Именно тогда нишу малого бизнеса заняли знаменитые «цеховики», кормившие в большей степени организованную преступность и сами живущие «под статьей», нередко расстрельной.

Оценки деятельности брежневской администрации противоречивы. Для кого-то это время стало эпохой возможностей, пусть и с криминальным оттенком, для кого-то — периодом стабильности при внятных законах и неукоснительных социальных гарантиях, а кто-то всё также пил водку на кухне, по укоренившейся привычке ругая «совок», давший ему образование и какую-никакую социальную защищенность. Как показатель утраты смыслов — пьянство. Если в 1952 г. потребление алкоголя составляло около 2 л на душу в пересчете на чистый спирт, то в результате неуклонного роста к 1980 г. оно достигло почти 12 л. Как следствие — рост смертности и падение рождаемости.

Сегодня старшее поколение вспоминает «застой» чаще всего с ностальгией. Как это ни покажется странным, но это было время, когда власть жила сама и давала жить народу. Либералы любят козырять преследованием инакомыслия. Но это ложь. Ничье *мыслие* власть вообще не интересовало. Преследовалось *инакодействие* в любых его проявлениях. Как бы это кощунственно ни звучало, но в карательной психиатрии, введенной хрущёвской администрацией, было определенное рациональное

зерно. Особенно понятно это стало теперь, когда очевидно, что либерализм, проходя неизбежную фазу *либеразма*, вырождается, в конце концов, в *либерастию*, а это не что иное, как клиническая форма психического заболевания.

Рассуждая об экономической стагнации, профессионалы, почему-то, никогда не утруждаются элементарным анализом. Но мы не поленимся.

Итак, в течение 18 лет брежневской эпохи советская экономика представляла собой достаточно специфическое явление. Явно экстенсивный характер ее развития (если существующие процессы вообще можно назвать развитием) выражался в основном в экспорте энергоносителей. Но в то же время к 1980 г. СССР занимал первое место в Европе и второе в мире по объемам производства. Объяснение этому может быть единственное: инерция сталинского разгона дала возможность стране переключиться, пусть и неуклюже, период хрущёвских экономических диверсий. В то же время интеллектуальный всплеск шестидесятников послужил хорошей основой для научного обеспечения косыгинской реформы, которая, даже в осуществившемся виде, создала определенный базис в долгосрочной перспективе. Но энтузиазм интеллектуалов улетучивался едва ли не быстрее, чем у пролетариев. Казалось бы, к середине 50-х в стране было сделано всё возможное для перехода в новую стадию развития — научно-индустриальную. Хрущёва с Петром I роднит исключительное отношение к науке. В своей обычной образной манере он предельно точно сформулировал направление стратегического вектора:

«В соревновании двух систем победит тот, кто усидит на бешено брыкающейся кобыле НТР».

Научно-техническое роедо стало по истине захватывающим. В 1955 г. при Совмине создается Госкомитет по новой технике. Как по мановению волшебной палочки возникают мощнейшие научные институты физики высоких давлений, полупроводников, электронных управляющих систем, ядерных исследований. За период с 1955 по 1970 г. расходы на науку выросли в 12 раз! Нет необходимости говорить, что это было время невероятного научного прорыва. Здесь и космос, и энергетика, и металлургия. Отправной точкой по общему международному признанию служила лучшая в мире система народного образования. Уже в начале 50-х советские студенты занимали первое место в мире по уровню интеллектуального развития.

В конце 40-х в стране начались разработки в области вычислительной техники. Первая советская ЭВМ появилась в 1951 г. Отставание в этой области от Запада составляло по различным показателям от 5 до 15 лет. Разрыв не такой уж великий. Можно не сомневаться, что его преодоление вполне реально могло уложиться в те же временные диапазоны. Инерция сталинского экономического разгона дала возможность хрущёвской администрации производить эксперименты над страной сравнительно

продолжительное время. Инерция интеллектуального толчка «оттепели» дала возможность в 70-х гг. выйти на передовые научные рубежи.

Но тупой идеологический догматизм доконал не только генетику, но и кибернетику, поэтому разрыв не только не сокращался, но и катастрофически увеличивался. Дошло до того, что мы уже не могли не только копировать западные образцы, но и просто отслеживать направления их развития.

Происходило в точности то, чего опасался Сталин: наукой руководила партия, и ее позиция преобладала над мнением научной общественности. Научные проблемы обсуждались в кабинетах ЦК, а ученые либо придерживались генеральной линии, либо подвергались проработкам в тех же кабинетах. Типичный пример — грустная история с уникальной разработкой технологии непрерывного литья в металлургии. К 1986 г. по этой методике японцы выплавляли более 90% заготовок, французы — более 80%, американцы — около половины. СССР — первооткрыватель — всего 15%. И так во многих научно-производственных отраслях.

Когда заходит речь об «утечке мозгов», ортодоксы бросаются в рассуждения о патриотизме и меркантильности «утекающих», променявших родину на сытную пайку. Но они, как и либералы, в своем одномерном мышлении не в состоянии увидеть главного. У любого истинного творца неизбежно имеет место мегалотимическое начало, а посему он, в той или иной степени, нуждается в признании, которое есть неотъемлемая часть *цели и смысла* бытия. Идеология в вульгарной форме лишает его и того, и другого. С исчезновением высших смыслов неизбежно возникают низшие. Когда обнажилась подлинная сущность «доктрины коммунизма за 20 лет», у всех думающих индивидов раз и навсегда отпало желание работать ради химеры. И тогда идеалисты перестали творить вообще, а прагматики начали творить ради денег. Важнейший показатель — динамика национального дохода. Восьмая пятилетка дала рост в 7,5%, девятая уже 5,8%, десятая — 3,8%, а одиннадцатая — 2,5%. И это был отнюдь не застой. Это была прогрессирующая деградация.

Как это ни парадоксально, но за эти годы почти в два раза выросли реальные доходы населения. Постхрущёвские «хрущёвки» росли, как грибы. Более полутора миллиардов квадратных метров отстроенного жилья обеспечили отдельными квартирами 162 млн человек. В отсутствии высших смыслов люди стали жить для себя, и как показатель — население страны за эти годы увеличилось на 12 млн человек (в увязке с проблемой пьянства — еще один парадокс).

Результаты сопоставления различных показателей той поры настолько парадоксальны, что требуют отдельного углубленного исследования. Действительно, понять, каким образом страна, занимающая второе место в мире по объемам промышленного производства, имела в то же время обвальную отрицательную динамику национального дохода при росте

доходов населения, — непросто. Пожалуй, СССР представлял собой страну контрастов в не меньшей степени, чем «загнивающий Запад».

В работе экономиста Джозефа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» весьма убедительно показаны преимущества рыночной экономики в авторитарных системах перед системами либерально-демократическими. Религиозно-сектантские парадигмы демократии испаряются у среднего класса как по волшебству при первых же признаках угрозы их сытому благополучию. Власть в этих условиях в целях самосохранения вынуждена прибегать к исключительно популистским мерам в виде увеличения расходов на социальную поддержку, сохранения убыточных производств, надувания бюджетных пузырей. Современность демонстрирует уж и вовсе обезьяньи гримасы, такие как прогрессивная шкала налогов. Типичный пример — Франция с ее богатыми, разбегающимися по миру, подобно тараканам от карбофоса. Можно сколь угодно рассуждать о социальной справедливости, о том, что богатые должны делиться с бедными (интересно, с какой это стати?), но абсурдность принципа прогрессивного налога вообще не подлежит обсуждению, потому что процент от сотни и процент от миллиона — не одно и то же, и какую бы антипатию мы не испытывали к богатым, но требовать от них не то что 70%, но даже половину доходов — не что иное, как узаконенный рэкет. Если индивид имеет доход незаконный, то его нужно сажать, а доход изымать, если же сверхдоходы, неадекватные здравому смыслу, образовались в рамках законодательства, то сажать нужно законодателей, а законы менять.

Беспомощность либеральной демократии наиболее ярко проявилась в США в конце 70-х прошлого века. Ф. Фукуяма пишет:

«...в восьмидесятые годы Соединенные Штаты потратили намного больше, чем произвели, выстраивая подряд бюджетные дефициты, ограничивая будущий экономический рост и выбор будущих поколений, чтобы поддержать высокий уровень потребления в настоящем. Несмотря на общую тревогу, что такая близорукость будет вредна как экономически, так и политически, американская демократическая система была не в состоянии всерьез справиться с этой проблемой, поскольку не могла решить, каким образом справедливо распределить бремя сокращения бюджета и увеличения налогов. Так что демократия в Америке в последние годы не показала высокой экономической эффективности».

Что же там происходило на самом деле и какой выход из положения нашли апологеты либерализма?

Старшее поколение хорошо помнит бравурные, ура-патриотические репортажи наших иностранных корреспондентов 70-х гг. прошлого века. Советский человек политикой почти не интересовался (что, кстати, тоже одно из свидетельств социального спокойствия). В кухнях пересказывались анекдоты не только про Политбюро, но и о спецкорах на Западе. На слуху были фамилии И. Фесуненко, В. Зорина, Ф. Сейфуль-Мулюкова

и их репортажи о «загнивающем Западе». Но самое забавное, что Запад, по сравнению с СССР, действительно загнивал. Дефицит у нас, безусловно, был, но в основном на продукцию «загнивающего Запада», низкими зарплатами страдали интеллектуалы и уж совсем не квалифицированные пролетарии, претензии к продуктовому дефициту компенсировались забитыми под завязку домашними холодильниками (еще один парадокс того времени).

Положение в Соединенных Штатах выглядело благополучным лишь на поверхностный взгляд и усугублялось еще и психологической подавленностью от перманентного напряжения, в котором СССР держал США. Объективная реальность внушала американцам суеверный ужас перед растущим влиянием Советского Союза в мире и гипотетической возможностью самим стать частью этого Союза. Масла в огонь подлил трагикомический эпизод лета 1976 г. во время плановых учений ракетных войск на военной базе в Лос-Аламосе. Неожиданно по громкой связи прозвучало оповещение о запуске с территории СССР межконтинентальных баллистических ракет. Подлетное время в те годы составляло 11 минут, а время принятия решения — 4 минуты. Отсчет прервался ровно через 3 минуты. Оказалось, что по каким-то причинам включилось воспроизведение учебной кассеты, забытой кем-то в приемнике. С этого момента Америка погрузилась в состояние шизофренического ужаса, не без помощи, разумеется, пропагандистских СМИ. Люди строили подземные бункеры, запасались продовольствием и медикаментами, средствами индивидуальной защиты. Психоз охватил не только среду обывателей. Широкою огласку получил случай с высокопоставленным чиновником Пентагона, сиганувшим из окна высотки с воплем «русские идут!»

В те годы экономика США находилась в состоянии циклической либеральной забавы — тяжелейшем кризисе. Острая нехватка нефтепродуктов впервые обнажила факт, что страна живет не по средствам. С позиций сегодняшнего дня это общеизвестная данность, однако в те годы книга нобелевского лауреата, профессора Гарвардского университета В. Леонтьева «Будущее мировой экономики» произвела шоковый эффект. Работа, написанная по заказу Американского национального совета, содержала выводы ведущего мирового экономиста, разбивающие в прах доминирующую либеральную доктрину. С беспощадностью провидения цифры выносили приговор: в 1920 г. СССР контролировал 1% мировой экономики, в 1937 г. — 10%, а в 1975 г. удельный вес СССР в мировой промышленной продукции составлял 20% (для сравнения: в 1999 г. США — 20,4%, весь Евросоюз — 19,8%). Прогноз предполагал, что при развитии такими темпами к 1994 г. Советский Союз по всем показателям обходил Соединенные Штаты и прочно занимал лидирующие позиции в мире.

К 1980 г. производство и потребление электроэнергии в Советском Союзе выросло по сравнению с 1940 г. почти в 30 раз, тогда как в США

за тот же период всего в 14 раз. Если в 1960 г. объем промышленной продукции СССР по сравнению с США составлял 55 %, то к 1980 г. — уже более 80 %. Теперь стыдливо умалчивается, что система ГЛОНАСС начала впервые разрабатываться в СССР еще в середине 60-х гг. Естественно, делалось это в рамках военной доктрины, но в недрах научных институтов шла работа над совершенно секретным проектом использования космоса в коммерческих целях, а именно — создание космического грузового флота. Беспрецедентный замысел сулил и отрасли, и стране баснословные прибыли, так как позволял в недалеком будущем осуществлять грузоперевозки по всему земному шару в течение всего лишь нескольких часов. В недрах советского руководства вынашивались планы переноса промышленных производств в страны третьего мира, увеличения в разы экспорта и притока иностранного капитала.

Сразу же после своего избрания в 1980 г. Р. Рейган собрал совещание в овальном кабинете и заявил:

«После Второй мировой войны мы были сильнее Советского Союза. Во время Карибского кризиса мы были на равных. А сегодня мы отстаем, и с этим нужно что-то делать».

Именно тогда главой ЦРУ был назначен близкий друг Рейгана У. Кейси. Накануне в кулуарах поговаривали, что назначение Кейси на должность госсекретаря — вопрос практически решенный, поэтому состоявшееся назначение для многих явилось полной неожиданностью. И тем не менее Кейси согласился. Очевидно, что первоочередной и первостепенной задачей новоиспеченного директора стала плотная работа в отношении СССР. ЦРУ предоставили беспрецедентные полномочия и полную автономность от контроля всех государственных и общественных институтов. Бюджет управления вырос в разы. Научные центры, аффилированные с ЦРУ, приступили к детальной разработке многоходовой долгосрочной программы по развалу СССР. Каждый этап не только тестировался на многовариантность, но и просчитывался на суперсовременных ЭВМ.

В профессиональных кругах к Кейси прилепилась негласная кличка «Циклон», в соответствии с кодовым наименованием, присвоенным всему комплексу мероприятий по СССР. Первоначальная смета проекта в 1980 г. составила 20 млн долларов, а к 1987 г. достигла 630 млн. Программа охватывала буквально все сферы жизнедеятельности социума, от дискредитации принципов системы социализма и демонстрации преимуществ системы западной до втягивания страны в разного рода военные конфликты. Надо сказать, что афганская авантюра явилась бесценным подарком в рамках реализации проекта. Параллельно аналитики сделали простейший расчет, суть которого заключалась в том, что если цену на нефть опустить всего на 1 доллар, то СССР понесет прямые убытки в размере 1 млрд долларов в год.

Джордж Буш-старший, занявший к тому времени пост вице-президента США, всегда славился умением обзаводиться полезными связями. Коллеги знали, что в любое время суток он может снять телефонную трубку, позвонить соответствующему нужному человеку абсолютно по любому вопросу и положительно этот вопрос решить. Ко всему прочему, Буш и сам являлся крупнейшим нефтяным магнатом, поэтому лучшей кандидатуры для частных переговоров с саудовскими шейхами трудно представить.

Тем не менее переговоры оказались весьма непростыми. В те годы у СССР наладились прочные и взаимовыгодные связи с арабским миром, и в планы шейхов никак не входило их разрушать в угоду извечному конкуренту США. Но Буш не был бы Бушем, если бы не нашел ключика и к этому замку. Правда, тогда он еще не подозревал, что, открывая замок, он выпускает на волю чудовищного исламского джина, который через пару десятков лет начнет пожирать весь Запад. Исчерпав все аргументы, бывший разведчик ударил по самому больному — Афганистану. Обладая недожинными профессиональными навыками, он сумел убедить саудовский истеблишмент в том, что в Афганистане происходит не просто вооруженное и политическое противостояние, а идет священный газават против агрессивного христианского мира. Вот таким образом «священную корову» вынудили сначала замычать, после чего она начала яростно бодаться, не разбирая, где свои, где чужие. В итоге шейхи согласились обрушить цены на нефть взамен на заверения в неприкосновенности банковских счетов на территории США, а также на поставки новейших образцов вооружений и военной техники.

В памяти еще свежа ситуация 1985 г., когда страны ОПЕК, резко увеличив объемы добычи, обрушили цены втрое. В течение полугода цена упала с 30 долларов за баррель до 10. С этого момента СССР начал погружаться в бездонную долговую яму.

Таким образом, была создана необходимая база для реализации следующего этапа плана, а именно — активизации диссидентского движения и создания мощной оппозиции, благо хрущёвская прелюдия создала для этого все предпосылки. В те годы своеобразным маяком для разного рода вольнодумцев стала Польша. Показательно, что одним из первых визитов Рейгана на посту президента стал визит в Ватикан. На встрече с Иоанном Павлом II была достигнута договоренность о всемерной поддержке польской «Солидарности». Вот в гости к Леху Валенсе и зачастили законсервированные советские диссиденты и новоиспеченные оппозиционеры. В обратном направлении потекли немалые средства и дефицитная в те годы оргтехника. Помимо этого, наладилось финансирование протестных движений по всему Союзу, и география этих взаимосвязей хорошо прослеживается по возникновению новых горячих точек на карте СССР.

Следующий этап плана предусматривал формирование политики изоляции Союза не только в информационном пространстве, но и в вопросах обмена передовыми технологиями.

Еще в 1982 г. начал строиться газопровод «Уренгой-6», предназначенный для обеспечения газом практически всей Западной Европы. Контракт предусматривал взаимовыгодный обмен дешевого газа на новейшие технологии и льготные кредиты.

И здесь почти в точности повторилась история, двумя годами ранее произошедшая в Саудовской Аравии, с той лишь разницей, что в качестве переговорщика выступил новоиспеченный госсекретарь Д. Шульц, потребовавший от Западной Европы прекратить поставки Советскому Союзу передовых технологий. Можно только догадываться, какие аргументы использовались в переговорах, но в результате и Германия, и Великобритания пошли на поводу у США, скрепя сердце, отказавшись от дешевого советского газа. Но это была лишь часть поистине высокопрофессиональной и виртуозной комбинации. Теперь в игру вступали спецслужбы.

Начиная с 70-х гг. аналитики США делали небезосновательные выводы, что значительной долей научно-технических достижений СССР обязан не столько ученым, сколько разведчикам. Предпринимаемые меры по ограничению поставок передовых технологий, а также возможного доступа к ним ощутимых результатов не приносили, пока в 1981 г. на контакт с французской разведкой не вышел некий подполковник В. И. Ветров. Будучи сотрудником управления технической разведки ПГУ, он сдал французам около сотни наших источников на Западе и несколько пакетов документов по программе советской научно-технической разведки. Французы по-братски поделились с американцами и сообща решили каналы не перекрывать, а использовать в своих интересах. Таким образом, по линии промышленной разведки массивно потекла дезинформация. Нашим разведчикам в огромных количествах подбрасывалась заведомо непригодная техническая документация, что повлекло за собой длинную череду техногенных катастроф, тщательно замалчиваемых отечественными СМИ и активно раскручиваемых западными. Всё это в совокупности имело целью убедить население страны в том, то в верхах всё прогнило и власти ни на что не способны. И хотя на самом деле подобные утверждения не так уж и далеки от истины, но удалось главное — посеять в сознании людей мысль, что так жить нельзя.

Заключительным же этапом грандиозного плана стала великолепная афера под названием «Звездные войны», имевшая целью добить и без того нежизнеспособный бюджет погибающей страны.

Так для чего всё это? Боялась ли в действительности Америка вооруженной агрессии со стороны СССР? Разумеется, нет. Не было во власти обоих государств ни идиотов, ни параноиков, и каждая из сторон это

хорошо знала. Поэтому в среде рядовых американцев психоз насаждался искусственно и бережно культивировался. Ответ прост, и дал его сам Рейган: «*Мы отстаем и с этим нужно что-то делать*».

Надо полагать, что «изнаночная» сторона августовского 1991 г. так называемого путча не являлась секретом для Запада. Поэтому уже в ноябре, находясь в США с визитом, М. Тэтчер сделала в Хьюстоне интересный доклад, в котором звучала немалая озабоченность:

«Советский Союз — это страна, представляющая определенную угрозу для западного мира, я говорю не о военной угрозе, мы достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием, я имею в виду экономическую. Благодаря плановой экономике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достичь высоких экономических показателей. Процент прироста ВВП примерно в 2 раза выше, чем в наших странах. Если учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление советской экономики и создание у него внутренних трудностей. Причем основным было навязывание ему гонки вооружений. <...> К сожалению, несмотря на наши усилия, СССР оставался долгое время весьма свободным. Сложилась весьма трудная для нас ситуация, однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов, а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере возможности способствовала эмиграции из СССР нужных групп экспертов.

Этим человеком был Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек не осторожный, внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством российской политической элиты».

Обратим внимание: ноябрь 1991 г. — начало всестороннего обвала. Но даже на тот момент пошатнувшийся колосс внушал Западу нешуточные опасения. Всё это к вопросу либеральных злопыхательств о несостоятельности плановой экономики и патриотических стенаний на тему — «какую страну мы потеряли».

Масштабы затрат на реализацию проекта «Циклон» и последующие мероприятия говорят сами за себя. Имея в распоряжении такие баснословные средства, разумнее было бы направить их на модернизацию собственной экономики: и риска меньше, и польза больше. Но американским стратегам, видимо, представлялось предпочтительнее отравить корову соседа, нежели лечить собственную. Однако не нужно демонизировать власти Запада, умозрительно наделяя их маниакально-паталогической

ненавистью к России. Несмотря на то, что за всеми их действиями традиционно проглядывают давно знакомые уши (или рога), генеральной мотивацией остается крамольный, с традиционалистской точки зрения, приговор В. Леонтьева. Поэтому, какими бы средствами они ни располагали, какие бы витиеватые экономические операции ни применяли, ход их мысли всегда будет аналогичен хрестоматийному квартету известного баснописца. В рамках существующей политико-экономической парадигмы ничего принципиально нового изобрести невозможно, потому что данная модель конечна в самой себе и не модернизируема в принципе. Искусственно создаваемые кризисы ей необходимы, как наркоману очередная доза, без которой начинаются ломки и судороги. Ф. Фукуяма признает, что авторитарные режимы с рыночной ориентацией взяли всё лучшее от обеих систем. С одной стороны, это жесткая общественная дисциплина, а с другой — разумная свобода в использовании новейших технологий. В американской же модели отражены и «тупики глобализации», и «конец истории». Американская эпоха утраченных смыслов вступала в фазу наивысшего расцвета, когда потеря ориентиров собственных вызывала гримасы и уродства экспансионизма.

Как вообще замышлялась перестройка? Было ли это явление долгосрочным конспирологическим проектом или научно не обоснованными благими намерениями?

Что Горбачёв — опосредованный ставленник Андропова, сегодня ни для кого не секрет. Но далеко не все знают, что проект перестройки, хотя и несколько в ином виде, принадлежал Андропову. Тогда замышлялось создание в стране ряда особых экономических зон, которым надлежало стать своеобразным полигоном для апробирования новых экономических и политических систем. Воплотить свой замысел Андропов не успел.

Мотивацией позднего советского общества в оптимистическом процессе развития перестройки явилась, прежде всего, потенциальная надежда на грядущую всеобщую справедливость и неосмысленное, наивно-инфантильное стремление к некоей иллюзорной свободе. А началось всё с пересмотра накопленного интеллектуального капитала. Целесообразность процесса трудно оспаривать даже при условии полного социального благоденствия. Полезно время от времени оглядываться на пройденный путь, дабы еще раз осмыслить каждый его этап.

Для кого-то этот период явился отдушиной, оттепелью, пробуждением, чем угодно, но праздником. Алчущие жадно удовлетворялись запретными ранее, пусть и не всегда вызревшими плодами. Обиженные, хоть и с трудом, но получали — кто сатисфакцию, кто доброе имя. Инициативные вырывались из опостылевших рамок и пределов, пусть не всегда успешно, но с видимым образом возможности.

Казалось, что наступало время правды, время очищения. Начала возвращаться старая, но малоизвестная литература и драматургия. С робким

изумлением мы открывали для себя деятелей с именами известными и не очень. Только-только начинали различать в потемневших ликах подлинные образы, и не святых, а живых, некогда и ныне, людей. Изголодавшиеся умы жадно поглощали неведомые деликатесы духа. На праздничные демонстрации еще шли, но уже с надеждой и откровенным оптимизмом. Еще несли портреты вождей, но уже других и по-другому. Еще верили, но уже доверяли. Наступало прекрасное время смешавшихся *еще* и *уже*. Появилась новая наглядная агитация. На новых плакатах старых художников — Горбачёв за дирижерским пультом с раскрытой партитурой ленинского тома; рука, протирающая мутное стекло, с явственно проступающими известными с детского сада чертами.

Маховик раскручивался, и изношенная, выработавшая все сроки службы машина набирала обороты.

Феномен Горбачёва ждет обстоятельного и беспристрастного исследователя-аналитика. Версий, в том числе конспирологических, великое множество, но итог диверсионной деятельности последнего генсека очевиден настолько, что не оставляет даже возможности допущения благих намерений. Разбуженная апрельским пленумом, страна спросонок не могла адекватно осмыслить происходящее. Да и как осмыслить, когда дремотное сознание сразу же оглушили трескучими посулами скорейшего процветания. Новые данайцы приступали к постройке троянского коня.

Эксперимент с химерой коммунизма за 20 лет отнюдь не провалился. Он показал, во-первых, полную несостоятельность посылки, а во-вторых — необходимость иной, беспроектной манипулятивной технологии. Нужно, наконец-то, честно признать, что нас всех тогда обманули. Нас банально купили по дешевке. Этот первый полномасштабный акт купли и послужил отправной точкой для последующей продажи всего и вся — начиная с гигантов промышленности и заканчивая здравым смыслом и индивидуальной совестью.

А счастье было так близко, так возможно. И лицемерие новоявленных вождей 90-х было простым, как всё гениальное. Хочется поспорить с Пушкиным: все-таки гений и злодейство — вещи очень часто вполне совместные, особенно когда за дело берется отец лжи. Чем тогда купили людей? А тем, что каждый «умный» может стать богатым. А если ты не очень умный — тоже не тушуйся. Вот тебе ваучер, в котором как минимум автомобиль «Волга». Беспроектная операция по расщеплению сознания. Абсолютное большинство не выражает сомнения, что приватизация — банальное ограбление. Еще Аристотель вывел концептуальную формулу: «собственность есть кража». Российская же методология 90-х заслуживает более категоричной, ненормативной формулировки. И тем не менее помимо «заводов, газет, пароходов» огромное количество разнообразной неликвидной, отжившей несколько сроков государственной

мелочевки разошлось в частное пользование миллионам физических лиц. Перепахавшая халява в виде мелкой собственности чаще всего никак не обогащала символических нуворишей, а лишь добавляла хлопот, попутно уродуя менталитет и разрушая психику. Грандиозная афера — приватизация жилья — довершила процесс перевербовки общественного сознания в пользу мамоны. Никто никогда не задумывался, что есть квартира в собственности? Это не земля под ней, не пол, не потолок, не стены. Это — всего лишь несколько кубов воздуха, обозначенных как собственность, в рамках которой государство свалило с себя всякую ответственность за стены, полы и потолки, а также за все коммуникации в пределах обозначенной кубатуры, да еще и регулярно стрижет купоны в виде налогов на землю, над которой висают десятки этажей кубатуры пустого воздуха. Однако собственность...

По крайней мере, на начальном этапе всё выглядело вполне пристойно: «новое мышление», «ускорение», «больше социализма» и т.п. Да и либеральный бред звучал дозированно, а потому таковым не казался. Еще не вылупились новые «чикагские мальчишки» — младореформаторы, а энтузиазм масс неизменно и воинственно подогривала наша интеллигенция, испокон веков генетически влекомая к колониальному состоянию. Да что уж кокетничать, нужно честно признать, что русская аристократия уже со времен Петра I стала духовной колонией Запада. Несмотря на то, что простой народ во все времена смотрел настороженно на любые западные веяния, «мозг нации» — эта классовая прослойка (точнее было бы назвать — «прокладка») — всегда была носителем либеральной инфекции. Цитировать Ленина сегодня *mauvais ton*, однако из песни слова не выкинешь, а песня эта — письмо вождя А. М. Горькому от 15.09.1919:

«Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, *интеллигентов*, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На самом деле это не мозг, а говно. <...> Интеллектуальным силам, желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалование выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт».

Очевидно, что Ленин видел неоднородность и разделение интеллигенции на истинных и *интеллигентов*, обслуживающих интересы капитала, то есть по существу — лакеев. Старая русская аристократия предпочитала изъясняться по-французски да «по-аглички», баловаться Вольтером да Адамом Смитом, заказывать туалеты в Париже да в Лондоне, нанимать полуграмотных французских цирюльников в гувернеры. Так веками формировался «цвет нации», выдавший под занавес пласт «золотой молодежи», слушающий западную музыку «на костях», жадно припадающий к забугорной кинопродукции, изобретающий, в меру понимания, некую нелепую а-ля моду и специфическую лексику. Поэтому семена провозгла-

шенного перестройкой «нового мышления» упали на благодатную почву, удобренную еще «шестидесятниками».

Но это, так сказать, гуманитарная часть вопроса. В практической же плоскости всё обстояло значительно драматичнее.

Понимала ли межклассовая «прокладка», в каком направлении толкала страну? Творческая ее часть вряд ли. Все эти деятели отечественной культуры, а в особенности «инженеры человеческих душ», облизывающиеся на блага западных коллег, строили в воспаленном творческом воображении воздушные замки из баснословных гонораров и растиражированных пиар-акций, «ни ухом, ни рылом» не осознавая, что успех западных коллег обусловлен лишь конъюнктурой и рынком. Привыкшие благоденствовать на подогреве творческих союзов и государственном финансировании многотысячных тиражей, они, преисполненные гордыней отечественного признания, пребывали в уверенности, что на фоне порнографического хлама западных собратьев по перу понесут в массы мирового читателя свет реализма российской деревни, чем обогатят его духовный мир. Девяностые развеяли их наивные иллюзии: книжные развалы запестрели глянцевыми обложками той самой продукции, каковую они рассчитывали превзойти мощью своей доморощенной духовности.

В среде исследователей отстаивается точка зрения, что в те годы место мнения Союза писателей занял рынок и определяющим фактором стал читательский спрос. Это правда, но не вся. В 90-е наряду с издательствами гигантами возникло множество мелких частников, специализирующихся на производстве низкопробных печатных изданий в ярких обложках, чаще всего с изображениями, имитирующими третьесортный Голливуд. Они-то и стали формировать новые вкусы и «литературные» пристрастия толпы. Самое любопытное, что этот мусор оказался востребован даже теми, кто в прежние времена вообще книг в руки не брал. Однако необходимо признать, что в эти же годы заинтересованному читателю стали доступны произведения русской философской школы и другая ранее не издававшаяся классика. Но востребованность такой продукции была ограничена достаточно узким кругом подлинной интеллектуальной элиты общества. Серьезная же литература матерых отечественных авторов современности, практически без исключения, сосредоточилась на забытой теме культуры личности и ужасов сталинизма. Художественные достоинства текста уходили на второй план, а преобладающей становилась обличительность на грани разгрома, густо замешанная на публицистическом пафосе. Ярким примером перестроечной конъюнктуры можно считать роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Это ну очень среднее произведение критики оценили как «лучший роман XX века». В 1988 г. роман В. Дудинцева «Белые одежды» удостоился Государственной премии. Особенность романа такова, что уже через год-два после прочтения совершенно

невозможно вспомнить его содержание, кроме основной сюжетной канвы. Роман А. Рыбакова «Дети Арбата», так же поднятый на щит критиками, по качеству текста соответствует школьному сочинению прилежного десятиклассника.

Казалось, у старой писательской гвардии прорвало некие сливные емкости, и она уже не в состоянии удерживать потоки скопившегося отстоя былого вдохновения. Надо признать, что встречались и вполне достойные с литературной точки зрения вещи, но по прошествии не такого уж длительного времени чаще всего было трудно вспомнить содержание того или иного опуса.

В целом в перестроечной литературе преобладала откровенная историческая чернуха, почти в точности повторяющая идеологические веяния 60-х, но в степени, значительно превосходящей. Формировалось общественное мнение, исключаящее объективное знание и понимание отечественной истории. Лейтмотивом всего культурологического пласта тех лет можно считать заклинание: «Так жить нельзя!», без ответа на вопрос — а как можно или нужно? В то же время возникает целый ряд постмодернистских экспериментов. В диапазоне от мягкой иронии до жесткого сарказма препарируется система сложившихся ценностей, предвосхищая «творческие» изыски современных деятелей типа режиссера Богомолова. В интеллектуальной шелухе тонут не только идеалы, но и смыслы.

Художественное творчество всех сфер решительно порывает с соцреализмом, на месте которого образуется вакуум. Акутогава писал: «Свобода, как воздух горных вершин, для слабых людей непереносима». Таким образом, риторический вопрос: «с кем вы, деятели культуры?» — повис в воздухе, потому что оказалось, что эти самые деятели совершенно не представляют, как существовать в условиях вожделенной свободы. Выяснилось, что весь их творческий пар устремился в гудок борьбы с кем-то, чем-то и за что-то. Многие годы они учились изъясняться эзоповым языком, в чем немало преуспели, а теперь приобретенное мастерство оказалось не востребуемым, и творческий пар устремился в «терки и разборки», дележи имущества творческих союзов, выяснения отношений между ретроградами и прогрессистами. Всё это грязное белье полоскалось и смаковалось всевозможными СМИ, порождая в здоровой части общества брезгливость, нигилизм, а в итоге — апатию. Крушение духовных кумиров недавнего прошлого выбивало из-под ног адептов почву истинного осмысления происходящего.

Что касается молодежи, то ее постигла подлинная духовная катастрофа. На ее глазах сносили какие-то памятники, с телеэкранов неслись скандальные междусобойчики политических оппонентов, всячески поносились вся 70-летняя история и культура. Дошло до того, что некоторые ретивые деятели областного масштаба в пылу разгула бюрократического

суверенитета упразднили советские учебники истории и какое-то время изучение предмета велось по газетным публикациям.

Но свято место... Явление данайцев в лице фонда Сороса не заставило себя ждать. Их дары в виде грантов, исчисляемых сотнями миллионов долларов, предназначались для издания новых школьных учебников. Официально фонд обозначался как международная благотворительная организация, но, что представляет собой благотворительность по-американски, уже ни для кого не секрет.

Об идеологическом и фактологическом содержании новых учебников написано и сказано достаточно, повторяться нет смысла. Сам Сорос называл эту программу «трансформацией гуманитарных дисциплин», так как «гуманитарные науки были искалечены марксистско-ленинской догмой». Новые же учебники настолько исказили догмой либеральной, что советская теперь выглядела легкой косметикой. По этой программе 24 учебника были приняты в качестве основных, и еще 200 проходили тестирование при всесторонней поддержке Министерства образования под руководством Е. В. Ткаченко и А. Г. Асмолова. Трудно сказать, были эти деятели врагами или простыми идиотами, да это и не столь важно. Важно, что сотни тысяч детей изучали псевдоисторию, закладывающую в неокрепшее сознание представление о неполноценности собственной страны.

«Трансформация гуманитарных дисциплин» затронула не только историческую науку. Действие программы распространилось и охватило практически все гуманитарные сферы и обществоведческие дисциплины. Подробно об этом мы поговорим в следующей главе, а пока достаточно констатировать, что по данным ЮНЕСКО Россия до 90-х гг. занимала 3-е место в мире по интеллектуальному уровню молодежи. По состоянию на 2002 г. страна занимает 47-е место. Нужны ли комментарии?

«Конь» Сороса разительно выделялся из общей массы «троянского табуна» западных благотворителей. Фонды Форда, Макартуров, КАФ (благотворительный фонд развития филантропии), Всемирный фонд дикой природы, Чарльза Стюарта Мотта, «Врачи без границ», «Врачи мира», Армия спасения, Международный Красный Крест... etc, etc, etc... Дикий табун «троянских коней» устремился в Россию, щедро рассыпая на своем пути семена соблазнов и обольщений. Но деятельность фонда Сороса, или, как его стали называть позже, Института «Открытое общество», по эффективности превосходил их всех в разы. Без малого за три десятка лет работы в России Сорос вкачал почти 1 млрд долларов в науку, образование, культуру, медицину, политику. В 1988 г. под его эгидой образовался дочерний фонд «Культурная инициатива», изучающий предпринимательские и просветительские проекты и щедро финансирующий наиболее перспективные. В содружестве с Г. Павловским — директором программы «Гражданское общество» — Сорос спонсировал широкомасштабное обеспечение страны оргтехникой.

Состояние отечественной науки в начале 90-х было не просто ужасающим. Наука пребывала в глубокой коме. Речь идет не только о финансировании исследований, но и об элементарном выживании самих ученых. У кого была хотя бы малейшая возможность, те бежали «за бугор», остальные торговали газетами в электричках или «челночили». И тут, как черт из табакерки, возник добрый дядюшка Сорос, отстегнувший российской науке более 100 млн долларов. С 1994 по 2005 г. фонд выплачивал ежемесячные вспоможения наиболее продвинутым ученым, аспирантам, школьным учителям. В начале 90-х при средней зарплате в 20 долларов профессора получали дополнительные 500. Пристальное внимание Сороса было обращено на школу. Проведение учительских конференций перешло на постоянную основу. В систему вошли школьные олимпиады по принципиально иной программе. Как уже говорилось, фонд переиздал учебники для средней школы тиражом более полумиллиона. С 1996 по 2001 г. в 33 российских университетах открылись интернет-центры со свободным бесплатным доступом. Фонд обеспечивал не только поставки техники, но и зарплату специалистов. Эти удовольствия обошлись дядюшке еще в 100 млн долларов. Проект «Пушкинская библиотека», стартовавший в 1998 г., стал одним из крупнейших. Закупка книг для многих сотен библиотек по всей стране и поддержка таких изданий, как «Новый мир», «Звезда», «Знамя» и многих других, — основное направление деятельности проекта. Ну и конечно, бережное пестование разнообразных НКО и «независимых» СМИ. Всякого рода «мемориалы» и диверсионно-вражеское «Эхо Москвы» — все они кормились с руки дядюшки. И вполне естественно, что в глазах либералов и диссидентски (и не только) настроенной научной и студенческой среды Сорос приобрел образ некоего божества-спасителя. Осуждать людей за желание всего-навсего продуктивной работы на свою страну, возможности получать качественное образование и при этом достойно существовать — не корректно. Сыграла свою роль и многолетняя, укоренившаяся в сознании советского человека идиома, выработавшая у старшего поколения рефлекс «дружбы народов», в силу которого лукавство заокеанских данайцев не воспринималось. Детская наивность старших сочеталась с историческим невежеством младших.

Добрый дядюшка делал ровно то, что должна была делать наша родная власть, но она была озабочена иными проблемами, в частности — страстными поцелуями многочисленных дядюшек во все доступные и недоступные места да натужным затаскиванием троянского табуна в широко распахнутые ворота Отечества.

Показателен факт, что фонд Сороса резко сократил активность в России сразу после ареста М. Ходорковского. Однако многие гуманитарные проекты продолжали осуществляться уже без участия фонда. В ноябре

2015 г. генпрокуратура признала Институт «Открытое общество» нежелательной организацией на территории РФ. В целом ряде регионов власти провели внеплановую проверку библиотечных фондов, по результатам которой вышло распоряжение об изъятии из доступа учащихся и педагогов целого ряда книг по исторической тематике. В 2016 г. в Республике Коми были сожжены все книги, изданные при поддержке фонда. Важно отметить, что Беларусь изгнала дядюшку еще в 1997 г. В 2004-м ее примеру последовал Узбекистан. Но в целом ряде бывших республик фонд продолжает благополучно функционировать.

Объективно Институт «Открытое общество» сделал много полезного для страны. Оно и понятно — главная цель нуждалась в надежном прикрытии. Но «если хочешь победить врага — воспитай его детей». Можно не тратить время на анализ мотиваций величайшего спекулянта всех времен и народов. Филантропия не только идеальный законный способ ухода от налогов, но и прекрасное прикрытия истинных целеполаганий. Чтобы поверить в искреннее рвание этого хищника о национальном благополучии России, нужно быть полным идиотом. Модернизированные учебники истории, сокращение часов изучения русского языка, изменение перечня изучаемых литературных произведений, разрушение единого образовательного пространства — всё это бесценные дары данайцев.

Доцент МГИМО О. Четверикова пишет:

«Создание нового человека требует серьезных изменений в системе образования. Так, наши геополитические противники переходят на новые методы ведения войны — поведенческое противоборство. Поведенческая война означает изменение или разрушение системы базовых ценностей, стереотипов поведения, норм жизни. А где формируются эти ценности? В религии и в системе образования. Поэтому православие для них — враг номер один, хорошее традиционное образование — враг номер два. По ним и бьют».

Одним словом — бихевиоризм в действии.

Факт, что с начала основания и на протяжении последующих пяти лет президентом университета «Сколково» являлся профессор Массачусетского технологического института, сотрудник NASA Эдвард Кроули широко нигде не освещался, хотя и не секретился. Так, тихой сапой, подсунили нужного персонажа. Он же входил в состав Совета по конкурентоспособности, отбиривший лучшие российские технические вузы для подготовки специалистов с целью последующей работы на Западе. В этом и заключалась главная цель, определенная первопроходцем Соросом: с одной стороны, оболванивание грядущего поколения, а с другой, активная хедхантерская деятельность в среде уже состоявшихся и перспективных научных кадров, а весь филантропический флер — исключительно для наивных (или жадных).

В июле 2017 г. в Совет Федерации поступили рекомендации к слушаниям на тему предотвращения вмешательства во внутренние дела РФ. В проекте, в частности, говорится:

«Отмечается активная реализация зарубежных образовательных программ, ориентированных на российских журналистов, взаимодействие и обмен опытом представителей американских и европейских СМИ с российскими журналистами и редакторами оппозиционных онлайн-изданий».

«Необразованных» российских журналистов обучали новейшим методикам использования социальных сетей и интернет-ресурсов для манипуляции сознанием общества с целью активизации протестных настроений. Методики, разработанные западными спецами, основывались на новейших исследованиях в области бихевиоризма и бихевиорализма⁹¹. В документах Совфеда отмечалось:

«Серьезную угрозу, способную оказать существенное влияние на информационную безопасность России, представляет интерес зарубежных структур к приобретению и поддержке медийных ресурсов в российских регионах. Этот аспект антироссийской активности требует выделения в отдельное направление противодействия внешнему вмешательству во внутренние дела Российской Федерации».

В этом направлении, помимо вездесущего фонда Сороса, активно действовали и многие другие «благодетели»: Агентство США по международному развитию, Национальный фонд демократии (NED), Международный республиканский институт, Национальный демократический институт по международным вопросам, Фонд Макартуров, Freedom House, Фонд Чарльза Стюарта Мотта, Фонд «Образование для демократии», Восточно-европейский демократический центр, Европейский совет по международным отношениям, Атлантический совет, Совет по международным отношениям, Институт Брукингса, фонд «Наследие», Фонд Карнеги, Институт «Чатем-Хаус», Центр по вопросам анализа европейской политики, Центр по вопросам изучения демократии, развития и верховенства закона при Стэнфордском университете, Корпорация «Рэнд», Центр имени Вудро Вильсона, Центр стратегических коммуникаций НАТО. Одно слово — табун.

С самого начала перестройки на социум обрушился информационный вал разоблачений. Лукавая либерально-демократическая доктрина по оглашению предавала анафеме насилие в любых его проявлениях,

---

⁹¹ Бихевиоризм (от англ. behaviour — поведение) — систематический подход к изучению поведения людей и животных.

Бихевиорализм — подход в политической науке, появившийся в 1930-х гг. в США. Он представляет собой резкий отход от предыдущих подходов в упоре на объективный, количественный подход к объяснению и прогнозированию политического поведения.

и никто не замечал, что насилие никуда не исчезает; оно видоизменяется, мимикрирует. Шли годы, а клиническая картина, меняясь внешне, постепенно начинала отражать подострые латентные формы процесса, представляющего собой новый вид насилия — информационный. Не навязчивая, но безапелляционная пропаганда заряжала социум угодными власти установками и интерпретациями событий.

Однако ни на какие революционные веяния не было и намека. Перестройка представлялась исключительно как возвращение к истокам истинного, классического социализма — от каждого по способностям, каждому по труду — и как альтернатива устоявшейся уравниловке. Тем не менее социологические исследования, проведенные РАН в 1989 г., выявили любопытную тенденцию, а именно — преобладающее недовольство индивида своим личным положением. Духовно-этические вопросы постепенно сползли на второй план, а во главу угла просачивалась тема индивидуального потребления (вспомним «прелюдию» «оттепели»). Весьма показательны выявленные исследованием цифры потребления продуктов питания. Например, в СССР среднегодовое потребление молока и молочных продуктов составляло примерно 400 кг на человека, а в США 260–270 кг. При этом примерно 50% населения считали, что получают этих продуктов недостаточно. И такая тенденция распространялась на многие продукты и предметы.

В 90-е государство фактически устранилось от управления процессами. Идеологии как единственного морально-этического фундамента в отсутствие Православия не стало. Экономическая анархия повсеместно насаждала «понятия» уголовного мира, а в совокупности с инертностью правоохранительной системы лавинообразно росла преступность и правовой нигилизм.

Французский социолог Э. Дюркгейм, детально изучавший вопросы социальной стратификации, отмечал, что «отсутствие четких норм поведения в обществе порождается разрывом преемственности социальных и культурных норм». Таким образом реализовывалась новая личностная парадигма — человек человеку волк. Начал практически реализовываться постмодернистский процесс атомизации, начало которому положила еще «оттепель». Утрата целей и смыслов способствовала прогрессирующему нравственному разложению, а отклонение от высших духовных субстанций фактически переводило мировоззрение из русла Православия в плоскость протестантизма. Формула «если ты такой умный, то почему бедный?» становилась определяющим вектором бытия.

Формирование новой идеологии порождалось массивной атакой на коммунистические принципы. Сегодня, с расстояния прошедших лет, становится очевидным, что доктрины гласности, идеологической свободы, плюрализма как сопутствующие факторы духовного возрождения носили фарисейский характер. На первый взгляд, возвращение народу

возможности свободного отправления религиозных культов, восстановление храмов, общая легализация церковной жизни выглядели как крутой поворот к духовности. Официальным утверждением этого служили и репортажи с праздничных богослужений, на которых стали регулярно присутствовать представители власти высших уровней, получившие в народе меткое определение «подсвечники». Но фактически борьба с коммунистическим наследием, изживание социализма представляли собой окончательное разрушение не только самой платформы Православия, но и национальной культуры.

Как уже говорилось, третьим пунктом триединой задачи значилось «воспитание нового человека». Именно тогда, в прелюдии, на XXII съезде КПСС были смещены акценты в направлении вектора цели, потому что первым пунктом значилось «обеспечение самого высокого в мире жизненного уровня народа». Однако «пределы роста» обозначены не были, о чем и задумался в 1969 г. Л. И. Брежнев. В сочетании с обещанием скорого показа «последнего попа» в телевизоре, программа начала формировать самоорганизующуюся систему.

Троянские кони вкатились на почву, уже подготовленную, а их наездники, пообещав толпе скорейшую реализацию первого пункта, дружно взялись за претворение третьего, в чем и преуспели. Назвать их «всадниками апокалипсиса» — много чести; они — всего лишь преданные нукеры Просветителя.

В отличие от недоумков хрущёвского идеологического аппарата новые геростраты хорошо понимали, что между Православием и коммунистической идеологией никаких принципиальных расхождений не существует, поэтому для реализации их планов «новый человек» был жизненно необходим. Интересен факт, что «новый человек», получивший наименование «новый русский» и занявший лидирующие позиции в новой системе, происходил чаще всего из среды комсомольских функционеров — представителей золотой молодежи советского образца. Разложение партийной элиты после «оттепели» принесло плоды в лице ее отпрысков. Зарубежные турне партноменклатуры и членов их семей неизбежно служили почвой для сравнения двух систем. Если информированные и теоретически подкованные «туристы» понимали истоки западного изобилия, то молодые люди видели лишь витрину, не углубляясь в происходящее за ней. Удивительно, что «выездные» функционеры заботились только о приобретении дефицита *там*, не заморачиваясь о путях решения этой проблемы *здесь*. Некоторые специалисты-теоретики на голубом глазу выражали удивление: как это так — производство товаров народного потребления увеличивается с каждой пятилеткой, а дефицит всё растёт? Объяснение находили простое до тупости: неумеренные запросы превышают предложение. Но старшее поколение помнит, насколько трудно, а чаще — невозможно, было найти приличную

одежду, обувь, бытовую и другую технику. Магазины «Березка» представляли собой витрину Запада в миниатюре, но даже самые убогие европейские страны соцлагеря производили продукт, не сравнимый по качеству с советским.

Списывать всё на крен морали в сторону потребительства не корректно и примитивно, тем не менее коммунистические духовные идеалы всё более расплылись. Существует статистика, согласно которой суммарные расходы социума на покупку золота и ювелирных изделий в период с 1966 по 1982 г. возросли в 45 (!) раз, что многократно превышало темпы роста зарплат и банковских накоплений, а это — неопровержимое свидетельство бурного развития теневого бизнеса, или банального воровства.

Значительную роль, как тогда, так и сейчас, играли диссидентские движения. Американский аналитик М. Ледин высказался предельно откровенно:

«Кто при Рейгане думал, что мы сломаем СССР? А ведь прошло каких-то восемь лет! Мы просто взяли на зарплату диссидентов. И всё. Страна разрушилась».

Об отношении западного истеблишмента к Горбачёву уже говорилось выше, но помимо «пятой колонны» важная роль отводилась и агентам влияния. В конце 80-х ведущие роли «инженеров человеческих душ» плавно переключались к «прорабам перестройки», «центровым» из которых по праву считается А. Н. Яковлев. Выходец из крестьянской семьи, участник ВОВ, хотя и недолгий, в 1944 г. вступил в партию и получил должность начальника кафедры военной и физической подготовки Ярославского пединститута. Одновременно там же начал обучаться на историческом факультете. После второго курса был направлен в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) с последующим назначением в Ярославский обком. С этого момента и началась успешная карьера на партийном поприще. В 1983 г. занимает должность директора ИМЭМО и по поручению Ю. В. Андропова возглавляет группу по подготовке новой программы КПСС. Судя по тому, что в 1985 г. Яковлев становится заведомо пропаганды ЦК КПСС, дела его шли более чем успешно. Но тут с ним произошла неожиданная метаморфоза — он вдруг становится ярким антикоммунистом и антимаרקсистом. О причинах такой внезапной ликантропии — чуть ниже, а пока — информация к размышлению из книги В. Крючкова «Личное дело», вышедшей в 1994 г.:

«Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь он сам был участником войны, получил тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать всё и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью

по отношению к Родине и собственному народу. И еще — я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало».

Да и сам фигурант в мемуарах беззастенчиво вешал:

«Я много и въедливо изучал работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Мао и других „классиков“ марксизма, основателей новой религии — религии ненависти, мести и атеизма. <...> Давным-давно, более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм — это не наука, а публицистика — людоедская и самоедская. Поскольку я жил и работал в высших „орбитах“ режима, в том числе и на самой высшей — в Политбюро ЦК КПСС при Горбачёве, — я хорошо представлял, что все эти теории и планы — бред, а главное, на чем держался режим, — это номенклатурный аппарат, кадры, люди, деятели. Деятели были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. Все до одного, и я — в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостью, истинные убеждения — держали при себе. После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды „идей“ позднего Ленина. <...> Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и „нравственным социализмом“ — по революционаризму вообще. <...> Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала».

Позднее, в одном из интервью, бывший первый зампред КГБ Ф. Бобков говорил:

«Опоздали с разоблачением Яковлева не мы. Это наш председатель (оказавшийся, между прочим, во главе КГБ благодаря Горбачёву) проявил нерешительность, попытавшись уладить все кулуарным способом, вместо того чтобы задолго до августа 1991 года обнародовать материалы разведки, предупреждавшие общество о подготовке Соединенными Штатами развала СССР через группу Яковлева».

Вопрос о том, каким образом высокопоставленный партийный пропагандист-агитатор, выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС вдруг обратился в подпольного антисоветчика отпадает сам собой при детальном рассмотрении этапов его большого пути. «Более 40 лет назад» в сознании — то ли циничного лицемера, то ли продажного ренегата — произошел идеологический переворот, четко совпадающий по срокам с его так называемой «стажировкой» в Колумбийском университете — alma

mater штатовских битников и одном из восьми частных университетов «Лиги плюща». Там же с 1946 г. успешно функционировал академический исследовательский советологический центр, получивший впоследствии название «Институт Гарримана». В числе его выпускников знакомые все лица — З. Бжезинский, М. Шульман, Д. Мэтлок, М. Олбрайт. В колумбийской истории Яковлева прослеживается характерная параллель: его одноклассником был приснопамятный Олег Калугин, точно так же продемонстрировавший после «стажировки» головокружительный карьерный взлет в аппарате внешней разведки. Сегодня уже не секрет, что вербовка Калугина произошла именно там, а обеспечение его дальнейшей успешной карьеры — результат блестящей совместной разработки ЦРУ-ФБР по внедрению в ПГУ лже-инициативника, якобы завербованного Калугиным.

На допросе по делу ГКЧП Крючков сообщил, что комитет был осведомлен о колумбийских контактах Яковлева практически сразу же, но его друг, председатель КГБ А. Шелепин, его якобы прикрывал, опасаясь за свое положение. Зная принципы работы комитета и учитывая психотипические особенности личности самого Шелепина, в это веришь с трудом. Позже, в одном из интервью, Крючков рассказывал, что во второй половине 80-х контакты Яковлева с западными спецслужбами активизировались, но брать в разработку члена Политбюро не представлялось возможным. При личной встрече с Крючковым Горбачёв в ответ на оперативную информацию промямлил что-то невразумительное. Данные о работе Яковлева на американскую разведку поступали еще в период его пребывания в Канаде в качестве посла с 1973 по 1983 г. Оперативные источники информировали, что фигурант живет явно не по средствам; его траты значительно превышают размер денежного содержания. В ответ на докладную записку Андропова Брежнев отрезал: «Член Центральной ревизионной комиссии КПСС предателем быть не может!» Воистину, неисповедимы зигзаги мысли властей предрежащих!

Вот «из такого сора» произрастали цветы перестройки, и, надо полагать, так называемая группа Яковлева не была единственной. Прелюдия «оттепели» положила начало моральной деформации элиты, что в значительной степени способствовало снижению темпов роста экономики. (Говоря о росте экономики, нужно четко разграничивать понятия роста социалистической экономики, выражавшегося в реальных, осязаемых значениях, и псевдоэкономики современной, рост которой представляет собой всего лишь виртуальные значения роста транзакций.)

Финансово-экономическая ситуация начала 80-х в чем-то сходна с нынешней. Сегодня капиталы выводятся в офшоры, а тогда перетекали в теневой сектор, который к 1985 г. представлял собой реальную альтернативу всей государственной экономической системе. Возникает законный вопрос: на чьей совести явления фарцовщиков, цеховиков, валютчиков?

Кооперативное движение, задавленное на корню Хрущёвым, и бездарная экономическая организация неизбежно должны были рано или поздно породить теневой сектор. Накопленные там барыши, по словам героя В. Шукшина, «жгли ляжку» и требовали себя «вздохматить».

Иными словами, легализовать капиталы возможно было лишь путем демонтажа социализма. Итог известен. К началу 90-х страна утратила как политический, так и экономический суверенитет. Волшебно растворившийся золотовалютный запас, неприлично растущий дефицит бюджета и внешнего долга — этапы стремительной деградации государства.

На секретном совещании Объединенного комитета начальников штабов 24 октября 1995 г. президент Клинтон ликовал:

«Последние десять лет наша политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачёва и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, и уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на пятнадцать миллиардов, сотни тонн серебра, золота, драгоценных камней и т.п. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше двадцати тысяч тонн алюминия, две тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т.д. Многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Распатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года сотрудники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов пятьдесят миллионов долларов, а затем и еще такие же суммы, многие из политиков, а также военные не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно, что наши планы начали реализовываться».

Троянский табун, обремененный «гуманитарной помощью» всех сортов, триумфально вломился в Россию. Начиналось все унизительно-трогательно — «ножками Буша», армейскими натовскими пайками и прочей дребеденью. Истинная «гуманитарная помощь» шла следом.

За период с 1990 по 2010 г. суммарное вливание Запада в программы по контролю рождаемости в России составило 370 млн долларов. Деньги

шли не только на развитие программы по планированию семьи, но и на услуги лоббистов, подкуп чиновников, блокирующих меры по сокращению депопуляции. В 1994 г. Россия присоединилась к выводам Каирской конференции по вопросам народонаселения, что нашло отражение в докладе Национального совета по подготовке Международного года семьи в РФ:

«Демографическую политику надо *освободить от стимулирования рождаемости* и сосредоточить на реальной помощи тем семьям, матерям и уже рожденным детям, которые в ней нуждаются (курсив мой. — Г. Е.)».

И всё это на фоне либеральной риторики об излишнем количестве иждивенцев и сложения с себя государством всякой ответственности за исполнение конституционных социальных обязательств:

«...Важнее добиться в будущем, чтобы как можно большее число семей как можно меньше нуждалось в государственной и общественной благотворительности, разного рода пособиях, льготах, бесплатных услугах».

История вопроса берет начало с доклада Римскому клубу «Пределы роста» 1972 г., в русле которого в 1975 г. Г. Киссинджер подал президенту Д. Форду меморандум № SSM-200, содержащий детально разработанный план обеспечения глобального снижения рождаемости. Обосновывалось это тем, что дальнейший рост населения представляет угрозу господства США над мировыми ресурсами. Киссинджер рекомендовал «начать долгосрочную программу снижения рождаемости во всем мире *всеми доступными методами*, подключив для этого ВОЗ, ЮНИСЕФ, Всемирный банк, Международную федерацию планирования семьи (курсив мой. — Г. Е.)» и далее по списку. В списке же «наиболее угрожающих» значилось 13 стран третьего мира, таких как Нигерия, Эфиопия, Мексика и т.д. Иными словами, сырьевые доноры должны прекратить неконтролируемое размножение. Программа «партии упырей» содержала и свою триединую задачу:

1. Внедрение «планирования семьи» как интегральной части систем здравоохранения «недоразвитых» стран и жесткое увязывание развития любых медицинских услуг, тем более в области материнства и детства, с «планированием семьи». Проще говоря, медицина в обмен на снижение рождаемости.

2. Разработка медицинских технологий по нейтрализации и подавлению человеческой плодовитости.

3. Внедрение в сознание молодого поколения «планирования семьи» как права («безопасный секс» и тому подобное), то есть духовное развращение. Причем в меморандуме рекомендуется «повлиять на национальных лидеров» в этом вопросе.

Естественно, в те годы СССР не мог войти в список государств-парий, однако до 1990 г. содержание документа оставалось засекреченным. Главный «упырь» предупреждал:

«Мы должны позаботиться о том, чтобы наша деятельность не воспринималась развивающимися странами как политика развитой страны, направленная против этих стран».

После распада СССР надобность в конспирации отпала.

Укоренившийся термин «США — мировой жандарм» полностью соответствует истине в том смысле, что жандарм не кто иной, как «цепной пес», и не является самостоятельным персонажем, а обязательно кому-то служит. Термины «мировое правительство» или «мировая закулиса» давно уже не конспирологические, хотя и редко озвучиваемые политологами в силу укоренившегося ханжества, на манер проститутки, «косящей» под институтку. Глобальная власть транснациональных корпораций очевидна, как секрет Полишинеля. Именно поэтому сегодня мы видим в лице мировых лидеров англосаксонского мира полных ничтожеств. Личности масштаба Ширака, Тэтчер, Буша-старшего и Шрёдера уже не нужны. Нужны послушные «эффективные менеджеры».

Возвращаясь к докладу Национального совета, нельзя не отметить важный аспект поползновения на российское законодательство относительно законного брака. Авторы настаивают на узаконивании «новых форм семейных отношений» и их «разнообразии». Комментарии сегодня излишни, но надо помнить, что это материалы уже далекого 1994 г., когда гримасы современной толерастии России еще не коснулись, но троянская программа начинала набирать обороты. Наши доморощенные «эффективные менеджеры», русские «чикагские мальчишки» — «младореформаторы» — начали с лечения страны методами карательной психиатрии, то есть «шоковой терапией».

Старшее поколение наверняка хорошо помнит не столько сами события 1990-х гг., сколько свое мироощущение и психологическое состояние тех лет. В связи с этим необходимо обратиться к одной из публикаций Римского клуба под названием «Перспективы времени и моральный дух» Курта Левина:

«Один из главных методов подавления морального духа посредством стратегии устрашения состоит в точном соблюдении следующей тактики: нужно держать человека в состоянии неопределенности относительно его текущего положения и того, что его может ожидать в будущем. Кроме того, если частые колебания между суровыми дисциплинарными мерами и обещанием хорошего отношения вкупе с распространением противоречивых новостей делают когнитивную структуру ситуации неясной, то человек теряет представление и уверенность в том, приведет ли его какой-либо конкретный план к желаемой цели или же, наоборот, отдалит от нее. В таких условиях даже те личности, которые имеют четкие цели и готовы пойти на риск, оказываются парализованными сильным внутренним конфликтом в отношении того, что нужно делать».

Сообразуясь с выводами, сделанными известным социологом и футурологом Элвином Тоффлером в работе «Шоки будущего», можно так охарактеризовать суть особой психологии, ориентированной на будущее и предназначенной манипулировать целыми группами населения: шоки будущего представляют собой серию событий, которые происходят так быстро, что человеческий мозг оказывается не в состоянии осмысливать информацию. После серии непрерывных шоков подвергаемая им группа населения входит в такое состояние, когда ее члены больше не желают делать выбор в меняющихся обстоятельствах. Ими овладевает апатия, которой часто предшествуют бессмысленные насилия, серийные убийства, разгул уличных банд, изнасилований, похищений детей. Такая группа становится легко управляемой, она будет без сопротивления подчиняться любым приказам, что и является целью такой обработки. Шоки будущего представляют собой физический и психологический надлом, возникающий вследствие перенапряжения той части человеческого сознания, которая отвечает за принятие осмысленных решений. Не прослеживается ли в этом до боли знакомая аналогия? Безусловно. Поколение, осознанно прожившее 1990-е гг., моментально вспомнит «шоковую терапию» правительства Гайдара. Как видим, господа даже не утруждали себя подбором благопристойных терминов, тем более что имя Тоффлера известно лишь узкому кругу специалистов.

Любопытно проанализировать интеллектуальную деятельность хунты с точки зрения информатизации. Не нужно быть большим специалистом в этой области, чтобы выявить целую цепь действий, укладываемых в стройную программу массированного биоэнергетического воздействия на общество. Только одно перечисление предпринимаемых за последнее десятилетие шагов заняло бы не одну страницу текста, но несомненно одно: поставленная цель — уничтожение физического здоровья нации. По данным социологических опросов, в середине 2000-х более 70% населения страны находилось в состоянии перманентного стресса и полной безнадеги. Таким образом, осуществлялся еще один из элементов программы, который условно назовем «культивирование страха».

По классическим законам медицинской науки, началом «лечения» общества можно считать либо август 1998-го, либо осень 1999-го. Именно тогда была сделана первая инъекция ударной дозой. Всё, что делалось до этого, было лишь «клиническим испытанием препарата». В дальнейшем схема удивительным образом стала копироваться с хорошо апробированной методики советской тюремной психиатрии, постепенно доводя толпу до состояния «овоща». Приоритеты действий элиты кажутся тем нелепее, чем глубже мы подвергаем анализу ее стратегию с традиционных отправных точек. Но главная нелепость — приписывать стратегию цивилизационного масштаба стихийному хаосу. Ни о какой стихии не может быть и речи, если дело касается хаоса как средства накопления

энтропии. Схема удивительным образом подтверждается как с позиций практической магии, так и с позиций теоретической физики. Немецкий физик Р. Клаузиус — автор понятия «энтропия» — характеризует явление как «меру вырождения», «обесценивания», «обнищания» в самом широком смысле. Австрийский физик Больцман, основатель статистической физики, а также американец Гиббс обосновали, что энтропия является еще и мерой неупорядоченности физических систем, поэтому накопление энтропии есть не что иное, как накопление хаоса. Иногда при определенных условиях подобные процессы протекают в природе самостоятельно, их называют процессами самоорганизации. Из хаоса формируется порядок. Это равносильно тому, что в систему как бы поступает отрицательная энтропия — «негэнтропия». Подобные системы, способные обмениваться с окружающей средой и веществом, и энергией, бельгийский ученый И. Пригожин назвал «диссипативными». Человеческий организм, как и всё живое, питается негэнтропией. Еще в 1945 г. физик Э. Шрёдингер писал, что мы питаемся не калориями, так как в стационарном состоянии количество энергии в организме остается неизменным, а именно отрицательной энтропией, которая постоянно извлекается из окружающей среды.

Трудно переоценить роль информационных факторов в общественных процессах. Возвращаясь к вопросу культивирования страха, можно было бы заключить, что объективной необходимости держать толпу в страхе, казалось бы, нет, так как редкие и плохо организованные выпады против власти не шли дальше невразумительных лозунгов и жалких единичных голодовок, но тем не менее вирус страха бережно и настойчиво взращивался как экономическими и административными инъекциями, так и грубыми террористическими, а для поддержания стабильности результата применялась непрерывная телевизионная капельница. Только одна взятая навскидку телевизионная неделя того времени государственного (!) канала РТР содержала среднесуточно 90 минут криминальной хроники и от 6 до 8 часов — криминала игрового в виде сериалов и кинофильмов, и это не считая новостей, которые как минимум на 50 % состояли из того же криминала с натуралистическими картинками расчлененки разных видов и сортов. И это — государственный канал. На других либо процент был еще выше, либо их содержание носило ярко выраженный дегенерирующий характер.

Так для чего всё это? Можно списать на стихийный хаос, но выше мы уже рассматривали истинную природу возникновения хаоса.

Результаты многоплановой и плодотворной деятельности данайцев легко проследить по демографическим графикам. Уже к началу 90-х количество смертей превысило число рождений, а начиная с 1992 г. смертность приобрела преобладающий характер. Под удар, как и планировалось, попала социально активная группа трудоспособных — 40–45 лет. Что ка-

сается рождений, то это — прямое следствие насаждения либеральной парадигмы во всех аспектах. Здесь и ориентир на приоритет личного карьерного роста, и «разнообразие семейных отношений», и весь букет пост-модернистских ложных целей и перевернутых смыслов.

Психолог, профессор, действительный член Петровской академии наук и искусств Н. Пирожков приводит такие сведения:

«В 1987 г. численность населения РСФСР составляло 145 311 тысяч человек. Естественный прирост за год составил 968 тысяч человек (данные статистического сборника „Население СССР, 1987 г.“. Москва: „Финансы и статистика“, 1988). Проведем несложный расчет, умножим 968 тысяч человек на 31 год (2019–1988 г.), получим примерно 30 020 тысяч человек. Минимально нас должно быть в России около 175 000 тыс. чел. Где 30 миллионов человек? Потеряно в какой войне?».

Рассуждая о диверсионной деятельности Запада против России, отечественные ура-патриоты не видят главного. Те процессы, с которыми мы столкнулись в 90-х, «прогрессивное человечество» уже пережило в 60–70-х. Экспансия в Россию — это не только агрессия против национальной культурной традиции в самом широком смысле, но и целенаправленная глобальная унификация. В то время, когда у нас разворачивалась прелюдия «оттепели», Запад вступил в принципиально новую фазу развития. Укоренившиеся страхи перед потенциальными социалистическими преобразованиями привели к тому, что основные демографически обусловленные потребности населения были удовлетворены, а к началу 70-х более половины условно перешли в категорию среднего класса. Конечно, на том этапе этот класс был ну *очень* средний, но тем не менее возник неизбежный вопрос: к чему стремиться дальше?

В СССР капитализма не было, поэтому люди определяли для себя цели, описанные выше. Но западный капитализм не мог существовать в условиях стагнации, как и велосипед не может устоять при отсутствии движения. Решение проблемы оказалось примитивно простым: если базовые потребности удовлетворены, то нужно создавать новые, и создавать непрерывно. Золотой телец не мог ограничиться поисками всё новых рынков сбыта, поэтому ему требовалось расширять уже имеющийся. Так возникло явление маркетинга, основанное на психолингвистическом программировании толпы. В эти годы американские ученые — лингвист Джон Гринер и психолог Ричард Бэндлер — разработали новый подход к манипуляции массовым сознанием — нейролингвистическое программирование. До сих пор данная методика официально считается псевдонаучной, несмотря на безусловные результаты в практическом применении. На ней сегодня строятся и предвыборные, и рекламные кампании. Задача маркетинга «впарить» потребителю любой продукт в максимальном количестве, независимо от объективной потребности. Не зря родился профессиональный афоризм маркетологов: «Мы не удовлетворяем потребности, мы их

создаем». Главные условия эффективности рекламы — отключение рациональных функций восприятия и агрессивное воздействие на эмоции и инстинкты. Идеальный потребитель — это жизнерадостный идиот, регулярно обновляющий смартфоны, планшеты, ноутбуки, бытовую технику, гардероб, мебель, сорта зубной пасты и всевозможные гаджеты. Он должен безоговорочно верить рекламе и как можно меньше думать. В идеале — не думать совсем. Предельно кратка и точна формулировка В. Катасонова: «Главный ресурс современной экономики не нефть, не газ, не деньги. Это дурак, которому можно впарить всё».

В этом смысле новая Россия являла собой непаханое поле возможностей. На поднятие этой целины и был брошен табун золотого тельца, умело направляемый погонщиком — Просветителем под знаменем рекламного слогана «Вы этого достойны!»

СОН РАЗУМА

*Бог, егда хочет показнити человека,
отнимает у него ум.*

Ипатьевская летопись

Достижения современной медицины в области психиатрии поражают воображение полным отсутствием хоть каких-то успехов. Более того, замечено, что при длительной врачебной практике в среде самих психиатров нередки случаи возникновения некоторых психических отклонений, что невольно наводит на размышления о природе таких заболеваний. Ныне даже возникла гипотеза, наукой, впрочем, не подтвержденная, о разности недуга. Однако в мире наличествует бесчисленное количество явлений, наукой не подтвержденных, но имеющих место быть. Психиатрия, как и все отрасли медицины, с упорством аутиста пытается воздействовать на заболевание через тело посредством химических препаратов и физических приборов, естественно, безрезультатно, потому что лечение мозга равнозначно починке приемника, передающего не те новости, которые хотелось бы.

Клиническая картина сумасшествия Запада сегодня настолько очевидна, что не нуждалась бы в комментариях, если не воинствующие попытки внушить всему остальному, «не цивилизованному» миру, собственное безумное мировоззрение. Поистине пророческими оказались слова преподобного Антония Великого:

«Приходит время, когда люди будут безумствовать, и, если увидят кого не безумствующим, восстанут на него и будут говорить: „Ты безумствуешь“, — потому что он не подобен им».

А теперь попробуем построить ситуационную модель. Вы живете в большом доме. Живете давно. До вас здесь жили ваши родители, деды, прадеды. Веками складывались определенные традиции, убеждения, верования. А рядом, за низеньким заборчиком, стоит другой большой дом. Он населен разномастным народом, перемешанным, подобно Вавилону,

пренебрегающим национальными и культурными корнями, помышляющим о некой мифической свободе и пребывающим в прельстительном убеждении, что он сам собой управляет, а каждый отдельный индивид являет собой нечто среднее между пупом земли и центром Вселенной. Вполне закономерно, что такой патологический эгоцентризм постепенно приводит к всеобщему помутнению рассудка и утрате здравого смысла. В конечном итоге большой соседний дом превращается в скопище умалешенных, исполненных агрессии, по причине того, что вы не хотите жить по их правилам. А правила у них, мягко говоря, своеобразные.

Надо сказать, что началось всё достаточно безобидно и забавно, в форме невинных юридических чудачеств. Один из немногих, сохранивших здравый рассудок насельников сумасшедшего дома — мировой судья судейской коллегии Солсбери в Уилтшире Великобритании. Он собрал удивительную коллекцию юридического и психологического абсурда «цивилизаторов». Вот для иллюстрации мизерная часть, собранного им:

«В Англии мужчине разрешается мочиться в общественном месте, если это происходит у заднего колеса его автомобиля и при этом его правая рука находится на авто.

На всей территории Франции запрещается сажать или парковать летающие тарелки в виноградниках.

В США, в штате Индиана запрещается вскрывать консервные банки при помощи огнестрельного оружия.

В Лос-Анджелесе нельзя одновременно купать двоих детей в одной ванне.

Прямая цитата из закона: „Любой водитель, имеющий преступные намерения, обязан при въезде в Вашингтон остановиться и по телефону сообщить о них начальнику полиции“.

В Стерлинге (Колорадо) котам разрешается свободно бегать только в том случае, если у них есть задние габаритные огни.

В Чикаго обезьяна провела пять дней в тюрьме за кражу из магазина.

В Джолиет (Иллинойс) женщину могут арестовать за то, что она примеряет в магазине более 6 платьев за один раз.

В Кенилворте петухи, намеревающиеся кукарекать, должны отойти от жилых домов на расстояние 300 футов, куры — на 200 футов.

В Рамфорде (Мэн) жильцам запрещено кусать домовладельцев.

В Полдинге (Огайо) полицейский имеет право укусить собаку, чтобы заставить ее замолчать.

В Кламат-Фолсе (Орегон) запрещается свистеть под водой.

В Аллентауне (Пенсильвания) закон предписывает проверять пожарные гидранты за час до пожара.

В Кресскилле все коты обязаны носить по три колокольчика, чтобы предупреждать птиц о своем появлении.

В Айдахо запрещено рыбачить сидя на верблюде.

В Алабаме запрещено водить машину с завязанными глазами.
В Балтиморе не разрешается приходить в театр со львами.
В Нью-Орлеане нельзя привязывать крокодилов к гидрантам.
В Хартфорде запрещено переходить дорогу на руках.
В Оклахома-Сити нельзя ходить задом, поедая на ходу гамбургер.
В Девоне запрещено ходить задом после заката солнца.
В Провиденсе в магазинах по воскресеньям запрещено продавать зубную пасту и щетку одному и тому же покупателю.

В штате Нью-Йорк вам грозит штраф, если заговорите в лифте даже со знакомыми.

В Нью-Бритене пожарные машины не могут ездить быстрее чем 25 миль в час, даже если едут на пожар.

В Небраске законодательно запрещено продавать дырки от бубликов.

В Калифорнии ни одно транспортное средство не может превышать скорость в 100 км в час, если едет без водителя.

В Атланте особым постановлением запрещается привязывать жирафов к телефонным столбам и уличным фонарям.

И, наконец, апофеоз шизофренической мысли: в Индиане число пи равно не 3,14, а 4».

Заметим — автор не М. Задорнов, и перечисленные законы лишь малая часть из ныне действующих. Можно, конечно, напомнить, что в США наличествует прецедентное право, но это обстоятельство мало что меняет. Вышеперечисленного вполне достаточно для понимания: чтобы договориться о чем-либо с такими соседями, необходимо принять их образ мышления. Однако наша дипломатия, в соответствии с законом жанра, пытается играть с соперником в шахматы, упорно не замечая, что тот играет с ней в наперстки, удивляясь и возмущаясь, что партия никак не складывается.

Странно было бы полагать, что властные структуры чем-то отличаются от основной массы. Жизнь показывает, что массовый идиотизм не имеет вообще никаких границ. В некоторых штатах законодательно закреплена перечень из более чем семисот неодушевленных предметов, с которыми позволительно заключать брак. Тут и смартфоны, и канделябры, и бытовые приборы. Браки с животными уже давно никого не удивляют. Вершиной торжества демократии на сегодня стали браки с самим собой. Надо думать, это не предел. Возникает логичный вопрос: как быть несчастному, пожелавшему жениться на предмете, которого нет в списке разрешенных? Остается либо страдать, либо жить с этим предметом в греховном блюде.

Но сегодня шутки закончились. Невинные чудачества перешли в острую форму шизофрении. Вот некоторые клинические признаки.

Один из классических симптомов — бред одержимости, при котором больному кажется, что в него вселилось некое существо, заставляющее совершать поступки вопреки воле, и оно руководит его мыслями и чувствами. Типичное объяснение трансгендерных проявлений.

Персекуторный бред — группа бредовых идей о воздействии извне с целью причинения вреда. Классическое объяснение восприятия России как угрозы «цивилизованному» миру. Частный случай — вмешательство в выборы председателя ТСЖ соседнего дома.

Суицидомания — стремление к самоубийству. Можно наблюдать на примере возрастающей военной истерии, концентрации военных группировок у штакетника и настойчивого провоцирования ядерного конфликта.

Исторически корни противостояния уходят во времена Византии, предпринявшей попытку восстановления церковного единства. Римские папы узурпировали роль непререкаемых лидеров христианского мира, почитая собственную власть выше светской. Российская история 90-х — всего лишь один из многочисленных витков, зеркально отобразивший событие VII Вселенского собора, не признанного Римом. Византию тогда, как и Россию сейчас, не желали признавать полноценным политическим партнером, и вопрос этот был совсем не церковный. Одним из первых понял всю бесплодность попыток сближения с Западом константинопольский патриарх Фотий.

Александр III чаще всего вспоминается как реакционер и ретроград. Но именно он, как никто другой из самодержцев, понимал, что Запад был и остается злейшим врагом России. И это не бессмысленная фобия. Весь опыт XIX столетия свидетельствовал об ошибочности вступления страны в какие-либо коалиции. В чью бы поддержку не вставала Россия, ее всегда беззащитно предавали. Государь не втягивался ни в какие военные конфликты, и страна оставалась над чужими схватками.

Запад прошлых веков разительно отличался от нынешнего. Политическая и идеологическая ненависть носила прагматический характер. Запад был злобен, но вменяем. И кто бы мог подумать, что гуманистические философские основы модерна вырождаются в гримасы сегодняшнего дня. Самое простое, поверхностное объяснение находится в самом термине «протестантизм». Протест, отрицание, разрушение и, как итог — хаос. И хаос, прежде всего, в сознании. Хаос, переходящий в безумие.

Одна из сияющих вершин западного маразма — постановление Церкви Швеции, принятое по предложению епископа-лесбиянки Евы Брун. Суть его сводится к тому, что Бога теперь следует называть в «гендерно-нейтральной» манере, исключая мужской род «Он» или «Господь».

Чьи уши (или рога?) торчат из-за благопристойной вывески Римского клуба давно не секрет. В 1965 г. в поместье Дж. Рокфеллера в Белладжио состоялась его первая конференция «Условия мирового порядка». Там было положено начало продвижения глобальной политики геноцида населения планеты. Программным документом стал доклад «Пределы роста», опубликованный в 1972 г. Он предписывал всемирный режим экономической дезинтеграции и деиндустриализации, а самое главное —

сокращение численности населения планеты на несколько млрд человек.

Недавно клуб обнародовал очередной опус, вызвавший резонанс даже в западной прессе. Доклад под названием «1% достаточно» гласит:

«Женщины в развитых странах должны отказаться от рождения детей или рожать максимум одного ребенка. За отказ от рождения женщина может получить сумму в 80 тыс. долларов».

Если смоделировать механизм предложения, то становится понятно, что факт «отказа от рождения» не может подлежать никакому юридическому контролю. Таким образом, очевидно, что речь идет о стимулировании пресечения уже свершившегося факта, т.е. женщинам прямо предложено зарабатывать на абортах. В Дании этот прожект воплощается в лучших традициях либерального цинизма. Там женщинам не только не предлагают никакого денежного вознаграждения, но и шантажируют слабо обеспеченных изъятием уже имеющихся детей, если те не согласятся на аборт.

Влияние идеологов Римского клуба всеобъемлюще. Достаточно сказать, что их доктрины уже давно лежат в основе политики «устойчивого развития» ООН, при которой Фонд народонаселения занят исключительно контролем роста. Показательна и сама формулировка — «...в развитых странах». Именно развитые страны в подавляющем большинстве христианские, и именно в них программа реализуется с успехом. Деформация понятия семьи, половых ролей, эмансипация, агрессивное насаждение педерастии — вот комплекс тактических методов глобальной стратегии. Антисемейная пропаганда в Европе превзошла по цифрам вымирания все ожидания глобализаторов, а насильственная мультикультуризация (читай — исламизация) успешно довершает процесс геноцида христиан.

Еще в 1998 г. в Швеции с большой помпой прошла выставка фотографа Элизабет Олсен. Гвоздем программы стало изображение Христа и апостолов в образе гомосексуалистов. Показательно, что одним из демонстрационных залов была выбрана кафедра лютеранской церкви. Там, где Церковь еще осмеливается возвысить голос в защиту здравого смысла, в дело вступает власть светская. Пастор О. Грин, осудивший в проповеди педерастию, был приговорен к месяцу лишения свободы за «неуважение к секс-меньшинствам».

Насаждение либерализма глобализационного толка требует «отмены христианства», и на Западе его уже практически отменили. В школах США повсеместно вводятся запреты на употребление слов «Бог», «Рождество» и всех религиозных терминов. Перекраиваются учебные программы, купируются литературные тексты, хоть сколько-нибудь касающиеся религии. В Рождество запрещены всякие упоминания о самом празднике и любая демонстрация праздничной символики. На ежегодном шествии в Денвере по пути следования колонны были убраны все растяжки с пожеланиями

«счастливого Рождества». В самой колонне рядом с детьми шли организованные группы педерастов. В отдельных штатах уже запрещены елки и костюмы Санта-Клауса. Христиане составляют примерно половину населения Соединенных Штатов, но пожелание «счастливого Рождества» власти законодательно изменили на пожелание «счастливых праздников», т.к. примерно в это же время празднуется Ханука. В то же время нет никаких ограничений на использование иудейской и мусульманской символики как дани уважения культурным традициям различных общин.

Начиная с 2011 г. из официального оборота выводятся слова «отец» и «мать». В документах предписывается указывать «родитель № 1» и «родитель № 2». Мотивация та же: дети из семей с двумя «папами» или «мамами» не должны чувствовать себя ущемленными. Просто апофеоз «голубой» мечты Гегеля! Хотя вряд ли ему подобное могло прийти в голову. Теперь бедняга наверняка в гробу ворочается, проклиная свою разгулявшуюся фантазию о взаимном признании гражданами друг друга.

Трудно поверить, но из песни слова не выкинешь. Выкинуть можно песню целиком. Так, теперь в американских школах запрещено исполнение гимна «Боже, храни Америку». Но это, возможно, и правильно, потому как — бессмысленно. То, что Он такую страну хранить не будет, — это очевидно. Не пролил бы огонь и серу.

Мультикультурная революция всё больше напоминает времена Мао в Китае, потому что скользкие щупальца либерализма дотянулись до библиотек с изъятием «не толерантных» изданий, а одним из самых преследуемых авторов стал... Марк Твен. В его произведениях часто встречается слово «негр». В 2011 г. вышла «толерантная» версия, в которой «негр» заменили на «раб», но, как бы в насмешку, в 2012 г. слово «раб» также стало «неполиткорректным». А ведь совсем недавно кумиром Америки был Холден Колфилд. Можно лишь пожалеть беднягу Сэлинджера, наблюдающего, как новые кумиры отлавливают во ржи детей, чтобы швырнуть в пропасть растления. Поразителен путь утраты высших смыслов. Всего 70 лет — путь Америки от Колфилда до Леди Гаги. И те же 70 лет — путь России от Павла Корчагина до Ольги Бузовой.

Но если Марку Твену хотя бы Ханука может послужить утешением, то в «просвещенной» Европе бедному христианину и вовсе некуда податься. Половина властных структур Дании — мусульмане, поэтому о елках тоже постепенно нужно забывать. Как и повелось, в авангарде «либерастии» и «толеразма» их оплот — Великобритания. Около 20 тыс. младших школьников были взяты на карандаш за «преступления на почве ненависти», когда в детских перепалках обзывали друг друга «педиками». Предполагается хранить информацию до окончания вуза с правом ее затребования потенциальным работодателем.

Европейские страны одна за другой завершают культурно-сексуальную революцию. Франция и Великобритания приняли, наконец, законы

об однополых семьях на фоне окончательной исламизации своих стран. И население, и власти, пребывая в некой сомнамбулической прострации, целенаправленно уничтожают родину своих предков. Новые законы ставят точку на будущем Европы, будто кто-то привел в действие ген самоуничтожения. Лебон пишет:

«Все народы, достигшие высокой ступени цивилизации, старательно избегали смешения с иностранцами и поступали так вполне обоснованно. Без удивительного кастового строя ничтожная горсть арийцев, покорившая 3000 лет тому назад Индию, вскоре потонула бы в бесчисленной массе черных племен, окружавших ее со всех сторон, и никакая цивилизация не возникла бы на почве большого полуострова. Если бы в наши дни англичане не сохранили на практике той же системы и согласились бы скрещиваться с туземцами, то громадная империя Индии давно бы от них избавилась. Народ может потерять очень многое, претерпевать всевозможные катастрофы и быть еще в состоянии подняться. Но им все потеряно, и ему уже никогда не подняться, если он потерял свою душу».

Демократия — лукавая ловушка, ловко подброшенная Просветителем. Элиты быстро смекнули, что именно в рамках такой системы можно достичь власти, неоспариваемой толпой, так как она (толпа) всегда будет убеждена, что сама определяет рамки своего бытия. Именно с этой целью в общественное сознание вбивается парадигма толерантности к определенным, «ущемленным в правах», группам. Искусственная природа толерантности очевидна. Причинно-следственная связь осуществляется по вектору «окна Овертона», когда массовое сознание от естественного человеческого уважения к мнению и образу мышления отдельных социальных групп плавно переводится в состояние добровольной психологической подчиненности этим группам. Таким образом, в массовом сознании (подсознании) формируется и новая парадигма, и новый дискурс, цель которых — укоренение признания главенствующей роли меньшинства, а поскольку элиты — типичные группы меньшинств, то у электората вырабатывается условный рефлекс подчинения. Так демократия вырождается в *демократуру*.

Психика обывателя рыхла и уязвима, и манипуляции с ней часто приводят к парадоксальным результатам.

Недавно в США белый подросток вчинил иск своим родителям на предмет собственной расовой принадлежности. На суде он поведал, как в детстве до костей тер себя мочалкой в душе, пытаясь смыть белизну (!) кожи. По его словам, быть белым позорно, так как европеоиды веками насаждали расизм и угнетали цветных. В итоге он желает получить с родителей некую сумму компенсации для процедуры по изменению цвета кожи на черный. Кажется бы — у ребенка очевидный психический сдвиг, и любой здравомыслящий взрослый должен посоветовать ему натереться

гуталином вместо безнадежного вышибания денег из предков, однако его адвокат в своей речи дал подзащитному значительную фору в степени идиотизма:

«Почему он должен нести груз сотен лет рабства и расизма только потому, что его родители из своих шкурных интересов решили привнести в мир еще одного белого ребенка?»

Последовали за этим аплодисменты зала или немая сцена, СМИ не уточняли, и всё это могло быть смешным, если бы не «тенденция, однако», и тенденция — в творческом развитии.

В психологии существует педагогический принцип — инклюзия. Он подразумевает включение в общественную жизнь детей с ограниченными умственными и психологическими возможностями. Флагман неолиберальной мысли Великобритании недавно произвела на свет новое явление и новый термин — «гомоинклюзия». Данный воляпук означает, что отныне в государственных детских садах, начиная с пятилетнего возраста, будут внушать, что пол — это «выбор самого ребенка», да и пол уже не пол, а некий «гендер». Программа эта правительственная, предусматривающая насаждение гомосексуальной идеологии, без какого бы то ни было прикрытия. В детские умы должно закладываться убеждение, что природный пол человека — «текучая и сменяемая категория». В документе, разработанном Министерством образования и Национальной службой здравоохранения Шотландии, прямо предписывается учителям внушать детям заведомую ложь о том, что при рождении пол ребенку выбирают врачи по своему усмотрению, а родители от него это скрывают. Параллельно разработан комплекс репрессивных мер против тех родителей, которые еще не утратили рассудка. Правоприменение — от увольнения с работы до принудительного психиатрического воздействия. По результатам исследований специалистов, только за один 2016 год количество детей шестилетнего возраста, «направленных на лечение от гендерной дисфории», увеличилось на 21 %.

Сотрудники детских садов и школ уже наделены юридическими полномочиями для перерегистрации пола ребенка по первому его желанию, причем не только не требуется согласия родителей, но и предварительно доведения до их сведения. Вот так просто: утром привел в садик сына, а вечером получил дочку. Английским учителям вменено в обязанность доносить местным властям о родителях, противодействующих перерегистрациям и продолжающих идентифицировать свое чадо по-прежнему. Официальный орган королевского двора — телекомпания «Би-Би-Си» — заявляет, что различия между мальчиками и девочками в стране «должны быть абсолютно и полностью стерты и ликвидированы». Не так давно британское правительство вышло в ООН с предложением заменить в международном документообороте определение «беременная женщина» на «беременный человек», дабы ненароком не обидеть какого-нибудь мутан-

та. В Амстердаме городские власти уже отменили обращение «дамы и господа». Предлагается употреблять любые нейтральные формулировки, например «друзья» и т.п. В целом по стране половая принадлежность отмечается только в документах, удостоверяющих личность, да и то с пометкой «при рождении».

Психически адекватному человеку осмыслить всё вышесказанное почти невозможно — возникает впечатление сюрреалистического сна. И уже не удастся убаюкать сознание иллюзией, что «это где-то там, у них...». В Россию через «окно Овертона» уже влетело невразумительное понятие «гендер». Желаящий может открыть словарь и убедиться, что по смыслу это не более чем «глокая куздра».

По Европе катится волна радикального сокращения числа католических и лютеранских храмов по формальной причине сокращения количества прихожан, и таких храмов сотни. В Великобритании правительство ввело запрет для рабочих и служащих на ношение нательных крестиков под угрозой увольнения. Одновременно с этим была разрешена продажа детских презервативов швейцарского производства. По решению местной администрации Оксфордшира девочки, достигшие 11 лет, могут получать у школьных медсестер противозачаточные таблетки. В Норвегии парады мутантов стали общегородскими праздниками с участием детей, несущих транспаранты с агитацией за однополые браки. Настораживает, что существовавший во все времена относительно стабильный процент педерастов в последние годы парадоксальным образом растет, приобретая характер эпидемии. Особи, зараженные этим вирусом, пронизывают уже все слои общества, опутывая его, подобно паутине, и проникая в высшие эшелоны власти. Настоятель собора св. Марии в Глазго Кельвин Холдсворт призвал прихожан молиться, чтобы наследник короны — четырехлетний принц Джордж — оказался педерастом. По его мнению, данный факт принудит Англиканскую церковь признать однополые браки.

Вирус, косящий преимущественно европейцев, подозрительно напоминает действие генетического оружия. Законотворческая деятельность, основанная на толерантности, делает сегодня первые шаги на пути к голубому нацизму мутантов, когда лица традиционной ориентации станут меньшинством и объектом преследования. Вспомним: всё это относится почти исключительно к христианам. Перед исламом подобная проблема не стоит.

Нидерланды давно и прочно заняли лидирующую позицию среди стран-деградантов. С 2012 г. услуги по эвтаназии оказываются уже на дому. По данным реабилитационных центров, легализованные легкие наркотики привели к ним до 90 % потребителей героина. Официально зарегистрирована партия «Милосердие, свобода и разнообразие». Ее программные цели — снижение возраста разрешенных сексуальных отношений с 16 до 12 лет, легализация детской порнографии и зоофилии.

Однако публичные дома для зоофилов здесь уже функционируют, как и в Швеции, Норвегии, Дании, Германии. Выбор достаточно широк, вплоть до лошадей. Вообще, по степени сатанизма Голландия впереди планеты всей. Еще в 2011 г. на телевидении с оглушительным успехом прошло шоу каннибалов, на котором двое человекоподобных съели по куску мяса, вырезанных друг у друга.

В Австралии родители четырехлетнего мальчика по неизвестной причине решили, что природа (читай — Бог) ошиблась с полом ребенка, и отправили его в больницу. Мальчик проходит курс подготовительной гормональной терапии для последующей операции по смене пола.

Швеция — форпост капиталистического социализма — достойный соперник своих европейских соседей в соревновании по цинизму. До 90 % умерших там кремируют, и половина урн с прахом остается нево-стребованной. Похороны постепенно становятся архаикой. Энергия от работы крематориев используется для обогрева жилых домов. В стране царит настоящий разгул ювенальной юстиции. Ее органы держат под жестким контролем подведомственные семьи. Узаконено положение, при котором «биологические родители больше не имеют приоритета в воспитании детей». В среднем 12 тыс. детей ежегодно изымаются из семей под предлогами «ошибок воспитания», «умственной отсталости родителей», «чрезмерной (или недостаточной) опеки». Изъятие ребенка может последовать даже за чрезмерное употребление им сладкого. С 1979 г. в стране абсолютный запрет на телесные наказания. За подзатыльник можно схлопотать до 10 лет тюрьмы. С детсадовского возраста дети информированы об обязанности доносительства на родителей в вышеуказанных случаях. В 2010 г. сотрудники детских учреждений Стокгольма ввели в обращение к детям специфический жаргонизм «hen» из лексикона педерастов, употребляемый взамен местоимений «он», «она». Более 40 тыс. детей в стране имеют родителей-гомосексуалистов.

В докладе Фонда народонаселения ООН (ЮНФПА) сквозит явное раздражение тем, что российское законодательство игнорирует «новые формы семейных отношений и их разнообразие». Однако внедрение ювенальной юстиции проходит практически в русле деятельности Фонда, хотя и в значительно более латентной форме. Тем не менее шизофреничная «ювеналка» строит чудовищные гримасы. Надо заметить, что сам механизм прецедента глубоко аморален, так как целиком базируется на стукачестве «доброжелателей» и культивирует в детях синдром Павлика Морозова. А уж изъятие детей из малообеспеченных семей — подлинный социальный нацизм, противостоять которому *любыми средствами, вплоть до вооруженного сопротивления* — долг каждого православного родителя, невзирая на ублюдочные законы, идущие вразрез с законами Божественными и со здравым смыслом.

К России приковано исключительное внимание ЮНФПА. Свидетельство тому — разработанная программа «Половое воспитание российских школьников 8–9 классов». Ее содержание повергает в ужас: «Проституция, краткая историческая справка. Индивидуальная и организованная проституция. Современные формы проституции: салоны эротического массажа, эскорт-услуги, девушки по вызову. Стриптиз. Древнеиндийский трактат Камасутра. Мягкая и жесткая порнография. Трагедия гомосексуализма. Гомосоциализация, гомофилия, гомоэротизм. Бисексуальность, перспективы. Жизненный путь гомосексуалиста. Транссексуализм».

Минздрав РФ издал, а Минюст зарегистрировал 19.01.2018 приказ, регламентирующий выдачу справок о смене пола. Инициативу пропихнула НКО «Проект правовой помощи трансгендерам», закрепив дружеской встречей Элтона Джона с министром В. Скворцовой. Шизофреническая платформа такого решения почему-то не повергла в изумление широкие слои общественности. Яркий пример действенности концепции «окно Овертона»: никому уже не приходит в голову мысль, что само понятие «изменение пола» абсурдно. Невозможно рыбу переделать в мясо и икру в яйцо. Человеку можно что угодно отрезать и где угодно пришить, но это не изменение пола. Это — добровольное членовредительство (даже по Фрейду, не к ночи будь помянутому), что относится исключительно к компетенции психиатрии. Уж госпоже Скворцовой это должно быть понятно. Иное свидетельствует о полной профнепригодности в толерантной формулировке, а в объективной — о необходимости того же психиатрического вмешательства в жесткой форме. Потому что членовредительствующий индивид опасен лишь самому себе, а госчиновник в ранге министра представляет опасность для всего общества. Логическая цепочка предполагает в этом случае, что человек, возомнивший себя Наполеоном или его лошадью, вправе потребовать официального признания и после соответствующих хирургических манипуляций получить гербовую справку.

Рандеву В. Скворцовой и сэра Э. Джона заслуживает более пристального внимания. Представитель славной когорты наиболее одаренных педерастов современности является еще и учредителем фонда имени себя «Elton John AIDS Foundation — EJAF». Официальное назначение фонда — борьба со СПИДом, но фактическое значительно шире. Здесь и непрерывное обучение детей безопасному сексу, и борьба с «гендерной дискриминацией», а главное — публичная пропаганда образа жизни педерастов с приобщением наиболее медийных фигур — артистов, писателей, политиков и т.д. Деятельность фонда носит глобальный характер, распознаясь по миру метастазами региональных организаций. Для Восточной Европы и Центральной Азии учреждена специальная — BELLA. Обосновывая непрерывное вовлечение России в сферу интересов, в фонде безапелляционно и бездоказательно утверждают, что на нашу страну приходится 80% всех ВИЧ-позитивных, что является наглой ложью.

Но не это главное. Визит государственного министра не куда-нибудь, а в примерку артиста и неформальное фото, облетевшее соцсети, — событие знаковое. Вот он, в спортивном костюме, непринужденно обнимает министра. А вот и она, на фоне «сладкой парочки» — самого сэра Элтона и его мужа (жены?). Видимо, там же и состоялась договоренность о подписании соглашения о деятельности фонда в нашей стране. И все законы по боку: российское министерство заключает договор с ЛГБТ-сообществом. Если бы госпожа Скворцова сама была лесбиянкой, это могло хоть как-то объяснить произошедшее. Но она — жена и мать, автор шестисот научных работ, профессионал высочайшего уровня, членкор, профессор, убежденная противница абортот. Предположить, что и «на старуху бывает проруха», и в министерских мозгах что-то переключилось, никак не получается. Но что думает по этому поводу ее непосредственный начальник — премьер? Что думает президент? Можно ли допустить, что чиновник такого ранга позволил себе самодеятельность в обход высшего руководства? Вывод один: всё согласовано и одобрено, а законы — не более, чем манифесты фарисеев.

«Сон разума рождает чудовищ» — уже давно не фигура речи. Живые чудовища в виде трансгендеров эффективно дополняются монстрами игрушечными. Кукла-покойник в изящном гробике, детский конструктор «Замок Дракулы», пустушка в форме черепа с костями — вот далеко не полный перечень товаров на полках детских магазинов. Последнее достижение дизайнерской мысли — мягкая игрушка китайского производства «педик-медведик». Помимо прилавков магазинов этот шедевр можно было наблюдать во многих печатных изданиях: фотограф запечатлел фрау Меркель во время посещения детского сада, где во время умильного общения с детьми над ее головой на низком шкафчике красовались пушистые совокупающиеся мишки. Вряд ли растражированное на весь мир фото явилось простой случайностью.

Тема шведского аналога «Спокойной ночи, малыши» — типичный пример насаждения новой эстетики в рамках ювенальной системы воспитания. Телешоу, главные герои которого облачены в костюмы, изображающие мочу и дерьмо, стало рейтинговым в детской аудитории (нельзя не восхититься изобретательностью художников-костюмеров!). Конечно, можно было бы отнести креатив авторов к одному из многих проявлений западной шизофрении, но и здесь не всё так просто. Целью телепередачи декларируется ознакомление детей с человеческой физиологией (нужно же как-то легитимировать!). Однако, если сопоставить элементы общей программы детского секс-просвета, становится не просто страшно, возникает ощущение чего-то уже потустороннего. В стране налажен серийный выпуск игрушек в образе главных героев телешоу. Пяти-шестилетние дети играют силиконовыми муляжами дерьма и мочи, неизбежно привязываясь к ним, как и к любой игрушке. Надо полагать, что их младшие

сестренки и братишки тащат эти прелести в рот, навсегда лишаясь природного человеческого чувства брезгливости.

Таким образом, формируется эстетика новой реальности — эстетика безобразного. Одновременно в этом же возрасте начинается полномасштабное сексуальное воспитание. Попытки родителей воспрепятствовать наказуемы административно и уголовно. Между тем в психопатологии существует диагноз «копрофилии как формы сексуального поведения, при котором половое возбуждение и удовлетворение достигаются в ходе манипуляций с калом партнера, в разных формах, от наблюдения за дефекацией до поедания фекалий (копрофагия)». К этой же категории психопатологии относится и урофилия.

Как видим, «ювеналка» решила довести тему до абсолюта. Традиционного развращения уже недостаточно, педерастии мало, нужно вывихнуть детские мозги гарантированно и необратимо. Глобализаторам нужны не просто импотенты, им необходимо стадо дегенератов.

Международный проект «Половое воспитание российских школьников» докатился до нас в 1996 г., но обработка детских мозгов началась несколько раньше, когда на заре перестройки с подачи главного идеолога А. Яковлева все отечественные мультики на телевидении были заменены заокеанским хламом типа «Утиных историй», «Черепашек-ниндзя» и «Покемонов» (кстати, в некоторых мусульманских странах последних запретили к показу, а за обладание постером мультика наказывали плетьюми). Вменяемые родители возмущались, скорбели об утраченном чистом и светлом, отправляли детей спать раньше срока. Но были и другие.

Известный журналист, главный редактор журнала «Медведь» и, с позволения сказать, писатель Б. Минаев на страницах независимой газеты с воодушевлением приветствовал новые веяния:

«Дети перестают воспринимать уродство, неполноценность, страхолюдность как нечто чужое, чуждое, страшное. Они начинают понимать его. Мой шестилетний сын спросил: „Пап, а канализация ведь — это где кашки плавают?“ И глаза его весело блестели... Оказывается, и там можно жить!»

Это какой же коллапс должен произойти в мозгах человека, умиляющего любовью своего ребенка к страшному, уродливому, мерзкому?! Кем в будущем он рассчитывает увидеть своего сына, у которого вместо нормальных, физиологически обоснованных рвотных позывов «весело блестят глаза»?

Выдающийся австрийский ученый, один из основоположников этологии — науки о поведении животных — Конрад Лоренц пришел к выводу, что брезгливость, врожденное неприятие безобразного стало одним из основных условий эволюции человека и сохранения духовного здоровья всего биологического вида. Постмодернистская эстетическая парадигма по умолчанию не только формирует терпимое (*толерастическое*)

отношение к любой мерзости, но и диктует в конечном счете принимать ее за норму. Эту клоаку Б. Минаев характеризует как «нишу грязи, канализации, какашек (т.е. близости к ним), нишу доброго и благородного уродства, страхолюдной мутации. А если говорить короче — это ниша небрезгливости».

В антитезе этих двух точек зрения содержится объяснение природы каждой. Мир, созданный Богом, изначально красив и гармоничен. Цветы, морозный узор на стекле, многообразие форм снежинок, даже умершие осенние листья желтых и багряных оттенков и те совершенны — Бог и смерть наделил определенным эстетизмом. Любое явление, если оно божественно, всегда гармонично. Отсюда — простой логический вывод, что всё противоположное — не от Бога, а от *другого*.

Если мы откроем «Справочник по психиатрии и психологии детского и подросткового возраста», то увидим, что отсутствие брезгливости — один из симптомов гебоидного синдрома:

«Предвестники гебоидного синдрома нередко наблюдаются еще в конце дошкольного и младшего школьного возраста в виде расстройств влечений, особенно садистического извращения сексуального влечения. Это выражается в стремлении делать назло, мучить животных; ребенок получает удовольствие от всего, что обычно вызывает брезгливость и отвращение (дети с наслаждением играют с червями, гусеницами, пауками, часами роются в мусоре с дурно пахнущими отбросами, поедают несъедобные вещи); в особой тяге к различным эмоционально отрицательным событиям и происшествиям (катастрофы, ссоры, драки, убийства, пожары, кровь, смерть), о которых дети любят вспоминать и рассказывать. Рано обнаруживается склонность к воровству, уходам, жестоким и агрессивным поступкам. Прожорливость, неопрятность, отказ от личной гигиены сочетаются с нелепым упрямством, склонностью к тотальному противодействию взрослым, отсутствием жалости, бесцеремонностью и бесстыдством. <...> Патология в сфере влечений проявляется в повышенном интересе ко всему яркому, к обнаженному телу, испражнениям, наличием патологических привычек, агрессивным стремлением кусать, бить окружающих, особенно — родных».

Таким образом, очевидно, что клинические проявления психических отклонений прямо провоцируются насаждаемыми международными программами. Что это, если не геноцид в особо циничной, изощренной форме? В естественной, врожденной фазе подобное состояние уже само по себе опасно, но насильственное его культивирование — преступление против человечности:

«В последующем эмоциональное недоразвитие способствует обнажению влечений, оппозиционному поведению. Нередко обнаруживаются стертые аффективные нарушения, рудиментарные навязчивости. Нарастает диссоциированная задержка психического развития, аффективная

тупость, значительная редукция энергетического потенциала, олигофренический дефект, регрессивная симбиотическая зависимость от родных».

Гебоидные расстройства оформляются в синдром под влиянием ускоренного полового созревания. Известны три фазы его проявления. Первая — 11–13 лет, характерна ненавистью к близким, чаще — к матери. Демонстративный цинизм, сквернословие, терроризирование членов семьи, паталогическое фантазирование садистского содержания, с сексуальной окраской и открытым онанированием.

Вторая фаза — 14–15 лет, характерна оппозицией обществу, общепринятым порядкам и правилам, отказом от учебы, употреблением алкоголя и наркотиков, бродяжничеством, воровством, беспорядочными сексуальными связями, часто в извращенной форме.

Третья фаза — 16–17 лет, характерна проявлением т.н. «метафизической интоксикации» с увлечением философией, религией, искусством в утрированном, карикатурном и одностороннем виде, что самими подростками расценивается как духовное совершенствование.

Итог процесса — вялотекущая шизофрения с выраженными чертами психического инфантилизма.

Проходивший в Москве в 1995 г. XII Психиатрический конгресс констатировал, что порядка 80% российских школьников страдают различными нервно-психическими расстройствами. Нетрудно спрогнозировать, каким образом отразится на психике детей реализация проекта, если векторы каждой его позиции направлены на провоцирование гебоидного синдрома.

В США программа полового воспитания проводится с 1970 г. Статистика сегодняшнего дня свидетельствует, что 40 млн американцев в возрасте 9–12 лет подвергались сексуальным домогательствам со стороны родственников и знакомых. Количество подростковых аборт увеличилось в 3 раза. Обвальное число онкологических заболеваний провоцируется систематическим употреблением противозачаточных препаратов. Вопреки декларируемым целям, распространение СПИДа в США катастрофически возросло и в разы превышает российские показатели, несмотря на официальную пропаганду, причем в России зона риска приходится на медицинские учреждения, в то время как в США 90% заразились половым путем. Возникло принципиально новое явление — подростковая импотенция — вследствие ранних сексуальных контактов, когда к 17–18 годам наступает половое бессилие.

Известный австрийский психотерапевт В. Франкл в книге «Человек в поисках смысла» писал:

«Опасным с точки зрения профилактики сексуальных неврозов является принуждение к сексуальному потреблению, исходящее от индустрии просвещения. Сексуальность нарушается по мере того, как усиливается сознательная направленность и внимание к ней. Мы, психиатры,

постоянно видим у наших пациентов, насколько же они под давлением этой «индустрии просвещения» чувствуют себя прямо-таки обязанными стремиться к сексу. Однако мы, психиатры, знаем и то, насколько сильно это сказывается на ослаблении потенции».

Как следствие из всего выше сказанного — рост количества изнасилований. Сексуальная агрессия — одно из клинических проявлений психопатологии при импотенции. По числу таких преступлений США превосходят Россию в разы.

Необъяснимый с точки зрения природы рост количества педерастов — плод того же дерева. Научно доказанный процент врожденных нарушений половой идентичности не превышает 0,03%, хотя скандально известный «отец сексологии» А. Кинси в результате личных исследований вывел цифру 10%. В настоящий момент создается стойкое впечатление, что эта цифра неуклонно растет.

Сопутствующий фактор нетрадиционной сексуальной революции — рост подростковой наркомании и всё возрастающее число нервно-психических заболеваний. «Окно Овертона» распахнулось навстречу педофилии. На голубом глазу внедряется понятие «особой сексуальной ориентации» (еще более особой!). Судебная статистика США свидетельствует, что более 10% бракоразводных процессов инициированы сексуальными поползновениями к собственным детям.

Происходящее в американских школах давно уже перестало удивлять. Массовые расстрелы сверстников и учителей вызывают неадекватный резонанс у общественности, сводящийся к усилению контроля при входе и бесплодным дебатам о свободе продажи оружия. Отечественные примеры последних лет показывают ложность направления мысли исследователей феномена. Наши отморозки обходятся и без огнестрельного оружия, а школьная резня по-русски приобретает столь же тривиальный характер. Модное направление демонстрации в социальных сетях избиений и издевательств — следствие тех же причин и одна из модификаций гебоидного синдрома второй фазы. Заумные рассуждения высоколобых социальных психологов не имеют ничего общего с реальностью. А между тем простейшая статистика свидетельствует, что еженедельно только центральными телевизионными каналами транслируется порядка 1,5 тыс. сцен насильственной смерти в кинематографическом и хроникальном исполнении. Индустрия видеоигр стирает в детском восприятии грань между реальностью и виртуальностью, реализуя основную цель — получение удовольствия через убийство. Лицемерные законы об экстремизме преследуют разного рода интеллектуальные проявления, оставляя вне поля зрения реальную его пропаганду в компьютерных стрелялках и потрошилках. Но мамона торжествует. Именно его стараниями Россия вышла на первое место в Европе по количеству самоубийств среди подростков.

Программные установки Римского клуба удивительным образом смыкаются с интересами мощнейшего порно-бизнеса, что неоспоримо доказывает главенствующую роль Просветителя.

Некоторые исследователи относят эти социально-психологические процессы к возрождению некоего неоязычества, или, по выражению Э. Фромма — «язычеству индустриальной эры». Но представляется, что это не совсем точное определение, потому что, например, в исламе педофилия — явление, благословленное пророком Мухаммедом.

Давление европейских институтов на позиции российских властей вызывало и вызывает вялотекущие бродильные процессы в умах депутатского корпуса. В апреле 2013 г. Дума ратифицировала факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, в котором под благовидным предлогом протаскивается школьный секс-просвет. Министр образования и науки Д. Ливанов постоянно выступал за внедрение в школы уроков полового воспитания. На какое-то время положение спасла непримиримая позиция уполномоченного по правам ребенка П. Астахова, который заявил, что в российских школах предмет полового воспитания не будет введен *никогда*. Но что такое один Астахов? Он не вечен в этой должности, а в «окно Овертона» продолжает нещадно сквозить.

(Пока писались эти строки, пришло сообщение об освобождении П. Астахова от должности под абсолютно надуманным предлогом. В интернете поднялась волна, высотой в 160 тыс. подписантов, ратующих за его отставку. Видимо, президенту ничего не оставалось, как прислушаться к «гласу народа». Одно обнадеживает: его преемница Анна Кузнецова — человек весьма достойный, жена священника и, несмотря на молодость, мать шестерых детей, но хватит ли у нее мужества возвысить голос против недавней инициативы вице-премьера Т. Голиковой, назначенной представителем президента по ратификации Европейской социальной хартии и выступающей за введение секс-просвета в школах?)

Надо признать, что хотя Россия и удостоена особого внимания, но сфера заботы ООН простирается на весь мир. Некоторые из директив секс-просвета ЮНЕСКО включают среди прочего преподавание детям с 5 лет, что мастурбация безвредна; с 9 лет — о сексуальной стимуляции и значении оргазма; с 12 лет — об уважении к различным сексуальным ориентациям и гендерным идентичностям; с 15 лет — о возможности получения удовольствия с партнером любого пола.

Не отстает и ВОЗ, предписывающая учить детей в возрасте 4–6 лет однополым отношениям. В рамках программы выпущена книжка для детей, больных СПИДом, «Здоровые, счастливые, шикарные». В ней говорится, что можно заниматься сексом различными способами, оставляя за собой право не разглашать собственный ВИЧ-статус сексуальному партнеру.

Агрессивная пропаганда аборт вбивает в сознание девочек, что в мире каждую минуту умирает 1 беременная. Активно проводится мысль, что «каждый человек должен сам определить, когда он чувствует себя готовым к сексу». Весьма своеобразна трактовка понятия «воздержание». Для разъяснения выпущена специальная брошюра под названием «Ласки всухую спасают жизнь». Детям открыто предлагается мастурбировать перед зеркалом или друг перед другом. А ведь отсутствие интимного стыда — один из клинических признаков психического заболевания.

Представители общественности Ямайки и стран Карибского бассейна рассказывают о визитах самого высшего уровня: Д. Кэмерона, Пан Ги Муна, Б. Обамы с целью откровенного давления на Карибы в принятии кампании за сексуальные права. Делегацию Нигерии в ООН буквально загоняли в угол, навязывая радикальную секс-программу. Западные страны прямо заявили: если Нигерия не уступит, ей будет отказано во внешней помощи.

Бациллы безумия вползают в Россию. «Окно Овертона» реализуется различными формами и методами. Директор Института демографической безопасности, детский психиатр Ирина Медведева пишет:

«Мы живем в обществе, в котором грубые психиатрические симптомы выдаются за эталоны моды и поведения. Происходит искусственное заражение молодого поколения. Обратите внимание: сейчас активно пропагандируется неряшливость — грязные засаленные волосы, рваные чулки, драные джинсы, полы пальто или рубашки разной длины или застегнуты не на те пуговицы.

В психиатрических больницах в истории болезни есть графа — „опрятность больного“, определяющая симптом, который сегодня существует в качестве признака молодежной моды».

Интернет кипит недавней сенсацией: в Москве открылся первый бордель секс-роботов. Публикации снабжены фотографиями силиконовых проституток, среди которых модели в образе девочек, возраста 10–12 лет.

Французский эссеист, постоянный автор журнала «Черные истины» Никола Бонналь уже долгое время исследует влияние западной культуры на человеческую способность мыслить и сопереживать. Он отмечает исключительно мерзкий общий характер этой культуры, являющейся не чем иным, как инструментом осуществления глобальных планов. Ненависть «темных сил», как никогда еще ранее, яростно обрушивается сегодня на Церковь главным образом потому, что она остается, по сути, единственным институтом, сохраняющим в людях главную человеческую способность — *различение*.

«Для наших элит не достаточно просто упадка христианства на Западе. Церкви пустеют или наполняются лишь иногда людьми престарелыми и зеваками, ищущими духовного опыта. Остается только малое количество христиан, которых всё меньше и меньше поддерживают в на-

шем обществе. Вся наша история зашифрована в книге „Властелин колец“ Толкиена, о чем я уже писал подробнее в моей книге, переведенной на русский»⁹².

Под удар попадает всё, что идет вразрез с вектором цели системы, и в первую очередь — христианство. Церковь, хороша она или плоха, — единственный фундамент разума на сегодня. Общество постмодерна обрушило на этот фундамент массивный удар лжелиберальной демагогии, потому что единственное, что хоть как-то препятствует безраздельной вакханалии глобального рынка, — это здравая человеческая логика, основанная на духовной чистоте и способности думать и чувствовать.

Современная культура — культура постмодерна — напрочь отвергла культуру наследия. Было ли ее возникновение случайностью, иронической гримасой исторического процесса? В какой-то мере да. Но главной целью ее насаждения стала духовная дрессура человека, выбивание его генетической памяти, встраивание личности в глобализационный план. Постмодернистская литература, кинематограф, музыка — всё работает на реализацию плана распада сознания. «Современная музыка должна сводить с ума», — вещал теневой гений «Битлз» Теодор Адорно, создававший свои бессмертные творения лабораторными методами. Сегодня практически уничтожена семья, планомерно искореняется идея нации как профашистская, подходит черед упразднения самой цивилизации. Понятие расы официально объявлено неполиткорректным, и за одно лишь его озвучивание можно загреметь в тюрьму. «Поэтому Россия и славянские народы должны уразуметь, что они шокируют Запад (на Олимпийских играх, например) своими белыми атлетами», — пишет Н. Бонналь. «Всё у нас пропитано праздным и игривым сатанизмом, всё — особенно американские студенческие братства. Они обожают дьявола, скелеты, черепа, бешеный секс, чародеев и магические силы. Они насаждают мир без веры (которому известен лишь закон денег), мир грубый и трансчеловеческий. Американские университеты превращают людей в сумасшедших и ницшеанцев. И их сообщества, их коды, их обряды посвящения, их послышки на сатану больше не скрываются. Они взяли власть в США, и они продолжают выставлять себя и свои элиты напоказ в полном расцвете люциферовых крестовых походов...»

Наиболее эффективный и многократно проверенный способ «просветительского» воздействия на человеческое сознание — погружение его в калейдоскопический идиотизм. О первых проводниках этого метода уже упоминалось в первых главах. Россия, в силу духовного иммунитета сумела избежать калейдоскопической катастрофы, но европейская Реформация раздробила вместе с единой Церковью и целостность сознания.

---

⁹² Бонналь Н. Толкиен: Мир чудотворца. / Пер. с фр. И. Алчеев. М.: София, 2003.

Лютеру не был ведом глубинный замысел Просветителя, но его последователи воплотили и довершили дело замены веры Богу верой мамоне. Место Всевышнего вновь занял идол, но много более изощренный и коварный, чем предыдущие.

Удивительны бесчисленные моральные обоснования капитализма. Для сознания, не пораженного вышеназванным диагнозом, очевидно отсутствие предмета обоснования. Если основы христианства — целостность и честность, то основы капитализма — двуличие и обман. Идиотичны измышления о «честных» бизнесменах, а тем паче о «православных предпринимателях». Бизнес есть купля-продажа с получением прибыли. Но прибыль без обмана абсурдна, как каннибал-вегетарианец. Наглядный и вездесущий пример — реклама как непрерывная и безотказная его проповедь. При обращении в свою веру, Просветитель использует универсальный метод сочетания двух, казалось бы, несовместимых явлений. Это — вседозволенность в сочетании с культивированием страха. Мегалотимическое начало любого капиталиста диктует необходимость обойти конкурента любой ценой, стимулом чему является страх проигрыша и разорения.

Что бы ни вещали либеральные экономические зубры, но экономическая система, установленная в СССР в конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого века была максимально приближена к здравому смыслу. Речь не идет о том, насколько она была хороша или плоха, но она была логична. Максимальная отдача от каждого, и распределение по общинному (православному) принципу, в соответствии с вложенным трудом. Естественно, что на том этапе система была примитивна, но потенциал развития имела несомненный. Экономическая модель хрущёвского периода внешне сохраняла все атрибуты предыдущей, но способствовала формированию начального потребительства, когда насыщение необходимым неизбежно вело к запросу на избыточное.

Тогда еще не знали, что манипулятивное определение «рост экономики» не имеет никакого отношения к реальному уровню жизни населения, а обозначает лишь рост транзакций. Это явление интересует кровно лишь паразитов-посредников, а попросту — спекулянтов. Рыночная экономика и есть в чистом виде спекуляция, поэтому, например, Высшая школа экономики есть высшая школа финансовых афер и к сфере *любого* производства никакого отношения не имеет. Прибыль бизнеса дает государству налоги и возможность создания новых «рабочих мест», которые по большей части приходятся на паразитический, непроектируемый сектор. В СССР хотя и безуспешно, но всё же велась борьба со спекулянтами. В начале 90-х сатрапы мамоны сумели обработать большинство умов, вдалбливая естественность нетрудовых доходов.

Давным-давно, в 322 г. до н.э. человек по имени Аристотель не только разложил по полочкам основы наипростейшей науки под названием

«экономика», но и объяснил, фактически «на пальцах», что явление, в условиях которого мы существуем ныне, не имеет к истинной экономике никакого отношения. Термин — производное от греческих слов, переводимых как «дом, хозяйство» и «правило». Тем самым он подтвердил мудрейший афоризм: «В суть всякой вещи вникнешь, коль верно наречешь ее». За это современные а-ля экономисты окрестили его «врагом бизнеса», а всё потому, что он ставил этические принципы и человеческие ценности над преобладающими в социуме традициями обмена и потребления, которые и обозначил термином «хрематистика». Не случайно его экономические размышления вошли в «Никомахову этику», тем самым подчеркивая этическую составляющую как главенствующую. Исследователь трудов Аристотеля аргентинский экономист Рикардо Креспо пишет:

«Для Аристотеля *oikonomikè* это деятельность по использованию вещей, которые необходимы для жизни (в смысле жить вообще) и для Хорошей Жизни (хорошо жить). Когда Аристотель говорит о „жизни вообще“, он имеет в виду то, что достигается дома (*oikos*). Когда он говорит о Хорошей жизни, то имеет в виду то, что достигается в полисе как пределе гражданского общества. По Аристотелю, эта последняя концепция (хорошей) жизни имеет точное моральное значение: это жизнь в добродетели, за счет которой достигается счастье».

Важно понимать, что употребляемое Аристотелем понятие «богатство» применительно к «хорошей жизни» подразумевает принцип разумной достаточности в противовес неограниченному накоплению, когда барыши превращаются в самоцель. Хрематистика (от греч. «имущество, деньги»), по Аристотелю, — вид деятельности, направленный на бесконечное накопление богатства вне зависимости от его применения. Такая деятельность противоестественна и к собственно экономике отношения не имеет. Поскольку единственное предназначение денег — служить средством обмена, то в этом случае они превращаются в цель, на чем и базируется сегодня вся глобальная хрематистика. Экономика в представлении Аристотеля не совсем наука, а нечто большее — мировоззренческая система, построенная на этике и пронизанная ей. Этические нормы античного общества диктовали примат разума над страстями, хрематистика же основывается на противоположном, что, по мнению философа, противоестественно. Он пишет:

«Вот почему для всех сообразное с природой искусство наживать состоит в извлечении пользы от плодов и животных.

Это искусство, как мы сказали, бывает двояким: с одной стороны, оно относится к области торговли, с другой — к области домохозяйства, причем последнее обусловлено необходимостью и заслуживает похвалы, обменная же деятельность по справедливости вызывает порицание, как деятельность, обусловленная не естественными причинами, но [возникшая в силу необходимости взаимного] обмена [между людьми]. Поэтому

с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег. Отсюда это и получило свое название; как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных же знаков. Этот род наживы оказывается, по преимуществу, противным природе».

Для Аристотеля приоритетными добродетелями являлись благоразумие, умеренность, справедливость. Отсутствие этих качеств способствует извращению смысла денег, что неизбежно приводит к эксплуатации человеческих пороков. В «Политике» он пишет:

«В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично. И даже те люди, которые стремятся к благой жизни, ищут того, что доставляет им физические наслаждения, и так как, по их представлению, средства для осуществления этого дает собственность, то вся деятельность таких людей направляется на наживу. Таким вот путем и получил свое развитие второй вид искусства наживать состояние. А так как физические наслаждения имеются в преизобилии, то такие люди ищут и средств, которые доставляли бы им этот преизбыток наслаждений; если люди не в состоянии достигнуть своей цели при помощи искусства наживать состояние, то они стремятся к ней иными путями и для этого пускают в ход все свои способности вопреки даже голосу природы. <...> ... величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. <...> При этом собственность необходима, но не чрезмерная, а достаточная, регулируемая умеренностью и воздержанием, умением себя ограничить. Собственность есть часть дома, и приобретение есть часть семейной организации: без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить».

Остается лишь поражаться удивительным аналитическим и провидческим талантам древнего грека, в точности охарактеризовавшего наше современное общественное устройство, успешно сочетающее все три социально-политических безобразия — крайнюю демократию, олигархию и тиранию.

Оценивая роль хрематистики в социуме, Р. Креспо делает вывод:

«Концепция Аристотеля учит, что мы должны больше заботиться о содействии развитию личных достоинств, чем о строительстве совер-

шенных систем. <...> Этот урок призывает вернуться к большему акценту на воспитании добродетелей (образовании) и соблюдении закона, что является двумя способами содействия добродетели. Это должно быть важным аспектом экономической политики в духе Аристотеля».

Автор констатирует, что современная система преподавания экономики целиком ориентирована лишь на инструменты, игнорируя гуманитарные дисциплины и этику, что не может способствовать воспитанию сознательных участников экономического процесса, а лишь учит эксплуатировать самые низменные качества. Надо признать, что в последнее время появилось некоторое количество специалистов, указывающих на необходимость включения в процесс принципов социального и нравственного поведения, так как люди, обладающие такими качествами, становятся более успешными по причине предсказуемости и лучшей координации. Однако в такую маниловщину верить с трудом. Порочный круг глобальной хрематистики – производство-торговля-реклама-потребление, вращаясь вокруг своей оси, посредством центростремительной силы надежно удерживает общество в эгоистическом стремлении человеческой природы к переизбытку. Поэтому никаких подвижек к самоограничению во имя более человеческих целей в социуме возникнуть не может.

Аристотель предвидел ситуацию, когда правила экономической игры будут устанавливать безнравственные, духовно недоразвитые рвачи, поэтому особо отмечал роль воспитания, образования и различных институтов в формировании привычек, добродетелей и ценностей. Но сегодня это остается несбыточной мечтой, потому как образованием занимается Высшая школа хрематистики, а привычки и ценности прививает реклама.

Когда в нашей стране только-только начинал отлаживаться главный калибр этого оружия манипуляции сознанием, то для первых пристрелочных залпов потребовалась предварительная корректировка в виде насаждения и утверждения новых побудительных причин бытия посредством внедрения новой системы отражений, или «калейдоскопического идиотизма». Старшее поколение хорошо помнит популярную детскую игрушку калейдоскоп. Вращая картонную трубочку и глядя в торцовое окошко, можно было наблюдать завораживающую череду сменяющихся, идеально симметричных красочных узоров. Глаз видел отраженную псевдореальность, представляющую собой в действительности щепотку битого разноцветного стекла, помещенного в трехгранную зеркальную призму. Красивое отражение ничтожной реальности – основополагающий принцип рекламы.

Но, помимо формирования новых отражений, необходимо преобразовать прежние. Еще Оруэлл сформулировал гениальный принцип постиндустриального общества: «Кто управляет прошлым – тот управляет

будущим, кто управляет настоящим — тот управляет прошлым». С развитием телевидения данная задача решается без особых усилий. На фоне ярких узоров битых стеклышек современности, прошлая серая реальность безнадежно проигрывает, а в сочетании с переписанной историей порождает представление былого убожества бытия и наступившего нынешнего счастья. Для повышения качества стирания памяти необходимо изъять из обращения любые окружающие детали, хоть сколько-нибудь напоминающие о прошлом. Это и названия городов и улиц, и памятники, и терминология, и традиции. Старшее поколение — основные носители памяти, и их значительная часть оказывает духовное сопротивление новой идеологии, поэтому разобщение отцов и детей приобретает решающее значение. В переписанных школьных учебниках бывшие враги становились героями, а Павлик Морозов — модификационным аналогом Иуды. Оставалось лишь добавить обязательное празднование Хэллоуина в школах, и укоренение нового вектора можно считать завершённым.

«Дайте мне дюжину здоровых, нормально развитых младенцев и мой собственный особый мир, в котором я буду их растить, и я, выбрав наугад ребенка, смогу сделать его по собственному усмотрению специалистом любого профиля — врачом, адвокатом, торговцем и даже попрошайкой или вором — вне зависимости от его талантов, наклонностей, профессиональных способностей и расовой принадлежности его предков».

Автор этой жутковатой цитаты — Джон Бродес Уотсон, основоположник бихевиоризма — систематического подхода к изучению поведения людей и животных. Цинизм самой идеи не только в том, что для людей и животных устанавливается общая планка. Хотя цитате больше века, она удивительно созвучна размышлениям нацистского преступника доктора Хасса из классики советского кинематографа «Мертвый сезон»:

«Человек, прошедший психохимическую обработку, будет радоваться непрерывно. Радоваться, что ему тепло. Что помидор красный. Что солнце светит. Что ровно в два часа, что бы ни случилось, он получит свой питательный бобовый суп, а ночью женщину — при условии, если он будет прилежно трудиться. Ну, разве это не милосердно?»

А дальше Эр-Эйч сможет постепенно создавать определенные типы служебного человека. Ну, так, как это мудро сделала природа в улье, в муравейнике. Представьте: человек-ткач, человек-пекарь, человек-шофер. Причем у него нет никаких других потребностей».

Доктор Хасс занимался разработками особого препарата, а доктор Уотсон нашел значительно более дешевое решение проблемы. Датой рождения нового научного направления можно считать 24 февраля 1913 г., когда Уотсон огласил в Нью-Йорке свой «манифест» — «Психология с точки зрения бихевиориста». Лекция имела оглушительный успех, а направление получило стремительное развитие. В 1915 г. Уотсон был избран президентом Американской психологической ассоциации. Однако

под влиянием многочисленной критики и даже обвинений автора в подтасовках научных экспериментов бихевиоризм постепенно преобразовался в когнитивную психологию, но не умер окончательно.

Биография Дж. Уотсона — яркий пример цинизма реальности. Критика теоретиков научного подхода — это одно, а практика жизни — другое. Последним гвоздем в крышку гроба репутации ученого стала скандальная любовная интрижка с ассистенткой, после чего на его академической карьере был поставлен жирный крест, что явилось началом карьеры новой — рекламщика. Агентство Дж. У. Томпсона приняло его на работу с годовым окладом в 25 тыс. долларов, что превышало в разы его прежние университетские доходы. Катехизис мамоны прагматичен: расходы обязаны окупаться, и за красивые глаза никому не платят, а Уотсон всего за три года поднялся до должности вице-президента компании.

«Для того, чтобы управлять потребителем, необходимо лишь поставить перед ним эмоциональный стимул», — вот основополагающий тезис его деятельности. Именно он определил, что в рекламе главное не содержание, а форма, стиль и в конечном счете — подавление у потребителя способности независимого мышления. Известно, что развитие мышления ребенка — основная цель педагогики, и показательно, что объектом академических экспериментов Уотсона стал одиннадцатимесячный младенец, которому вначале показывали белую крысу, к которой он испытывал естественный детский интерес. Затем, при каждой демонстрации, Уотсон ударял молотком по железной трубе над головой ребенка. Тот пугался и кричал. После серии опытов он пугался крысы и без шумового сопровождения. Уотсон писал:

«Когда ребенку показали крысу, он начал кричать. Почти сразу же он повернулся резко налево, поднялся на четвереньки и пополз с такой быстротой, что его едва поймали у края стола».

Кроме того, Уотсон получил дополнительный побочный эффект — так называемую «генерализацию стимула». Ребенок стал бояться многих предметов, вызывающих ассоциации: белого кролика, белой шубы, бороды Санта-Клауса.

Эксперимент «Маленький Альберт» включен практически во все учебники по психологии. Характерно, что тема докторской диссертации Уотсона от 1903 г. — «Обучение животных: экспериментальное исследование физического развития белой крысы, сопряженного с ростом нервной системы».

Что бы официально ни декларировали, бихевиоризм, когнитивная психология, НЛП — все эти и многие другие направления преследуют единую цель — контроль сознания и уничтожение способности самостоятельного мышления. Основной проводник катехизиса мамоны — телевизор — служит идеальным реквизитом в повседневном эксперименте над сознанием, исполняя роль трубы и молотка. Шумовой информационный

фон представляет собой адскую смесь сцен насилия, эротики, разного рода соблазнов, в полном соответствии с «техническими требованиями», такими, как резкое усиление звука, хаотичный видеоряд и т.п. Сегодня уже не стоит всерьез рассматривать такие анахронизмы, как пресловутый 25 кадр. Современная телеиндустрия располагает более простыми технически и более современными психологически методиками воздействия на зрителя. Несколько лет назад группа независимых экспертов провела в ряде европейских стран углубленное социологическое исследование, в ходе которого выяснилась интересная деталь: представители политической элиты и телеиндустрии не допускают своих детей к телевизорам. Однако не исключено, что данные уже успели устареть. Если судить по уровню и содержанию западного общественно-политического уклада, телевизор смотрят не только дети элиты, но и их родители.

Об уровне мышления адептов мамоны можно судить по инструкциям к любым товарам. Например, что горячим кофе можно обжечься, а включенный фен нельзя опускать в воду. Однажды одна находчивая американка решила высушить в микроволновке свежевывмытую кошку. Кошка, в соответствии с законами физики, качественно приготовилась, а убитая горем хозяйка вчинила иск производителю на предмет отсутствия в инструкции соответствующего пункта. Суд она выиграла, а напуганный производитель добавил недостающее предупреждение: «Не предназначена для живых животных». Не остались в долгу и производители стиральных машин, подстраховавшись грозным предостережением: «Не стирать кошек!»

Из аналогичных перлов можно составить сборник, не уступающий по объему, приведенному выше фолианту юридического абсурда:

Инструкция к электрическим фонарям: «Предназначены для использования в темноте в качестве источника света».

Этикетка на коробке с кроссовками: «Среднее количество предметов в коробке: 2».

Инструкция к электродрели: «Осторожно! Не предназначено для сверления зубов!»

Инструкция к газонокосилке: «Перед покосом убедитесь, что в траве нет мелкого рогатого скота, не направляйте прибор на живых людей во избежание наматывания отдельных частей тела на подвижные части прибора!»

Инструкция к детской коляске: «Перед складыванием удалить ребенка».

Надпись на зажигалке: «Не использовать в кармане брюк».

Надпись на сливном бачке: «Воду не пить».

На упаковке шапочки для душа: «Размер: одна голова».

На коробке для замороженной пиццы: «После разогревания еда будет горячей».

На утюге: «Не гладьте одежду на теле».

На коробке снотворного: «Осторожно! Может вызвать сонливость».

На коробке елочной электрической гирлянды: «Используйте только внутри или снаружи».

На упаковке орехов: «Осторожно! Содержит орехи».

На шведской бензопиле: «Пожалуйста, не пытайтесь остановить цепь руками или гениталиями».

На памятке для пользователей унитаза: «Мы не рекомендуем бросать в унитаз камни и тяжелые предметы, потому что это может вызвать повреждение унитаза».

На упаковке щипцов для завивки волос. Два варианта, предлагаемые разными фирмами: «Не используйте для завивки ресниц, это может привести к тяжелым травмам глаз» и «Только для наружного применения».

На упаковке презервативов: «Не ведите машину, когда используете наш продукт».

На упаковке средства для мытья рук: «Не используйте в качестве пищи».

И вся эта интеллектуальная сокровищница — плод либерально-демократической юриспруденции. Воистину, чтобы победить идиота в игре, построенной по его правилам, необходимо обладать его мышлением.

В России, пока еще, подобная экзотика — хороший повод для анекдотов. Надолго ли? Вялотекущий процесс следования западным стандартам в образовании и воспитании у нас, хотя и подспудно, но всё же идет, невзирая на возмущения вменяемой части населения. Это и «ювеналка», и секс-просвет, и ЕГЭ. Инициаторы на уровне министров открытым текстом декларируют программу-максимум — создание идеального потребителя. В агрессивной дебилизации подрастающего поколения «нет ничего личного, только бизнес».

Показательно, что именно компания «Макдоналдс» еще в 1996 г. организовала научно-практическую конференцию под откровенным девизом «Власть над детьми». Цинизм форума зашкаливает все грани приличия. Маркетологи ведут кропотливую научную работу по обработке сознания детей, в результатах которой нетрудно убедиться: за посещение Макдоналдса дети готовы на многое. Разработаны и действуют целые пакеты программ, направленных на нейтрализацию родительского влияния и уничтожения их авторитета. Результаты действия ювенальной гранаты, вложенной в руку не сформировавшейся личности, видны повсеместно: не осознавая последствий, дети самозабвенно стучат на родителей в социальные службы и полицию. Шантаж со стороны отпрысков становится обыденным явлением.

Насилие над сознанием в маркетинговых целях приводит к разрушению психики. В школах США уже с начала 90-х практикуется принудительный прием психотропных препаратов. Этим преследуется

двойная цель. Во-первых — подавление гиперактивности, развивающейся под воздействием агрессивной рекламы, телевидения, компьютерных игр, а во-вторых — выработка психологической толерантности к внедряемым в сознание установкам. За два с лишним десятилетия количество аутистов в США выросло почти в 8 раз и продолжает расти; более 80 % — это люди моложе 25 лет.

Известное в физиологии явление — орган, не побуждаемый к функционированию, атрофируется. У современного потребителя естественным образом атрофируется не только опорно-двигательный аппарат, но и мозг, потребность в котором всё меньше. Не нужно думать над выбором — всё подскажет реклама. Не нужно думать над устройством бытовых предметов — они не подлежат ремонту, а только утилизации. Не нужно принимать самостоятельных решений — на всё есть готовые, общепринятые стереотипы и алгоритмы.

Долгое время западная культурная революция 60-х трактовалась как протест нового поколения буржуазному укладу. Объяснение простое, удобное как правым, так и левым. Оно ханжески легитимировало главный девиз: «секс, наркотики и рок-н-ролл». Социалистический проект, к тому времени, уже практически перешел в фазу стагнации, сохраняя при этом неизменность дискурса классических теорий. Рыночный молох еще не испытывал острого голода, но уже требовал совершенствования методов насыщения, порождая химеры вариаций свободы выбора и свободы конкуренции. В конечном итоге эта парадигма, представляющая собой сочетание нового «мейк-ап» капитализма с декларируемым лозунгом новых бунтарей, виртуозно перенаправила вектор целей на получение удовольствий. Свобода же, во всех интерпретациях, подразумевала возможность выбора удобных библейских постулатов и отвержение не удобных. Таким образом, моделировалась новая «удобная» религия, то есть — чистое люциферианство.

В среде обществоведов не утихают схоластические споры на тему постиндустриального общества: является ли оно объективной реальностью или неким научным заблуждением. Концептуальный метод показывает, что в действительности спор беспочвенен — постмодерн есть и то, и другое в одном флаконе: научные заблуждения стали объективной реальностью. Поскольку «кто верит в случай, тот не верит в Бога», то очевидна *не случайность* заблуждения, очевиден и автор. Выше мы уже рассматривали, как исподволь, на протяжении предшествующего века, разрушались христианские ценности. Словно черти из табакерки выскакивали новомодные социальные теории. Но с развитием информационных технологий процесс приобрел наиболее агрессивный характер. Поэтому не будет ошибкой определить время наступления постмодерна пятидесятью годами прошлого века — эпохи широкого распространения телевидения. Не будет преувеличением утверждение, что именно телевидение,

а затем и кино стали самым мощным оружием Просветителя. Информационная составляющая — это лишь отвлекающая часть манипуляционно-го айсберга. Достаточно сказать, что оборот секс-видеоиндустрии только в США за период с 1970 по 2010 г. вырос с 10 млрд долларов до 40 млрд. Если Соединенные Штаты, являющиеся движущей силой постмодерна, воспринимали метаморфозы общественных процессов органично своей космополитической сути, то аналогичные процессы в России идут по уже накатанной колее, поскольку иной просто нет, и есть обоснованные опасения, что процесс принял необратимый характер.

Имеет место точка зрения, что постиндустриальное общество не более, чем сугубо интеллектуальный выверт неофутуристов от философии, а поэтому, просуществовав около трех десятилетий, сдулся, вновь уступая место классическому модерну. На самом деле произошло закономерное разделение в рамках глобального мира на постиндустриальный золотой миллиард (условно) и его колонии, оставшиеся в состоянии традиционного общества. С начала 80-х гг. прошлого века начался активный вывод производств в страны третьего мира, что позволило многократно увеличить доходы транснациональных корпораций за счет использования рабского труда. Более чем десятикратная разница в оплате позволяет снижать цены в метрополиях, увеличивая тем самым уровень потребления. В этой связи понятно раздражение государств исламского мира и России, исторически обладающих основными запасами сырья и углеводородов, что позволяет сохранять определенную независимость (или ее видимость). Кроме того, если христианство продолжает сдавать мамоне одну позицию за другой, то ислам оказывает постмодернистскому разложению агрессивное сопротивление. Сегодня уже очевидно, что последним форпостом на пути Просветителя остается лишь ислам, поэтому XXI век ознаменовался массивным ударом по его устоям.

Начало было положено помпезной голливудской акцией 11 сентября, явившейся презентацией глобального хэппенинга — «мирового терроризма». Весь последующий сценарий полутора десятилетий, вплоть до сотворения ИГИЛ, направлен на разрушение ислама изнутри и создание жупела в виде шахида с поясом смертника. Типичный представитель западного общества — сытый, ленивый, изнеженный, отученный принимать решения, с мозгами, промытыми телевидением и интернетом, получивший ударную инъекцию страха — тут же становится идеальным зомби-марионеткой глобального идола. Его вера чиста и безмятежна. Он, без тени сомнения и попыток размышления, внимает рекламным слоганам о «распространении демократии». Оранжевые революции, арабские весны и майданы воспринимаются с благоговейным восторгом, а тотальный контроль «большого брата» в собственном доме оказывает гипнотическое, убаюкивающее действие. Он уже не отдает себе отчета, что с каким бы

то ни было либерализмом давно покончено, а понятие демократии трансформировалось в циничную издевку. Логическая эквилибристика Оруэлла стала для западного обывателя постулатами:

«Война — это мир
Свобода — это рабство
Незнание — сила».

«Свободный мир», декларирующий интеллектуальную свободу, — это «Прекрасный новый мир» по Хаксли, в котором нет места интеллекту. «Самостоп» новояза уже отработан до автоматизма, он «означает как бы инстинктивное умение останавливаться на пороге опасной мысли. Сюда входит способность не видеть аналогий, не замечать логических ошибок, неверно истолковывать даже простейший довод, если он враждебен англо-соцу, испытывать скуку и отвращение от хода мыслей, которые могут привести к ереси. Короче говоря, самостоп означает спасительную глупость».

Так все-таки, апофеоз какой социальной формации создал Оруэлл?

Явление самостопа к сегодняшнему дню достигло такой совершенной, доведенной до автоматизма формы, что с полным правом может именоваться «автостопом», намертво вживленным в сознание идеального потребителя, изображение которого непрерывно тиражируется на экранах, мониторах, билбордах, страницах глянца. Его не просто много, он заполняет собой всё окружающее визуальное пространство. На нас со всех сторон смотрят лощенные, жизнеутверждающие, белозубые, избавленные от мысли фейсы (не путать с лицами!), эмоциональная палитра которых ограничена единственной составляющей — безграничным позитивом. Образ жизнерадостного дебила варьируется, в зависимости от целевой аудитории. Для одних — это гиперсексуальное нечто, которое «этого достойно!», для других — хипстер, вопящий «вау!» при виде дешевого гамбургера, для третьих — председатель правительства сверхдержавы, рассматривающий новую модель айфона как младенец новую погремушку. Любой мыслительный процесс враждебен современному англо-соцу, а потому — болезнен. Можно заглянуть в любое пособие по практической психологии и узнать, что современный взрослый телезритель адекватно воспринимает вербальную информацию в течение 3–4 минут, затем концентрация внимания начинает ослабевать, и еще через 4 минуты он полностью утрачивает способность восприятия. Исходя из этого, понятно, что всевозможные ток-шоу не преследуют цель серьезного обсуждения проблемы, а создают информационный «белый шум», с вкрапленными якорями-привязками. Причем уровень образования слушателя не имеет никакого значения. Для него важно не содержание сказанного, а личность говорящего. Это подтверждает либеральную природу явления, так как любые аргументы, цифры, факты не воспринимаются волновым иночастотным приемником.

По мнению руководителя лаборатории социальной психологии СПб-ГУ Л. Ясюковой, интеллектуальное развитие непосредственно зависит от сформированности понятийного мышления. Здесь уместно вспомнить выдающегося русского психолога Л. С. Выгоцкого, занимавшегося вопросами педагогической психологии. Он подчеркивал, что культура создает особые формы поведения и видоизменяет деятельность психологической функции. Выведенное им понятие «зона ближайшего развития» представляет собой «область не созревших, но созревающих процессов», широкий диапазон задач, с которым ребенок на определенном уровне развития не может справиться сам. Этот уровень достигается лишь в ходе совместной деятельности со взрослым.

По данным различных исследований, на сегодня менее 20 % людей обладают полноценным понятийным мышлением. В основной массе это те, кто изучал естественные и точные науки, оперируя выделением существенных признаков, категоризацией и установлением причинно-следственных связей. Таким образом, 80 % и более — обладатели калейдоскопического мышления.

Понятийное мышление базируется на «трех китах»:

1. Умение определять суть явления или объекта.
2. Умение видеть причину и прогнозировать последствия.
3. Умение систематизировать информацию и строить целостную картину ситуации.

То есть те же «киты», что лежат в основе концептуального анализа.

Подавляющее большинство людей, в силу различных причин, такой методикой не владеют. Они убеждены в правильности своего видения ситуации, но, когда их иллюзии рушатся под воздействием реальности, планы не реализуются, прогнозы не сбываются, они неизбежно винят окружающих и возникающие обстоятельства, оставаясь в заблуждении о собственной непогрешимости. Поскольку людей с понятийным мышлением минимум, то и в среде политиков так же преобладает большинство. Они умеют цветисто говорить и придавать продвигаемым идеям внешний лоск. Исследования профессора Л. М. Веккера 1998 г., охватывающие кроме России также США и Европу, свидетельствуют о той же тенденции: более 70 % взрослых людей, включая психологов, с которыми он сотрудничал, сами мыслят как дети: обобщают от частного к частному, а не по существенному признаку, не видят причинно-следственные связи.

Л. Ясюкова убеждена:

«По жизни сформировать понятийное мышление невозможно, оно приобретается только в ходе изучения наук, поскольку сами науки построены по понятийному принципу: в их основе базовые понятия, над которыми выстраивается пирамида науки. Такая понятийная пирамида. И если мы выходим из школы без понятийного мышления, то,

сталкиваясь с тем или иным фактом, мы не сможем его объективно интерпретировать, а действуем под влиянием эмоций и наших субъективных представлений. В результате решения, принятые на основании такой допонятийной интерпретации происходящего, невозможно реализовать. И мы это видим в нашей жизни. Чем выше в социальной иерархии стоит человек, тем дороже цена его необъективных интерпретаций и решений. Посмотрите, сколько у нас принимается программ, которые ничем не заканчиваются. Прошел год-два — и где программа, где человек, который ее декларировал?»

Л. Ясюкова более 20 лет ведет исследования в школах. По ее данным, интеллектуальный уровень учащихся неуклонно снижается, а процент людей с понятийным мышлением становится меньше. Кроме того, начиная с 90-х увеличивается разрыв, говоря условно, между умными и глупыми, так же, как между богатыми и бедными. Поскольку наша политическая и финансовая псевдоэлита позиционирует Россию как сырьевую страну третьего мира, то ей и не нужно много людей с хорошим образованием, способных думать и делать правильные выводы. Таких попросту некуда пристроить. Исследования показывают, что образованный человек — плохой потребитель. Неуклонное тяготение к западной системе образования объясняется сложившимся мировым экономическим трендом, предъявляющим запрос на минимум непосредственной obsługi глобального управляющего класса и основную массу дебилов, по модели доктора Хасса. Научный редактор журнала «Эксперт» А. Привалов в 12-м номере от 2008 г. пишет:

«Обратите внимание: избавив школьников от обязательного экзамена по литературе, их избавили от стимула учиться внятно излагать свои мысли, о чем бы ни было. Выпускное сочинение не заменено вообще ничем — „эссе“ по физике или по биологии в наших школах не приняты... Это безумие. Это интеллектуальный холокост. Люди, которые не умеют и не учатся связно говорить и писать, как правило, не умеют и не научаются думать».

В сентябре 2019 г. в очередной раз порадовал общественность еще один «непотопляемый дредноут» отечественной политики — записной глобализатор Г. Греф. На пленарной сессии Сбербанка в рамках Восточного экономического форума во Владивостоке он заявил следующее:

«Из школы дети уже выходят „инвалидами“, так как настолько привыкают к системе оценивания, что в дальнейшей жизни при ее отсутствии расслабляются и не готовы что-либо делать. Это катастрофа... Одна из моих личных целей — убить экзамены».

Оказывается, экзамены отбивают желание учиться и чрезвычайно нервнируют школьников. Такая трогательная забота о детской психике со стороны матерого глобализатора могла бы удивить, но стоит вспомнить его же цитату образца 2017 г.:

«Главная задача нынешней системы образования — совершить переход от преподавания знаний к преподаванию навыков. Современную школу родил Вильгельм фон Гумбольдт в униженной Германии, завоеванной Наполеоном. Стране нужно было родить солдат. Гениальный Гумбольдт для своего времени подал идею всеобщего образования и создания из молодежи армии учеников. Сегодня основа обучения остается такой же, что является гигантской проблемой страны».

С подачи новоявленного просветителя российского разлива как члена Попечительского совета ВШЭ в этом логове экономического шаманизма родилась методичка под многозначительным названием «Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра». Сей опус содержит конкретный перечень «компетентностей», необходимый службе глобального управляющего класса:

- читать и писать (способность воспринимать и создавать информацию в различных текстовых и визуальных форматах, в том числе в цифровой среде);

- считать (способность применять математические инструменты, аргументацию, моделирование в повседневной жизни, в том числе в цифровой среде);

- программировать (способность воспринимать и создавать информацию на формальных языках, языках программирования).

Дополнительно они предлагают преподавать такие «модули», как:

- гражданская «грамотность»;

- навыки финансового поведения (финансовая «грамотность»);

- базовые навыки использования правовых норм (правовая «грамотность»);

- экологическая «грамотность»;

- научная, технологическая «грамотность»;

- «грамотность» в области здоровья».

И всё. Прислуге не нужны биология, химия, физика, астрономия, геометрия, не говоря уже об истории, литературе, философии, мировой художественной культуре и других дисциплинах, прямо влияющих на формирование мышления, гражданскую самоидентификацию и мировоззрение человека. Заметим — этот перечень составлен для высшего уровня службы. Надо полагать, что низший уровень будет располагать перечнем, наподобие «Минимального стандарта гражданственности», разработанного несколько лет назад экспертами ВБ и включающего в себя «способность чтения географических карт, объяснение на английском языке и правильное заполнение налоговых деклараций».

У наивных может возникнуть вопрос: кто наделил полномочиями этого функционера, состоящего, кстати, всего лишь в службе высшей элиты, влезать в несвойственные его профилю темы? Ответ очевиден. Поскольку ВБ правит миром, то перечень его «компетенций» никем не ограничен,

следовательно, Россией правит ЦБ в тандеме со Сбербанком. Таким образом, наш *фактический* президент Э. Набиуллина при вице-президенте Грефе. Или наоборот, что не меняет сути дела. Ну, а президент *юридический* по факту не кто иной, как «английская королева» для толпы.

Спекулятивный аргумент об уровне государственных расходов на образование с одинаковой охотой выдвигается как правыми, так и левыми. Хочется надеяться, что и те, и другие не совсем понимают, о чем говорят. Данные Всемирного банка свидетельствуют, что по состоянию на 2014 г. процент российских расходов составил 3,8 от ВВП. Это — 107-е место в мировом рейтинге, что соответствует уровню Египта, Уганды, Нигерии. Первое место занимает Тимор-Лешти, площадью 15 тыс. км² и с населением 1,1 млн человек. За ним идут Лесото, Куба, Бурунди и Молдова. Великобритания на 45-м месте (5,6%), США на 52-м (5,4%). Замыкают рейтинг Монако и ОАЭ, соответственно 152-е (1,2%) и 153-е (1,0%) места. Нужны ли здесь комментарии? Никто из правдорубов не углубляется в такие детали, как соотношение процентов ВВП численности населения, да и в сущность ВВП, представляющего собой, как уже рассматривалось выше, виртуально-отвлеченную величину. Но дело даже не в этом. Незабываема фундаментальная формулировка цели отечественного образования в авторстве бывшего министра А. Фурсенко, за которую, с позиций здравого смысла, чиновника такого уровня необходимо не только лишить всех дипломов и степеней, но и пожизненно сослать на замещение вакантной должности дворника-таджика. Однако сегодня он занимает должность помощника официального президента, что лишний раз подтверждает: цель современного образования — подготовка слуг элиты. Поэтому, в целях национальной безопасности, было бы лучше для страны замкнуть рейтинг ВБ.

Американские исследователи Дж. Графф, Д. Ванна, и Т. Нэйлор в книге «Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру» приводят сравнительные данные изучения молодежи 60-х и конца 90-х гг.:

«В 1967 г. две трети студентов американских колледжей сказали, что формирование ясной жизненной философии является очень важным для них, тогда как меньше одной трети заявили то же самое о зарабатывании большого количества денег. В 1997 г. эти цифры поменялись местами. На вопрос, что они считают самым важным, заданный в недавнем опросе, проведенном в Вашингтонском университете, 42% ответили: „Хорошо выглядеть, иметь красивые волосы“, еще 18% сказали: „Быть всегда пьяным“, тогда как только 6% отметили: „Получать знания о мире“. Одна из 6% — студентка Дженнифер Гейлус — прокомментировала:

„Дети, которые учатся в наших школах, принимают все, как само собой разумеющееся. Они думают, что все принадлежит им, и что мир обязан дать им все. Они будут просто брать, брать, брать, и ничего не отдадут назад. Наше общество погибнет без людей, которые умеют давать“.

Недавний соцопрос показал, что 93% девочек-подростков смыслом жизни назвали шопинг, а меньше 5% — помощь людям».

Не правда ли, такое общество — воплощенная мечта господина Фурсенко?

Поколение 90-х воспитывалось на новых принципах. Осадки вычерпанной либерализмом морали еще болтались где-то на дне, но идеологии уже не было никакой, а вместе с ней исчезли и человеческие смыслы — их место заняли «общечеловеческие ценности» — одно из многих гениальных изобретений Просветителя. Предоставленное самому себе поколение, с младых ногтей впитало нигилизм. Но списывать всё на постперестроечные процессы неверно. Молодежь позднего СССР была практически той же, ни во что не верящей. Поэтому вполне закономерно, что костяк «новых русских» составили бывшие комсомольские функционеры и резко омолодившийся криминал. Стараниями старой советской творческой интеллигенции новому поколению внушили, что всё недавнее прошлое — ужас, «отстой» и «совок». Таким образом, были перечеркнуты хотя и теоретические, но — смыслы, а цели и вовсе уничтожены. Попытки новой власти создать нечто взамен комсомола ничем не закончились. Аморфные объединения типа «Молодой гвардии» и «Наши» явились скучной и бездарной карикатурой, не имеющей под собой никакой идейной платформы.

Комментирует журналист и рэпер Ричард Семашков (Рич), 27 лет:

«Некоторое количество подписчиков и локальная популярность внушает молодым героям уверенность в том, что теперь они компетентны рассуждать о вещах государственного порядка, но если повнимательнее послушать всю эту „политологию“, то мы приходим к простому выводу, что стране, кроме свободного Ютуба, бургеров, барберов и гаджетов, больше ничего не нужно. Всё остальное — отстой.

Взрослое поколение не особенно считается с мнением молодых и практически не ведет с ними никакой воспитательной работы, и уж тем более не разговаривает с ними на их языке. Войну в Донбассе, в Сирии, „вежливых людей“ в Крыму, непростые отношения с Западом они считают блажью, но любого, кто введет минимальную цензуру и ограничения в интернете, они готовы казнить. Если кто-то посмеет отключить Ютуб, то они придут миллионной армией и свергнут этот режим.

Литература, история, поэзия, война и даже секс больше не увлекают умы нового поколения — всё это не стильно, всё это слишком по-настоящему. Настоящее больше никого не интересует».

Подавляющая масса сверстников Рича — социопаты, ничего не смыслящие в истинных ценностях и подводных камнях заманушного псевдолиберализма. Их главный лозунг: «Я никому ничего не должен». И самое страшное — они правы.

Соцопросы свидетельствуют, что более 30% молодых людей чувствуют себя одинокими. В вузах сегодня обучается 18%, а безработица среди

тех, кто моложе 25 лет, составляет 22%. Предпочтение отдается удаленной работе. В числе приоритетов у 43% — возможность договориться с руководством о графике. Размер зарплаты волнует 32%, а результат труда интересует лишь 27%. Отсюда видно, что большинство ищет возможность не ходить на работу, а деньги, семья, результаты труда — на вторых планах. Главное — свобода и уединение от всех. У 66% школьников единственное хобби — интернет, то же у 74% учащихся колледжей и у 79% студентов вузов. В просмотрах преобладают новости спорта — 44% — и юмористические программы — 49%. Для большинства политика — «отстой»; интерес проявляют 24% в возрасте от 18 до 25 лет. На выборы не ходят вообще. Основная сфера интересов — соцсети при отсутствии живых друзей. За последние годы количество занимающихся спортом удвоилось. Видимо, хотят долго жить, но не знают зачем.

Конечная цель либерализма, не осознаваемая самими либералами, — формирование человека переходного периода, его *расчеловечивание*, опрощение до уровня животного. Аналогии с коровой или бараном некорректны. Либеральная идеология формирует человека-волка, обитающего исключительно в ареале жесткой внутривидовой конкуренции. Однако волк — звучит если и не гордо, то хотя бы внушительно. Думается, что Пелевин нашел для такого существа идеально точный термин — «ротожоп». Движущей силой такой особи являются три основных (и единственных) импульса:

1. Оральный — побуждает к поглощению денег.
2. Анальный — побуждает к акту испускания из себя денег.
3. Вытесняющий — защитный механизм, охраняющий от вмешательства сознания в деятельность, не связанную с понятиями, не относящимися к деньгам».

Одним словом — «самостоп» в практике современности. В свою очередь А. Зиновьев охарактеризовал идеального потребителя как «трубу, в которую с одного конца закачиваются товары, а из другого они со свистом вылетают на свалку».

Либералы пребывают в уверенности, что только они движущая сила эволюции и прогресса. Что под этим подразумевается — бог весть! О том, что «прогресс» и образование понятия обоюдоострые, мы уже говорили и еще коснемся в дальнейшем, но называть прогрессом явную интеллектуальную деградацию социума — неприкрытый цинизм. Уровень интеллекта выпускников американских школ (не элитарных) в комментариях не нуждается, а в последние годы и отечественные выпускники постепенно выравниваются под заокеанских. В свое время большевики взяли за решение амбициозной задачи — перенести элитарное культурное наследие в массы. Можно спорить, в какой степени эта задача была решена, но красноречивее и аргументированнее, чем документы «данайцев», не скажешь.

В первую очередь, это доклады Всемирного банка под общим названием «Россия: образование в переходный период», подготовленные (опять же!) при поддержке Фонда Сороса, а также доклад под многозначительным номером 18 666-RU «Обновление образования в России (региональный уровень)». Самое интересное обнаружилось на первых же страницах. Это, прежде всего, гриф:

«Конфиденциально. Документ Всемирного банка. Только для служебного пользования. Настоящий документ имеет ограниченное распространение и может быть использован получателем только при исполнении специальных обязанностей. Во всех других случаях его содержание не может быть раскрыто без разрешения Всемирного банка».

Руководитель проекта — Стивен П. Хайнеман. Целью реформы полагалась «реструктуризация этой добившейся больших достижений системы для удовлетворения новых потребностей непланового рынка и открытого общества». По ходу доклада следовали весьма примечательные выводы:

«Система образования России характеризуется многими достижениями: начальное образование доступно всем детям; трудоспособное население грамотно; юноши и девушки имеют равное представительство среди студентов вузов; международное сопоставление академических достижений России в их совокупности продолжает свидетельствовать о более высоком уровне знаний в естественных науках и математике, чем во многих странах ОЭСР. В бывшем Советском Союзе существовали великолепные учебные программы».

Одним словом — кошмарный сон глобалиста! Заметим: цитаты приведены дословно не из доклада товарища Зюганова, а из доклада Всемирного банка. Обычному российскому гражданину средних лет эти формулировки могут показаться забавными: причислять к достижениям такие элементарные вещи, как доступность начального образования и всеобщая грамотность? Но, как видим, Всемирному банку и ЮНЕСКО это забавным не кажется. Судя по тексту, в масштабах западного мира это действительно достижения. По каким же причинам столь лестно характеризуемая система потребовала реформирования? Не удивительно, что на этих документах стоит гриф ДСП: все их позиции в совокупности представляют собой инструкцию по диверсионно-подрывным мероприятиям, на которые ВБ выделил немалые суммы.

На одной из недавних международных конференций по вопросам образования высокопоставленный данайский прихвостень женского пола из нашего министерства гордо и подобострастно отчиталась, что Россия «наконец-то уходит от мифов о качественном советском образовании». Но ее ожидал конфуз в лице финского представителя, заявившего, что Финляндия смогла улучшить свою систему во многом за счет заимствования из советской и перевода наших учебников. По сей день учите-

ля старой советской школы приглашаются финнами для работы с детьми и преподавания прежних методик коллегам. Важно отметить, что на сегодня в Финляндии лучшая система образования в Европе, что признано официально. В настоящее время в США успешно функционируют престижнейшие математические школы на русском языке, основанные на наших методиках. Множество американских компаний состоят целиком из русских программистов. (Кстати, хорошая основа для популярной легенды о «русских хакерах».)

В одной из статей протоиерей Андрей Ткачев удивительно точно заметил:

«Для вдыхаемых нами паров развращения, плывущих со стороны Запада, нужен христианский респиратор».

Но реальность много жестче. Сегодня одного только респиратора недостаточно. Пары безумия проникают в каждую пору нестойкого, ослабленного толерантностью организма, а поэтому уже необходим полноценный защитный костюм.

Что же касается проблем последних лет в международной дипломатии, то пора бы уже усвоить, что попытки договариваться с сумасшедшими не только бесплодны, но и опасны. Они заставляют принимать образ мышления безумцев. Способов общения с ними может быть только два: либо изоляция, либо смирительная рубашка с электрошоком.

Разбираясь в вопросах либеральной демократии, вольно или невольно возвращаешься к фундаментальному труду Ф. Фукуямы. При этом возникает некое подобие сочувствия автору: потратить 14 лет жизни на доказательство ложной теории — это ли не подтверждение абсурдности доказуемого? Тем не менее в главном он всё же прав: отстаиваемая им социально-политическая модель — это действительно конец, и не просто истории, а самой человеческой природы. Его «последний человек» уже и не человек в общепринятом понимании, но о нем мы поговорим в последней главе.

МУТАЦИИ ГУМАНИЗМА

*Называя себя умными, обезумели
и славу нетленного Бога изменили в образ,
подобный тленному человеку <...>
То и предал их Бог в похотях сердец их
нечистоте, так что они осквернили
сами свои тела;
Они заменили истину Божию ложью
и поклонялись и служили твари
вместо Творца.*

Рим. 1: 22–25

— Энди, я простой провинциальный жулик, и каждый доллар в руке у другого я всегда воспринимаю как личное оскорбление. Но, когда я отбираю у человека этот доллар, я обязан дать ему хоть что-то взамен. Будь то: порошок от блох, золото девяносто шестой пробы, затрещина или просто надежда. В этом мой принцип.

(О’Генри, «Трест, который лопнул»)

Мы живем в странное и удивительное время. Незаметно сошла на нет эпоха манифестаций, вновь сменившись эпохой манифестов. Прав был Гегель — история действительно повторяется дважды, и фарсовый характер нынешних манифестов очевиден. Событие недавнего 2011 г. прошло почти незамеченным широкой общественностью и, скорее всего, по причине его запредельной абсурдности. Именно в этот год вышел в свет манифест стратегического общественного движения «Россия 2045». И с этого дня призрак бродит по России, призрак трансгуманизма.

Конечная цель общественного движения конкретна, как затрещина, и доступна (по утверждению авторов), как порошок от блох. Это — ни много ни мало — бессмертие. Вот так, скромненько и со вкусом, сегодня творчески развиваются бессмертные начинания персонажей О’Генри — Энди

Такера и Джефферсона Питерса, по определению самого автора — «благородных жуликов», гораздых на изобретения различных чудодейственных средств.

Но «прогресс прогрессирует», и вместе с ним прогрессируют всевозможные такеры и питерсы. В конце 70-х на экраны вышел фильм «Бегство мистера Мак-Кинли», казавшийся неосведомленному зрителю чистой футурологической фантазмагорией. Однако в основу легли вполне реальные предпосылки события. В те годы в США возникла сеть фирм, специализирующихся на крионике — замораживанию до «лучших времен» умерших богатеев. Суть затеи — перенос человека в будущее, где его разморозят и оживят с помощью передовых медицинских технологий. Отец-основатель теории — Роберт Эттингер, профессор физики и автор книги «Перспективы бессмертия», изданной впервые в 1964 г. Известно, что самые невероятные научные идеи возникают из отдельных неожиданных событий, фантазийных ассоциаций, специфических впечатлений, особенно если эти впечатления детские. Так же и идея Эттингера происходит из детства. В предисловии к книге он пишет:

«Я рос, читая старые „Удивительные истории“ Хьюго Гернбека, и предполагал как само собой разумеющееся, что однажды, задолго до того как я состарюсь, биологи узнают секрет вечной молодости. Затем я прочитал рассказ Нила Джонса „Спутник Джеймсона“, в котором труп некого профессора Джеймсона был послан на земную орбиту, где он должен был сохраняться неопределенно долго при температуре около абсолютного нуля (как автор ошибочно думал). И так это происходило в рассказе, пока миллионами лет позже, когда человечество вымерло, раса механических существ с органическим мозгом случайно не нашла его. Они оживили и восстановили мозг Джеймсона, установили его в механическом теле, и он стал одним из них.

Или посмотрим на это по-другому: истории о приостановленной жизни (через замораживание или иными способами) не новы; и если живой человек может быть оживлен после замораживания, то почему не может быть оживлен слегка мертвый, чьи повреждения слишком велики для сегодняшней медицины, но (даже с добавочными повреждениями от замораживания), вероятно, будут детской игрой для будущей технологии?»

Сам собой напрашивается совет родителям: контролируйте чтение ваших детей — последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

В 1962 г. Эттингер разослал краткое описание идеи крионики двумстам фигурантам каталога «Кто есть кто в Америке», и, самое удивительное, нашлись те, кто заинтересовался перспективами.

Предприятие оказалось значительно выгоднее продажи клиентам порошка от блох: первый взнос для желающих — 150 тыс. долларов с последующей ежегодной абонентской платой, а главное — практически никаких

затрат. Сегодня уже несколько сотен почивших придурковатых романтиков во главе с Аристотелем Онасисом и Жаклин Кеннеди принимают ванны с жидким азотом в ожидании Страшного суда.

Какая дикость! А в газетах пишут, что Америка — вершина цивилизации. Что же тогда должно твориться в Европе?

А в Европе-то как раз поскромнее. Например, в России можно заморозиться всего за 50 тыс. долларов. Но это — если целиком. Имеется и льготное предложение — одни лишь мозги. Так-то — вообще сущие копейки. Таким образом, ниша прибыльного бизнеса оказалась надежно застолблена, и пытливые умы отечественных питерсов и такеров заработали в режиме форсажа.

Важно отметить, что на сегодняшний день лишь незначительная часть научного сообщества рассматривает крионику как реальную технологию. И тем не менее развитие абсурда не прекращается. Этому способствуют непрерывные пиар-акции в СМИ, заказные печатные издания, теле- и кинопродукция. К акциям неизменно подключаются информационные органы, лоббирующие интересы наноиндустрии, а журнал «Тайм» так и вообще поставил крионику в один ряд с нанотехнологией на пути к достижению «вечной молодости». Воистину, жажда элит бесконечного продолжения личного благоденствия неутолима! Их несколько не пугает перспектива миллионнолетнего пребывания в «слегка мертвом» состоянии с последующей встречей с механико-биологическими монстрами и превращением в их подобие. У них не возникает даже простого соображения о том, что после их «слегка» смерти никто из потомков или гарантов не станет тратиться не только на их оживление, которое обойдется в разы дороже замораживания, но и на многолетнее криогенное плавание.

— *Странно только, что Вас до сих пор не поколотили эти обманутые.*
— *И никогда не поколотят, сэр. Я шесть лет в Массачусетсе изучал психологию. Единственное, что я вынес из этой великолепной науки: никто из них, сэр, не хочет признать себя дураком.*

Но время не стоит на месте, подрастают и матереют новые поколения питерсов, бендеров, калиостро и чумаков. Их предшественниками пройден многолетний путь и накоплен бесценный опыт «сравнительно честного отъема денег», поэтому ни «материализация мысленных образов», ни зарядание воды через телевизор, ни лечение энуреза взглядом уже не актуальны. Требуется нечто этакое, чтоб, как затрещина, сначала повергло в ступор, а затем награждало самой конвертируемой интеллектуальной валютой — надеждой. И это — тот редкий случай, когда не спрос рождает

предложение, а предложение таково, что невозможно отказаться. Потому что ничего согласия и спрашивать не будут. Так родился проект «Россия 2045», который гласит:

«Шаг первый: 2015–2020 гг., „искусственная копия тела человека (аватар), управляемая мыслью с помощью нейроинтерфейса“.

Шаг второй: 2020–2025 гг., „искусственная копия тела человека, в которую пересаживается мозг в конце жизни“.

Шаг третий: 2025–2035 гг., „искусственная копия тела человека, в которую переносится сознание в конце жизни“.

Шаг четвертый: 2035–2045 гг., „тело-голограмма“».

Как и полагается любому уважающему себя движению, незамедлительно был состряпан и свой манифест. Вот его неполный текст:

«Мы считаем, что можно и нужно ликвидировать старение и даже смерть, преодолеть фундаментальные пределы физических и психических возможностей, заданные ограничениями биологического тела. Реализация этого технологического проекта неминуемо приведет к взрывному развитию инноваций и глобальным цивилизационным переменам, изменит уклад человеческой жизни.

По нашему мнению, не позднее 2045 года искусственное тело не только значительно превзойдет по своим функциональным возможностям существующее, но и достигнет совершенства формы и сможет выглядеть не хуже человеческого. Люди самостоятельно будут принимать решение о продолжении жизни и развития в новом теле после того, как все ресурсы биологического тела будут исчерпаны».

— А теперь отвлеките Ваше внимание от болезни. Вы совершенно здоровы. У Вас нет ни сердца, ни легких, ни лопаток, ни мозгов. Ничего нет! Вы здоровы! Здоровы! Как баран, как дуб. Вы чувствуете это?

— Чувствую, чувствую!

Всё это могло бы показаться пошлым анекдотом, если бы не состав инициативной группы, включающей полтора десятка ученых в ранге докторов и членкоров. Их имена без труда можно найти в интернете, так же как и тех, кто подписал обращение к Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну, а их — 23 персоны на любой вкус и цвет. Среди них и ведущий разработчик корпорации «Google» Р. Курцвейл, и д-р У. Бушелл — религиозный антрополог; и православный (?!) архиепископ Оттавский Лазар Пухало; и Свами Вишнудевананда Гири Джи Махарадж — российский (!!!) мастер йоги, философ и футуролог; а также писатели, благотворители, и ученые, ученые, ученые...

Когда читаешь список этого невероятного паноптикума, не покидает ощущение галлюцинации, которое еще более усиливается от информации, что генсек поддержал идею неофитов-трансгуманоидов. Поддержал

ее и далай-лама, который на встрече с главным трансгуманоидом Д. Ицковым заявил:

«Необходимо соединить тело робота и человеческий разум, человеческий мозг. Необходимо это совместить. Это возможно.

Робот не нуждается в пище, таким образом, этот новый человек будет обходиться гораздо дешевле. Для того чтобы жить, человеку необходимо продовольствие, жилье, одежда и, соответственно, большая зарплата. Поэтому, я думаю, человек с телом робота обойдется гораздо дешевле.

Существуют две йога-практики, когда сознание отделяется от старого тела и переносится в новое молодое тело. Примеры этого существуют в Тибете, Индии, некоторые из них я считаю вполне достоверными. Возможен даже переход сознания из человеческого тела в тело животного.

Ваш проект, безусловно, полезен с точки зрения получения новых знаний. Настоящий эксперимент, полезный для расширения поля зрения науки. Это очень хорошо!

Я думаю, вы должны попробовать. В России, в Москве — хорошие ученые. У вас есть большой потенциал. А затем, конечно, это будет развиваться и на Западе. Я со своими программами буду рад участвовать».

Ну, буддист — он и есть буддист, что с него взять. Ему всё едино — что в баобаб переселяться, что в аватар, хотя аватар ему все-таки как-то роднее. Но что происходит с остальными, до сей поры авторитетными и уважаемыми, а ныне простыми трансгуманоидами?

Что процесс глобальной дегуманизации ускоряется, не увидеть может только слепой. Трансгендеры, транссексуалы, трансвеститы, трансгенные продукты, транснациональные корпорации... Всеобщий и всеобъемлющий Транс — состояние сна разума. Моделируя логический ряд абсурда, ожидаешь появления чего-то вроде трансморали, транснравственности и т.п. (речь идет о появлении *терминов*, потому как *явления* уже успешно существуют). Просветителю, видимо, надоело размениваться на частности, и он приступил к завершению своего проекта комплексно, единым блоком, получившим емкое наименование «трансгуманизм».

Интересна история происхождения термина. Многие современные словари предлагают весьма странный перевод: transhuman — сверхчеловеческий. Первая часть термина — trans — никоим образом не может означать «сверх». А всё началось с перевода «Божественной комедии» Данте в исполнении Г. У. Лонгфелло, где автор в главе «Рай. Песнь 1» употребил староитальянское слово «trasumanar», которое у переводчика в английском стало звучать как «transhumanise». Вот такая неожиданная транс-формация.

Значительно ближе по смыслу представляется перевод М. Лозинского — «пре-человеченье», укладывающийся в контекст самого Данте. Автор подразумевал преодоление человеком качеств, не соответствующих

божественному замыслу, очищение, или, в православной традиции — обожение. Трансгуманисты же, в лучших традициях доктрины Просветителя, лукаво оттолкнулись от цитаты Ф. Ницше: «Человек есть нечто, что следует преодолеть». В жизнь термин запустил Дж. Хаксли, один из основателей ЮНЕСКО. Естественно, в умах и устах адептов Просветителя первоначальный истинный смысл перевернулся с точностью до наоборот. Это совершенно в традициях сатанистов: и обряды с перевернутым христианским крестом, и чтение Библии задом наперед. В общем, ничего нового.

Читая программные документы движения, так и хочется возопить: «Автора! Автора!», панически боясь не прокричать в кибернетическом угаре: «Аватара!»

Итак, пора познакомиться. Инициатор и лидер движения Дмитрий Ицков. Ничем не примечательный молодой человек из Брянска. Мать — школьная учительница, отец — директор музыкального театра. На момент создания движения имел 31 год от роду и многомиллионное состояние. Сразу напрашивается вопрос: откуда дровишки? Всё просто. Юноша оказался своего рода вундеркиндом. Еще в период обучения в Плехановском университете по специальности корпоративного менеджмента создал интернет-компанию «Ньюмедиа Старз». Бизнес процветал, но хотелось чего-то несоизмеримо большего. Как «рыбак рыбака», он издалека увидел второго соучредителя будущего «треста», однокашника Константина Рыкова. Поняв друг друга с полувзгляда, они развили бурную деятельность, создав помимо глянцевого журнала еще и сайты: один знакомств, а другой, так называемый «развлекательный», содержащий, в том числе, и детскую порнографию.

...В сейфе треста имеется ровно шестьсот восемь центов. Этого достаточно, чтобы не спешить объявлять трест обанкротившимся. Но мало, чтобы начинать серьезное дело.

Вообще, на фоне Рыкова, Ицков выглядел бледной тенью. Перечисление всех бизнес-проектов и всех скандалов с участием Константина не вместились бы в объем и трех таких глав, результатом чего явилось избрание в Госдуму по списку «Единой России».

Закономерно возникающий вопрос — как 30-летнему, хотя и предпринимчивому дельцу, не имеющему никакой профильной научной подготовки, пришла идея подобного псевдопроекта — несколько приникает при детальном рассмотрении персоны компаньона, особенно с учетом факта, что Рыков еще в 16-летнем возрасте по программе фонда Горбачёва посетил США, где изучал интернет-технологии. Конечно, сей факт сам по себе ни о чем не говорит, но размышлениям способствует, особенно с учетом его прямо-таки головокружительных успехов в интернет-сфере, а по-

том и в политике. Поэтому нет сомнений, что центральная теневая фигура в программе именно Рыков, а Ицков если и не зицпредседатель, то всего лишь нейтральный фасад, не замеченный ни в каких скандалах. Вообще нигде и ни в чем не замеченный. Этакий аватар.

Можно сколько угодно поражаться абсурдности проекта, но при желании на каждый вопрос найдется ответ. Например, почему маститые ученые, гарантированно осознающие дремучую антинаучность затеи, встают в сплоченные когорты гарантов «треста»? Ведь нигде, ни в каких публикациях нет ни малейшей конкретики, одни декларации и общие места. Кроме того, сегодня любому, даже не получившему никакого специального образования человеку известно, что наука не имеет ни малейшего представления, на каких принципах происходит мыслительный процесс. Академик Н. Бехтерева всю жизнь посвятила изучению этой темы и «под занавес» призналась, что самого главного так и не узнала. И ни один из ныне живущих светил не ответит на вопрос: что есть сознание? Поэтому ясно, что перемещать из одной физической субстанции в другую «то, не знаю что» абсурдно. Да и вообще, эта сфера в большей степени касается священников и философов, но отнюдь не ученых. Мозг — всего лишь приемник, реагирующий на сигналы, природа которых материальной науке ныне не подвластна, и действующий в неразрывной связи со своим природным носителем. Даже если теоретически допустить невозможное, то очевидно, что созданное новообразование явится чем угодно, но не человеком.

Парадоксально, но по здравому размышлению весь проект даже трудно назвать дьявольским. Трансгуманоиды нигде не упоминают о том, каким образом они намереваются перемещать душу. Отсюда вывод: либо для них это несуществующая категория, либо они явные аферисты. Почему-то думается, что Просветитель не стал бы лишать себя главного удовольствия и смысла собственного бытия — эти самые души губить, потому как нельзя погубить то, чего нет. Заскучает.

Впрочем, мотивации ученых объяснимы. Потенциальные огромные вложения дают им возможность реализации своих личных проектов, в той или иной мере пересекающихся с заявленной целью. Немалое значение имеет и предвкушение разного рода «распилов» под маркой прорывных технологий и модернизаций. Сумела же Роснано «освоить» 700 млн бюджетных средств под марку «пилюль от старости», и ничего, живет — не тужит.

Инвестиции толстосумов тоже объяснимы. Ничего не смысла ни в физике, ни в метафизике, ни уж тем более в религии, они легче всего подвержены искушению «авось». Им невдомек, что та вечная жизнь, на которую их разводят отечественные питерсы и такеры, не будет иметь ничего общего с их нынешним благоденствием. Ведь там уже не будет чревоугодия, блуда, страстей, азарта, желаний, эмоций, а главное — денег. Будет

сплошной стерильный трансгуманизм с нечеловеческим лицом. Ради чего тогда жить? Тем более вечно. Жизнь без детей, родителей, друзей, конкурентов. Некого будет готовить себе в преемники, обеспечивать, предавать, подставлять. Поэтому трансгуманизм как мечта — свидетельство полного расчеловечивания элит.

Всё же трудно поверить в такую беспросветную глупость сильных мира сего, поэтому с высокой долей вероятности можно предположить, что сей проект не что иное, как прикрытие чего-то не столь нелепого, но более страшного. Человечество уже поглотила реальная гуманитарная катастрофа — цифровой трансНАЦИЗМ, проникший почти во все сферы жизни. (Вторая часть термина ни в коей мере не соответствует классической социальной формации и употреблена здесь для общепринятого обывательского понимания.) Мы просто его не замечаем, уткнувшись в мониторы смартфонов, и не слышим, заткнувшись наушниками. Осталось совсем немного, но что-то еще осталось. Пора оторваться от гаджетов, чтобы увидеть, и освободить уши, чтобы услышать, а главное — начать использовать свой мозг по его прямому назначению. Пока не пересадили.

Углубленный анализ показывает, что кризис здравого смысла — явление не естественно эволюционное, а искусственно создаваемое, точно так же, как и все финансовые, экономические и политические кризисы современности. Однако налицо парадокс, требующий тщательного осмысления.

Общечеловеческий разум начал постепенно засыпать в историческом процессе поиска этого самого смысла. Создается впечатление, что разум попросту устал от решения непосильной задачи в погоне за ложными целями. Очевидно, что все явления, рассмотренные в предыдущей главе, суть продукты либерально-демократического строя мышления, формирующего исподволь специфический строй психики индивида. Есть обоснованные предположения, что этот строй способен вписываться в генетический код и передаваться наследственно на протяжении поколений.

Проследивая ход исторических изменений сознания, мы поднимаемся к истокам — афинской демократии. Именно тогда свободные граждане Афин получили право на непосягаемую собственность, равные права и равную ответственность перед законом. (Заметим: речь идет исключительно о свободных гражданах.) Наряду с этим, в Античности пропагандировались многие этические нормы, заложенные в основу гомоцентричного мировоззрения, получившего в эпоху Возрождения наименование «гуманизм».

Идея человека утверждалась высшей ценностью. Разум признавался единственным инструментом достижения знания и постижения истины. Так в истории цивилизации впервые осуществился переход от мышления магического к рациональному. Плоды этого перехода дали толчок космоэволюционному процессу, во многом самоуправляемому.

Надо признать, что гуманизм как явление — этап вполне закономерный. Его возникновение естественно и представляет собой следствие психофизиологических особенностей человека, его способности к мышлению. Природное стремление к свободе и творческому самовыражению неизбежно должно было породить соответствующее мировоззрение. Человеческое сознание прошло длинный эволюционный путь от магического способа мышления к религиозному. Магическое мышление предполагало предельную консервативность, безусловное следование обрядам и преданиям, игнорирование объективного опыта. Не имея никаких реальных представлений об окружающем мире, человек не оперировал логическими категориями и существовал сообразно законам рода или племени, определяемым жрецами. Иными словами, он не обладал индивидуальным сознанием. Жизнь предполагала нахождение всех индивидов в примерно одинаковых природных и социальных условиях, что диктовало практически одни и те же способы выживания. Таким образом формировалась однотипность массы индивидуальных сознаний и наработка одних и тех же качеств различной степени выраженности. Распад первобытной общинности повлек как рост социального и имущественного неравенства, так и духовное подавление — сначала вождями и жрецами, а затем властными элитами, государством и Церковью.

Афинская демократия зародилась в условиях рабовладения. И хотя касалась она лишь свободных граждан, тем не менее ее дух в полной мере отражал историческую эволюционную основу человеческого сообщества. Эти первые робкие зачатки гуманизма легли в основу принципов общезжития, предполагавших равные права индивида и общества, создавали возможность реализации творческого потенциала в интересах всех, в том числе и государства.

Эпоха Возрождения дала новый мощный импульс античным росткам. Видный представитель гуманизма эпохи Кватроченто переводчик Аристотеля Гермолай Варвар однажды провозгласил: «Признаю только двух господ — Христа и литературу». Явление гуманизма, возникшее в XIV в., представляется знаковым в русле бурного расцвета наук и искусств. Важно отметить, что смысл определения того времени разительно отличается от нынешнего. Тогда понятия «гуманист» и «гуманитарий» были тождественны, а все науки подразделялись на две категории — «божественные» и «человеческие». К последним относились литература, история, этика и все производные от них. Высказывание Гермолая отображает кредо гуманистического движения Ренессанса, опиравшегося на христианскую аргументацию. Отвергая схоластическую философию, они, как и Лютер, пребывали в убеждении, что возрождают истинную Церковь и истинную веру. В этом аспекте весьма любопытным представляется их отношение к античности, подаваемое как некий идеал и фундамент любой философской школы. Именно поэтому они обращаются к трудам платоников,

стоиков, эпикурейцев, аристотеликов и создают большое количество переводов на латынь. По мнению В.П. Лега⁹³, нынешними знаниями о Древней Греции мы обязаны именно гуманистам. Им же мы обязаны и возникновением принципиально новой науки тех лет — филологии.

Трактат Джанотто Манетти «О достоинстве и превосходстве человека» можно считать программным манифестом гуманистов, основной идеей которого является оценка человека как самого совершенного творения Бога и его творческого предназначения. Высшей заслугой личности могли считаться лишь ее собственные достижения, но не богатство и знатность; заслуги предков во внимание не принимались. Индивидуалистическая устремленность гуманистов получила четкое отражение в трактате Лоренцо Валло «О наслаждении как истинном благе», в котором он проводит мысль о примате личных удовольствий относительно интересов других людей. Ход рассуждений Валла строился на пантеистическом эпикурейском тезисе о тождестве Природы и Бога. Поскольку природа божественна — она не может быть источником зла, и, таким образом, стремление к удовольствию, заложенное в природу человека, есть божественное установление. Важно учитывать, что под пропагандируемым наслаждением подразумевалось исключительно духовное, но не чувственное.

Взгляды гуманистов на стратификацию общества несколько схожи с классической демократией: все люди равны, независимо от социального положения, поскольку каждый — образ и подобие Бога. Превознося человеческий разум, они были убеждены, что призвание каждого в совершенствовании земной жизни. Его долг — принимать участие в мире, улучшать, а не уходить от него. Аскетическая отстраненность считалась не приемлемой, потому как человек есть соратник Бога, а не сторонний наблюдатель.

Основоположник философской школы Ренессанса (как и самого термина) Франческо Петрарка больше известен как величайший поэт. В своих трудах он ставит перед собой основную задачу — познание человека, но не Бога, потому что познание Бога — удел и привилегия небожителей. По его мнению, если далеко «не все небожители преуспели в познании Бога, а некоторые даже отпали от него, то что же говорить о человеке?». Именно поэтому в основе философии Петрарки заложено познание человеком самого себя.

Пожалуй, главным его трудом можно считать трактат «О презрении к миру», потому что проблема, поставленная в этой работе, — ни много ни мало — смысл человеческой жизни. Трактат, построенный в форме диалога-дискуссии двух персонажей, представляет собой попытку мучи-

---

⁹³ Лега Виктор Петрович (род. 1955) — кандидат богословия, доцент кафедры философии и религиоведения, преподаватель кафедры новых технологий в гуманитарном образовании ПСТГУ.

тельного для автора поиска персонажа третьего — Истины. И хотя такой персонаж появляется в самом начале диалога, в течение трех последующих бесед она (Истина) безмолвствует. Трактат, пронизанный исключительно христианскими принципами, не дает в финале конкретных ответов на поставленные вопросы, но со всей определенностью утверждает приоритет Божественного. Человек для Петрарки, прежде всего, образ Божий, а данные свыше таланты есть средство совершенствования земной жизни:

«Сколь многие вещи уносят твою душу на пагубных крыльях, и после того, как она под предлогом своего врожденного благородства забудет о своей столько раз доказанной опытом неустойчивости, теребят, наполняют и кружат ее, не позволяют ей думать ни о чем другом, и внушают ей надменную уверенность в своих силах, и самодовольство, доходящее до ненависти к Творцу. Но хотя бы эти вещи действительно были так значительны, какими ты их воображаешь, они должны были бы внушать тебе не гордость, а смирение, так как ты должен помнить, что эти редкие блага достались тебе отнюдь не в силу твоих заслуг.

Но теперь тебе будет очень легко понять, как ничтожно всё, чем ты гордишься. Ты полагаешься на свой талант, хвалишься начитанностью, восхищаешься своим красноречием и красотой своего смертного тела. Между тем разве ты не видишь, как часто твой талант изменяет тебе во всевозможных делах и как много есть отраслей искусства, в которых ты неспособен сравняться по мастерству с самыми жалкими людьми? Больше того, ты найдешь презренных и ничтожных животных, чьим созданиям ты не в силах подражать при всех усилиях. Теперь попробуй, гордись своими дарованиями! А чтение твое — что было в нем прока? Из того многого, что ты прочитал, многое ли внедрилось в твою душу, пустило корни, принесло зрелые плоды? Вглядись пристально в свою душу — ты убедишься, что всё, что ты знаешь, в сравнении с тем, чего ты не знаешь, представляет такое же отношение, как ручеек, высыхающий от летнего зноя, по сравнению с океаном. Да и много знать — на что годится, если, изучив круговращение неба и земли, и протяжение моря, и бег светил, и свойства трав и камней, и тайны природы, вы остаетесь сами себе неизвестными? Если, узнав с помощью Писания прямой путь на крутизну добродетели, вы даете безумию водить вас вкривь и вкось неверной дорогою? Если, помня деяния всех славных мужей, какие жили когда-либо, вы не заботитесь о том, что сами делаете ежедневно?»

Отличительная черта гуманистов Возрождения в том, что они не только не противопоставляли себя Богу, но и не пытались полагать себя равными ему. Главной их целью были самопознание и самосовершенствование.

В исторической и философской науке существует несколько версий зарождения гуманизма. Например, советская школа приписывала явление экономические причины, в частности урбанизацию. Оно и понятно:

узкоматериалистическая платформа ничего иного предполагать не могла. Реальным же представляется назревший уже тогда кризис католицизма в Западной Европе. После длительного периода трений и конфликтов в истории папства наступил так называемый авиньонский период, положивший начало унификации светской и церковной власти. Папы исполняли различные миссии по заданиям короля Франции, находясь в полной зависимости от него. Утратив былое политическое влияние в Европе, власть пап внутри самой Церкви приобрела формы подлинной монархии. Мощнейший бюрократический аппарат папской курии контролировал все сферы церковной жизнедеятельности. Доходы казны росли как на дрожжах. Это и индульгенции, и симония, и крестоносная десятина. Авторитет папства рушился. Петрарка, посетив Авиньон, резко осудил запредельную роскошь папского двора, а впоследствии Авиньон стал синонимом утраты духовности. Затем наступил длительный период разного рода «антипап» и Великий западный раскол 1378–1417 гг.

Все эти католические экзерсисы не только не способствовали авторитету Церкви, но и порождали вольнодумства, а нередко и полное отрицание христианских идеалов. Бог становился всего лишь объектом теоретического познания, а неизбежные сомнения, по утверждению В. П. Лега, переходили в «огульное отрицание Бога». Таким образом, мировоззрение схоластов удобрило почву, на которой и расцвела эпоха Возрождения. Ренессанс всего лишь один из исторических этапов осуществления цивилизационного прогресса, и, как видно из вышесказанного, явление это обоюдоострое. Есть какая-то закономерность в том, что любые неосторожные и неосмысленные покушения на устои приводят к уродливым последствиям. Реформация объявила войну традиционному католицизму, а эпоха Просвещения заложила основы техногенной цивилизации, выразителем идей которой можно считать доктора Фауста с его культом разума и известным духовным наставником.

Показателен вектор эволюции движения. Если базисом первых гуманистов было равенство всех перед Богом, независимо от сословия, то представители позднего Средневековья, такие как Витторино да Фельтре, Франсуа Рабле, Иероним Меркуриалис, Мишель Монтень, направляли свои устремления лишь на избранные слои общества. Например, прекрасный педагог и воспитатель, создатель элитной школы «Дом радости» В. да Фельтре крайне пренебрежительно относился к детям бедняков, крестьян и ремесленников и их воспитание считал излишней тратой времени и усилий. Когда-то таким же образом происходило перерождение первых фарисеев в псевдоэлиту. Исследователи усматривают различные причины этого явления, но представляется, что главная всё же — это подмена католичеством божественной власти властью человеческой.

По мнению Н. Бердяева, католичество способствовало утверждению ложной теократии и не было способно раскрыть «антропологическую ис-

тину в христианстве». Исходя из этого можно предположить, что новое мировоззрение не коснулось Руси именно по причине сохранения православием истинной связи с божественным. Однако на протяжении всей истории в России зарождалось множество различных социальных течений, в основе которых лежало человеколюбие, то есть гуманизм в истинном значении. Даже в атеистических уклонах эгоцентризм не являлся доминантой, а их возникновение было реакцией на проявление зла и несправедливости. По мнению Н. Бердяева, создав «безбожную антропологию», гуманизм стремился освободить человека от лжи и заблуждений. В работе «Смысл творчества» он пишет:

«Преобладающее и побеждающее гуманистическое сознание освобождало и утверждало природного человека... Гуманизм утверждает антропоцентризм субъективно-психологический, а не объективно-космический... Гуманизм — необходимый опыт человечества. Человек должен был быть отпущен на свободу в природный мир, и человеческая жизнь должна была быть секуляризирована».

Утверждение могло бы показаться весьма сомнительным, если не учитывать, что речь идет о европейском гуманизме Возрождения. В работе «Философия свободы» он дает наиболее исчерпывающее пояснение:

«Человечество в исторических своих путях должно было пройти безрелигиозный гуманизм, чтобы наступили времена религии богочеловечества, чтобы открылась человечеству религиозная правда о его окончательной земной судьбе».

Блажен, кто верует... Вся последующая история показала, что любой отход от Бога, даже с самыми благими намерениями, приводит в конечном итоге к служению Другому. Те либеральные «ценности», прогорклые осадки которых мы хлебаем сегодня полной ложкой, суть следствие мировоззренческих установок гуманизма. Обе вышеупомянутые работы Н. Бердяева написаны в начале прошлого века, когда социальные явления сегодняшнего дня невозможно было вообразить и в страшном сне, но уже тогда он усматривал пугающие метафизические последствия гуманизма — разрушение божественной человеческой сущности и разложение человека как образа Бога, в результате чего европейский гуманизм мутировал в новую форму лжи: «...ложна та антропология, которая убивает человека, которая не отвечает бесконечной природе человека». Профессор В. А. Кувакин⁹⁴ пишет:

«Гуманизм характеризуется им такими негативными категориями, как „бездуховность“, „децентрализация“, „самоистребление“ и т.п. Неподлинный способ бытия человека, отпавшего от бога, он истолковывает как

---

⁹⁴ Кувакин Валерий Александрович (род. 1939) — советский и российский историк философии, специалист по истории философии, аксиологии и философской антропологии. Доктор философских наук, заслуженный профессор Московского государственного университета.

закономерный результат внерелигиозного и секулярного, а, следовательно, и гуманистического сознания. „Метафизика“ гуманизма оказывается обратной стороной метафизики христианства».

По мере погружения в тему у Н. Бердяева зрело убеждение, что светская гуманистическая парадигма не имеет будущего. Осознавая опасность возвращения в средневековье, он тем не менее рассматривал интересующие вопросы в русле религиозной традиции. Главной проблемой нерелигиозного гуманизма ему виделся эгоцентризм и отпадение от Бога, приземленность. Демократический же окрас мировоззрения он откровенно называет «низким». Опираясь на новую религиозную антропологию, которую он сам охарактеризовал как «христологию», Бердяев отрицал насильственное искоренение зла путем революционным или каким-то подобным, но считал, что зло нужно искоренять во внутреннем мире человека, в самом себе. В работе «Самопознание» он говорит о необходимости «совершить очищение, спиритуализацию и гуманизацию человеческой среды».

В послевоенной западноевропейской философии развернулась дискуссия по поводу гуманизма марксистской направленности. Противники характеризовали марксизм как антигуманизм, сторонники, такие как Э. Фромм, пытались гомогенизировать его с экзистенциализмом, а такие, как М. Хайдеггер, вообще считали, что само понятие гуманизма после войны потеряло какой-либо смысл.

Один из основных интерпретаторов Маркса неогегельянец А. Кожев расценивал насилие, превалирующее в историческом процессе, абсолютной необходимостью, что представляет собой ярчайшее свидетельство тотального атеизма. По его мнению, Маркс и Гегель заменили религиозный тезис «постхристианским», или «атеистическим», синтезом, поэтому человек не может признать существование Бога. Свободный человек и не нуждается в таком признании, так как видит смысл своей истории вне Бога. Одновременно существовали некие теологические построения, содержащие тезис о «обогащении» христианской философии диалектикой Маркса и Гегеля. Кожев опровергал и эти утверждения, обвиняя теологов в попытках доказать, что преодоление христианства ведет к возвращению языческой традиции. Теологи же утверждали, что основа идей, как Гегеля, так и Маркса берет начало именно в христианстве и, таким образом, имеет место «лишь развитие христианского синтеза», по своей сути именно религиозного. Однако, по мнению профессора С. И. Дудника, «усилия Гегеля, целиком принятые в этом отношении Марксом, были направлены на доказательство того, что языческий тезис и иудохристианский (или „буржуазный“) антитезис смогут и должны быть упразднены в том, что в них является „ложным“ и односторонним, но сохранены в том, что них является истинным и существенным, причем упразднены посредством постхристианского или, что то же самое, постреволюционного синтеза, который,

в сущности, является атеистическим и антирелигиозным». Отсюда следует, что в чем-то теологи были правы, тем более, если учесть, что идеи не рождаются на пустом месте, а основной питательной средой могло быть лишь христианство. Кожев никак не может смириться с такими выводами, считая, что «таким образом отвергаются созидательная деятельность человека, положительное движение человеческой истории, диалектика которой и должна приниматься во внимание в первую очередь». В этом просматривается традиционная атеистическая наивность, порожденная ограниченностью восприятия окружающего мира. Кожев рассуждает в векторе тезиса «если Бог существует, то христианство преодолеть нельзя» и тем самым подтверждает вторую половину тезиса. То, что Маркс и Гегель в рамках своей диалектики признают для самих себя и для «современного» человека невозможность принять существование Бога, — это исключительно их личная проблема. Посчитали они возможным отменить Бога — можно только посочувствовать, а заменить Бога неким «новым человеком» — можно лишь посмеяться. По мнению С. И. Дудника, Кожев, не будучи марксистом, сумел восполнить некие пробелы в аргументации Маркса. Если принять во внимание, что гуманистическое направление западноевропейского марксизма формировалось на основе «восполнения пробелов», то можно лишь предполагать, сколько там осталось от самого Маркса. На память сразу приходят ожесточенные дебаты первых советских функционеров на тему, кто из них больший марксист.

Франкфуртская школа⁹⁵ вполне обоснованно трактовала преемственность рационализма Просвещения последующему доминированию капитала в истории западной цивилизации, а их надежды на преодоление этой власти так же логично отождествлялись с «каким-то грандиозным историческим событием». Обтекаемость формулировки прозрачна. С. И. Дудник характеризует этическое и политическое мышление неомарксистов как «подрывное и субверсивное», а общий вектор как «отступление от гуманистических идеалов». Но всё дело в том, что уже давно от гуманизма остался лишь средневековый термин, наполненный содержанием, радикально отличным от исходного. Ныне — это очередной термин перевернутого смысла. В этом аспекте марксистский гуманизм действительно можно охарактеризовать как «антигуманизм», а по факту — возвращение термину подлинного семантического смысла. Применительно к историческому опыту СССР рассматривать социалистический гуманизм как марксистский вряд ли правомерно. Речь идет главным образом о периоде после

---

⁹⁵ Франкфуртская школа (нем. Frankfurter Schule) — критическая теория современного (индустриального) общества, разновидность неомарксизма. Термин «Франкфуртская школа» является собирательным названием, применяемым к мыслителям, связанным с Институтом социальных исследований в Франкфурте-на-Майне.

1953 г. Как уже рассматривалось выше, эпоха «оттепели» явилась в значительной степени переломом мировоззренческих концепций. Профанация идеологических штампов закономерно переключила сознание масс с вектора высших человеческих целей на потребление. Стоит признать правоту западноевропейских неомарксистов, убежденных, что «советский режим... несовместим с тем материализмом и рационализмом, которые характеризуют как советскую, так и капиталистическую систему». Однако утверждения, что «СССР был только опытом социалистической формы господства капитала, ничем в лучшую сторону не отличавшейся от формы либеральной или фашистской», выглядят явным абсурдом. Если под такой формой подразумевается общенародная собственность, то сравнивать ее с либеральной равнозначно процессу вычисления характеристик крокодила: он больше зеленый, чем длинный, или наоборот. Фашистская же форма — категория принципиально иного порядка и к рассмотрению данного вопроса вообще отношения не имеет. Признавая за социализмом устранение индивидуальной эксплуатации, неомарксисты вменяют ему некую «тотальную эксплуатацию всех всеми», что само по себе абсурдно. Очевидно, таким образом им видится принцип коллективизма, поэтому всякий раз из тени неомарксизма лезут на свет уши (или рога) самого кондового либерализма. Не совсем понятно, с какого ракурса Ж.-П. Сартр усмотрел в политическом режиме СССР буржуазную природу. Изменение его прежней позиции произошло под влиянием чехословацких событий 1968 г. Ему показалось, что тогда раскрылась некая глубинная общность советского режима с западноевропейскими буржуазными демократиями. Параллель парадоксальна, но, что делать, философская мысль частенько совершает и не такие кульбиты. Если под буржуазией подразумевалась номенклатура, то такие аналогии не выдерживают никакой критики, но свидетельствуют о поверхностном понимании предмета рассмотрения. Обвиняя советскую систему в антигуманизме, Сартр подразумевал не столько социальный аспект СССР, сколько сам марксизм в принципе и «сталинизированный марксизм» в частности, где «рабочий — не реальное существо, изменяющееся вместе с миром, а некая платоническая идея». Надо признать, что Маркс в данном контексте вообще ни при чем, а налицо всего лишь поверхностное знание сталинского теоретического наследия, о чем подробно говорилось в предыдущих главах.

Представителям Франкфуртской школы легко было вменять Марксу ошибочность ставки на пролетариат. Это действительно стало ошибкой впоследствии, потому что Маркс не имел возможности оперировать опытом ни большевистской революции, ни социалистического строительства, давшего западноевропейскому пролетариату возможность получить с буржуазного стола кости, не до конца обглоданные, а затем и «успешно интегрироваться в капиталистическое общество, и даже выступать в качестве его защитников».

Уличив Маркса в фундаментальной ошибке, франкфуртцы впали в утопию, возложив «миссию освобождения» на разного рода маргинальные слои и национальные меньшинства. А что им еще оставалось — за неимением гербовой, пишут на простой. Непонятно лишь, какого практического воплощения своей идеи они ожидали от этих угнетаемых групп и социальных слоев. История показала, что кроме битвы витрин и поджогов автомобилей ничего другого от них ждать не приходится.

Отдав должное глубокому анализу Э. Фромма теоретического наследия Маркса, стоит добавить, что и Фромм, характеризуя многочисленные труды обществоведов как сомнительные, не избежал соблазна «поиска форм синтеза этой философии с немарксистским гуманизмом». Поиски не прекращались, а синтез так и не состоялся, а вместо него состоялся глубочайший кризис западноевропейской цивилизации, а за компанию — и проекта «модерн» в целом. А вся проблема в том, что не с тем синтезировали Маркса. Атеистический экзистенциализм бесплоден. Он — своего рода интеллектуальный гомосексуализм, способный в итоге породить лишь химеру трансгуманизма.

Гуманизм в классическом понимании — это не гуманность и не борьба за права человека. Это — всего лишь желание передовых умов нарождавшейся буржуазии вытащить человека из болота феодализма. Гуманизм прогрессировал, принимая всё более радикальные формы, но основной вопрос стоял лишь об освобождении человека от феодально-религиозной нравственности, но никоим образом не об освобождении человека вообще. Вопрос стоял лишь об эксплуатации феодальной, а затронуть тему частной собственности не могло прийти в голову никому из гуманистов. Буржуазный порядок по умолчанию полагался незыблемым даже в ходе французской революции с ее вдохновляющими масонскими лозунгами, в результате чего феодальная эксплуатация сменилась капиталистической. Таким образом, гуманизм отстаивал права буржуа на свободу личности, владение частной собственностью и эксплуатацию наемного труда, зачастую еще более жесткую, чем феодальная. В работе XVI в. «Рассуждение о добровольном рабстве» Этьен де ла Боэси⁹⁶ писал:

«Природа создала нас всех одинаковыми и как бы по одному образцу с тем, чтобы мы все считали друг друга товарищами или, вернее, братьями».

Несколькими веками позже об этом же писал и Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»:

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как

---

⁹⁶ Этьен де ла Боэси (1530–1563) — французский писатель и философ, гуманист, автор переводов Плутарха, Вергилия, Ксенофонта и Ариосто. Близкий друг Мишеля Монтеня.

полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как заверченный натурализм, равен гуманизму, а как заверченный гуманизм, равен натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом».

И в этом видится основа подлинного общественного договора, развитая до уровня идеального концепта, договора, хотя и не осуществимого в обозримой перспективе, но вполне (и единственно) пригодного стать и целью, и смыслом человеческого бытия.

Но ложь буржуазного гуманизма прогрессировала так же, как и ложь либеральной демократии в последующем, превращаясь в средство манипуляции сознанием при помощи лицемерных призывов к консенсусу между угнетаемыми и их угнетателями, общественного прогресса, нравственного совершенствования без Бога, а в целом — в маскировочную паутину хищнической сути капитализма, единственная цель которого — бесконечно возрастающее потребление и прибыль любыми средствами.

«Вне этого... человек с его потребностями исчезает из поля зрения и теряет для капитализма смысл», — писал Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР».

Двадцатый век придал движению новый импульс. Создаются общественные организации — Международный гуманистический и этический союз, затем Ассоциация гуманистической прессы — правопреемница Гуманистического братства, и, наконец, в 1941 г. была учреждена Американская гуманистическая организация, декларирующая в первую очередь светский и религиозный гуманизм, однако программные документы конкретны и недвусмысленны:

«Гуманизм — демократическая, этическая жизненная позиция, утверждающая, что человеческие существа имеют право и *обязанность* определять смысл и *форму* своей жизни. <...> Гуманизм не теистичен и не принимает „сверхъестественное“ видение реального мира (курсив мой. — Г. Е.)».

Что авторы подразумевали в 1941 г. под обязанностью определять форму своей жизни — Бог вещь (или не Бог?); похоже, что некие подспудные идеи уже тогда витали в воздухе.

В 1933 г. увидел свет «Первый гуманистический манифест» в авторстве философа Р. В. Селларса и унитаристского священника Р. Б. Бэгга. Как и следовало ожидать, исходя из личности авторов, манифест провозглашал:

«Нынешняя эпоха породила огромные сомнения в традиционных религиях, и не менее очевиден тот факт, что любая религия, претендую-

щая на то, чтобы стать объединяющей и движущей силой современности, должна отвечать именно теперешним нуждам. Создание такой религии — главная необходимость современности».

Уже одна только фраза, что религия должна отвечать каким-то там нуждам, красноречиво свидетельствует о богоборческой сути как самого манифеста, так и всей «гуманистической» философии XX столетия. Ну а уж о создании «такой религии» достаточно было сказано выше.

Провозглашая гуманизм новым религиозным движением, манифест содержал 15 тезисов, в которых, в частности, утверждалось:

- идея несотворенности Вселенной;
- факт эволюции природного и социального мира;
- версия о социальных корнях религии и культуры;
- отвержение традиционного дуализма души и тела, взамен которого предлагалась органическая точка зрения на жизнь;
- новая религия должна формулировать свои надежды и цели в свете научного духа и научной методологии;
- отвержение традиционного различия между священным и мирским, ибо ничто человеческое религии не чуждо.

Таким образом, очевидно, что первый манифест заложил основу парадоксальной псевдорелигии в рамках криптозамысла Просветителя, а 15 тезисов навевают параллель с известными тезисами Лютера. Воистину, игра древнейшего тонка и изящна!

Второй манифест был подготовлен также унитаристом Эдвином Г. Уилсоном в соавторстве с философом Полом Куртцем в 1973 г. Документ составлен с учетом «новых сдвигов и реальности мировой истории». Наряду с перечислением всевозможных опасностей, угрожающих человечеству, манифест предлагает проект всемирного секулярного общества, способного «реализовать потенциал каждого человеческого индивида — не избранного меньшинства, но всего человечества». Манифест представляет точку зрения философов-гуманистов ни много ни мало на смысл жизни, утверждая при этом гражданские свободы, демократию, право на самоубийство, разводы и аборт, сексуальную свободу и эвтаназию. Плюрализм подходов допускает как атеистический гуманизм, так и либерально-религиозный, отрицающий традиционные религии. В этом смысле гуманисты напоминают либо заигравшихся детей, либо марионеток. Само определение «либерально-религиозный» — полная нелепость, по крайней мере, применительно к христианству, а уж какие-либо изобретения новых религий — или наивная глупость, или потакание чужой воле. В одном из романов Дэна Брауна ватиканский кардинал произносит мудрые слова: «Религия несовершенна, потому что люди несовершенны». Если ранние гуманисты ставили задачу познания и совершенствования человеческой породы, то современные определяют более масштабные цели — создание общества нового типа. Познание и совершенствование индивида

им не интересно, хотя даже коммунистическая доктрина ставила во главу угла «воспитание нового человека». Изобретать новые религии не только нелепо, но и опасно, а при неизменном духовно-нравственном состоянии человеческой природы — безумно. Общество нового типа с изобретенной квазирелигией всё тот же сон разума.

Главенствующая идея манифеста гласит:

«Никакое Божество не спасет нас, мы должны спасти себя сами. Мы ответственны за то, какие мы есть и какими мы станем».

Если вторая часть утверждения не вызывает возражений, то первая преисполнена гордыни незрелого сознания и отвержения исторического опыта, потому что это мы уже проходили. Протоиерей Дмитрий Смирнов пишет:

«Никто спастись не может. Человеку спастись невозможно. Потому что человек есть только сосуд. Может ли разбитый горшок сам себя склеить? Такого не бывает. Может его склеить только тот, кто делает горшки».

Думается, что выдвигать авторам обвинения в богоборчестве много чести.

«Будучи атеистами, мы утверждаем человека, а не Бога, природу, а не божество. <...> ...мы не усматриваем в существовании человека ни божественного провидения, ни замысла свыше. <...> Обещания спасения и бессмертия души, равно как страх перед вечными муками — вредная иллюзия».

Вот так: они не усматривают. Имеют глаза, но не усматривают, ибо увечны, и не столько зрением, сколько мозгами, и горшки у них лепятся сами собой. Какое уж тут богоборчество, впору пожалеть убогих.

И, наконец, в 2003 г. АГА опубликовала документ «Гуманизм и его устремления» с подзаголовком «Третий гуманистический манифест». Он включает всего 6 пунктов и является, по сути, неким конспектом двух предыдущих. Пространные благие декларации представляют собой не более, чем общие места, но генеральная линия идеологов выражена во втором и третьем пунктах:

«Человеческие существа являются неотъемлемой частью природы, результатом эволюционного изменения, который *никем не предопределен*.

Этические ценности происходят от тех человеческих потребностей и интересов, которые проходят проверку опытом (курсив мой. — Г. Е.)».

Дарвинизм второго пункта логично укладывается в толерантность третьего: потомки обезьяны вправе формулировать этические принципы, исходя из собственных потребностей и интересов. Что тут можно возразить? Гуманизм, однако...

Интеллектуальный «прогресс» гуманистов налицо. Если первые еще в чем-то сомневались и стремились к познанию, то последние уже пребывают в убеждении, что «природа не сотворена, а существует сама по себе», и булки для них растут на деревьях.

Нельзя не заметить, что гуманизм, в отличие от истин вечных и неизменных, учение «творчески развивающееся», и если задача христианства вести за собой, то гуманизм предпочитает плестись за «человеческими потребностями и интересами», во всем им потакая.

Общее количество подписантов всех трех манифестов исчисляется сотнями. В их числе виднейшие представители науки, культуры, политики — А. Азимов, Дж. Хаксли, П. Куртц, А. Сахаров, И. Пригожин, О. Струн и легион им подобных. Очередной раз поражает прозорливость слов апостола Павла в «Послании к римлянам»:

«Они заменили истину Божию ложью и поклонялись, и служили твари вместо Творца, который благословен вовеки. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства, так, что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют».

Поразительно, насколько идентичны приметы Римской империи тех времен приметам нынешней цивилизации. Об этом же предупреждал и Екклесиаст:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“, но это уже было в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет не останется памяти у тех, которые будут после».

Уже древним была очевидна бессмысленность для человечества уроков истории.

В книге «Смерть Запада» американский политик, советник трех президентов П. Д. Бьюкенен пишет:

«Перелистаем „гуманитарный“ манифест 1973 года. Там содержатся все те положения, которые сегодня вдалбливают нашим детям в школах. „Вера во внимающего молитвам Бога... есть вера в недоказуемое, пережиток прошлого... Традиционная этика не смогла удовлетворить современные потребности... Обещания посмертного спасения и вечного проклятия равно иллюзорны и небезопасны для психики... Наука утверждает, что человеческий род есть результат эволюции природы“. Дети выходят из школ, преисполненные подобных идей, поскольку учителя ревностно

выполняют пожелания культурной революции и стараются донести до учеников новую правду во всей ее неприкрытой мерзости, а христианство не пускают даже на школьный порог. „Секулярные гуманисты“ не скрывают своей цели. Манифест провозглашает право каждого человека на „контроль рождаемости, аборт и развод“ и добавляет: „Многие разновидности сексуального поведения не могут и не должны считаться дурными по определению“. Свобода включает в себя „признание права каждого человека на достойную смерть, эвтаназию и самоубийство“».

Важно обратить внимание, что данный манифест увидел свет через год после известного доклада Римскому клубу «Пределы роста» и полностью соответствует его положениям. Однако этого достаточно для понимания, что нынешние гуманисты суть глобалисты, не более и не менее, а уже ранние плоды глобализации наглядно демонстрирует Бьюкенен:

«Подобно Люциферу и Адаму, западный человек решил, что он может ослушаться Бога безо всяких последствий и сам стать Богом. Отвергая христианство, западный человек словно говорит: „С помощью биологии и медицины мы узнали, как не допустить зарождение жизни, как продлить жизнь, как создать жизнь, как клонировать ее. С помощью военных технологий мы узнали, как выигрывать войны, не теряя ни единого солдата. С помощью монетарной финансовой политики мы научились предотвращать экономические кризисы. Скоро мы выясним, как предотвращать рецессии. Глобальная экономика сулит процветание всем людям на планете благодаря свободному рынку и свободной торговле. Глобальная демократия принесет нам всеобщий мир, вместо национальных правительств у нас появится мировое правительство. Господь был отличным летным инструктором, но теперь мы научились обходиться без него. Дальше мы пойдем сами“».

Дехристианизация Америки — рискованная игра, ставкой в которой выступает наша цивилизация. Америка швырнула за борт «этический компас», по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад. Курс прокладывает только разум — Божественным откровением мы пренебрегаем. Отцы-основатели предупреждали, что это — мост в никуда. Ни одна страна не сможет оставаться свободной, если она лишится добродетели, а добродетель не может существовать при отсутствии веры. „Не поддавайтесь иллюзии, будто мораль возможна без религии, — предостерегал Вашингтон в своем прощальном обращении к нации. — К богатству и процветанию ведет множество дорог, и на каждой из них опорой вам будут только вера и мораль“. Джон Адамс соглашался со своим предшественником: „Наша конституция составлена только для религиозных и нравственных людей, для всех остальных она непригодна“».

Давайте посмотрим, что произошло с нашим обществом после свержения прежнего этического порядка:

— Из каждых четырех новорожденных белых один рожден вне брака. В 1960 г. таких младенцев было 2%. Трое из четырех незамужних белых женщин к девятнадцати годам лишаются девственности. В 1900 г. эта цифра составляла 6%. Уровень самоубийств среди подростков утроился по сравнению с началом 1960-х. Тесты среди школьников старших классов показывают, что сегодня у нас самый низкий уровень образованности среди всех промышленно развитых стран.

— В год в США сегодня совершается 1,2–1,4 млн аборт; это наивысший уровень на Западе, при том, что с решения по делу „Роу против Уэйда“ общее количество аборт составило 40 миллионов. Количество детей, рожденных в браке, сократилось в США с 4 млн в 1960 г. до 2,7 млн в 1996 г.

— Уровень разводов вырос на 350% по сравнению с 1962 г.; как минимум треть американских детей живет с одним из родителей.

— Почти 2 млн американцев находятся в тюрьмах, 4,5 млн отпущены на поруки или под залог. В 1980 г. количество узников в США равнялось 500 тыс. человек.

— В Соединенных Штатах сегодня 6 млн наркоманов.

— В афроамериканском сообществе 69% младенцев рождаются вне брака, две трети детей живут с одним родителем, 28,5% мальчиков, как ожидается, попадут в тюрьму. В крупных городах четверо из каждых десяти чернокожих мужчин в возрасте от шестнадцати до тридцати пяти лет находятся в тюрьмах либо отпущены на поруки или под залог. Наркотики распространяются пандемически. Дети не желают учиться, сознательных детей унижают и бьют. Девочек насилуют члены молодежных банд, «подсевшие» на наркотики и рэп.

Такова статистика декадентского общества и умирающей цивилизации, таковы первые плоды культурной революции, дехристианизирующей Америку. Изучая эти данные, поневоле вспоминаешь слова Уиттакера Чамберса в „Свидетеле“: „История засыпана обломками народов, которые утратили Бога и умерли“. Джон Нельсон Блэк добавляет:

„Сколь далеко вы бы ни заглянули, основой любого великого государства, любого общества всегда служила религия. Будь то Индия, Китай, Палестина, Греция, Карфаген, Африка или цивилизации Южной и Центральной Америки — везде происходило одно и то же: цивилизации возникали из религии, а когда традиционные верования по тем или иным причинам переставали оказывать влияние на общество, нации погибали“.

Европа давно напоминает Соединенные Штаты. В Канаде между 1960 и 2000 гг. число детей, рожденных вне брака, возросло с 4 до 31%; в Великобритании — с 5 до 38%; во Франции — с 6 до 36%.

У людей исчез моральный ориентир, сообщил кардинал Кормак Мэрфи О’Коннор, архиепископ Вестминстерский, в обращении к участникам съезда священников в сентябре 2001 г. Люди ищут радости в алкоголе,

наркотиках, порнографии, сексе, — повторял кардинал вслед за епископом Кентерберийским, доктором Джорджем Кэрри, который выступал на аналогичном съезде годом ранее. „Процветает безмолвный атеизм. Считается, что смерть подводит итог всему, что посмертного воздаяние не будет, поэтому ни к чему заботиться о вечных ценностях“.

Но что для одного — горе, для другого счастье. Для ревностного марксиста Куба Кастро — самый настоящий коммунистический рай в сравнении с Кубой 1950-х гг., общество куда более достойное и справедливое, чем то, которое создали изгнанники и беженцы в Майами. Для нашей культурной элиты разводы, аборт и отмирание христианских институтов наподобие освящаемого церковью брака могут служить вехами на пути к свободе.

Но как нам создать нравственное общество, если мы даже не можем согласиться друг с другом, что нравственно, а что — нет?».

И хотя данных по России автор не приводит, наша страна семимильными шагами достигает «цивилизованный» (и не только) мир. Значительная часть так называемой «патриотической» интеллигенции впала в состояние наивной эйфории, взалхлеб провозглашая, что «Россия поднимается с колен». А Россия уже три десятилетия, подобно кролику, упорно впахивается в пасть либерального западного удава. Он бы и рад заглотить ее побыстрее, да уж больно велика добыча. Он, сердешный, уже давится, так ведь жертва сама лезет! Россию поднимают с колен, потому что на карачках она ползет слишком медленно. Ее поднимают пинками, чтобы быстрее брела туда, куда ее гонят глобальные пастухи.

История цивилизации с терпением мудрого наставника и неизменной регулярностью преподает человечеству одни и те же уроки по Екклесиасту, которые на протяжении тысячелетий нерадивые ученики никак не могут выучить. Понимание прогресса неизменно находит выражение в созидании некоей умозрительной Вавилонской башни. Все его соблазны и прелести начинаются с благих намерений, с малого. Сначала Бог отождествляется с абстрактной Природой, затем, по мере развития заблуждений и возрастания гордыни, сама божественная ипостась уходит на второй план. И как итог — отрицание и отвержение собственно Бога. А поскольку свято место не может быть пусто, то постепенно Его место в новомодных философских учениях начинает занимать Другой, потому что просветительство — основной метод Просветителя в отношении умов духовно незрелых. При отсутствии мудрости просвещение становится смертельно опасно. Как верно заметил К. Леонтьев, «ученость сама по себе, одна, еще не есть спасение; иногда она залог отупения». Занимая вакантное место, Другой направляет прогресс по вектору своей основной сверхзадачи. Он умело манипулирует особенно рьяными борцами с пороками и несовершенствами Церкви, используя их устремленность к борьбе с внешним злом и неспособность к искоренению зла в самих себе. Они, не

достигшие внутренней зрелости, дерзают реконструировать здание с фундамента, не давая себе труда уразуметь, что при любых реконструкциях фундамент не может быть прикасаем, иначе всё здание рухнет. Церковь не может и не должна бежать, задрвав рясу, за прогрессом. Церковь не должна соответствовать нуждам и запросам текущего момента. Это нужды и запросы должны согласовываться с Церковью, потому что она — фундамент.

Можно сколько угодно иронизировать по поводу причуд трансгуманистов, но это — реальное научное направление. В 2009 г. в исследовательском центре NASA в Кремниевой долине был создан Университет Сингулярности. Учредителями явились NASA и Google. Структура наполовину государственная, наполовину транскорпоративная, и средства в нее вколачиваются баснословные. При рассмотрении состава приверженцев идеи становится очевидным, что мы имеем дело не с каким-то частным явлением, а с новой формой мировоззрения. Более точное определение дал патриарх Кирилл — «квазирелигия». Ключевые лозунги движения неприкрыто и цинично провозглашают все постулаты евгеники в новейшей постмодернистской интерпретации, так как человечество должно разделиться на трансгуманов и «зверо-человеков» (по Р. Хаббарду).

Методика «окно Овертона» уже работает в полную силу, внедряя в сознание масс тривиальность гендера, планирование семьи, чипирование. Воздействие на психику толпы многопланово. В частности, на телевидении появляется всё больше каналов, почти целиком заполненных разного рода экстрасенсами, колдунами, эзотериками. В июле прошлого года Минюст официально зарегистрировал союз «Империя сильнейших ведьм», объединяющий всевозможных ведьм и ведьмаков со всего мира. На подходе создание «Международного университета магии и колдовства», выпускники которого будут получать официальные дипломы. Организаторы уверены, что профессия ведьмы станет одной из наиболее востребованных. Регистрация должна состояться со дня на день.

Доцент МГИМО О. Четверикова пишет:

«Наши богословы отмечали, что установлению власти антихриста будут предшествовать активные отступления, при этом материализм и безбожие сменятся новой формой мистических верований, которые заставят принять грядущего мирового правителя как сверхчеловека. Т. е. ко времени его пришествия материализм и атеизм утратят актуальность, господство получит демонический мистицизм или оккультизм, соединенный с крайней развращенностью и безнравственностью. На этой почве и появится антихрист, популярность которого будет обусловлена тем, что в момент господства социально-экономического и политического хаоса он объявит себя восстановителем исторической государственности — выступит как консерватор-контрреволюционер. Но в действительности его идея окажется еще более революционной. Программа антихриста — магическая миссия, так как суть его власти будет заключаться в магическо-мистической

стороне управления, в то время как декларируемое государственное восстановление делается лишь средством. Раньше трудно было представить, как всё это может произойти. Но ныне с изобретением информационно-цифровых технологий глобальные элиты получили реальные инструменты, позволяющие объединить людей под своим контролем, применяя оккультные методики управления. Речь идет уже не об индивидуальном соращении и не об идеологической обработке отдельных человеческих групп и классов, а о попытке создания глобальной антицеркви. Потому в последнее время мы можем отметить нашествие оккультизма во всех сферах — экономической, финансовой, политической, управленческой, в сфере образования и культуры (в кино, музыке, литературе, на телевидении и эстраде). Открыто навязывается люциферианская символика. Все направлено на фундаментальное изменение сознания человека, перестройку его души и в конечном счете — на расчеловечивание».

Таким образом, обществу прививается не просто толерантное отношение ко всему сверхъестественному, а принятие его как данности. В авангарде, как всегда, Голливуд, да и Россия изо всех сил стремится удержаться в кильватере всеобщего беснования.

Трансгуманист есть пик материалистического строя психики. Он не просто атеист, он — индивид, не рассматривающий духовное в принципе. При этом программные документы поражают циничным лицемерием, а утверждение самих себя последователями идей В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, Н. Ф. Фёдорова отдаёт откровенной наглостью. Сегодня со всей очевидностью и в точности подтвердились все до единой предпосылки возникновения ноосферы по Вернадскому. Испытывая крайне неоднозначное религиозное чувство, он вспоминал:

«...я теперь еще помню то наслаждение, с каким читал историю Саула и Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялись Авель и Каин. <...> Я верил в существование рая и задумывался, где он находится; меня интересовали вопросы: как жили Адам и Ева, на каком языке говорили. <...> Помню, как глубоко и сильно меня интересовали вопросы о том, что делается с душой после смерти».

В гимназические годы Вернадский увлеченно изучал историю Церкви, постепенно становясь признанным авторитетом в среде не только одноклассников, но и преподавателей. Уже разменяв седьмой десяток, он писал в своем «Дневнике»:

«Я считаю себя глубоко религиозным человеком. <...> Великая ценность религии для меня ясна не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят, и эти человеческие переживания не касаются тех сторон, которые составляют ее удел. <...> Бог — понятие и образ, слишком полный несовершенства человеческого».

Религиозность Вернадского в большей степени выражалась в понимании единения человека с Космосом и живой природой, их неоспоримой гармонии. А. Эйнштейн удивительно точно охарактеризовал это понимание как «космическое религиозное чувство, свойственное многим серьезным ученым».

Это высказывание можно в полной мере применить и к автору «лучистого человечества» К. Э. Циолковскому. Задаваясь вопросом, «почему всё проявляется в той, а не другой форме, почему существуют те, а не другие законы природы? На то должна быть какая-нибудь причина, как и причина всего мира...», сам же на него и отвечал: «Бог есть причина всех явлений: причина вещества и всех его законов».

Что же касается Н. Ф. Фёдорова, то его идеалистическая идея воскрешения мертвых находила отклик у самых различных православных авторитетов. Ф. М. Достоевский писал: «...совершенно согласен с этими мыслями. Их прочел бы как за свои».

Велико было влияние Н. Фёдорова и на В. Соловьева. Это особенно заметно в работе «Об упадке средневекового миросозерцания». Соловьев писал Фёдорову:

«Проект Ваш я принимаю безусловно и без всяких разговоров... Со времени появления христианства Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову».

Будучи глубоко верующим человеком, он неизменно участвовал в литургической жизни Церкви, усматривая в Троице основу грядущего бессмертия человека, а в учении Христа главным считал весть о грядущем воскрешении и победе над «последним врагом» — смертью.

В отличие от прихожан-обывателей большие умы неизбежно задаются множеством вопросов, часто неудобных и смутительных, и не всегда находят на них ответы, но есть одна закономерность: почти все истинно великие ученые рано или поздно приходили к осознанию Бога, потому что любая наука, отрицающая Бога, есть лженаука. Поэтому ссылки трансгуманистов на таких авторитетов, как Фёдоров, — откровенное лукавство. Уместнее было бы сослаться на гуманистов Ренессанса — Леонардо да Винчи, Монтеня, Бекона, но и те никогда не противопоставляли себя религии. Они искренне считали, что возрождают истинную Церковь и веру в Бога. Тем не менее гуманистов Возрождения настигла та же прелесть, что и фарисеев. Их мировоззрение было демонстративно элитарно и породило иллюзию собственной исключительности.

При внимательном рассмотрении нетрудно заметить множество параллелей между гуманизмом и коммунизмом. Гуманизм не приемлет постулат о человеческом несовершенстве, полагая каждого вершиной таланта и добродетели в потенциале, а влияние социальной среды и невежество — основными помехами в проявлении его лучших качеств.

«Кибернетический манифест» В. Турчина и К. Джослина увидел свет в 1989 г. Работа, не создавшая широкого общественного резонанса, по своему программному значению сопоставима с «Манифестом» Маркса и с полным правом может быть обозначена как манифест постмодерна. Прорывные технологии в области коммуникаций создали принципиально новую реальность в социуме. Внешне благие намерения разработчиков обернулись прямой противоположностью декларируемому. Вместо укрепления межличностных связей общество получило атомизацию, стремящуюся к абсолюту, и в этом отчетливо прослеживается реализация программ Римского клуба. Наиболее наглядный пример представляет собой Япония как страна суперурбанизированная и высокотехнологичная. Явление солипсизма, все шире распространяющееся на Западе, приобрело там устрашающие масштабы. Социальная группа хикикомори — людей, сознательно изолировавших себя от общества, еще в 2010 г. насчитывала около 700 тыс. человек. В основном это молодежь и подростки, которые более полугода не ходят ни в школу, ни на работу, а большинство вообще не выходит из дома. С тех пор процент добровольных затворников вырос с 17 до 35% и охватил слои населения старше 40 лет. В этой возрастной группе средняя продолжительность самоизоляции превышает 20 лет. По результатам недавних социологических исследований 64% неженатых мужчин и 52% незамужних женщин в возрасте 18–34 лет никогда не имели никаких романтических отношений, а 45% женщин и 25% мужчин в возрасте 16–25 лет декларируют безразличие к сексуальным контактам. Исходя из этого, демографы приходят к выводу, что к 2050 г. численность японцев уменьшится на треть. О масштабах проблемы свидетельствует немислимый в истории страны факт: в Японии всерьез обсуждается вопрос привлечения иностранной рабочей силы.

Примерно такая же картина наблюдается во всех развитых странах. Совсем недавно в Великобритании учредили новую государственную должность — министр по делам одиночества, первоочередная задача которого — разработка стратегии сокращения числа одиноких граждан. Можно предположить, что официальный статус — лишь прикрытие для решения противоположной задачи, но наличие социальных сетей в любом случае обеспечит движение общества по намеченному вектору.

А пока что цифры свидетельствуют: коэффициент рождаемости в США и Китае — 1,8%, в Германии — 1,5, Испании, Италии, Греции — 1,3. Французам в этом деле активно помогают арабы, там — 1,9%. Наша страна болтается где-то посередине — 1,7%. Стратегия Римского клуба «всесильна, потому что верна».

Если рассматривать поступательное развитие процесса, то очевидна закономерность результата. Эгоцентрический посыл гуманистов Возрождения эволюционировал в массовый солипсизм современности. Провозглашая плюрализм мнений, постмодерн породил плюрализм норм

морали и нравственности, заменив реальность окружающего мира уродливыми симулякрами. Вышедшая в 1967 г. работа Ж. Деррида «О грамотности» могла в те годы показаться забавой заумного чудака — последователя Хайдеггера. Деконструкция текста подразумевала разрушение стереотипа и, как следствие, порождение нового контекста. Тогда еще никому не могло прийти в голову, что такая методология способна породить деконструкцию традиционного мировоззрения.

Концепт «сверхчеловека» изначально был заложен в идеологию гуманизма. Обожествив человека, гуманизм опосредованно выступил в роли религии и, как показало время, с этой ролью не справился, разрушив одновременно традицию и христианские ценности. Секуляризация знания вместо сияющих вершин совершенства повергла человеческое сознание в некий нравственный вакуум. А весь фокус в том, что человек как явление религиозен по своей природе. Ему всегда необходимо во что-то верить. Если он не верит в Бога, то он верит, что Бога не существует. Вера — неотъемлемая часть человеческого естества.

Закономерный кризис гуманизма как квазирелигии потребовал решения в виде деконструкции самой антропологии и измышления принципиально нового концепта — трансгуманоида — интеллектуального продукта, символа кризиса модерна.

Швырять камни в первых гуманистов не гуманно. Они всё же были движимы всё теми же благими намерениями, а проблема состояла в том, что намерения эти произрастали из неумной гордыни, не позволявшей понять, что человек никоим образом не может являться «мерой всех вещей». Поступательное развитие процесса сегодня наглядно демонстрирует, как человек из цели превратился в средство. Мы постоянно слышим формулы-заклинания об информационном постиндустриальном обществе; нам подкидывают разнообразные «заманухи» в виде хитроумных гаджетов, предназначенных якобы упростить и облегчить жизнь, а реальные цели банальны и циничны — искусственное создание всё новых и новых потребностей. Человек сегодня — всего лишь средство извлечения прибыли. Как уже было показано, даже далай-лама озабочен удешевлением существования человека как вида.

Самая главная «заслуга» модерна — порождение глобального управляющего класса, утратившего на сегодня все признаки человеческого строя психики. Его конечная цель — абсолютная власть, достижимая посредством безграничного извлечения прибыли через порабощение человеческой массы и установление над ней всеобъемлющего контроля. Иезуитская суть новой идеологии наглядно отражена в тексте «Манифеста 2045»:

«Человечество превратилось в общество потребления и находится на грани тотальной утраты смысловых ориентиров развития. Интересы большинства людей сводятся в основном к поддержанию собственного комфортного существования.

Современная цивилизация с ее космическими станциями, атомными подводными лодками, айфонами и сегвеями не способна избавить человека от ограничений физических возможностей тела, болезней и смерти.

Нас не устраивают сегодняшние достижения научно-технического прогресса. Наука, работающая на удовлетворение потребительских нужд общества, не сможет обеспечить технологический прорыв.

Мы считаем, что мир нуждается в иной идеологической парадигме. В ее рамках необходимо сформулировать сверхзадачу, способную указать новый вектор развития для всего человечества и обеспечить проведение научно-технической революции.

Новая идеология должна утвердить в качестве одного из приоритетов необходимость использовать прорывные технологии для совершенствования самого человека, а не только его среды обитания».

Классический образец демагогии, а методика известна: «Чем чудовищнее солжешь, тем скорее тебе поверят». Лицемерно бичуя общество потребления, идеологи выводят его на очередной уровень. Сегодняшний рынок разного рода трансгендерных услуг не в полной мере отвечает аппетитам и задачам глобального управляющего класса, а новая идеология способна послужить неплохой подпиткой. Та же крионика замечательна тем, что приносит чистую прибыль при минимуме затрат, а «Инициатива 2045» помимо демагогических авансов уже сегодня стрижет неплохие купоны. Одна из множества прокламаций Д. Ицкова гласит:

«Уважаемые друзья!

Каждый день на адрес Инициативы 2045 и на мой личный адрес приходят письма с вопросом — будут ли аватары в будущем доступны только богатым или удастся сделать их относительно дешевыми и доступными для каждого?

Я хотел бы в очередной раз ответить на этот вопрос: аватары будут дешевыми и доступными для многих людей, если люди будут сами прикладывать к этому усилия, а не пассивно наблюдать, надеясь, что кто-то сделает всё за них.

Сегодня я хотел бы дать неформальный старт проекту, который позволит практически каждому желающему подключиться к созданию народного аватара. А в дальнейшем, возможно, даже заработать на этом. Новым проектом является Электронная корпорация „Бессмертие“, которая скоро будет запущена под девизом „Хочешь быть бессмертным — действуй!“

Это будет социальная сеть, работающая по законам коммерческой компании, в которой вакансии будут активно замещаться волонтерами, а вместо пользовательского соглашения будет подписываться виртуальный контракт.

Кроме создания народного аватара, электронная корпорация также будет реализовывать различные коммерческие и благотворительные проекты в контексте идей Инициативы 2045, трансгуманизма и бессмертия.

Мы будем создавать технологии будущего, которые могут быть коммерциализованы спустя десятилетия (например, Аватар С), и заниматься «земными» бизнес-проектами (например, снимать коммерчески прибыльные художественные фильмы).

Кто знает, может, в будущем наша виртуальная валюта станет не менее популярна и востребована, чем bitcoin.

Вот так, постепенно, от «народного автомобиля» Прохорова к народному аватару Ицкова. По тексту отчетливо видно, как сквозь личину романтика и идеалиста на поверхность лезет хищное рыло акулы бизнеса. Грядущая форма потребления существенно отличается от нынешней. Сегодня мы имеем дело с симулякрами, ценность которых не имеет отношения к ценности собственно вещи. В новой идеологии симулякром становится сам человек. Кандидат философских наук О. Петруня приходит к выводу, что сегодня в науке место естествоиспытателя прочно занял инженер. Главное их отличие в том, что если деятельность первого направлена на изучение реальности, то методология второго — манипуляция с ней. Изучаемые объекты уже конструируются. Так рождается наука, симулирующая реальность. М. Маклюэн⁹⁷ констатирует, что человечество вступает в «фазу технологической симуляции сознания». Виртуальная среда затягивает человека подобно пылесосу, не оставляя никакого автономного личного пространства, самостоятельного мышления, независимой деятельности: «Он технологически, коллективно и корпоративно включается в новое кибернетическое человечество. Личности как атомы-индивидуумы перестают существовать, они становятся интеллектуальными агентами сетевого мира».

И такими «агентами» нам предстоит стать совсем скоро, причем нашего согласия никто спрашивать не намерен — мнение узников концлагеря лагерную администрацию интересовать не может.

Змей трансгуманизма вползает в нашу жизнь подобно энтероскопу проктолога. Страшимся жупела чипизации, но не видим, что «число зверя» давно и прочно вошло в нашу жизнь. Сегодня без участия банка мы уже не можем сделать ни шагу — не только купить или продать, но и оплатить «коммуналку». Мы все уже под «числом зверя», и зверь этот — мамона. Развитие процесса зафиксировано в дополнении к закону «О защите прав потребителя»:

«Законопроектом предусматривается установление в качестве предмета защиты информации о человеке, полученной из его биоматериала, который содержит геномную информацию, позволяющую получить о нем дополнительные сведения (о состоянии здоровья, питании, образе жизни, поведенческих особенностях, чувствительности к фармакологическим

---

⁹⁷ Герберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) — канадский культуролог, философ, филолог и литературный критик.

препаратам или аллергенам и других индивидуальных характеристиках). Также законопроект предусматривает прямое указание на возможность установления Правительством РФ правил оказания услуг, в том числе медицинских и иных, связанных с использованием и обращением биологического и генетического материала... Изменения, вносимые законопроектом, *соответствуют требованиям международного законодательства и подходам к нормативному регулированию в области обращения биологического материала и содержащейся в нем информации, используемым в странах ЕС, США, Великобритании, Австралии, Германии* (курсив мой. — Г. Е.)».

Вот так, дружными бессловесными потребительскими рядами, под знаменами международного (!) законодательства и с наплевательством к собственному, бредем в кильватере глобального свиного стада к крутизне, чтобы сгнуть в пучине. Матфей в Евангелии вполне доходчиво это показал, но прав Екклесиаст — «нет памяти о прежнем; да и том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

В сентябре 2007 г. Минпромэнерго утвердило программный документ «Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 г.», один из пунктов которого гласит:

«Внедрение нанотехнологий должно еще больше расширить глубину ее проникновения в повседневную жизнь населения. Должна быть обеспечена постоянная связь каждого индивидуума с глобальными информационно-управляющими сетями типа Internet. Наноэлектроника будет интегрироваться с биообъектами и обеспечивать непрерывный контроль за поддержанием их жизнедеятельности, улучшением качества жизни, и таким образом сокращать социальные расходы государства.

Широкое распространение получают встроенные беспроводные наноэлектронные устройства, обеспечивающие постоянный контакт человека с окружающей его интеллектуальной средой, получают распространение средства прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами, транспортными средствами и другими людьми. Тиражи такой продукции превысят миллиарды штук в год из-за ее повсеместного распространения».

И это — не фантастический роман. Это — государственный документ. Пастухи уже и не утруждаются сокрытием целей, но стадо по-прежнему «не мычит, не телится», плетясь к скудной кормушке.

Наблюдая за властными инициативами, нельзя не заметить: *они* начали спешить. Сразу после новогодних 2019 г. каникул Минэкономразвития внесло законопроект «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ». Уже одна только формулировка названия говорит о многом, открыто заявляя, что с правом теперь можно экспериментировать, а проще говоря — наплевать на него с высокой колокольни. Вице-премьер М. Акимов, ответственный за внедрение цифровой

экономики выразился предельно конкретно: «...пространство, где можно делать то, что пока не совсем разрешено».

Прямо-таки точно по Оруэллу. Подобные пространства в реальности не снились и самым отъявленным диктаторам, а ключевое слово в цитате — «пока»...

Черту под темой подводит замминистра связи А. Козырев:

«Во-первых, цифровой экономике нужны цифровые граждане, цифровой бизнес и цифровые вещи... Во-вторых, новые технологии настолько сильно меняют устоявшиеся правоотношения, что теперь мы начинаем в регулировании идти не от правоотношений, а от технологий... Теперь же нам нужно специальное регулирование для таких технологий, как блокчейн, искусственный интеллект и „интернет вещей“ ... Мы сфокусируемся на трех ключевых направлениях. На электронной идентификации граждан, бизнеса и вещей. На регулировании первых трех прорывных цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект и „интернете вещей“. И на регулировании в области работы с данными».

Все эти *над*-законные эксперименты — полный трансгуманистический букет, пахнущий крайне дурно. Грядущий трансфашизм имеет такое же отдаленное отношение к фашизму, как трансгуманизм к гуманизму. Приставка «транс», по крайней мере, честно указывает на термины перевернутого смысла.

Обратим внимание: срок исполнения «Стратегии» совпадает со сроком «Шага второго» проекта «Россия 2045». А ровно через год после утверждения документа был назначен и прораб строительства нового электронного концлагеря. Им стал не кто иной, как почетный приватизатор, непотопляемый дредноут отечественной политики, отец российской энергетики, а теперь и главный гуманист, поэтому вопрос, почему Роснано стала пчеломаткой российского трансгуманизма отпадает сам собой — кто, если не он? Наивные и по сей день удивляются, почему этого левиафана не берут никакие мины и торпеды? В конце концов, почему его просто *не берут*? Почему этот кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» (!) образца 2010 г., исчезнув из большой политики, продолжает плавно перетекать по теневым горизонталям? А всё очень просто. Члены Бильдербергского клуба, подобно вампирам, не только бессмертны, но и боятся солнечного света. Их стихия — тьма. Именно там вершатся судьбы человечества. Того человечества, которое отвергает свет, которое бежит за ваучерами в надежде на бесплатный сыр, а затем кормит им экономических вампиров, создавая тем самым тот глобальный управляющий класс, который строит кибернетический концлагерь не только в России, но и по всему миру и в который мы послушно бредем, обвешанные гаджетами и пластиковыми карточками.

Американский социолог Элвин Тоффлер пишет:

«Формируется новая цивилизация. Но как мы в нее вписываемся? Не означают ли сегодняшние технологические изменения и социальные

перевороты конец дружбы, любви, привязанности, общности и участия? Не сделают ли завтрашние электронные чудеса человеческие отношения еще более бессодержательными и потребительскими, чем сегодня? Как будто бомба взорвалась в нашей общей психосфере? Во многих странах мы ощущаем романтизацию безумства, прославление обитателей „гнезда кукушки“. В бестселлерах объявляется, что сумасшествие — это миф, а в Беркли начинает выходить журнал, посвященный идее о том, что сумасшествие, гений и святость лежат в одной плоскости, и у них должно быть одно название и одинаковый престиж».

Мутация гуманизма происходила медленно и поступательно, как и любая подострая форма болезни — незаметно. Из светлой и романтической мечты он превратился в средство ограждения масс от коммунистических идей. Постепенно менялась и его фундаментальная основа. Сегодня мальтузианство и социал-дарвинизм стали отправными точками проектов Римского клуба. Западноевропейский гуманистический проект или «проект Модерн», начинавший с признания человека высшей ценностью и центром мироздания, закончил низвержением этого центра в мутные зловонные потоки постмодерна.

Может ли достижение вечной жизни быть целью? Безусловно.

Может ли вечная жизнь стать смыслом? Глупый вопрос. Трудно придумать большую бессмыслицу, когда ничего не нужно успевать сегодня, когда всё можно отложить на завтра, на год, на век... Когда не к чему стремиться и нет смысла что-либо созидать. Вечная жизнь — это обвальная деградация. Это — мечта о смерти как избавлении. Это — воплощенный, неосознаваемый ад.

Вокруг нашего концлагеря уже заканчивают натягивать колючую проволоку, остались лишь мелкие отделочные работы на ближайшие недолгие годы. А там — в светлое трансгуманистическое будущее «золотого миллиарда», будущее наших детей. И уже сейчас необходимо понимать, что большая часть из них туда не дойдет. Понимать самим, а главное — донести своим детям.

ЗЕРКАЛО ДЛЯ АНТИГЕРОЯ

*Какая польза человеку, если он приобретет
весь мир, а душе своей повредит?*

Мк. 8: 36

В конце 80-х нам всем вдруг захотелось какого-то абстрактно осознаваемого счастья. Перспектива коммунистического будущего давно уже не грела. Идеологические емкости испарившихся смыслов требовали заполнения, подобно опустевшим домашним холодильникам. Заглядывая в окна соседнего дома — европейского, мы видели «цивилизованную» обстановку, красивые обои, те же холодильники, но забитые вождельной колбасой. И нас вдруг осенило: во всем виновата идеология! Поиск виноватого — вековая любимая национальная забава русского человека, хотя второй вопрос тривиальной двуединой задачи чаще всего сводится к наипростейшему решению — «разрушить всё до основания, а затем...» А затем лучше вообще ничего не делать — само как-нибудь рассосется. Например — «все отрегулирует рынок»...

В те годы очень немногие были знакомы с основами западноевропейской философии, поэтому их постижение происходило эмпирическим путем на подсознательном уровне. Эпикур, Аристотель, Вольтер, Дидро и многие другие утверждали, что стремление к счастью — подлинное предназначение человека. Но мог ли советский обыватель провести моральную черту между эвдемонизмом и гедонизмом⁹⁸? Представление о счастье сводилось к фасаду соседнего дома, нутро которого лопалось от визуального изобилия, как-то возникшего у соседей, в отсутствие каких бы то

---

⁹⁸ Эвдемонизм (др.-греч. εὐδαιμονία — процветание, блаженство, счастье) — этическое направление, признающее критерием нравственности и основой поведения человека его стремление к достижению счастья.

Гедонизм — этический образец личности, утверждающий наслаждение высшим благом и целью человеческой личности.

ни было идеологических установок. Из распахнувшихся дверей пахнуло отнюдь не перманентным гниением, о котором нам неустанно твердили, а деликатесами, шанелями и лайковыми обивками новеньких «Бентли». И всё это без осточертевших моральных кодексов, пятилеток и призывов к борьбе всевозможных видов, направлений и уклонов. Дом соседей был под завязку набит разнообразными запретными плодами.

Один из учеников Сократа, основатель гедонической школы Аристипп видел смысл жизни в достижении физического удовольствия, за что пользовался дурной славой в среде других сократиков. Отмечалась его угодливость Дионисию — «сиракузскому тирану», при дворе которого он служил платным учителем, за что Диоген называл его «царским псом», а также пристрастие к роскоши и влечение к гетерам. На папирусе III в. сохранилась переписка Антисфена с Аристиппом, ярко иллюстрирующая обобщенную точку зрения сократиков:

«Неприлично для философа жить при дворе тиранов и свои надежды строить на сицилийские пиры; ему скорее следует жить в своей стране и на свои собственные средства. Ты же думаешь, что в этом заключается счастье разумного человека — иметь возможность приобрести большие деньги и приобрести могущественных друзей. Нет, ведь не деньги нужны, да и если бы они были нужны, то не хороши они, так приобретенные, да и множество необразованных, к тому же тиранов, не могут быть друзьями».

Пронизанный откровенной насмешкой ответ Аристиппа удивительно созвучен глубинным устремлениям как постсоветской толпы, так и нынешних наивных западников:

«Плохо, очень плохо, Антисфен, живется мне: да как нам не считать, что мы попали в плохое положение, живя при дворе тирана, когда каждый день едим и пьем великолепно... И никто не освободит от свирепости Дионисия, который смотрит на меня... как на глубоко проникшего в учение Сократа... И когда этот человек перестанет так поступать, сказать тебе не могу. Ты хорошо делаешь, что беспокоишься о несчастьях других; и я со своей стороны радуюсь на твое благополучие...

Отложи себе сушеных фиг на зиму и критской ячменной муки: это кажется лучше золота; мойся в источнике Эннеакрупоса и оттуда же пей воду, и носи летом и зимою один и тот же грязный плащ, как это и подобает свободному человеку, живущему (в Афинах) при демократическом образе правления... Что же касается моего безумия, в которое я впал, дойдя необдуманно до такого печального положения, я сам на себя произнесу заклятие, которое заслужил, чтобы мне никогда не избавиться от этих зол, так как, будучи столь преклонных лет и, по-видимому, имея разум, не хочу ни голодать, ни холодать, ни быть в презрении, ни отрачивать длинной бороды».

Тем не менее необходимо признать, что понимание гедонизма как безудержного стремления к наслаждениям не совсем корректно. Аристипп

учил, что наслаждения могут приносить несчастья, если порабощают человека:

«Лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им».

Из этого утверждения он выводит необходимость подчинения законам и обычаям. Основопологающий принцип киренаиков⁹⁹ — достижение свободы через наслаждение. А. Ф. Лосев трактовал это как свободу духа. Эпикур считал удовлетворенность желаний свободой от любой неохоты и отвращений. Западноевропейский абсолютизм наглядно показал реальное воплощение гедонизма. Особенно характерно это проявилось во времена Людовика XV, когда вульгарное влечение к простейшим удовольствиям так же достигло абсолюта.

Позиция Аристиппа отражает как раз то понимание воли к власти, о котором говорил Ницше. Личным устремлением Аристиппа всегда оставалось жизненное спокойствие в наслаждениях. Ведя исключительно светский образ жизни в ближнем кругу властей предержавших, он всеми способами чурался политики ради сохранения собственной независимости. Диоген Лаэртский приводит ряд интересных умозаключений Аристиппа. Однажды Дионисий спросил:

«Почему философы ходят к дверям богачей, а не богачи к дверям философов?»

На что тот ответил:

«Потому что одни знают, что им нужно, а другие не знают».

На вопрос, чем философы превосходят остальных людей, он ответил:

«Если все законы уничтожатся, мы одни будем жить по-прежнему».

С точки зрения психоанализа удовольствие — основная побудительная причина для человека. По Ницше, основной закон жизни — воля к власти. Поверхностное понимание чаще всего трактует данный тезис как стремление индивида властвовать над другими, подчинять своей воле. Но это восприятие ошибочно. Важно почувствовать, как Ницше видит саму суть человеческой жизни. Для него живое существо властно относительно неживого. Млекопитающие властны над низшими. Человек над всеми млекопитающими. Даже самый ничтожный субъект понимает, что условием его выживания является подчинение законам этого мира. Принятие таких законов и есть форма проявления воли к власти. Всякого рода неудачники, посредственности, характеризующиеся им как «стадо», утверждая свое жизненное начало, устанавливают определенные моральные ценности,

---

⁹⁹ Киренаики (греч. Σχολή της Κυρήνης) — представители греческой философской школы, основанной в IV в. до н.э., последователи Аристиппа из Кирены (от названия города образовалось именование школы).

Занимают промежуточное положение в истории философии между Сократом и Эпикуром.

и это их способ противостояния сильным, счастливым и независимым, способ их борьбы и утверждения воли к власти. На примере сегодняшнего Запада это наглядно проявляется, хотя и в извращенных формах.

И. Кант в «Трансцендентальной диалектике» задавался вопросом: почему человек, исполненный добродетели, часто не может достичь счастья, а негодяй, попирающий все нравственные законы, наслаждается жизнью? Существует ли в жизни справедливость как высшее благо?

В поисках ответа Кант выводит второй постулат практического разума, который предполагает существование духовного мира. Наличие в жизни высшего блага возможно лишь при условии причины, возвышающейся над природой и объединяющей ее (природу) с нравственностью:

«Следовательно, высшая причина природы, поскольку ее необходимо предполагать для высшего блага, есть сущность, которая благодаря рассудку и воле есть причина (следовательно, и творец) природы, то есть Бог».

Фрейд в свое время писал, что задача сделать человека счастливым не входила в план сотворения мира. По Канту, конечная цель Бога не счастье всех людей, а высшее благо, требующее быть достойными счастья:

«Мораль есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья. Только в том случае, если к ней присоединяется религия, появляется надежда когда-нибудь достигнуть счастья».

По сути, второй постулат говорит о бессмертии души. Соответствие убеждений моральному закону он называет святостью, которой реально достичь невозможно, а лишь в бесконечном приближении, поэтому необходимо существование души в бесконечности. Только так достигается соответствие добродетели и счастья. Как бы это ни показалось кощунственно, но на кантовских постулатах базируется шутка о сравнении коммунизма с горизонтом. Как бесконечно приближение к совершенному человеку, так же бесконечно и приближение к совершенному обществу.

Исходя из этого, со всей очевидностью проступает богоборческая стратегия трансгуманистов. Не нужно дожидаться формирования совершенного человека, да и сам процесс совершенствования им не интересен. Им интересно создание некоего цифрового существа, и желательно с заданными параметрами. *Транс*-общество таких существ не будет нуждаться в нравственных и моральных установках — для трансгуманистов это ненужная шелуха, во-первых, а во-вторых — проблема неразрешимая в принципе, даже при постановке такой задачи. Если теоретически допустить возможность оцифровки мозга, то оцифровку души невозможно допустить даже при помощи самой буйно-шизофренической фантазии.

Нравственность без Бога невозможна, потому что ее существование объяснимо лишь при условии существования Творца, давшего эти принципы и судящего по ним. Неизвестно, кто автор народного афоризма про

горизонт, но чувствуется в нем определенная философская база. Показательно, что даже Хайдеггер, будучи признанным атеистическим экзистенциалистом, в работе «Бытие и время» характеризует время как «горизонт бытия». Человек всегда ощущает себя во времени и существом смертным. Он ощущает себя неким проектом, устремленным в будущее, а потому — незавершенным. Если рассматривать человека только в настоящем, то возникает модус времени, характеризуемый как «обреченность» вещам, или «падшесть». Поскольку человек существует среди вещей, то он неизбежно включен в зависимость от них, а потому ничем, по сути, от этих вещей не отличается. Поэтому и его отличие в том, что он, как незавершенный проект, всегда устремлен в будущее, и он всегда больше самого себя в настоящем. Его сосредоточенность на будущем и составляет истинное бытие. Осознавая смерть, он начинает жить истинной жизнью. Хайдеггер констатирует, что большинство людей живет иначе. Позиционируя свое бытие в настоящем, человек исчезает как проект и сам становится вещью среди множества других вещей. Такого человека Хайдеггер обозначает термином «*map*», то есть неопределенное «нечто» в безличных немецких предлогах.

Отказавшись от идеологии, бывший советский человек отказался от будущего ради сиюминутного счастья. Он стал, по Хайдеггеру, «падшим», «маном», вещью, отдавшей себя во власть других вещей, перестал быть «проектом». Показательно, что термин «вещизм» пришел в СССР именно во времена этого *фактического* отказа. А главное, что в этом вопросе сошлись в одной точке три, казалось бы, разнонаправленных вектора: пуританский протестантизм Канта, атеистический экзистенциализм Хайдеггера и христианские православные догматы.

При всей неоднозначности отношения к психоанализу, необходимо признать, что стремление к удовольствию — природное и практически непреодолимое свойство человеческой природы. Сартр солидарен с Хайдеггером в той части, что человек, будучи «проектом», всегда пребывает в состоянии двойственности, поскольку постоянно, осознанно или нет, чем-то недоволен. Его не покидают чувство одиночества и подспудные размышления о своем предназначении в мире. Но вместе с тем Сартр наделяет человека свойством *абсолютной* свободы, поскольку человек есть, прежде всего, *возможность*. В контексте православной свободы воли он представляет собой лишь то, что сам из себя делает. Тем самым Сартр опосредованно опровергает протестантскую предопределенность. Возводя свободу в абсолют, он по оглашению отрицает существование Бога, а по умолчанию утверждает православные принципы ответственности не только за собственные поступки, но и за всех людей. Сам он характеризует «экзистенциализм как попытку сделать все выводы из последовательного атеизма», но по сути, как и большинство серьезных мыслителей, рассуждает о божественных категориях, лишь обозначая их в рамках иного

дискурса. Поразительно, что взгляды марксиста Сартра на человека во многом пересекаются с выраженной религиозной позицией Кьеркегора, утверждавшего, что человек — прежде всего личность в христианстве. Выражаясь в терминологии Сартра, бытие личности в материальном мире и есть «проект» бытия личности в вечности.

Но помимо детерминированной дихотомии в человеке возникают и другие диссонансные факторы, обусловленные и «волей к власти», и потребностью к самоутверждению. Известный австрийский психиатр и философ В. Франкл вывел понятие «экзистенциального кризиса», охарактеризовав его как состояние тревоги, чувство глубокого психологического дискомфорта, связанное с вопросом о смысле существования. Наибольшее распространение данный феномен имеет в тех культурах, где основные нужды элементарного выживания уже удовлетворены. Франкл считает, что ощущение счастья и удовлетворения возникает, когда для этого создаются определенные условия. Но вся проблема в том, что, получая желаемое, человек как бы расслабляется и забывает о том, что без осознания необходимости постоянного создания таких условий, счастье перестает быть счастьем, превращаясь в обыденность. Кьеркегор говорил, что дверь, ведущая к счастью, открывается наружу, поэтому незачем в нее ломиться. Патогенным фактором кризиса является сосредоточенность на самом ощущении счастья и удовлетворения, исключая необходимость создания условий. Иными словами — заикленность на результате при пренебрежении процессом. Невротик «напрямик устремляется к счастью, подменяя стремление к смыслу стремлением к удовольствию. Если у нормального человека ощущение удовольствия возникает лишь в виде побочного эффекта при выполнении своего предназначения и благодаря близости с другим человеком, то для невротика удовольствие становится самоцелью. И чем сильнее он стремится к удовольствию, тем меньше он заботится о создании условий для возникновения этого ощущения, поэтому „эффект удовольствия“ не возникает».

Безусловная правота Франкла в том, что стремление к удовольствию и «воля к власти» равнозначны, потому что и то, и другое — результат подавления стремления к смыслу, следовательно, и устремленность к удовольствию, и потребность в самоутверждении есть побуждения невротические. Древнегреческий поэт Пиндар утверждал, что человек способен стать лишь тем, кем он изначально является, что подтвердил и К. Ясперс:

«Человек обретает себя благодаря делу, которое он считает своим призванием».

По меткому выражению Франкла «бумеранг возвращается к охотнику только в том случае, если охотник промахнулся». Навязчивое стремление к самореализации — симптом неспособности к исполнению своего жизненного предназначения и даже неспособности его понять. Э. Фромм пишет:

«Гигантская государственная и экономическая система вышла из-под контроля человека. Она стала неуправляема, а ее руководители подобны человеку, скачущему на понесшей лошади: он горд, что ему удастся удержаться в седле, хотя и бессилён управлять лошадьёю. Его тело, ум и душа составляют его капитал, а его жизненная задача — выгодно поместить этот капитал, извлечь выгоду из самого себя. Человеческие качества, такие, как дружелюбие, обходительность, доброта, превращаются в товары, в ценные атрибуты «личностного набора», способствующие получению более высокой цены на рынке личностей. Если человеку не удастся выгодно „инвестировать“ себя, он испытывает такое чувство, словно он — сама неудача; если он в этом преуспевает, то он — сам успех. Совершенно очевидно, что его самооценка постоянно зависит от посторонних факторов, от изменчивой оценки рынка, назначающего цену индивида так же, как он назначает цену товаров. Человек, подобно всем другим товарам, которые не удастся выгодно продать на рынке, не имеет ни малейшей ценности в том, что касается его меновой стоимости, даже если его потребительная стоимость достаточно высока. Однако человек может реализовать себя лишь при условии, что он сохраняет связь с фундаментальными реалиями своего бытия, что ему доступны восторг любви и порывы чувства товарищеской солидарности, а также переживание трагического факта собственного одиночества и неполноты своего существования. Если же он полностью оказывается во власти рутины и искусственных образований, не способен видеть ничего, кроме фасада мира, созданного человеком по законам здравого смысла, то он теряет связь с миром и самим собой, перестает осознавать себя и окружающий мир».

Стремление к обретению его нельзя отождествлять с эгоцентризмом. Однако реализуют его все люди по-разному. Большинству видится ложная вершина иллюзорного айсберга, символизирующего определенный социальный статус. В погоне за этой иллюзией одержимый человек нередко пускается во все тяжкие, не угадывая ни ложности цели, ни отсутствия смысла. Пребывая в убеждении, что статусность возвышает его над толпой и выделяет из нее, он не в состоянии осознать, что всего лишь бежит в первых рядах стада, бежит по кругу, оставаясь неотъемлемой частью этой же толпы. Такому индивиду недоступно простое решение: для обретения его не нужно никуда бежать, а достаточно сделать всего лишь шаг в сторону, предоставив стаду соискателей следовать избранным курсом. Но это означало бы стать *абсолютно* иным, обрекая себя на свободу.

Полемизируя с Сартром, К. Ясперс доказывает, что только благодаря Богу человек может быть свободным, потому что подлинная свобода — это независимость от материального детерминизма:

«На вершине свободы, когда наши поступки являются как необходимые — не вследствие внешней необходимости неизбежного, не в силу природного закона, события, но как внутреннее согласие волящего, волящего

так и никак иначе — мы сознаем наше свободное бытие как то, что дано нам трансценденцией. Чем подлиннее свобода человека, тем более он уверен в Боге».

Вспомним еще раз Акутагаву: «Свобода, как воздух горных вершин...» Многим ли это под силу?

В 1947 г. Т. Адорно и М. Хоркхаймер выпустили книгу «Диалектика просвещения» посвященную ответу на вопрос, «почему человечество, вместо того, чтобы прийти к истинно человеческому состоянию, погружается в пучину нового типа варварства». Главную причину они видят в культе рациональности, основанном на идеологии Просвещения. Устремленность к господству над природой привела в итоге к отчуждению человека во многих сферах бытия. Идею отчуждения они заимствуют у раннего Маркса, развивая ее в том смысле, что отчуждение касается не только результатов труда, но и от природы в целом, составными частями которой является и общество и, собственно, человек. Противопоставляя себя миру, он утрачивает гармонию, формируя отношение к миру как набору вещей:

«Опредмечивающее мышление точно так же, как и больное, содержит в себе произвол самой вещи, совершенно чуждой субъективной цели, оно предает забвению саму вещь и именно тем самым уже учиняет то насилие, которое совершается над ней в практике. Безоговорочный реализм цивилизованного человечества, достигающий своей кульминации в фашизме, представляет собой специальный случай параноидального бреда, обезчеловечивающего природу и, в конечном итоге, сами народы».

Не предлагая никаких конкретных путей выхода из «пучины нового типа варварства», Франкфуртская школа выносит приговор цивилизации как «неудавшейся». Общество «больного мышления», состоящее, по сути, из «недочеловеков», не может быть счастливым.

Пожалуй, наиболее адекватный, хотя и идеалистический взгляд на проблему выражал Э. Фромм, раскрывая дихотомию человеческой природы:

«Человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого. <...> Сегодня человек стоит перед самым главным выбором: это выбор не между капитализмом и коммунизмом, а между роботизмом (как в его капиталистической, так и коммунистической форме) и гуманистическим коммунитарным социализмом».

Последний термин введен Фроммом как альтернатива классическому социализму Маркса. По его мнению, построение здорового общества возможно лишь эволюционным путем совершенствования личности и преодоления отчуждения от общества, преодоления *вещизма* в самом широком смысле:

«Прежде всего, общество, в котором ни один человек не является средством для достижения целей другого человека, а всегда и исключительно является целью сам по себе; общество, где никто не используется и не использует себя в целях, не способствующих раскрытию человеческих возможностей; где человек есть центр и где его экономическая и политическая деятельность подчинена цели его собственного развития. Здоровое общество — это общество, в котором такие качества, как алчность, склонность к эксплуатации и обладанию, самолюбование, невозможно использовать для достижения материальной выгоды и роста личного престижа. Это общество, где действовать по совести считается основным и необходимым качеством и где оппортунизм и беспринципность считаются качествами асоциальными; где индивид занимается общественными проблемами так, что они становятся его личным делом; где его отношение к ближнему не отделено от всей его системы отношений к частной жизни».

Фромм абсолютизирует человека в духе традиции Канта и видит его реализацию единственной целью существования общества, а значит — и самого человека.

Социальная статусность вселяет в индивида иллюзию, что у него все под контролем. Однако любое принятие решения предполагает лишь определенный, возможно, весьма высокий процент реализации, но — никогда не стопроцентный, потому что всегда имеет место фактор случая. Любое решение — всегда потенциальный риск. Поэтому наипервейшая задача, стоящая перед человеком, — осознание, что вся его жизнь небезопасна и ненадежна. Точка зрения Э. Фромма еще категоричнее:

«Свободный человек неизбежно лишен безопасности, мыслящий человек неизбежно лишен уверенности. <...> Мы достигли такого уровня индивидуализации, при котором только вполне развитая, зрелая личность может полноценно пользоваться свободой; если индивид не развил в себе разум и способность любить, он, будучи не в состоянии вынести бремя свободы и индивидуальности, ищет спасения в искусственно созданных узах, дающих ему чувство принадлежности и укорененности. В наше время любой возврат от свободы к искусственной укорененности в государстве или расе есть признак психического заболевания, так как он не соответствует достигнутому этапу эволюции и, несомненно, ведет к патологическим явлениям.

...Мы не выбираем ни своих проблем, ни результатов своей деятельности. Что же движет нами, что же вынуждает нас? Система, не имеющая ни цели, ни назначения вне себя самой и превращающая человека в свой придаток».

Работа «Здоровое общество» издана в 1955 г. Но уже тогда автор констатировал, что и политика, и наука, и бизнес утратили подлинные смыслы. Критерии, доступные пониманию человека, уступили место сухим цифрам, абстракциям и симулякрам. Постепенное вытеснение

конкретики повлекло искажение реальности с последующим ее полным исчезновением. Пределы допустимого расширились как в практической плоскости, так и в моральной. Нынешняя реальность — реальность кривого зеркала. Речь не идет о каких-то отдельных индивидах. Весь англосаксонский мир, успешно практикуя у себя, так же успешно насаждает вокруг фантомную псевдоцивилизацию, выдавая ее за истинную. Э. Фромм (1955 г.):

«...получив образование, держа ноги в чистоте, пользуясь услугами портного и цирюльника и путешествуя за границу, они думают, что являются цивилизованными людьми. Нации же полагают, что чем больше у них железных дорог, академий, промышленных рабочих, военных кораблей, книг, партий и парламентов, тем они цивилизованнее. Многие индивиды, так же как нации, заинтересованы в цивилизации, но не в настоящем просвещении. Первое легче и встречает одобрение, второе требует непомерных усилий и поэтому воспринимается всегда огромным большинством не иначе как с ненавистью и презрением, так как разоблачает ложь цивилизации».

Жизнь аборигенов амазонских джунглей, упомянутая во введении, отнюдь не избитый литературный прием, спекулятивно примененный в целях назидательной натурофилии. Не широко известный, не круто распиаренный американский философ Генри Дэвид Торо оказал значительное влияние на такие умы, как Махатма Ганди и Лев Толстой. В книге «Жизнь без принципа», изданной в 1863 г., он писал:

«Я думаю, что ничто, даже преступление, не является таким антиподом поэзии, философии, да и самой жизни, как этот непрерывный бизнес...

Если человек ежедневно полдня гуляет в лесу, потому что любит лес, то он рискует, что его объявят бездельником; если же он тратит целый день, играя на бирже и содействуя вырубке этих лесов и оголению земли, то его считают усердным и предприимчивым гражданином. Как будто город заинтересован не в том, чтобы сохранить лес, а в том, чтобы вырубить его!»

Отправной точкой для выводов этой работы послужил эксперимент, поставленный писателем весной 1845 г. На берегу Уолденского пруда он построил хижину, в которой прожил более двух лет на полном самообеспечении, добывая пропитание рыбалкой и огородничеством. Свободное время посвящал изучению классической литературы, плаванию и гребле. Уже в те годы автор пришел к пониманию всех грядущих опасностей промышленной революции и последующего за ней общества потребления. Своим экспериментом он продемонстрировал возможность счастливой жизни, как вне общества, так и без гонки за материальным преуспеванием. При этом отшельником не был, активно общался с соседями, но личное уединение, созерцательность и самодостаточность обеспечили ему полную свободу от материальных забот.

Свою работу Э. Фромм писал веком позже, но тогда общество потребления еще и близко не подошло к сегодняшней точке невозврата. В те годы еще только формировался образ возможности неумеренного вещизма. Потребление еще не превратилось в сосущий голод, находясь в стадии назойливого, быстро жиреющего червячка, всё настоятельнее вопиющего самое себя заморить. Здравый смысл уходил всё дальше на вторые планы, уступая процессу приобретения и потребления, становившемуся самоцелью и сводящему на нет чувство удовольствия:

«Если бы современному человеку хватило смелости изложить свое представление о Царствии Небесном, то описанная им картина походила бы на самый большой в мире универмаг с выставленными новыми моделями вещей и техническими новинками, и тут же он сам „с мешком“ денег, на которые он мог бы всё это купить. И он бы слонялся, разинув рот, по этому раю образцов последнего слова техники и предметов потребления — при одном только условии, что там можно было бы покупать всё новые и новые вещи, да, пожалуй, чтобы его ближние находились в чуть-чуть менее выгодном положении, чем он сам».

Непрерывная погоня за удовольствиями уничтожает самосознание, превращая трудовой процесс в форму нудного рабства, в бессмыслицу, потому что львиная доля вожделений, включая даже секс, всё чаще создается искусственно. Рыночный молох жаждет «счастливых», «вы-это-го-достойных», бесконфликтных, ни в чем не сомневающихся и ни о чем не задумывающихся, управляемых без насилия жертвах. Легион современных адептов профессора Хасса успешно претворяет в жизнь его мечты, обходясь без дорогостоящих разработок в области фармацевтической химии. Бихевиоризм тому порукой.

Американский историк и социолог Льюис Мамфорд в работе 1967 г. «Техника и развитие человечества» рассмотрел поступательный процесс развития человеческого мышления и его последующую прогрессирующую утрату. Изучая иерархические цивилизации, он пришел к выводу, что по мере своего развития техника перестает быть только инструментом, становясь «активным субъектом реальности», она неизбежно трансформирует самого человека:

«Самое убийственное обвинение, которое можно предъявить современной цивилизации, состоит в том, что, помимо созданного человеческими руками кризиса и катастрофы, она не представляет интереса с человеческой точки зрения...»

Таким образом, продуктом такой цивилизации становится «омассовленный» человек, утративший способность к выбору и «самонаправляющейся» стихийной деятельности:

«Он терпелив, послушен и в высшей степени дисциплинирован, и пригоден для выполнения монотонной работы, но всё более безответствен по мере того, как уменьшается возможность выбора. В конце концов,

он превращается в существо, управляемое главным образом условными рефлексамии, — идеальный тип, желаемый, но еще не достигнутый для рекламного агентства, или современной торговой фирмы, либо для отделов пропаганды или планирования при тоталитарном правительстве. Наивысшая похвала такому человеку — это то, что он никому не доставляет хлопот, а его самое большое достоинство в том, что он „не высовывается“. В конечном итоге такое общество создает людей только двух типов: тех, кто выдвигает условия, и тех, кто им подчиняется, то есть активных и пассивных варваров».

Социально-психологические тенденции, которые сегодня каждый еще не утративший способности мыслить индивид воспринимает как катастрофу, прозорливые умы Запада отмечали не только в середине прошлого века, но и значительно раньше. Россия в те годы еще продолжала подпитываться остатками духовно-идеологической энергии последних десятилетий. Угасающий ментальный потенциал инерционно держал на плаву качества, составляющие основу человеческой личности. Еще никто не мог представить, что через какие-нибудь три-четыре десятка лет мы лишимся способности здравого мышления, духовных устремлений, чувства личного достоинства и гордости за свои достижения в *настоящих* делах. Мы не могли предположить, что труд может быть не только бесполезен и бессмысленен, но и вреден; что он способен не только «облагораживать», но и препятствовать развитию важнейших человеческих способностей. Скука, разочарование, нервозность станут непременными атрибутами существования многомиллионного офисного планктона и разного рода обслуги «тех, кто выдвигает условия». Э. Фромм констатирует:

«Для огромного большинства рабочих автомобильной промышленности единственный смысл их работы состоит в получении платежного чека, а не в чем-то, связанном с трудом или продуктом. Труд выступает как нечто противоестественное, как неприятное, бессмысленное, бестолковое условие для получения платежного чека, лишенное и достоинства, и значения. Неудивительно, что тем самым поощряются небрежная работа, замедление ее темпа и прочие фокусы, направленные на то, чтобы получить ту же оплату за меньший труд. Неудивительно, что в итоге рабочий оказывается несчастным и недовольным, потому что платежный чек — недостаточное основание для самоуважения».

Человек, работающий ради обогащения «дяди» и не являющийся активным действующим лицом в процессе, не способен ни за что нести ответственность, кроме исполнения своих узко ограниченных обязанностей. Единственным смыслом становятся деньги. Г. Торо пишет:

«Почти все без исключения пути, с помощью которых вы зарабатываете деньги, ведут вниз. Если вы делаете что-то, только чтобы заработать деньги, то это дело непременно пустое и нехорошее. Если рабочий получает только заработную плату, которую платит ему его работодатель,

и не больше, то его обманывают, он сам себя обманывает. Если вы зарабатываете деньги, будучи писателем или лектором, то вам придется быть популярным, а это означает вертикально падать вниз... Рабочий должен стремиться не только к тому, чтобы заработать себе на жизнь, получить «хорошую работу», но и к тому, чтобы выполнить свою работу как следует. Даже с материальной точки зрения городу выгоднее было бы платить рабочим хорошо, так, чтобы они не чувствовали, что работают только для обеспечения своей жизни, трудились бы скорее ради научных или моральных целей. Не берите на работу человека, который будет ее выполнять только из-за денег; берите того, кто идет из любви к своей работе... Тот способ, которым большинство людей зарабатывают себе на жизнь, представляет собой чаще всего временный заменитель, или попытку избежать истинного занятия жизни, поскольку люди либо не знают ничего лучшего, либо не стремятся к нему...»

В среде управляющего класса, то есть «тех, кто выдвигает условия», и даже нередко в среде психологов существует негласное мнение о природной человеческой лени. Тезис весьма удобный для эксплуатирующего чужой труд. Он позволяет ему не напрягаться в поисках рациональной организации процесса, держать наемников в состоянии отчужденности и манипулировать оплатой. Наемники представляют собой всего лишь средство для достижения целей нанимателя, поэтому эксплуататору выгодно раскрытие способностей и возможностей наемника лишь в части, касающейся приносимой им прибыли. Душевно здоровая личность смертельно опасна управляющему классу, потому что она способна к объективному постижению и оценке реальности. Она «неподвластна иррациональному авторитету, а признает лишь рациональный авторитет разума и совести; это личность, находящаяся в процессе непрерывного рождения в течение всей своей жизни».

Человеческая лень — всего лишь производное от утраты смыслов и отсутствия целей. Э. Фромм со всей категоричностью утверждает:

«Лень — это далеко не нормальное качество, это симптом психопатологии. Поистине одна из худших форм душевных страданий человека — это скука, незнание, что делать с собой и со своей жизнью. Даже если человек не получал бы ни денежного, ни какого-либо другого вознаграждения, он все равно стремился бы употребить свою энергию каким-то осмысленным образом, поскольку не смог бы вынести скуку, порождаемую бездельем.

Из области психопатологии известно, что человек, не испытывающий интереса к тому, чтобы что-то делать, серьезно болен; подобное состояние человека считается ненормальным».

Таким образом, труд не только отчужденный, но и бессмысленный приводит к психическим аномалиям, выражающимся в отвращении к любой производительной деятельности, неудовлетворенности, напряженности и скуке. Большинству недоступно понимание причин такого

состояния. Разулившийся мыслить современный человек, воспринимает его как естественное, а кроме того, сформировавшееся определенным образом общественное мнение позиционирует неудовлетворенного жизнью индивида как неудачника. Навязчивые рекламные образы представляют собой исключительно сексуально привлекательных, гладкокожих, бело-зубых, успешных особей с лицами, преимущественно не отягощенными мыслительным процессом.

Э. Фромм совершенно справедливо отмечает, что от человека отчуждены процессы не только производства, но и потребления. Представляя собой «абстрактную форму труда», деньги могут быть обменены на что угодно, независимо от реальных потребностей их обладателя. Еще раз обратим внимание, что наблюдения автора относятся к середине прошлого века, когда он и предположить не мог, какой степени отчуждения достигнут процессы в наши дни. Здравый смысл, неизбежно порождаемый мыслительным процессом, диктует, что:

«При человеческом способе приобретения нужно было бы приложить усилия, качественно соразмерные тому, что я приобретаю. Приобретение хлеба и одежды зависело бы от единственного основания — что человек живет; приобретение книг и картин — от моего стремления понять их и от моей способности пользоваться ими. Мы не станем здесь обсуждать, как этот принцип можно было бы применить на практике. Для нас важно другое: способ приобретения вещей отделен от способа их использования».

Человек «оказывается устройством, непрерывно что-то поглощающим и исторгающим, внутри которого ничего нет — ни напряжения, ни понимания, не своего Я».

Название данной книги родилось во втором десятилетии этого века, но уже в середине прошлого В. Франкл отчетливо усмотрел признаки наступления новой эпохи — «эпохи экзистенциальной фрустрации, разочарования в жизни». Экзистенциальный вакуум, возникший в результате расширения возможности получения удовольствий, породил ощущение нарастающей скуки. По наблюдениям психотерапевтов количество обращений с жалобами на внутреннюю опустошенность значительно возросло. Коллега Франкла чешский психиатр Освальд Выметал делился соображениями:

«...никакие границы не могут сдержать распространение ощущения бессмысленности жизни, этой современной болезни, которая поражает главным образом молодежь, как в капиталистических, так и в социалистических странах».

Трудно сказать, какого рода проблемы возникали в те годы в чехословацком социуме, но к СССР это высказывание вряд ли применимо. Молодежь соцлагеря всегда «смотрела в рот» Западу, что не удивительно, просто этот рот был значительно ближе к Восточной Европе и быстрее доносил дыхание ассоциаций с джинсами, жвачками, дисками и журнала-

ми семейства «Плейбой». Несмотря на то, что восточноевропейский социализм был гораздо более сытым, нежели союзный, его народам, в силу географического положения, было что с чем сравнивать. Если в СССР уже Прибалтика считалась почти «заграницей», то что уж говорить о Чехословакии или ГДР? События Пражской весны как раннее предвестие перестройки ярко продемонстрировали причины возникновения экзистенциальной фрустрации. Хрущёвская «оттепель» по факту перечеркнула декларацию строительства коммунизма. Жить стало лучше, но веселее отчего-то не стало. Восточная Европа, по факту, строить коммунизм даже и начинать не думала. Идеи социальной справедливости, соборности, коллективизма суть идеи чисто русские, православные. Они не могли найти отклика даже в отколовшихся после революции осколках Российской империи. Потому-то и расползание «большой скуки» началось там значительно раньше. Советский социум 50-х еще не вышел из атмосферы оптимизма, в период формирования вещизма еще не вступил, поэтому актуальность сталинского слогана оставалась высокой.

В 1947 г. на заседании Общества индивидуальной психологии была озвучена мысль:

«Если бы были решены все социальные проблемы, на первый план впервые выдвинулись бы вопросы духа. Человек впервые по-настоящему смог бы задуматься о своей сущности и осознать собственные экзистенциальные проблемы».

Аналогичны и размышления Эрнста Блоха¹⁰⁰:

«Сегодня людям перепала возможность еще при жизни задуматься о том, о чем прежде они думали лишь в смертный час».

Блажен, кто верует... Для Франкла выводы коллег представлялись убедительными, несмотря на то, что в те годы Блох слыл «величайшим из современных утопических мыслителей». Причислять Блоха к утопистам всё же опрометчиво. Хотя он и утверждал, что «дело социализма не может быть уничтожено» и что самый плохой социализм лучше самого хорошего капитализма, но расценивал «реальный социализм» восточного блока более далеким от социализма, чем самый скудный реформизм.

Прошли годы, и мы наблюдаем обратную картину. По мере решения социальных проблем «вопросы духа», напротив, всё дальше задвигаются на второй план.

Изобретенный Франклом термин «воскресный невроз» обозначал состояние человека в конце трудовой недели, характеризующееся чувством пустоты и подавленности, сомнения и утраты смысла и цели в предстоящем отсутствии деятельности. Ни он, ни его коллеги тогда не могли смоделировать ситуацию, когда по мере разрешения социальных проблем

---

¹⁰⁰ Эрнст Блох (1885–1977) — немецкий философ, социолог и публицист неомарксистской ориентации.

в социуме начнет массово распространяться перманентный «воскресный невроз», преодоление которого осуществляется отнюдь не размышлением о целях и смыслах бытия, а прогрессирующим воплощением хайдеггеровского «*map*». Шопенгауэр писал, что человечество пребывает в вечных метаниях между нуждой и скукой. Франкл отмечает, что в его время проблема скуки явно превалирует. Несмотря на некоторый отход от воззрений Фрейда, под влиянием которых формировался его ранний опыт, Франкл указывает на обусловленность сексуальной неудовлетворенности неутоленным стремлением к смыслу, потому что «либидо нагнетается только в условиях экзистенциального вакуума». Надо полагать, что на момент исследований Франкла западное общество еще пребывало в фазе «нагнетания», чего нельзя сказать о дне сегодняшнем, когда массовое либидо явно стремится к угасанию, о чем свидетельствуют пандемические масштабы сексуальных отклонений. Кстати, в этом контексте обнаруживается несостоятельность существования «дивного мира» Хаксли, потому как, что бы ни утверждали различные философские школы, секс остается одной из основных движущих сил общества и угасание либидо есть угасание цивилизации, а когда удовлетворение потребности сводится к теории «стакана воды», то очень скоро выясняется, что жить не очень-то и хочется.

Франкл отмечает, что «экзистенциальная фрустрация чаще всего принимает скрытую, латентную форму». Он приводит пример «синдрома менеджера» — болезнь людей, одержимых карьерой. У них происходит подмена стремления к смыслу стремлением к власти, а часто — и жадной наживы. Франкл пишет:

«Иногда честолюбие порождает и более амбициозные устремления. Как-то раз я занимался лечением одного пациента. Это был самый типичный случай „синдрома менеджера“, с каким мне доводилось сталкиваться за всю мою врачебную практику. В ходе обследования выяснилось, что несчастный работает до изнеможения. Я поинтересовался, почему он так перенапрягается на работе. Человек он был богатый, у него даже был личный самолет, одна беда — самолет был винтовой, а моему пациенту кровь из носа нужен был реактивный».

Редкие паузы такой псевдодеятельности заполняются отнюдь не размышлениями о бренности бытия, а алкоголем, наркотиками, азартными играми и тем же «бессмысленным и беспощадным» сексом, влекущим еще большую опустошенность.

Франкл утверждает, что «стремление постичь смысл человеческой жизни, равно как и сомнения в том, что жизнь имеет смысл, и даже отчаяние, возникающее при мысли о том, что жизнь бессмысленна, — всё это нельзя расценивать как симптомы болезни. Способность задумываться о смысле жизни — это отличительная особенность человека. Невозможно вообразить животное, которое задается такими вопросами. А потому не нужно низводить это самое человеческое из всех человеческих качеств до

уровня обычной слабости, болезненного пристрастия, симптома или комплекса».

Безусловно, такие стремления и сомнения могут быть скорее предвестниками потенциального выздоровления, нежели самой болезни, но беда в том, что болезнью является не сама фрустрация, а состояние, предшествующее ей и к ней приводящее. Нельзя считать психически здоровым человека добровольно уподобляющемуся Сизифу. В утверждении А. Камю о том, что осознание бессмысленности деятельности в сочетании с однозначностью судьбы позволяют представлять Сизифа счастливым, содержится абсурд, вынесенный в название эссе¹⁰¹.

Франкл пишет:

«Я знавал одного пациента, университетского профессора, который обратился в мою клинику с жалобами на то, что ощущение бессмысленности жизни доводит его до отчаяния. В разговоре с ним выяснилось, что он страдает эндогенной депрессией, то есть не психогенным неврозом, а соматогенным психотическим расстройством. Как ни странно, в депрессивной фазе он не предавался раздумьям о смысле жизни, поскольку пребывал в таком удрученном состоянии, что просто не мог ни о чем думать. Подобные мысли посещали его только в перерывах между приступами депрессии! Иными словами, в его случае психическое расстройство и духовное отчаяние были взаимоисключающими состояниями».

В итоге Франкл приходит к выводу, что экзистенциальная фрустрация не имеет ничего общего с болезнью, а представляет собой естественное человеческое устремление наполнить жизнь смыслом, поэтому посыл Камю о смирении перед безысходностью бессмысленности бытия не может никоим образом привести к счастью.

Цивилизация как явление может произрастать только из понимания человеком своей природы и предназначения. Можно предположить, что все неудачи в области построения политических и экономических моделей происходят по причине ложных представлений лидеров о сущности природы человека.

Эксперименты по совершенствованию мироустройства продолжались с переменным успехом на протяжении всей истории, но краеугольный камень в эту кладку заложил все-таки Дарвин. Теория эволюции и происхождения видов объективно логична до тех пор, пока в эту общую кучу не свалили гомо сапиенса, каковое действо поставило жирный крест на несомненных научных достоинствах данного труда. Иными словами, человека загнали в стадо млекопитающих, формируя его в соответствии с законами этого стада. Странно было бы ожидать, что в рамках заданной

---

¹⁰¹ «Миф о Сизифе» (фр. *Le Mythe de Sisyphe*), «эссе об абсурде» — философское эссе Альбера Камю, опубликованное в 1942 г. Считается программным произведением в философии абсурдизма.

концепции прогресс мог пойти по вектору духовного совершенствования. Естественный отбор предполагает право сильного, и если в пределах животного мира он способствует эволюционному совершенствованию, то применительно к человеку происходит нивелирование, а следовательно, деградация и культурный полураспад. Кому-то удобнее думать о себе, что произошел от обезьяны. Дело личное. Но, исходя из реальности прогресса, логично предполагать обратный процесс. «Последний человек» — это не гомо сапиенс, готовящийся стать трансгуманоидом и сделать последний шаг в виртуальность. Это — центральный персонаж фильма Стенли Кубрика «Космическая одиссея» — наш потомок с дубиной в руках, пробующий на вкус сохранившийся диковинный артефакт. Это и будет концом нашей истории. Или началом новой. «Что было, то и будет»...

В августе 1925 г. в Берлине вышла работа С. Л. Франка «Смысл жизни». Кратким выводом из этого объемного труда можно считать два слова: *делать дело*. Именно дело, а не то, что сегодня в буквальном переводе звучит как «бизнес». Кредо автора неоспоримо: если человек родился в этом мире, значит, это кому-то было нужно:

«...по человеческому замыслу и человеческими силами осуществляемая планомерная мировая реформа, освобождающая мир от зла и тем осмысливающая жизнь, и есть то общее дело, которое дарует смысл жизни личности».

Удивительно верно у Франка определение прогресса:

«...возможность человеческого прогресса... достижения или совершенства... определяется внутренним процессом самоочищения и самоопределения».

Отсюда вывод: если человек уподобляется рабу ради накопления богатств и благ внутри мирового исторического процесса, то его собственная жизнь лишена смысла. Он заключает, что «мировая жизнь в целом и наша собственная как единое целое, слитое в единстве со всей мировой жизнью... должно сознаться как вневременное и всеобъемлющее „целое“».

Поскольку на дела по-настоящему великие может вдохновлять человека только *смысл*, категорическое отрицание коммунистической доктрины закономерно подталкивало Франка, так же как и И. Ильина, к приверженности развитию в человеке религиозного чувства как единственного вектора устремленности к смыслу и ценностям духовно-нравственной сферы и духовного роста. Однако под «делом» Франк подразумевал внутреннее перерождение, самоотречение как путь обретения любви к Богу, а через нее и любви к ближнему. В этом он видел не только путь к спасению, но и смысл самой жизни. Спорить с Франком почему-то не хочется, хотя такой взгляд представляется несколько уже затрагиваемой темы, но его убежденность, что только вера способна сохранить человека как *человека*, бесспорна. Он справедливо утверждает, что жизнь в вере означает постоянное предельное напряжение моральных и физических сил:

«...это есть подлинный труд, подлинная борьба, подлинное творчество, в котором мы... творим нечто совершенно иное, небывалое — именно преображенную реальность нашего существа, нового человека».

Сотворение «нового человека» — цель, неоднократно всплывающая во многих идеологических доктринах и религиозных верованиях. Цель, безусловно, заманчивая, а главное — имеющая полное право именоваться целью в самом высшем смысле. Но цель по Франку — это «религиозное внутреннее делание, то есть борьба с самим собой». Коммунисты ставили перед собой такую же цель, и известно, чем это закончилось. Труд, борьба, творчество — всё это требует значительных усилий и самоограничений, а главное — энергозатрат. Процесс разложения, как физического, так и морального, противоположен. Он сладок и приятен, как «дым Отечества», и есть признак возрастания хаоса, а, следовательно — накопления энтропии.

Энтропия — равноправная часть закона. Человек с момента рождения вступает в непрерывную фазу ее накопления, а в процессе последующей жизни, осознанно или неосознанно, пытается ей противостоять. Именно способность извлекать из окружающей среды негэнтропию является мерой и степенью упорядоченности человеческого бытия, его устремленности либо к порядку, либо к хаосу. Индивид, не способный к восприятию негэнтропии, постепенно деградирует и начинает фактически медленно разлагаться. Как бы это ни казалось банально, но классики были правы, усматривая смысл жизни в борьбе. Именно мобилизация духовного и физического потенциала обеспечивает сдерживание возрастания энтропии. Либерализм тем и привлекателен, что по умолчанию поощряет разложение через иллюзорную свободу и безграничное раскрепощение, осуществляя замысел Просветителя. Его коварная ирония в том, что, суля любые блага, «все царства мира», он, будучи «отцом лжи» в принципе, не обманывает в частностях. Он действительно дает, что предлагает, но с небольшим нюансом — он не предупреждает о последствиях. Он даже не использует подленький метод своих современных клевретов-банкиров, вписывающих в договоры «особые условия» мелким шрифтом, но вербально сопровождает соблазн ключевым словом «как»: «...будете *как* боги, знающие добро и зло». С тех пор это «как» не дает покоя человеку в нескончаемых попытках утверждения эго, а вместо стремления к *угодности* им владеет навязчивое желание возведения разного рода вавилонских башен. Просветитель эксплуатирует свободу воли, спекулируя на несовершенстве души. Бог же всегда ставит правильные вопросы: а нужны ли тебе «царства мира» и что ты потом будешь с ними делать?

Поэтому доктрина либерализма, так ловко подкинута уже в который раз в истории цивилизации, без всяких усилий переборолла жертвенные и дискомфортные иные доктрины. Ну не хочет человек бороться с самим собой, и всё тут!

Таким образом, поддаваясь дешевым искушениям, человек утрачивает смысл, а вслед за ним исчезает и цель. С изменением, а точнее — утратой целей цивилизации, переходят в фазу саморазрушения, или, по Л. Гумилеву — субпассионарности. Накопление опыта, знаний, материальных ресурсов стимулирует развитие процессов потребления. Такие процессы есть альтернатива процессам созидания, поэтому требуют необходимого разумного ограничения в рамках демографически обусловленной потребности. Говоря проще — человек ест, чтобы жить, но никак не наоборот.

В данном аспекте выглядит сомнительной теория «антисистем» Л. Гумилева. Если отрицание реального мира с устремленностью в будущее имеет место, то это далеко не упадок цивилизации, а скорее ее возрастная болезнь. И не столь важно к чему она приведет, главное — она предполагает *цель и смысл*. Цель, даже если она ложная, служит неким стимулом к *деланию*. Отсутствие же цели уничтожает сам *смысл* существования цивилизации. Сытость, благополучие, безопасность при отсутствии цели — базисные условия оскотинивания современного социума.

Цивилизация только тогда имеет смысл, когда в первую половину совместной жизни дети учатся у своих родителей, а во вторую половину родители учатся у своих детей. Вопреки общепринятому мнению возраст не прибавляет мудрости. Чаще всего он способствует накоплению заблуждений. Смысл в том, чтобы у детей действительно было чему учиться, и речь не об овладении новомодными гаджетами, продвинутыми технологиями и жаргонообразными терминологиями. Речь о целесообразности бытия. Потому что смысл воздуха — дыхание, воды — утоление жажды, одежды — сохранение тепла, холодильника — производство холода, телефона — прием и передача информации, а всё, что сверх того — от лукавого. Бесконечное облегчение жизни не может быть ее смыслом. Бесконечное облегчение чего-либо имеет итогом его полное исчезновение. В параноидальном стремлении к упрощению жизни современный человек создал для себя такое количество лишних, никчемных и досадных проблем, что жизнь заурядного обывателя 30-, 40-, 50-летней давности кажется сегодня верхом безмятежного спокойствия.

Главный вред, который несут новые технологии, главным образом — цифровые, это не жупел электронного концлагеря, в котором мы уже давно пребываем, а разращение общества в целом и молодежи в частности. Среди вступающих в самостоятельную жизнь сегодня уже не найти тех, кто хочет заниматься производительным трудом. Подавляющая часть молодого поколения устремлена в паразитическую сферу деятельности. Рабочие профессии уже прочно ассоциируются с туземцами. Поэтому демографическую катастрофу русской нации можно считать состоявшейся.

В том, что цивилизация в привычном виде катится к закату, сомнений нет. Явление, получившее название «прогресс», в исторической перспективе оказалось ускорением падения, растянутым на века. Человек

в историческом процессе последних двух тысяч лет остался по своей сути неизменным. Он всего лишь изобрел ряд технических устройств для облегчения своей жизни да сонмище философских учений для самооправдания, и то не известно — он ли был их подлинным автором. А еще человек изобрел Церковь. И если ее изобрел действительно он, то это явилось единственным полезным изобретением, потому что лишь благодаря ему человек всё еще существует на планете. Всевозможные теории общественных договоров служат условиями для оправдания собственных безобразий. Если Церковь человеку дал непосредственно Бог, то она, подобно современной «тюнингованной» девице, сначала придала себе внешнюю привлекательность, а затем вследствие бесчисленных пластических операций искажила свой облик до неузнаваемости. А ведь за тоннами бумаги, испитой святыми отцами, стоят только десять коротких строчек, заповеданных Богом Моисеем и впоследствии прокомментированных Иисусом. Всё остальное — словесная шелуха толкований, которые, по сути, те же самооправдания, главное из которых — свобода воли. Нравится это кому-то или нет, но это понятие может быть применимо к человеку только как индивиду, вне социума. В самом себе он действительно имеет право на безграничную свободу. В социуме же эта свобода не может не быть ограничена властью. Если же оперировать христианскими категориями, где власть от Бога, то и ограничение свободы логично — от Бога. Оставим за скобками лукавство утверждения, но наличие свободы воли в социуме невозможно, неправильно и недопустимо, потому что такая свобода исключает сам смысл социума и смысл любой власти, главная задача и обязанность которой определять цели и их осмысление. Либеральная демократия несостоятельна уже потому, что, сведя к минимуму роль власти, свела на нет осмысление существования и уничтожила его цель. Любой социум без фактора принуждения — броуновская масса. Именно поэтому демократический либерализм вырождается в «демократуру» — явление, гораздо более уродливое и беспощадное, нежели любая из возможных диктатур.

Православный святой, архимандрит Грузинской Церкви Гавриил Самтаврйский (Ургебадзе), отвечая ропоту вечно недовольных, однажды сказал: «Священники плохие, власть плохая, всё плохое... Вы хотели бы, чтобы президентом у вас была царица Тамара, а на приходе служил Николай Чудотворец. Но вы-то сами кто?»

Протоиерей Андрей Ткачев дополняет:

«А еще мы бы хотели, чтобы врачом в поликлинике работал святой Пантелеймон, а на клиросе пел царь Давид или хотя бы Федор Шаляпин. Но, простите, вы в зеркало глядели? А в совесть заглядывали? Со здравым смыслом советовались? Сами-то вы кто?»

И выстраивает о. Андрей интересную аналитическую модель, как то, если бы на приходе служил святой Николай. Очевидно, что сразу же православный люд валом повалит к «угоднику» за чудесами, за милостью,

за помощью и спасением. Но проблема в том, что угодник то он в первую очередь Богу, а не страждущим, от которых потребует того же:

«Потребуется ежевоскресного хождения к литургии. Чего доброго, заведет полноценное всенощное бдение. В смысле — на всю ночь, а на рассвете — литургия. Заставит поститься по уставу, а не так, как мы привыкли, с карасиками. По средам не едим. По пятницам — тоже. Велит Псалтирь наизусть изучить.

Помятуя о знаменитой пощечине Арию, можно предполагать, что иному вольнодумцу св. Николай и „портрет“ испортит. И вообще, всё его неизбежно пламенное служение предстанет перед развращенным и ленивым нынешним христианским сообществом как вызов, мука, обличение и издевательство».

Очевидна истина, что властям на нас плевать, что они не собираются брать на себя ответственность, состояние общества во всех аспектах интересует их постольку, поскольку затрагивает интересы их жизненного пространства. И мы, не щадя живота своего, клянем эту власть почему зря, не утруждаясь вопросами: а сами-то мы кто? Давно ли заглядывали в зеркало и в совесть? Помним ли, что есть здравый смысл? И почему так дешево продаемся на каждом шагу? Нам любая власть не ко двору. Клянем властителей-тиранов, ограничивающих наши свободы и попирающих «общечеловеческие ценности». Клянем «демократически» избранных приверженцев вседозволенности во всех сферах. И при этом забываем посмотреть в зеркало. Нам одинаково неудобна власть как от Бога, так и от Другого. Даже при чтении Евангелия мало кто задумывается над его *вневременным* значением, буквально воспринимая слова Иисуса: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды»*, относя эти слова именно к *тем* временам и к *тем* книжникам и фарисеям и не догадываясь, что слова эти о нас, обо всех ныне живущих.

С начала 90-х мы разделились на обобранное свободой и униженное пренебрежением большинство и сыто урчащее, цинично-равнодушное меньшинство. Тогда еще всем было невдомек, что демократия — это вовсе не власть народа, а власть демократов. Лукавое и алчное меньшинство легко и дешево купило туповатое большинство посулами легкой, красивой, почти праздной жизни, как «у них». То самое меньшинство, которому властители-тираны не давали разгуляться, обеспечивая вполне приемлемое жизненное пространство большинству. Но ни те, ни другие не понимали, что «угодниками», да и то — только на словах, могут быть лишь лукавые оболъстители, а тираны всегда будут требовать и хождений, и бдений, и жития по уставу, а иногда — и постов. Тиран всегда спросит: «Ты что, паршивец, вздумал страну в торговую лавку превращать? Добра хочешь? Помощи требуешь? А потрудиться для Отечества и народа хочешь? Долги отдать, бедным помочь, на защиту от неприятеля встать?»

И возопят сразу воинствующие диссиденты: «Тиран! Душитель свободы! Службы требует, жестокость к нерадивым проявляет, преступников карает! Никакой толерантности». И «пойдет писать губерния» бесконечные воззвания к мировой общественности да иски в международные суды по правам человека. И никто не дает себе труда задуматься, что «тираны» наши взывали к смыслу и вели к цели, а елейные либералы смыслов лишали, а цели упраздняли. Вот уж воистину — князя Владимира на нас нет!

В среде ученых-экономистов существует мнение, что в основу экономических теорий заложена ошибочная «модель человека», потому что большинство этих теорий не работает. Исходя из этого, можно сделать вывод, что причины несостоятельности политических доктрин, социальных моделей, общественных формаций проистекают из той же самой неверной «модели». Изначальная ошибка лежит в основе самоорганизующейся системы, которая по мере развития цивилизации приобретает парадоксальные и уродливые формы. Постиндустриальное общество автоматически формирует постхристианскую цивилизацию, деградирующую и антикультурную.

Основоположник политического консерватизма Жозеф де Местр в 1810 г. писал графу А. К. Разумовскому:

«На человека смотрели как на абстрактное существо, одинаковое во все времена и во всех странах, и для этого нереального существа составляли столь же нереальные проекты государственного устройства; между тем как опыт доказывает самым очевидным образом, что всякая нация имеет то правительство, которого она заслуживает, и что всякий проект государственного устройства — не более, чем мрачная фантазия, коль скоро он не находится в совершенном согласии с характером нации».

А годом позже в памятной записке «О свободе», адресованной, предположительно, графу Н. П. Румянцеву, дополнял:

«Род человеческий в целостности своей пригоден для гражданских свобод лишь в той мере, насколько проникся он христианством. Повсюду, где царствует другая религия, рабство вполне законно, а если христианство ослабевает, нация в точной сему пропорции делается менее пригодной для свободы. <...> Рабство существует в России потому, что оно необходимо, и потому, что Император не может без него царствовать. <...> Ни у какой монархии нет достаточной силы, дабы править несколькими миллионами без помощи религии или рабства или же и того и другого совместно».

И еще:

«Человек, предоставленный самому себе, слишком порочен, чтобы быть свободным».

Было бы несправедливо обвинять в лукавстве постулат о свободе воли, обходя понятие свободы в целом. Если сформулировать коротко, то свобода есть иллюзия в абсолюте, а свобода, за которую ратуют

либералы, — ложь. Преподобный Исаак Сириин писал: «Невежественная свобода есть мать страстей... неуместной этой свободы конец — жестокое рабство».

Профессор А. И. Осипов классифицирует несколько видов свободы.

Метафизическое измерение — свобода воли как самоопределение личности в отношении добра и зла. Именно в этом выражается христианское понимание смысла и значения свободы.

Социальная свобода — внешняя. Это разрешенные законом, обычаями, религией, моралью поступки человека в окружающем мире, или совокупность определенных прав личности в обществе и государстве.

И, наконец, духовная свобода, характеризуемая властью человека над эгоизмом, дурными влечениями, недостойными чувствами и желаниями.

В современном мире понятие свободы сведено исключительно к социальной сфере — свобода слова, печати, религии, выбора, поведения. Либеральная мечта — свобода, ничем не ограниченная. Слава Богу, такого уровня мы еще не достигли, но уже от того, что имеем, становится страшновато. В «свободных странах» моральная деградация достигла катастрофических масштабов и уже необратима. Американский детский психолог У. Бронфенбреннер однажды сказал:

«Когда вы включаете телевизор, вы автоматически выключаете в себе процесс становления Человека».

Статистика свидетельствует, что в США к восемнадцатилетнему возрасту человек уже становится свидетелем 150 тыс. сцен насилия, из которых 25 тыс. — убийства. Думается, российские цифры ничуть не меньше. Это и есть свобода в либеральном понимании, и ложь ее в том, что происходит циничная подмена идеи духовной свободы — свободы от зла — идеей альтернативной — свободой разного рода низменных страстей. Такая «свобода ради свободы» очень быстро превращается в мощнейший наркотик. Становясь самоцелью, она уничтожает духовную свободу личности, превращая человека в раба. Это — один из классических перевертышей Просветителя. Профессор А. Осипов пишет:

«Теперь мы сталкиваемся с третьей реальностью, которая не вписывается в рамки ни советского атеизма, ни тем более религии. Это уже проявления действительно откровенного сатанизма. Откуда берутся его адепты? Кто они, получившие право свободно убивать в России души людей?»

Вопросы риторические. Эти адепты ежедневно мельтешат на экранах телевизоров, выключая в нас «процесс становления Человека».

Алексей Ильич обращает внимание на весьма любопытный факт:

«Христос и Его ученики ни разу не выступили против режима тоталитарно-бесправного государства, в котором они жили. <...> И вызывает удивление, что ни Он Сам, ни его апостолы не только не выразили никакого протеста против существовавшего вопиющего нарушения прав че-

ловека, но и призывали повиноваться господам и служить им не за страх, а за совесть, как перед Богом. <...> Они говорили: „Посмотри человек, что в тебе. Можешь ли ты не завидовать, не лгать, не жадничать, не ненавидеть, не тщеславиться, не гордиться? Нет? Так знай, пока ты будешь оставаться таковым, никакие внешние свободы не принесут тебе добра и счастья ни в этой жизни, ни в вечности“».

В одном из интервью наш записной либерал А. Макаревич поведал, что примерно 80 % человечества – идиоты. Скорее всего, он прав. Но, вне всякого сомнения, к оставшимся 20 % он причисляет себя и своих духовных соратников. В этом он, скорее всего, не прав. Было бы неплохо смоделировать такую гипотетическую ситуацию, при которой эти 20 % образовали бы свой отдельный от остальных социум, учредили свои законы и институты да и зажили бы своей свободной, счастливой жизнью. Облик модели очевиден. Их свобода с неограниченными страстями и толерантностью породит абсолютное духовное, а затем и социальное рабство. Мы, те самые 80 % умственно неполноценных индивидов, уже сегодня испытываем на своей шкуре результаты деятельности «избранных», но наша неполноценность хоть как-то сдерживает их благие порывы. Английский историк Т. Карлейль в книге «Прошлое и настоящее», вышедшей в 1843 г., писал:

«В конечном счете, каждое правительство есть точный символ своего народа с его мудростью и неразумием; мы могли бы сказать: каков народ, таково и правительство».

Именно поэтому пенять на власть глупо. Отношение власти к нам и наше отношение к власти ярко иллюстрирует известный исторический факт в ранге анекдота.

Однажды в кабаке пытались урезонить разбушевавшегося пьяного солдата Орешкина. Кто-то из собутыльников, указывая на висящий портрет Александра III, сказал: «Ну, что же ты! Император ведь смотрит!» Орешкин же незамедлительно парировал: «Плевать я хотел на государя императора!»

Солдата арестовали. По законам тех лет ему грозила каторга. Но когда с делом ознакомился император, то распорядился Орешкина гнать взащей, дело закрыть, портретов в кабаках более не вешать. И добавил: «А Орешкину передайте, что я тоже на него плевал».

В этой короткой истории заключена суть исконных взаимоотношений власти и общества в России, поэтому что уж на зеркало пенять!

Человек вправе как угодно относиться к Церкви и вере в целом, но элементарный здравый смысл предполагает признать за православием несомнительную духовную и интеллектуальную *целесообразность*. Только эта целесообразность в ранге *ценности* вправе считаться *общечеловеческой* в противовес признанным ныне псевдоценностям. А. И. Осипов констатирует, что именно православие видит истоки всех современных проблем в духовном рабстве:

«Оно утверждает, что человека исцеляет, возвышает, совершенствует не свобода говорить, писать, показывать, творить и вообще делать всё, что он хочет, а свобода духовная: свобода от насилия греха, живущего в душе, приобретаемая на пути борьбы со своим эго, с самим собой. Эта свобода не дается внешним путем. Она — ценность, которую человек не может получить извне: от президента, Государственной думы, закона, которые даже от коррупции не могут освободить, а от алчности и зависти и не собираются».

Преподобный Варсонофий Великий говорил: «Хороша свобода, соединенная со страхом Божиим», а Митя Карамазов с ужасом и изумлением обнаруживал, что «если Бога нет, то всё позволено». Самонадеянная гордость атеистов и воинствующее беснование либералов не позволяют им понять всю степень собственного порабощения. Профессор Осипов пишет об объективной оценке каждым человеком того состояния, в котором он находится:

«Это состояние глубокой духовной болезненности, пораженности страстями. Человек постоянно страдает от них и тем не менее не хочет этого видеть. Но болезнь, которую не видишь, лечить не будешь! Поэтому первое и главное, на что обращает внимание православие, это необходимость увидеть свои духовные болезни, увидеть те страсти, которые раздирают душу, чтобы начать их излечение. Православие придает этому видению исключительное значение и утверждает, что без понимания болезненности своего состояния невозможно никакое духовное развитие человека».

Никакие внешние свободы не могут избавить от духовного рабства, и только православие пока еще сохраняет средства исцеления и освобождения. Важно понимать, что это не только (и не столько!) имеет отношение к религии, а более — к здравому смыслу и элементарной *человеческой (!)* логике. Здесь же кроется и простой ответ на сакраментальный вопрос о смысле жизни: «Ем для того, чтобы жить, но не живу ради того, чтобы есть». Иными словами — не хлебом единым...

Российская культурная «отсталость» с точки зрения Запада действительно имеет место, потому что «Закат Европы» констатировал еще Шпенглер в 1918 г. Их мировоззрение стало не просто атеистическим, но в значительной степени языческим. Конфессиональная идентификация трансформировалась в формальное и ничем не наполненное обозначение традиции.

Мало кто задумывается о том, что образ мышления атеистов первобытен. Советская школа учила, что религия возникла как результат страха человека перед *природой*. Правильно учила. Атеисты утверждают, что Бога нет, а есть законы *природы*, в которую они не просто верят, а имеют возможность лицеизреть ежесекундно, то есть *знают*. Следовательно, вопрос веры перед ними не стоит, тем более что они верят в несущество-

вание Бога. Налицо первобытный образ мышления и терминологическая казуистика: то, что верующий называет Богом, атеист обозначает *природой*. Поэтому атеистов не существует. Атеизм есть пещерная гордыня неразвитого сознания. Относиться к религии можно как угодно, но не вызывает сомнений, что вера *гарантирует* смысл человеческому существованию и тем самым выделяет человека из стада остальных млекопитающих, в которое его загнал Дарвин. В сочетании со второй отличительной чертой — совестью представитель вида «гомо сапиенс» может считаться полноценной личностью.

Либерально-демократические «общечеловеческие ценности» создали в мировоззрении пустоту, заполненную суетой, а поскольку «природа» не терпит пустоты, то вакантные места заполняются суррогатом духа под девизом: «Бери от жизни всё! Ты этого достоин!»

Удивительно, как инстинкт самосохранения трансформировался в программу саморазрушения. Без излишних углублений в основы теории Дарвина сегодня можно наблюдать ее полную несостоятельность. Если бы человек был частью вышеупомянутого стада, то он развивался бы в согласии с естественными законами биоценоза, в которых не существует программы саморазрушения. Да и накопленный исторический опыт с многовековым багажом знаний повернул вектор развития в неожиданном направлении, чему способствовало кардинальное изменение жизненных ориентиров. А всё дело в том, что во всем многообразии биоценоза не предусмотрено такое явление как самоцель потребления. Подобная цель не могла быть поставлена ни Богом, ни гипотетической природой, а значит, она исходит от Другого.

Сегодня уже очевидна лукавая подоплека декларируемой свободы. За потёмкинским фасадом лозунга «Бери от жизни всё» таится тотальное порабощение воли соблазнами и страстями обладания. Лишить человека свободы воли открыто, не вызвав сопротивления, трудно. Но, оказалось, его предельно просто купить комфортом, безопасностью, удовольствиями в сочетании с культивированием страха перед возможностью утраты иллюзорных даров цивилизации. Двадцать лет назад, напуганные жупелом полумифического Бен Ладена, американцы одновременно отказались от основополагающих принципов гражданской свободы. Уже сегодня отслеживающие дроны над головой воспринимаются как само собой разумеющееся, и никому даже не приходит в голову такая очевидная и социально полезная забава, как охота на них.

Вот так, подостро, протекает и развивается заболевание под названием *накопление энтропии*. Рабочий день, начинающийся, как правило, ближе к полудню, заполненный утомительной, контрпродуктивной и, по большому счету, бесполезной, а то и паразитической деятельностью, переходит в короткий вечер, не оставляющий ни времени, ни желания на сколько-нибудь интеллектуально-духовные занятия, но заполненный

мечтами о грядущем уик-энде, традиционно посвящаемом развлечениям, умственно необременительным. А. Шопенгауэр предметно рассматривал ту внутреннюю пустоту личности, «которая служит истинным источником скуки». Эта пустота характерна отсутствием брезгливости в выборе досуга:

«Главным образом этой внутренней пустотой и объясняется погоня за обществом, за всякого рода развлечениями, удовольствиями и роскошью. <...> Но что же дает большинству людей досуг? Его заполняют скука и пустота, когда нет чувственных наслаждений или дурачеств. <...> Обыкновенные люди думают только о том, чтобы *провести* время; у кого есть какой-нибудь талант, те хотят *использовать* это время».

Но, как сказал кто-то из острословов, «время не проведешь!» Склонность к скуке есть свидетельство ограниченности, когда «интеллект служит исключительно только *посредником мотивов* воли». Такими мотивами служат, в частности, разного рода игры. В качестве остроумного примера автор приводит пристрастие к карточной игре, которая, по его мнению, является «мерилом ценности общества и признанным банкротством мысли. В самом деле, так как у людей нет мыслей, которыми бы они могли обмениваться, они обмениваются картами, стараясь отнять друг у друга гильдены».

Показательно и деморализующее влияние подобных развлечений:

«Дух игры заключается именно в том, чтобы всячески, всеми хитростями и уловками выиграть у другого его деньги. А привычка поступать так в игре укореняется, проникает в практическую жизнь, и человек постепенно приходит к тому, что точно так же действует в вопросах о моем и твоём, считая дозволенной всякую попавшую в руки выгоду, только бы она не запрещалась законом».

«Невежественная свобода» или свобода в невежестве суть продукт деятельности лимбической системы мозга. Лимбическая система — реликтовая система, управляющая инстинктами, выраженными в эмоционально-гормональных формах поведения. По сути — это комплекс древних центров, инстинктивных форм, связанных с выживанием и размножением, то есть система, обеспечивающая биологическую целесообразность. Это — своего рода эмоциональная система «быстрого реагирования», настроенная на потребление, избегание опасности и дискомфорта. В свою очередь, за сознание, мышление и любую интеллектуальную деятельность отвечает неокортекс — основная часть коры больших полушарий. Она осуществляет высший уровень координации работы мозга и формирования сложных моделей поведения. У человека неокортекс занимает 80% объема мозга, что, собственно, и отличает его от других млекопитающих. При бездействии коры, мозгу требуется лишь 10% энергии, а при ее включении — до 30%, поэтому не напрягаться умственно и физически инстинктивно приятно. В тех случаях, когда лимбическая система пре-

валирует, кора головного мозга фактически отключена, что способствует выработке эндорфинов. Название этой группы полипептидных химических соединений говорит само за себя (*др.-греч.* — «рожденный внутри» + морфины). Воздействие эндорфинов сходно с воздействием опиатов. Они способны уменьшать боль, притуплять чувство страха, поднимать настроение вплоть до эйфории. Назначение этого природного «гормона радости» — служить подушкой безопасности для нервной системы.

Лимбическая властность неукоснительна тем, что ее назначение — спасение жизни носителя и его продолжение в передаче генов следующим поколениям. Казалось бы, всю эту «энергию, да в мирных целях», но проблема в том, что инстинкт самосохранения, порождающий эмоцию тревоги, неизбежно сменяется расслаблением. Таким образом, борясь за жизнь, человек преодолевает энтропию, а расслабляясь, энтропию увеличивает. Энтропия, по своей сути, есть распад, разложение, хаос. Расслабление, отдых, лень — все эти антидействия в итоге порождают скуку, жаждущую удовольствий и наслаждений, экспоненциально возрастающих. Если противодействие коры минимально, то единственное, на что способна рассудочная функция, — это поиск самооправданий в потакании соблазнам. Поскольку реликтовая система не оперирует такими духовными категориями, как нравственность, то начинается процесс прогрессирующего разложения, выраженный в девизе «живем один раз, бери от жизни всё».

Эксперименты, проведенные над крысами, показали, что стимуляция центров удовольствия электрическими импульсами понуждала их забывать о еде и питье, проделывая запланированные экспериментаторами трюки. В итоге подопытная крыса, быстро научившаяся самостоятельно замыкать электрическую цепь, начинала проделывать это бесконечно, пока не подыхала от нервного истощения.

Но человек освоил воздействие на центр удовольствия собственной лимбической системы и без посторонней помощи. Наркоман или алкоголик, подобно подопытной крысе, в учащающемся алгоритме раз за разом нажимает на гипотетическую кнопку. При этом выработка природных эндорфинов прекращается, а все естественные удовольствия становятся не интересны. Итог чаще всего аналогичен участи крысы. В случае прерывания искусственной стимуляции центра удовольствий при отсутствии выработки эндорфинов наступает «синдром отмены», выраженный в разных формах психического и физического дискомфорта: депрессии, тревожности, раздражительности, ломке.

Таким образом, интеллектуальная деятельность тем более дискомфортна, чем менее развит неокортекс. Для многих детей наступление школьного возраста — серьезный стресс. Проходит беззаботная пора игр и развлечений. Утром — в школу по будильнику, потом — домашние уроки. Учителя требуют, родители не позволяют отлынивать, досуга становится всё меньше. Нерадивые со временем пополняют ряды маргиналов.

Прилежные и послушные осваивают необходимый минимум и вливаются в преобладающий слой обывателей. И лишь тонкая прослойка одаренных в течение всей жизни не прекращает духовного и интеллектуального совершенствования. Качество социума тем выше, чем многочисленнее эта прослойка, способная формировать цели и формулировать смыслы. Но вся проблема в том, что во власть способны войти лишь индивиды из средней категории, потому что «низшие» не могут, а «высшие» не хотят.

Когда сегодня начинают рассуждать о бездуховности, отсутствии нравственных ориентиров, утрате национальной идеи и тому подобных материях, списывая всё на повсеместное насаждение неолиберальных доктрин, хочется напомнить рассуждающим, на каких базовых установках воспитывались они сами и затем воспитывали своих детей. То есть по оглашению всё было правильно, как в книжках советских писателей, а по умолчанию (да и не только) — прямо противоположное. Отстаивание принципов, рубка правды-матки, плавание против течения и плевание против ветра — всё это приветствовалось декларативно, а практически квалифицировалось как крамола, диссидентство или откровенная глупость. Таким образом, формировалась двойная система ценностей, причем возлагать всю вину на идеологию (по расхожему определению диссидентствующих псевдоправозащитников — лживую) — либо скудоумное упрощение, либо сознательное шельмование. Сама по себе идеология (любая) не может быть лживой, не может быть правдивой. Идеология — это всего лишь предлагаемая парадигма. Хороша она или плоха — каждый решает для себя сам. Коммунистическая идеология с объективной точки зрения — всего лишь наивный идеализм, а вот практическое ее воплощение целиком и полностью на совести толпы. Именно толпы, но ни в коем случае не отдельно вождей. Прежде всего, потому, что вожди — плоть от плоти этой толпы, и мыслительный процесс у них формировался на тех же принципах, а вот претворение в жизнь идеологических установок реализовывалось исключительно толпой и исключительно в тех формах, которые были для нее наиболее приемлемы. Таким образом, вожди, с течением времени сформировавшие псевдоэлиту, шли за толпой, и никоим образом — не наоборот. Толпа не просто заслуживает ту власть, которую имеет, она ее сама и создает.

Любую индивидуальность, неординарность, исключительность подавляла и пресекала в первую очередь толпа, но не власть, которая лишь шла за толпой, и начиналось это с семьи, детского сада, школы. С младенчества нас приучали не пререкаться с родителями, воспитателями, учителями. Уважать старших означало, в первую очередь, безропотно принимать их систему ценностей, не рассуждая и не возражая. Примерное поведение в школе — это поведение, адекватное для общей массы. В Советской армии отличником боевой и политической подготовки мог стать лишь безропотно исполнительный и лично преданный командиру

солдат, даже если он плохо физически подготовлен, неважный стрелок и ненадежный товарищ. А вот физически развитый, умелый, совершенный в боевом отношении, но дерзкий на язык и бегающий в самоволку всегда зачислялся в ряды нарушителей, разгильдяев и вообще потенциальных врагов. Именно поэтому система выталкивает наверх личностей со вполне определенным набором качеств, что мы и видим во всех властных структурах. Это — почти закон физики: что на дне, а что плавает на поверхности и не тонет. Поэтому пенять на направление радений народных избранников и вообще управленцев — дело бесперспективное. При стабильном состоянии системы в ее нынешнем виде будет только так и никак иначе. Совокупное функционирование всех элементов системы будет обеспечивать ее неизменность. Истоки проблемы — в головах. С детства в нас закладывали алгоритм поведения, продуктивного в конкретной среде. Кто, как правило, адекватен вектору продвижения наверх? Покладистые, бесконфликтные, лично преданные, умеющие себя подать, способные угодить, умеющие быть полезными, беспринципные и т.д., и т.п. Поэтому на выходе мы всегда имеем одно и то же. Пока в головах не сменятся приоритеты, система останется неизменной, и поверхность, изначально чистая и зеркальная, будет изгажена всплывшими представителями приспособленцев. И проблема не в персонах. Проблема в системе. Законодателей выбирали мы сами, и выбирали, как артистов кино: нравится — не нравится. Выбирали тех, кто играл положительные роли наиболее убедительно. Уже четвертый десяток лет русских людей водят по пустыне либерализма. Для новых поколений она стала естественной средой обитания. Просветитель успешно применил испытанный метод Моисея.

Поэтому, наверное, стоит прислушаться к совету А. Ткачёва — заглянуть в совесть, посоветоваться со здравым смыслом и внимательно, не пеняя, посмотреть в зеркало. Но делать это нужно регулярно, как утреннюю гимнастику, как молитву, и тогда, может быть, через несколько поколений нам вдруг покажется недостаточно вкусной еды, комфортного жилья, материального благополучия. Тогда, может быть, возникнет потребность в каких-то истинных смыслах, да и власть приобретет иное качество — то, о котором писал И. Ильин:

«Обычно „демократию“ как правление людей „излюбленных“ и выбранных народом и „аристократию“ как правление людей „наследственно привилегированных“ противопоставляют друг другу. Это есть ошибка, которую надо понять и отвергнуть. Она есть порождение политических страстей, демагогии и ожесточения. Править государством должны лучшие люди страны, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов.

...Можно было бы добавить к этому и другие качества, но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к „лучшим“ человека

жадного, продажного, интернационалиста, бесчестного, лишённого государственного разума и опыта, безвольного глупца или наивного невежду. <...> *Всякий режим плох, если при нем правят худшие.* <...> *Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть».*

Лучший и, как всегда, не осмысленный пример российской истории — демократия вечевого Новгорода середины XIII в., этого гордого, заносчивого, вольнолюбивого города-государства, погрязшего в корпоративной борьбе и глубочайшем сословном расслоении и всегда готового поступиться принципами ради наиболее привлекательных барышей. Новгородский демократический бунт 1255–59 гг. Александр Невский умиротворил отрубленными носами и выколотыми глазами, резонно мотивируя, что «тем, кто не видит очевидных истин, глаза не нужны».

Вся проблема в том, что демократия как система культивирует именно таких, о которых говорилось выше. Ильин считал, что эти «лучшие» выходят «из государственно воспитанных и через поколение образованных слоев народа». Но условно «государственно воспитанные» не смогли осмыслить и адаптировать к себе интеллектуальное бремя идеологии, «образованные через поколение» оказались достойными меткого эпитета Солженицына — «образованщина». И проблема эта не одной только России. Интеллектуальное ничтожество нынешних западных лидеров — бесспорное тому подтверждение. После 70–80-х гг. прошлого века деградация элит идет по нарастающей, в полном соответствии с законами действующей системы, потому что либерализм в развитии — это не просто накопление энтропии, но эйфория свободного падения с полным забвением существования парашютного кольца. Так лягушка, нежась в медленно нагревающейся воде, не замечает, как постепенно превращается во французский деликатес. Так лимбическая система при не развитом неокортексе вместо спасения индивида удерживает его в среде сладко-тлетворного разложения. Либералы твердят, что до их уровня понимания бытия нужно дорасти, на деле же очевидно, что до их уровня можно только упасть, как упал современный Запад, погрязший в нескончаемых либералиях разномастных трансгеев.

Сама собой рассосавшаяся коммунистическая доктрина никак не предполагала некоего абстрактного счастья. Она предполагала именно то, о чем в предельной простоте писал Шопенгауэр:

«Для счастья человека необходима работа — он должен чем-нибудь заниматься, что-нибудь, где можно делать и, во всяком случае, чему-нибудь учиться: его силы требуют себе применения, и ему хочется видеть какой-либо результат от этого применения. Наибольшее удовлетворение в этом отношении получается, однако, когда мы что-нибудь *делаем*, изготавливаем, будь то корзина, будь то книга: наблюдать же, как то и другое произведение с каждым днем растет под нашими руками и, наконец,

достигает завершения — это непосредственно делает нас счастливыми. Так бывает с художественным созданием, с книгой, даже с простой ручной работой; само собой разумеется — чем благороднее вид произведения, тем выше и наслаждение. <...> Делать усилия и бороться с препятствиями является для человека такой же потребностью, как для крота рыть землю. Бездействие, порожденное абсолютным довольством длительного наслаждения, было бы ему невыносимо. Преодоление трудностей — вот истинное наслаждение его бытия: будут ли эти трудности материально-го свойства, как в практической жизни, или духовного, как при изучении и исследовании — борьба с ними и победа приносит счастье».

Иными словами — «Дело нужно делать, господа. Дело». И будет вам счастье. Вот только в засилии англицизмов это хорошее русское слово приобрело совершенно иной смысл. Эпоха утраченных смыслов вполне могла бы именоваться эпохой перевернутых смыслов, поскольку исчезло понимание, что человек, плетущий корзины, сколачивающий табуретки, выращивающий хлеб и картошку, пишущий правильные книги, социально полезен и необходим, в противоположность какому-нибудь топ-менеджеру любого уровня, способному лишь на массовое производство шаманских символов на мониторе.

Смотрясь в кривое зеркало современности, необходимо помнить: «Всё, что видим, что слышим, — не то, чем кажется».

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА?..

В последние времена войдут во многих людей духи зла, суть прелюбодеяние, блуд, мужеложство, убийство, хищение, воровство, неправда, продажа и покупка людей, покупка мальчиков и девочек для блуда с ними, подобно псам на улице. От усиленного напряжения и крайней энергии погибнет природа человеческая в людях. Они станут лукавы по душе, деяниями своими превзойдут демонов.

Нил Мироточивый

*Dura lex, sed lex*¹⁰².

Никто не знает, что такое Бог. Кому-то он представляется благообразным старцем, скорбно вззирающим на нас из-за облака или бесплотным духом, носящимся по Вселенной и учиняющим в ней одному Ему понятный порядок. А кому-то Он приходит в образе бабушки, осеняющей внучат перед сном крестным знамением.

Никто не знает, что такое дьявол. Может быть, он — жуткое чудовище с рогами, хвостом и огненно-пылающим взором. Или он — восхитительная красотка, одного взгляда которой достаточно, чтобы толпы обезумевших самцов бросились друг на друга в иступленной жажде взаимоуничтожения. А может быть, он — группа уважаемых джентльменов, вальяжно расположившихся за огромным музейным столом викторианского особняка со стаканами двадцатилетнего виски и дорожными сигарами.

Как Бог, так и дьявол вполне могут не быть персонифицированы. Они — в помыслах, деяниях и их последствиях.

На самом деле всё, что изложено в этой книге, к религии имеет крайне малое отношение. В ней также множество страниц бесполезного в практическом отношении текста, потому что в его развитии так и не родился

¹⁰² Суров закон, но закон (лат.).

ответ на главный вопрос. И всё же, не написав всё предшествующее, невозможно было бы обосновать предельно короткий еретический вывод: *В Бога необязательно верить*. Он в этом не нуждается, как не нуждается и в нашей любви к Нему, как к тому призывает Церковь, утверждающая, что «Бог есть любовь». Утверждение верное в своей глубинной сути, но не объясняющее главного: как можно любить нечто, о чем не имеешь ни малейшего представления? Вера — это некая субстанция, висящая в пространстве, поэтому она в определенный момент и при определенном воздействии может пошатнуться, даже рухнуть. Знание же всегда базируется на прочном фундаменте, а потому непоколебимо, но при этом необходимо помнить, что оно может быть ложным. Исходная проблема цивилизации в том, что стремление к пониманию замысла Бога заменили верой в Него. Если исходить из посыла, что всё есть *замысел*, то Бог есть, прежде всего, олицетворение и гарант *смысла*. Зло смысла не имеет. Смысл имеет только добро, а квинтэссенция добра — любовь. Именно (и только!) поэтому возможно утверждение, что Бог есть любовь. Из того же посыла исходит вывод, что Бог есть *закон*, давший нам законное право свободы выбора в виде свободы воли.

Вопрос веры имеет двоякое значение: верите ли вы *в Бога* и верите ли вы *Богу*? Ответ на вторую половину вопроса однозначен: а есть варианты? Ведь если в штате Индиана число пи равно 4, то с таким же успехом можно усомниться, что $2 \times 2 = 4$, однако таблица умножения от этого не страдает.

Сейчас, когда на планете воцарилось безумие коронавируса, некоторые «оптимисты» рассуждают об уроках Провидения для человечества, не желая понимать, что Бог никого никогда не наказывает; так думать — значит страдать манией величия. Разумнее расценивать эту напасть как явление промыслительного ограничения глобализационных процессов, противоречащих здравому смыслу и Замыслу. Но человечеству не впрок никакие уроки — «что было, то и будет». Исчезнет вирус или останется навсегда с нами — всё пойдет прежним курсом. Человечеству может помочь только полное обнуление. Нужен очередной Моисей, который очередные 40 лет будет водить по пустыне Земли выживших (и буквально, и из ума) рабов мамоны, чтобы они, полуголодные, в смене поколений постепенно забыли о былом рабстве и начали строить какой-то новый мир. Но не факт, что они построят что-то, отличное от прежнего, потому что нельзя отменить съеденное Евой яблоко, как и нельзя вернуть к жизни убитого Авеля. Возможно, для нового мира нужна новая Ева и Каин, не подвластный греху зависти.

У старины Фрейда, как и у многих сумасшедших, иногда случались проблески гениальности:

«Массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых не могут жить».

«Истина делает вас свободными» — пожалуй, главная и всеобъемлющая мысль на правах заповеди. Истина для человека — закон Божий. В закон не нужно верить, его нет нужды любить, его необходимо исполнять, он и есть осознанная необходимость. Большинство законов социума неоднозначно, часто противоречиво. Они сопровождаются множеством подзаконных актов, допускающих ту или иную трактовку. Но в любом законодательстве буква закона должна соотноситься с его духом.

Часто ли законы социума соотносятся с законом Божьим? Ныне действующие процентов этак на 80 расходятся с христианскими установлениями. Законы пишут законодатели, избранные нами, то есть фактически — мы сами. Те законы, которые противоречат законам Бога, мы в моральном праве не исполнять. Но в таком случае последует юридическое воздаяние, сетовать на которое глупо, так как мы нарушаем законы, нами же установленные. Данная нам Свыше свобода воли позволяет не исполнять законы Божественные. За это предполагается воздаяние в будущей жизни, а там уже сетовать будет не на кого.

Декарт пришел к парадоксальному выводу, что существо совершенное не могло создать несовершенного человека, а вся проблема в том, что человек никак не может согласовать критерии разума со свободой воли. И в чем же тогда совершенство человека как творения совершенного Мастера? Оспаривать или сомневаться в совершенстве Творца нелепо, потому как Его не с кем сравнивать. Остается единственный вывод: *творение Мастера именно таким и было задумано*. Именно в таком сотворении и был смысл, неведомый и нами не постижимый.

Моисеевы скрижали предельно конкретны и понятны. Казалось бы, к ним нечего прибавить и нечего отнять. Именно такими видятся идеальные основные законы социума, например — конституции государств. Закон, идеальный для исполнения, должен быть подобен удару топора, то есть не предполагать ни двоякого толкования, ни комментариев, ни поправок, ни дополнений. Закону социума необходима простота, категоричность, а главное — краткость. Такой закон должен быть доступен для понимания каждому члену общества с момента осознания им себя как личности, таким, каковы заповеди, данные Моисею.

Социум не может существовать без законов. Но законы социума создаются самим социумом. Самый простой закон — запрет переходить улицу на красный свет. Вряд ли найдется кто-то, кто оспорит его целесообразность. Но построим модель: ночь, пустые улицы, на пустом со всех сторон перекрестке стоит одинокий пешеход и дожидается зеленого сигнала светофора. Он законопослушен, но — очевидно смешон. Теперь представим другого пешехода в такой же ситуации, но оглядевшегося по сторонам и уверенно перешедшего улицу на красный свет. Это действие зафиксировала одна из вездесущих ныне камер наружного наблюдения. Личность нарушителя идентифицировали, и на следующий день он по-

лучил уведомление для уплаты штрафа. Справедливо ли это? Безусловно. Закон есть закон. Если некий закон откровенно идиотский, каковых сейчас в избытке, следовать ему и исполнять его — значит признать себя идиотом. Стоять на пустом перекрестке и, подобно собаке Павлова, дожидаться включения зеленой лампочки — идиотизм. Но если нарушаешь идиотский закон и получаешь соответствующее воздаяние — нечего пенять на закон — получаешь то, на что заведомо шел. Если закон идиотский или аморальный, то нужно всеми возможными способами уклоняться от его исполнения, зная при этом, что последующее наказание следует принимать без ропота, как должное. Исполнять же идиотский или аморальный закон без риска ответственности есть аморальный идиотизм.

Законы пишут люди. Они создаются чаще всего в интересах определенной группы или группировки. Иногда законы цинично лукавы, иногда не проработаны, иногда банально глупы. Законы соответствуют уровню социума их создающего. Могут ли законы Бога быть хотя бы несовершенны? Глупый вопрос.

Соблюдение закона Божьего на сегодня — единственный путь сохранения в человеке человеческого начала. Наличествующие государственные законы — антихристианские, а следовательно — античеловеческие. Соблюдая их, мы идем против совести. Поскольку, как уже говорилось, нынешняя власть от нас, то нет сомнения в содержании того, что внутри нас. Таким образом, «кесарю кесарево» приобретает дополнительный смысл, поясняя, кому мы на самом деле служим.

Русская национальная традиция всегда предполагала, что законно только то, что справедливо. Отсюда и распространенное мнение о пренебрежении русского человека законами. Если судья выносит приговор в соответствии с законом, но вопреки совести, значит, такой судья лишен совести, а как человек, лишенный совести, может быть судьей? В то же время закон, не отвечающий принципам справедливости, не может считаться благословенным. Западная либеральная модель вообще не оперирует понятием «совесть», поэтому у них то, что законно, то и справедливо. Поскольку законы всегда создаются в интересах определенных групп и систем, то и отечественное законодательство ничуть не лучше западного. Читая К. Леонтьева трудно абстрагироваться от мысли, что пишет наш современник:

«Государство держится не *одной свободой* и не *одними стеснениями и строгостью*, а неуловимой пока еще для социальной науки *гармонией* между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой — той *реальной свободой лица*, которая возможна даже и в Китае при существовании *пытки*... „Не делай того, что запрещено, если боишься пытки... А если не боишься — как знаешь“. Этот выбор возможен был во все времена, и *люди действительно выбирали*... Если можно жить и действовать при подобных условиях, то как же было бы не жить и не действовать спокойно при *учреждениях новых* и столь мягких?.. Однако мы

видим, что *нигде* люди на этих мягких учреждениях *остановиться* не могут, и всё *цивилизованное* человечество теперь несметной толпой стремится в какую-то темную бездну будущего... бездну незримую еще, но близость которой уже на всех мало-помалу начинает наводить отчаяние и ужас!..»

Удивительны капризы исторической спирали. Четыре с половиной века тому назад Иосиф Волоцкий отстоял свою позицию в борьбе с ересью жидовствующих, чем навлек на себя необоснованные обвинения Бердяева в жестокости и садизме. Без малого век тому назад другой Иосиф отстаивал практически ту же позицию, с теми же результатами и аналогично навешенными ярлыками. История повторяется, но ничему не учит. Приверженцам «общечеловеческих» ценностей во все века были глубоко противны ценности истинно духовные. Разработанная Волоцким модель сотрудничества церковной и государственной власти опиралась на византийский принцип «симфонии властей», восходивший к императору Юстиниану I, впервые ее сформулировавшему. Будучи во многом яростным критиком самодержавной власти, преподобный сумел разработать теорию мощного государства, призванного и способного противостоять различным ересям. Безусловно признавая божественную природу власти, он тем не менее пишет:

«Царю следует воздавать только царские почести, но не божественные, и служить лишь телом, но не душой. Государь, отпадающий от Божьей правды и допускающий беззакония — есть тиран, над которым царствуют скверные страсти и грехи».

Еще раз вспомним: «Несть бо власть, аще не от Бога...»

Преподобный не отличался от прочих христианских мыслителей в части божественного происхождения верховной государственной власти, но был убежден, что царь остается всего лишь человеком: «Царь убо естеством подобен всем человеком, властью же подобен есть Вышнему Богу». Поэтому, если носитель власти не подчиняет свои личные страсти божественному предназначению, то такая власть может и должна быть отвергнута.

Страшась революций, часто повторяют, что нельзя разрушать фундамент государства. Но иногда его разрушать не только позволительно, но и необходимо. Нельзя разрушать фундамент общества, а таким фундаментом была и остается Церковь, и если он существует и прочен, то на нем можно выстроить достойное государство.

Волоцкий полагал основной задачей власти обеспечение наибольшего блага подданным, главное из которых — Царство небесное, иными словами — спасение и сохранение душ. Он не допускал разделения единства божественных заповедей и правовых норм государства. Осуществление верховной государственной власти виделось ему не столько в правовом, сколько в религиозно-нравственном аспекте:

«Вам же подобает приемыши от Вышняго повеления правления человеческого рода Православным Государем Царем и Князем не токмо о своих пе-

щися и своего точию жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасти и соблюдати стадо его от волков невредимо, и боятися серпа небесного и не давати воля злотворящим человеком, иже душу с телом погубляющим, скверныя, глаголю, и злочестивые еретики. <...> Да не будете волцы в пастырей место стаду Христову, и предадите стада Христова зверем на расхищение, еже есть иудеем и еллином, и еретиком, и отступником, и всем неворным... Подобаает Царем и Князем всяко тщание о благочестии имети и сущих под ним от треволнения спасти душевнаго и телеснаго».

Задачу сохранения духовного здоровья нации Волоцкий видел в единстве устремлений государства и Церкви, и если долг Церкви — действовать проповедью, наставлением, молитвой и любовью, то долг государства в применении силовых методов, «если кроткие наставления не имеют действия, а явный дерзостный обман угрожает Церкви и государству». Обвинения Волоцкого в садизме и «враждебности всякой свободы» не совсем корректны. В «Просветителе» он четко определяет правовую основу своей «симфонической» модели. Наказание злодеев должно осуществляться «по апостольскому писанию и по свидетельству священных правил, согласно гражданским законам, которые преподобные и богоносные отцы наши связали и соединили со священными правилами (курсив мой. — Г. Е.)».

По своей сути современное угасание христианства — та же ересь жидовствующих в постмодернистской интерпретации, и если в странах Евросоюза ее процветанию способствует потворство властей, то в Россию она вползает подобно коронавирусу. Проблема в том, что наша власть больше озабочена сомнительной вакцинацией тел, нежели применением веками клинически испытанной вакцинации душ. Если бы во власти преобладали люди воцерковленные или хотя бы истинно верующие, мы бы избежали значительного количества *законных* безобразий, творимых ныне. И, опять же, речь не о религии. Речь об истине. Слова преподобного лишний раз подтверждают, что в «священных правилах» и «апостольских писаниях» нет ничего метафизического — все они о нашей жизни, и поэтому термин «материя, материализм» есть термин искаженного смысла, из чего и происходит деление *единого* мира на материальный и нематериальный. В современной науке уже достаточно доказательств, что материально всё, включая слова и мысли; именно поэтому «вначале было Слово». Фраза «разговор о высших материях» — подсознательная проговорка по Фрейдю, по умолчанию предполагающая наличие «высших» и «низших», но — *материй*. Другое дело, что нам не дано понять природу «высших», и то, что для нас они непостижимы, еще не может являться основанием не считать их материями.

Проблема православия в том, что оно не озабочено углублением богопонимания, а непоколебимо стоит на догмах. Вместе с тем такая сакральность фундамента обеспечивает его незыблемость, что жизненно необходимо в нынешние сложные времена.

Проблема католицизма в том, что он подстраивается под политические и социальные вызовы общества, исполняет его прихоти («похоти»).

Протестантизм — вообще весьма удобен, потому как обосновывает многие антихристианские положения.

Бердяев справедливо проводил параллель между протестантизмом и либерализмом. Если первый отрывается от «онтологических основ Церкви», то второй оперирует понятием некоей лукавой свободы, не понимая ни природы общества, ни уроков истории. Бердяев констатирует, что «просветы лучшего сознания», присущие раннему либерализму, постепенно закрылись «поверхностным просветительством», и отождествляет его с искусственным светом лампы, «ослабляющим самую потребность в истинном свете». Представляется, что он несколько смягчает формулировку, и дело здесь не в поверхностности, а в более тонкой и изощренной стратегии самого Просветителя.

В этом аспекте представляет интерес изначальное значение термина. Либер — впоследствии Вакх — древнеиталийский бог оплодотворения. Показательно, что первоначально он почитался низшими слоями общества — плебеями, но по мере либерализации (разложения) империи Либер возвысился до уровня Марса и Юпитера и стал богом самоуправляющихся городов. В марте проходил ежегодный праздник либералий. Народ наряжался в костюмы из древесной коры и листьев и таскал повсюду гигантский фаллос, сооруженный из цветов. Действо сопровождалось песнями, танцами и прочими «веселыми непристойностями». Безусловные аналогии с «всепьянейшими соборами» Петра I недвусмысленно демонстрируют его глубинную, фрейдистски обоснованную «либералистическую» сущность, склонную к обострениям, особенно в дни православных постов. Рим пал, как стадо свиней, поглощенных пучиной. Россия же, после Петра, еще долго отплевывалась пучинной жижей. Современный Запад в пределах той же Римской империи празднует нескончаемые либералии с гей-парадами и прочими веселыми непристойностями и, опьяненный манией собственного разложения, радушно приветчает орды варваров. Сегодняшний Евросоюз — фарсовое повторение поздней Римской империи. Будучи тотально заражен вирусом толерантности, законодательно оберегает духовный вандализм пришельцев вкупе с собственным. Нравственный СПИД толерантности настолько разрушил потомка Великого Рима, что современный бюргер с пивным брюшком уже не способен защитить свою женщину от посягательств бесчинствующих дикарей и «робко прячет тело жирное», где сможет. Это уже не «закат Европы», это — состояние полураспада, потому что биологический закон сохранения популяции — защита самцами самок и детенышей.

Безотказный метод Просветителя — подмена смыслов. Западноевропейская философия рассматривает прогресс неразрывно с гуманизацией, из которой логически вырастает либеральная идея. То есть целью

представлено гуманистическое раскрепощение (освобождение) человека, основные принципы которого отражены в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Текст, бесспорно, красивый, а слово «закон» упоминается 13 раз. Оставим в стороне факт, что сегодня более половины декларируемых прав неприкрыто попирается не только в рамках законов, но и *под-законно*. Но главная несостоятельность документа в том, что он не базируется на основополагающем законе человеческого бытия, хотя в преамбуле и упоминается вскользь некое «верховное существо». Поскольку сие сочинение — плод Великой французской революции, а следовательно — плоть от плоти масонское, то нетрудно догадаться, чье имя так небрежно завуалировано. Поэтому хочется поспорить с Бердяевым, утверждавшим, что авторы «забыли о правах Бога». Ничего они не забыли. Они, по произволу, просто отказали Ему в правах, а то, что любое «право вытекает из обязанности» человека, — им не указ. Отныне человек назначался «высшим» существом, то есть вторым после «верховного». Религия из государства вычленилась с формулировкой свободы совести. Спекуляция на понятии «свободы» — вообще направление главного удара. Чем же мешала Церковь? А всё очень просто: «освобождение» человека — не цель, а средство. Либерализм не средство, а метод. А в совокупности все это — безотказный инструментарий Просветителя.

Обладавший несомненным провидческим даром, К. Леонтьев в 1880 г. писал о ходе общественного прогресса в XX веке, будучи убежден, что его вектор неизбежно приведет «ко всеобщей катастрофе»:

«Я позволю себе по крайней мере *подозревать* такого рода социологическую истину: что тот слишком *подвижный* строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века, очень непрочен и, несмотря на все временные и благотворные усилия консервативной реакции, должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и вовсе уж не либеральных, а, напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, — в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству. Будет новый феодализм — феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных.

Я говорю из вежливости, что я *подозреваю* это; в самом же деле я в этом *уверен*, я готов пророчествовать это. Впрочем — всё это вовсе и не ново, а только забыто. Об этом много думали и писали еще в 40-х годах. Быть *просто консерватором* в наше время было бы трудом напрасным. Можно любить прошлое, но нельзя *верить* в его даже приблизительное возрождение» (курсив автора).

Исследователи традиционно приписывают приведенное пророчество грядущему социализму и даже фашизму, что для большинства из них

идентично. Но и либералы иногда не брезгают этими цитатами в рамках своей — кто «образованщины», а кто — традиционного лукавства, умалчивая, что большего противника либерализма, чем автор, трудно сыскать. Леонтьев, как и Оруэлл, оказался удивительно футурологически прозорлив, хотя ни тот, ни другой не могли смоделировать истинную общественную формацию своих предсказаний, да и Фукуяму не читали. Леонтьев ошибся лишь в одном: современные «мелкие и крупные общины» — корпорации — сами подчинили себе государства. Новый феодализм свел к нулю роль большинства государственных структур, а должности демократически избранных представителей власти стали, с одной стороны, номинальными, а с другой — лоббистски ориентированными.

Концептуальный анализ истории, исключая калейдоскопический идиотизм, показывает, что эпохи наивысшего расцвета цивилизаций всегда есть предвестники их упадка. Не это ли лучшее доказательство формирования ложных целей и извращенных смыслов в рамках традиционного понимания прогресса? Если целью прогресса объявляется некое абстрактное счастье человечества, то стоит задуматься, кто более счастлив — тот самый абориген амазонских джунглей или нынешний офисный клерк, опутанный сетями цифровой цивилизации и обремененный бессмысленным, бесполезным, контрпродуктивным трудом?

Но Просветитель не был бы самим собой, если бы не озаботился полным благоденствием этого несчастного клерка. Чтоб сказка стала былью в России, потребовалось совсем немного: совершить плавный, несколько растянутый во времени государственный переворот, которого никто не заметил. Прелесть существующей системы в том, что для фактического захвата власти уже не нужно производить традиционные телодвижения в виде захватов почты и телеграфа. О банках речь вообще не идет, потому что именно они власть и захватывают, а точнее — по примеру большевиков в 17-м подбирают, валяющуюся под ногами. Сегодня для этого не нужны ни войска, ни баррикады, ни кипящий возмущенный разум, по причине его массового отсутствия. Теперь достаточно всё купить. Причем не обязательно покупать саму власть. Достаточно скупить всё вокруг нее, и у власти не останется юридических рычагов влияния на процессы. Новая реальность предполагает новые подходы.

Великая сентябрьская революция свершилась, а вернее — завершилась 24 сентября 2020 г. Однако поэт прошлого века утверждал, что «нет у революции конца», и в новой реальности это звучит устрашающе. В этот день не происходило никаких штурмов и захватов, а всего лишь новая власть в лице поклонника каббалы, йогина и убийцы экзаменов легализовалась и явила себя стране. Новоявленный мессия анонсировал изумленной толпе такие чудеса и знамения, что невольно закралась мысль: кто он? Virtuозный шарлатан, превзошедший красноречием «сына турецко-подданного» в Нью-Васюках, или (свят! свят! свят!) тот, о ком в своем

послании поведал апостол Павел (2 Фес. 2:3–4,7–12). Но это, разумеется, ерническая натяжка, потому как — много чести. Тем не менее «главная презентация года», как она была обозначена организаторами без ложной скромности, представляла собой некое подобие научно-фантастического фильма для младшего школьного возраста эпохи соцреализма, в котором идиотически экзальтированный ученый-экскурсовод демонстрирует группе ротозеев-обывателей сказку, ставшую былью, на примере своего научного предприятия под новоявленным брендом «Сбер». То, что в роли экскурсантов выступают различные, демонстративно туповатые поп-дивы, лишний раз подчеркивает издевательский цинизм явления с указанием целевой аудитории. Неумное стремление к гегемонии уже не позволяет «бледному фюреру»¹⁰³ оставаться в тесных рамках банка. Теперь это мощнейшая цифровая корпорация с развитой экосистемой, охватывающей почти все сферы жизнедеятельности человека, а слоган «Сбер всегда рядом» — модификация известного «Большой брат следит за тобой». Демонстративная краткость нового бренда не что иное, как цинично декларируемая показная скромность, потому что логичнее было бы обозначение «СберВсё». Теперь это действительно «наше всё», всосавшее в себя, подобно удаву, львиную долю функций государства вкупе с мельчайшими деталями личных данных пользователей, которых теперь не только накормят предпочтительной едой, но и покажут предпочтительные фильмы, не задавая предварительных вопросов, потому что «Сберу» известен даже сорт употребляемого нами хлеба. Большой Сбер теперь не только знает о нас всё, но и может контролировать каждый наш шаг в собственном доме — система «Джой», созданная для совершенства коммуникации, это позволяет. Виртуальные персональные ассистенты удовлетворят любую потребность, вплоть до поддержания беседы. Фактически теперь можно жить, не вставая с дивана и не испытывая потребности даже в человеческом общении, тем более что репетиция самоизоляции прошла успешно. Вот так, ненавязчиво, исподволь осуществилась вековая мечта русского Емели — печка под задом и шука по имени Греф:

«Социальная дистанция стала необходимостью, а удаленная работа нормой. Близость к человеку в физическом мире воспринимается как нечто опасное. В такое время возникает потребность в поддержке, чтобы рядом был кто-то знакомый, надежный помощник, который поймет, возьмет часть задач на себя, освободит от рутины и высвободит время для жизни, поможет адаптироваться к новой реальности и почувствовать себя защищенным. Мы видим, что запрос на это есть, и берем на себя решение всех насущных задач человека. Мы боремся за комфорт каждого».

---

¹⁰³ Ироническая характеристика немецких интеллектуалов, претендовавших на лидерство в революции 1848 г. в романе А. И. Герцена «Былое и думы»: «Народ не шел за этими бледными фюрерами, они ему остались посторонними».

Что-то до боли знакомое... То ли «я пришел дать вам волю», то ли...

«Народы Земли! Я обещал вам мир, и я дал вам его. Но мир красен только благоденствием. Кому при мире грозят бедствия нищеты, тому и мир не радость. Придите же ко мне теперь, все голодные и холодные, чтобы я насытил и согрел вас».

Ну да, вот оно:

«Социально-экономический вопрос был окончательно решен. Но если сытость есть первый интерес для голодных, то сытым хочется чего-нибудь другого.

Даже сытые животные хотя бы обыкновенно не только спать, но и играть. Тем более человечество, которое всегда (получив хлеб) требовало (зрелищ).

Император-сверхчеловек поймет, что нужно его толпе. В это время... прибудет к нему великий чудодей, окутанный в густое облако странных былей и диких сказок. По слухам, распространенным среди необуддистов, он будет происхождения божественного — от солнечного бога Сурьи и какой-то речной нимфы.

Этот чудодей, по имени Аполлоний, человек несомненно гениальный... удивительным образом соединит в себе обладание последними выводами и техническими приложениями западной науки с знанием и умением пользоваться всем тем, что есть действительно солидного и значительно в традиционной мистике Востока. Результаты такого сочетания будут поразительны. Аполлоний дойдет, между прочим, до полуполучающего искусства притягивать и направлять по своей воле атмосферическое электричество, и в народе будут говорить, что он сводит огонь с небес. Впрочем, поражая воображение толпы разными неслыханными диковинками, он не будет до времени злоупотреблять своим могуществом для каких-нибудь особенных целей. <...> Очарованный им император примет его как дар свыше и, украсив его пышными титулами, не будет уже более с ним разлучаться. И вот народы Земли, облагодетельствованные своим владыкой, кроме всеобщего мира, кроме всеобщей сытости получают еще возможность постоянного наслаждения самыми разнообразными и неожиданными чудесами и знаменами».

Эти строки написаны Владимиром Соловьевым в 1899 г. в книге «Три разговора...», включающей «Краткую повесть об антихристе». Конечно, «бледный фюрер» никак не дотягивает до соловьевского персонажа, но создается впечатление, что ему очень хочется на него походить даже в деталях. Например, почетный гость экономического форума Садхгуру Джягги Васудев, обладатель особого консультативного статуса в Экономическом и социальном совете ООН — чем не карикатурная копия Аполлония?

Личность эта — замечательная во всех отношениях. Имея степень бакалавра по английской литературе, однажды «испытал просветление»

и создал секту, оформив ее впоследствии как НКО «Фонд Иша» со штаб-квартирой в индийском Коимбатуре. Очень скоро секта расползлась по всему миру и к 2017 г. при поддержке Г. Грефа добралась до России. Символ поклонения — четырехметровый лингам из черного гранита, воздвигнутый в храме Дхьяналингам.

Обширные контакты в среде мирового истеблишмента создали ново-явленному Аполлонию неплохой пиар — многократное участие на Давосском и других престижных международных форумах ООН, персональные приглашения с лекциями в Оксфорд, Стенфорд, Йель. Всё это обеспечивает гуру более чем безбедное существование. Например, за участие в сессии Сбера на СПЭФ наш «бледный сверхчеловек» отстегнул «консультанту» более 10 млн в неустановленной валюте. Одна из тем выступления весьма красноречива — «Стирание различий между реальным и виртуальным», что весьма актуально для стратегии Сбера. Находясь в перманентном состоянии самадхи¹⁰⁴, он вещал:

«Религия, страны — это те хрупкие вещи, которые создало человечество, и это разрушится в мире технологий. Еще самые древние цивилизации думали, как освободить людей. Теперь эта идея станет повсеместной, технологии разовьются, и люди будут свободны. Государство, религия или что-то еще перестанут нас контролировать. С развитием технологий придет великолепный мир. Идея национальных границ также станет бессмысленна. Это и будет будущее всего мира — не знать, в какой стране вы находитесь. <...> Завтра никогда не существует и никогда не будет существовать. Завтра — нет. Завтра — это ложь».

По всему видно, что «император» весьма проникнут идеями гуру, который по его приглашению провел для сотрудников «Сбера» целевую лекцию «Трансформация лидерства: новые вызовы и возможности». Выступление дополняли специальные психотренинги, обучающие навыкам «манипуляции другими умами». Данная тема уже давно владела неумными фантазиями «императора». Неизгладима в памяти его так называемая «шутка» образца еще 2013 г.:

«Как только все люди поймут основу своего „Я“, самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими, будет чрезвычайно тяжело. Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции. Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность получать напрямую не препарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины, которые спущены на головы, средства массовой информации, которые как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации все равно заняты

---

¹⁰⁴ Самадхи — термин, используемый в индуистской и буддийской медитативных практиках. Описывается как полное растворение в объекте медитации.

построением, сохранением страт? Так как в таком обществе жить? Мне от ваших рассуждений становится страшновато, честно говоря».

Тогда, комментируя поднявшуюся волну публикаций, автор со свойственным неистребимым цинизмом парировал:

«Честно говоря, когда я узнал, какие глубокие выводы сделали некоторые интернет-мыслители из моих шуток во время нашей сессии, я от души посмеялся. Ребята, ну нужно ведь обладать хоть каплей чувства юмора!»

Честно говоря, чувство юмора пробуждается у слушателя лишь от ключевого в обеих цитатах словосочетания «честно говоря».

Так или иначе, но судя по последним результатам кипучей деятельности «Сбера», теоретические и практические уроки нью-Аполлония дали ожидаемые результаты, а если в обращении соловьевского персонажа заменить «народы Земли» на «народы России», то сходство будет почти неотличимое.

Святые отцы неоднократно повторяют, что мир в последние времена примет образ полного внешнего благополучия: «...подавно людям, мирно в селениях своих живущим и ни о чем другом не думающим, как: ешь, пей, веселись». Правда, не совсем понятно, исходя из каких мест в Писании можно сделать такое заключение? Единственное, о чем упоминает апостол Павел, это «мир и безопасность», но нынешняя реальность повсеместно демонстрирует, насколько мы далеки от этого. Богословы любят ссылаться на пророчества Ефрема Сирина:

«Множество золота, и серебра, и шелковой одежды не принесут никому пользы во время этой скорби. С рыданием все встречаются друг с другом... Увянут всякая плоть и вождение человеческое.

Все же, поверившие лютому зверю и принявшие на себя печать его, злосчастливое начертание оскверненного, приступят к нему вдруг и с болезнью скажут: „Дай нам есть и пить, потому что мы все истаиваем, гонимые голодом“. И этот жалкий, не имея к тому средств, с великой жестокостью скажет: „Откуда, люди, дать вам есть и пить? Небо не хочет дать земле дождя, и земля также не дает ни жатвы, ни плодов“.

Восплачут тогда вся земля и море, восплачет воздух, восплачут даже дикие звери и птицы небесные, восплачут горы и холмы и деревья, восплачут и светила небесные о роде человеческом, потому что все уклонились от Бога и поверили лжи, приняв на себя вместо Животворящего Креста Спасителя начертание скверного и богоборного, и в устах человеческих прекратился глас псалма и молитвы; восплачут великим плачем все церкви Христовы, потому что не будет священнослужения и причащения».

Но, во-первых, преподобный Ефрем был все-таки в первую очередь поэт. У истинного поэта творческое начало всегда будет преобладать над всем остальным, будь он хоть трижды богослов. В этом суть его Божественного предназначения. Поэтому в вышеприведенном отрывке нельзя

не заметить творческий полет фантазии, облеченной в душещипательные эпитеты. Но даже он не говорит напрямую о всеобщем благоденствии.

Поэтому все ернические инсинуации по поводу «бледного фюрера-императора-сверхчеловека» не более, чем беспомощный грустный юмор. Если объективно и с христианской точки зрения рассматривать личности наших лидеров после 1953 г., то все они, за единичными исключениями, декларировали те же целеполагания, что и соловьевский император. Тот же Хрущёв — истинный антихрист в самом что ни на есть прямом смысле, и это уже изначально было общим местом. Правда, обещающая коммунизм и, как следствие, всеобщее благоденствие, он не лукавил — таковое заявление всего лишь показатель скудости ума, не более того. Однако смена ориентиров после смерти Сталина демонстрирует именно ту антихристианскую направленность, о которой писал Соловьев. Известная констатация «жить стало лучше, жить стало веселей» логически исходила из основного посыла — *движения*, так же, как и сама идеология. Сталин не строил коммунизм посредством необоснованного трепана и не гнался за Америкой из спортивного интереса. Его целью было не просто лучшее и веселое житье. Его целью было сохранить жизнь страны. Сначала была индустриализация с конкретной целью — подготовить страну к неизбежной войне. Потом — послевоенное восстановление. Во всех случаях властные инициативы предполагали *движение*. На примере исторического отрезка 1953–64 гг. можно проследить любопытную тенденцию. С одной стороны, страна безоглядно рванула в пучину НТР, демонстрируя неоспоримые успехи — чего стоит хотя бы освоение космоса! Но, с другой стороны, декларативные заверения о неминуемом, скорогрядущем благоденствии не только не могли вызвать доверия, но и нацеливали на неведомый доселе ориентир — потребление. Недаром именно в те годы зародился презрительный термин «вещизм». Казалось бы, и само слово, и понятие в целом — благоденствие, несут в себе исключительно положительный, позитивный посыл. Но неожиданная философская трактовка А. Мацейны¹⁰⁵ заставляет взглянуть на явление под другим углом:

«Благоденствие — это всестороннее удовлетворение плотского начала человека. Это то, к чему антихрист стремился и чего достиг — равенство сытости, но сытости, понимаемой в самом широком смысле. Всё наше плотское начало постоянно голодно, ибо оно сущностно предопределено для рядом с ним находящегося объекта. Мы жаждем не только пищи, но и одежды, и квартиры, и тепла, и отдыха, и противоположного пола.

---

¹⁰⁵ Антанас Мацейна, (1908–1987) — литовский писатель, поэт, философ, христианский экзистенциалист, педагог и богослов. Создатель и идеолог литовской философии модернистского католического направления. Создатель самостоятельной философской системы.

Благоденствие как раз и есть удовлетворение этого разнообразного голода. Человеку хорошо быть только тогда, когда его плотское начало сыто: сыто пищей, сыто теплом, сыто отдыхом, сыто в своих страстях».

Человеческая природа такова, что плотская составляющая всегда испытывает некую неудовлетворенность сродни голоду, даже в условиях потенциального пресыщения. Когда индивид сыт, одет, обеспечен комфортным жильем, удовлетворен в страстях, не обременен изнурительным трудом — он не только исподволь нацеливается на преумножение уже имеющихся благ, но и утрачивает смысл *движения*:

«Благоденствие — это сытое настоящее. Удовлетворенный человек всегда пребывает в настоящем».

Тоже вроде бы вполне логично, как с точки зрения психологии, так и христианства, — жить сегодняшним днем:

«Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34).

Вот только один небольшой нюанс: *человек, удовлетворенный в настоящем, не стремится к будущему*. Именно поэтому весь смысл текущего «прогресса» нацелен на «здесь и сейчас». А. Мацейна расценивает «сытое настоящее» как антихристово понятие. Здесь необходимо понимание, что это не призыв питаться «акридами и диким медом» и ходить в рубище. Просто во всем есть мера необходимого и безмерность излишества, границу между которыми чаще всего человек не в состоянии различать. Как коммунистическая доктрина, так и христианство, мягко говоря, весьма скептически относятся к чрезмерному благосостоянию. В прежние недалекие времена «вещизм» символизировал мещанство и буржуазность, а со времен Иисуса — «трудно богатому войти в Царство Небесное», потому что «...где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:21, 19:23). Благословение нищих (в самом широком смысле), плачущих, жаждущих, гонимых — всех тех, кто не сыт ни богатством, ни радостью, ни хлебом, ни противоположным полом, ни покоем, «есть одно величайшее благословение нищеты как *всесторонней жажды в нашей психофизической жизни*. <...> Он (антихрист) хочет быть не исправителем человечества, как Христос, но его благодетелем, его благотворителем в широком смысле слова. *Человек сытого настоящего не является христианином*. Таким образом, достаточно только распространить это сытое настоящее по всей земле, достаточно только сделать всех людей обеспеченными и удовлетворенными, и тогда царство антихриста возобладает само по себе. Путь благоденствия — один из успешнейших путей антихриста в историю».

Сегодня мы можем наблюдать воочию обилие расплодившихся благодетелей, лукаво соблазняющих толпу непрерывно обновляемыми гаджетами, диковинными товарами и услугами, комфортом, выходящим за рамки здравого смысла, иллюзорной безопасностью. Гейтсы, соросы, графы, цукерберги — имя им легион. Мы, как малые дети, верим, что пласти-

ковые карты и смартфоны — удобно, уже не понимая, что это удобно *им*, а нам удобнее доставать из кармана купюры и ими расплачиваться, экономя время свое и стоящих за нами в очереди, безопаснее ставить подпись собственной рукой на бумаге вместо электронной и видеть выражение банковского счета на бланке, а не на мониторе. А всё, что сверх этого, удобно только *им*.

А. Мацейна пишет:

«Если насильственная любовь и насильственное единство вызывают в человеке ненависть и поэтому всегда опасны даже в руках антихриста, то благоденствие всегда вызывает чувство благодарности и уважения и поэтому лучше всего укрепляет и поддерживает власть антихриста. Порабощенные иногда могут и восстать против своих поработителей. Но против благодетелей никто и никогда не восстает».

Раньше мы уже говорили о том, что либерализм конечен в самом себе. По мере своего развития, а вернее — деградации (а он способен лишь на деградацию), он вырождается в *либерализм*, который есть тупик. Просветитель, при помощи рассмотренного в предыдущих главах инструментария, успешно внедряет в сознание толпы иллюзию прогрессирующего благоденствия, тем самым лишая человека целей и смыслов. Как верно отмечает А. Мацейна, «чем больше расширяет антихрист свое царство в мире, тем более *сытыми чувствуют себя толпы, находящиеся у него на службе*». Часть цитаты, выделенная курсивом, — ключевая, потому что все остальные не смогут «ни покупать, ни продавать». И не будет никаких принуждений, запретов, преследований. Когда «находящиеся на службе» составят подавляющее большинство, вся система социально-бытовых операций сама собой перейдет на новый уровень, на котором не имеющие «начертания» в виде смартфона или теперь уже куаркода, действительно, чисто технически не смогут совершить никаких финансовых операций, да и вообще социализироваться. Так что все страшилки про чипирование — позавчерашний день, а постепенное выдавливание из оборота наличных — процесс неизбежный и активно реализуемый. И еще раз повторимся: нас к этому никто не принуждает. Мы сами весело и радостно бежим к иллюзорной кормушке Просветителя. Очевидно, что тех, кто проигнорирует кормушку с «питательным бобовым супом», останутся единицы. Может быть, это именно те 144 тысячи, о которых писал Иоанн Богослов? И как тут не вспомнить пророчества преподобного Нила Мироточивого:

«Наступит страшный голод, на мир же нападет великая алчба (ненасытность). Сравнительно с тем, сколько съедает человек в нынешнее время, тогда будет съедать в семь раз больше и не насыщаться. Великое бедствие настанет повсеместно. Тогда любостяжатели откроют свои любостяжательные житницы (богатство упразднится, имущество уравниется на началах равенства всех). Тогда золото обесценится как навоз на дороге.

И тогда, во время того предреченного бедствия, Антихрист начнет печатать людей своей печатью, якобы для того, чтобы знамением сим спасать их от бедствия (ибо только имеющим печать, согласно Апокалипсису 13, 17, будет продаваться хлеб). <...> На печати же написано будет следующее: „Я твой есмь“ — „Да, ты мой еси“. — „Волею иду, а не насильно«. — „И я по воле твоей принимаю тебя, а не насильно“. Сии четыре изречения, или надписи, изображены будут посреди той проклятой печати.

Мир тогда столь будет угнетен, что люди станут переселяться с места на место. Туземцы же, увидев пришельцев, скажут: „О несчастные люди! Как решились вы покинуть собственные, столь благодатные, места и прийти в проклятое место сие, к нам, у которых не осталось никакого человеческого чувства?!“ Так будут говорить на каждом месте, куда люди будут переселяться...»

Хочешь — смейся, хочешь — плачь, хочешь — ерничай над мракобесием, но всё, сказанное четыре века тому назад, уже исполнено до последней запятой: и ненасытность потребительства на фоне массового голода, и «уравнение» при обесценивании «злата», и великое переселение «пришельцев» к европейским «туземцам, у которых не осталось никакого человеческого чувства», и «спасающий от бедствия» куаркод, принимаемый добровольно, пока еще только ради зрелищ. Но, думается, не за горами день, когда — и ради хлеба.

Иллюзия сегодня приобрела прочный статус новой реальности. Мы переместились в виртуальность без помощи каких бы то ни было технических средств и сделали это добровольно. Наш сегодняшний мир, вплоть до мелочей, — та самая матрица, которую гениально смоделировали братья (а теперь уже сестры) Вачовски. Теперь даже заказанный нами сочный стейк — точно такая же виртуальность, как и в фильме, потому что сделан не из мяса, и мы, подобно персонажу-ренегату, знаем об этом, но предпочитаем иллюзию.

Стадо живет на постоянном прикорме. Время от времени производятся различные театральные действия в виде индексаций и компенсаций, имитирующие повышение благосостояния, средства от которых сторицей возвращаются благодетелям благодаря планомерному росту тарифов на всё. Например, последний спектакль накануне думских выборов превзошел своей незамысловатостью самые изощренные фантазии — циничный подкуп электората в виде единовременных выплат пенсионерам и прочим категориям обошелся благодетелям в полмиллиарда целковых. Можно лишь предполагать, в каких формах и видах будет взиматься обратная мзда с облагодетельствованных.

Так уж повелось, что все более или менее значимые социальные проекты власти почти всегда оборачиваются либо полным безобразием, либо нелепостью, и только власть никогда не остается внакладе. А. Мацейна констатирует:

«Всякая крупная социальная реформа — это болезненный удар по одной части общества. Но этот удар неизбежен. Не изменив нашей действительности, нельзя изменить и распределения благ, без чего никакое социальное благоденствие невозможно. Но антихрист как раз и не изменял действительности. Богатым он оставил то, что они имели, и потому завоевал их благосклонность. Бедным он дал достаточно для того, чтобы они были удовлетворены, потому и обеспечил себе их уважение и благодарность. Вся общественность склонилась перед антихристом, ибо он, как казалось, разрешил никогда не разрешимую социальную загадку».

Лживая сущность подобной тактики настолько очевидна, что ее никто не замечает. Фиксированное количество материальных благ не может предполагать ничего иного, кроме отъема у одних для перераспределения другим. «Всякая, основанная на даре социальная реформа, не более, чем сон. Сон проходит, и не преобразенная действительность предстает перед нами во всей своей нищете. <...> Антихристово благоденствие — только маска подлинного благоденствия».

Гипнотическая ложь вползла в нашу жизнь незаметно и просто, как всё гениальное. Самое невинное искушение и стопроцентная ложь — реклама, забившая мозг коллективного стада. Отец лжи распространил свое детище повсеместно, как метастазы. Типичный пример — телевидение, на всех каналах и во всех программах которого «двухминутки лжи» в течение времени сливаются в «недели лжи», а контроль над исполнением предписаний так же незаметно возрастает со стороны «полиции мысли» в лице того же «Сбера», скрупулезно выскребующего отовсюду наши персональные данные.

При всей узнаваемости в наши дни аллегорий и гипербол Оруэлла его роман, к счастью, пока еще не выходит за рамки антиутопии. Лавры писателя вполне заслужены, но совсем не заслужено забвение Е. Замятина с его романом «Мы», изданным в 1921 г., тем более что его роль в создании «1984» значительна.

В 1985 г. вышла книга английского автора Нейла Постмана «Развлекаемся до смерти». Работа интересна не столько построением модели грядущего общества гедонизма, сколько сравнительным анализом романов О. Хаксли и Дж. Оруэлла. Постман упоминает, что в 1946 г. Оруэллу довелось рецензировать роман Замятина, который он оценил выше «Дивного нового мира» по причине отсутствия в последнем политического смысла. Из этого Постман делает осторожный вывод, что Оруэлл попросту переписал роман Замятина в соответствии с собственным видением. Но, скорее всего, такое умозаключение не совсем корректно. В блокноте Оруэлла сохранилась запись в виде плана романа под рабочим названием «Последний человек в Европе», представляющего собой композиционную схему «1984». Запись датирована январем 1944 г., а уже в ноябре

Оруэлл пишет письмо Глебу Струве¹⁰⁶, в котором благодарит за присланную книгу:

«Вы меня заинтересовали романом „Мы“, о котором я раньше не слышал. Такого рода книги меня очень интересуют, и я даже делаю наброски для подобной книги, которую раньше или позже напишу (курсив мой. — Г. Е.)».

Забавно, что в упомянутой Постманом рецензии, Оруэлл пишет:

«Первое, что бросается в глаза при чтении „Мы“, — факт, я думаю, до сих пор не замеченный, — что роман Олдоса Хаксли „О дивный новый мир“, видимо, отчасти обязан своим появлением этой книге».

Так или иначе, но правомерно остановиться на том, что и Хаксли, и Оруэлл в определенной степени «птенцы гнезда» Замятина.

Но, вернемся к сравнительному анализу Постмана:

«Оруэлл предполагал, что:

- книги будут запрещены;
- каналы доступа к информации перекроют;
- истина будет тщательно замалчиваться;
- культура станет подчинена культам;
- контроль над людьми будет осуществляться через боль;
- человечество погибнет посредством того, что оно ненавидит.

Хаксли прогнозировал, что:

- книги не будет необходимости запрещать, их просто перестанут читать;
- информационный поток наберет такую силу, что погребет крупницы истины;
- в культуре будет преобладать пошлость и противоестественность;
- значительно проще и эффективнее осуществлять контроль через удовольствия;
- гибель человечества произойдет посредством того, что оно любит».

Нужны ли к этому комментарии? Ничуть не умаляя достоинств «1984», следует всё же признать, что с позиций сегодняшнего дня футурологический феномен Хаксли поражает стопроцентным отражением действительности.

И все-таки хотя бы теперь осмысливают ли либералы, в какой мир они стремятся сами и тянут за собой стада неразумных баранов? Речь не идет о топ-либералах. Эти не могут заставить себя осознать, что никогда не войдут в глобальный управляющий класс, а всегда будут оставаться хорошо оплачиваемыми холоуями. Речь идет о рядовом либеральном быдле «болотного» толка. Что они думают теперь, испытывая на себе пробные прелести «нового дивного мира»? Выдает ли на выходе алгоритм их

---

¹⁰⁶ Глеб Петрович Струве (1898–1985) — поэт, литературный критик, литературовед, переводчик.

группового мозга что-нибудь, кроме *соматической*¹⁰⁷ картинки очередных проявлений тоталитарного путинизма? Сомнительно, поскольку в своем большинстве они — воинствующие безбожники, следовательно, не в состоянии понять ни суть многих вещей, ни истинную подоплеку мировых процессов.

Еще в позапрошлом веке К. Леонтьев коротко и толково объяснил:

«Так их (*либералов*) много, и так мало нужно ума, познаний, таланта и энергии, чтобы стать в наше время либералом!»

Коварство лжи кроется даже не в противоречии морали или христианским постулатам. Главная ее опасность в уводе из реальности. Уверовавший в ложь, подобно наркоману, начинает существовать по ее законам. Он голосует за проходимцев, приобретает ненужные товары и услуги, ест негодную пищу, а главное — он никуда не движется, *не прогрессирует* в истинном смысле. Ареал его жизнедеятельности подобен механической беговой дорожке, на которой можно умереть, как загнанная лошадь, оставаясь на прежнем месте, а поскольку такое «движение» — иллюзия, то такая же иллюзия и весь декларируемый прогресс.

Человек, еще не утративший способности к мышлению, но подпавший под влияние лжи, неизбежно начинает испытывать когнитивный диссонанс. С технологической и научной точек зрения прогресс не вызывает сомнений. Но, с другой стороны, например, медицина, победившая множество смертельных болезней, получила на смену им не меньшее количество новых. Развивающиеся технологии всё повышают и повышают уровень комфорта существования, доводя его до абсурда, но бедность, голод и войны никуда не исчезают, напротив — современные прогрессивные вооружения позволяют уничтожать людей миллионами. Ну а превзошедший все и вся прогресс индустрии развлечений и удовольствий способен в кратчайшие сроки превратить человека в скота.

У мыслящего индивида диссонанс нарастает, так как выражать негативное отношение к происходящему не прогрессивно, ретроградно, а существование в его контексте противно. Всё это способствует потаенному скепсису и беспросветному пессимизму, потому что затхлый либеральный туннель не обещает никакого света в конце.

Мыслящих индивидов единицы. Но и они, и индивиды стада одинаково лишены надежды, «но не в смысле отчаяния, но в смысле удовлетворенности. Они ни на что не надеются и ничего не ожидают», — констатирует А. Мацейна и поясняет:

«Но, если мыслить о человеке по-христиански, мы должны признать, что в христианской концепции человека именно настоящее и есть переходящая форма времени. Человек-христианин — *viator* — путник, то есть

---

¹⁰⁷ Сомы — наркотик, обязательный для ежедневного употребления в романе О. Хаксли «О дивный новый мир».

человек, который всегда находится в пути и никогда — дома. Иначе говоря, христианин всегда в будущем и никогда — в настоящем. Это человек, который постоянно перешагивает через себя и никогда не остается по сю сторону. Быть в пути — сущностный выбор человека».

Для христианина земная жизнь — лишь промежуточная часть маршрута в Царство Небесное. Правда, большинство идентифицирует это понятие с раем, как и «геенну огненную» с огнем адским, хотя и то, и другое — понятия разные.

Как правило, в массе верующих бытует банальное представление о рае как некоем конкретном месте, в котором праведники до скончания времен (т.е. бесконечно) пребывают в состоянии блаженства, которое понимается каждым по мере его мечтаний, склонностей и прижизненных пристрастий. В массовом вульгарном понимании это некое место наподобие «дивного мира» Хаксли. Близка к этому и исламская трактовка. Церковь, пытаясь говорить на понятном массе языке, порождает именно такое представление. Само слово как в древнееврейском оригинале, так и в греческом переводе означает всего лишь «сад». Но русское лингвистическое толкование придерживается древнеиранского и древнеиндийского происхождения — «богатство, состояние, сокровище, счастье». Таким образом, каждый, не обремененный воображением и базовыми философскими представлениями, волен понимать «блаженство» по своему разумению, а чаще всего — буквально. Да и святоотеческие писания нередко соревнуются в фантазиях на эту тему. Однако мало кто обращает внимание на важную деталь: единственное описание рая как географической территории существует лишь в самом начале Ветхого Завета, а после изгнания первых людей в Писании имеют место только единичные аллегорические упоминания. В Новом Завете их три, и без каких либо подробностей, и нигде не говорится ни о каком «вечном блаженстве». Даже Ефрем Сирийский, не поддавшись на сей раз поэтическим искушениям, предельно лаконичен:

«Радостно приступил я к истории рая. Немного в ней для чтения, но очень много для исследования. Уста читали открытое в повествовании, а дух, воспаря трепетно, возносился в исследование славы рая, однакож не мыслю — постигнуть, что такое рай сам в себе, а желая изведать его, сколько дозволено сие человеку».

Еще более конкретно высказывание Афанасия Великого:

«Вопрос, где находятся отшедшие души — вопрос чудный и дивный, сокрытый от людей; Бог не соизволил, чтобы кто-нибудь возвратился к нам оттуда и рассказал, где и как пребывают души, отшедшие от нас».

Интерпретируя кратко: нечего выдумывать. Не нашего ума дело. Поэтому понятие «рай», скорее, метафорический художественный образ, как и ад с грешниками на сковородках. Ближе всего согласуется с логикой философский вывод: что для праведников любовь Бога — тепло и свет, то для

грешников обжигающий огонь в крошечном мраке. И в этом случае нет никакой необходимости в пространственном разобщении душ — «что русскому хорошо, то немцу смерть».

Что же касается Царства Небесного — это отнюдь не загробная реальность, а слова молитвы «да приидет Царствие Твое» — не пожелание всеобщей смерти или второго пришествия. Сам Иисус, отвечая на бесчисленные вопросы страждущих, первоначально изъяснялся притчами, но фарисеям ответил конкретно и жестко:

«...не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: „вот оно здесь“, или: „вот, там“. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть». (Лк. 17: 20,21)

А позднее апостол Павел пояснил:

«...Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир, и радость...» (Рим. 14:17)

Если читать Евангелие вдумчиво, концептуально анализируя каждую фразу, приходит понимание, что в текстах нет ничего метафизического. Все они возводят к реальности, поэтому атеизм есть не что иное, как неспособность к углубленному аналитическому мышлению; именно таким индивидам был адресован приведенный выше ответ Иисуса. Везде речь идет о постоянной, напряженной духовной работе над собой:

«От дней же Иоанна Крестителя доньше Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его». (Мф. 11: 12)

Суть этих слов наглядно демонстрирует, насколько в малой степени данная тема касается религии. Эту фразу можно коротко интерпретировать словами чеховского персонажа: «Дело нужно делать, господа. Дело». А апостол Иаков в Соборном послании был еще более конкретен:

«Что пользы, братья мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его?» (Иак. 2: 14)

Коммунистическая доктрина как некий модификационный аналог религии, при всей внешней богопротивности и демонстративном богоборчестве, в глубинной сути содержала то же самое. Такая точка зрения в большинстве случаев вызывает в мягком варианте — неприятие, а в жестком — агрессивное отвержение. Причина та же: поверхностный православный фанатизм так же лишен здравого смысла, как и воинствующий атеизм.

В известной работе «Экономические проблемы социализма» Сталин говорил почти о том же. Вера как в Бога, так и в коммунизм бесполезна без «всестороннего развития физических и умственных способностей», без которых невозможно «стать активными деятелями общественного развития». Несмотря на то, что текст сформулирован в рамках существовавшего в те годы дискурса, в контексте четко обозначена насущная необходимость духовного роста — понятия, ныне приватизированного Церковью. Именно на это был ориентирован проект сокращения рабочего

дня до 5 часов. Так или иначе, но в обеих концепциях речь идет о развитии, то есть о *движении*. И совсем не важно, что коммунизм — утопия, не реализуемая с наличествующим человеческим материалом, как не важно, существует ли пропагандируемый Церковью гипотетический и весьма расплывчатый рай. Движение по вектору даже к утопической, но благой цели предполагает развитие, которое есть прогресс в подлинном значении, но духовная лень, оправдываемая скепсисом, улеглась поперек пути в «светлое коммунистическое будущее» вчера, а сегодня тягуче и липко обволакивает остатки православного сознания. Пророчество Серафима Вырицкого поражает:

«Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога и погибнет куда больше душ, чем во времена открытого богоборчества. С одной стороны, будут воздвигать кресты и золотить купола, а с другой — настанет царство лжи и зла».

В 80-х гг. прошлого века в Москве функционировали 44 храма. Сегодня их около тысячи. Количественное увеличение в 25 раз. Но как подсчитать во сколько раз возросло количество лжи и зла?

Объективное наблюдение: преобладающий процент нынешних воцерковленных прихожан в интеллектуально-этическом плане — далеко не лучшие представители социума. Так же, как и значительный процент клира далек от морально-нравственных эталонов. В этом основная причина неприятия Церкви той частью общества, которая еще не утратила способности мыслить и уже начала ставить перед собой важные вопросы бытия. Особый стиль изъяснений Иисуса был обусловлен тем, что в общении с наличествующим человеческим материалом была необходима твердость и категоричность, а свобода воли никоим образом не предполагала свободы понимания или интерпретаций, то есть вольнодумства. Такое человечество могла спасти только вера без рассуждений, которые спустя века породили такое явление как западноевропейская философия — антихристианская в основе, невзирая на отдельные реверансы отдельных авторов в сторону Церкви. Для чего Церковь проповедует догматическую веру? Почему пастве внушается, что верить нужно душой, а не разумом? Для того чтобы паства *не думала*. Человек думающий в равной степени опасен и для Церкви, и для власти.

Необъясним парадокс: за две тысячи лет интеллектуально-нравственный уровень человечества не изменился. Произошло накопление информации и опыта, а также косметическое оформление жизненного уклада и взаимоотношений, но сама суть человеческой природы осталась неизменной. Самое удручающее в том, что в самоощущении потребителя наших дней отсутствует даже гордыня средневековой западноевропейской философии. Он уже не считает себя «мерой всех вещей» и даже не «звучит гордо». Он вообще «не парится». Мерой всех вещей для него стала кормушка с «питательным бобовым супом».

Понимание «прогресса» и его глубинное ощущение — не одно и то же. Научные достижения средневековой Европы бесспорны. Но Россия всегда существовала в рамках иных ценностей. Можно называть это отсталостью, но с концептуальных позиций она служила надежным ограничительным барьером. Всякий раз, когда в той или иной мере происходило сближение с Европой и их уклад проникал в страну, происходило определенное отклонение вектора развития. Финальным аккордом прозвучал конец прошлого века, нанесший решающий удар по русскому менталитету. Новоявленная псевдопатриотическая жвачка на тему «духовных скреп» и национальной идеи навязла на зубах в тщетных ожиданиях от власти ее четкой формулировки. Но поскольку власть — это мы, а у нас такой идеи нет, то откуда ей взяться у власти? Пока она не сформулируется в каждом отдельном мозгу, нет никаких шансов на ее воплощение в реальности. Православие сегодня, пожалуй, единственное учение, предлагающее человеку реальный проект изменения мира: начать с себя. Но при наличии «питательного бобового супа», тяга к которому непреодолима, эта умная мысль неизменно превращается в пустую декларацию. Махатма Ганди провозгласил утопическую идею¹⁰⁸, которую задолго до него «приземлил» Вольтер:

«Подумай, как трудно изменить себя самого, и ты поймешь, сколь ничтожны твои возможности изменить других».

Но Ганди великолепно парирует:

«Что бы ты ни сделал в жизни — это будет незначительно. Но очень важно, чтобы ты это сделал».

Важно понять, что нет смысла ждать от власти каких-то спасительных рецептов и прорывных национальных идей. Власть — наше зеркало. Антихрист еще не явил себя благодарному миру, а мы уже приняли удобное коленно-локтевое положение для грядущего поклонения. Это и есть ответ на вопрос — что мы все собой представляем. Просветитель предлагает только «здесь и сейчас», в отличие от Бога, предлагающего не просто будущее, но вечность. Но если будущее «силою берется», то «здесь и сейчас» достигается хитростью, ловкостью и конформизмом. Поэтому общепринятое благоденствие — далеко не всегда результат труда, усилий и выдающихся способностей. Истинное благоденствие — это четкое осознание необходимого, а для появления цивилизационной перспективы в дополнение и подкрепление веры необходимо стремление к пониманию Замысла. Не постижение, каковое невозможно в принципе, а именно устремленность как путь, «желая изведать его, сколько дозволено сие человеку».

Кредо Православия сходно с коммунистическим еще и тем, что утверждает свое учение единственно верным и всесильным в статусе аксиомы, точно так же, как и «учение Маркса всесильно, потому что верно».

---

¹⁰⁸ «Если хочешь изменить мир, изменись сам».

Но тем не менее как Православие, так и коммунизм — это устремленность в будущее, которое невозможно без устремленности к *человеческому*. Поэтому многие психо-социальные выкрутасы типа чайлдфри, ЛГБТ, трансгуманистов и, не побоимся странного слова, «*трансгендерастов*» — все они символизируют не только сознательный отказ от *человеческого*, но и от будущего. Именно по этой причине должен быть жесткий запрет на усыновление и всяческие суррогатные детопроизводства для мутантов, потому как это действие сродни воровству: отказавшись от собственного будущего, они крадут чужое, как и либерализм, крадущий будущее цивилизации в целом.

«Здесь и сейчас», «один раз живем», «бери от жизни все»... Не стоит оспаривать это кредо, а тем более впадать в грех осуждения. Такая жизненная позиция имеет право быть при условии чувства меры и способности к различению. В рамках свободы воли она приемлема для тех, кто исповедует «после нас хоть потоп». В тех же рамках приемлемо и неверие в вечность. Но совершенно неприемлемо стремление обеспечить материальное будущее своих детей, не задумываясь об их будущем как таковом, потому что «здесь и сейчас» никак не предполагает «завтра».

Исторически мучительный вопрос человечества о смысле жизни на самом деле предельно прост — это исполнение своего Божественного предназначения в нашем «материальном» мире. Еще проще понять, в чем оно заключается. С момента осознания себя личностью, ребенок приступает к самотестированию, самоидентификации. Накапливая впечатления и информацию, под их влиянием он начинает перебирать интересующие его в данный момент потенциальные виды деятельности. Сегодня он хочет быть космонавтом, завтра водителем трамвая, потом — пожарным, врачом, военным. Как правило, к моменту окончания школы, в той или иной степени формируется представление о желаемом роде будущей деятельности. Если человек остается верен своим мечтам — у него все в жизни получается. Если же по мере взросления его юношеские устремления приносятся в жертву меркантильному конформизму, то с течением времени его неизбежно настигает чувство бессмысленности существования, потому что противиться божественному замыслу бессмысленно.

Маленькую девочку из поколения постмиллениалов однажды спросили:

— Когда вырастешь, кем ты хочешь стать, чем заниматься?

Последовал мгновенный ответ:

— Буду зарабатывать деньги.

— Это понятно, а делать-то что будешь?

Минутная недоуменная пауза и взгляд, оценивающий степень тупости собеседника:

— Говорю же — деньги зарабатывать!

Ребенок транслирует только то, что извлекает из своего окружения, своей семьи. Жизненные приоритеты многих семей сегодня поменялись, поэтому изменились и приоритеты нового поколения. Оно уже не выбирает пепси. Оно выбирает деньги, будучи обреченным на вечную неудовлетворенность.

Так почему же просвещенный Просветителем Запад испытывает такую жгучую ненависть к двум, на первый взгляд, антагонистическим понятиям — Православию и коммунизму?

Ненависть к коммунизму понятна. Помимо того, что он упразднил представление о сакральности частной собственности в локковской трактовке, но и являл собой человеческую мировоззренческую суть, в отличие от либерального «закона джунглей». Другое дело, что большевики, сообразно с духовно-интеллектуальным уровнем исполнителей, надеялись загнать человечество в вечное счастье посредством маузера. Изначально утопическая идея воплощалась бездарно и безграмотно. Запад же, вооруженный российским опытом, нашел простое и беспроигрышное решение — потенциально пассионарные классы банально купили испытанным бобовым супом. Но, поскольку либерализм — это «здесь и сейчас», покупатели долгое время были уверены, что выиграли, а потому расслабились до такой степени, что к сегодняшнему дню напрочь утратили чувство реальности.

Российский мертворожденный либерализм-недоносок разлагался стремительно — с февраля по октябрь 1917 г., после чего функцию Церкви узурпировала партия. По сути, при Владимире Ленине произошла такая же смена религии, как и при князе Владимире. Чем это отозвалось для рода князя, мы уже рассматривали. Вождя мирового пролетариата родовое проклятие не постигло по причине отсутствия рода, но кончина его весьма далека от благостно-покаянной. Человеку свойственно с возрастом менять убеждения, и в этом нет ничего порочного, особенно если изменения происходят под влиянием духовного роста, но, как уже говорилось, плевков в собственное прошлое неизбежно настигает в будущем ушатом помоев.

Воинствующий антисоветизм Запада — не что иное, как искусный камуфляж Просветителя. Показательно, что в 20-е-30-е годы, когда в России шла яростная атака на Православие, капиталисты охотно сотрудничали с Советами, не брезгуя взаимной выгодой. Но по мере осторожного разворота Сталина в сторону Церкви, у капиталистов даже выгода ушла на второй план, закончившись фултонским «манифестом»¹⁰⁹. Послевоенный передел мира, геополитические амбиции — всё это лишь внешняя сторона проблемы, потому что с определенного

---

¹⁰⁹ Речь, произнесенная У. Черчиллем 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже, США. Считается «сигналом» к началу холодной войны.

времени Советы в восприятии Запада перестали отличаться от самодержавия, которое всегда было препятствием на пути «просвещенного либерализма», стремящегося задолго до февраля 17-го просочиться в любую брешь национального самосознания.

Беззаконие, в трактовке А. Мацейны, находило лазейки во всех мировых религиях и конфессиях, во все века и во всех точках мира, в то время как Православие оставалось незыблемым со времен Иосифа Волоцкого, сохраняя закон человечности. Но коммунизм канул в Лету, и теперь Просветитель-беззаконник планомерно добивает в сознании массы остатки православного мировоззрения, остающегося единственным гарантом закона, сохраняющего человека в рамках человечности в мире торжествующего беззакония. Большинство же существующих ныне христианских конфессий оппортунистические, подогнанные под человеческие страсти, прихоти и похоти. Можно не принимать законов Православия, но никаких других на сегодняшний день просто нет. Можно не верить, что Церковь создана Богом, а не людьми, но что Россия — страна, созданная Православной Церковью, — исторический факт. Исчезнет Православие, исчезнет и Россия, а вместе с ней и мировой Закон, потому что «если Бога нет, то всё позволено».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восприятие сущности человека в различных эпохах различно. Дословные трактовки библейского акта творения, отвергающие научные теории, однозначно представляют человека образом и подобием Божиим. Поэтому, возвращаясь к началу, мы можем оценить роль модерна в истории цивилизации на самом типичном примере — Великобритании, наглядно продемонстрировавшей открытием Олимпиады циничное уничтожение самой человеческой природы. А отсюда — и непреходящая актуальность вопроса — что есть прогресс и что привнес модерн в развитие ментальной и духовной сущности популяции гомо сапиенс за последние сто лет?

Во-первых, несостоявшийся фашизм, окончательно сформулированный Муссолини, но заложенный еще в 1896 г. Гаэтано Моска в работе «Правящий класс». Несостоявшийся потому, что:

«Для фашизма человек — это индивид, единый с нацией, Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию и парализующему жизненный инстинкт, ограниченный кругом мимолетного наслаждения, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность»¹¹⁰.

Извращенные Гитлером идеи создали еще один термин искаженного смысла, превратившийся в клеймо для явлений, не имеющих ни малейшего отношения к первоисточнику.

Во-вторых — коммунизм, тоже несостоявшийся и примерно по тем же причинам, потому как социалистический индивид не очень-то стремился подчиняться моральному закону, ограничивать круг мимолетных наслаждений, жертвовать частными интересами да и вообще самоотрицаться ради конечной цели, чем и определил свою истинную человеческую ценность.

И, наконец, в-третьих — состоявшийся, победивший все и вся, бесновато торжествующий либерализм, обрядившийся в эклектическую тогу

---

¹¹⁰ Цитата из «Доктрины фашизма» Бенито Муссолини.

постмодерна, уничтоживший все представления о добре, зле, традиции и вообще человеке, как «образе и подобии» хотя бы чего-нибудь, отличного от животного.

Сегодня говорить о фашизме иначе как в уничижительно-презрительном ключе — моветон и анафема, потому что изрядно запачканные белые одежды либералов уже не выдерживают дополнительных грязных шлепков от Моска, провозгласившего власть «организованного меньшинства» над «неорганизованным большинством», да и от В. Парето с его теорией элит¹¹¹. Последний был хотя бы честен, говоря о пирамидальной структуре общества и характеризуя демократию «плутодемократией» и «демагогической плутократией», будучи убежден, что универсальный закон политики неизбежно предполагает обман масс элитами. Парето вчера — это Греф сегодня. Оба они — апологеты стратификации общества на «управляющих» и «управляемых», поэтому сам собой напрашивается банальный вопрос: доколе в мозги управляемых будет вбиваться цинично-лживый термин перевернутого смысла «демократия», превратившийся в аксиоматическую мантру? Когда, наконец, управляющие уразумеют, насколько они смешны со своим ничтожным заклинанием, для которого управляемые уже нашли достойное определение — «либерализм», потому что мелькающий все чаще «либерал-фашизм» звучит оскорблением классического фашизма Муссолини, хотя применительно к теории Парето вполне правомерен.

Порожденная постмодерном атомизация индивида, отрыв его от каких-либо социальных групп есть метод решения главной задачи Просветителя — лишения человека основополагающей ценности — свободы воли, потому что атомизированный субъект — идеальный объект манипуляции, без труда поддающийся зомбированию, после чего автоматически возникает самоорганизующаяся система, добровольно-принудительная для всех, что мы и испытываем сегодня на собственной шкуре посредством тотальной цифровизации. Таким образом, Просветитель создал ту самую новую религию, о которой еще в 1992 г. писал Д. Коулман в работе «Комитет 300». Реализация криптопроекта осуществилась в точном соответствии с перволюжью, на которую мгновенно купились наши прародители. В свое время Лютер, движимый исключительно благими намерениями, сам того не предполагая, заложил основу новой религии, во многом послужившую подспорьем современной религии Просветителя.

И вновь никак не удастся абстрагироваться от навязчиво возникающего еретического вопроса: как могло совершенное творение совершенного Творца оказаться подверженным двум изначально заложенным порокам — болезненному любопытству и безграничной гордыне? Цер-

---

¹¹¹ Вильфредо Парето (1848–1923) — итальянский экономист, социолог, основоположник «теории элит».

ковное толкование о свободе воли в этом случае никак «не прокатывает». Ясно же, что две эти запланированные «конструктивные погрешности» и убедили ползучего гада в успехе задуманной им многовековой провокации.

Новая религия создавалась параллельно христианству и почти одновременно с ним, зарождаясь в недрах древнееврейских и раннехристианских сект. Она и явилась той самой пра-ересью жидовствующих, обозначенной в XVII в. Генри Мором как «гностицизм». На протяжении веков, многократно меняя названия и обличья, она трансформировалась и добралась до наших дней под именем «либерализм» и уже в «новом платье короля», покроей которого не устают превозносить проходимцы «управляющие».

Новая религия суть фундаменталистская, стремящаяся уничтожить все другие религии, что ей удается с немалым успехом. Она напрочь лишена духовности, поэтому агрессивно противостоит самой Природе, но человечество, подавляя рвотный рефлекс от непрерывного созерцания омерзительного естества «короля», продолжает лицемерно сохранять хорошую мину визави иллюзорному платью.

Устоялось мнение, что постмодерн явился следствием разочарования в идеалах Просвещения — вере в прогресс, торжестве разума, величии *эго*. Верно по сути, но что в подоплеке? Если отбросить бесчисленные заумные рассуждения культурологов, социологов, философов — исследователей и толкователей постмодерна и постмодернизма — о разочарованиях, поисках чего-то нового и более прогрессивного, унынии перед «концом истории», навеванном Фукуямой, то остается один-единственный крайне простой и весьма обидный для «последнего человека» вывод: у него, этого злосчастливого гомо сапиенса, ничего не получилось. Если Лютер не мог спрогнозировать последствий своей модернизации в дальней перспективе веков и даже чудовищных экзерсисов своего лучшего ученика и верного последователя Кальвина, то «последний человек», несмотря на бесчисленные философские изыски, так и не понял главного — *почему?* На бескрайней ниве эпохи Просвещения подвизалось сонмище величайших (по общепринятому мнению) умов «прогрессивного» человечества. Казалось, ожидаемый модерн в состоявшемся виде так возможен, так близок, почти неизбежен. И явление его представлялось не иначе, как золотым веком человечества, в перспективе всё более совершенной бесконечности. А в результате — нагромождение утраченных смыслов и руины несостоявшихся идеологий. Почему?

Начиная с 90-х гг. прошлого века концепция постмодерна обрела окончательный облик, что выразилось в молчаливом утверждении, что мир подошел к логическому концу. Это не конец света в общепринятом понимании, но «конец истории» по Фукуяме. Констатировалось по умолчанию, что наступил конец либеральной демократии, конец

общества потребления, конец какой бы то ни было модернизации в какой-либо сфере, а главное — отвергалась даже сама возможность моделирования будущего путем внесения изменений в настоящее, потому что сформировавшаяся среда самодостаточна и самодовлеющая. Таким образом, отказ от вмешательства в естественное течение процессов автоматически породил отказ от примата Разума, а вслед за ним и Различения, потому что не стало ни истины, ни лжи, ни зла, ни добра. Утрата смысла существования заключена, пожалуй, в этимологии самого термина, представляющего собой апофеоз бессмыслицы. И в самом деле, что мы видим? «Пост» — после, «модерн» — современность. Таким образом, эпоха постмодерна — это эпоха *после современности*, т.е. эпоха, которая еще не наступила, иными словами — *безвремяе* — тот же симулякр. Обратясь к различным словарям, мы обнаружим целый ряд семантических свойств понятия: тяжелое время, пора невзгод; или — период общественного или культурного застоя, период смены времен года. Много объясняют синонимы: беда, несчастье, горе, неудача, застой, затишье, межсезонье. Одним из главных достоинств русского языка (еще сохранившегося) является возможность с предельной точностью обозначать каждый предмет своим подлинным именем.

Постмодернистский мир есть мир, лишенный не только будущего, но и прошлого. Человек, сформированный таким миром, живет в состоянии интеллектуального и нравственного хаоса, где не существует ни идеалов, ни традиций. Если рассматривать такого индивида с точки зрения некой глобальной режиссуры, то без труда можно увидеть в нем объект возможностей для вложения в его девственное сознание бесконечного множества различных понятий и смыслов, потому что сознание его представляет собой абсолютно чистый лист. Недаром одним из ключевых заклинаний эпохи стала вездесущая толерантность. Хаос в сознании, интеллектуальный и нравственный вакуум, неизбежно порождаемый толерантностью, приводит к атомизации и хаосу в социальных и политических сферах, что, безусловно, является одним из эффективнейших средств манипуляции и управления. Все предыдущие эпохи были не менее далеки от идеала, но основополагающие культурные традиции всё же сохранялись, определяя границы допустимого, формируя определенные цели и смыслы существования. Профессор Бостонского колледжа П. Крайфт вынес честный приговор современности:

«Наш век стал веком геноцида, сексуального хаоса и поклонения деньгам. Или все философы лжецы, или мы обречены — разве только мы раскаемся и обернем время вспять».

Развитие философских школ, в особенности западноевропейских, не привнесло ничего духовно полезного, кроме интеллектуальной сумятицы в умах «ни в чем не твердых», и закончилось сегодня усталым постмодернистским отрицанием самой философии как таковой.

Наука в ходе развития по большому счету наградила человека лишь некоторым количеством комфортаобразующих мелочей, взамен обременив бесчисленными предметами и явлениями, скорее пугающими, нежели вселяющими хоть какую-то надежду.

И то, и другое идеально укладывается в поговорку: «Без Бога в душе, без царя в голове». Именно так видится в целом процесс развития человеческой цивилизации. Интеллектуальная гордыня эпохи Просвещения на деле оказалась не более чем капризом ребенка «без царя в голове», загоревшегося посмотреть, что внутри у игрушки. Разобрать брались многие. Разобраться, хотя бы поверхностно, удавалось единицам-вундеркиндам, чаще же безнадежно ломали. В свою очередь, произведенное вундеркиндами «без Бога в душе» по большей части представляло собой нечто чудовищное. Как в старом советском анекдоте: «Что бы ни собирали, все равно получался автомат Калашникова». Такой результат достигался чаще всего при более опасном условии — когда «царь в голове» полностью подавлял «Бога в душе». Но, опять же, повторимся: речь идет не о религии, вернее — не только и не столько о ней. «Бог в душе» — это, прежде всего, способность понять последствия своих действий и побуждений, а главное — ответственность за них.

Примеров, когда весь научный пар уходит в гудок, не счесть. Огромный ресурс сегодня затрачивается на обеспечение прихотей общества потребления в виде разработок разного рода гаджетов, потребность в которых превосходит границы здравого смысла. Но это — невинные шалости по сравнению с мегапроектами, удовлетворяющими научные амбиции узкой группы «вундеркиндов». Трудно переоценить значение космических программ, направленных на насущные и практические нужды. Но затраты на попытки освоения дальнего космоса — не что иное, как дорогостоящая забава элиты «вундеркиндов», наподобие стрельбы из пушки по воробьям, уже не говоря о такой блажи, как программа SETI (поиск братьев по разуму) с годовым бюджетом в 5 млрд долларов. Деньги на ветер — это еще полбеды, а ну, как найдут? А главное — кого? Тогда, может статься, история Хиросимы покажется сущим пустяком. Можно привести массу примеров, когда «вундеркинды», руководствуясь чисто научным любопытством, прямо или косвенно совершали преступления против человечества, оправдываясь тем, что «чистая» наука вне морали и нравственности. Из этих воззрений произросла полная секуляризация науки.

Профессор Оксфордского университета Д. Леннокс напоминает, что наука не только не противоречит христианству, но и возникла благодаря ему:

«Наука, какой мы ее знаем, вспыхнула на мировой сцене в XVI–XVII вв. Люди занялись наукой, потому что они ожидали законов в природе, и они ожидали их потому, что верили в Законодателя».

И, действительно — наука не создала ни одного закона природы, она их лишь открыла. Нельзя открыть того, чего не создано.

У истоков мировой науки стояли как представители духовенства — Коперник, Мендель; так и убежденные личной практикой верующие — Галилей, Ньютон, Кеплер.

Эпоха Просвещения дала мощный и необратимый толчок секуляризации. В 1914 г. доктор психологии Университета Кларка Д. Люба провел исследования религиозности ученых. В репрезентативной группе из тысячи человек оказалось 27,7% верующих и 52,7% атеистов, а уже в 1998 г. профессор Ларсон повторил исследование и выявил 7% верующих и 72% атеистов.

В апреле 2017 г. сотрудники Большого адронного коллайдера вышли на демонстрацию против «лженауки и веры в сверхъестественное». К акции в своих городах присоединились ученые Вашингтона, Нью-Йорка, Сиднея, Берлина, Лондона, Токио, Амстердама, Панамы, Гонконга, Мадрида, Парижа. Западные СМИ поспешили окрестить акцию «крестовым походом науки против религии». Самое смешное (или печальное) в этом действе, что научный атеистический дискурс содержит нелепый компот из религии, лженауки и гомеопатии (!) — предметов и явлений совершенно несовместимых свойств, что свидетельствует ни много ни мало о выраженном «научном» мракобесии, ни сколько не отличающемся от мракобесия религиозного. Очевидный кризис христианства в сочетании с неумемной научной гордыней привел в итоге к абсолютизации научного метода познания как единственно верного и непререкаемого. Гордыня научного фундаментализма затмила в памяти современного ученого мира имена Ньютона, Паскаля, Лейбница, Гаусса, Ломоносова, Коши, Джоуля, Пастера, Кельвина, Планка, Войно-Ясенецкого, Раушенбаха, Полкихорна и даже Дарвина и Хокинга. Эти и многие другие имена перестали являться авторитетами для современных поборников «чистого разума», создающих очередной «автомат Калашникова» со стволом длиной в 26,5 км.¹¹²

В одном из интервью Д. Леннокс сказал:

«Наука не может похоронить Бога, как утверждают некоторые атеисты, но она может похоронить атеизм. <...> Ученый может выбирать только между Богом и глупостью».

Остается только помолиться, чтобы этот новый автомат не выстрелил каким-либо неожиданным образом. Потому что, по мнению доктора технических и физико-математических наук К. Халкечева, мусульманина, «ученый без веры — слуга дьявола, а верующий без доказательных знаний — фанатик».

Говорить, что модерн умер, было бы не совсем верно. Точнее, он преобразовался в самоорганизующуюся систему, восставшую против своего

---

¹¹² 26 659 м — длина основного кольца ускорителя БАК.

создателя при его же молчаливом попустительстве. Понимание, приходящее по мере накопления промахов и неудач, влачило за собой шлейф идеологического и духовного мусора, символизирующего торжество разложения и распространяющего сладковато-тлетворный запах гниющих ценностей. Тут и обнаружилось отличие «последнего человека» от человека разумного: в удушливой атмосфере безграничной свободы самовыражения он отнюдь не задыхался, а напротив — испытывал наркотический кайф. И теперь его уже мало заботит, почему не задался такой многообещающий проект — наркотизированное сознание переместилось в другую реальность. Самое удручающее в этом не отсутствие смысла как такового, а прекращение его поиска, остановка в каком-либо *движении*. И сегодня необходимо осознать, что утраченные смыслы — это не только злонамеренные и фатальные козни Просветителя. Утраченные смыслы — наша плата за «питательный бобовый суп» по цене 30 серебряников, за которые мы продаем дарованную Богом свободу воли, будущее, а главное — собственную душу. Наркотизация поощряемой гордыней обернулась ломкой энтропийного сознания, выразившейся в эсхатологическом настроении. Отсюда — бесконечные эстетические, культурные, а главное — духовные мутации. Здесь — первое разоблачение лжи: люди не стали «как Боги». Весь процесс прогресса пошел по вектору аримановской механистичности согласно Р. Штайнеру, что и привело в итоге к трансгуманистическому бреду. Представляется, что Штайнер несколько заблуждался, трактуя Люцифера предтечей Аримана. Всё это — имена одного, многоликого.

Так или иначе, но всё это наш собственный выбор. Вторая половина сентенции профессора Крайфта не более чем фигура речи. Обернуть «время вспять» невозможно в принципе, а для раскаяния необходимо четкое осознание и точное понимание собственной греховности либо такая встряска, после которой возвращение к прежнему образу существования станет невозможным практически. Но, даже если нечто подобное произойдет, нет никакой гарантии, что человек сможет удержаться в рамках цивилизационной и демографически обоснованной целесообразности. Не претендуя на роль фундаментального прозелита, стоит повторить: окончательное выпадение из сферы ментального православного мировосприятия явится для русского человека выпадением из сферы человечности. И еще раз повторим: речь не о религии. Речь о единственном на сегодняшний день Законе, соответствующем определению «человек разумный». Все остальные наличествующие государственные законы по своему духу в той или иной мере аморальны и созданы исключительно для эффективности манипуляций толпой и в интересах определенных групп и группировок. Причем юридически «узаконенное беззаконие» постепенно перестает рядиться в тогу благопристойности. Тестовая программа под кодовым названием «коронавирус» в целом

оправдывает ожидания инициаторов. Внезаконный шантаж куаркодами воспринимается подавляющим большинством толпы с животной покорностью, как досадная неизбежность. Ничтожный процент сопротивленцев подвергается обструкции и третированию на всех уровнях. Из политических сфер уже доносятся требования об уголовном преследовании инакомыслящих. Если беззаконие, по Мацейне, — глобальный духовный коллапс, то беззаконие властное — стопроцентная диктатура. Использование свободы в качестве оружия массового принуждения не могло быть плодом интеллектуальной деятельности человека. Такую «виньетку ложной сути» под силу изобразить лишь Просветителю. Нас всех плавно и непринужденно ввели в эпоху глобального беззакония — от тотального контроля до шантажа вакцинацией. Беззаконие духовное — база для беззакония юридического, поэтому бездуховные законы социума характеризуют духовный уровень законодателей, а следовательно — и социума в целом.

Но как быть тем немногочисленным отщепенцам, которым совесть не позволяет исполнять «похоти» беззакония власти? Иосиф Волоцкий писал: «Та не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству». Но бороться с системой невозможно ни в индивидуальном порядке, ни в массовом. Индивидуальное сопротивление порождает жертв, а массовое приводит к революциям. Ни то, ни другое не продуктивно. Преодолеть систему, находясь внутри нее, являясь ее частью, невозможно. Победить систему способна лишь другая система.

В начале XX в. Мохандас (Махатма) Ганди выработал нестандартную тактику борьбы за независимость Индии от английского колониального господства, получившую название сатьяграха, что в переводе с санскрита означает «упорство в истине». Основная идея тактики — отказ от насилия — предполагала твердую готовность переносить любые лишения вследствие несотрудничества с властями и гражданское неповиновение. Последнее подразумевает сознательное неисполнение законов, противоречащих морали при исключительно лояльном отношении к профессиональным стражам правопорядка. Несотрудничество предполагало избирательность: недостойные действия властей игнорировались, а несущие позитивный для общества характер — всячески поддерживались. Идеалистическая подоплека сатьяграхи опиралась, таким образом, на апелляцию к совести и благоразумию чиновников от власти, в надежде превратить противников в союзников. Плоды, приносимые этой тактикой, — тема отдельного изучения, хотя день независимости своей страны Ганди увидел еще при жизни.

Что бы ни трубила либеральная и ура-патриотическая пропаганда, Россия сегодня соответствует статусу колониального государства по множеству признаков, и подавляющую часть толпы такое положение не то чтобы удовлетворяет, но попросту в ни малой степени не волну-

ет. Поэтому питать какие-либо надежды на любые изменения системы снизу беспочвенно, тем более что Ганди определял подлинного приверженца сатьяграхи как человека, максимально приближенного к идеалу, а в поисках такого индивида ныне даже диогенов фонарь бессилён. Вопрос о совести и благоразумии чиновников от власти вообще не может подлежать обсуждению, и, прежде всего, потому, что, как мы уже выяснили, власть — это не президент, не кабинет министров, не законодательные собрания всех уровней. Власть — это мамона и его сатрапы, безраздельно управляющие сегодня миром. Одиночки, отбившиеся от стада, никак не могут повлиять на отупевшую цивилизацию, тем более что стадо и не хочет, чтобы на него оказывали влияние, чреватое рисками утраты его комфортного прозябания. Яркий пример тому — великий китайский народ, с поголовным воодушевлением воспринявший передовую систему социальных рейтингов. Учитывая численность, дисциплинированность, трудопокорность, можно предположить, что именно там зарождается новая глобальная цивилизация, которую гипотетически описал В. Соловьев, а затем аналитически спрогнозировал Б. Муссолини:

«...Фашизм отвергает понятие экономического „счастья“... отрицает возможность материалистического понимания „счастья“... отрицает равенство — „благосостояние-счастье“, что превратило бы людей в скотов, думающих об одном — быть довольными и насыщенными, т.е. ограниченными простой и чисто растительной жизнью. <...> Неравенство неизбежно, благотворно и благодетельно для людей, которые не могут быть уравнированы механическим и внешним фактом, каковым является всеобщее голосование. <...> Нужно весьма опасаться, что последним словом так называемой... демократии станет такое социальное общество, в котором выродившаяся масса будет заниматься одним: предаваться гнусным наслаждениям грубого человека».

В 2010 г. заштатный районный суд столичного мегаполиса Уфы признал работу Б. Муссолини экстремистской с занесением в федеральный список экстремистских материалов. Так и хочется посоветовать тому, кто найдет там хоть слово, хоть намек на экстремизм, первым бросить в автора камень. Отсюда напрашиваются два возможных вывода — либо уважаемые судьи не удосужились ознакомиться с содержанием работы хотя бы поверхностно, а действовали по накатанному советскому принципу передовиков производства с их гениальным девизом на различных пленумах: «Сами не читали, но осуждаем!», либо содержание работы, вступающей в непримиримое идеологическое противоречие с господствующей либеральной доктриной, настолько их напугало, что они поспешили взять под козырек, сопроводив верноподданническим движением языка. По этой логике занесения в список заслуживает и «Левиафан» Гоббса, и труды И. А. Ильина, не говоря уже о Ветхом Завете.

Вообще, абсурдность действующего законодательства в части «противодействия экстремизму» подтверждает аморальность и ангажированный характер отечественной юриспруденции. Недаром одиозная 282 статья УК РФ получила неофициальное наименование «русской статьи», поэтому можно не сомневаться, что внесенный в Думу законопроект о запрете упоминания в СМИ национальности и вероисповедания преступников пройдет без сучка и задоринки.

Великий китайский народ под руководством Компартии в 1989 г. избежал демократии, да и стоит признать — не особенно к ней стремился. Протестное движение тогда составили несколько сотен продвинутых студентов, охмуренных горбачёвскими перлами да несколько тысяч рабочих и госслужащих, успевших на своей шкуре испытать первичные прелести экономических реформ, начатых Дэн Сяопином еще в 1979 г. Об этом свидетельствует и главный лозунг движения — «Долой продажных чинуш!» Таким образом, одна часть великого китайского народа желала «конституции», а другая «севрюжины с хреном», каковую и получила спустя два десятка лет, хотя и в крайне ограниченном количестве и далеко не для всех страждущих. Пример Китая наглядно демонстрирует, что избежать демократии — отнюдь не панацея. Публичные расстрелы «продажных чинуш» на площадях ни в малейшей степени не снижают уровень коррупции, а бывшие участники студенческих голодовок сегодня воспевают мудрую политику партийных руководителей. Преобладающую часть китайского общества интересует лишь потребление да социальный рейтинг, как пропуск в «дивный новый мир». Вот и получается, что мамону на кривой козе не объедешь. Ему — что демократия, что автократия — всё едино, потому как природа человеческая в отсутствии высших смыслов бытует автономно от любых политических систем. Беззаботная красивая жизнь освобождает ум и совесть от религии, и вчерашний христианин (буддист, даосист, конфуцианец, исламист) или оскотинивается, или становится неофилософом, для которого Бог — досадная помеха, особенно в условиях «демократии».

Властная пропагандистская машина вот уже недобрые три десятка лет вдалбливает нам, что участие в выборах — святой гражданский долг. В конце 80-х это было справедливо. Тогда, в условиях фактического междувластия и еще не сформировавшегося аферистского манипулятивного опыта лоббистов, избирался Верховный Совет СССР в первый и последний раз на подлинно демократической основе. На этом всё и закончилось. В последние годы явка на выборы в Госдуму не дотягивает и до 50%. Это тот процент маргиналов, которые продолжают наивно верить в действительность существующей институции. Они — или современные «пикейные жилеты», вдохновенно рассуждающие на тему, кто из кандидатов «голова» и кому не стоит класть «палец в рот», или нетвердые юные умы, зомбированные «навальным» бредом. Другая половина электората состоит из

устало мыслящих и бездумно-циничных индивидов, уже давно понявших, что этот театр абсурда насколько бессмысленен и пошл, настолько и не интересен. Поэтому считать действующую Думу легитимной можно лишь с точки зрения нашей ангажированной юриспруденции. Российский общественный институт избирательного права (РОИИП) утверждает, что легитимность выборов не связана с явкой. Закону не противоречит даже 10% участие. Аналогичная норма действует в большинстве стран Европы и в США. В этих условиях остается неясным вопрос: чья же это власть, в конце концов?! Это ли не фарс?

Популярный ныне некто Моргенштерн заявляет, что через 10 лет станет президентом России. У него в соцсетях более 11 млн подписчиков из числа молодежи, которая к тому времени достигнет возраста избирателя. К тому времени «пикейные жилеты» утратят дееспособность, а «навальный» электорат перейдет или в категорию устало-мыслящих, или бездумно-циничных. В любом случае страна получит ту власть, какую заслуживает. Когда наступит время Моргенштерна и Дани Милохина, точка невозврата будет пройдена, и это время не за горами.

Молох господствующей системы постоянно требует подпитки. Единственное средство борьбы с ним — перестать его кормить добровольно. Конечно же, свое он все равно вырвет и заглотит, но лишь через насилие. Ложное чувство гражданской ответственности, внедренное либеральной пропагандой, не дает ответа на вопрос: кому, за что и почему избиратель «должен», и, если его об этом спросить, он вряд ли сможет дать вразумительный ответ.

Концептуальный анализ показывает, что во все эпохи, рассмотренные в этой книге, власть была именно такова, как того требовал исторический момент и духовное состояние общества. Перманентно являясь объектом вселенского мегаэксперимента, Россия тем не менее всегда оставалась хранима, хотя и не всегда вразумляема, за что и платила цену, иногда непомерную.

А ответ инакомыслящим отщепенцам еще в 1974 г. дал записной профессиональный диссидент А. Солженицын. В длинном ряду его зачастую сомнительных опусов есть один — насколько короткий, настолько и гениальный в простоте труд, опубликованный впервые в лондонской «Дейли Экспресс». «Жить не по лжи» по праву можно считать программным документом, практической заповедью для всех, кому еще дорого собственное человеческое достоинство. В судьбе этой работы заложена удивительная ирония истории. Родившаяся как крик души человека, бессильного перед системой, но не отчаявшегося в своих, хоть и ложных, но искренних убеждениях, она нашла лицемерно-горячий отклик в самом центре мирового логова Просветителя.

Многие авторы, сами того не желая и не предполагая на сознательном уровне, создают в своих произведениях вторые, а иногда и третьи

концептуальные смысловые ряды. Какую политическую систему имели в виду Оруэлл, Замятин, Хаксли мы можем только предполагать, но их футурологические модели не могут не поражать сегодня прогностической точностью. Так и сейчас, читая строки Солженицына, поражаешься их вневременной актуальностью:

«Когда-то мы не смели и шепотом шелестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат, а уж друг другу-то, сойдясь в курилках НИИ, от души нажалуемся: чего только они не накуролесят, куда только не тянут нас! И ненужное космическое хвастовство при разорении и бедности дома; <...> ...и укрепление дальних диких режимов; и разжигание гражданских войн; и судят, кого хотят, и здоровых загоняют в умалишенные — все „они“, а мы — бессильны.

А чем же мы помешаем? У нас нет сил. Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может, в щелочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки.

А мы можем — всё! — но сами себе лжем, чтобы себя успокоить. Никакие не „они“ во всем виноваты — мы сами, только мы!

Возрают: но ведь действительно ничего не придумаешь! Нам заклипили рты, нас не слушают, не спрашивают. Как же заставить их послушать нас?

Переубедить их — невозможно».

Удивительная метаморфоза — принуждение через свободу! Те рты, что «заклипили» в недалекие советские годы, стали рупорами эпохи утраченных смыслов. Извергаемая ими новая философия похоронила в нас остатки истинной человеческой природы, каковая если и пробивается из других немногочисленных ртов, то вызывает либо дружную насмешку стада, либо преследование по новым незаконным законам. Никогда, ни при каких политических системах ложь не разрасталась до таких масштабов, как при «либеральной демократии», в самом определении которой и заложен ее фундамент, потому как в существующей лжедемократии нет ни капли либерализма.

«И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!

И это — прорез во мнимом кольце нашего бездействия! — самый легкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отша-

тываются ото лжи — она просто перестает существовать. Как зараза, она может существовать только на людях».

Но есть коренное отличие той верноподданнической лжи ото лжи нынешней. Тогда мы лгали лишь системе, сжимая в кармане фигу. Сегодня мы лжем самим себе. Тогда мы лгали только на собраниях и демонстрациях, по вечерам раскрепощаясь на кухнях. Сегодня мы лжем ежедневно и ежечасно. Ложь стала органичной составной частью нашего бытия. Мы лжем себе, пользуясь кредитными услугами банков. Потом мы лжем банкам, не будучи в состоянии эти кредиты вернуть. Обманываем себя бесчисленными, бессмысленными, отупляющими гаджетами, якобы облегчающими жизнь, а на самом деле поработавшими и дебилизирующими, делающими нас беспомощными в их отсутствие. Мы лжем себе, выполняя паразитическую работу в офисах, производя мошеннический виртуальный продукт. Лжем, что существуем в условиях свободы, повсеместно давая согласие на «обработку персональных данных», принимая как должное видеокамеры, дроны, телефонную прослушку, тотальный контроль соцсетей, одновременно поработав себя кредитными картами, смартфонами, ипотеками, пустыми рекламными фантиками, лукавой иллюзией непрерывного «облегчения» жизни и фальшивого удобства. Мы лжем даже в церкви, вслух исповедуя христианские установления, а по выходе возвращаясь в ложь повседневности самооправданий.

«Наш путь: ни в чем не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи (для каждого она еще по-разному видна), — отступить от этой гангренозной границы! Не подклеивать мертвых косточек и чешуек Идеологии, не сшивать гнилого тряпья — и мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадет, и чему надлежит быть голым — то явится миру голым.

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остается ли он сознательным слугою лжи (о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи!), или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих и современников.

Вот это и есть наш путь, самый легкий и доступный при нашей просоленной органической трусости, гораздо легче (страшно выговорить) гражданского неповиновения по Ганди».

До гражданского неповиновения нужно дорасти морально и нравственно. «Болотные» тусовки — те же гримасы другого оттенка. Для «болотных» сегодня даже Украина всего лишь лыко в строку, и чья ложь круче — дело индивидуального вкуса.

Самая продуктивная дезинформация — построенная на основе достоверных фактов. Самая эффективная ложь — замешанная на крупицах истины. Такой явилась перволожь змея-просветителя. Нашим прародителям не было нужды *верить в Бога*, они имели возможность с ним

постоянно общаться. Но они *Ему не поверили*. Искушение возможностью познания оказалось сильнее, и не может быть, чтобы Творец в процессе творения упустил такую основополагающую человеческую страсть. Лукавый сарказм змея «будете как боги» на деле оказался той самой продуктивной дезинформацией, замешанной на запрограммированной человеческой страсти. Обещание можно было бы охарактеризовать ложью, если бы не ключевое слово «как».

А может быть, он не только сказал, но и показал, какие плоды просвещения пожнут потомки его первых зрителей? В этом случае они увидели диковинных людей, перемещающихся по суше, воде и воздуху на диковинных машинах, свободно общающихся, находясь в разных точках планеты, «развлекающихся до смерти» во всем многообразии возможного и невозможно-виртуального, приобретающих богатство и власть посредством смертоносных громовержных устройств. И всё это на фоне уютного, но однообразно скучного рая. Потомки в их глазах предстали «как боги», и, чтобы понять всю полноту значения этого «как», необходимо было пройти путь длиною в цивилизацию.

Глобальное значение змеиной лжи в том, что, обладая свободой воли, люди добровольно стали рабами, а рабы могут быть только «как», но не могут быть подобны. В этом то и был гениальный первозамысел Просветителя — порабощение через свободу. Нежась в теплых струях благ просвещения, человек, подобно лягушке, не ощущает постепенного повышения температуры до стадии сварения и не утруждается осознанием, что бесконечное облегчение жизни ведет к ее исчезновению. Ложное понимание свободы порождает сознательную поддержку лжи в самом себе и опасение, что «чему надлежит быть голым — то явится миру голым». Адам и Ева осознали, что наги не только в прямом, но и в более глубинном духовном смысле, и Бог сделал для них «одежды кожаные и одел их». Может быть, и мы, осознав свою подлинную духовную наготу, облачимся, наконец, в одежды, созданные Господом, и тогда прекратится наш бесконечный ропот на несовершенство мира и плохую власть. Иной путь есть путь «последнего человека», и не по Фукуяме, а по Ницше:

«Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя. „Что такое любовь? Что такое творчество? Устремление? Что такое звезда?“ — так вопрошает последний человек и моргает при этом. Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким. Его порода неистребима, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. „Счастье найдено нами“, — говорят последние люди и при этом моргают. От времени до времени немного яду: это вызывает приятные сны. Они еще трудятся, ибо труд — развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их. Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно.

И кто захотел бы еще управлять? И кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно. Нет пастыря, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, то добровольно идет в сумасшедший дом. У них есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи: но здоровье — выше всего».

Далекий 1885 г. — год издания «Так говорил Заратустра», а как созвучно мечтаниям доктора Хасса и разномастных «бледных фюреров» современности. Вспомнив, наконец, о свободе воли, каждый сегодня волен решать, в каком мире он хочет видеть своих детей — в «дивном новом мире» Олдоса Хаксли или в мире вновь обретенных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

- АИРИ РАН. Ф. 2, Р. VI, Оп. 13. Д. 31. Л. 6; Ф. 2, Оп. 10, Д. 516. Л. 3, 13.
Аквинский Ф. Сочинения. М.: Либроком, 2013.
- Аксютин Ю.В.* Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
- Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С. 122.
- Андреев А.Л.* Русский человек [Электронный ресурс] // URL: <http://ricolor.org/gus/op/bg/andreev/> (дата обращения: 12.11.2022).
- Андреев А.Р.* Неизвестное Бородино. М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997.
- Антонов М.* Капитализму в России не бывать! М.: Яуза, Эксмо, 2005.
- Аристотель.* Никомахова этика. М.: АСТ, 2020.
- Аристотель.* Политика. М.: Рипол Классик, 2017.
- Арцыбашев Н.С.* Замечания на Историю государства Российского Карамзина // Московский вестник. Ч. XI. № 19, 20.
- Арцыбашев Н.С.* О первобытной России и ее жителях. СПб., 1809.
- Арцыбашев Н.С.* О свойствах царя Ивана Васильевича // Вестник Европы. 1811. № 18.
- Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. М., 1838.
- Бакунин М.А.* Интернационал, Маркс и евреи. М.: Вече-Аз, 2008.
- Башилов Б.П.* Робеспьер на троне. М.: Русло, 1992.
- Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Философия свободы. М.: Академический проект, 2015.
- Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990.
- Бестужев-Лада И.В.* Крымская война 1853–1856 гг. М.: Издательство АН СССР, 1956.
- Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183.
- Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.
- Бурицев В.Л.* Преступление и наказание большевиков. Париж, 1938.
- Бэкон Ф.* Новый органон. М.: Рипол-Классик, 2018.
- Валишевский К.Ф.* Иван Грозный. М.: ИКПА, 1989.
- Валишевский К.Ф.* Петр Великий. М.: Захаров, 2004.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.
- Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М. — Л.: Изд. АН СССР, 3-е дополненное, 1944.

- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018.
- Внутренний Преди́ктор СССР. Форд и Сталин: о том, как жить по-человечески: альтернативные принципы глобализации. М.: Концептуал, 2014.
- Временник Ивана Тимофеева. М.: Наука, 2004.
- Гаджиев К. С.* Политическая наука. М.: Международные отношения, 1995.
- ГАРФ. Ф.Р. —9479, Оп. 1, Д. 179. Л. 241–242; Ф.Р. —9401, Оп. 2, Д. 100. Л. 390; Ф.Р. —393, Оп. 89, Д. 386. Л. 66; Ф.Р. —4042, Оп. 1а, Д. 28. Л. 80; Ф.Р. —9478 с, Оп. 1с, Д. 284. Л. 16, 20–21, 23; Ф.Р. —9526, Оп. 4а, Д. 7. Л. 125–126.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1866.
- Голованов А. Е.* Дальняя бомбардировочная. М.: Дельта НБ, 2004.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М.: Наука, 2013.
- Деникин А. И.* Брест-Литовск. Париж, 1933.
- Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 2. М.: Айрис-пресс, 2006.
- Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2004.
- Дудник С. И.* Карл Маркс и проблема гуманизма // Вестник СПбГУ. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 462–473.
- Емельянов Ю. В.* Разгадка 1937 года. М.: Вече, 2013.
- Жи́ромская В. Б.* Проблема красного и белого террора 1917–1920 гг. в отечественной историографии // Труды Института российской истории. Вып. № 5. 2005.
- Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–37 гг. М.: Вагриус, 2003.
- Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР 1930–1960 гг. М.: Наука, 2003.
- Зимина В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы гражданской войны 1917–1920 гг. М.: РГГУ, 2006.
- Знаменский П. В.* История Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000.
- Зызыкин М. В.* Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924.
- Иваницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. М.: Интерпракс, 1994.
- Иконников В. А.* Фантомы российской культуры: век 20-й. М.: СВТ-Стандарт, 2001.
- Ильин И. А.* Наши задачи. М.: Рарог, 1992.
- Ильин И. А.* О сопротивлении злу силой. М.: ДАРЪ, 2017.
- Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М., 1927.
- Казарезов В. В.* Самые знаменитые реформаторы России. М.: Вече, 2002.
- Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. М.: Политическая литература, 1990.

- Каит Э.* Критика практического разума. М.: Эксмо, 2015.
- Карамзин Н.М.* История государства российского. Т 9. М.: Эксмо, 2009.
- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001.
- Карр Э.* История Советской России. М.: Прогресс, 1990.
- Катасонов В.Ю.* Религия денег. М.: Кислород, 2019.
- Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Русский путь, 1997.
- Катков Г.М.* Февральская революция. Париж, 1984.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
- Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. М.: Синодальная типография, 1902.
- Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991.
- Кожев А.* Очерк феноменологии права. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2006.
- Кожин В.В.* Правда сталинских репрессий. М.: Алгоритм, 2000.
- Козлов В.А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М.: Олма-Пресс, 2006.
- Козлов В.П.* История государства Российского Н.М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989.
- Козлов В.П.* Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. М.: Аспект-Пресс, 1994.
- Кондаков Ю.Е.* «Бумажный» поход генерала Н.И. Иванова на Петроград [Электронный ресурс] // URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=103274> (дата обращения: 12.11.2022).
- Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
- Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Книга, 1990.
- Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. М.: РУДН, 1999.
- Кривошеев Г.Ф.* Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001.
- Крым многонациональный: Вопросы и ответы / Сост. Н.Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988.
- Кувакин В.А.* Критика экзистенциализма Бердяева. М.: Издательство МГУ, 1976.
- Кувакин В.А.* Религиозная философия в России: Начало XX века. М.: Мысль, 1975.
- Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
- Куприянова Л.В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. // История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 1999. С. 343–357.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. М.: Социум, 2016.
- Лега В.П.* История западной философии. М.: Издательство ПСТГУ, 2016.

- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. Т. 36, 38. 1974.
- Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. М.: Эксмо, 2004.
- Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994.
- Мавродин В. В.* Петр I. М.: Молодая гвардия, 1948.
- Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета, 1990.
- Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 4. 1955.
- Материалы XXI съезда КПСС. М., 1961.
- Мацейна А.* Тайна беззакония. СПб.: Алетейя, 1998.
- Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2007.
- Мережковский Д. С.* Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990.
- Митрополит Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа. СПб.: Царское дело, 1994.
- Митрополит Филарет (Дроздов).* Христианское учение о царской власти и об обязанности верноподданных. М.: Типография И. Ефимова, 1888.
- Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус, 2002.
- Народное хозяйство в СССР: Статистический сборник. М.: Статистика, 1983.
- Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.
- Национальная политика России. История и современность / Под ред. В. А. Михайлова. М.: Русский мир, 1997.
- Нечволодов А. Д.* От разорения к достатку. М.: Концептуал, 2018.
- Нечкина М. В.* Декабристы. М.: Наука, 1984.
- Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству. Лейпциг, 1895.
- Ницше Ф.* Воля к власти. М.: Эксмо, 2018.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2015.
- Новгородская IV и Софийская I летописи. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
- Новгородская вторая летопись // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией: Т. 3: IV. Новгородские летописи. Изд. 1-е. СПб., 1841.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 3. Кн. 1. Крушение блицкрига. М.: Русь, 2003.
- Орлова Л. П.* О Сталине с любовью. «Светлый путь». М.: Язуза-пресс, 2017.
- Пайнс Р.* Ленинизм. Коммунизм. М.: МШПИ, 2002.
- Пайнс Р.* Русская революция. М.: Захаров, 2005.
- Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М.: Наука, 1965. (Репринт изд. 1904 г.)

- Петрарка Ф.* Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру. М.: Правда, 1989.
- Петров А.В.* От язычества к святой Руси. Новгородские усьобицы. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003.
- Платонов С.Ф.* Борис Годунов. Лекции по русской истории. СПб.: Столичная Скоропечатная, 1899.
- Платонов С.Ф.* Император Александр III. Учебник русской истории. Буэнос-Айрес: Poliglota, 1945.
- Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVIII вв. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1899.
- Президиум ЦК КПСС 1954–1964 гг. Черновые протоколы записей заседаний. Стенограммы. Постановления. М., 2003. Т. 1.
- Прошина Н.М.* Иван Грозный. «Мучитель» или мученик? М.: Эксмо, 2005.
- Прудникова Е.А.* Последний рыцарь Сталина. М.: ОЛМА медиа-групп, 2005.
- Прудникова Е.А.* Творцы террора. М.: Вече, 2021.
- РГАСПИ. Ф. 19, Оп. 1, Д. 192, Л. 10.
- РГВА. Ф. 28108, Оп. 1, Д. 65, 177; Ф. 320, Оп. 1, Д. 18; Ф. 25896, Оп. 9, Д. 350, 366, 284, 374.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1967.
- Рябков А.* Приходское духовенство на рубеже XIX–XX вв. и его окружение // Невская лавра. Источник надежды. 2016. № 2.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М.: АСТ, 2015.
- Сартр Ж.-П.* Марксизм и экзистенциализм. М.: Академический проект, 2008.
- Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Ж.-П. Сартр. Сумерки богов. М.: Политическая литература, 1990.
- Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. Как Орден организует войны и революции. М.: Русская идея, 1998.
- Синельников С.П.* Отмена православного образования в Советском государстве в 1917–1929 гг. // Вестник церковной истории. 2013. № 1–2. С. 320–324.
- Системная история международных отношений в 4-х томах. Т. I: События 1918–1945 гг. М.: Московский рабочий, 2000.
- Скрынников Р.Г.* Великий государь. М.: Наука, 1983.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980.
- Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981.
- Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова — 1598 г. // Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985.
- Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. М.: Современник, 1991.
- Соловьев С.М.* История России. М.: АСТ, Фолио, 2001.

- Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: Алгоритм, 2011.
- Сталин В.И.* От отца не отрекаюсь! М.: Яуза-пресс, 2017.
- Сталинские депортации 1928–1953 гг. / Под. общ. ред. А. Н. Яковлева; Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005.
- Статистический ежегодник. Народное хозяйство в СССР в 1958 г. М., 1959.
- Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2001.
- Толстой Ф.П.* Записки графа Ф. П. Толстого, товарища президента Императорской Академии художеств // Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 24–51.
- Торо Г.Д.* Жизнь без принципа. СПб.: Вахта мира, 1992.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999.
- Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М.: Книговек, 2015.
- Фабинский М.В.* Православные верующие в России перед Октябрьской революцией // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 335–339.
- Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. Под ред. М. А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000.
- Ферр Г.* Антисталинская подлость. М.: Алгоритм, 2007.
- Флетчер Д.* О государстве русском. Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991.
- Фортуатов В.В.* Россия в 2017 году. Чем закончатся эксперименты со страной? СПб.: Питер, 2011.
- Франк С.Л.* Крушение кумиров. Берлин: УМСА press, 1924.
- Франк С.Л.* Смысл жизни человека. Берлин, 1936.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фромм Э.* Здоровое общество. М.: АСТ, 2006.
- Фромм Э.* Из плена иллюзий. М.: АСТ, 1998.
- Фромм Э.* Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Фромм Э.* Марксова концепция человека. М.: Республика, 1992.
- Фромм Э.* Психоанализ и религия. М.: Политиздат, 1990.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005.
- Фукуяма Ф.* Сильное государство. М.: АСТ, 2006.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Академический проект, 2015.
- Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
- Хашин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* Дialeктика просвещения. М. — СПб.: Медиум, Ювента. 1997.
- Цветков В.Ж.* Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26.
- Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
- Шендрик А.И.* Теория культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2002.

Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Азбука-Аттикус, 2011.

Шопенгауэр А. О свободе воли. М.: Книговек, 2015.

Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2007.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л.: Российская Государственная Академическая Типография, 1925.

Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX в. М.: Русская панорама, 2004.

Якушкин П.У. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.

Содержание

Введение.....	5
1. Благие намерения.....	12
2. Символ и цель.....	41
3. Воцарение «антихриста».....	77
4. Инверсия власти.....	117
5. Атлант «золотого века».....	161
6. Преступление и наказание.....	189
7. Поиски и обретения.....	218
8. Теория экзорцизма.....	254
9. Теория заговора и практика сговора.....	273
10. Сотворение «Левиафана».....	310
11. Палица для безумных.....	346
12. Что есть истина.....	387
13. Прелюдия.....	429
14. Вторжение троянского табуна.....	460
15. Сон разума.....	497
16. Мутации гуманизма.....	535
17. Зеркало для антигероя.....	569
18. Последние времена?.....	602
Заключение.....	629
Литература.....	644

